ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

PECHAT' I REVOLIUTSIIA

ZHURNAL LITERATURY ISKUSSTVA KRITIKI I BIBLIOGRAFII

Vol. 6

Nos. 1-3

1924

MOCKBA
KRAUS REPRINT
A Division of
KRAUS-THOMSON ORGANIZATION LIMITED
Nendeln, Liechtenstein
1970

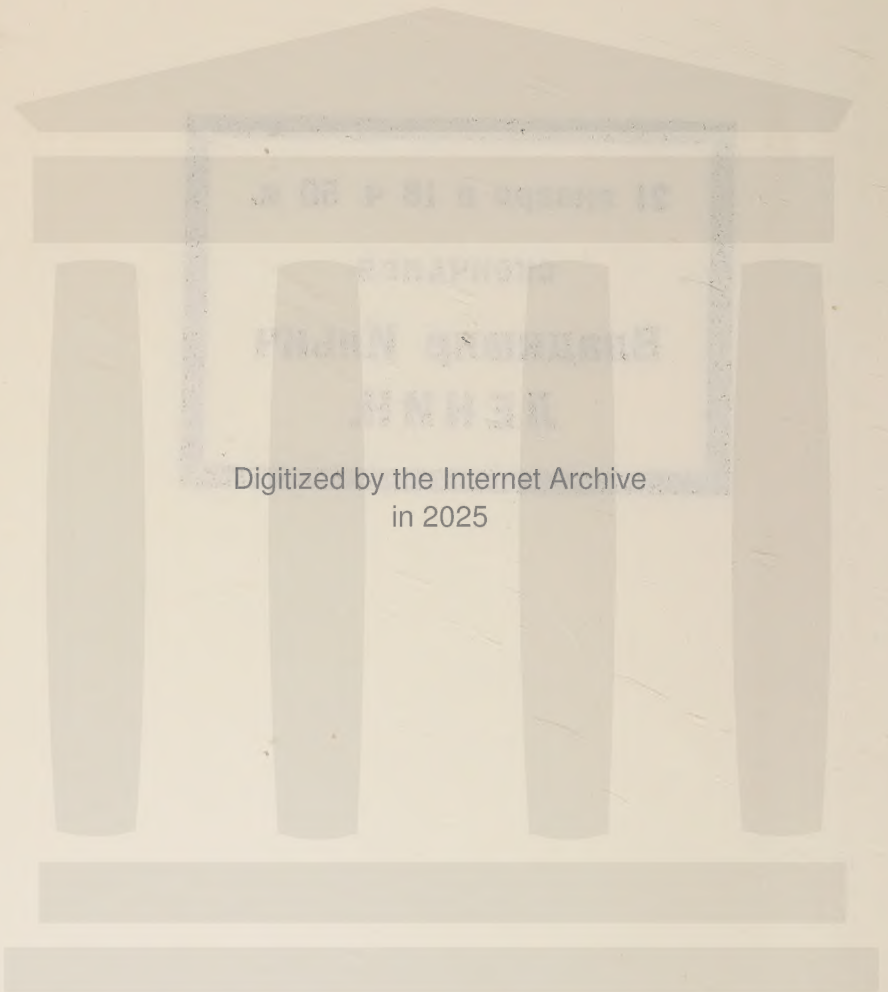
Printed in Switzerland

21 января в 18 ч. 50 м.

СКОНЧАЛСЯ

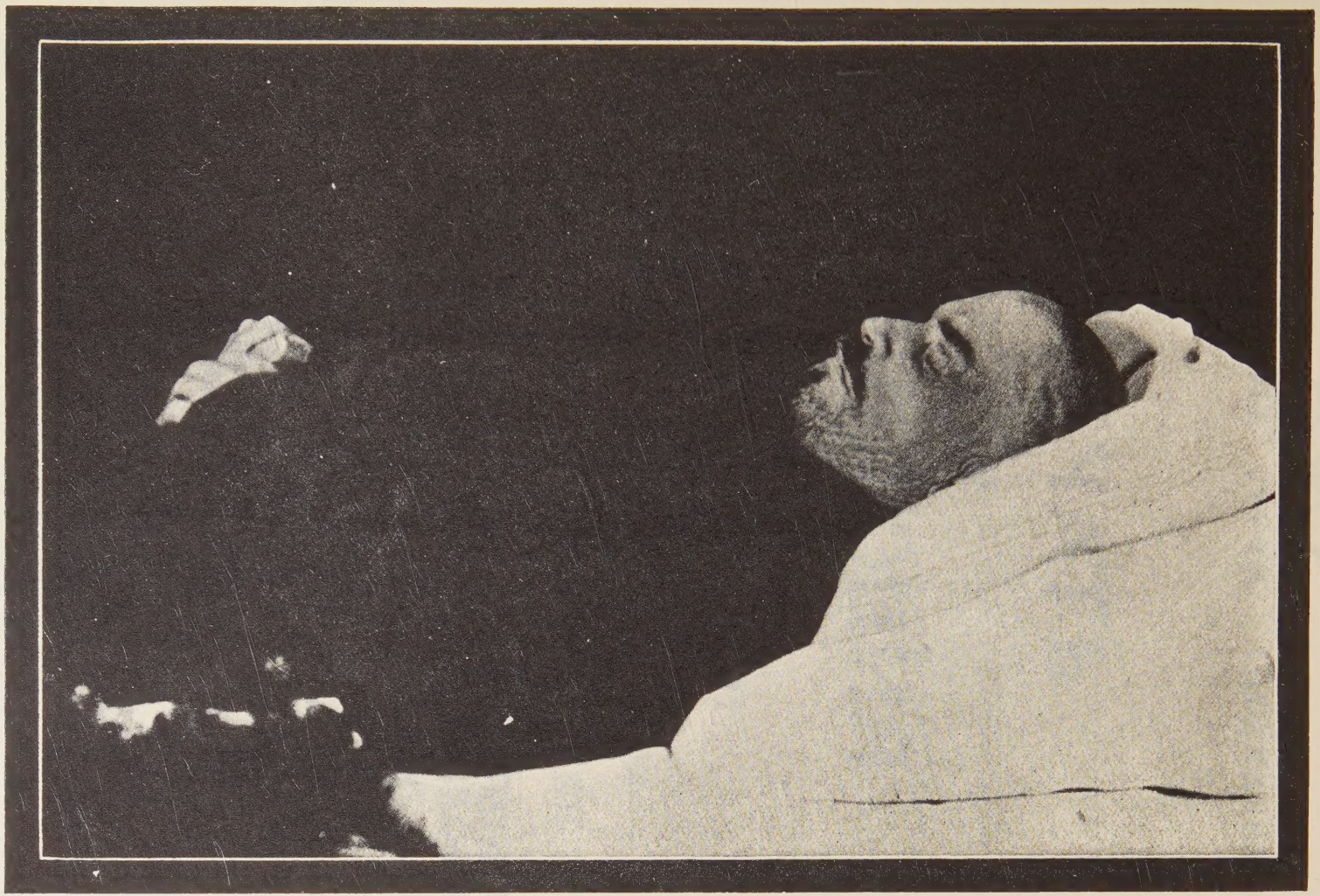
Владимир Ильич

ЛЕНИН.



Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/pechat-i-revolyutsiya_january-february-1924_7_1



Ленин на смертном одре.

Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ
КНИГА-ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1924

Редакция
номера закончена
1-го февраля.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. А. В. Луначарский. ЛЕНИН 1

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

2. Б. Горев. Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ 21
3. Н. Мещеряков. О ПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. 28
4. М. Рейснер. ФРЕЙД И ЕГО ШКОЛА О РЕЛИГИИ 42
5. П. Преображенский. РУССКИЙ ПАПА. (О переписке Победоносцева.). 61
6. Г. Гордон. ДНЕВНИК СУВОРИНА 68
7. А. Шляпников. О КНИГАХ Н. СУХАНОВА. («Записки о революции»). 75
8. Л. Розенталь. ДОБУЖИНСКИЙ ИЛЛЮСТРАТОР. 79

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

9. В. Волькенштейн. ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ. 105
10. Валерий Брюсов. О РИФМЕ 114
11. Вяч. Полонский. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА («В тупике») 123
12. С. Членов. ЛОЗАННСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ. 136
13. М. Павлович. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МОГУЩЕСТВО С. ШТАТОВ. . . 143
14. И. Ильинский. НОВАЯ ФАЗА В РАЗВИТИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ 150
15. М. Куфаев. ЗАДАЧА БОЛЬШОЙ ВАЖНОСТИ 164

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. Социализм и коммунизм. Б. Горева, В. Адоратского, В. Невского. 169
II. Империализм и международная политика. М. Зеликмана, В. Виленского (Сибирякова), Ц. Фридлянда, С. Членова, М. Брагинского . . 173
III. Литература о Германии. М. Брагинского. 178
IV. Экономические науки и народное хозяйство. М. Зеликмана, И. Звавича, Ю. Спасского, Ю. Вильдо, А. Бессера, К. Зличенко 180
V. Рабочее и профессиональное движение. В. Яроцкого, А. Чекина, В. Владимировой 188
VI. Организация труда. И. Гельмана, Ю. Милонова, С. Каплуна . . . 195
VII. Вопросы культуры. П. Керженцева 199
VIII. История:
1. История революционного движения на Западе. Н. Лукина-Антонова, М. Клевенского, М. Брагинского, С. Кривцова. 201
2. Русская история. А. Неусыхина, М. Клевенского, А. Сергеева, Л. Гроссмана 209
3. История революционного движения в России. Б. Павлова, Ю. Спасского, В. Невского, С. Пионтковского, Г. Лелевича 217

IX. Философия и психология. Л. Лернера, А. Дивильковского 224
X. Науки об обществе и государстве. П. Стучки, И. Ильинского, Г. Бройдо 229
XI. Военное дело. Г. Гордона, Е. Смысловского. 234
XII. Народное просвещение. Н. Чехова, Б. Плюснина, Е. Медынского, И. Аксенова 245
XIII. Науки о природе. Э. Шпольского, М. Гремяцкого, Ю. Филипченко.
XIV. Медицина и народное здравие. А. Терешкович, В. Невзорова, Л. Прозорова 251
XV. Теория и история литературы. В. Брюсова, Н. Бродского, Н. Фатова, П. Преображенского, М. Клевенского, И. Гливенко, Р. Шор, С. Бугославского 256
XVI. Художественная литература. Н. Асеева, В. Полянского, И. Кубикова, С. Боброва, В. Волькенштейна, П. Когана, М. Эйхенгольца, И. Аксенова, Ю. Соболева, А. Елизаровой, А. Сидорова 272
XVII. Искусство. Н. Щербакова, А. Греча, А. Сидорова, Г. Жидкова, М. Горбункова, Л. Розенталя, А. Стрелкова, А. Федорова, Б. Жеребцова, Н. Лебедева 291
XVIII. Литературная хроника. На Западе. Германия. Англия и Америка. Франция 306
XIX. Список книг, полученных редакцией для отзыва 317

Два портрета В. И. Ленина.

До 35 иллюстраций в тексте и на вкладных листах.

ЛЕНИН

Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусств Москвы
А. В. ЛУНАЧАРСКИМ.

ЛЕНИН.

ЛЕНИН.

I.

Товарищи, я хочу в беглых чертах сказать вам о том, кем являлся Ленин в истории России, нашего отечества, кем он являлся в истории мира, и затем хочу поделиться некоторыми личными воспоминаниями или, вернее, попытаться дать вам абрис, силуэт Владимира Ильича, как живого человека, поскольку мне приходилось его наблюдать.

В русской истории значение Ленина так велико, так неизмеримо, что вряд ли какое бы то ни было другое лицо во всей истории России может стать с ним рядом. В течение веков Россия застыла на отсталых позициях, культурных, политических и экономических.

Экономическая отсталость была, конечно, главной причиной отсталости в остальных отношениях. России особенно не повезло. Ее капитал развился поздно, и хотя он достиг уже довольно значительной стадии к концу XIX века, хотя он по структуре своей был очень высок, т.-е. очень большой процент капитала был вложен в крупные предприятия, концентрировавшие большое количество рабочих в главнейших промышленных городах России, хотя, таким образом, внешне как будто бы Россия уже во много раз превзошла тот экономический уровень, который свойственен был, скажем, Франции в эпоху Великой революции, тем не менее революция русская опаздывала, и возросший капитал охотно мирился с самыми отсталыми формами самодержавия. Причиной этого было то, что русский капитал сознавал рискованность буржуазной революции, ибо предшествовавшие буржуазные революции, чем дальше на восток и чем позже, тем более выявляли следующую за собою волну,—волну пролетарской революции, и пролетариат, так сказать, наступал на пятки революционеров буржуазных, стремился, идя по стопам их, совершить такие

акты, которые в расчеты буржуазных революционеров отнюдь не входили. Благодаря этому революция в России задержалась.

Самая история нашего революционного движения с тех пор, как оно приобрело важное историческое значение, шла странно. Носителями революционного сознания у нас были интеллигенты, сперва тот небольшой слой передового дворянства, который чувствовал себя более интеллигентами, чем сельскими хозяевами, который представлял собой крайнее левое крыло по-европейски развитого помещичества, не мирившегося с положением холопов, на которое осуждены были в России и высшие классы по отношению к трону, не мирившегося с крайне отсталым крепостничеством и т. д. Но дворянская революция в России, создавшая несколько картинных эпизодов, не потрясла сколько-нибудь серьезно трона, и для первых подлинных революционеров было ясно, что трон можно было потрясти только силами масс. Эти массы, конечно, страдающие, конечно, угнетенные, конечно, раздавленные непомерным хозяйственным и политическим гнетом, были налицо. Это были деревенские массы. Но никак нельзя сказать, чтобы деревенские массы в эпоху развития нашего революционного движения, начиная, скажем, с 40-х гг. прошлого столетия, играли тут заметную роль. Бывали, конечно, полосы крестьянских бунтов, разрозненных, малосознательных, без программы, без ясной цели.

Революционерам - интеллигентам, частью выходцам из низов, казалось естественным обратиться к крестьянству, воззвать к нему, сорвать повязку с его глаз, показать ему, как обстоит дело, доказать ему, как оно непобедимо и как ничто не сможет сопротивляться его воле, если эта воля организуется. Но на этом пути успеха не было. Крестьянство не только было темно, но вообще до такой степени распылено, в такой мере отсутствовали в нем какие бы то ни было организационные начала, что проповедь, пропаганда, агитация революционеров, как в глухую стену попадала в крестьянскую массу и не вызывала никогда почти никакой реакции с его стороны. Интеллигенция оставалась, таким образом, одинокой.

Это была сравнительно небольшая группа людей, на левом фланге которой стояли решительные революционеры, поставившие своею задачей во что бы то ни стало, хотя бы положив за это душу свою, освободить Россию. Но если причислить к этому левому флангу и более многочисленные кадры сколько-нибудь революционно настроенные, хотя бы не участво-

вавшие активно в революции,—студенчество, лиц либеральных профессий (врачи, адвокаты, художники, писатели), из которых большинство в то время было настроено ярко гражданско, зачитывалось Некрасовым, увлекалось подвигами революционеров, называло себя народниками,—если даже всех их причислить к революционной группировке, то и тогда получится все-таки небольшая группа.

Когда выяснилось с абсолютной ясностью, что интеллигенция свалить самодержавие при помощи народа не сможет, в героических интеллигентских группах зародилась другая мысль. Как бы предполагая несомненным, что народ сумеет откликнуться на призывы революции, если власть будет сломлена помимо народа, что самая катастрофа, которая разрушила бы трон, вызовет ту народную реакцию, которую не удавалось вызвать никакими словами, никакой пропагандой,—самая крайняя левая группа, самая героическая, самая мужественная в тогдашней интеллигенции решила взять на себя, и только на себя, на свою конспиративную организацию, на плечи нескольких десятков героев, борьбу с самодержавием, путем террора, путем динамита.

Желябов, Перовская, Михайлов, Лопатин и другие думали, что смерть царя, разрушительные удары, которые станут сыпаться один за другим на головы правителей, дезорганизуют власть, этот страшный паук будет убит, а тогда начнет рваться и вся паутина, стянувшая народную душу, народ встрепенется.

В этой доктрине, конечно, сразу бросалась в глаза некоторая слабость. Я не знаю, насколько верили сами великие руководители «Народной Воли», что крестьянство сделается после смерти Александра II активным в большей мере, чем оно было до его смерти.

Во всяком случае здесь был и порыв отчаяния, протест благородных людей против чудовища, поставившего их в положение бессильных протестантов, здесь была и граничащая с отчаянием надежда,—последняя надежда на возможность широкого народного движения. Здесь была бесконечная глубина героизма, самопожертвования и революционной энергии. И насколько «Народная Воля» смогла потрясти устои самодержавия, насколько эффектны и насколько значительны были ее выступления, видно из того, что не только либеральное общество было взволновано и серьезно прислушивалось к деятельности этой кучки отважных людей, не только за границей стали побаиваться за Романовых и считали их трон далеко не обеспеченным, но такой гений и такой необычайно проница-

тельный и трезвый наблюдатель, как сам Карл Маркс, написал однажды, что в России как бы два правительства, и что он в сущности считает возможным, что гениальные конспираторы-народовольцы смогут нанести существенный и, может-быть, решающий удар самодержавию.

Товарищи, тем не менее, было заранее ясно, что без каких-то коренных изменений в соотношении сил населения этот героизм ни к чему не приведет.

Отец Владимира Ильича был сын крестьянина Астраханской губернии. Дед Владимира Ильича пахал землю. Этот выходец из народа, отец Владимира Ильича, был самым типичным интеллигентом-разночинцем, болел душою за крестьянство, пользовался большою любовью и доверием среди учительства, которым руководил, так как к концу своей жизни отец Владимира Ильича занимал в губернии в области просвещения более или менее видное место. Это не сделало его чиновником. Он был преданнейший «народный учитель», симпатизировавший революционерам и воспитавший своих детей в революционном духе. Старший его сын, Александр Ильич Ульянов был человек блестящих способностей. Многие, знавшие Александра Ильича студентом, говорят, что он по гениальности своей не уступал Владимиру Ильичу. Владимир Ильич был в то время еще мальчиком, когда Александр Ильич вошел в революцию, в «Народную Волю», сделался душой большого заговора в целях убить царя. Заговор был открыт, и Александр Ильич был повешен. Через несколько дней после повешения Александра Ильича один из величайших русских ученых—Менделеев в лекции своей с глубоким горем сказал: «Эти проклятые социальные вопросы, это ненужное, по моему мнению, увлечение революцией,—сколько оно отнимает великих дарований. Два талантливейших моих ученика, которые, несомненно, были бы славою русской науки—Кибальчич и Ульянов—пожраны этим чудовищем».

Но Александр Ильич погиб не напрасно. Не только как всякий героический народоволец оставил он нам героическую традицию, но он заронил в уже пылавшее революционною ненавистью к неправде и революционною любовью к страдающему народу сердце маленького Володи новое пламя, и Владимир Ильич поклялся, что он не только отдаст всю свою жизнь народу и борьбе с Романовыми и их приспешниками, но что он сумеет им отомстить за смерть лучших сынов народа, в том числе и своего любимого брата.

Владимир Ильич, таким образом, был кровным образом связан через отца и брата с революцией прежней

народовольческой формации. Но ум его жадно искал, каким образом можно притти навстречу страдающему человечеству.

Надежда Константиновна Крупская, героическая подруга Владимира Ильича, на торжественном заседании съезда Союза сказала: «Владимир Ильич никогда не говорил о своей любви к человечеству, но его сердце было полно этой любовью, — любовью не к рабочим только и не к рабочим России, а к рабочим и крестьянам одинаково, к рабочим и крестьянам России и всего мира одинаково». В широчайшей концепции чувства и мысли охватил Владимир Ильич все земное страдание и хотел послужить как можно более рационально, как можно более мощно тому, чтобы привести это страдание к концу, и он искал, повторяю, рациональных, целесообразных путей, чтобы этой цели достигнуть. И тут-то он наткнулся на два факта: на учение Карла Маркса и на развитие пролетариата в России. Учение Карла Маркса объективно, как астроном изучает светила небесные, установило пути, по которым возникает, зреет и умирает капитал, предрекло процессы, путем которых самим капиталом вызванный к жизни и им сплоченный пролетариат придет к победе над капиталом. Это учение Карла Маркса, сделавшее социалистическую мечту наукой, было подхвачено в то время несколькими лучшими русскими умами и среди них громадным мыслителем Георгием Валентиновичем Плехановым. Плеханов в зарубежной, заграничной прессе уже развернул идею о применимости марксизма к России. Это было большой заслугой. Идя по стопам великих революционеров «Народной Воли», но уже отказавшись от настоящей активной борьбы, измельчав, заменив революционную пламенность революционною фразою, эпигоны, вырожденцы народовольчества, друзья народа на словах больше, чем на деле, жившие процентами с великого капитала мыслителей и деятелей расцвета, Чернышевских и Желябовых, утверждали, что Россия идет совершенно своеобразным путем, что капитализм в России развернуться не может, так как внутренний рынок ее беден, а внешнего рынка она не добьется, что пролетариат всегда будет ничтожным меньшинством, что поэтому попрежнему можно ориентироваться только на деревню, на общину, а так как ясно было, что ни деревня, ни община, ни интеллигенция на путях пропаганды или террористической борьбы из трясины Россию не выведут, то эта эпигонская доктрина на самом деле никого не удовлетворяла.

Интеллигенция к тому времени, как Владимир Ильич выступил на арену деятельности, уже массами отходила от революции или хотя бы даже от сочувствия ей.

Развивалось толстовство, развивалась обывательщина, затягивавшая в тину так называемых мелких дел, служения культурному прогрессу по мелочам, по мелочишкам, развивался пессимизм. Искренние народники, подобные Глебу Успенскому, сходили с ума, убивали себя, как убил себя Всеволод Гаршин. Наступили 80-е гг.,—те самые годы, которые освещены гениальной кистью Чехова в первый период его деятельности. Революционный очаг больше не согревал ничего — ни искусства, ни жизни. Искусство стало вырождаться. Титаны русского романа уходили в прошлое, поэзия замолкала. Передвижничество вылиняло. То, чем жили 60-е и 70-е гг.,—вымерло. В 80-х гг. жизнь стала сумеречной и безнадежной.

Понятно, почему подраставшая тогда молодежь, гимназическая и студенческая молодежь, сразу навострила уши, заслышав, что есть какой-то новый исход, не народнический, что есть какие-то новые революционные пути. И более жадно, чем другие, откликнулся на эту весть безмерно величайший во всем тогдашнем поколении Владимир Ильич Ленин. Он сразу перешел от плехановских доказательств и внимательного изучения трудов Маркса и Энгельса к основательным статистическим исследованиям. Ему было только 23 года; еще не был опубликован и первый легальный труд Плеханова о монистическом взгляде на историю и нашумевшая книга Петра Струве о капитализме в России, когда Владимир Ильич написал важное сочинение,—сочинение, сейчас впервые легально изданное—«Кто такие друзья народа», нервный памфлет против народников и их отживших путей и самое яркое, кристально-прозрачное, убедительное, научно-обоснованное доказательство того, что именно рабочий класс, именно пролетариат, должен и может взять в свои руки руководство всем революционным движением, при чем уже тогда этот молодой студент предвидел, что ни крестьянство без пролетариата никогда не сделает революции, так как нуждается в вожде, и таким коллективным вождем может быть для них только рабочий класс, ни рабочий класс не сможет в России сам по себе и сам для себя сделать эту революцию, но должен будет сделать ее, как передовой вождь крестьянства, как верный интересам крестьян представитель всех трудящихся. И вот в этой естественной смычке руководящего класса диктатора и класса, представляющего огромное большинство населения, видел Владимир Ильич несомненный залог победы. Брошюра эта, конечно, легально издана быть не могла. Но теперь, когда мы читаем ее—многие впервые, многие даже из старых марксистов, сам

я в таком положении, и прочитал ее только теперь впервые, так как она была под спудом,—все поражаются ясностью взгляда, который там был выражен, и понимают, какое значение имело уже первое появление Владимира Ильича в русской революции. Вскоре после этого он попытался легально издать под фамилией Тулина книгу, в которой критиковал марксистскую же книгу Петра Струве, сдававшего в сторону эволюции, в сторону прославления капитала, в сторону псевдомарксизма, примиренского, выхолощенного, не пламенеющего революционной энергией. Владимир Ильич тогда в лице Петра Струве уже предвидел вырождение марксизма в мелко-буржуазную доктрину, которой будут прикрываться интеллигенты, далекие в сущности от народа, которые захотят использовать даже сам рабочий класс для своих мелких целей,—для целей, может-быть, и переворота, но переворота либерального, в рамках чисто буржуазных. И Владимир Ильич в книге, подписанной «Тулин», обрушивается в лице Петра Струве на весь грядущий реформизм и меньшевизм.

Когда Аксельрод, соратник и друг Плеханова, живший за границей и вместе с ним пытавшийся создать первую революционную организацию под знаком марксизма, прочел книгу «Тулина», он сказал: «вот теперь в самой России, из недр ее, появляются подлинные революционные мыслители». Книга «Тулина» была запрещена и сожжена. Еще не настала та пора, когда Владимир Ильич мог выступить гласно для всех.

Владимир Ильич, как я уже сказал, был крестьянин по происхождению, он был интеллигентом по образованию, и он был рабочим по усыновлению... Не меньше времени, чем сколько просиживал он за книгами, как студент, проводил он в рабочих кружках. И рабочие старики, которые помнят его тогдашнего, до сих пор с умилением о нем вспоминают. Он производил в рабочих кружках впечатление незабвенное. Его мысли совершенно захватывали пролетариев. Они раз навсегда после встречи с ним отдавались на всю жизнь революционной борьбе.

Из Казанского университета он был изгнан за революционность. В Петрограде он был арестован, сослан в Сибирь. За время ссылки написал решающий труд, вполне легальный («Развитие капитализма в России»), в котором он доказывал всю глупость, всю неправильность народнических представлений о невозможности развития капитализма в России,—труд настолько капитальный, так мастерски маневрировавший с огромным статистическим материалом, что он сразу выдвинул Владимира

Ильича, до сих пор известного лишь в революционных кругах, в первые ряды русских статистиков, исследователей русского хозяйства.

Владимир Ильич бежит из ссылки за границу. Первая его мысль—соединиться с Плехановым, собрать марксистски мыслящую эмиграцию и начать издавать газету, которую контрабандным путем ввозить в Россию и сеять, таким образом, новое семя. Газету он назвал «Искра», и под заглавием «Искра» поместил слова одного из декабристов: «Из искры возгорится пламя». И подлинно, из этой искры, которую направлял Владимир Ильич оттуда, из-за границы, из Швейцарии, сюда, в Россию, возгорелось такое пламя, которое видно со всех четырех сторон света,—пламя, подобного которому не горело еще никогда в мире.

Владимир Ильич сделался одним из главных вождей рабочего класса и части интеллигенции, спаявшихся в с.-д. партию. В этой с.-д. партии вскоре наметилось два главных течения: течение, фактически желавшее буржуазной революции и желавшее использовать для нее рабочих, и течение, желавшее социалистической революции и находившее возможным ее осуществление. Спор шел так. Мелко-буржуазное крыло, фактически желавшее буржуазной революции и, не сознавая этого, представлявшее только крыло буржуазии, заигрывавшее с рабочим классом, как с движущей силой буржуазной революции,—это крыло говорило: Россия не поспела, Россия—экономически отсталая страна, нигде в мире еще нет социалистической революции,—какая же социалистическая революция возможна в России? Бог с вами, это пустяки!

Другое крыло, чисто рабочее, говорило: в России имеется огромный заряд революционной энергии; есть крестьянство, требующее аграрной революции; если рабочий класс сумеет сделать смычку с крестьянством, даст крестьянству помещичьи земли и заручится, вследствие этого, братской поддержкой крестьянства, то он сделается так могуч, русский рабочий класс, что сможет не только довести демократическую революцию до конца, но и занять передовые революционные социалистические позиции, с тем, конечно, чтобы сейчас же бросить горящий факел революции на Запад, по общему признанию, уже достаточно зрелый для социалистической революции.

Это в сущности было основное разногласие: поддерживать ли либералов в качестве второй скрипки при них и усесться затем на левых скамьях парламента в качестве оппозиции на австрийский или в лучшем случае германский лад, или, сломив самодержавие, постараться сломить и буржуазию, опереться

на крестьянство, довести революцию так далеко, как только возможно, и кликнуть клич всему миру, что наступает поворот к социализму. На этом разошлись меньшевики и большевики, и Владимир Ильич Ленин стал во главе большевистского крыла, в этот раз не одним из вождей, а бесспорным авторитетнейшим и—уже к тому времени—в буквальном смысле слова обожаемым вождем этого революционного крыла.

Дальнейшее значение Владимира Ильича в русской истории заключается в том, что он играл эту роль руководителя русского большевизма, ибо что сделал русский большевизм? Русский большевизм, в который притекли все наиболее стальные, наиболее активные элементы народа из рабочего класса, интеллигенции и крестьянства, этот русский большевизм, осекшись сначала на недостаточной подготовленности масс в 1905 г., в 1917 году, несмотря на то, что он сначала оказался ничтожным, оказался в меньшинстве в самих рабочих и крестьянских советах, путем гигантской пропаганды, в которой главное место занимал тот же самый Владимир Ильич, перетянул на свою сторону советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, создал, таким образом, в этих советах опору себе для захвата власти, смело взял эту власть в свои руки; во время войны, голода, разрухи он навлек на себя этим бесконечные проклятия, оказался изолированным, потому что русская интеллигенция в массе от него отшатнулась. Крестьянство, увидавшее, что революция не дала мира, что приходится вести тяжелую войну,—крестьянство, потрясенное уже империалистической войной и разоряемое продовольственной политикой, от которой никуда нельзя было тогда убежать, все более и более ворчало, выражало недовольство, доходило до прямых восстаний; сам рабочий класс часто изнывал в этом далеком пути по пустыням к земле обетованной, которой все не было и не было.

Партия, в течение 25 лет ковавшаяся в боях с самодержавием, очищенная великими огненными испытаниями со своим вождем во главе, оказалась сильнее всех этих препятствий. Она железной рукой задавила контр-революцию внутри страны. Она из ничего создала Красную армию и отразила внешние нападения. Она создала новый государственный строй. Она, вопреки скептицизму всех, стала направлять на верный путь самое хозяйство, которое с каждым годом у нас в настоящее время растет и развивается, и вынудила своих противников на этот шестой год признать рабочую Россию державою полноправной, мощной, развивающейся.

Владимир Ильич не дожил двух дней до первого рабочего правительства в Англии, которое выставило первым пунктом своей программы признание советской России, за которым последует, конечно, и признание ее всеми другими европейскими странами.

Русская революция не развернулась, благодаря большевикам и Ленину, по типу ублюдочной революции, половинчатой, по типу революции-выкидыша, как это было в Германии или в Австрии. Она развернулась в революцию величайшую, гораздо более великую, чем французская,—в революцию, перешагнувшую все до сих пор существовавшее в смысле полного очищения страны от всех феодальных пережитков, от всех пережитков помещичье-бюрократического строя, и сделала решительнейшие шаги в сторону коммунизма...

Если, товарищи, некоторые пророки наши российские, в роде Достоевского, смотря вперед, неясно угадывали, что России предстоят какие-то неизреченно-великие пути, страдальческие, ужасающие по тяжести испытаний, но и светлые и искупительные для всего мира, то эти неясные пророчества в годы, в которые мы живем, исполнились в точности. Россия проделала революцию, поставившую ее на грани миров. Она сделала *первую социалистическую революцию* и зовет к ней Запад. Она сделала *последнюю в Европе демократическую революцию* и зовет к ней Восток, и тем самым, что она одну и другую революции спаяла в целостную систему, она завоевала право спаять великую революцию внеевропейских колониальных народов, восстающих против своего угнетения, с великой революцией европейских и американских пролетариев, переламывающих судьбу человечества от капитализма к коммунизму. И, таким образом, мы переходим к роли Владимира Ильича в мировой истории.

II.

Мы всегда склонны, мы, марксисты, которые потому и называют себя именем этого вождя, признавать в Карле Марксе величайшее явление мировой истории, поскольку мировая история может воплотиться в человеческой личности, ибо для нас не подлежит сомнению, что мир, переживя капиталистический период, войдет в социалистический, и мы знаем, что вся несуразность, наравенство, уродство, которое мы видим в течение всей истории человечества на каждой ее странице, исчезнут, испарятся, изменятся, растворятся в социалистическом обществе, которое не только будет, но не может не быть великим дружным сотрудничеством под знаменем науки

и техники, которые победят природу и создадут из нее такие источники наслаждения, о которых мы сейчас и мыслить не можем.

И для нас, знающих это счастливое будущее человеческого рода и сознающих все проклятия и все муки, в которые человеческий род погружен сейчас, важнейшим вопросом был всегда—как ускорить эти процессы, как выйти из ада и войти в социалистический рай? И мы знаем, что сделать это можно только путем суровой борьбы, путем прохождения через чистилище, жестокую, трезвую войну с врагами человечества, с теми, чьи привилегии стоят человечеству поперек дороги. И мы знаем, что эту борьбу можно вести, только призвав к ней само угнетенное человечество, и мы знаем в то же время, что вся масса этого угнетенного человечества еще слишком темна, и что дело ее просвещения может затянуться на десятки лет, и что, стало-быть, нужно, чтобы какое-нибудь активное меньшинство сделало бы почин, потрясло бы державу капитала, вырвало бы власть из его рук, бросилось бы с пропагандой делом и фактами в массу и ускорило бы, таким образом, их созревание,—созревание человеческой сознательной массы. И поэтому Маркс, который все это усмотрел, который все это превратил в точную теорию, который дал всему этому научное обоснование, который показал тысячи примеров, куда и как нужно итти,—был для нас величайшим человеком мировой истории.

Сейчас рядом с этой исполинской фигурой становится другая фигура — Владимира Ильича Ленина. Это не смерть—то, что мы пережили сейчас, это не похороны—то, что мы совершили сегодня, это—апофеоз, это—превращение живого человека, которому мы недавно еще могли пожать руки, в существо порядка высшего, в бессмертное существо, в бессмертного гения и благодетеля человечества, к могиле которого будут приходить вновь и вновь для того, чтобы поблагодарить судьбу, давшую этого гения ради ускорения приближения человечества к его счастью.

Владимир Ильич был реализатором идей Маркса. К чему пришли марксисты Запада, социал-демократы? К тому, что, поклявшись перед войной 14 г. воздержаться от всякой поддержки буржуазии вести войну, на всякую попытку буржуазии ответить рабочим бойкотом, они на самом деле под лоскутными знаменами ложного патриотизма своими руками погнали рабочих каждой страны в качестве пушечного мяса на защиту интересов капитала этой страны. Это был ужасающий, постыдный крах. Раздалось немного голосов — это все те, кто тогда, не покорясь поветрию шовинизма, охватившего даже

рабочих, сумел возвысить голос во имя человечности и социализма, — и среди них сразу и на первый план выдвинулся Ленин. В Циммервальде, в Кинтале и тогдашней левой прессе они заявили: мы ориентируемся не на Англию и на ее союзников, не на Германию и ее союзников, мы—великая держава труда сами по себе и против всяких империалистов. И в этом мире, говорю я, сразу решительным вождем, общепризнанным вождем оказался Ленин. С тех пор, как мир, до сих пор признававший в Ленине вождя одной и, быть-может, меньшей половины еще слабого русского движения, с тех пор, как мир увидел в этом Ленине оплот, руководителя, организатора подлинного интернационализма,—с тех пор многое изменилось. К нему потянулось со всех сторон целое море глаз, рук и сердец. Все те, кто ненавидел войну, все те, кто верил в рабочие силы, в нем узрели предвозвестника величайшей мировой борьбы.

Если Ленин дал миру заповедь: в каждой своей стране против своего правительства!—то он тотчас же показал этому пример в борьбе в России. Не испугавшись обвинения в пораженчестве, доходившего до гнуснейших и подлейших обвинений в продажности по отношению к Германии, Ленин повел беспощадную борьбу не только против царизма, но и против буржуазного правительства, продолжавшего вести империалистическую войну, и этим самым дал пример правильной тактике всем европейским партиям.

И долготерпение его было в этом отношении велико. Никогда, ни разу ни слова упрека не срывалось с его уст, когда призывы, бросавшиеся на Запад, вызывали лишь слабый отклик. Мы рассчитывали, что русская революция, которая решила покончить с властью банкиров, фабрикантов и помещиков,—что эта революция быстро будет окружена семьею новых революций в странах, более нас подготовленных к достижению коммунистического строя. Шесть лет прошло. Революции эти созревают, шествие их, глухие шаги приближающихся переворотов, в Германии, например, явственно слышны. Они уже у дверей. Мир меняется, на наших глазах раскалывается: с одной стороны, фашизм, который срывает с себя всякую маску культурности и демократичности, с другой стороны, беспощадный, прямолинейный, ясномыслящий русский коммунизм.

И Ленин явился фигурой, объединяющей мир завтрашнего дня. Среди фашистов, среди буржуазных либералов, среди меньшевиков идет грызня и нелады, в коммунистическом мире почти абсолютное единство, которое отдельные распри, несогласия и дискуссии так же мало обезображивают, как

мало горы на земле, которые кажутся большими путешественнику, меняют тот факт, что земля шар.

В коммунистическом мире громадное единство, и в центре этого единства великий вождь—Владимир Ильич Ленин, мировой вождь,—вождь пролетарской революции. И как прав был поэт Тихонов, когда он противопоставил всем нам известным фактам обожания по отношению к Владимиру Ильичу революционных рабочих Запада этот маленький фактик молитвы великому далекому Ленни какого-то забитого индусского мальчика, который подслушал под стэком своего сагиба, что в красной Москве бедные одержали верх, и что оттуда для всех бедных и угнетенных медленными, но верными путями движется свобода и счастье.

Ленин — мировой вождь, потому что он был и персонификацией и одним из главных двигателей этого гигантского переворота, равного которому история не знала. Мы решительным шагом вступили в полосу крушения капитала и зарождения коммунизма, в полосу очистки человечества от борьбы классов, очищения человечества от грязи, очищения его от неравенства, невежества, болезней. Это не ощущается вами всеми. Вы чувствуете только, что крепла борьба, что борьба была тяжкая, жестокая, что она проводила свои линии, похожие на раны, через ваш обеденный стол, через вашу профессиональную жизнь, через вашу душу, и вы стонали и протестовали, поскольку многие из вас были далеки от социальной жизни, и внутреннего смысла этих явлений в страшных мелочах, перед вами выступавших, не могли уловить. Вы видели потом, что борьба оформляется, что складывается крепкая государственная власть, что жить становится легче, что, сломив врага, дали новую экономическую политику, как разумную переходную ступень, что Россия вновь выросла в громадную мощь, перестав быть мировым жандармом и ставши мировым освободителем. И многие из вас, интеллигентов, артистов и художников, стали задумываться, переоценивать свое отношение к революции, начали оценивать ее положительно. Но редко кому из вас удается и умственно, и сердцем опознать в этих тяжелых днях первые дни зари человечества. Пройдет 100 лет, в мире давно уже будет тогда установлен новый светлый порядок. И люди, оглядываясь назад, не будут знать эры более возвышенной, более священной, чем дни этой российской революции, начавшей революцию мировую. И поэтому не будут знать человеческого образа, внушающего больше благоговения, любви и преданности, чем образ не только пророка, не только мудреца нового коммунистического мира, но и его зачинателя,

его борца, его мученика, ибо Владимир Ильич сгорел еще в сравнительно молодые годы, привел в полную негодность свой гигантский мозговой аппарат путем нарушения кровеносной системы в нем, вследствие непомерной, нечеловеческой, чудовищной работы.

Мы наблюдали эту работу. Мы видели ее. И, может-быть, в будущем будет брошено нам, людям, сколько-нибудь близко стоявшим к нему, обвинение: разве вы не замечали, что этот драгоценный человек, что этот человек, выводивший вас из всех трудностей, что этот человек, блестяще разрешавший общественные проблемы,—что он изнуряет себя, что так работать человек не может, что человеческая машина изнашивается от этакой работы в короткий срок?

Но, товарищи, огромному большинству, может-быть, нам всем, невдомек было! Владимир Ильич мог работать 14 — 16 часов в сутки, все 24 часа. Он мог входить во все подробности любого дела. Он мог все знать, всюду поспевать, и всегда с веселой улыбкой, всегда крепкий, всегда свежий, всегда готовый к новой и новой работе.

Это был такой колоссальный организм, и это была такая естественная, до грации доведенная преданность работе, так казалось, что на его плечах никакая тяжесть не лежит, так светло, так весело, так радостно он делал свою работу, что нам невдомек было, что этот человек на самом деле внутренно где-то гнется, ломается под страшным грузом, который он на себя возложил.

III.

Товарищи, я хочу перейти теперь хотя к очень краткому и очень слабому абрису того, что представлял собою Владимир Ильич, как личность. Первое, конечно, что бросается в нем в глаза, это его совершенно гигантский ум. Ум этот сказывался во всем: в его сочинениях, прозрачных, ясных, всякому доступных, но всегда новых, всегда безошибочных, как разрешение математической задачи, но он сказывался также в решении мелких государственных проблем, в повседневной жизни сначала партии, а потом российского государства. Было любодорого сидеть в Совнаркоме и присматриваться к тому, как решает вопросы Владимир Ильич, как он внимательнейшим образом вслушивается, вдумывается, взвешивает, пересматривает все для каждого вопроса, — а вопросов много, — и как он резюмирует затем вопрос. Резюмирует — и нет больше споров, и нет больше разногласий; если принял сторону одних против других, то с такими аргументами, против которых не

пойдешь, или согласовал взгляды одних и других в неожиданном синтезе. И этот его огромный ум вместе с его другой коренной чертой, его веселостью и поразительной душевной ясностью, сказывались в том, что он все делал с шуточками, улыбаясь: над одним посмеется, другого вышутит, третьего ласково — словесно — по плечу потреплет, — и в Совнаркоме мы работали так, как будто это — веселое общество друзей, благодаря Владимиру Ильичу. Проблемы роковые ставились иногда, требовавшие гигантского напряжения. У Владимира Ильича этого напряжения не было видно. Значит ли это, что он хоть к одному вопросу относился несерьезно? Никогда. Ни малейшего дилетантизма! Если он не знает, он спрашивает всегда, он подготовляет материалы. Он чувствовал постоянно громадную ответственность, которая на нем лежит, и это не мешало ему быть таким радостным, таким бодрым, таким обаятельным во всем, что он делал, что мы все всегда неизменно бывали очарованы. И в этом, конечно, сказывается и сила ума, помимо особенностей темперамента, делавшая возможным это гигантское напряжение без потуг, без признаков утомления, изнурения, уныния.

Если перейти к сердцу Владимира Ильича, оно сказывалось, во-первых, в коренной его любви, и это была не любовь-доброта в том смысле, в каком это понимает обыватель. Хныкать над тем, что в данном случае произошло несчастье, что где-то пришлось употребить жестокость, что совершены те или иные разрушения, Владимир Ильич не мог. Он сознавал, что рубит такой лес, при котором щепки не могут не лететь.

Он знал, что лес рубится для того, чтобы воздвигнуть Вавилонскую башню, которая дойдет до неба, и для этого ему ничего не было жаль — ни себя, ни друзей, ни врагов, ни нейтральных. Это был великий строитель, типа, по меньшей мере, Петра Великого. «Жива бы была только Россия!» да еще притом Россия как краеугольный камень для мирового здания, Россия как инструмент для мировой победы! Этот его идеализм возможен был только потому, что рядом с ясным, всеобъемлющим умом в нем было это горящее, всеобъемлющее сердце. Когда он изредка заговаривал о правде, об исконной человеческой морали, о добре, то чувствовалось какое это непоколебимое у него чувство, и оно согревало его и давало ему эту опору, которая делала его могучим, стальным в проведении своей воли. Если он ненавидел,—а он ненавидел политических врагов — личных врагов у него не было,—он ненавидел классы, а не личности, и если он ненавидел, то он ненавидел во имя

любви, — во имя любви, которая была шире сегодняшнего дня и сегодняшних отношений.

Но это не значит, что Владимир Ильич был сух, что он был фанатик, что для него существовало только дело. Там, где он мог проявить непосредственную свою ласковость и сердечность,—там он их проявлял в трогательных чертах.

Правильно сказал Николай Иванович Бухарин, что придет еще время друзьям Ильича, которые близко к нему стояли, рассказать, что это был за человек в личных отношениях. На некоторых отдельных черточках, на некоторых эпизодах я хочу остановиться. Я скажу вам, что товарища, более заботливого, более нежного, более преданного нельзя себе вообразить, и таким товарищем он был не только для стоявших рядом своих помощников, но для всякого члена партии, и просто для всякого мужичка, который приходил к нему в кабинет. Почему эти простые люди, которых он страшно любил, из бесед с которыми он выносил так много, что мы, грешные, из десяти томов книг не выносили столько сведений, сколько он из беседы с каким-нибудь тверским или рязанским мужичком,—почему они, выходя от него, всегда имели такую счастливую улыбку на лице? Бывали они и у нас, и ничего, — побывал и побывал. Может-быть, маленькую разницу с прежними чиновниками они и видели, может-быть. Но что касается Владимира Ильича, то они выходили от него с особенными лицами. «Дошли до самого большого», говорили они: «прост уж очень»... Вот отзыв, который был: прост очень, обо всем расспросил и все разъяснил. И если бы Владимир Ильич мог, то он, кажется, только и купался бы в этом крестьянском и рабочем мире. Он всяким случаем, всяким свободным моментом пользовался для этого. Часто говорил: вот там назначено дело такое-то и такое-то, а вот тут есть промежуток времени, за это время я приму ходоков из своей Симбирской губернии, или из Сибири, или из Туркестана. И, конечно, он может принять на 15 минут, а они пробудут часа полтора. И он говорит потом, как будто немножко устыдившись этого: извините, — задержался, уж очень интересно было!

Товарищи, я уже сказал о том, что огромный ум Владимира Ильича позволял ему сохранять ясность и веселость. Эту постоянную ясность и веселость позволяла ему сохранять его марксистская уверенность в окончательной победе. Он знал, что каждая ошибка может быть роковой, много унесет жертв, и поэтому был страшно серьезен в их решении, но был уверен, что, в конце-концов, враги призрачны, и это внушало ему непоколебимую уверенность и создало его тонкую, хитрую, полную

ума, усмешку. Он знал, что история всех хитрецов перехитрит, что история всех могучих врагов поборет, и знал, что история— с ним, что он любимый сын этой истории, что он ее наперсник, что он подслушал у ее сердца, чего она хочет и к чему ведет. Поэтому он был так уверен. И эта черта, к которой я вновь возвращаюсь, эта поразительная веселость и ясность душевная заставляла нас горячо любить Владимира Ильича.

Товарищи, велика фигура Ленина в русской истории. Он сделал Россию самой передовой, самой близкой к коммунизму республикой мира. Он омыл наш позор сотен лет рабства, он поставил Россию впереди народов мира. Он больше, чем кто-нибудь другой, дал свободу ее национальным меньшинствам, он связал неразрывными узами рабочих и крестьян, он, создавши Советскую власть, в то же время начертал своей рукой, что, по мере изживания контр-революционных настроений, надо распространить советские права на все население без исключения и понимать эту Советскую власть, как втягивание в живую, реальную, подлинную государственную работу всех, до последнего крестьянина, так, чтобы каждая кухарка научилась государством управлять. Вот это была демократия! Как осуществить эту демократию? Книжками? Да. Но больше всего тем, чтобы втягивать слой за слоем рабочих и крестьян в управление своей собственной судьбой.

Сделать это слишком быстро, доверить темным массам их судьбу партия не смеет. Она для того на посту, чтобы руководить и не допустить ошибок. Задержать процесс роста сознания масс, закрепиться в качестве каких-то спричников партия не смеет — она от этого погибнет. Ее дело, ее живая работа воспитывать массы и перейти к первой в мире, единственной демократии, в которой действительно демос, народ, будет управлять собой. В этом смысле в рамках истории России то, что выполнено Владимиром Ильичом, и то, что Владимиром Ильичом намечено, ставит его в разряд первейших государственных людей и первейших работников культуры нашего отечества, и не только для великого русского народа, но для всей семьи народов, населяющих наш нынешний Союз.

Велика фигура Владимира Ильича в мировой истории, ибо он стал осуществителем великого учения Маркса. Но когда мы говорим, что велик Ленин в русской истории, велик Ленин в мировой истории, мы вовсе не отрекаемся от нашего марксистского учения о том, что роль личности ограничена, ибо Ленин был создан всем ходом русской революции, Ленин был создан мощной волей созревшего русского пролетариата.

Ленин был создан нынешними событиями. Ленин есть отражение, создание, воплощение великой борьбы рабочих и крестьян всего мира. Мы вступили в великую эпоху, поэтому появляются великие люди, и первым из них является Ленин, может-быть, величайшим, а может-быть, из недр всколыхнувшегося и взволновавшегося теперь мирового крестьянского и рабочего моря выйдут вслед за Лениным не меньшие мудрецы и борцы, но именно вследствие величия этой эпохи, говорю я, и появляются такие великие люди.

И вместе с тем хочется сказать уже теперь, кроме всей этой исторической оценки, что это был человек, в котором историческое величие гармонировало с необычайным личным обаянием, в котором моральная сторона натуры и умственная существовали в необычайной гармонии. Это был человек столь свободный, столь преданный великому делу, столь внутренно незлобивый, такой чистый идейно, такой прекрасный в каждом мельчайшем своем проявлении, что стоишь у гроба его с этими воспоминаниями в душе и думаешь: а были ли у него хоть какие-нибудь недостатки, а вспомни что-нибудь, что-нибудь, ну, может-быть, признак какого-нибудь тщеславия, самодовольства, какую-нибудь враждебную выходку по отношению к кому-нибудь, какую-нибудь слабость, какое-нибудь желание личного удовольствия за счет дела, которое он должен был делать? — Нигде, ничего, никак не припомнишь. Говорят, что всегда бывают мертвенны чисто положительные типы в романах и драмах,—а вот это был в жизни чисто положительный тип. Золотой человек умом, сердцем, каждым своим движением, человек из цельного, чистого, безпримесного золота и наилучшей чеканки. И говоришь себе: да, это первый социалист; это не только первый социалист по подвигам, которые он совершил, это—первый образчик того, чем может быть человек, как он может быть обаятелен и очарователен. Утрата его есть не только утрата вождя, это есть смерть человека, равного которому по симпатичности облика, по очаровательности, мы, люди, которым уже под 50 лет и которые виды видывали, не знаем, и вряд ли в своей жизни будем так счастливы, что встретим.

Товарищи, конечно, это правда, что Ленин жив. Конечно, остались его сочинения, его традиции, его дух. Разве такие люди могут умирать? И даже более того, теперь Ленин, может-быть, более жив, чем когда-нибудь. Живого человека как-то еще критикуют, как-то с ним мерятся, а тут, на краю могилы, мы все ощутили, что критиковать и мериться—это зря. Был великий дар нам дан—дорогой безукоризненный безошибочный

кормчий. И с этой точки зрения в нынешнем апофеозе своем Ленин, быть-может, сильнее, чем он был при жизни.

И все-таки каждый из нас чувствует себя осиротевшим. Как-то остались мы, люди, одни на земле, мы, всякие люди, маленькие люди, средние люди, большие люди, очень большие люди, но—люди! Люди обычного для нашего времени калибра, кто на вершок меньше, кто на вершок больше. И будем мы, конечно, бороться, и будем итти по путям Ленина. Но вот этого сверхчеловеческого существа, этого так бесконечно одаренного человека, что он, казалось, превосходил границы человеческого, а на самом деле впервые их выполнял, впервые давал образ настоящего человека, каким он должен быть,—вот его уже нет. Остались мы в нашей среде, в нашей людской компании.

Энгельс, когда хоронил Маркса, сказал: человечество стало на целую голову ниже. И мы испытываем то же: темнее стало, сумерки какие-то. Нет того сияющего светоча, к которому обращались с большим и малым.

Унывать тут нечего. Человечество, создавшее Ленина, создаст и других Лениных. Придет свежих ратников строй. И в этом строю будут, конечно, гении. Велико человечество. Бездонно и неисчерпаемо богатым вступило оно в период кризиса и творчества. С самого дна его будут подниматься теперь люди, которые в другую эпоху прошли бы безмолвными мудрецами в какой-нибудь далекой деревне, и которые теперь смогут подняться к государственному кормилу. Будем их ждать. Будем их воспитывать, и сами, в меру каждый своих сил, каждый на своем посту, с трепетом сознавая величие эпохи, в которую мы живем, будем творить и бороться в направлении, указанном всей мировой историей, уясненной гением Владимира Ильича Ленина.

Товарищи, такое великое явление, как Ленин, конечно, найдет себе отражение и в мировом искусстве. Пусть не непосредственно с Ленина написаны будут какие-то колоссальные фигуры в музыке, изобразительных искусствах, театрах, но мы подняты вновь на какую-то особенную высоту. Мы уже ведь недавно оглядывались и говорили: «где же гении, где же героическое, где же абсолютно светлое?». Мы его видели, мы видели Человека, человека с большой буквы, мы дышали с ним одним воздухом, мы наблюдали его в его исторической деятельности и в повседневном быту. В нем, как в фокусе, сосредоточились лучи света и тепла, широкими волнами ходящие теперь по земле в героизме рядовых рабочих, крестьян и красноармейцев. Мы вступаем в героическую эпоху, и квинт-эссенция ее,

ярчайший фокус и сосредоточие ее—Ленин—должен нас вдохновлять и поднимать и в том художественном творчестве, к которому мы, здесь собравшиеся, призваны. О! если бы искусство, которое мы будем творить с сегодняшнего дня, было бы достойно такого человека, который стоял во главе нас, тогда это было бы поистине великое искусство! И так это для всех сторон жизни. Равняться по Ленину никто не может, но всякий должен. Всякий должен из всех сил равняться по Ленину, и в чем только можно поднимать до этого уровня свою теоретическую работу, свою жизнь, свою борьбу.

С нами скорбит весь мир, устремленный в будущее.

И не без скрежета зубовного, но и клеветники, враги признают величие Ленина. Сегодня мы опустили его в землю и мы взяли его в наше сердце, и он пребудет и в наших сердцах и в сердцах наших детей.

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(К 20-летию со дня смерти).

Б. Горев.

Михайловский представляет собой такую крупную величину в истории русской общественной мысли, как социолог, публицист и критик, в течение четырех десятилетий владевший умами значительной части нашей молодежи, что он еще долго будет предметом изучения. Но уже теперь можно пересмотреть два наиболее интересных и злободневных в наше время вопроса: это, во-первых, отношение Михайловского к марксизму и связанным с ним проблемам [1]) и, во-вторых, вопрос о *революционности* Михайловского, об его отношении к будущей русской революции.

Был ли Михайловский революционером и как он понимал задачи революционной партии в России?—вот вопросы, которые мы себе ставим в настоящей беглой юбилейной заметке.

Прежде всего Михайловский, несомненно, был революционером *мысли*, высказавшим ряд глубоких и блестящих теоретических гипотез, пролагавшим самостоятельные тропинки в разных областях человеческого знания, смежных с науками об обществе. Он сделал даже своей специальностью борьбу со всеми и всяческими авторитетами. Стоит вспомнить его критические замечания к Дарвину, его многолетнюю борьбу со Спенсером, его критическое отношение к Марксу с самого появления «Капитала». Но в то же время этот критицизм вырождался порою у Михайловского в научный *скептицизм*, который с особенной силой проявлялся в его отношениях к революционным течениям в России.

Обычно принято считать Михайловского представителем и идеологом наших революционеров 70-х и начала 80-х гг. *в легальной литературе*,—идеологом, который давал на понятном читателю того времени эзоповском языке социологическое обоснование и критико-публицистический комментарий к революционным программам. С этой точки

---

[1]) Это мы пытаемся сделать в статье, одновременно печатающейся в журнале «Под знаменем марксизма».

зрения установилось в марксистской литературе деление публицистической деятельности Михайловского на два периода: эпоху 70-х гг., когда Михайловский был революционером, и эпоху 90-х и 900-х гг. (эпоху его ожесточенной борьбы с марксистами), когда он стал культурником, проповедником «малых дел» и «любви к ближнему», которую он противопоставлял «любви к дальнему» марксистов, требующей жертв во имя грядущего идеала. Отчасти на это деление намекал Ленин в своей первой нелегальной работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов»; особенно подчеркивал его Д. Б. Рязанов в статье «Две правды. Народничество и марксизм» (перепечатана в сборнике «Очерки по истории марксизма»).

Но с тех пор, как происходила полемика марксистов с живым Михайловским, опубликован был целый ряд новых данных, в том числе посмертные работы и письма Михайловского, а также его нелегальные статьи, печатавшиеся в подпольной печати, и, наконец, воспоминания некоторых его друзей и почитателей. Все это, вместе с более спокойным, объективным и внимательным изучением его давно известных писаний, заставляет нас внести несколько коррективов в сложившееся представление о революционных взглядах Михайловского. Как правильно указывает народнический исследователь Михайловского Е. Е. Колосов, а также Русанов (оба относятся к Михайловскому с величайшим пиететом), он ни в один почти момент наиболее «революционного» периода своей литературной деятельности не был настоящим выразителем действительно революционных течений того времени. Когда наиболее активная часть молодежи увлекалась бакунизмом и верила в стихийный инстинктивный социализм мужика и его революционность,—Михайловский окатывал верующих холодной водой и заявлял, что «идеализация мужика есть не только ложь, но ложь особенно вредная». В борьбе бакунистов с лавристами Михайловский (в своих статьях об «уме и чувстве») не стал на сторону ни тех, ни других и не удовлетворил ни тех, ни других.

При этом, правда, по свидетельству Русанова, «Михайловский заслужил симпатии набатчиков (т.-е. последователей Ткачева. *Б. Г.)*, говоря о разложении общины и о фатальном развитии индустриализма у мужика при известных условиях», но в то же время презрительно полемизировал с самим Ткачевым (который одно время подписывался в легальных журналах псевдонимом «Все тот же») и грубо называл его «Все тем же... шутом гороховым» (Русанов, «Политика Н. К. Михайловского». «Былое», 1907, кн. VII, стр. 129).

Не надо напоминать здесь, как встретил Михайловский появление марксистов. Но характерно, что в 90-х и 900-х гг. он от них защищал того самого мужика, которого сам развенчивал в высшую эпоху расцвета революционного народничества. Впрочем, Русанов, как бы подтверждая установленное уже раньше марксистами различие между Михайловским 70-х и 90-х годов, говорит в той же статье, что годы реакции не прошли для него бесследно. «У него вырабатывался скептический взгляд на наличность элементов, которые могли бы направить жизнь в желатель-

ном смысле. И этот пессимизм распространялся у него даже и на Запад» (там же, 133). В самом деле, в письме к Русанову (от 15 окт. 1895 г.) Михайловский писал: «Я думаю, что в ближайшем будущем солнце святое не загорится, а затем оно и вообще может и загореться и не загореться,—в самом естественном ходе вещей я гарантий не вижу» (там же, 135).

Если вспомнить при этом, что далее, в 1901 г., в полемике с Бердяевым, тогда еще причислявшим себя наполовину к марксистам, Михайловский издевался над его «радостным прогнозом» и в то время писал Русанову: «Я предчувствую смутные и мрачные времена», тогда как в 70-х и особенно в 1880 году был уверен в близости революции и в России и даже на Западе,—то указанное выше противопоставление двух Михайловских может показаться доказанным, и общественные взгляды последних лет его жизни могут быть объяснены обычным старческим «линянием».

Но этот вывод будет поспешным и потому поверхностным. Михайловский при всех многочисленных частных противоречиях был все же в основном, как все крупные личности, *цельной* фигурой и в значительной степени оставался себе верен до конца.

С одной стороны, мы уже видели, что он в середине 70-х годов был скептически настроен ко всем тогдашним революционным направлениям. А с другой—в том же 1901 г., в котором он в печатной полемике с марксистами и в интимной переписке с единомышленником высказывался так пессимистически относительно ближайшего будущего России, он сделал (в январской книге «Русского Богатства»; «Последние сочинения», т. I, стр. 442—443) следующее известное «предсказание»: «В непродолжительном времени (и, надеюсь, до моей настоящей смерти) идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не худшую часть русского общества,—разумеется, не в буквальном своем повторении, а со всеми теми поправками, которых требует пережитый с тех пор опыт».

Ясно, что этим «предсказанием» Михайловский намекал на зарождавшуюся как раз в то время партию соц.-рев. Но о каких «идеях 70-х годов» он говорил и откуда у него взялся радостный тон этого предсказания?

Для ответа на эти вопросы напомним прежде всего, что единственным революционным направлением эпохи 70-х годов, которому вполне сочувствовал Михайловский и с которым он действительно сблизился, была «Народная Воля». Он был хорошо знаком с ее виднейшими вождями, членами Исполнительного Комитета. Он сам рассказывает в своих посмертных мемуарных заметках о своих встречах с Верой Фигнер, что исполнял роль шафера на свадьбе Льва Тихомирова (венчавшегося, конечно, по подложным документам). Он с радостью согласился сотрудничать в нелегальном органе группы «Народная Воля» и помещал там свои «*политические письма социалиста*» (которые он, впрочем, подписывал характерным псевдонимом «Гроньяр», т.-е. «ворчун»). Наконец, он же редактировал после убийства Александра II составленное Тихомировым знаменитое «письмо» Исполнительного Комитета к Александру III.

Таким образом, можно думать, что Михайловский принимал вполне идеи «Народной Воли» и приветствовал их кажущееся возрождение в лице партии с.-р.

Но и это объяснение будет не совсем верно, если мы не уясним себе, чего именно ждал Михайловский от «Народной Воли», на что он надеялся, какие стороны деятельности народовольцев он приветствовал. Для этого надо проследить основные элементы взглядов Михайловского на ближайшие судьбы России и их эволюцию в течение 70-х гг.

В известном письме к Лаврову от 1873 г. (в ответ на приглашение сотрудничать в будущем лавровском журнале «Вперед») Михайловский писал, между прочим: «*Я—не революционер, всякому свое*». В этих словах заключается *гораздо большее содержание*, чем думал в них вложить сам автор письма. Он хотел сказать лишь то, что не чувствует себя способным к *практической* революционной деятельности. Но на самом деле эти слова оказались пророческими в *программном* смысле. В том же письме, аргументируя свое нежелание стать эмигрантом, Михайловский писал: «Борьба со старыми богами (т.-е. с самодержавно-дворянским режимом. *Б. Г.*) меня не занимает, потому что их песня спета, и падение их есть дело времени. Новые боги (т.-е. капитализм, буржуазия. *Б. Г.*) гораздо опаснее и в этом смысле хуже. Смотря так на дело, *я могу до известной степени быть в дружбе с старыми богами и, следовательно, писать в России*» (Сочинения, т. X, стр. 65. Курсив наш. *Б. Г.*).

Обратим внимание на замечательное сходство этого несколько рискованного места с некоторыми взглядами Лассаля, который, подобно Луи Блану, имел большое влияние на Михайловского. В самом деле, и тут и там борьба с буржуазным либерализмом приводила на скользкий путь кажущейся «дружбы с старыми богами», т.-е. терпимости со стороны властей предержащих (не такова ли была терпимость правительства к «Русскому Богатству» и в эпоху его борьбы с марксистами, журналы которых непрерывно закрывались один за другим, тогда как «Русское Богатство» существовало сравнительно благополучно? Но это между прочим. Отчасти такова же была в борьбе с цензурой и тактика Чернышевского). Но и в этом чисто тактическом приеме, незаметно для автора, скрывался более глубокий смысл, как и в поразительной фразе, которую мы находим в конце все того же письма к Лаврову: «*Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции*». В данном контексте это означало, что революция принесет с собой торжество буржуазных начал в русской народной жизни, которых Михайловский особенно боялся и хотел избежать. Но сокровенный смысл этой фразы был тот, что *Михайловский боялся и народной революции*, которую призывали бакунисты, и которую он считал, во-первых, ненужной для России, во-вторых, рискованной и, в-третьих (позднее), *невероятной*.

Действительно, в том же 1873 г., когда было написано цитированное выше письмо к Лаврову, Михайловский в январской книге «Отечественных Записок» в следующей характерной форме выразил свою любимую мысль о консервативном характере рабочего вопроса в России, ко-

торую он и раньше и позже не раз развивал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует *передачи* условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Наоборот, рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только *сохранение* условий труда в руках работника, гарантии теперешним собственникам их собственности». И далее: «Понятно, цель эта не может быть достигнута без широкого государственного вмешательства, первым актом которого должно быть законодательное закрепление общины».

Таким образом, если бакунисты надеялись на грандиозное народное восстание, в роде всероссийской разиновщины, которое разрушит и самое государство, то Михайловский доказывал необходимость государственного закрепления общины, которое и сохранит за крестьянами их собственность (при чем, как он пояснял в своих социологических работах, русская община, являясь низшей *ступенью* экономического развития в сравнении с капитализмом, представляет в то же время *высший тип* этого развития и, при благоприятных условиях, может перейти в социалистическую организацию общества).

В своих глубоко интересных статьях о «героях и толпе» и «вольнице и подвижниках» Михайловский на целом ряде исторических примеров доказывал двойственность, прихотливость и, следовательно, опасность массовых народных движений, которые могут иногда приводить к далеко нежелательным последствиям. С этой же точки зрения, борясь с преклонением пред стихийностью у правоверных народников, он противоставлял «мнениям» народа его «интересы» и, следовательно, стоял за помощь этому народу *сверху*.

Наконец, в «Политических письмах социалиста», печатавшихся в «Народной Воле» в 1880 г., Михайловский подчеркивал уже самую невозможность у нас народной революции. «Люди революции,—писал он,—рассчитывают на народное восстание. Это дело веры, я не имею ее... Всех перипетий будущей борьбы предвидеть нельзя»... Если в письме к Лаврову мы читаем, что «вызвать» революцию молодое поколение бессильно и должно лишь к ней «готовиться», и притом «не с Молешоттом на устах и не с игрушечными коммунами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением отличать добро и зло европейской цивилизации» (Сочин., т. X, стр. 68), то теперь Михайловский все надежды возлагает именно на *активность* революционеров, но эта активность должна не революцию вызвать, а лишь *воздействовать на правительство*. Таким образом, эта либерально-народническая утопия была свойственна не только Михайловскому 90-х, но и Михайловскому 70-х годов.

В много раз цитировавшемся месте из его характеристики настроений 70-х гг. («Литературные заметки 1880 г.». Сочин., т. IV, стр. 952) Михайловский писал: «Мы верили, что Россия может проложить себе новый исторический путь, особливый от европейского», при чем «предполагалось, что некоторые элементы *наличных порядков*, сильные *либо властью*.

либо своей многочисленностью, возьмут на себя почин проложения этого пути» (курсив наш. *Б. Г.)*. Это место обыкновенно толковалось, как альтернатива народной, бакунистского типа, революции или же революции якобинской, ткачевского типа. Но мы уже видели, что Михайловский не признавал ни той, ни другой. Кто же были те «элементы *наличных* порядков», «сильные властью», которые могли повести Россию по новому пути. Конечно, только само *реальное царское правительство*, которое должно было послушаться благих советов народнической интеллигенции.

Что это именно так, видно из другого варианта той же мысли, который мы находим в той же статье: «*Благонамеренные* представители центральной власти и народ, в нашем предположении, должны были положить почин новому, особливому историческому пути для России. Но если между этими элементами протискивается *братский союз местного кулака с местным администратором*, то наша теоретическая возможность обращается в простую иллюзию» (там же, стр. 957. Курсив наш).

Итак, «благие намерения» «центральной власти» парализуются тем «средостением», как говорили славянофилы, которое образуется из местных кулаков и администраторов. Для борьбы с этим злом нужна политическая свобода. «Вторжение Европы банковской и железнодорожной налицо,—писал Михайловский в том же 1880 г.—Пусть же придет Европа политическая и научная!»

Если один момент, в середине 70-х гг., в эпоху наибольшего увлечения народническими настроениями, Михайловский мечтал даже о полном «растворении» в безымянной народной массе, но при непременном условии сохранения своего интеллигентского «светоча», то теперь именно на интеллигенцию должна была выпасть почетная задача предохранить «народные начала» от растлевающего влияния капитализма.

«Только тот политический порядок,—уговаривал Михайловский «центральную власть»,—окажется непоколебимым, который не шарлатански, как это не раз случалось в Европе, а искренно и честно заинтересует собою миллионы». Поэтому «предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова, — и, может-быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания,— и народ будет наверное съеден».

Не довольствуясь *уговариванием* «центральной власти», видя, что «Васька слушает да ест», Михайловский приходит к мысли о необходимости ее запугать, *террором заставить дать политическую свободу*. Еще в 1878 г., после выстрела Веры Засулич, Михайловский написал нелегальный «Летучий листок», где говорил, что если «общественные дела» не будут переданы «в общественные руки», то должен возникнуть тайный «Комитет общественной безопасности». Вот терроризм и привлекал Михайловского в «Народной Воле», при чем он брал его только как средство добиться от правительства политических уступок. Кратковременная эпоха «послаблений» в 1880 г. вызвала у него такой прилив оптимизма, что он уже писал: «Очевидно, во всяком случае, что правитель-

ство убедилось в неправильности того пути стеснения свободы мысли и слова, *на который его увлекли люди, усердные не по разуму*» (Сочин., т. IV, стр. 953. Курсив наш).

В то же время Михайловский в своих «Политических письмах социалиста» уговаривал «Народную Волю» сблизиться с либералами. «Я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности русской жизни», так как—поясняет далее Михайловский—«принцип принадлежности земли земледельцу» «живет... в сознании каждого порядочного человека».

Итак, крестьянин, сохраняющий свою землю под опекой и при покровительстве интеллигенции, в том числе даже либеральной, — вот общественный идеал Михайловского в наиболее острый момент тогдашней русской и, как он думал, даже европейской истории. Не социальная революция и не захват власти революционной интеллигенцией, *а воздействие ее на правительство при помощи террора и в союзе с либералами*.

Вот почему, оставаясь себе верным, Михайловский в 1901 г., в эпоху его признанного самим Русановым «пессимизма» и отмеченной марксистами проповеди «малых дел», так обрадовался появлению партии с.-р. Приведенная нами выше цитата из письма его к Русанову (от 19/XI 1901 г.): «Я предчувствую смутные, мрачные времена»—продолжается следующим образом: «и вижу исход только в одном, в чем принять личное действенное участие не могу, а потому и другим рекомендовать не могу, но что фатально рано или поздно должно быть». Приведя эти слова, Русанов прибавляет, что почти в это самое время Михайловский говорил в Перми Брешковской: «Теперь должен начаться террор».

Итак, на поставленный нами в начале вопрос о революционности Михайловского (в социальном смысле этого слова) мы можем теперь ответить вполне определенно: нет. Сторонник консервативного мелко-буржуазного социализма, он даже тогда, когда признал необходимость политической борьбы, признавал лишь одну ее форму: террористическое воздействие на правительство с целью вынудить либеральные реформы. Короче говоря, в сравнении с нашими героическими бакунистами 70-х гг. Михайловский был только прудонистом...

О ПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Н. Мещеряков.

В первые годы нашей революции, когда Россия была окружена кольцом блокады, когда она напрягала все свои силы в борьбе с контр-революцией,—всему русскому народу пришлось пережить трудное время. Голод, холод, материальные лишения были уделом всех граждан советской России. Тяжелые лишения выпали тогда и на долю русской интеллигенции.

Русская интеллигенция обвиняла тогда рабочих и крестьян, ставших у власти, в том, что они по своей грубости и некультурности не могут понять пользы, которую может дать интеллигенция, не ценят ее работу и губят культуру страны.

Прошло 6 лет со времени Октябрьской революции. Окончилась гражданская война, разорвана блокада, и положение всех слоев населения стало заметно улучшаться. Улучшается и положение интеллигенции.

В Западной Европе пролетарской революции еще не было; она там еще только назревает. Власть там все еще находится в руках буржуазии. А между тем положение интеллигенции во многих странах Западной Европы ухудшается, и порой очень сильно. Особенно плохо стало оно за последнее время в Германии.

Банкротство капитализма сказывается также и в банкротстве всех тех общественных слоев и групп (а также и политических партий), которые крепко, неразрывно связали себя с буржуазией, которые в прошлом служили ей не за страх, а за совесть, а в настоящем не умеют или не смеют разорвать ту пуповину, которая связывает их с буржуазией и с капиталистическим строем. Такова судьба всей мелкой буржуазии, всего так называемого «миттельштанда» (среднего класса), к составу которого принадлежит и интеллигенция. В своем падении крупная буржуазия не только увлекает за собой этих своих союзников, слуг и попутчиков. Их она прежде всего толкает в бездну, думая этой жертвой избавить себя от неизбежной гибели.

На миттельштанд стоящая у власти буржуазия возлагает прежде всего бремя тех материальных лишений, которые являются результатом

экономического развала и разорения, вызванного мировой войной [1]). Бремя так называемого «эмиссионного налога» (своеобразный налог, вытекающий из обесценения бумажных денег, падающий на каждого гражданина, имеющего в своих руках обесценивающуюся валюту) тяжелее всего ложится на миттельштанд.

Механика взимания этого налога очень проста. Быстрый рост выпуска бумажных денег ведет за собой их столь же быстрое обесценение, выражающееся в виде роста дороговизны. Покупательная сила бумажных денег, находящихся на руках у каждого гражданина, в странах с падающей валютой тает, можно сказать, каждый день. Единственное средство уклониться от этого налога есть продажа товара по цене воспроизводства и немедленное превращение полученных денег в реальные ценности. Так и поступает капиталист, страхуя себя этим от падения покупательной силы бумажных денег. Но капиталист может хоть каждый день, хоть несколько раз в день менять цену продаваемого им товара. Служащий и рабочий, получающие заработную плату раз в неделю или раз в две недели, или даже раз в месяц, этого сделать не могут. Та плата, которая была установлена в начале этого срока, может-быть, была достаточна для жизни в то время, но в силу падения ценности денег, выражающейся в росте дороговизны, она уже недостаточна (и часто слишком недостаточна) в конце этого срока. А с этой суммой денег рабочий и служащий должны жить до следующей получки, т.-е. неделю или две недели, или даже целый месяц. За это время покупательная сила денег продолжает сильно падать; деньги, так сказать, тают в руках служащего или рабочего.

Если у рабочего или служащего были какие-нибудь сбережения, помещенные в сберегательных кассах, банках или в прочих государственных бумагах, то он несет постоянно новую потерю вследствие того, что эти его сбережения обесцениваются с каждым днем и очень быстро превращаются в ничтожную до смешного сумму. У рабочих редко бывали такие сбережения; гораздо больше было их у представителей средних городских слоев, к которым относилась и интеллигенция. Всякий интеллигент старался сберечь деньги, чтобы застраховать себя этим на старость, на случай болезни, чтобы помочь своим детям получить образование и стать на ноги. Не даром Альфред Вебер в своей книжке, о которой я буду говорит ниже, называет прежнюю интеллигенцию «рентной интеллигенцией». Обладание такой «рентой» было одним из характерных признаков интеллигенции. Поэтому интеллигенция страшно пострадала от быстрого обесценения денег; все ее старые сбережения были экспроприированы, обратились буквально в ничто.

«Юридическая фикция, будто «марка равна марке», отдала средние слои в руки крупных капиталистов. Долгосрочные долги промышлен-

---

[1]) Такое же бремя возлагается и на пролетариат, но этой стороны дела я не касаюсь, так как она выходит из рамок стоящего передо мной в настоящую минуту вопроса.

ников, полученные ими в золотых марках, были уплачены в бумажных марках по миллионной части их действительной ценности. Вклады в сберегательные кассы мелких вкладчиков выплачивались обратно в неимевших никакой цены бумажных тряпках — согласно принципа «марка равна марке». Золотые займы, за которые средние слои в свое время, отчасти из искреннего патриотизма, отчасти же под давлением правительства, заплатили в полноценных марках, совершенно обесценились. Общества страхования жизни, взимавшие премии в золотых марках, выплачивают теперь эти суммы в бумажных марках. Пенсии, вычеты на которые у чиновников делались в течение десятилетий, выплачиваются теперь, по принципу «марка равна марке», в «бумажных тряпках». (Е. Павловский, «Накануне решительного боя»).

Организованный в профессиональные союзы пролетариат путем тяжелой борьбы может еще хотя бы отчасти отвоевывать себе кое-какие уступки. Распыленные служащие-интеллигенты, государственные пенсионеры, владельцы небольших сбережений—совершенно неспособны к энергичной и упорной борьбе. Помимо их распыленности, они неспособны на такую борьбу против правительства, против правящих классов и в силу того глубокого уважения к правительственной власти, к буржуазии, к дворянству, к буржуазной законности, которое они всосали с молоком матери и которое они воспитывали в себе за всю свою жизнь. Безропотно, без протеста, несут эти старые слуги буржуазного и феодального режима бремя, упавшее им на плечи. Без протеста гибнут они, стараясь только сохранить хоть какую-нибудь внешность старого мещанского благополучия.

Во времена здорового капитализма, во времена его расцвета, буржуазия избегала показывать без нужды свою волчью пасть и свои хищные когти. Она избегала по мере возможности вступать на путь голого насилия. Путем ничтожных уступок она старалась подчинить себе другие классы и общественные слои, заставляя их служить ей не только за страх, но и за совесть. В области политики она допускала в виде красивой ширмы так называемый режим «демократии»,—такой, конечно, демократии, которая от имени всего народа проводила волю буржуазии, строила и укрепляла буржуазный строй. В области идеологии на нее добросовестно работала интеллигенция. И подобно тому, как мелко-буржуазные вожди «демократии» с гневной яростью отрицали буржуазный характер демократии того времени и уверяли, что они творят дело всего народа, примиряя и сглаживая противоречия интересов всех классов,—и буржуазная интеллигенция считала и провозглашала себя каким-то высшим общественным слоем, стоящим вне всех классов и над всеми классами. Она считала и провозглашала себя носительницей каких-то внеклассовых, абсолютных истин; она воображала, что она ведет свою работу вполне свободно, руководимая только своим «свободным гением», а отнюдь не подталкивается по этому пути потребностями и желаниями буржуазии. Буржуазия охотно допускала такой самообман интеллигенции, охотно признавала за ней мнимую свободу, ибо при помощи такой мнимой свободы

она удобнее могла властвовать над умами и сердцами своих классовых противников, которые не стали бы так легко поддаваться проповеди, явно и открыто внушенной господствующими классами. Мнимая независимость и якобы материальная незаинтересованность интеллигенции, стремящейся только к чистой, внеклассовой истине, создавали для буржуазной интеллигенции такую трибуну, с которой ее направленная в защиту интересов буржуазии проповедь звучала особенно убедительно даже для явных врагов буржуазии.

Во времена гибели капитализма дело резко изменилось. Ураган классовой борьбы сорвал и изорвал в клочки все «демократические» украшения, за которыми буржуазия прятала свое господство; он повалил все те красивые подмостки, на которых буржуазия так изящно вела свою тонкую и искусную игру обмана трудящихся. Классовые противники буржуазии потеряли веру в демократию, и буржуазия теперь сама отбрасывает в сторону эту демократию; она открыто становится на путь фашизма, т.-е. голого насилия. Трудящиеся потеряли веру в внеклассовый характер проповеди интеллигенции; эта интеллигентская проповедь на них больше не действует, и буржуазия сбрасывает один за другим все идеологические покровы, так тонко и искусно сотканные рукой интеллигентов. Интеллигенция была нужна буржуазии, пока трудящиеся слушали ее проповедь, пока их можно было обмануть этим способом. В уплату за эту услугу буржуазия ставила интеллигенцию в сносное материальное положение. Материальная обеспеченность интеллигенции была как бы символом, залогом ее идейной независимости. Но теперь, в эпоху голого насилия буржуазии, интеллигентская проповедь ей более не нужна, и буржуазия в борьбе за свое дальнейшее существование предает интеллигенцию. Она отнимает у нее материальную обеспеченность и ввергает ее в бездну нищеты. Мавр сделал для нее свое дело, и он может уйти.

Приведем несколько цитат, рисующих то бедственное положение, в котором находится в настоящее время германская интеллигенция.

«Экономическое состояние обедневших средних городских слоев местами еще более отчаянное, чем положение рабочих», пишет Гейнц Меллер («Правда», № 211).

«В связи с обнищанием средних слоев в Германии очень многочисленны объявления о продаже: роялей, кроватей, шкафов, велосипедов, швейных машин, граммофонов, ванн, часов, фотографических аппаратов, картин, ковров и т. д., и т. д.,—всего того, ради чего обыватель работал и что копил всю свою жизнь. Теперь все это выносится на рынок, чтобы заплатить за квартиру, чтобы купить немного хлеба и картофеля.

«Ежедневно можно читать о случаях самоубийств на почве голода не только среди низов голодающей интеллигенции, но и среди ее верхов. В одном Берлине за июнь имело место 151 самоубийство. Недавно 60-летний профессор доктор Курт Финк отравился в своей лаборатории газом. В карманах его нищенского костюма найдено было 1000 марок, т.-е. меньше полукопейки. *А это ученый, написавший ряд книг по физике*

и химии. Другие, чтобы избегнуть голодной смерти, бросаются на пролетарские профессии, занимаются ремеслами и т. д. Известный профессор ботаники занялся продажей газет на Курфюрстендаме. Другой профессор продает папиросы и сосиски на вокзале. Известный врач служит посыльным в банке, а медициной занимается в свободные часы «для удовольствия».

«На почве голода и нищеты развивается и преступность среди средних слоев населения. Так, часты случаи, когда интеллигенты и чиновники становятся профессиональными ворами. Много участников краж со взломом насчитывается среди студенчества» («Правда», № 222).

«Катастрофическое ухудшение германского народного хозяйства сильно отразилось на так называемом «миттельштанде» — среднем сословии и в особенности на интеллигенции. Целый ряд профессий, необходимых для культурного развития общества, находится под угрозой совершенного исчезновения. В особенности висит эта угроза над германскими врачами. Они ведут сейчас отчаяннейшую борьбу за существование. Большинство немецких рабочих и служащих организовано в больничные кассы, и 70 проц. немецких врачей имеют свою врачебную практику именно в этих классах. Они не находятся на месячном жалованьи, а зависят от количества используемых пациентов, направляемых больничной кассой. Вследствие быстрого падения марки плата, получаемая врачами, сильно отстала от прожиточного минимума. В начале июля предметы первой необходимости в Германии возросли в 16.180 раз по сравнению с мирным временем. Медицинские принадлежности (инструменты, вата и т. д.) возросли в 35 тысяч раз. Плата же, получаемая врачами, возросла, по сравнению с мирным временем, только в 6 тысяч раз. Правда, в августе плата врачам была увеличена по сравнению с мирным временем в сорок тысяч раз, но предметы продовольствия и первой необходимости повысились за этот же месяц в семьдесят две тысячи раз. Таким образом, положение германских врачей, несмотря на августовское повышение, не улучшилось. *По официальным статистическим данным положение врача, работающего в больничной кассе, в мае этого года было в три раза хуже, чем положение необученного рабочего.* С тех пор положение значительно ухудшилось.

«В результате большая часть врачей принуждена продавать свои рабочие принадлежности, как, например: научные книги, микроскопы, рентгеновские аппараты и т. д. Вследствие этого, конечно, понижается качество работы и научный уровень врачей. Но это не все. Как сообщает орган немецких врачей «Ляндарцт», среди врачей за последнее время заметно сильное стремление переменить свою профессию. Главный врач одной из берлинских клиник, которая из-за отсутствия средств закрылась, поступил в качестве опереточного певца в один из ночных кафе-шантанов. Его бывший ассистент аккомпанирует ему на рояли. Другие врачи поступают на фабрики или принимаются за ремесло мелких агентов, предлагающих свои услуги розничным магазинам. По сообщениям Фока, знаменитого лейпцигского книгопродавца, число докторских

диссертаций сократилось в этом году, по сравнению с прошлым, с 2688 до 1264. Число студентов-медиков падает» («Правда», № 229).

«Изо дня в день в Берлине на Фридрихштрассе и на Курфюрстендаме встречаются оборванные, изголодавшиеся, просящие милостыни люди, с лицом и руками интеллигента. У многих из них на лице красуются следы пребывания в студенческих корпорациях: шрамы на щеках от поединков (варварский обычай, уцелевший до сих пор в среде знатных патриотических германских студентов). Те из них, которые стыдятся молить Христа-ради, носят на груди дощечки с надписями в роде: «Бедный человек, с высшим образованием, без работы, без пфеннига денег, жертва нашего времени, просит помощи» («Правда», № 225).

«Довольно известный поэт и новеллист Максимилиан Берн износил свои ботинки. У него уже не осталось ни перины, ни пальто для обмена на картофель. 74-летнего старика нашли в его убогой квартире мертвым от истощения, от голода. Немецкая публика, может-быть, еще и теперь зачитывается его «Немецкой лирикой со времени Гёте», выдержавшей множество изданий у известного Реклама, его «Десятой музой» и другими поэтическими сборниками, разошедшимися во многих сотнях тысяч экземпляров. Его издатели еще теперь аккуратно взыскивают «тантьемы» за забавные стишки из «Десятой музы», которые распеваются с подмостков кабарэ. Но сам поэт и многие из его цеха умирают теперь голодной смертью. Особенно грустно за этого некогда жизнерадостного, наполовину русского человека. Он был уроженец России и лелеял русскую поэзию не менее, чем немецкую» («Правда», № 248).

«Нищета и бедность широких слоев германской интеллигенции дошла до того, что назначенный конгресс врачей в Бремене и конгресс урологов в Берлине в сентябре не могли состояться, в виду недостатка средств у участников конгресса для покрытия проездных расходов. Закрывается значительная часть медицинской прессы, резко сокращается издание книг в виду отсутствия покупателей. Если таково положение одной из наиболее обеспеченных в прошлом групп, то можно себе представить, как нищенствуют и голодают остальные группы интеллигенции».

«Вместе с разорением средних слоев, потеряло свою материальную базу бывшее до того обеспеченным студенчество. Германские студенты вынуждены искать заработков, служат в конторах, работают на шахтах и на сельско-хозяйственных работах, чтобы прокормиться и не умереть с голоду. Их отцы или ближайшие родственники не только не могут помочь им, но часто сами нуждаются в их помощи».

Совсем недавно вопросу о положении интеллигенции в Германии посвятил статью Бернгард Келлерман в газете «Berliner Tageblatt». Вот что он писал в этой статье:

«Взгляните на них, на этих духовных пионеров Германии, которые в течение целых десятилетий скромно служили своему народу. Они ходят исхудалые, в поношенных платьях, озабоченные, приниженные, без

надежд, без работы и без пособия, выдаваемого безработным. Тихо и покорно умирают они медленной смертью в своих рабочих кабинетах и лабораториях... Они распродают свои пожитки, книги и инструменты. Силы их тают и смерть стоит у их рабочего стола. Государству до них дела нет. Пускай себе гибнут...

«Больше 90% этих пионеров — будь то ученые и исследователи, писатели и т. п. — имеют заработок ниже заработка простого сторожа...

«Скоро в Германии не останется ни одного независимого писателя, исследователя и архитектора. Работники умственного труда вымрут в стране Гёте и Канта. Парламентарий в лощеном цилиндре будет вдохновенно славить их память. Лаборатории, библиотеки и музеи беднеют и пустеют. Частные библиотеки, книги, как частная собственность,— стали несбыточной мечтой. Печать окончательно изнемогает и обнаруживает ужасающие признаки упадка и гибели. Недалек тот день, когда будет выходить только биржевой бюллетень. Иностранные газеты и книги стали совершенно недоступны.

«Не может быть сомнения: здание интеллектуальной Германии уже теперь развалина. Скрывать это было бы предательством».

Таково положение германской интеллигенции за последнее время. Положение это за последние годы ухудшалось из месяца в месяц. Долго этот процесс продолжаться не может. Интеллигенция в Германии подошла уже к краю бездны.

А такое ухудшение положения интеллигенции наблюдается не в одной Германии. Почти та же картина в Австрии. Быстро ухудшается положение интеллигенции в Польше. Да и в странах-победительницах и в странах, не принимавших участия в войне, также замечается ухудшение положения интеллигенции в сравнении с временем довоенным. «Самое большое понижение заработной платы, — говорит обер-бургомистр Берлина Бесс в своей книжке «Берлин в тисках нужды», — наблюдается в группах с более высокими окладами, где январский заработок составляет лишь около трети довоенного заработка; по исследованиям интернационального рабочего бюро в конце 1921 г. и в начале 1922 г. реальная заработная плата в процентах довоенных ставок составляла для групп средних чиновников в Германии 46%, во Франции—64%, в Норвегии—74% и в Великобритании — 96%. Всюду положение интеллигенции после войны ухудшилось. Но в Германии этот процесс зашел дальше, чем в других странах. Интеллигенция в других странах придет к такому положению позднее.

На кого же может опереться интеллигенция в своих стремлениях к улучшению положения?

Может-быть — на буржуазию?

Но ведь это буржуазия довела интеллигенцию до ее теперешнего бедственного состояния. У власти во всех перечисленных странах стояла и стоит буржуазия. Экспроприировали интеллигенцию, буржуазные правительства.

«Императорская Германия, — пишет Бернгард Келлерман в своей статье «Интеллектуальная Германия», — погибла в результате своего полного пренебрежения ко всяким проявлениям духовной жизни. Она не давала на духовное нужды страны и тысячной доли того, что расточала на форменные пуговицы и елочные украшения для своей армии. *Но и правительства всяких цветов и оттенков* (а все они были буржуазными правительствами. *Н. М.*), *начиная с 9 января, вместе взятые, тоже не уделили духовным нуждам внимания и поддержки, которых от них ждали. Они — вместе взятые* — сделали очень мало или, вернее, *почти ничего не сделали*». Келлерман предвидит полную гибель интеллигенции и пишет о том, что «парламентарий в лощеном цилиндре» (символ буржуазного парламентаризма) «будет вдохновенно славить их память».

Келлерман, впрочем, не совсем отбросил надежды на буржуазию и на буржуазное государство. Он думает, что государство может еще кое-что сделать для интеллигенции. В своем письме он намечает некоторые меры для такой помощи. Нужно для этого, чтобы государство «обязало одну типографию печатать бумажные деньги на цели культурные, или же в течение одного часа в году пустило для этой цели все станки, печатающие кредитные билеты».

Один час в год! Считая в году 300 рабочих дней, а в дне 8 рабочих часов, это значит уделить на культурную работу 1/2400 всей эмиссии, т.-е. 0,04%. Четыре сотых процента бюджета на цели культуры, считая, что весь бюджет покрывается только эмиссией!

Но и это предложение кажется Келлерману слишком смелым. «Но, может-быть, — пишет он, — достаточно плодотворным оказалось бы такое предложение: урезать наполовину формат денежных билетов и полученные на стоимости бумаги сбережения обратить на культурные нужды? Или же ускорить темп ходьбы письмоносцев по всей Германии всего на 10 шагов в минуту — и вот вам нужные миллиарды».

Вот и все, что Келлерман считает возможным потребовать от буржуазного правительства.

В начале 1923 г. в Германии вышла книжка известного экономиста Альфреда Вебер под заглавием «Бедственное положение работников умственного труда». Книжка эта представляет доклад, прочитанный Вебером еще весной 1922 г. в одном из ученых обществ. Цифры, которые приводит Вебер в своей книжке, в настоящее время совершенно устарели и потому их приводить не стоит. Но интересно, какие средства борьбы со злом рекомендует Альфред Вебер, в чем видит для интеллигенции спасение этот один из крупнейших современных германских экономистов.

Альфред Вебер, несмотря на суровые уроки жизни, все еще не может расстаться со старым представлением об интеллигенции, как об общественном слое, стоящем над всеми классами, как о глашатаях абсолютной истины, лишенной всякого классового характера. Он скорбит о том, что из-под ног интеллигенции вырван ее материальный базис, что она не имеет больше ренты, обеспечивающей ее осуществление, о том,

что интеллигенция потеряла свою «ренту». Он все еще с некоторым презрением относится к тем интеллигентам, которые явно и открыто работают по заказам буржуазии (инженеры, техники, адвокаты, врачи и т. п.). Он относит их к разряду «чисто трудовых слоев», не причисляя их к числу тех «рыцарей Духа», тех «работников Духа», труд которых «создает общечеловеческий духовный космос, лежащий в основе нашего бытия, в основе государства и общества. Для Вебера все еще «умственный труд имеет внеэкономическую и надъэкономическую природу». Но Вебер уже видит, что его «работники Духа» не нужны больше ни для буржуазии, ни для пролетариата, которым нужна теперь определенная, яркая *классовая* идеология, и он пытается найти для них новую питательную среду в лице только что упомянутых «чисто трудовых слоев», т.-е. техников, инженеров, адвокатов и т. п. Но этот слой явно слишком тонок, и Вебер в конце своей книжки должен признать, что его новым «работникам Духа» не придется только витать в эмпиреях чистой мысли и чистой истины. Им придется принимать участие и в профессиональной, т.-е. классовой, борьбе. И в то же время Вебер утверждает, что «внеэкономическая и надъэкономическая природа умственного труда мешает полному выявлению приципов профессиональной борьбы и ставит им границы», что все средства профессиональной борьбы «не могут дать такому творчеству того, что ему нужно — экономический базис». Поэтому он склоняется к мысли, что «чистый» умственный труд должен быть соединен с трудом практическим, что «нет свободного умственного труда вне комбинации с практическим знанием». Он говорит далее, что интеллигенция должна воздействовать на какой-то «дух общественности», который «воплощен в публицистике, в прессе и главным образом в партиях. Этот дух живет в органах современного демократического государства. На них надо воздействовать, в них входить, в них завоевывать влияние и по возможности господство. Поэтому, несмотря на слишком понятное отвращение ко многим сторонам форм и игры современной публицистики, современных политических партий, надо сказать: входите в них и вперед на политические укрепления. Только там можно завоевать то, что в общественной жизни коснется и духовного начала, и только там можно влиять на государство в свою пользу. Здесь высшая всеобщая задача молодого поколения».

Трудно себе представить бо́льшую путаницу мыслей, чем та, которая заключена в ряде только что приведенных цитат.

Альфред Вебер все еще не может расстаться со старым интеллигентским самообольщением, с мыслью, что «дух стоит выше экономики». Он все еще не может понять, что интеллигенция не руководит борьбой классов, «борьбой экономических сил», как он выражается, а только выполняет в области идеологии их задания, формулирует, вытачивает их идеологию. Он призывает интеллигенцию принять участие в профессиональной борьбе, но не подозревает, что такую борьбу против эксплуатирующего капитала нужно вести в рядах борющегося пролетариата. Он зовет интеллигенцию к участию в политических партиях, но не го-

ворит, в каких. Для него безразлично, примкнет ли интеллигенция к коммунистам или к фашистам. Вебер попрежнему надеется на «примат духа над экономикой»; он думает, что интеллигенции удастся перехитрить те классы, к которым она примкнет, что ей удастся взять на себя руководство классовой борьбой и «обуздать» борющиеся экономические силы.

Все эти мечты и призывы Вебера останутся, конечно, без результата. Проповедь Вебера не повлияет ни на буржуазию, ни на пролетариат, ни на интеллигенцию.

Альфред Вебер—идеолог духовных верхушек германской интеллигенции, чистых «работников Духа». Этим верхушкам, которые сами создавали старую интеллигентскую идеологию, очень трудно отрешиться от того, что было создано их головой, и они тщетно ищут какой-нибудь такой опоры, такого исхода, чтобы интеллигенция могла сохранить свою прежнюю кажущуюся независимость. Рассуждения Вебера и Келлермана показывают, какой сумбур царит теперь в идеологии этих верхушек, как беспомощны они перед надвинувшимся бедствием, какой надлом произошел в некогда стройной идеологии этих «работников Духа».

В идеологии массы интеллигентов-практиков, массы трудовой интеллигенции, массы служащих всякого рода, учителей и т. п.—надлом еще глубже. Эти массы, ближе стоящие к труду, к трудящимся, к пролетариату, видят и понимают то, чего не могут понять чистые «работники Духа». Они понимают, что интеллигенция разорена и доведена до края гибели буржуазией и буржуазными правительствами. Они видят, что буржуазия—их враг и что интеллигенция может спасти себя только путем энергичной борьбы против буржуазии в рядах пролетариата. Все чаще и чаще союзы служащих прибегают к забастовкам, имеющим не только экономический, но и политический характер. Представители служащих совместно с представителями рабочих заседают и работают теперь в германских фабзавкомах.

«Массы врачей стихийно стремятся к сплочению своих рядов и укреплению своих организаций. В последнее время замечается среди немецких врачей, несмотря на их мелко-буржуазное сознание, определенный сдвиг в сторону коммунистической партии, которая активно оказывала и продолжает оказывать поддержку врачам в их борьбе против социал-демократической бюрократии больничных касс» («Правда», № 229).

Это же тяготение к пролетариату и к коммунистической партии констатирует и доктор Я. М. Брускин, недавно вернувшийся из Германии. Свою статью в «Правде» он заканчивает словами:

«Германская интеллигенция, упавшая в бездну нищеты и отчаяния, жадно ищет выхода из создавшегося положения. Ее наиболее здоровые части сомкнут свои ряды с германским пролетариатом и совместными усилиями выявят в своей борьбе те чудесные свойства организационности, настойчивости, выдержки и терпения, характерные для германского народа, которые обеспечат победу германской революции».

Советская Россия пользуется теперь громадным влиянием среди западно-европейского пролетариата. На советскую Россию с надеждой устремлены теперь взоры западно-европейских рабочих. От нее, от союза с ней ждут они спасения. Особенно сильно такое обаяние советской России среди германских рабочих.

Так же начинают теперь смотреть на Советскую Россию и германские интеллигенты. Вот несколько выписок из упомянутой выше статьи доктора Я. М. Брускина:

«Интересно отметить то повышение интереса, которое проявляют широчайшие слои германского народа к России. Для широких слоев Германии рабочий класс России является символом победившей революции и тем особенно ценна и дорога им. Серп, молот и красная звезда— эти эмблемы советской России — среди широких слоев рабочих масс имеют обширное распространение и во время демонстрации украшают все плакаты и знамена шествий и петлицы участников».

«Среди германской интеллигенции замечается большое стремление к эмиграции из Германии; желание найти сносные условия жизни и работы толкает наиболее энергичных ее представителей за рубежи Германии. Среди врачей и других научных деятелей замечается усиленная тяга в экзотические страны — Бразилию, Китай и проч. За последнее время крайне резко усилилось стремление к переезду в Россию. Десятки научных деятелей мечтают о переселении в Россию, жадно слушают все рассказы о России, и многие из них просили меня оказать им содействие в этом их стремлении».

«Не только рабочие, но и германский средний класс понимает, что в экономическом сближении с Россией заложена возможность экономического возрождения Германии, и что только в советской России Германия, окруженная со всех сторон врагами, может иметь верного друга и защитника. Интересно отметить, что это отношение к России мне приходилось наблюдать не только среди рабочих и беспартийной интеллигенции, но даже среди лиц с явно реакционными и фашистскими убеждениями. Германская интеллигенция жадно ищет сближения с российской трудовой интеллигенцией и в общении с ней надеется почерпнуть новые силы и моральную поддержку для своей многотрудной и тяжелой работы».

Этот же процесс сближения с пролетариатом и с коммунистической партией наблюдается и среди германского студенчества. Вот что, например, рассказывает «Правда» в № 196:

«В последнее время германская компартия сделала несколько попыток развить агитацию среди национально-настроенного студенчества. В Берлине состоялось одно студенческое собрание, на котором выступила Рут Фишер. Собрание это прошло успешно.

«В Иене коммунисты выступали с большим успехом на одном студенческом собрании, созванном фашистами. В прениях по докладу одного из фашистов выступили четыре коммунистических оратора, и им удалось до такой степени завоевать сочувствие аудитории, что фашист-

скому референту не позволили произнести заключительного слова. После этого собрания многие студенты обратились с просьбой принять их в коммунистическую партию».

Этот процесс перехода германской интеллигенции в ряды борющегося революционного пролетариата еще далеко не закончен. Значительная часть интеллигенции все еще попрежнему стоит на стороне буржуазии и поддерживает ее. Другая часть покорно, без возмущения и протеста, несет тяжелое бремя выпавших на долю интеллигенции лишений. Процесс перехода германской интеллигенции в ряды пролетариата только еще начинается, но он идет с ускоряющейся быстротой. Предательство буржуазии и суровая нужда гонят германских интеллигентов в ряды революции. Всякая отсрочка революции ведет только к тому, что в момент решительного боя и на второй день после победы в Германии в рядах пролетариата окажутся еще более значительные массы интеллигенции, работа которой окажет громадные услуги в деле строительства новой жизни.

ФРЕЙД И ЕГО ШКОЛА О РЕЛИГИИ.

М. Рейснер.

Школа психоанализа, рожденная индивидуальным опытом в терапевтических целях, естественно перешла от анализа детской психологии и отдельных невротиков к вопросам социальной психологии. Отныне эта школа желает установить аналогии и связи между коллективной психикой и индивидуальной, подвергает своему исследованию детей человечества—дикаря и первобытного человека. Намечаются удивительные сходства. И если даже считать переживания ребенка, невротика и параноика «карикатурой» тех сил, которые создают религию первобытного человека и дикаря, то, тем не менее, изучая представления последних при помощи аналогии с первыми, мы приходим к интереснейшим гипотезам относительно ряда общественных трагедий, которые переживало человечество на пути от первоначального бродячего стада сначала к охотничьему тотемистическому обществу, а затем к земледелию под покровительством небесных богов, а через них к классовому обществу под небом «богов» и «героев». (S. Freud, «Totem und Tabu, einige Ueber einstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker». Wien, 1922. Th. Reik, «Probleme der Religionspsychologie». Wien, 1919).

Замечательной особенностью теорий Фрейда и его школы в области социологии являются черты, которые делают ее особенно важной для всякой теории, стоящей на основе позитивизма и научного материализма. Достаточно сказать, что в своем анализе социальных символов самого извращенного типа она стремится открыть не только закономерный механизм их построения и обнаружить необходимое содержание их образов, но и установить ту действительность, которую эти символы стремятся спрятать, но, тем не менее, воплощают в самой необузданной фантастике. Эта противоположность действительности и ее символического отражения напоминает нам известное соотношение «идеи и бытия» в теории исторического материализма, тем более, что, подобно последней теории, и для Фрейда, так же, как для Маркса, в науке не существует никаких сверхъестественных сил или идеальных сущностей, но, наоборот, на первом плане стоит отнюдь не «идея», а совершенно определенное общественное отношение. «В начале было дело», говорит Фрейд, вслед

за Гёте заканчивая свой основной труд посвященный первобытной религии.

«В начале было дело»... Но если таков исходный пункт учения Фрейда, то для правильной оценки его теории по психологии религии мы должны необходимо сопоставить это учение с теми положениями Маркса и Энгельса, которые, правда, не дают законченной системы социологии и психологии религии, но исходят из того же основного пункта и во всяком случае с непревзойденной глубиной и проницательностью ставят вопрос об общественном бытии, создающем религиозную идею, о характере этой идеи, ее содержании и законах развития. Подобного рода сопоставление имеет и другой чисто методологический интерес: если теория Фрейда выдерживает испытание со стороны величайшей социологической системы, научная ценность которой блестяще оправдана историческим экспериментом более полувека, то естественно, она получает могучего союзника в лице всего течения исторического материализма и может использовать в подтверждение своих гипотез весь его грандиозный научно обработанный материал. С другой же стороны, вполне понятно, что школа Маркса, которая далеко не закончила своих психологических учений, может в таком случае использовать данные психоанализа и поставить ему новые задачи. Если бы, однако, такая поверка дала отрицательный результат, то опять-таки это могло бы только послужить для возможных поправок и с той и с другой стороны. Итак, прежде всего мы наметим общие черты учения о религии Маркса и Энгельса.

«Религия есть всеобщая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистический point d'honneur, его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное дополнение, его всеобщее основание утешения и оправдания. Она—фантастическое воплощение человеческой сущности, ибо человеческая сущность еще не обладает никакой истинной действительностью». «Религия есть самосознание и самочувствие человека, который или себя еще не приобрел, или уже снова потерял. Но человек не есть абстрактное, вне мира торчащее существо. Человек—это есть человеческий мир, государство, общество. Это государство и это общество создают религию—перевернутое миросознание, так как они представляют собой перевернутый мир». «Религия есть только призрачное солнце, которое движется вокруг человека, пока он не движется сам вокруг себя» («Zur Kritik der Hegel'schen Rechtsphilosophie»). Так говорит юный Маркс в одном из своих ранних трудов, и уже здесь религия выступает со своей практической стороны, как восполнение или осуществление недостающей действительности, как произведение общественной жизни или и, наконец, как фантастика и иллюзия.

И если, вообще говоря, «в общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения—производственные отношения,—которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (Маркс, «К критике полит. экономии»), и люди с такой же необходимостью производят

идеи, как материальные продукты, то именно в области религии характерно, что здесь мы имеем «отрицательное экономическое» основание. Т.-е., другими словами, «низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была главной причиной двигающегося вперед познания природы и с течением времени все более становилась такою причиной, все же было бы педантством искать для всех этих первобытных глупостей экономических причин». Так, у религии «имеется доисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом,—содержание, которое мы бы теперь назвали бессмыслицей». Оно состоит в «различных неправильных представлениях о природе, о строении самого человека, о духах, о волшебных силах и т. д.» (Энгельс, «Письмо Конраду Шмидту»).

И эти положения развиваются в дальнейших положениях исторического материализма. «Религия возникла в самые первобытные времена из самых темных первобытных представлений людей о своей собственной и внешней природе» (Энгельс, «Л. Фейербах»). «Сначала свято то, что мы переняли из животного царства, звериное» («Письмо Энгельса Марксу»). «Каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,—отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных». Такими силами могут быть с одинаковым успехом и «силы природы» и «общественные силы» (Энгельс, «Антидюринг»). «Великолепный образец такого фантастического отражения общественных сил дает Маркс в «Капитале», где товар приобретает «мистический характер» только потому, что здесь, благодаря товарным формам отношений между производителями, эти отношения как в зеркале отражаются в самих продуктах и превращаются в фантастическую форму отношений продуктов труда между собою. Аналогия с религией—полнейшая, ибо и здесь «продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом». «Саморазорванность» и «самопротиворечие» бытия приводит и к раздвоенности мистической мысли» (Маркс, «Тезисы о Фейербахе», 4).

В религии, таким образом, повторяется то же, что происходит в других идеологических областях. «Истинные побудительные силы, которые приводят человека в движение, остаются ему неизвестными; в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Человек создает себе, следовательно, представления о ложных или призрачных побудительных силах». И поскольку «человек имеет дело исключительно с материалом мыслительным, он без дальнейших околичностей считает, что этот материал порожден мышлением»... «для него всякое человеческое действие основано в последнем счете на мышлении, потому что совершается посредством мышления» (Энгельс, «Письмо Мерингу»). Так и здесь подтверждается общее правило, что с религиозными «отражениями» происходит

то же, что с подобными же отражениями в человеческом глазу: «они проходят через собирающую их чечевицу и поэтому представляются в перевернутом виде, стоящими на голове. Только отсутствует тот аппарат, который для представления поставил бы их снова на ноги». (Энгельс, «Письмо Конраду Шмидту»).

Попробуем свести к немногим положениям высказанные Марксом и Энгельсом мысли о религии, и мы получим следующие пункты:

1) Перед нами в качестве предпосылки—фактическая, материальная, или, говоря словами Маркса, хозяйственная среда — бытие, которое действует положительно или отрицательно. В ней человек или еще не нашел себя или уже потерял себя. Для начала религии характерен низкий уровень производства, при чем здесь еще не человек владеет «делом», но оно владеет им.

2) Отмеченное нами «бытие» или «дело» ощущается человеком как давление, сила, господство или связанность. Источником этого гнета являются непонятые человеком его собственные силы, природа и общество, а впоследствии и государство. Отсюда необходимость пассивной или активной реакции — подчинения или преодоления.

3) Благодаря низкой степени культуры, необходимо связанной с уровнем «дела», связанность или силы не могут быть преодолены путем сознательного приспособления и соответственной техники. Темные, волшебные, загадочные силы преодолеваются при помощи мышления, но мышления неправильного.

4) Так создается идеология, которая преодолевает в «бессмыслице», в фантастических образах и представлениях «саморазорванность» и самопротиворечие в человеческой и внешней природе и заменяет «бытие» религиозной «идеей», воплощенной в духов, демонов и богов.

5) Путем работы мышления, творящего ложное «призрачное солнце», создается торжественное восполнение действительности, строится могущественный сверхчеловек, или зверь, обеспечивается «утешение» и «оправдание».

Эти положения, которые рисуют нам в связи с определенными условиями быта и положенного в его основу труда бессознательную реакцию на давление внутренних и внешних сил и устанавливают природу религиозной фантастики, дают достаточную характеристику «бедствия религии», выражающего собой в одинаковой степени и «бедствие земное» и в равной мере «протест против него» (Маркс, «К критике Гегелевой философии права»). Понятие религии здесь непосредственно связано с общим учением об идеологиях, как они вообще «производятся» в историческом процессе общественного производства. И само собою разумеется, как, с одной стороны, «мистика» далеко не всегда совпадает с религией в узком смысле слова («товарный фетишизм»), так, с другой стороны, религия получает самые различные формы в зависимости от того, какие силы подлежат преодолению, каков аппарат мышления существа, подвергнутого давлению, и чем, в конце-концов, удовлетворяется жаждущий утешения или возмещения общественный человек. Религия пикаря или

первобытного человека естественно будут отличны от православия или протестантизма XVI века [1]).

Данное Марксом и Энгельсом учение о религии, несмотря на всю свою глубину, не может быть, однако, признано в настоящее время законченным и исчерпывающим. Не даром сам Энгельс признавал, что для него и Маркса по существу был основным вопрос о выведении идеологических надстроек из экономических фактов, но не о форме возникновения тех или иных фантастических, а в данном случае религиозно-мистических представлений. Разрешение последнего вопроса было предоставлено дальнейшему развитию науки и, в частности, психологии, данными которой основоположники исторического материализма широко пользовались [2]). Впрочем, надо признать, это использование психологии не могло носить строго систематического характера уже по тому одному, что успехи психологии, как положительной науки, в то время были весьма незначительны. Время для психологического освещения поставленных Марксом и Энгельсом проблем настало лишь в настоящую эпоху, когда, с одной стороны, психология перешла на твердую почву научного эксперимента, а с другой стороны—данные антропологии, этнологии, фольклора и вообще описательной социологии достигли современного развития и полноты. Связь между бытием и идеей в наше время может быть уже выяснена с значительной степенью научного приближения даже для первобытных времен.

И прежде всего была приоткрыта завеса над символическим методом религиозной мысли. Вопрос о первобытном мышлении привлекал к себе давно внимание социологов (Герб. Спенсер), в новое время были сделаны интересные попытки анализировать специально «дологическое»

---

[1]) В новейшей марксистской литературе обращает на себя внимание попытка И. А. Боричевского выяснить учение Карла Маркса о религии. (В «Записках научного общества марксистов» в Петербурге, № 3, 1922 г.). Автор становится на правильный путь, поскольку он не удовлетворяется «марксизмом вульгарным» и его стремлением «довольствоваться простою ссылкой на связь данных плодов религиозного творчества с их общественной почвой». И. А. Боричевский стремится разрешить поставленный им вопрос в духе «марксизма действительного», а именно, «в силу каких внутренних законов эта почва сама по себе неизбежно должна была дать именно тот религиозный плод, который она дала». К сожалению, тов. Боричевский не справился вполне с поставленной им себе задачей. Он правильно отметил идеологический характер религии, ее зависимость от саморазорванности и самопротиворечия общественных отношений, от ощущения человеком чуждых ему, враждебных и загадочных сил и от гнета «связанности», лежащей на человеке. Но от автора совершенно ускользнул тот психологический момент, который подчеркнут самим Марксом в его ранней критике Гегелевой философии права, и который правильно отмечает элементы «утешения» и «оправдания», фантастической замены небесным сверхчеловеком отсутствующего земного человека и восполнения царством божиим человеческого рая. Религия—не только отражение, она есть активная реакция на гнет непонятных сил, и поэтому она, с одной стороны, создает призраки, а с другой—награждает их волей, властью и авторитетом. Это—обходный путь для торжества своей воли и своей власти в лице призрака.

[2]) Ср. по этому поводу мой доклад в Социал. Академии. «Вестник Акад.» № 3. 1923 г.

мышление (Леви Брюль) или мышление «мифологическое» (Вундт), но только со времени создания теории «подсознательного» стало возможным установить те основные формы религиозного мышления, которые лежат в основе мистической фантастики. И уже В. Джемс оказался в состоянии целиком связать процесс «религиозного опыта» и данные нашей подсознательной жизни. Он не только совершенно определенно приурочил все религиозные переживания без исключения к деятельности подсознательной сферы, но в частности отметил значение для религиозного опыта различных видов опьянения, внушения и самовнушения, гипноза, истерии и разных видов невроза, раздвоения личности, паранойи и других видов психического расстройства. Исследование Джемса представляло бы собой большую ценность даже помимо приведенного им громадного материала документального и опытного характера, если бы этот мыслитель не поставил себе на ряду с чисто научными задачами и целей религиозно-апологетического характера. Лишнее говорить, что стремление обнаружить присутствие божества в таких явлениях, как опьянение алкоголем или паранойя носит на себе печать неизгладимой пошлости (Джемс, «Многообразие религиозного опыта»; русск. пер. Москва, 1910 г.).

Оссбенное значение для психологии религии имели далее исследования, посвященные гипнозу и внушению. С одной стороны, все исследователи в этой области должны были сойтись на признании элемента «веры» как переживания, необходимо сопутствующего явлениям внушения, а с другой — многие из них обратили серьезное внимание не только на подсознательный характер религиозных переживаний, но и на близкое родство между явлениями само- взаимо- и внушения вообще и явлений религиозного порядка. Отметим в качестве иллюстраций хотя бы Б. Сидиса и Бехтерева. Первый в своей «Психологии внушения» подвергает анализу важнейшие случаи духовных и религиозных эпидемий средних веков, крестовые походы, эпидемии бичевания, еврейской мании мессианизма (Саббатаи Зеви), демонофобий, американских «возрождений», миллеровской мании, крестового похода женщин и т. д. Второй присоединяет к этим данным не менее богатый материал по истории массовых самоистребительных актов в русском сектантстве, по явлениям колдовства и бесоодержимости, кликушества и порчи, по описанию психопатических эпидемий религиозного характера, эпидемии малеванщины, иеговизма, супоневской эпидемии, новогрудской эпидемии и т. д. (Бехтерев, «Внушение и его роль в общественной жизни», третье изд. СПБ., 1908 г.).

Наилучшее обнаружение подсознательной природы религии все же мы находим у нами уже упомянутого Джемса, где постепенно и систематически на подробном анализе всех явлений религиозного опыта обнаруживается их психологический характер. «Подлинную основу «религиозной» истины,—говорит он,—всегда составляет наша импульсивная вера, а наша выраженная в словах философия—это лишь ряд формул, в какие вера облекается. Непосредственное интуитивное убеждение таится в глубине нашего духа... Инстинкт повелевает и ведет,—разум покорно следует за ним». Именно в качестве «факта» подтверждает

этот мыслитель то обстоятельство, что в царстве религии господствует «подсознательное и иррациональное». В религии духовного врачевания мы встречаемся опять-таки, главным образом, с «подсознательной стороной» нашей жизни. «Силе внушения» обязаны религиозные движения своим успехом. В частности секта духовного врачевания определенно пользовалась «гипнозом». Раздвоением личности и навязчивыми идеями полны жития святых, приближающихся по своей психической природе к дегенератам высшего типа. Навязчивые идеи, иррациональные импульсы, болезненные терзания совести, страхи и воображаемые препятствия тяготеют над психопатологической организацией всех этих подвижников. В процессе «обращения» мы находим нарождение нового центра духовной энергии «в нашей подсознательной жизни», после чего он должен развиваться «без сознательного участия в этом с нашей стороны». Силы, которым верующий доверяет свое спасение,—для науки «силы подсознательные», которые лежат «в границах человеческой личности». Благодаря открытию Майерсом «сублиминального сознания», стало, наконец, возможным «пролить новый свет на многие явления религиозной жизни», в особенности же гипноза и истерии и вообще психического автоматизма. Вот почему метод исследования «сублиминальной душевной жизни» должен получить немаловажное значение для изучения «религиозных переживаний» (Джемс, «Многообразие религиозного опыта», стр. 65, 66, 91, 105, 106, 159, 195, 196—200, 222—228, 231, 470). Естественным дополнением к этим положениям являются многочисленные указания Джемса и на практику самовнушения при всевозможных религиозных упражнениях (см. там же стр. 85, 87 прим. 89, 91, 98, 102, 106, 107, 111, 196, 197, 198, 227, 228, 389, 390, 394, 401). Неудивительно после этого, что когда Генрих Майер дает определение веры, то он не находит ничего лучшего, как сказать, что «вера есть сознание значимости, но такое, которое основывается не на познавательных данных, но на самовнушении» (см. «Новые идеи в философии», выпуск 16, СПБ., 1914, 15).

Признание подсознательной жизни источником религиозного опыта, конечно, является громадным шагом вперед в деле изучения психологии религии. Этим сразу объясняется слишком многое. И здесь мы можем непосредственно сослаться опять-таки на Джемса: «подсознательная сфера содержит, по его словам, все наши мгновенные воспоминания, являющиеся к нам помимо нашей воли, и таит в себе зачатки всех наших неясно мотивированных настроений, побуждений, симпатий, антипатий, предрассудков. Все наши интуиции, предположения, фантазии, суеверия, убеждения, вера и вообще все наши иррациональные действия приходят из этой области. Из нее выходят наши сны и, возможно, они возвращаются туда же. В ней возникают все наши мистические переживания и все наши автоматизмы, чувственные и двигательные; она служит источником всей нашей жизни в гипнотических и «гипноидических» состояниях, если только у нас бывают такие состояния; в ней кроются все наши обманы чувств, все навязчивые идеи, все причины истерических

припадков, если мы подвержены истерии, из нее исходят все сверхнормальные познания, если они бывают у нас или если мы наклонны к телепатии. Эта же область представляет собой главный источник всего, чем питается наша религия. У людей, глубоко погруженных в религиозную жизнь... дверь в эту область раскрыта, повидимому, необычайно широко; во всяком случае переживания, входя через эту дверь, имеют громадное влияние на образование религий» (Джемс, там же, стр. 473).

Подобная характеристика ничего не оставляет желать по своей ясности и определенности. Вместе с тем она позволяет нам ответить не менее определенно на ряд частных вопросов. И если нам надо выяснить момент перехода в состояние религиозной настроенности или момент обращения, то, само собой, мы будем его искать исключительно в состоянии перехода от сознания к подсознательной жизни, и не иначе. Пути—истерия, самовнушение или гипноз—для нас пока безразличны. Если мы станем анализировать погружение в экстаз с его потерей чувства пространства и времени, ощущением безграничного расширения верующего и невыразимого блаженства, мы объясним это явление так же, как мы объясним подобное же состояние во сне или в припадке эпилепсии или в маниакальном подъеме параноика. Наконец, практика не только любой психиатрической клиники, но и внушения с гипнозом или вне его, с послегипнотическими явлениями или без них дает нам в изобилии те навязчивые идеи, явления бреда, галлюцинации и иллюзии, которые составляют такую значительную часть всевозможных явлений, голосов, видений, откровений и проч., заполняющих собою содержание «религиозного опыта». В такой же мере в настоящее время подлежат естественному объяснению и многоразличные чудеса, которые являются не чем иным, как религиозно-церковной психотерапией, применяющей в форме колдовских приемов внушение, гипноз и прочее.

К такого рода объяснению не без успеха прибегал и автор настоящей статьи в своей научно-популярной книжке о религии («Нужна ли вера в бога?» Москва, 1922, стр. 14 и след). Однако, подобное выяснение психологической природы религии оставляет без надлежащей разработки другой вопрос, а именно: в какой мере содержание и форма религиозных переживаний обусловлены тем «бытием», о котором говорит Маркс, или тем «делом», которое в начале всего поставил Гёте. Или, другими словами, социология и история устанавливают, без всяких сомнений, одновременное изменение общественных отношений и религиозных идеологий; более того, на основании общего закона о зависимости идеологических форм и надстроек, мы можем в каждом данном случае, путем исторического анализа, установить посредственную или непосредственную зависимость религиозных учений и культов от определенной экономической структуры данной среды. До тех пор, пока в жизни и деятельности подсознательной сферы есть психологически темные пятна и не установлена строгая причинная связь между коллективом и религиозным опытом особи,—до тех пор религиозная апологетика в духе Джемса всегда имеет некоторые шансы на успех.

И в самом деле. Предположим, что мы твердо установили, благодаря анализу определенного вероучения, его историческую необходимость в связи с определенными изменениями в классовой структуре общества, в зависимости от изменения производственных отношений и роста производительных сил. Предположим далее, что на данном примере—хотя бы торжества реформации в Германии—мы связали опять-таки необходимой цепью психологию определенного класса—в данном случае рождающейся буржуазии—с определенными формами культа, догматики и морали. Наконец, мы сумели установить связь и строгую причинную зависимость между дальнейшим развитием реформации, ее разветвлением на различные группы и течения,—ортодоксии и сектантства, лютеранства и кальвинизма, анабаптизма и пиетизма. Даже более того, представим себе, что нам вполне ясны те противоречия и загадки действительности, которые могли и должны были породить в данной среде ощущение неясности, жути и давления темных загадочных сил, являющихся предтечей всякой религии,—и все-таки мы не можем считать всей проблемы решенной до конца, до невозможности так или иначе подсунуть в процесс социальной обусловленности какого-нибудь духа, бога или что-нибудь подобное. И как раз теория подсознательной жизни, как это показывает попытка Джемса, может сыграть роковую роль.

И если понимать сферу подсознания и ее жизнь так, как это делает тот же Джемс, то здесь чрезвычайно легко превратить науку в весьма подозрительную проповедь. И прежде всего здесь возможна весьма двусмысленная игра как раз на известной иррациональности, неопределенности переживаний и несвязанности их со строго обусловленным содержанием, как и поступает автор «Многообразия». Что до того, что религиозные переживания происходят на почве форменной патологии или опьянения—но содержанием этих иррациональных переживаний является высокий порыв к «чистому, прекрасному, святому»! Не все ли равно, при помощи какой фантастики, галлюцинации или бреда достигается лицезрение «прекрасной, дивной мечты», наполняющей впоследствии человека и силой и радостью? «Чем бы ни было,—говорит Джемс,—в потустороннем то «нечто», общение с которым мы переживаем в религиозном опыте, по эту сторону оно является подсознательным продолжением нашей сознательной жизни». «Одним из свойств подсознательной жизни, вторгающейся в область сознательного, является ее способность казаться чем-то объективным и внушать человеку представление о себе, как о внешней силе. В религиозной жизни эта сила кажется «высшей», и так как ...вторгающиеся силы суть, главным образом, высшие свойства нашего духа, то чувство общения с потусторонней силой содержанием своим имеет не нечто кажущееся, но действительно существующее». Итак, именно благодаря подсознательной двери «последние пределы нашего существа пребывают... в совершенно иной области бытия, нежели чувственный и „постигаемый" мир» («Многообразие», стр. 502, 505, а также ср. 230, 254, 260—262, 264—266, 320—322, 345—346, 354—357).

На примере Джемса мы видим лишнее подтверждение того общеизвестного факта, что малейшая неопределенность и туманность даже научной теории немедленно дает повод и соблазн к построению всяческой мистики. К счастью, в настоящее время все более и более рассеивается туман вокруг подсознательного, и мнимая неопределенность «более широкого по объему *я*», нежели *я* сознательное, получает все более и более точное и положительное определение. И в этом отношении Фрейд и его школа сделали чрезвычайно много в смысле устранения всякой мистики и метафизики из научного исследования религии. Уже в своих первых опытах Фрейд занялся не формальными свойствами подсознательных переживаний, но анализом их содержания и связи их не только с жизнью данного лица, но и окружающей его среды. В результате оказалось, что наше бессознательное вместо того, чтобы быть источником божественной тайны, на самом деле является собой «примитивное архаическое мышление, согласно биогенетическому закону, представляющее собой первоначальный стадий мироотношений человека», и в качестве такового «находится в непримиримом противоречии и во вражде с теми культурными ограничениями личности, которые делают ее социальной единицей, участником в культурном строительстве человечества». И не высшие способности, не чистая святость или благая глубина, а «грубые эгоистические желания, фантастические возможности», «примитивные, суеверные, непонятные для трезвого сознания отношения к миру», «удивившие нас, если бы они вдруг предстали перед нами—спокойно под прикрытием недоступности, пребывают и даже иной раз владеют нами и управляют нашими поступками» («Психологическая и психоаналитическая библиотека, вып. I. Лекции по введению в психоанализ, т. I. Предисловие проф. И. Ермакова», стр. 13).

Какой поразительный контраст! Но он вскроет нам еще более разительные противоречия, если мы обратимся к анализу тех «святых» и «дивных» блаженств, которые становятся достоянием верующих, ищущих божества в подсознательной жизни. Согласно характеристике того же ученого, мнение которого мы сейчас привели, «половой инстинкт играет основную роль» в приведенных нами видах архаического мышления. Именно Фрейд отметил колоссальное значение «сексуального», а этим именем он называет все, что «содержит в себе представление о различии полов, о переживании наслаждения, о функции продолжения рода». И вот, поскольку психические процессы проявляются в форме «бессознательного мышления и бессознательного желания», они заключают в себе колоссальное количество полового влечения и родового инстинкта, который будучи преобразован и сублимирован, т.-е. оторван непосредственно от сексуальной цели в культурной общественной жизни, возвращается к примитивному источнику сексуального желания при неврозах, психических заболеваниях и во всех подобных случаях путем «регрессии», т.-е. возрождения первобытной психики. Такое мышление Фрейд в другом месте прямо называет «сексуально окрашенным», или даже утверждает, что в подобных случаях «мышление сексуализируется», «происходит сексуали-

зирование мышления», или дается «либидинозный (эротический) перевод мышления». (В назв. соч. том II, 14—15, стр. 29, 93. S. Freud, «Totem und Tabu». Wien, 1920, стр. 119, 120).

Если мы подойдем теперь с точки зрения теории Фрейда и его школы к религии, то мы будем в праве ожидать, что в религиозных переживаниях, представлениях и культе мы найдем громадное количество как раз таких либидинозных или сексуальных моментов, так как мы уже знаем, благодаря ряду исследователей, и в том числе Джемсу, что религия не только работает при помощи подсознательной жизни, но и прямо при помощи серьезных расстройств и нарушений нашего нервного и душевного здоровья. И Джемс, который в качестве путей господней благодати признает хлорал-гидрат, закись азота, гашиш и спирт, казалось бы, без особых затруднений должен допустить в качестве одной из подсознательных дверей к божеству также и половое чувство, а с ним и его основной источник у взрослого человека—мужские и женские гениталии. Однако, как раз в данном пункте мы встречаемся с неожиданным сопротивлением Джемса. Англо-саксонская стыдливость берет верх над научным свободомыслием, и «медицинский материализм» вызывает с его стороны столь же неубедительное, сколь краткое замечание, что хотя «в общей массе религиозных явлений есть и такие, которые имеют резко выраженный сексуальный характер», но в данном случае мы имеем лишь дело с тем фактом, «что религиозный язык облекается в те бедные символы, какие находит в нашей жизни», никакой же специальной связи между сексуальными явлениями и религией не имеется, а в таких утверждениях надо видеть лишь «манеру дискредитировать те состояния духа, которые нам антипатичны» (Джемс, «Многообразие», стр. 8, 9). И это несмотря на то, что Джемс отнюдь не отрицает «психопатического происхождения большинства религиозных явлений» (там же, стр. 21).

Только Фрейд и его школа сумели подойти истинно научно к явлениям религии и не побоялись открыть в ее подсознательной природе все те моменты развития либидо, которые характеризуют собой не только первобытное мышление, но и душевную жизнь невротика. Однако, нельзя не заметить, что увлеченные чрезвычайно благодарной задачей раскрытия доисторического прошлого религии, которое в культе и вероучении наложило столь резкий и неизгладимый отпечаток на все дальнейшие судьбы даже самых «сублимированных» религий, Фрейд и его ученики сравнительно мало занимались вопросом о сексуально окрашенном мышлении религии в ее важнейших проявлениях. Мы имеем поэтому классическое исследование Фрейда о «Тотеме и табу», где высказывается и обосновывается ряд блестящих гипотез; мы имеем интересную работу Рейка, которая прекрасно продолжает дело учителя в анализе «кувады» и обрядов зрелости у диких, мы имеем целую плеяду других подобных же работ, из них отметим исследования того же Рейка в области еврейского ритуала и вероучения—«Кольнидре» и «Шофар»,—но во всех этих работах внимание авторов сосредоточено почти исключительно на кровнородовой и сексуальной трагедии кровосмесительства первобытного чело-

века и последующем отражении ее символики в религиозном сознании человечества, тогда как сексуальное содержание религиозных настроений здорового человека современности еще не нашло с их стороны желательного, достаточно полного и глубокого освещения. (Reik, «Probleme Religions Psychologie», Wien, 1919).

А между тем в таком психоанализе религии, который, кстати сказать, может успешно произвести только фрейдовская школа, имеется самая острая необходимость. И если эта школа могла нам дать анализ родственных отношений на небесах и разгадать связи между богом-отцом, богом-сыном и небесной женщиной в виде матери богов, то она может дать нам анализ и тех фактов, которые нам дает «многообразие религиозного опыта», с большим тщанием собранное тем же Джемсом, Ко, Старбеком и многими другими. Ибо при самом беглом обзоре подобного материала прямо бросается в глаза чрезвычайное обилие религиозно-сексуальных явлений. Здесь играет роль не только случайная статистика, которая связывает с моментом полового созревания наибольший рост мистических настроений у молодежи, не связь либидинозных переживаний с известными формами нервных и душевных заболеваний, но элементарный анализ религиозного чувства в его всевозможных проявлениях. Остановимся для иллюстрации хотя бы на том автобиографическом материале, который мы находим у того же Джемса.

Так, ощущение божественного присутствия сам Джемс на основании ряда свидетельств уподобляет «чувству непрерывного присутствия любимой женщины»,—любящий не может забыть ее и всецело проникнут ею. Такое присутствие божества сопровождается нередко желанием объятий и поцелуев. «Божественно-прекрасная любовь Христа» чудится верующей даме. Другая ощущает как раз по ночам сладость его присутствия в себе. «Он любил меня так сильно,— говорит она,—что, казалось, наполнял собою все мое существо». Целый ряд католических святых женщин прямо изнемогают от «счастья быть любимым богом». Самый католический культ святого сердца возник путем символического и галлюцинаторного соединения бога с влюбленной в него святой. Сам Джемс принужден говорить в таких случаях о «флирте» между поклонниками и их божеством. В этом же роде происходит и посвящение мужской девственности божией матери, которая считает подобный дар «самым приятным». В подобных случаях происходит нечто в роде конкуренции между небесной и земными любовницами, при чем сатана как раз на почве полового обладания не только дает решительные бои тем или иным отшельникам, но и побеждает их на этой самой чувствительной для божества почве. Святая Тереза, одна из величайших специалисток по божественному общению, нисколько не стесняется называть свои переживания «восторгом опьянения, экстазом брачного единения» (Джемс, «Многообразие», стр. 64, 188, 212, 231, 257, 264—266, 333—337, 340, 401).

И если не все верующие способны к такому интенсивному переживанию либидо по отношению к богу-мужчине, или к богине-женщине, то, можно сказать, почти без исключения мы встречаем эротику семей-

ственного типа по образцу детского либидо к небесному родителю или отцу. И опять-таки мы находим здесь нежнейшие чувства преданности, послушания, обожания и самой настоящей детской страсти. Таковы излияния Фомы Кемпийского, где дело доходит до полного самоуничтожения личности; одного ученого, который до тех пор был счастлив, пока обращался к богу с «детскими молитвами», и описание одного пастора, испытывающего к создателю, а следовательно, и отцу, чувство, «переполняющего нашу душу», и зовы с небес «отца», говорящего дочери о любви, и всевозможные свидетельства о том, как ощущается «могучая целительная любвеобильная жизнь отца» с небес и совершается «касание нашей души к отчей душе», или, другими словами, то, что в своей исповеди Толстой обозначил, как возврат «к самому прежнему, детскому и юношескому». Задачей такого дитяти является отказ от своей воли, чтобы «не огорчить» сверхъестественного отца, тогда как последний принимает на себя отцовскую «защиту от всякого рода беспокойств и ужасов», «охрану от опасностей и несчастий». Сравнительно гораздо реже вне католической церкви мы встречаем подобное же либидо к небесной матери. Но и здесь имеется целый ряд случаев, где не только представляется мать, но и рисуется картина души, которая также сосет духовное «молоко», как ребенок грудь матери, последняя же является непосредственно в качестве богородицы, ее платье покрывается поцелуями и т. п. («Многообразие», стр. 39, 57, 59, 61, 62, 63, 108, 174, 176, 192, 197, 204, 209, 210, 264, 265, прим. 8, 212).

Возможно без конца умножить приведенные факты, ссылки и примеры уже по тому одному, что нет религии с почитанием человекообразного бога, где в основе не лежало бы безмерное расширение ребяческого чувства и, как Фрейд совершенно верно замечает, «искание» или «жажда» отца. Это одна из самых распространенных форм удовлетворения сексуального желания, связанного с возвратом к примитиву и детству. В высшей степени замечательно и то обстоятельство, что отношения священников, жрецов, наставников и проповедников к так называемым пасомым чадам, овцам и верующим строится точно так же по типу семейной привязанности и детского послушания, которое подчас достигает большой нежности, любви и благоговейного почитания. Общеупотребительно и наименование жрецов и священников «отцами», «батюшками» и т. п. Либидо, направленное на небесных родителей, переносится и на их земных заместителей, причем и по отношению к последним применяются такие выражения чувства, как поцелуи, прикладывания к ногам (папа) и рукам, другими словами те же приемы, которыми выражаются сексуальные настроения и по адресу всевозможных мощей, реликвий, изображений и т. п.

Ничто, однако, не может дать таких потрясающих доказательств в пользу сексуальной природы религиозного чувства, как хотя бы самый общий очерк механизма так называемого соединения с божеством. И если даже мы здесь встречаемся с различными уклонениями и оттенками, то тем не менее общая история такого единения остается правильной. И обобщая данные, приведенные и Джемсом и другими исследователями, мы

находим следующую картину. Первый период дает по общему правилу переживания тоски, неудовлетворенности и меланхолии. По своему характеру она вполне совпадает с теми меланхолическими приступами, которые мы встречаем у молодежи в период полового созревания. К этому в виде естественного продолжения присоединяется сознание своей слабости и греховности, беспомощности и недостоинства. В религиозной форме мы здесь имеем по существу тот же процесс, который встречается во всех случаях давления непознанных сил человека на его собственную психику, что приводит к необходимости того или иного разрешения противоречия. И религиозная меланхолия в своей природе ничем не отличается от либидинозной. И подобно тому, как во второй субъект не только переживает различные извращения и порою доходит до самоубийства, так и в религиозной сплошь и рядом в результате неудовлетворения рождается самоистязание, пост, аскеза в самых уродливых формах.

Вместе с тем и здесь, как и в процесс влюбленности, сначала мечтательной и беспредметной, а затем все более оформленной, наступает момент нахождения того или иного объекта. Тоска и меланхолия получают определенное содержание. И совершенно так же, как это бывает при безнадежной и неудовлетворенной любви, в центре становится более или менее идеализованная фигура небесного жениха, святой девы, божественного отца и т. п. Все страдания и муки неразделенной любви, как ее не раз изображали поэты и романисты, проходят перед нами с утомительным постоянством. И подобно тому, как влюбленный старается привлечь к себе внимание своего предмета, точно так же и здесь он добивается ответных чувств при помощи принесения новых жертв, совершения различных подвигов, а в том числе опять-таки и добрых дел и аскетических самоограничений и самоистязаний. В высшей степени характерно в таких случаях, что самоистязания и самоограничения обращаются в большинстве случаев на половую сферу. И независимо от того объяснения, которое этому факту дает Фрейд (мы ознакомимся с ним ниже), здесь бросается в глаза своего рода соперничество между небесной и земной любовью за обладание гениталиями верующего. И нельзя не видеть некоторой логики в том явлении, что человек, возлюбивший божество, как бы совершает ему измену, если он в то же время предается плотской или земной любви к себе подобным. Не менее замечательно и то обстоятельство, что как раз на той же почве соперничества между земной и небесной любовью происходят пресловутые искушения диаволом отшельников и аскетов. Это, очевидно, самое чувствительное место не только для человека, но и для божества. Завоевание гениталий для небес—одна из важнейших задач спасения.

Переходя от стадии, так сказать, подготовительной к самому моменту обладания божеством, мы видим, что и здесь, подобно половой любви, имеется целый ряд отдельных стадий, которые подлежат различным индивидуальным изменениям. Так, во-первых, мы имеем случаи, когда рождается счастье взаимной любви подобно «пистолетному выстрелу»—таков случай Ромео и Джульетты—этому в религиозной практике вполне

соответствует внезапное озарение, обращение или слияние, когда верующий как будто неожиданно и сразу переживает экстаз обладания и небесного брака. Второй случай, также целиком аналогичный земной любви, дает сначала картину предварительной борьбы, а затем уже блаженство слияния и обладания. В таком случае мы наблюдаем сначала картину чрезвычайного унижения, отчаяния, мольбы, но за нею следует все растущее напряжение алчущей воли, впечатление самой настоящей борьбы и преодоления препятствий, пока, наконец, путем последнего и самого, как кажется, могучего напряжения страсти не превозмогается сопротивление и наступает сексуальный экстаз со всеми его психологическими атрибутами — погружения в бесконечность, неописуемого восторга, сладости, обновления и даже порой ощущения разных запахов, видения образов, слышания чудных мелодий и т. п. Весь акт совершается в тонах восхождения и подъема, роста или даже воскресения. Последние же символы определенно указывают нам на определенный характер либидинозного переживания.

Если позволено будет сделать теперь из приведенных данных некоторые выводы, то мы не можем не предположить, что элементарный психологический анализ «религиозного опыта» дает нам совершенно достаточную и притом прямую картину отражения либидо в религиозных переживаниях. Сходство между эротикой и мистикой оказывается прямо поразительным. Ее лишний раз подтверждает и дополняет и та терминология, обрядность и символика, которая также прямо и наивно обнаруживает характер религиозных чувствований. И если мы возведем в несколько степеней те ласкательные имена, нежные прозвища, преувеличенные до последней степени эпитеты, которыми награждают друг друга любящие существа, и еще усилим внешние знаки преклонения, преданности, благоговения и самоуничижения, которыми осыпают влюбленные свой предмет, то получим основной тон тех славословий, акафистов, гимнов и обращений, которые дают громадный комплекс своего рода любовной поэзии и литературы, составляющий большую часть и молитвословий и богослужений всего мира. Впрочем, и обладание далеко не ограничивается платоническим экстазом. Все культы с древнейших времен дают нам своеобразную замену эротики гастрономией, при чем плотское обладание божеством заменяется съедением части его воображаемого тела и питьем его крови. Не надо забывать, что даже по христианскому ритуалу этим путем не только устанавливается реальное общение с богом, но оно сопровождается необычайно сладостными, а часто и экстатическими переживаниями. Дело при этом весьма мало меняется от того, имеем ли мы здесь либидо, направленное на бога-отца, богиню-мать, бога-сына и т. п. Это определяет лишь оттенки, но не существо.

После сказанного мы можем оценить все значение открытий Фрейда, установившего не только преобладание сексуального содержания нашей подсознательной жизни, но и наметившего пути его превращения. Как известно, Фрейд установил два основных типа течения либидо помимо непосредственного удовлетворения его. Первый определяется как вытес-

нение, второй—как сублимация. Оба эти типа особенно важны для психоанализа религии. Первый лежит в основе мистической стороны религиозного построения, второй—эстетической и рациональной переработки сексуального мышления. Подобно сублимации, и вытеснение является результатом исторически и фактически обусловленного конфликта. «Общество, как говорит Фрейд, вынуждено поставить себе в число своих самых главных задач в области воспитания—укротить, ограничить и подчинить индивидуальной воле, идентичной социальному велению, сексуальное влечение, когда оно впервые обнаруживается в виде стремления к продолжению рода. Интересы общества требуют также, чтобы его полное развитие было отодвинуто до тех пор, пока ребенок не достигнет известной степени интеллектуальной зрелости, потому что с полным прорывом сексуального влечения кончается также податливость влиянию воспитателя. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело бы возведенное с таким трудом здание культуры. И задача—укротить это влечение не так легка, она удается то слишком плохо, то слишком хорошо. Основной мотив человеческого общества, в конечном результате, оказывается экономическим... оно должно ограничить число своих членов и энергию их отклонить от сексуальных переживаний в сторону труда». (Фрейд, «Лекции по психоанализу», т. II, стр. 101).

Разрешение указанного конфликта может произойти совершенно нормальным путем. Благодаря «большой пластичности» сексуальных влечений и при помощи вмешательства нашего сознания, созданного обществом и работающего под его непрестанным давлением, эти влечения меняют свои цели, переходят на иные объекты, присоединяются, наконец, к иным, не сексуальным, а общественным, и таким образом «сублимируются», т.-е. поднимаются сравнительно на высшую ступень. Не то происходит с другими. Во-первых, на живом существе может очень тяжело отразиться его прошлое, и в известных частях его сексуальные влечения могут подвергнуться регрессии, т.-е. возврату к исторически давно уже отжившим формам либидо, которые опять-таки благодаря приостановкам развития—фиксация—сохранили способность оживления. Само собой разумеется, что подобное воскрешение прошлого встречает со стороны нового и связанных с ним условий общественной жизни величайшее сопротивление. Во-вторых же, поскольку общество не может использовать всего богатства либидо и перевести его сознательным путем на высшие социальные цели или сублимировать, постольку же оно заинтересовано в подавлении тех сил, которые могут вместо созидательной и организующей деятельности дать дезорганизацию и разрушение. В этих случаях мы встречаемся с такой социальной реакцией, которая приводит непосредственно к «вытеснению». (В наз. соч., стр. 129—136).

Вышеприведенные положения Фрейда имеют для социолога исключительный интерес. Особенно здесь интересны два положения: одно об отношении сексуального мышления к обществу и его развитию, другое—о роли вытеснения в социальной же среде. Сначала мы остановимся на первом пункте. Как мы могли видеть, Фрейд определенно противопола-

гает первобытное мышление последующему рациональному сознанию и почитает первое по его основной природе антисоциальным, тогда как только за вторым он признает истинно социальный характер. Это утверждение подтверждается еще примером сексуального мышления детей, невротиков и душевнобольных. На первый взгляд такое положение как будто не представляет особенной новизны. Так как если стать на точку зрения социальности или антисоциальности поведения, то мы имеем по этому ряд мнений социологов, которые приблизительно утверждают то же самое. Еще Г. Спенсер в своих «Основаниях этики» считал совершенно недостаточным, с социальной точки зрения, стремление к сохранению индивидуальной жизни и к воспитанию потомства, ибо в этих случаях жизнь «остается вполне хищническою». Джон Леббок точно так же решительно предупреждает от смешения «родственной любви» с «нравственным чувством», хотя «родительское и сыновнее чувство и обладают видимым нравственным характером». Летурно прямо говорит об «автоматической нравственности» дикарей, когда «человек никогда не обсуждает своих поступков, никогда не взвешивает их с точки зрения пользы» и осуществляет свое поведение «под влиянием соответственного импульса»... «почти роковым, неудержимым образом». Даже Вундт характеризует линию поведения первобытного человека даже в тех формах, где она пленяла своим идиллическим видом разных наблюдателей, как «нравственность отрицательную». (Спенсер, «Основания этики», русск. пер., ч. I, СПБ., 1899, стр. 10—11. Д. Леббок, «Начало цивилизации», русск. пер. СПБ., 1875, стр. 281. Летурно, «Социология», рус. пер. СПБ., 1896, стр. 257. Вундт, «Элементы психологии народов», рус. пер. СПБ., 1913, стр. 74).

Оригинальность учения Фрейда в данной области, однако, заключается в том, что он определенно противопоставил «два принципа психической деятельности», при чем он установил и их главнейшие признаки Решающим здесь является отношение к реальности. Попробуем наметить указанные Фрейдом два типа нашей деятельности. Противопоставим эти два типа мышления и поведения, как они выяснены нашим автором. Прежде всего, сексуальная деятельность основана непосредственно на либидо или эротическом желании, в то время как социальное поведение развивается под влиянием «жизненной необходимости» и «реальной нужды». Первая руководствуется мотивом наслаждения (удовольствия—неудовольствия), второе—выгоды или интереса. Первая, будучи благодаря автоэротизму в значительной степени независимой от реальной среды, удовлетворяется деятельностью фантазии, тогда как второе, опираясь на обращенные к внешнему миру органы чувств и связанное с ними сознание, воспринимает при помощи «внимания» «реальность», запечатлевает ее в памяти, произносит по поводу ее более или менее беспристрастное «суждение» и осуществляет его в «целесообразном изменении действительности». Первый процесс или целиком или в значительной и основной своей части бессознателен, второй проходит при живом участии сознательного контроля или руководства нашего *я*. Воспитание человека от либидо к

сознанию охватывает его жизнь от первых дней существования вплоть до наступления зрелости, и в этом развитии Фрейд видит филогенетическое повторение того же самого хода эволюции, который проделывает само человечество в своем историческом процессе. На этом основании он считает себя в праве «ступени развития человеческого миросозерцания сравнивать со стадиями либидинозного развития индивида». С этой точки зрения «по времени и по содержанию анимистическая фаза соответствует нарцизму, религиозная фаза — той ступени нахождения объекта, которая характеризуется связью с родителями, и научная фаза имеет полное соответствие тому состоянию зрелости индивида, когда он отказывается от принципа наслаждения и ищет объекта во внешнем мире при помощи приспособления к действительности». (Фрейд, «Основные психологические теории в психоанализе». М., 1923, стр. 32 и след. «Лекции по введению в психоанализ», т. II, стр. 140—147. «Totem und Tabu», стр. 120).

К этим положениям Фрейда мы можем присоединить еще одно соображение, которое невольно подсказывается уже не психологическим, а хозяйственным или экономическим моментом в первобытной истории человека. Мы уже выше в положениях о религии Маркса и Энгельса читали о связи между крайне низким уровнем производства и развитием религии. Теперь с выяснением господства либидо в форме кровно-родового принципа в первобытном обществе дается возможность лишнего подтверждения связи экономики с различными, а в том числе родовыми и религиозными надстройками. И в самом деле, если мы попробуем выяснить хозяйство указанной эпохи, то мы находим при крайней недостаточности техники и слабости орудий большое значение, а часто и преобладание различных форм такого усвоения продуктов природы, которое приближается, в большей или меньшей степени к простому собиранию или же случайному нахождению тех или иных годных для пищи веществ. Наличность хлебного дерева, саговой и кокосовой пальмы, а в других странах—кореньев. клубней большого трюфеля, эвкалиптового сока, просто смолы, ягод и водорослей—вполне удовлетворяют каких-нибудь лесных людей в роде цейлонских веддахов, малаккских семангов и сенои, филиппинских негритосов или африканских бушменов доколониальной эпохи. Труд здесь минимален, и более чем естественно, что избыток сил целиком уходит в сферу сексуальных отношений и деятельности. В меньшей степени такой простор для осуществления либидо имеется у племен, поставленных в необходимость большого применения труда и пользующихся более усовершенствованными орудиями. Таковы охотничьи племена анимистической и тотемистической эпохи, однако и здесь остается еще слишком большое поле для сексуально-религиозной игры. (Летурно, «Социология», стр 12 и след. Вундт, «Элементы психологии», стр. 40).

Однако, к сказанному мы должны еще добавить следующее. Поскольку человек не пользуется трудом в обеспечении себе необходимых материальных благ, а является, так сказать, простым «паразитом» природы, постольку же у него должна вообще родиться склонность к такому ми-

роощущению, которое в наибольшей степени носит своего рода паразитарный характер. А между тем как раз отношения, возникающие на основе осуществления либидо, резко отличаются таким паразитарным характером. Ибо ребенок с первых дней своего существования в качестве эмбриона несет на себе резко выраженную печать паразита. Таков же его характер и впоследствии после его рождения на свет. Этот же характер отношений в общем и целом сохраняется до тех пор, пока он не достигает зрелости и не отделяется от родительской пуповины. Поскольку же сексуальные отношения продолжаются и после этого момента и переходят в новые отношения половой связи, они естественно стремятся сохранить тот же характер, при чем в высшей степени замечательно, что при одних условиях мужчина становится паразитом женщины уже в качестве мужа или любовника (кота), или, наоборот, женщина становится паразитом мужчины (содержанка). Характерно, что подобные стремления к паразитизму, имеющие ясно выраженный сексуальный характер, уцелели до настоящего времени в обширных размерах во всевозможных формах «содержанства» в семейной или свободной форме, при чем такие дегенеративные элементы, как альфонсы и проститутки, прямо воскрешают ту эпоху развития общества, когда мужчина паразитировал за счет эксплуатации своей самки.

Понятна после сказанного та борьба, которую вело общество против господства либидо с того времени, когда «необходимость» или «нужда», или попросту экономические условия наложили свою тяжелую руку на людей, играющих свои сексуальные игры. И если до этого «вытеснению» подлежали все неприятные ощущения, которые безжалостно пробуждали человека из «золотых снов» людоедства и кровосмешения, то теперь, наоборот, происходит процесс «вытеснения» бессознательного блаженства пола в пользу трезвого и мучительного производства. Однако, и эпоха сексуального мышления далеко не была безмятежно мирной и покойной. И если верить данным психоанализа и его заключениям относительно психологического филогенезиса, то придется признать, что задолго до борьбы классов человечество пережило не менее жестокую борьбу на почве ограничения половой связи возрастных групп и поколений, а с другой стороны семейных организаций и мужских клубов. В этом отношении нарисованная Морганом, а за ним Энгельсом, картина идиллических форм родового быта нуждается в сильном дополнении при помощи изучения более ранних общественных организаций, которые Фрейд и его школа пробуют восстановтть путем психоанализа, примененного к социологии. Ниже мы остановимся на той драме, которая, по учению Фрейда и его школы, некогда разыгралась на почве борьбы за женщину в древнейшем обществе. Сейчас мы должны социологически оценить его учение о «вытеснении», как последнее складывается на основе перехода от кровнородового быта к быту, основанному на разделении труда.

Учение Фрейда о вытеснениях, как известно, основано на предположении совместного существования различных видов душевной жизни человека. Таких систем Фрейд различает три: бессознательную, предсо-

знательную и сознательную. Ядро первой состоит из желаний, т.-е. влечений, стремящихся дать выход сексуальной энергии. «В этой системе нет отрицания, нет сомнения, нет различных степеней достоверности». Ей присуща «большая подвижность активной силы», которая легко и пластично передвигается, сдвигается и подставляется под любое представление. Это—свойство «сдвига». Эта же система обладает способностью «сгущения», при чем одно представление может сконцентрировать на себе активность многих представлений—способность «сгущения». Процессы этой системы далее «не имеют никакого отношения к времени». Они, наконец, заменяют «внешнюю реальность психической». В деятельности предсознательной «создается возможность сообщения между содержанием представлений с целью оказывать влияние друг на друга, создаются расположения этих представлений во временном порядке... испытание реальности и принцип реальности и организуется сознательная память». Связь между бессознательной и предсознательной сферой устанавливается таким образом, что бессознательные «предметные представления» в предсознании снабжаются «словесными представлениями». Наконец, система сознательного мышления «благодаря различению внутреннего и внешнего» и обладая в то же время «моторной иннервацией» при помощи действия производит «испытание реальности» и в силу этого получает возможность организовывать и руководить как нашими действиями, так и в известной степени аффектами. Оно оперирует сознательными представлениями, которые обнимают собой предметные представления, связанные с представлениями словесными. (Фрейд, «Основные психол. теории», стр. 144, 145, 157, 171).

Взаимодействие между названными системами может быть установлено следующим образом. Прежде всего состав бессознания—желания, представления, аффекты—могут быть проведены через предсознание и сознание. Здесь возможен двоякий эффект. Во-первых, эти данные бессознания могут быть одобрены и приняты нашим разумным мышлением. В таком случае присоединение бессознательно рожденной энергии к той, которая уже связана с сознательными представлениями, создает «способность к исключительной по совершенству деятельности», снабженной к тому же громадной степенью «сопротивляемости». Во-вторых, при помощи своей критики, как мы видели уже выше, основанной на проверке действием, сознание может разложить и подвергнуть рационально мотивированному осуждению тот материал, который оно получило из области бессознания. В таком случае целиком или в значительной части толчок, данный из бессознательной сферы, ликвидируется или исчерпывается. Но возможно и другое решение вопроса. Благодаря тому, что на грани между сознательной и предсознательной сферой, так же как на границе между предсознательной и бессознательной областью, имеется особый аппарат узнавания и задержки, или «цензуры», данные бессознания на той или другой ступени отбрасываются обратно в сферу бессознания, и присущая им энергия или подавляется или же ищет других путей для своего осуществления. Так происходит «вытеснение», которое дает

различные результаты, подробно изложенные у Фрейда. (Там же, стр. 90 и след., 138 и след.).

Остановимся на этих результатах. Таковыми могут быть: 1) при определенном органическом предрасположении «фиксация либидо», или, другими словами, остановка его на одной из стадий развития; 2) регрессия либидо, которая выражается в возвращении либидо к одной из прежде пройденных форм; 3) извращение *я* под влиянием фиксации или регрессии, при чем *я* принимает перверзный или инфантильный характер; 4) или под влиянием патогенного конфликта между сознательным *я* и либидо сообразно силе того и другого фактора появление интроверзии. Этим путем совершается переход от реальности и реального удовлетворения к фантастическому и чисто психологическому в мечтах и представлениях. Становясь на путь искусства, такой инвертированный возвращается к реальности. Наконец, 5) появление симптомов, т.-е. образование неврозов перенесения, а именно, разрешение конфликта путем истерии, страха, конверзионной истерии или, что самое важное для религиозных переживаний, путем невроза навязчивости, где в особенности сильно работает замещение вытесненных аффектов и представлений при помощи новых полученных при посредстве сгущения и сдвига. Не будем забывать, что такой процесс может быть извлечен лишь обращением к сознанию, которое опять-таки может занять различную позицию. Или оно выявляет вытесненное содержание, проводя его через положительное либо отрицательное суждение, либо оно его сублимирует, либо, наконец, оно подчиняется вытесненному было комплексу и само извращается, создавая для замещающих представлений логическое обоснование.

(Окончание следует.)

РУССКИЙ ПАПА [1].

Проф. П. Преображенский.

Может-быть, заглавие этого выпуска трудов Румянцовского музея введет иного читателя в заблуждение. Его центральная фигура почти что отсутствует — писем самого Победоносцева крайне мало, и имеющиеся носят, по большей части, характер официальных отписок, которые он почему-либо считал необходимым сохранить в своем архиве. Но если немного прямых лучей падает на эту сакраментальную для двух последних царствований фигуру, то ее косвенное освещение чрезвычайно рельефно. Перед нами фокус российской реакции в царствование Александра III (как раз эту эпоху обнимают два изданных полутома). И в этом фокусе сходится необычайно богатая гамма световых эффектов— от столпа русского либерализма Б. Н. Чичерина до игуменьи женского монастыря и целой гирлянды добровольных доносчиков и прожектёров на различные реакционные темы. Можно даже сделать следующее любопытное наблюдение — победоносцевский архив особенно разбухает в 1881 и 1887 годах, когда в стане российских реакционеров шла особо деятельная мобилизация сил по случаю активных выступлений революционеров. И именно для этих годов архив Победоносцева приобретает свой наибольший интерес.

Лейтмотивом для победоносцевских бумаг за 1881 год может служить знаменитое письмо Победоносцева к Александру III от 30 марта 1881 г. (стр. 47—48), где Победоносцев с необычайной настойчивостью, ссылаясь и на народ русский и на господа бога, требует казни деятелей 1 марта. Этот кровожадный вопль немедленно нашел сочувственный отклик, и письмо Победоносцева украсилось высочайшей резолюцией—«...все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь». Как справедливо замечает М. Н. Покровский, дело было, конечно, не в том, что Победоносцев просто отличался кровожадностью,—надо было толкнуть Александра III на такой шаг, который сделал бы окончательно невозможным всякое возвращение к конституционным мечтам наподобие лорис-меликовских. И действи-

[1]) Труды Государственного Музея. Выпуск II. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», том I, полутомы 1 и 2. Гиз. Москва, 1923. Стр. 1147.

тельно, уже 21 апреля Александр III сообщает Победоносцеву: «Странно слушать умных людей, которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма» (стр. 49), а в записке, повидимому, набросанной Победоносцевым немедленно после исторического заседания комитета министров от 28 апреля, мы находим и драматическое описание сцены, во время которой выяснилось и крушение надежд на «конституцию», и авторство известного манифеста 29 апреля. «...Набоков заявил новость о манифесте и прочел. Взрыв негодования. Абаза, выходя из себя, кричал: надо остановить, надо требовать, чтобы государь взял назад это нарушение контракта, в который он вошел с нами... Абаза с азартом сказал: кто писал этот манифест? Я выступил и сказал: я. Минута драматическая. Я поспешил уехать». Так кончилась лорис-меликовская весна. Кстати, с транскрипцией этого интереснейшего документа у редакции победоносцевского архива вышло что-то неладное. В приложенном автографе мы читаем: «Рассуждали много,—и все вертелось около учреждения quasi-конституционного». В транскрипции это «quasi» выпущено. Не говоря уже о небрежности редактора, позволившего себе печатать рядом различающиеся автограф и транскрипцию, искажающую смысл, мы должны заметить, что в данном случае Победоносцев был гораздо более прав, чем этот редактор и по существу.

Центральным документом победоносцевского архива за 1881 год мы все же должны считать записку Б. Н. Чичерина—«Задачи нового царствования». Идол российского либерализма, перепуганный событиями 1 марта, выставил в этой записке очень отчетливую политическую программу, проведение в жизнь которой излечило бы русское общество от охвативших его недугов. Отрицательная часть этой программы очень подробна, и самое поразительное заключается в том, что русское царское правительство, которое, по выражению Бисмарка, было всегда тяжело на подъем, медленно и неуклюже, но все-таки шло по чичеринскому пути, черезчур медленно, на свое несчастье. В самом деле, какие «лекарства» решительно отвергаются Чичериным. Это, прежде всего, свобода печати, так как «периодическая печать... явилась элементом разлагающим... Она породила Чернышевских, Добролюбовых, Писаревых и многочисленных их последователей, которым имя ныне легион...» (стр. 107); удовлетворение требований молодежи, возвращение политических ссыльных, так как «когда шайка крамольников доходит до самых неслыханных злодеяний, тогда спасение общества требует приостановки гарантий» (стр. 109), административные реформы, улучшение хозяйственного быта крестьян, уравнение податей. При обсуждении предпоследнего «лекарства» Чичерин устанавливает один из самых важных пунктов и своей положительной программы—«единственной разумной мерой было бы довершение освобождения русского крестьянства освобождением его от общины и круговой поруки, присвоением ему в собственность той земли, на которую он имеет неотъемлемое право, ибо он покупает ее на свои трудовые

деньги» (стр. 111). Это и есть первый проект, так поздно осуществленный на несчастье царского правительства, столыпинской ставки на крепкого мужичка. Крепкие мужички, действительно, были нужны Чичерину, так как положительная задача предлагаемой им политики очерчена очень ясно—«злоба дня состоит в борьбе с социализмом» (стр. 113). И для этого крестового похода нужны и мужички и мирное согласие русского общества с правительством, для чего Чичерин предлагает созыв или, вернее, дополнение государственного совета выборными депутатами—«по одному депутату от дворянства и по два от земства каждой губернии—таково было бы, предположительно, самое рациональное решение задачи» (стр. 119). Разумеется, этот реформированный государственный совет должен был быть только законосовещательным органом. Такова положительная программа представителя общества, которое «напугано явлениями социализма и готово столпиться около всякого правительства, которое даст ему защиту» (стр. 120).

В параллель с чичеринской программой можно поставить и проекты известного железнодорожного деятеля Павла фон-Дервиза. Фон-Дервиз недоволен новым судопроизводством, которое «не по деньгам казне, не по деньгам народу» (стр. 136). Старинный подьячий, который «служил своему доверителю от сердца» (там же), кажется ему много предпочтительней адвоката, этого «трибуна салонного..., поставщика продажных фраз» (там же). Еще в 1880 году тот же Дервиз открывает поход против «кухаркиных детей», советуя не допускать к «гимназическому образованию детей, которым оно не по средствам» (стр. 31), а для вящшего единения правительства и народа рекомендует устройство «государевых изб», чего-то в роде сельского красного креста. У Чичерина—устранение общины, у Дервиза—«государевы избы».

Вообще на народное образование, а высшее в особенности, устремлены взгляды целого ряда корреспондентов Победоносцева. Археолог М. Юзефович, мечтающий о том времени, когда «прекратятся все иллюзии нашей напуганной интеллигенции, потеряют почву все благовидные козни нашей непотребной печати, станет невозможным хитрый обман нейтралитета между Богом и Чортом» (стр. 196), носится с проектом сведения числа университетов до одного или двух на все государство и устройство вместо остальных школы прикладных знаний, переход из которой в университеты будет очень затруднен. Некий аноним сетует, что: «Все университеты загрязнены, а московский, кажется, наиболее, ректор его не имеет ни бога, ни совести, проректор—либерал дурного качества, есть и профессора явные безбожники...» (стр. 227). Другой аноним выражается еще определенней—«я просил бы только правительство познакомиться хорошенько с профессорами, много между этими господами сволочи, сбивающих сыновей наших с истинного пути» (стр. 220). Впрочем, этот последний аноним вообще человек очень решительный. Для успешной борьбы с революцией он рекомендует устройство систематического террора внутри страны, а кстати и расправу не только с Драгомановым, Лавровым и «им подобными злодеями» (стр. 221), но и с «иноземными социали-

стами» (там же), что «может быть очень легко произведено деньгами и помощию искусных людей, преданных делу» (там же). Одним словом, перед нами программа, хотя и довольно первобытная, доморощенного русского фашизма.

1887 год приносит с собой новый поход против народного образования. Бывший директор новочеркасской гимназии Д. Щеглов обличает крамолу и среди гимназистов и в самой системе действий министерства народного просвещения, видя во всем этом «скрытую конституцию» (стр. 757). Некая Анна Гурина открывает крамолу и в военно-медицинской академии, и в селе Голтвана, Кобелякского уезда, Полтавской губернии, и в Лубнах, и в Лохвице. С последними дело совсем плохо—«Лубны, Лохвицы—убежище анархистов, здесь все гуманно либеральничают» (стр. 777). Группа родителей, «скорбящих о своих детях» (стр. 786), доносит на иноверных педагогов 8-й петербургской гимназии. Все эти тянущиеся со всех концов России нити сходятся в кабинете всесильного обер-прокурора синода, который, как известно, проявил своеобразную заботливость в деле народного просвещения, устроив сельское духовенство в каком-то среднем положении между руководителем народной школы и государевым оком в толще русского мужицкого царства.

Конечно, народное образование, благодаря его соприкосновению с синодальным ведомством, особенно близко стояло к Победоносцеву, и всякие меры, направленные к обузданию крамольных университетов, бунтующих духовных семинарий, ученых обществ и даже театра, находили немедленное отражение в его переписке. Студенческие беспорядки, проект закрыть в связи с ними университет, реферат Владимира Соловьева в московском психологическом обществе, напечатание и постановка «Власти тьмы» и, разумеется, меры цензурного характера—со всем этим к Победоносцеву обращаются за советами, дают советы и ему, обвиняют и оправдываются.

Но мимо него не проходят и другие меры внутренней политики. Он принимает ближайшее участие в ограничении компетенции суда присяжных, и министр юстиции Манасеин, повидимому, считает его главным союзником в этом окарнании публичного судопроизводства. Введение института земских начальников тоже не обходится без его деятельного участия. Этот дьяконский внук выхлопатывает пенсии, составляет манифесты, принимает ходатайства, воспитывает наследника, принимает донесения полицейских филёров и полицейских генералов. И в то же время это—бесспорный глава русской церкви, от которого зависит и принятие обратно выгнанного воспитанника духовной академии, и аудиенция епископа или митрополита у царя. В условиях русского цезаро-папизма Победоносцев из профессора-юриста становится папой русской церкви, для признания власти и непогрешимости которого не требуется ни подложных декреталий, ни церковных соборов, а только один царский указ. Своей цепкой рукой, своим елейным и напыщенно-семинарским словом он вырывает из православной церкви последние остатки духа живого, окончательно превращая ее в орудие угнетения и полицейский департамент. И, как всякий

папа, он владыка не только духовный, но и светский. Тень обер-прокурора мелькает за фигурами министров, сенаторов, членов государственного совета, князей церкви и самого императора. Архив этого российского великого инквизитора пестр, как были пестры и разнообразны дела лежавшие на нем, и во всех этих его деяниях, во всей этой корреспонденции есть что-то нудное, бесталанное, упершееся на месте и застывшее, без всяких новых слов, новых идей. Он лежал на теле России, как холодный и даже неспособный к разложению — ибо разложение есть тоже жизнь—труп, и в этой своей неподвижности, неизобретательности и мертвости как бы символизировал грядущую катастрофу режима, которому он служил.

Однако, не только внутренняя политика эпохи Александра III смотрит на нас со страниц его архива. Дела внешние тоже нашли себе отражение в обер-прокурорской корреспонденции. В частности хлопотливая для русских дипломатов эпоха 1886—87 годов, эпоха тревог в русско-германских отношениях, нашла свое изображение, правда, косвенное и не всегда ясное в документах Победоносцева. Прежде всего, довольно интересны данные, относящиеся к попыткам проникновения русского влияния на восток, в Персию и Балканский полуостров. Можно составить себе довольно ясное представление о проектах железнодорожного строительства в Персии. С одной стороны, к Победоносцеву обращается за покровительством московский купец Осипов, очевидно, выступающий от имени целой группы московских капиталистов. Осипов чрезвычайно озабочен проектом уже знакомого нам фон-Дервиза, который якобы составил в Берлине компанию «переодетых в русское платье евреев» (стр. 696) для облагодетельствования персов железнодорожными путями. Осипов обращается к Победоносцеву как «русскому глубокому патриоту» (там же) с просьбой противодействовать Дервизу в виду наличия на этот предмет истинно-русского капитала. Осипов двинул дело и дальше, подав уже от имени целой группы капиталистов записку министру финансов И. А. Вышнеградскому, который немедленно препроводил свой отзыв опять-таки Победоносцеву (стр. 844). Отзыв Вышнеградского был благоприятен, хотя, вместо сквозного пути—Каспий—Персидский залив, министр финансов считал необходимым осуществлять этот путь небольшими участками, при чем последний из этих участков—Испагань—Персидский залив должен был быть построен в самую последнюю очередь, чтобы дать возможность русской торговле и промышленности уже укрепиться в Персии до того момента, когда путь в последнюю будет открыт и с юга. Это своеобразное «тише едешь—дальше будешь» для защиты от английской конкуренции весьма поучительно.

С другой стороны, у осиповской группы был соперник с гораздо более широкими замыслами, который также руководился «исключительно истинным долгом верноподданного и глубоким убеждением, что приобретение турецких железных дорог есть одно из наиполезнейших дел для царя и отечества» (стр. 654),—Самуил Поляков. Поляков не только предлагал приобрести для русского правительства концессию на построй-

ку железных дорог в Персии—здесь, в персидских делах, он действовал еще сравнительно в узких рамках. Французский инженер Буаталь уже в 1881 г. получил концессию на железную дорогу от Решта до Тегерана, но потерял на нее право, которое и возобновил, хотя и в самом минимальном размере, в 1887 г. Для того, чтобы не потерять его снова, а по возможности и расширить до прежних размеров, он обратился к «русским антрепренерам» (стр. 706), среди которых, возможно, был и упомянутый Осипов. По всей вероятности, Буаталь как-то проскользнул между английской компанией, добивавшейся концессии Тегеран—Персидский залив, и русским предпринимателем Балашковским, который, с ведома Победоносцева, домогался и железнодорожной концессии и аренды персидских таможен, хотя это предприятие окончилось для него печально. Самуил Поляков выступил с проектом не только приобрести концессию Буаталя, но и вырвать из рук австрийской компании железные дороги Болгарии и Европейской Турции. Поляков считал возможным составить для этой цели синдикат и при посредничестве голландской биржи, «не горячась и не спеша» (стр. 577), скупить акции этих дорог для того, чтобы «с такою же осторожностью и втихомолку русское правительство могло бы перевести эти акции в свои руки» (там же). Очевидно, в этом деле Полякову был не прочь оказать содействие и его зять, барон Джемс Гирш (стр. 578), который, по свидетельству Полякова, являлся «полным хозяином этого дела» (стр. 737). Александр III на письме Победоносцева по этому поводу положил следующую резолюцию: «При таких условиях я ничего не имею, чтобы Поляков следил за этим делом и, изучивши, представил свои соображения, но, конечно, это ни к чему правительство не обязывает» (стр. 578). Печальные предчувствия Полякова о неспособности русского министерства иностранных дел (стр. 577) оправдались целиком. Из письма И. Циона мы узнаем, что французский Оттоманский банк через посредство маркиза д'Абзака обращался к Каткову с предложением покупки всех турецких железных дорог, с тем, чтобы предоставить их «в полное распоряжение России» (стр. 808), прося только о том, чтобы русский посол в Константинополе поддержал их предложение перед Портой. Несмотря на поддержку Вышнеградского, русское министерство иностранных дел «отказалось интересоваться этим делом, и предложение было отклонено» (стр. 809). Железные дороги попали в руки Австрии. Это торжество Австрии и поражение России довольно знаменательно совпадают с окончательным крушением союза трех императоров и временной заменой этого последнего знаменитым договором «с двойным дном».

Есть в победоносцевском архиве и некоторые указания на обстоятельства крушения этого оплота европейской реакции. Становится совершенно ясным, что яростно агитировавший против возобновления австро-германо-русского соглашения Катков знал об его заключении в 1881 г. и возобновлении в 1884 г. Обвинявшийся в передаче Каткову этой дипломатической тайны бывший посол в Берлине Сабуров не отрицает того факта, что Катков знал об этих секретных договорах, а только сваливает вину в их разглашении на Зиновьева. Характерно замечание директора азиат-

ского департамента министерства в разговоре с Катковым, которое приводит Сабуров—«впрочем, это все равно, это—клочок бумаги, который мы всегда можем разорвать, когда пожелаем» (стр. 691). Оказывается, что и у нас были свои отечественные Бетман-Гольвеги. Из цитированного уже нами письма И. Циона мы можем узнать и направление той орбиты, на которую начала склоняться русская иностранная политика. Корреспондент «Московских Ведомостей» сообщает Победоносцеву, что «группа первоклассных французских банкиров и банков... хлопотали... о разрешении устроить... банк в двести миллионов франков металлической валюты. Банк этот в мирное время удешевил бы в России кредит и постепенно содействовал бы восстановлению нашей валюты, а в случае войны он мог бы поставить в распоряжение России миллиарды» (стр. 809). Программа королей французской биржи была намечена уже в 1886—87 годах и успела заслужить сочувствие и у И. А. Вышнеградского. Так готовился союз республиканской Франции и самодержавной России.

Таким образом, и историк внешней политики найдет много любопытного в том калейдоскопе лиц и событий, который проходит перед нами в победоносцевском архиве. Правда, этот калейдоскоп и обрывочен, и фрагментарен, и нельзя сказать, чтобы редакторская работа была выполнена вполне тщательно и аккуратно. Но все же в этом издании мы имеем хотя и разорванную на части, но все-таки колоритную, лабораторию российского реакционных дел мастера.

Именно бесталанная и омертвелая неподвижность победоносцевщины вскормила и воспитала как последнего царя, так и последнее царствование. Глава российской церкви в роли пестуна Николая II привил последнему царствованию характер упадочной религиозности и сам, будучи самозванным церковником, оказался крестным отцом той вакханалии, которую разваливавшаяся монархия справила на развалинах победоносцевской церкви. От Победоносцева—как от живого трупа—было нечему научиться. Даже в том случае, если бы у него были талантливые ученики. А Николай II не принадлежал к числу последних.

ДНЕВНИК СУВОРИНА [1]).

Г. Гордон.

Среди той массы мемуаров, которая печаталась и продолжает печататься за последние годы, «Дневник» Суворина выделяется в одном существенном отношении: он совсем не предназначался для печати, в нем нет никаких лукавых мудрствований, ничто не ретушировано. Написанный, по словам издателя, на отдельных клочках бумаги, испещренных всякими финансовыми заметками, не относящимися к делу, он представляет собою повседневную запись разных происшествий в близких автору мирах, — бюрократическом, газетном, театральном, — слухов, анекдотов, встреч, разговоров: год за годом, месяц за месяцем, день за днем старый фельетонист заносит на страницы своего дневника всевозможные альковные сплетни, пикантные рассказы, театральные дрязги, сенсационные политические разоблачения, беседы с разными министрами, главноуправляющими и т. д. Существенно новых, с исторической точки зрения, фактов в дневнике не найти, политического значения для настоящего времени он, конечно, не имеет, но как человеческий документ и как протокольно верная картина нравов и обихода верхушек петербургского «общества» незадолго до окончательного крушения романовского режима, посмертные записки издателя «Нового Времени» представляют несомненный интерес.

Суворин прожил долгую жизнь: он родился в 1834 году и умер в 1912. Опубликованный дневник (может-быть, только часть дневника) захватывает 1893, 1896—1904 и 1907 годы. Хотя в этой серии годов отсутствуют как раз самые интересные—1905 и 1906,—однако, и в уцелевших записях красною нитью проходит предчувствие неотвратимой катастрофы, надвигающейся на то самое самодержавие, которое с таким усердием обслуживал своим изворотливым пером автор «маленьких писем»,—обслуживал, может-быть, за страх, но уж во всяком случае не за совесть: в последнем отношении «Дневник» не оставляет в читателе никаких сомнений. Вот, например, запись от 18 мая 1896 года — речь идет о Ходынке:

---

[1]) «Дневник А. С. Суворина». Редакция, предисловие и примечания М. Кричевского. Изд. Л. Д. Френкель. Москва—Петроград. 1923. Стр. 407. Напеч. 6000 экз.

«Сколько слез прольется сегодня в Москве и в деревнях! 2000—ведь это битва редкая столько жертв уносит? В прошлом царствовании ничего подобного не было. Дни коронации стояли серенькие, и царствование было серенькое, спокойное. Дни этой коронации—яркие, светлые, жаркие. И царствование будет жаркое, наверное. Кто сгорит в нем и что сгорит?—вот вопрос! А сгорит, наверное, многое, но и многое вырастет! Ах, как нам надо спокойного роста!» И немного дальше он продолжает: «Следующие коронации,—*если они вообще будут только*—(курсив наш) обойдутся уже без кружек и царских гостинцев». А вот 21 августа 1904 года: «Самодержавие давно стало фикцией. Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии, и не может из нее вырваться. Если семья гнетет иногда своего бессильного главу, то глава империи, в которой произволу столько, и подавно находится под этим гнетом. Бедовое у нас дело». Через пять дней, 27 августа, он пишет: «Государь, станьте частным лицом в государстве нашем и спросите самого себя, что бы вы произвели на нашем месте, когда бы подобный вам человек мог располагать вами по своему произволу, как вещью?» Вообще насчет «хозяина», как Суворин называл Николая II, он держался вполне определенного взгляда: еще в 1893 году, говоря о наследнике, он пишет о нем, что он «очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинских по пять-шесть часов», что хотя «он оброс бородкой и возмужал, но, тем не менее, маленький». А через четырнадцать лет он с сочувствием приводит слова П. Н. Дурново, который в первые дни царствования последнего царя, возражая Витте, думавшему, что в лет 35—36 Николай будет хорошим правителем, сказал: «Вы жестоко ошибаетесь. Это будет слабосильный деспот». Впрочем, все это не мешало, конечно, «Новому Времени» при случае курить фимиам этому серому, маленькому, слабосильному деспоту!

Но с самим «хозяином» Суворину приходилось сталкиваться мало: зато для хозяйских клевретов он не щадит красок. В этом отношении, пожалуй, самая выразительная запись—в ней дано хорошее обобщение—встречается под 16 ноября 1904 года: «Можно спросить: есть ли у правительства друзья? И ответить совершенно уверенно: нет. Какие же могут быть друзья у дураков и олухов, у грабителей и воров». Чуть ли не на каждой странице дневника повествуется о всяких пакостях, которые вытворяли сановные покровители и недруги «Нового Времени», и любители «мелочей истории» найдут здесь обильный, хотя, по правде сказать, довольно однообразный материал: все время кто-нибудь что-нибудь крадет, на всякие манеры объегоривает казну—в том числе и такая, например, высокая персона, как сам Александр III, не без ведома которого министр двора приказывал строителю Курско-Киевской ж. д. проложить путь через царское имение,—учиняет адюльтер с дипломатическими или государственными последствиями и без оных и т. д. и т. п. Даже Столыпин, начало деятельности которого возбудило у Суворина кое-какие надежды, довольно скоро представляется ему в настоящем свете: под 30 мая 1907 года читаем в дневнике: «П. А. Столыпин говорил мне: „Теперь лучше. Революция уменьшается. Губернаторы большею частью так доно-

сят". Верьте губернаторам! Ничего не будет хорошего, когда нет государственных людей. Страна не может управляться сама собой».

Однако, этих самых несуществовавших государственных людей как раз и поддерживал Суворин на страницах своей газеты,—поддерживал, отлично зная им цену и глубоко их презирая, а заодно и себя оценивая по достоинству: «чуть тронешь,—пишет он в 1896 году,—этих „государственных людей", которые в сущности—государственные недоноски и дегенераты, и начинаешь вилять и злиться в душе и на себя и на свое холопство, которое нет возможности скинуть». И как будто для полноты картины, хотя и через одиннадцать лет, он 8 августа 1907 года—семидесятитрехлетний старик!—объясняет причину, почему у него нет возможности «скинуть свое холопство»: ...«В наше время надо много смелости и, главное, денег, чтобы говорить правду. Но у кого много денег, те совсем перестают говорить правду и начинают говорить ложь, а у кого их нет, тех преследуют, не дают говорить и т. д.» Увы! У престарелого публициста уже давно завелось много денег, а со смелостью он распростился в начале восьмидесятых годов, променяв ее на прибыльное газетное предприятие и на еще более хлебную аренду железнодорожных киосков.

Впрочем, как ни прибыльно было «Новое Время», благодаря своей благонадежности, с одной стороны, и казенным и частным объявлениям—с другой, но и оно, оказывается, доставляло своему издателю и фактическому редактору немало неприятных минут. На первый взгляд просто не верится, что этот «влиятельный» в правящих кругах печатный орган, всегда воспевавший хвалебные гимны вельможам «в случае» и неизменно лягавший павших помпадуров, ежели это могло доставить удовольствие их преемникам,—что эта совершеннейшая из рептилий доброго старого времени могла порою навлекать на себя опасливое внимание министров внутренних дел и главноуправляющих по делам печати. Представьте себе: могла! Особенно Сипягин проявлял своего рода виртуозность в отыскании крамолы в «Новом Времени». Например, 11 мая 1901 года он закрыл газету на неделю за статью «По поводу рабочих беспорядков» за нарушение циркуляра 1899 г., которым запрещалось говорить о стачках и отношениях между рабочими и фабрикантами. Нечего и говорить, что даже в самый сильный микроскоп в этой статье нельзя разглядеть особого пристрастия в пользу рабочих. А 20 ноября того же года между Сувориным и Сипягиным произошел разговор, который стоит привести целиком: до того он хорош.

«Вчера по телефону министр внутренних дел Сипягин просил меня заехать к нему сегодня. Что такое? Думали-гадали, предполагали тысячу причин, одну другой важнее. Нервы у меня так расстроены, что не спал всю ночь.

«Приезжаю. Принимает. Садимся. На столе у него субботнее приложение к «Новому Времени».

«— Разговор у нас будет конфиденциальный. Я нарочно по телефону сам просил вас. Разговор особенный. Скажите мне, зачем вы поместили вот это?

«И он показал на вторую страницу. Мне показалось, что на портрет статс-секретаря Соед. Штатов Гея.

«— Портрет Гея?

«— Нет, вот эти два.

«— Гессенских?

«— Да.

«— Не знаю.

«— Вы правду говорите?

«— Даю вам слово. Мне показывают приложения, я видел эти портреты, но не подумал спросить, зачем они.

«— Я вам безусловно верю. Дело в том, что теперь идет процесс о разводе Гессенских. Это—брат государыни. И вдруг в «Новом Времени» его портрет. Это очень для нее неприятно.

«— Я понимаю это, и, поверьте, если б я знал, я бы не поместил эти портреты.

«— А кто помещал портреты, вероятно, знал?

«— Вероятно.

«Сипягин укоризненно покачал головой, как бы сожалея сотрудника «Нов. Вр.», который пошел на такое преступление.

«Отдохнув и выспавшись, я понял, что Сипягин, в сущности, чинил мне допрос, хотел уловить меня. Но, видно, мой вид совершенно невинного человека убедил и его, что я действительно ничего не знаю. Даже о существовании этого брата государыни я ничего не знал»

Немудрено, что такие приключения даже на Суворина нагоняли революционное настроение. «Новое время настает,—пишет он в том же году после истории с запрещением газеты,—и оно себя покажет. Оно уже себя показывает тем, что правительство совершенно спуталось и не знает, что начать: «Не то ложиться спать, не то вставать». Но долго ли протянется эта безурядица? Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен, и совсем не надо бури, чтобы он повалился. Обыкновенный ветер его повалит».

Он дожил до бури, но тут уж революционные симпатии, разумеется, как рукой сняло, и «Новое Время», как могло и умело—в желании недостатка не было—приняло участие в травле первой русской революции, пришипившись в первые ее дни, когда еще бабушка надвое гадала, чья возьмет, и подняв потом голову вместе с остальным реакционным отребьем.

Нужно сказать, что по части революции невинность Суворина прямо поразительна: стоит ему только излить свои мысли по этому предмету, всю актуальность которого он, как мы видели, отлично улавливал верхним чутьем, как получается такая гиль, что хоть руками разведи! Вот не угодно ли посмотреть:

«Народовластие по рецепту Руссо ведет к доктрине самой анархической и деспотической... Революция по английскому образцу или по немецкому, по системе Локка или Штейна (нечего сказать, нашел революционеров! *Г. Г.*), революция для устранения старого механизма, пришедшего в негодность,—единственно правильная. Франция пошла по

принципам Руссо, привела к убийствам, кровопролитиям, империи... Мы пошли по французскому образцу и социализму. Наша Дума—просто политический клуб, митинг, боящийся порицать террор, ибо Дума стремилась к всевластию конвента, а конвент был террористом. Дума занималась пропагандой революции и косвенно одобряла террор, а конвент заседал сначала вне Думы, а во 2-й Думе смело сел на скамьи Таврического дворца и стал руководить заговором против царя и самой Думы. Он хотел сделать конвент при помощи революционного войска. Какой-то Рубанович из Парижа распоряжается заговором».

Особенно хорош во всей этой тираде «какой-то Рубанович из Парижа»: Суворин знает, что он соц.-революционер (запись от 13 июня 1907 г.), и именно ему приписывает «распоряжение» заговором, за который Столыпин послал на каторгу всю соц. дем. фракцию 2-й Думы! Вряд ли, впрочем, здесь простое невежество в роде того, которое так характерно для Витте, для которого, как известно, все русские революционные партии были «анархистами»: нет, тут важен был именно Рубанович, т.-е. еврей. К главному обвиняемому в созданном Столыпиным процессе Суворин питал даже симпатию: «Самый талантливый и искренний человек в Думе,—писал он в своем «маленьком письме» — был грузин Церетели. Это—горькая правда, и ее нечего скрывать. Если бы у него было столько же ума, сколько таланта и чувства, он не попал бы на скамью подсудимых». Другое дело—Рубанович, «распоряжающийся заговором из Парижа».

Надо отдать справедливость владельцу «самой влиятельной русской газеты»: если, как это ясно из каждой почти записи дневника, его публицистическим писаниям трудно отказать в неискренности, то в вопросе еврейском он был искренен всегда и неизменно. Не говоря уже о том, что он, видимо, был совершенно убежден в виновности Дрейфуса, на которого во время знаменитого «дела» «Новое Время» ополчилось чуть ли не больше, чем французские клерикальные и роялистские газеты, но и черта оседлости, и трехпроцентная норма, и всякого рода запрещения, направленные против русских евреев правительством «дураков, олухов, грабителей и воров», казались ему проявлением государственной мудрости. Вот, например, характерная выдержка из записи от 20 июня 1893 года: «евреев ограничивают, потому что они заполнили бы учебные заведения. Так как нет оснований думать, что все окончившие курс выйдут замечательными людьми, то нет основания и не ограничивать их. Неограничение их прав будет поощрением: они лучше учатся и лучше достигают. Есть все основания предпочитать своих, защищать их».

Нужно сказать, что под конец жизни Суворину все чаще приходили в голову безотрадные мысли о прожитых годах: видимо, он не мог не отдавать себе отчета в той неприглядной роли, которую ему пришлось играть, и иной раз на страницах дневника выносит себе беспощадную оценку. Может-быть, этим отчасти объясняется и то обстоятельство, что он не менее беспощаден и ко всем почти людям, о которых говорит в дневнике. Спора нет: большая часть выведенных в последнем персонажей не заслуживала иного к себе отношения, но и они в праве были бы воскликнуть: «А кто

судья!» Человек бесспорно крупного публицистического таланта, да и в других отношениях даровитый, когда-то либерал за свой страх и риск, а потом в течение долгих лет—охранитель устоев презираемого им режима, и притом охранитель корыстный, Суворин стоил своих бюрократических контрагентов. Одно время с чьей-то легкой руки, едва ли не Чехова, в начале своей писательской деятельности дружившего с издателем «Нового Времени», распространилось мнение, что Суворина следует все же отделять от прочей нововременской компании, что он, учредив в своей газете пресловутый «парламент мнений», сам этих мнений Меньшикова, Буренина, Столыпина, Розанова-Варварина и т. д. не разделял и ответственности за них не нес. Кто прочтет дневник, тот, конечно, в этом живо разубедится: отличие патрона от клиэнтов только в том, что он был умнее и осторожнее многих из них, но по части «убеждений» далеко от них не ушел.

На этом можно бы было и кончить, но нельзя не сказать нескольких слов о том предисловии и, с позволения сказать, «комментарии», которыми снабдил книгу М. Кричевский. Впрочем, из предисловия извлечем только одну фразу, дающую некоторое представление о стиле автора: «революция позднейшая, поры 1905—1906 гг., воплощалась у Суворина в Хрусталевых-Носарей, Алексинских, Бурцевых и т. п... суетливых истериков, носившихся с планами психической развинченности». Ну, а уж о «комментарии» надо сказать побольше. Заметим, прежде всего, что книга издана крайне небрежно: достаточное число опечаток, какие-то вопросительные знаки в скобках, выражающие, повидимому, сомнения редактора, но сбивающие зато с толку читателя, явные несообразности в роде, например, записи от 14 ноября 1907 года со словами: «Толстой умер 80 лет», между тем как Толстой умер только три года спустя—82 лет, и т. п. И ко всему еще единственные в своем роде примечания. Их можно разделить на три группы. I. Ненужные: например, «Потапенко—писатель», «Жуковский, В .А.—поэт, друг Пушкина», «Дантес, барон—кавалергардский офицер, убивший на дуэли Пушкина», и т. п. 2. Нелепые: «Вейнберг, П. И.—был чем-то в роде «патриарха» русской литературы, поэт и переводчик», «Розанов, В. В.—сотрудник «Нового Времени», специалист по церковным, семейным и эротическим вопросам» и т. д. Сюда же, пожалуй, можно отнести и совсем уж скверную историю, приключившуюся с М. Кричевским. Под 9 мая 1893 года у Суворина записано: «Черткова—муж идиот—в Петербурге пользуется репутацией злого языка. Чертков купил ее у исправника, женой которого она была. Умная баба. Влияла на него решительно. Проиграла на бирже до 3 милл. рублей». На основании каких-то непонятных соображений М. Кричевский состряпал к этому месту следующее примечание: «Черткова—вероятно жена В. Г. Черткова, близкого к Л. Н. Толстому. Чертков был очень богатым человеком». Известно, что Чертковы непротивленцы, но стоит ли этим злоупотреблять? Наконец, 3. Примечания невежественные. Например, по поводу Дрейфуса говорится, что его помиловал президент Вальдек-Руссо. Что-то

не бывало во Франции такого президента, а был президент совета министров, который, однако, правом помилования не был облечен. О Чемберлене говорится, что он был «главой английского кабинета министров, лидером консерваторов»: он не был ни тем, ни другим. О Саблере сказано, что он «добрался было» до обер-прокурорства. Почему «было»: и вправду добрался. Знаменитый артист московского Малого театра П. М. Садовский по воле автора примечаний оказался актером Александринского театра в Петербурге. Можно бы и еще набрать порядочно таких примечаний, но достаточно, думается, будет еще одного и последнего. У Суворина есть рассказ о его свидании с известным иезуитом Пирлингом. Пирлинг сказал ему, что, по его мнению, Названный Дмитрий—это Отрепьев. Пирлинг «отыскал донесение Рамполлы». Ясно, что в тексте дневника или описка, или редактор не разобрал настоящего имени — Рангони: стало-быть, на обязанности редактора—он же и автор примечаний—было выяснить, в чем тут дело. Однако, М. Кричевский и тут не изменил себе: «Рамполла, пишет он со спокойной совестью,—папский кардинал, современник эпохи Дмитрия Самозванца». Так, министр Льва XIII оказался старше себя самого на триста лет. А кажется, до чего уж просто: заглянул бы «комментатор» хоть в пушкинского «Бориса Годунова».

О КНИГАХ Н. СУХАНОВА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1]).

Н. Суханов. «Записки о революции». Книги третья и четвертая. Издательство З. Гржебина. Берлин—Петербург—Москва.

А. Шляпников.

В третьей книге своих «Записок о революции» Н. Суханов охватывает период с третьего апреля по пятое мая 1917 г. Первые десятки страниц этой книги посвящены приезду В. И. Ленина и его первым выступлениям в Питере. Описывая подготовку встречи, Н. Суханов дает такое заключение: «Большевики, умея вообще блеснуть организацией, стремясь всегда подчеркнуть внешность, показать товар лицом, пустить пыль в глаза, без лишней скромности, без боязни утрировки, видимо, готовили самый настоящий триумф» (стр. 9, книга третья). Отдавая должное уменью питерских рабочих организоваться, Н. Суханов не мог обойтись без обывательских оценок и характеристик. Он хотя и был членом Исполнительного Комитета, но скромно забыл о том, что в деле встречи, а по его мнению—«пускании пыли в глаза» (кому и зачем? *А. Ш.*), в организации ее принимал участие и сам Исп. Комитет. Пишущий эти строки, которого очень часто «мажет» обыватель Суханов, был уполномочен Исп. Комитетом для организации встречи т. Ленина и ехавших с ним швейцарских эмигрантов. Организация же массовой демонстрации, при этой встрече, принадлежала Петербургскому Комитету.

Позиция т. Ленина по отношению к войне не была новинкой для питерских рабочих. Все годы войны наша подпольная социал-демократия стояла на ней и не отказалась от нее даже после февральской революции. Но его интернационалистические, революционные «речи с броневика» от вокзала до б. дома Кшесинской, не на шутку напугали наших меньшевистско-эсэровских обывателей, бывших в те времена во всей своей красе и силе. Яркие картины этой политической трусости приводит и Н. Суханов в своих переживаниях и характеристиках. Причисляя себя к «левым», Н. Суханов похоронил свою левизну и интернационалистскую позицию

[1]) См. «Печать и Революция», книга IV, за 1923 г.

в болоте дипломатических оговорок. Все социалистические обыватели того времени объясняли свое оборончество различными высокими соображениями. И голая правда о войне, о ее причинах и виновниках вызывает у Суханова, на стр. 21, такую характеристику: «выступления Ленина, совершенно «беспардонные», лишенные всякой самой элементарной дипломатии, всякого учета конкретной обстановки и солдатской психологии», по его мнению, «были о двух концах». За один конец—«запломбированный вагон»—ухватилась было буржуазия, и при помощи социал-оборонцев пыталась ударить по Ленину и по партии, но рабочие дали отпор, и сухановские опасения была напрасны.

Особому разбору подвергает Н. Суханов первое выступление т. Ленина в Таврическом дворце перед социал-демократами всех направлений. Как известно, В. И. Ленин выступил тогда с лозунгом международной революции и с идеей власти, воплощенной в нашей революции, построенной и опирающейся на советы рабочих и солдатских депутатов. По силе постановки, по смелости аргументации, его речь произвела ошеломляющее впечатление на меньшевистско-обывательские элементы, мнившие себя марксистами, но марксизм которых не шел дальше маленьких схемок о буржуазности нашей революции. И эти, с позволения сказать, «марксисты», увидели в речи т. Ленина сокрушение своих научных основ и объявили его бакунистом. История борьбы того же года зло посмеялась над ними, но она ничему не научила Н. Суханова, воспроизводящего в своих «Записках о революции» все мещанские ахи и охи и гнусные экивоки.

Н. Суханов, рисуя т. Ленина, как раскольника, бунтаря и демагога, все время подчеркивает «лойяльность» к нему со стороны представителей «революционной» демократии. В доказательство приводит ряд фактов, в том числе и отношение Исп. Комитета к возвращению т. Ленина и других эмигрантов в Россию через Германию. Н. Суханов на стр. 44 пишет, что «Никаких споров и недоразумений в Исп. Комитете на этот счет не возникало». Это совершенно неверно. Среди эс-эров и меньшевиков-оборонцев была враждебная оценка проезда через Германию. Изложение этого случая Н. Сухановым показывает, как старательно он пытается обелить своих былых соратников, приписав им задним числом товарищеское отношение к членам нашей партии, проехавшим через Германию. На деле этого не было, и сам факт передан Сухановым неточно. Доклад о трудностях, чинимых Временным Правительством эмигрантам при их попытках выехать в Россию, делал втородумец Зурабов, а сообщение о проезде через Германию—т. Зиновьев, а не т. Ленин. При этом Церетели, Богданов открыто осуждали «самочинный проезд через Германию» и высказывались решительно против предложенной т. Зиновьевым резолюции, одобряющей проезд эмигрантов через Германию. Да и сам Н. Суханов нигде не выражал свое одобрение проезду. Вокруг проезда наших товарищей через Германию буржуазная печать, при попустительстве оборонцев, вела погромную травлю нашей партии.

На страницах его третьей книги разбросано много сплетен и обывательщины о Ленине, о нашей партии и целых группах ее работников.

2025-01-16

Всюду Суханов преподносит читателю факты из революционных событий и якобы из жизни нашей партии в таком тоне и освещении, которые, не соответствуя действительному состоянию борьбы, дают повод думать, что автор их стремился угодить вкусу тех, кто наполняет ныне кабачки заграничных столиц.

Есть у Суханова места в его третьей книге, посвященные событиям, известным в революционной литературе под названием апрельских событий, вызванных нотой Милюкова об отношении к войне от 18 апреля. В этой ноте, от имени Врем. Правительства, Милюков подтверждает верность его всем обязательствам, взятым на себя царизмом, и высказывает солидарность Врем. Правительства с союзниками в отношении целей войны. Нота Милюкова вызвала широкий массовый протест и одновременно разоблачила закулисную игру соглашательских партий. Игра эта заключалась в том, что принятое Советом отношение к войне в известном обращении от 14 марта, а также толкование Врем. Правительства целей войны от 27 марта, все эти лозунги «мира без аннексий, контрибуций и пр. и пр.» оставались бумажками для внутреннего употребления, для дурачения рабочих и солдатских масс. Рабочие массы быстро поняли этот обман, и рабочие ряда заводов с оружием в руках выступили против Врем. Правительства. Кадеты устроили контрдемонстрации. Появление вооруженных отрядов на Литейном и Невском проспектах вызвало «патриотическое негодование» буржуазии и даже провокаторскую стрельбу по рабочим рядам. Какую же оценку дает Суханов этой борьбе рабочих с империалистическими замыслами буржуазии? Все его описание и оценка идет против рабочих, против их выступления, в защиту той соглашательской лжи, участником коей был и он сам. Соглашатели сделали через Совет все, чтобы не допустить выступлений, вплоть до отмены права собраний и манифестаций. И это им нужно было лишь для того, чтобы договориться с буржуазией на основе нового надувательства. Своими писаниями теперь, а в те далекие дни—своими делами Н. Суханов покрывал и покрывает то «всенародное» надувательство, которое осуществлялось соглашателями после февральской революции.

Четвертая книга Н. Суханова захватывает период от первой коалиции и до июльских дней. И эта книга Н. Суханова содержит немалое количество рассуждений и добрых советов деятелям революции. Много рассуждений о коалиции соглашателей с буржуазией, не мало критики и иронических замечаний находим мы в сухановских «Записках о революции». Однако, эта ирония и критика не столь давнего исторического происхождения, как хочет показать это Суханов. Как и для всякого соглашателя, развивавшиеся в то время события были сложны, многогранны и никак не могли вмещаться в простые формы классовой борьбы. С простаками-большевиками тех дней Суханова смешивать нельзя. Наша критика коалиционных надежд саглашателей находит у Суханова на стр. 40 такое определение: «Если не с положительной программой, то с отрицанием коалиции у большевиков все обстояло просто и ясно». Мы можем напомнить этому «историку», что и положительная программа, взять

хотя бы ее один пункт: «вся власть советам», не так уж бедна! Она в своей положительности была проста и ясна массам, не в пример меньшевистско-эс-эровской хитрой механике соглашений.

Описывая первый Всероссийский Съезд Советов, состоявший на девять десятых из шовинистов-социалистов всех мастей, буквально подголосков империалистской буржуазии, Н. Суханов не упускает случая «помазать» нашу партию и ее представителей на нем. Весьма много «рассуждений» вызывает у Суханова выступление т. Ленина на этом съезде с открытым признанием возможности для нашей партии взятия на себя власти. Его выступление тогда подверглось высмеиванию, и в том же духе теперь пишет об этом Суханов, забыв, что смеется хорошо тот. кто смеется последним.

Совершенно неверно изображает Н. Суханов «дело о демонстрации 10 июня». Подготовлявшаяся нами на 10 июня демонстрация не имела характера заговора и не ставила своей целью немедленный захват власти. Ее цели были скромны: 1) протестовать перед Съездом Советов против одобряемой им политики войны, против наступления; 2) показать, что воля передовых рабочих и солдат Питера не с руководителями Съезда. Лишь только ненависть к нашей партии, вызванная трепетом перед пролетариатом, толкнула соглашателей на путь обвинений нас в «заговоре против революции».

Поиски заговора ни к чему не привели, а стремление поставить большевиков в исключительное положение разбило и ряды самих соглашателей. Трудно Н. Суханову отделаться от своего прошлого и дать истинную оценку событиям тех дней. Обыватель-историк, вернее, историк обывательщины, жаждет сенсаций, сюрпризов, заговоров...

Соглашатели не смогли сорвать манифестации, им удалось, своей кампанией лжи и сыска, лишь отсрочить ее осуществление на одну неделю. Демонстрация состоялась 18 июня и прошла в значительной своей части под нашими «советскими», большевистскими лозунгами и без каких-либо покушений на власть соглашателей.

Говорит Н. Суханов и об июльских днях. Однако, все его рассуждения и писания носят протокольно-обвинительный характер. Массовое движение рабочих и солдат 3—5 июля превращается у него в какой-то фарс на улицах Питера, не столько «серьезный, сколь опасный». И в этом событии Н. Суханов видит не столько созревшее в широких массах рабочих и солдат желание порвать с буржуазией, объединиться на проведении в жизнь требований революции, сколько «заговорщическую» тактику большевиков. Шутка ли сказать, «заговор», в котором участвовали сотни тысяч рабочих и солдат!?

Мы взяли из его толстых Записок лишь наиболее важные моменты в истории февральской революции, и их вполне достаточно, чтобы найти место сухановским книгам. Им не место на полке пролетарского читателя, не его историю и не для него пишет Н. Суханов.

2025-01-16

Рис. 1 М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

ДОБУЖИНСКИЙ ИЛЛЮСТРАТОР.

Л. Розенталь.

I.

Надо ли говорить о том, насколько изменилась русская иллюстрированная книга за последние тридцать лет. Какой огромный путь был совершон от снимков с рисунков Айвазовского, Виктора Васнецова, Репина, Сурикова, украшавших неуклюжий том юбилейного издания сочинений Лермонтова 1891 г., до... «фотомонтажа» 1923 г. конструктивиста Родченко к поэме Маяковского. Впрочем, не будем гоняться за сенсационными сопоставлениями. Сравним достижения. Рисунки Врубеля к «Демону», как бы стихийно возникавшие почти вне всякой заботы о возможности их воспроизведения, а тем более о логике книжной формы, и строгие, обдуманные, насквозь проникнутые сознанием их назначения, ксилографии Фаворского к произведениям Анатоля Франса, Бальзака, Муратова. Тут дело не только в различии «техники», но в совершенно разном понимании задач и смысла интерпретации образов писателя в формах изобразительного искусства.

Мы видим необычайное богатство систем и приемов иллюстрирования. Кто ограничивается лишь виньетками и заставками, имеющими подчас отдаленное отношение к содержанию книги. Кто дает самостоятельные композиции на отдельных листах, то парафразируя замыслы поэта, то стремясь к полному их воплощению. Иные понимают это воплощение как создание рисунка, только внутренне объективного тексту Другие — как возможно более точное и детальное воспроизведение событий, описанных художником слова. Смелые стремятся подчеркнуть самые действенные моменты повествования, показать его динамику Более скромные довольствуются лишь тем, что помогут читателю восста-

новить в своем воображении описанную эпоху, ее быт. Всякий поступает по-своему, в зависимости от имеющихся у него сил, от характера лежащего перед ним литературного произведения,—оттого, насколько оно окажется душевно близким ему. Многое определяется также и назначением данной работы (делается ли она для еженедельного журнала, или для годами готовящегося «любительского» издания). Только не всегда помнят о том, что рисунок в книге должен содействовать более глубокому восприятию ее содержания.

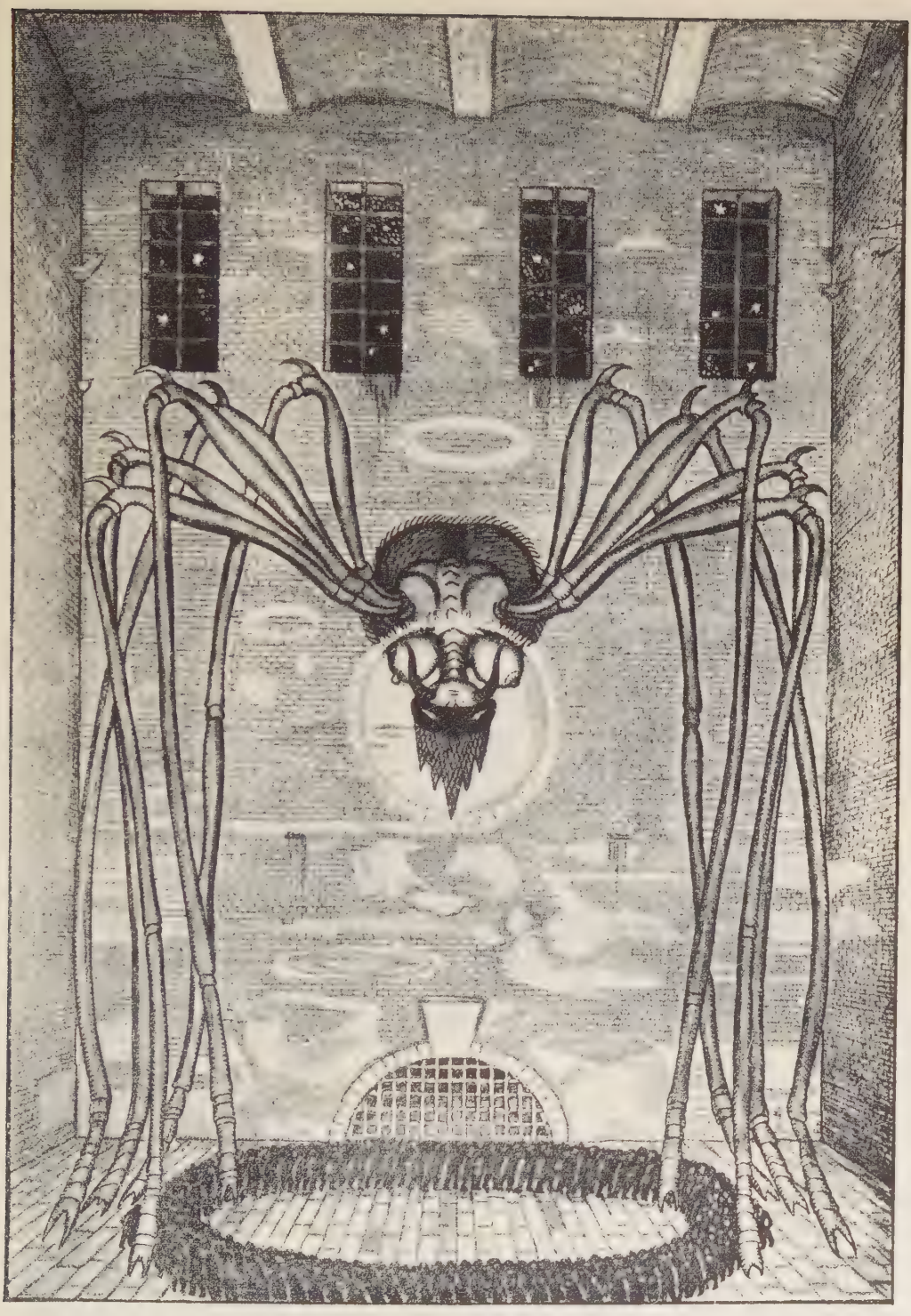
При изучении творчества наших лучших мастеров книжной графики необходимо оценить их и как иллюстраторов. И прежде всего это хочется сделать по отношению к *К. Добужинскому*. Еще в 1909 г. Александр Бенуа не в хулу, а лишь свидетельствуя наличное направление творческих сил, отметил, что «в нем гораздо больше «рассказчика», нежели «художника формы». О том же писал и Н. Н. Врангель, мечтая, чтобы Добужинский «сделался рисовальщиком для детских книг, иллюстратором»... И, наконец, в наши дни проф. А. Сидоров метко определил его как «одного из лучших *читателей* среди художников Петербурга».

Мы не будем останавливаться на характеристике Добужинского как рисовальщика. В искусстве линии он имеет более удачливых соперников, несомненны его огромные заслуги в области создания изящной книги (напомним его работы для издательства «Грядущий День», особенно над—увы!—незаконченным «Микель-Анджело» Гримма), но и здесь он должен кое-кому уступить, например, покойному Нарбуту. Нам кажется, что важнее всего остановиться не на рисунке Добужинского, не на его книгах, а именно, на иллюстрациях, ибо эволюция его мастерства в этой области особенно интересна, ценна и поучительна.

Мстислав Валерианович Добужинский принадлежит по возрасту к младшим членам группы художников «Мира искусства». Родился он в 1875 г. С детства, как сообщает биограф [1]), его окружала культурная и благоприятствующая развитию природных способностей обстановка. Еще мальчиком он много читал, полюбил и внешний облик книги, с особым интересом относился к иллюстрированным журналам, рисовал карикатуры, виньетки, сочинял шрифты. Тогда же в нем зародились пристрастия к прошедшим эпохам, к любованию их исчезнувшим бытом. Вот и все самое характерное из известного нам об его первоначальном развитии.

По окончании университета Добужинский занимается живописью и рисунком, уделяя главное внимание последнему, в Мюнхене у Ашбэ и Голоши. (Отметим, что в школе Голоши учились многие наши графики и граверы.) В 1902 г. его виньетки появляются на страницах «Мира Искусства», и он входит в семью художников, объединившихся вокруг этого журнала. С тех пор прошло более двадцати лет напряженного и все время совершенствующегося труда. Работает Добужинский преимущественно акварелью, карандашом, пером, пастелью, реже гуашью и сепией. Зани-

[1]) Э. Голлербах в книге «Рисунки Добужинского». Госиздат. Петроград. 1923 г.



М. В. Добужинский. ДЬЯВОЛ.

Рис. 2. М. В. Добужинский. — «Октябрьская идиллия». Рисунок из журнала «Жупел» (№ 1 за 1905 г.).

мался также офортом и литографией, пробовал свои силы и в живописи маслом. Много занимается портретом, меньше—пейзажем, но главные свои силы отдает изображению города. Здания, улицы, глухие закоулки, площади, каналы,—вот что прежде всего привлекает его взор. Все равно где: на родине—в Вильно, на месте ли постоянного его пребывания—в Петербурге, в других ли русских городах (Витебск, Псков, Москва), или во время его многочисленных путешествий по чужим странам.

Уже неоднократно говорилось о том, что Добужинский прежде всего—изобразитель города. Это как-то сразу делает его более близким духу современности и отличает от других петербургских «ретроспектив-

ных мечтателей». Впрочем, в самом характере своих восприятий и способе их передачи он остается верным «мир-искусником». Он, конечно, умеет любоваться выразительностью линий, общей конструкцией, деталями здания, расположить его силуэт на плоскости листа, дать интересный раккурс. Особенно в работах последних лет проявляется стремление к передаче архитектурных форм, их ансамблей самих по себе. Но в конечном счете нашему художнику все же важнее всего показать саму жизнь, что течет и в этих каменных или деревянных обиталищах человека, и вокруг них. Перед нами не обычные архитектурные пейзажи, а скорее изображения души города, его внутреннего бытия. Так всегда. Восстанавливает ли Добужинский, следуя общему увлечению прошлым, захудалый русский городишко 30-х годов XIX в., или грезит о гигантских постройках будущего, где на фоне бесконечных стен сплетаются щупальцы чудовищных машин. Рисует ли он с нежностью и усмешечкой глухую провинцию, с благоговением—дворцы и церкви Италии, или с любовью и тоскою—многоэтажные дома, глубокие колодцы-дворы, дымящиеся в хмурое петербургское небо фабричные трубы. Всюду здания, машины, люди, животные, мельчайшие подробности быта воспринимаются как орга-

Рис. 3. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Ночному принцу» С. Ауслендера. 1909 г.

Рис. 4. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Ночному принцу» С. Ауслендера. 1909 г.

ническое целое, как единство не их внешних форм, а тех ассоциаций, которые возникают по поводу них. Художественное переживание зрителя определяется преимущественно теми образами, воспоминаниями, настроениями, которые связываются с предметами, изображенными на картине или рисунке. Таким образом, огромное значение приобретают «характерные детали», столь выразительные не нагромождением их, а удачным сопоставлением. Мы видим типичные арки желтого гостиного двора, купцов с картузами, зазывающих покупателей, огромную лужу, спящего алебардщика, чешущуюся о столб свинью, рожицу, нарисованную мелом на этом столбе и т. д., и т. д., и переносимся, действительно, в «Город николаевских времен». Кажется, что здесь ко всякой мелочи можно подыскать у Гоголя соответствующую цитату. Словно перед нами какая-то «конденсированная» иллюстрация к сочинениям этого писателя, прекрасно

выполняющая свое назначение быть школьным пособием [1]). Иллюстрациями же только к ненаписанной поэме, воспевающей некий коллектив промышленного города, мнятся рисунки «Будни» и «Праздник» 1906 г. [2]). И совсем как рассказы-гротески нами «прочитываются» «Гримасы города», появлявшиеся на страницах «Сатирикона» в 1908—1911 гг. Конечно, не всегда в своей основной теме «Город» Добужинский повествует. Но всегда он скорее *иллюстратор поэтических образов*, живущих в его сознании, чем воплотитель того, что дает ему его зрительный опыт. И потому так много мы можем ждать от него в области чисто литературной иллюстрации.

Первые годы его художественной деятельности были, впрочем, отданы «прикладной графике» (виньетки, обложки, открытки с видами Петербурга). Лишь в 1905—1906 гг. тяготение к сюжетному рисунку нашло некоторое применение в работе для тогдашних сатирических журналов—«Жупел» и «Адская почта». Быть карикатуристом, язвительным насмешником Добужинский, как и большинство художников «Мира Искусства», не смог. Наиболее удачное—«Октябрьская Идиллия» (рис. 2). Рисунок здесь тщательный (более, чем это принято в еженедельных журналах), но сам по себе мало выразительный, даже робкий. Раскраска—сознательно незначительная. Изображен только угол ампирного (это неизбежная дань «пассеизму») дома. Рядом с окном, от которого видна лишь нижняя часть, на стене—церковная кружка; тут же объявление—пресловутый манифест 17 октября о даровании «свобод». На тротуаре и фундаменте—кровь. Валяются кукла, калоша, очки... Справа—уходящая вдаль пустынная улица. Виднеется двуглавый орел над аптекой... С изобретательнейшим лаконизмом сопоставлены всего несколько деталей—и цель обличающей сатиры достигнута [3]).

Несколько особняком среди работ для «Жупела» стоит «1905—1906 гг.». Типичные приемы графики, обнаруживающие немецкие влияния. Соблюдена плоскость листа, сохранена строгая симметрия, линии—строго вычерченные, прямые, стилизованные. Удачны контрасты белого, черного, серого (дан штриховкой). Здесь Добужинский дает образец столь распространенного тогда условно-символического рисунка определенно иллюстративного задания... Характерно для вкусов того времени, что в конце 1906 г. журнал «Золотое Руно» объявил конкурс для поэтов, прозаиков и художников на тему «Дьявол». Добужинский вне конкурса дал своего «Дьявола», помещенного в № 1 «Золотого Руна» за 1907 г. Это—идеальная сюжетная символико-аллегорическая композиция. Неподдельной жутью веет от этого листа, от одного сопоставления серых и темных пятен. Это чувство растет вместе с тем, как всматриваешься в подробности, осознаешь их значение и от созерцания переходишь к осмыслению видимого.

---

[1]) «Город» вошел в серию картин по русской истории, издававшейся для учебных целей И. Кнебелем под редакцией Князькова.

[2]) В первом альманахе изд-ства «Шиповник». Неоднократно воспроизводились и в других изданиях.

[3]) Из рисунков 1906 г., отзывающихся на темы революции, укажем еще фронтиспис к месяцу марту в «Календаре русской революции» В. Бурцева, изображающий манифестацию перед Казанским собором.

II.

От отдельных сюжетных рисунков, в достаточной степени обнаруживающих склонность художника к истолкованию поэтических образов, перейдем к его работам в области иллюстрации литературных произведений.

Первой книжкой, иллюстрированной Добужинским, была сказка Алексея Ремизова «Морщинка» (изд. «Шиповник» 1907 г.). Небольшой альбомчик в украшенной нехитрым узором папке. Никаких виньеток в тексте, лишь на отдельных листах пять рисунков, выполненных в определенной графической манере. Господствует линия, строго вычерченная, замкнутая. Контрастов черного и белого нет. Рисунки раскрашены, вернее, слегка подкрашены. Плоскость листа строго блюдется. Изображенные предметы упрощены в своих очертаниях, но не всюду с достаточной последовательностью. В иллюстрациях показано самое интересное в сказке, все то, что ребенок хотел бы увидеть изображенным. Но дух Ремизова, его народность и своеобразная ребячливость взрослого человека Добужинским не выражены. Как-то немецкой кажется вся книжка.

Более близок художнику был «Станционный смотритель» Пушкина, к которому еще раньше, в 1905—1906 годах, были выполнены шесть рисунков сепией, подправленных пером. Конечно, здесь немало при-

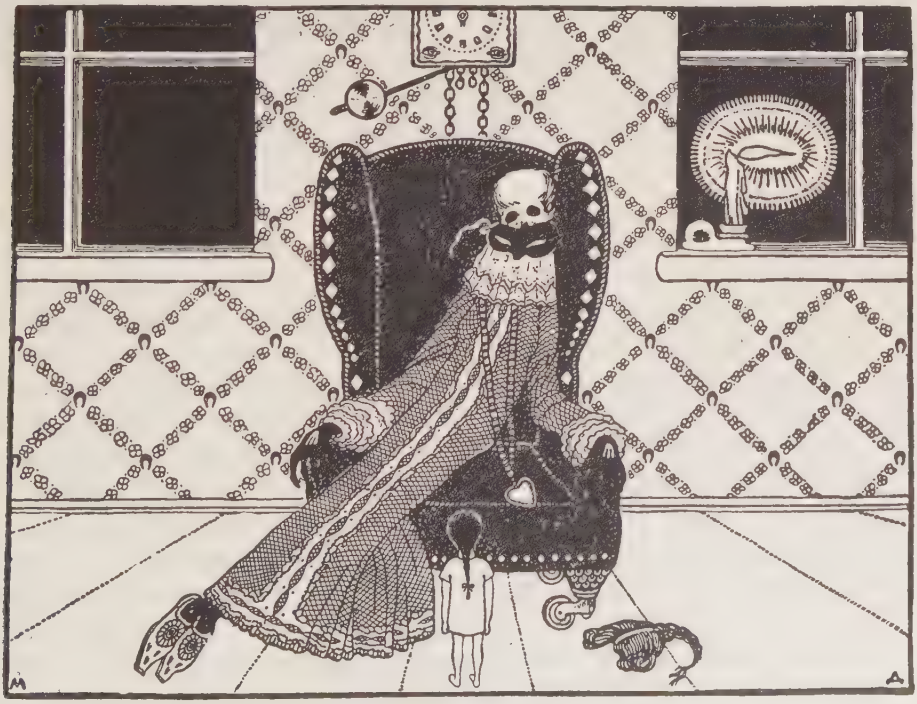


Рис. 5. М. В. Добужинский. — Рисунок «Старый и Новый год». 1905 г

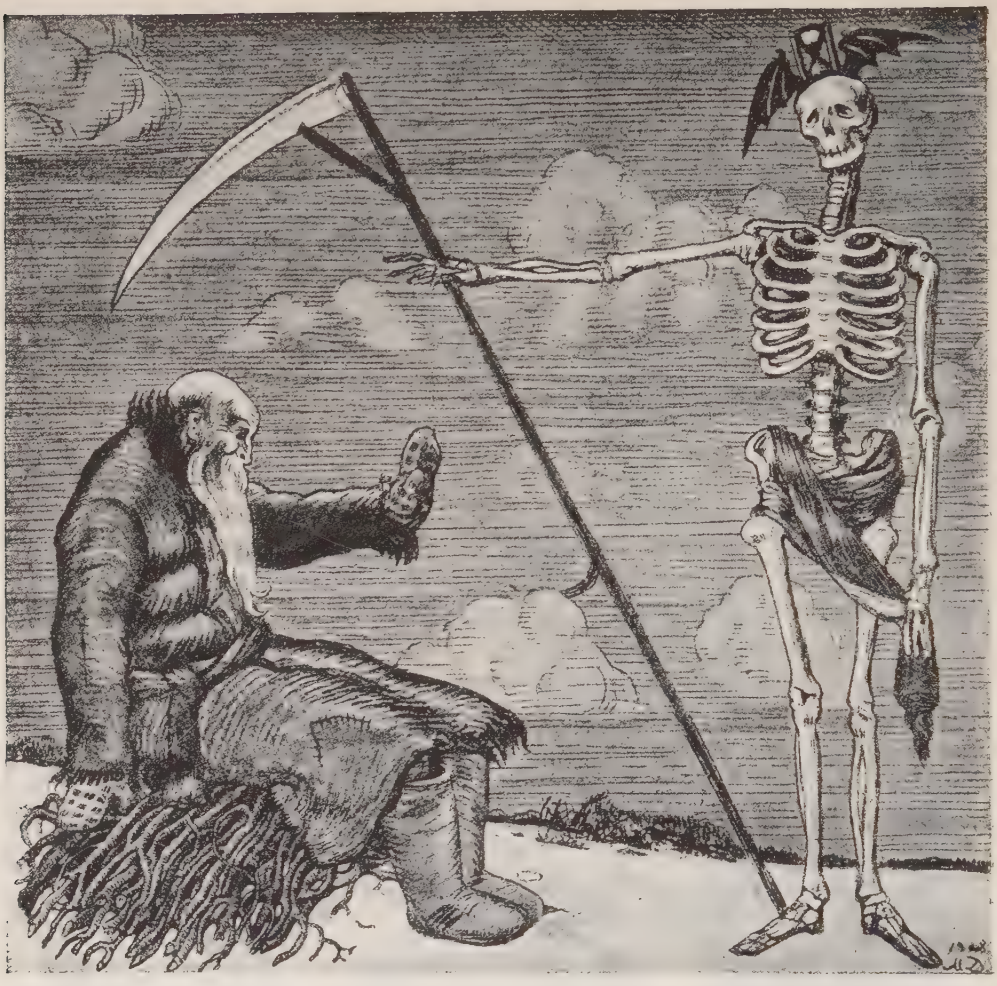


Рис. 6. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к басне «Крестьянин и Смерть», 1908 г.

влекательной казалась задача воссоздания внешнего быта начала XIX в. Но Добужинский, обдуманно и любовно воспроизводя ряд характерных мелочей (типичная карета, верстовой столб, дамская шляпка корзинкой, овальные портреты на стенах и т. п.), не выдвигает их на первый план, как то бывало у иных чрезмерно увлеченных стариной ретроспективистов, и не затемняет ими существенного. Ведь и у Пушкина описания внешней обстановки, хотя и очень тщательны, все-таки всегда даны мимоходом. Лишь квартиру Дуни художник показал во всей прелести «ампира», но и здесь он следовал тексту, указывающему на особо пышную обстановку. Наибольшее внимание уделено станционному смотрителю. То растерянно шарящий что-то в кармане, то трясущийся с подгибающимися коленями, он всюду на переднем плане. Ведь и в повести его душевная драма — главная тема. А Добужинский, видимо, в своих иллюстрациях стремился не

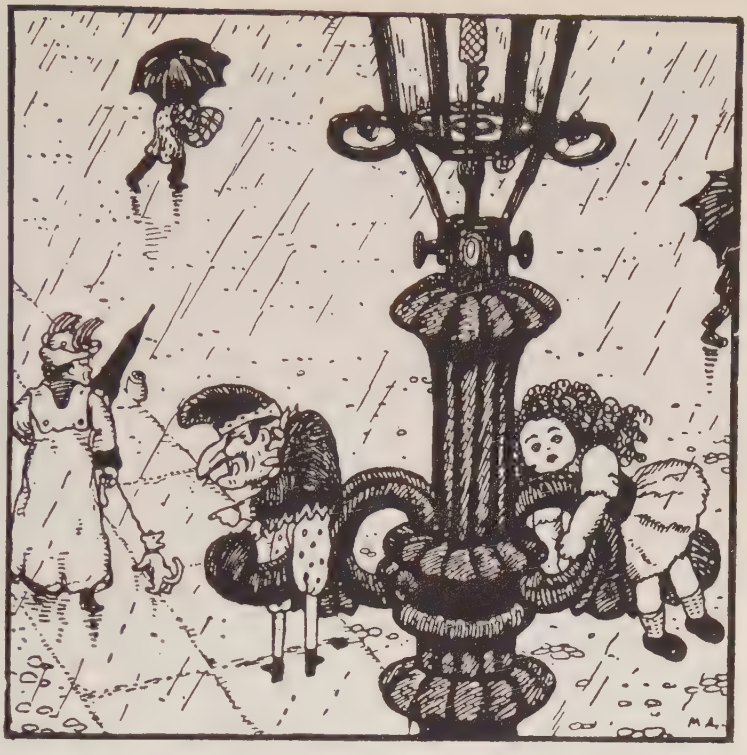


Рис. 7. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к рассказу «Нолли и Пшик». (Из сборника «Жар-Птица»). 1911 г.

дополнить конкретными зрительными образами то, что дано у Пушкина, а *интерпретировать* все, что есть в повести, сохраняя то же соотношение отдельных элементов (психологического и описательного) и закрепляя в шести рисунках все самые существенные моменты повествования. Ничто не упущено, скорее даже можно признать излишним изображение Дуни с ребенком, едущих в карете, так как эпизод возвращения дочери смотрителя достаточно отражен в другом рисунке.

Что касается самой манеры рисунка, то она еще робкая и неуверенная. Художник не решается выйти за пределы несколько простоватого реализма. Характерна композиция; выдвинутые сильно на первый план фигуры внизу срезаны. Иллюстрации эти сделаны, очевидно, без заботы о возможности их воспроизведения и о связи их с формой книги. Они определенно не графичны. Изданы не были. Да и увидеть их хотелось бы скорее в отдельном альбоме, а не помещенными среди текста.

То, чего не доставало рисункам к «Морщинке»—проникновение духом интерпретируемого произведения, и то, чего не было в «Станционном смотрителе»—графическая форма, все это налицо в иллюстрациях к «Ночному принцу» Сергея Ауслендера [1]). Перед нами—определенное достижение. Добужинский попрежнему ограничивается композициями на отдельных листах; одна единственная концовка в счет не идет. Зато уже налицо вполне выработавшаяся графическая манера, соответствующая фантастическому характеру самой повести. Широко использованы сопо-

[1]) В 1909—10 гг. в журнале «Аполлон» был помещен ряд произведений современных писателей и поэтов с иллюстрациями. «Ночной принц» напечатан в первом номере.

ставления черного и белого; линии утратили прежнюю сухость, стали свободнее, гибче и выразительней. Отдельные образы воссозданы смело и ярко вне прежнего робкого реализма и без неуместной стилизации. Фигуры и отдельные предметы располагаются на плоскости естественно и гармонично; нет ни нарочитой случайности, ни чрезмерной симметричности. Эффектное воспроизведение мерцающих очертаний падающих хлопьев снега, отражение в зеркале, отсветы свечи на стене лишь усиливают впечатление чего-то таинственного и жуткого.

Художник отказался от изображения событий, происходивших в плане реальном, и остановился лишь на четырех главных эпизодах загадочных приключений «Ночного принца». При этом в иллюстрациях отражены все характерные черты рассказа Ауслендера. Прежде всего любование бытом 20-х годов XIX в., когда и развертывается описанное событие. В понимании эпохи рисовальщик превзошел писателя; незабываемы уголок старого ночного Петербурга с горбатым мостиком, занесенным снегом (рис. 4), или пышная томная красавица александровских времен. Не менее совершенно выражена и своеобразная фантастика всего повествования, напоминающая по своим приемам Гофмана. Что-то гофмановское есть и в образе Цилериха — показан ли он нам в развевающейся крылатке, или на балу в сюртуке и ермолке—и во всей сцене в кабачке с гигантскими тенями на стене и безумным взором юноши, отразившемся в зеркале (рис. 3). Меньше удалось Добужинскому передать тот элемент эротики, который сопутствует описанию неясных чувственных томлений юного героя. Но, несмотря на последнее обстоятельство, иллюстрированный «Ночной принц»— редкий образец почти полного совпадения настроений писателя и художника.

Рис. 8. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Свинопасу» Андерсена. 1917 г.

III.

После «Ночного принца» в области иллюстрации Добужинский долгие годы, вплоть до 1917 года, не создавал ничего подобного не только в смысле удачности, но и в отношении значительности задания. Главные свои силы за это время художник отдает декорационной живописи. В своих работах для театра он в сущности так же, как это заметил уже цитированный нами Н. Н. Вран-

Рис. 9. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Свинопасу» Андерсена. 1917 г.

Рис. 10. М. В. Добужинский. — Фронтиспис к «Бедной Лизе» Карамзина. 1921 г

гель, «иллюстрирует» замыслы писателя. Эскизы декораций к «Месяцу в деревне» могли бы быть с бо́льшим успехом помещены среди текста пьесы, понимание которой они бы существенно дополнили. Характерно, что, с увлечением работая над этой постановкой для Художественного театра, Добужинский в 1910 году не только выполнил ряд портретов актеров в их ролях, но и сделал на мотивы Тургенева серию рисунков, а затем и виньеток (помещены в № 10 «Аполлона» за 1910 год). Всего, что на них изображено, нет в пьесе, но это могло быть, это было, и, быть-может, подобные вольные парафразы — лучшие темы для книжных украшений. Точно так же и некоторые эскизы к постановке «Николая Ставрогина» воспринимаются определенно как иллюстрации к «Бесам».

Так же усердно, как и для театра, ходожник работает в области книжной графики, но преимущественно орнаментальной. Иллюстрации же рисует редко. Кое-какие из них разбросаны по разным изданиям, кое-что осталось не опубликованным (рисунки 1913 г. к стихотворениям Лермонтова). Что же касается «Казначейши», выпущенной кружком любителей изящных изданий в 1914 г. (подготовлена в 1913 г.), то и здесь Добужинский преимущественно *декоратор* этой прекрасно «сделанной» книги. Особенно хороши надписи и узоры на обложке; но из всего, что есть в ней, нас сейчас интересует небольшое изображение возлежащего в халате гусара, перед которым в облаках дыма носится образ обнаженной красавицы. В этом рисуночке—вся поэма Лермонтова. Менее удачен фронтиспис в красках (сцена рокового проигрыша казначея). Имеются еще два рисунка в тексте, из которых второй играет роль концовки и, повторяя тему предпоследней строфы (гусар уносит казначейшу среди предутренней тиши провинциального города), выразительно завершает текст.

Иллюстрация уже не существует обособленно на отдельном листе, а вводится в самый организм печатной страницы. Систематически это сделано в графике 1918 г. к «Жизни графа Калиостро» М. Кузмина (изд «Странствующий энтузиаст» 1919 г.). Иллюстрировать эту длинную повесть, в 26 главах, о многочисленных приключениях великого мага XVIII в. таким же образом, как небольшие рассказы Ремизова или Ауслендера, было бы очень сложно и затруднительно. Добужинский предпочел ограничиться книжными украшениями этого небольшого, в 16-ю долю листа, изящного томика. В конце каждой главы помещен какой-либо

масонский знак или эмблема; в начале же—небольшой рисунок, имеющий отношение к последующему тексту. Повествованию о карнавале, об обручении Бальзамо с Лоренцой и о том, как они привыкли именовать себя графами Калиостро, предшествует изображение двух колец, маскарадной маски и короны. Эпизоду с подаренной табакеркой—сама табакерка, очаровательной формы и с силуэтом на крышке (как сказано у Кузмина: охотник целится в утку, а из воды вылезает купальщица), из которой выпадают ожерелье и футлярчик с банковыми билетами. Конечно, все эти то простодушные, то хитроумные намеки, аллегории, символы отнюдь не интерпретируют самого содержания повести, а лишь выдвигают отдельные моменты, характерные детали, в которые читатель начинает внимательно всматриваться. Впрочем, художник не ограничивается одними «эмблемами», иногда он не может удержаться от того, чтобы не показать нам того или другого героя, а то и изобразить целую сцену. Многого в рисунке, предназначенного для столь миниатюрного издания, не воспроизведешь. Тем уместнее обратиться к помощи «скупого» силуэта, в нашем представлении ассоциирующемуся с описываемой Кузминым эпохой. Особенно изысканны тончайшие белые силуэты на черном фоне, рисующие даже целые пейзажи.

К форме силуэта Добужинский обращается снова год спустя, в 1919 г., работая над «Барышней-крестьянкой» (напечатана Госиздатом в 1923 г.). Только два рисунка вдвинуты в текст (заглавная виньетка и концовка), три остальных помещены на отдельных страницах. Иллюстрации здесь просто украшают самую книгу. Несмотря на подписи, столь старательно выведенные, мы в изображениях отдельных сцен преимущественно любуемся рядом деталей, в обилии нагроможденных помимо указаний текста (наприм., обстановка комнаты Лизы), или красотой силуэта. Характерно для нашего художника, что он не столько блюдет выразительность черного пятна, сколько заботится о сложности извилистости линий контура, стараясь как можно больше ими рассказать. И пуговки на камзоле покажет, и отдельные травинки, и массу листвы прорежет, чтобы были видны ветки и отдельные листочки. И так очаровательна буква «А», сложенная из прутиков, в руках Алексея. Правда, у Пушкина сказано, что Лиза училась грамоте по буквам, рисуемым на бумаге. Но как не простить это отступление от текста, тем более что оно вполне в духе повести.

Рис. 11. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Бедной Лизе» Карамзина. 1921 г.

IV.

«Калиостро» и «Барышне-крестьянке» мы заговорили прежде прочих иллюстрационных работ нашего художника последнего периода не только потому, что в них декоративный элемент преобладает над другими. Дело еще в том, что эти рисунки и силуэты выполнены в старой «классической» графической манере. Линия здесь законченная, четкая, определенная, очерчивающая контуры целиком. Но уже примерно с 1916—1917 гг. у Добужинского начинают вырабатываться новые приемы. Он отказывается от внешней завершонности рисунка, делающей таковой похожим на чертеж, и тяготеет к более свободной и прихотливой узорчатости, к линии прерывистой, извивающейся, к легким, почти воздушным очертаниям, к капризной игре контрастами пятен. В этой новой манере сделаны весьма примечательные иллюстрации 1917 г. к «Свинопасу» Андерсена (изд. З. Гржебина 1921 г.).

Перед нами—книжка, своим форматом, расположением многочисленных рисунков среди текста, их яркими свежими красками напоминающая известные издания И. Кнебеля для детей. Добужинский по характеру своего творчества обещал стать прекрасным «детским художником». И как не пожалеть, что после мало удавшейся сказки Ремизова ему не пришлось долгие годы серьезно работать в этой области. Кое-что было сделано для «Детского альманаха» (изд. «Общественная Польза» 1910 г.). Были иллюстрированы и кой-какие из басен Крылова (для хрестоматий «Живое слово» и «Цветничок») и при этом с большой обдуманностью и тщательностью. Остановимся хотя бы на рисунке «Крестьянин и Смерть» 1908 г. Невольно при этом вспоминается силуэт Нарбута, исполненный три года спустя к той же басне и повторяющий ту же композицию, но повернутую наоборот и с некоторыми изменениями (Смерть иначе держит косу и левую руку; песочные часы с крыльями нетопыря помещены отдельно внизу). Сравнивая обе иллюстрации как таковые, а не в отношении совершенства художественной формы, мы должны отдать предпочтение более ранней. Здесь яснее показана зима, смерть страшнее, выразительнее ста-

Рис. 12. М. В Добужинский. — Иллюстрация к «Воспоминаниям об Италии». 1922 г.

рик с седою бородой и растерянно вытянутой рукой в теплой рукавице (рис. 6). Думаем, что такое мнение поддержат не только придиры-педагоги, но и сами дети, для которых так важно соответствие во всех деталях текста и рисунка. Но не только как обстоятельный «рассказчик» Добужинский близок маленьким читателям,—его роднит с ними простота восприятий, острая наблюдательность, соединенная с изобретательностью, редкая памятливость на мелочи и трогательная любовь к вещам, словно к живым существам. И потому так много прелести и подлинной детскости в его изображениях приключений двух озорников—куклы Нолли и паяца Пшика (к рассказу Саши Черного в сборнике «Жар-Птица» 1911 г.) (рис. 7).

Рис. 13. М. В. Добужинский. — Фронтиспис ко второму акту «Скупого рыцаря» Пушкина. 1921 г.

Вполне понятно, что с детства наш художник особенно полюбил великого сказочника Андерсена [1]). Но лишь восемь лет спустя после своей первой большой удачи в области иллюстрации («Ночной принц») во всеоружии накопленного опыта в деле интерпретации чужих замыслов (декорации к пьесам драматургов разных времен и народов) и много поработав для искусства книги, он принялся за акварели к «Свинопасу». Сказка иллюстрирована вся, в буквальном смысле—от начала до конца.

[1]) К 1912 г. относятся иллюстрации к сказке «Девочка со спичками» (приложение к газете «День»), к 1918 г.—прекрасные рисунки к «Принцессе на горошине».

На обложке — принцесса и свинопас, между ними — волшебный котелок. Раскрываем книжку и сразу воочию видим все то, о чем повествуется в первых же строках. Налево во всю страницу изображен принц, грустящий на могиле отца, направо над текстом — в овале — стареющая принцесса с паяцем. Перелистываем страницу; перед нами слева большое изображение тронного зала. На переднем плане — огромные причудливые синие вазы с подарками (рис. 9). В сказке далее говорится, что в вазах были роза и соловей; и то и другое тотчас в маленьких рисунках среди текста нам показывает внимательный художник. И ни о чем не позабудет, и про котелок, и про то, как фрейлина торговалась о цене на него, и про трещотку. Но вот нарастает конфликт: король увидел свою дочь, целующую свинопаса. Это очень важно, и потому — соответствующая иллюстрация на отдельном листе, так же, как и та, которая воспроизводит сцену ухода принца. Несчастная принцесса осталась одна; в заключительной виньетке мы видим ее плачущей под деревом. И, наконец, на обложке всего лишь несколькими озорными штрихами набросана свинка над брошенной короной. Четырнадцать рисунков густо усеяли текст, с которым и внешне и по духу сливаются в одно целое. Перед нами действительно «книжка с картинками», честь создания которой немногим меньше принадлежит художнику, чем писателю.

Р.с. 14. М. В. Добужинский. — Обложка к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

В ней подлинно выражено несколько своеобразное, но очень проникновенное понимание андерсеновского сказочного мира,—наивного, грациозного и немного комичного. Добужинский как будто хотел это передать и в самой манере графики (только можно ли здесь говорить о книжной графике?): линией капризной, гротескной, кривой; формами шаржированными, упрощенными; раскраской простодушно-яркой и вме-

Рис. 15. М. В. Добужинский. — Иллюстрация к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

сте с тем нежной. (Кстати, и в приемах раскраски обнаруживаются скорее искания новой акварельной техники, чем забота о возможно лучшем воспроизведении рисунка при помощи типографского станка). Все герои — сказочные, но трактованы иронически, подчас карикатурно. Принцесса изображена жеманной отцветающей девушкой. Пожалуй, эта ирония неуместна в книге для детей. Но и сказка Андерсена далеко не вполне для детей. Его принцесса—совсем немецкая мещаночка, поет «Augustin» и очень интересуется, что́ у соседей на ужин. Добужинский тут не при чем; он только старательно, возможно полно и проникновенно, интерпретировал любимого писателя.

Наш художник отныне работает не над иллюстрациями только к какому-либо литературному произведению, но над иллюстрированной книгой в целом. Именно как о книге хочется говорить о «Свинопасе». То же и о «Бедной Лизе», изданной «Аквилоном» в 1921 г. Удивительно подходит «чувствительной» повести Карамзина быть изданной в виде небольшого томика в плотной зеленой обертке с наклейкой, на которой наивно-узорчатыми буквами выведено заглавие. И так много о снисходительном любовании «ретроспективного мечтателя» прошлым говорит обложка, на которой две гирлянды вокруг надписи сплетаются в форме сердца. Книжку украшают пять рисунков, начертанных беглыми, прихотливыми и отрывистыми легкими линиями. Местами кое-где введены небольшие пятна черного. Во всей манере рисунка какая-то особая чистота, свежесть, простота, быть-может, несколько деланная, но вполне соответствующая *духу* жеманного сентиментализма. Добужинский, к неудовольствию иных чрезмерно педантичных поклонников старины, не идет более легким путем стилизации под гравюру, а смело остается верен своим исканиям новых форм графики.

Первый рисунок играет роль фронтисписа. В рамке, изогнутой согласно вкусам конца XVIII в., изображен Карамзин на берегу Лизина пруда. Это как бы иллюстрация к лирическому вступлению ко всей повести (рис. 10). Остальные четыре рисунка воспроизводят основные моменты истории Лизы и Эраста. Характерно, что очень много внимания уделено пейзажу, как это и у самого Карамзина (рис. 11). Можно только протестовать против того, что в изображении встречи у Красных ворот слишком много места занимают бытовые сцены. Тут художник, видимо, не совладал с соблазном показать жизнь тогдашней Москвы. Конечно, в тексте нет ни слова, да и не могло быть, о каких-либо деталях жанра. Совсем в духе эпохи и самого литературного произведения наивно-аллегорическое изображение под каждой иллюстрацией двух голубков. Но особенно характерны две виньетки, окаймляющие все повествование. На первой (начальной) изображена при лучах солнца перед Симоновым монастырем хижина, из трубы которой весело подымается дым. Под ней—сердце между белых крыльев. На второй—та же хижина, уже разрушенная, под облачным небом. Внизу—песочные часы и черные крылья. Наивно-элегический тон выдержан здесь до конца с исключительной последовательностью.

Рис. 16. М. В. Добужинский.—Иллюстрация к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

V.

После «Бедной Лизы» в том же 1921 г. Добужинский работает еще над «Скупым рыцарем» Пушкина и «Тупейным художником» Лескова (изданы «Аквилоном» в 1922 г.). На графике этих книг лежит печать какой-то поспешности, недоделанности. Поэтому, отдавая должное смелости художника, который ставит себе все новые и более сложные задачи, нельзя не признаться, что на этот раз полной удачи он не достиг.

«Скупой рыцарь» усердно украшен. На обложке—сплошной узор из шлемов, стрел, гербов и скрещенных под черепами мечей. На шмуц-титуле и заглавном листе надписи и их орнаментация вычерчены «под готику». Большие рисунки даны в характерном архитектурном обрамлении. Всем этим подчеркнут дух эпохи, быть-может, с чрезмерной настойчивостью, так как, в конце-концов, в драматических сценах Пушкина важнее их общечеловеческий смысл [1]). Впрочем, Добужинский, оставаясь верен себе, конечно, не только «декорирует». Каждому акту он предпосылает своего рода фронтиспис, в котором изображает то, что происходит в этом действии. Но так как внешних событий почти нет, то первый и третий фронтиспис малосодержательны и по существу излишни. Значителен лишь второй, дающий образ безумца-скупца среди его сокровищ (рис. 13). Что касается рисунков над текстом, то они хотя и воспроизводят то, о чем говорится в репликах, все же скорее иллюстрируют быт средневековья, чем самую драму. Пожалуй, содержательнее всего маленькие концовки. Но драматическое напряжение пушкинской трагедии, ее монументальные и в то же время такие человечные образы остались невоплощенными, несмотря на всю «содержательность» иллюстраций.

Еще более сюжетна графика «Тупейного художника». Даже на обложке сочетание кладбищенского креста, опрокинутой лиры, театральной маски, окровавленного ножа и кнута указывает, о чем будет речь. Четыре больших рисунка воспроизводят основные моменты этого «рассказа на могиле», повествующего о трагической судьбе крепостной актрисы и ее возлюбленного. В этих рисунках есть что-то жуткое, но нет опять-таки действия, драматического напряжения. Видимо, это не в средствах Добужинского, тяготеющего обычно к изображению статических моментов. К тому же ему не всегда дается хорошо изобразить человеческую фигуру, особенно в движении. В линиях, в расположении масс много лишней сумятицы, совсем не соответствующей внешне спокойному, почти эпическому тону рассказа старой няни, изложенного великолепным языком Лескова. Самое удачное в «Тупейном художнике»—это заглавные буквы.

---

[1]) Та же эпоха отражена в рисунках (неопубликованных) к «Розе и Кресту» Блока 1919 г. и в двух виньетках к поэме Одоевцевой «Луны». (Второй сборник «Дома Искусств» 1921 г.)

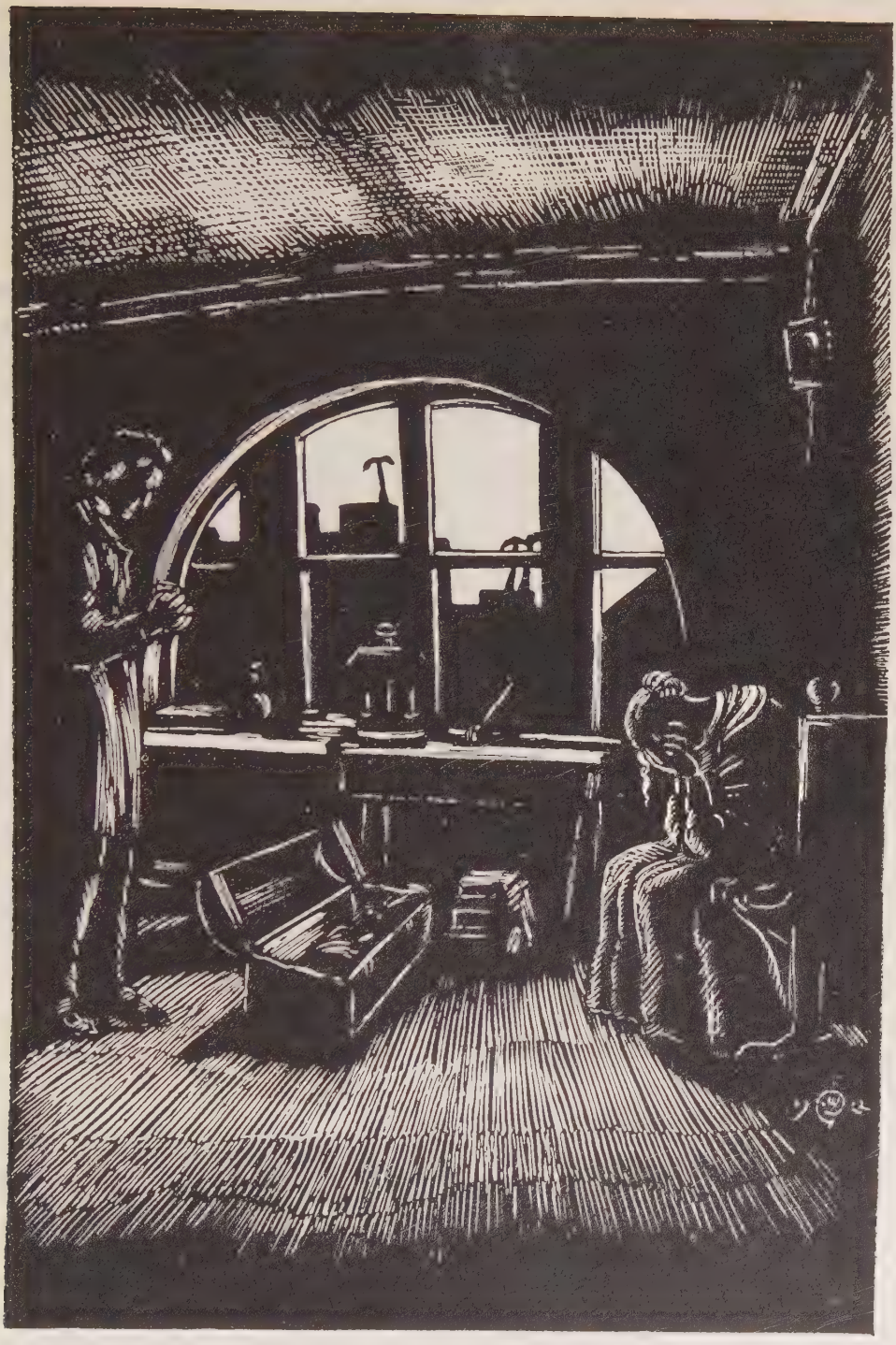


Рис. 17. М. В. Добужинский.—Иллюстрация к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

Здесь использован старый прием, уже знакомый нам по «Калиостро», воспроизведения каких-нибудь деталей повествования. Перед нами мелькают маски, плети и цепи, пистолеты и червонцы, а то и целые сценки. Читатель любовно всматривается во все «мелочи», что так просто и четко изображены внутри небольших квадратов, являющихся фоном для буквы, и вместе с тем внимательней воспринимает самый текст книги (см. в начале глав нашей статьи).

Повторяем, интерпретация литературного произведения, описывающего человеческие страсти, не далась Добужинскому. Да и многим ли иллюстраторам это под силу? Пожалуй, здесь всякое истолкование будет осуждено вдумчивым читателем.

И художник за последние два года уже не возвращается к столь сложным, почти неразрешимым заданиям. В своей книжной графике, так же как и в рисунках, он преимущественно использует архитектурные мотивы. Таковы семь иллюстраций 1922 г. к им же написанным «Воспоминаниям об Италии», изданным все тем же «Аквилоном» в 1923 г. Словесные описания и изображения тех мест Италии (почти все архитектурные пейзажи), о которых автор с таким теплым чувством вспоминает в своих бесхитростных записках, взаимно дополняют друг друга (рис. 12).

Именно жизнь большого города с его многоэтажными домами, а не отдельных героев, мы прежде всего видим и на иллюстрациях (увы!— малочисленных и наспех сделанных) к сокращенному переводу «Западни» Золя (изд. «Красная Новь» 1923 г.), предназначенному для массового читателя.

И опять-таки городу посвящен альбом литографий «Петербург в 1921 г.» (исполнен в 1922 г., издан Комитетом популяризации художественных изданий в 1923 г.). Здесь, конечно, не место разбирать технические достоинства и недостатки этого первого опыта Добужинского в рисовании на камне. Но было бы несправедливо не упомянуть об этом альбоме. Ведь это своего рода поэма, повествующая о временном запустении северной столицы, о том новом быте, который зарождался в годы революции. О том, как снегом заметало Исаакий и Медного Всадника, как рядом со сфинксами появились лебедки, как с гранитных набережных стали удить рыбу, а на разбитых фонарях ребятишки устраивали гигантские шаги, как пустыри обращались в огороды, и еще о том, как весело над Невой вьются флаги на судах Красного Балтфлота.

И снова к Петербургу, но уже совсем иному, такому, каким он был в середине прошлого века, возвращается художник в иллюстрациях к интересно задуманному, но вяло написанному исследованию Анциферова «Петербург Достоевского» (изд. Брокгауз-Ефрон 1923 г.). Эти рисунки возникли, очевидно, в связи с работой 1922 г. над «Белыми ночами» Достоевского (изд. «Аквилон» 1923 г.), самой, пожалуй, замечательной книгой Добужинского.

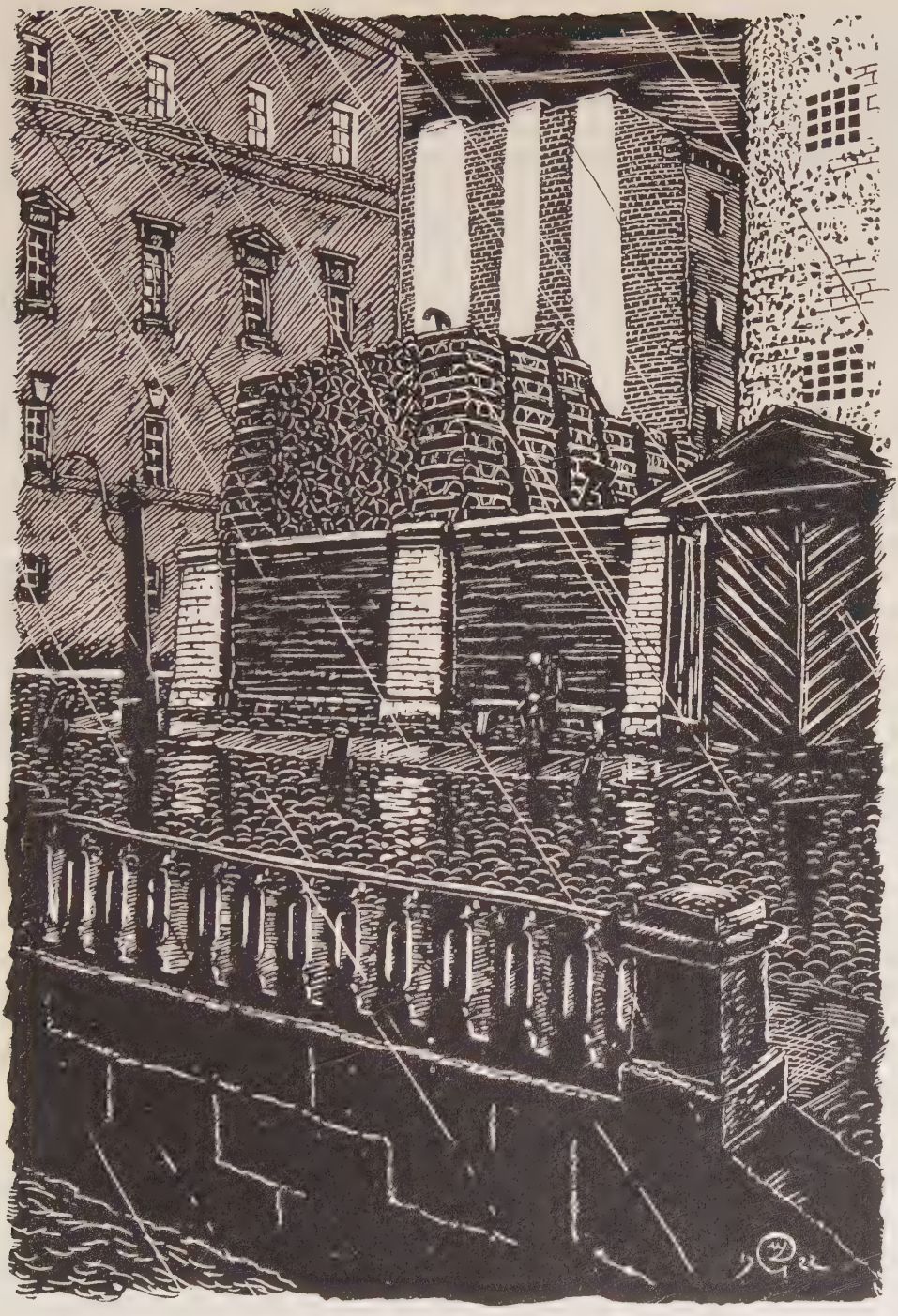


Рис. 18. М. В. Добужинский.—Иллюстрация к «Белым ночам» Достоевского. 1922 г.

VI.

ще раз оглянем все, что было сделано художником в области иллюстрации. Как несхожи между собой рисунки к «Ночному принцу», «Свинопасу» и «Бедной Лизе». Тут дело не только в том, что они возникли в разные периоды творчества мастера. Здесь разнообразие «графического языка» соответствует различному характеру самих поэтических произведений.

Различны и системы иллюстрирования. Иногда в виньетках даются лишь вольные парафразы на мотивы текста («Месяц в деревне»). Иногда книга орнаментируется рисунками, воспроизводящими лишь характерные детали («Жизнь Калиостро»). Но чаще всего Добужинский стремится к систематической и возможно более полной интерпретации лежащих перед ним сказки, рассказа, драмы. Внимательный «читатель» и опытный «рассказчик», он умеет остановиться на самых существенных моментах повествования, наиболее ярких образах, выразительных «мелочах», столь любовно им подмечаемых.

Для лучших своих созданий Добужинский сумел найти поддающийся «графическому истолкованию» материал. Можно спорить о том, по-андерсеновски ли сказочен его «Свинопас». Зато вряд ли кто станет утверждать, что эти акварели не достойны сказки и не углубляют нашего ее понимания. Что же касается «Бедной Лизы», то мы почти без всякого над собою усилия воспринимаем эту повесть глазами ее иллюстратора. И, наконец, рисунки к «Ночному принцу» могут смело быть признаны совпадающими по духу с текстом.

Но вот художник берется за работу над «Белыми ночами» Достоевского. Что здесь иллюстрировать? Душевный мир одинокого мечтателя невыразим, внешние события малоинтересны и так однообразны. Тогда Добужинский обращает главное свое внимание на архитектурный пейзаж, который лишь «задан» в повести нашему воображению. И надо ли говорить, с какой проникновеннейшей любовью и именно в духе раннего Достоевского воспроизведен Петербург сороковых годов. Всюду—на концовках, виньетках и больших рисунках—мы видим громады многоэтажных домов, тихие ночные улицы, сонные каналы. Фигуры героя и героини сравнительно малозаметны. Здесь два основных момента повествования, психологический и описательный, находятся в обратном соотношении, чем у Достоевского, для которого главное—сердечная драма мечтателя, а картины белых ночей и города—лишь фон. Иллюстратор отнюдь не стремится воплотить *все* образы писателя, а лишь *дополняет* его, и именно там, где средства последнего ограничены. Таким образом, создается редкая по органической цельности вызываемых переживаний иллюстрированная книга.

Замечательны и сами приемы графики. Обычные «кривизна» линий и эскизность очертаний утратили некоторую прежнюю нарочитость. Каждый штрих стремится быть не только свободным и непринужденным,

но лаконичным и внутренне оправданным. С изумительным мастерством при помощи одних лишь контрастов широких пятен типографской краски с белизной бумаги передан белесоватый сумрак северной летней ночи, ранний рассвет, нежные очертания легких облаков и суровые массивы уходящих ввысь домов, штабели дровяного двора, неподвижная поверхность воды и косые линии проливного дождя [1]) (рис. 18). Характерно, что нигде рисунок не обведен замыкающей чертой, а непосредственно вливается в плоскость листа. Быть-может, это не совсем уместно там, где на передний план сильно выдвинуты какие-либо предметы (решетки канала, фигуры), от которых видна лишь верхняя часть. Но в других случаях достигнуты необычайные эффекты, например, в изображении светлеющего неба (утро четвертой ночи) или водной глади (вторая ночь—Екатерининский канал у церкви Николы Мокрого) (рис. 15).

На шести из восьми больших рисунков изображен Петербург белой ночью. Конечно, каждый из них иллюстрирует какое-либо место текста; но фигуры Настеньки и мечтателя воспринимаются зрителем лишь как необходимая часть всего пейзажа. И даже в тех двух рисунках, которые изображают intérieur'ы, не человек—главное, а окружающая обстановка (рис. 16).

Необходимо отметить еще значение концовок. Именно в них всегда особенно проявлялись вся зоркость и изобретательность Добужинского. Обычно в заключительном рисунке повторяется тот образ, которым выразительно завершается какой-либо отрывок или все повествование (в «Тупейном художнике», в «Западне» и во втором акте «Скупого рыцаря»). Однажды художник просто договорил то, на что лишь намекнул писатель. После заключительной фразы пушкинской «Барышни-крестьянки»: «Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку»—нарисовано, как оба отца благословляют Лизу и Алексея. Порой концовка воспроизводит какую-либо случайную, но характерную деталь. Герой «Белых ночей» с тоской смотрит, как летом все уезжают на дачу, увозя вещи на возах и барках. И этот мотив использован в очаровательном рисунке, замыкающем первую главу. Но любопытней всего та выдумка, которую проявил иллюстратор при орнаментации заключительных строк повести Достоевского. Он ничего не изображает, а просто поверх пяти букв «конец» надписывает характерным размашистым почерком те слова, что навсегда остаются в памяти читателя: «помните и любите вашу Настеньку». Не все в графике к «Белым ночам» одинаково удачно. Но в целом, повторяем, и по замыслу и по выполнению—это одно из самых совершенных созданий Добужинского.

Иллюстрация тесно связана с той эпохой, в которую она возникла, и с той общественной группой, для которой предназначалась. Как и всякая интерпретация, она принадлежит к наиболее «смертным» видам ху-

---

[1]) Художник, как сообщает Э. Голлербах, при этом рисует на картоне, нанося сначала большие черные пятна тушью, а потом выцарапывая белые штрихи иглой (этот им изобретенный способ он называет «граттографией»).

дожественного творчества. А если и остается долго жить, то лишь как рисунок, как графика; ее значение как истолкование памятника другого искусства обычно воспринимается по прошествии известного времени лишь в исторической перспективе.

Но рисунки к повести Достоевского *так задуманы и исполнены*, что это обеспечивает им длительное существование и большую силу воздействия на читателя-зрителя.

Только с 1917 г. Добужинский систематически работает над иллюстрированной книгой, столь нужной сейчас и которую мы начинаем все больше ценить. И мы ждем от нашего художника дальнейших достижений.

М. В. Добужинский.—Концовка из «Белых ночей» Достоевского. 1922 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ.

I. ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ. В. Волькенштейн.—II. О РИФМЕ. Валерий Брюсов.—III. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА. Вяч. Полонский.

I. ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЫ.

В. Волькенштейн.

Возрождение бытовой драмы — возникновение новой драмы советского быта: таково все громче звучащее требование театрального дня.

А между тем новой бытовой драмы, удовлетворяющей художественным запросам театра, не появляется. Пьесы, написанные за шесть-семь лет революции русскими драматургами, по заданию своему, героичны—монументальны—романтичны—эксцентричны... словом, далеки от приемов сценического бытописания; наиболее характерные современные пьесы находятся в созвучии с разнообразными приемами театра условного. При этом весьма примечательно не только отсутствие мало-мальски значительных пьес из современной русской жизни, но и очень небольшое количество пьес из русской истории и мифологии. Поистине, последние шесть лет русский театр был интернационален.

Наибольшее количество новых постановок и напечатанных пьес за истекшие шесть лет было у А. В. Луначарского: «Оливер Кромвель» (Малый театр), «Фома Кампанелла» (театр Незлобина), «Слесарь и канцлер» («Комедия»), «Фауст и город» (Александринский театр), «Королевский брадобрей» (Студия имени Шаляпина), «Медвежья свадьба» (Малый театр) и др.; ни одной попытки к написанию бытовой драмы у Луначарского мы не находим [1]). Русский миф отразился в его мало сценичных драматических поэмах—«Василиса Премудрая» и «Иван в раю».—Широкое распространение начинают приобретать пьесы «Московской Ассоциации Драматургов» [2]). Так, в текущем сезоне в Москве поставлено в театре

[1]) О первом томе пьес Луначарского см. мою рецензию в 5-й книге «Печати и Революции» за 1923 год.

[2]) В составе членов Ассоциации: В. Волькенштейн (предс.), А. Глоба, К. Липскеров, А. Файко, П. Антокольский, В. Масс, В. Бебутов, А. Неверов (†), Ю. Юрьин, Н. Зархи, Я. Апушкин, Н. Бромлей, Б. Ромашев.

Революции «Спартак», героическая драма автора этой статьи, и «Озеро Люль», мелодрама Файко; в Малом театре—«Нечаянная доблесть» Юрьина. Репетируются: во 2-й Студии М. Х. Т. и в Петрограде у С. Радлова — «Венчание Хьюга» Глобы; в «Комедии»—«Карменсита и Хозе» Липскерова, в 3-ей Студии—«Когда спящий проснется» Антокольского и в мастерской Мейерхольда—«Потерянный день» Масса (в сотрудничестве с Субботиным)—единственная во всей указанной серии пьеса из современной русской жизни, гротескный водевиль, отнюдь не являющийся началом нового бытового репертуара. Из пьес членов Ассоциации можно еще указать «Сполошный зык» (Стенька Разин) Юрьина (Незлобинский театр) и «Фамарь» Глобы, «Морскую горошину» Липскерова, «Авантюру» Масса, мои пьесы — «Паганини», трагедию «Ахэр» и др., частью поставленные, частью напечатанные в годы революции. В 1918 году на сцене театра Сов. Раб. и Кр. Депутатов шла в исполнении 1-й Студии трагедия «Калики перехожие».—Так же далеки от изображения быта и пьесы целого ряда русских драматургов: «Мистерия-Буфф» Маяковского, характерное произведение определенного момента революции, «Стенька Разин» — «Былинный сказ для театра» В. Каменского, пьесы петроградских молодых драматургов — «Падение Елены Лей» Пиотровского и «Вне закона» Лунца; «Михаил Архангел» Бромлей и др.—Все эти пьесы, столь разнородные по своим идеологическим заданиям, по литературным и сценическим приемам, неравноценные в художественном отношении, объединены одним: они порождены патетикой и эксцентрической фантазией, в них нет и намека на реалистическую изобразительность.

Не только вне современного «быта», но и вне современных драматургических течений «Любовь — книга золотая» А. Толстого — веселое упражнение в стилизации, и «Кофейня» Муратова — пьеса театра интимного и созерцательного.

Стремление к созданию современного бытового репертуара мы находим покамест, главным образом, у писателей молодой пролетарской группы—у Чижевского («Сиволапинская комедия», «Его величество Трифон» и др.), у Гладкова («Ватага» [1]), у Неверова («Бабы», «Захарова смерть», «Смех и горе» и др.). Из пьес писателей других литературных групп следует отметить «Землетрясение» П. Романова.—Однако, пьесы пролетарской группы, за исключением, пожалуй, «Сиволапинской комедии», при всех достоинствах языка (как, например, у Гладкова), лишены подлинного драматизма; их построение часто путанное, сбивчивое, в них нет необходимого для драмы нарастания действия. Объясняют это недостаточным опытом молодых драматургов. Бесспорно, и это имеет значение. Драма, как ни одна из литературных форм, требует сложного изучения; драматург должен быть спаян с театром— и остаться независимым писателем. Но мастерства можно добиться—

[1]) Пьеса изображает момент революционного брожения до Октябрьской революции.

и второй акт «Сиволапинской комедии» Чижевского написан уже достаточно четко; однако, никто не будет настаивать на том, что этот легкий водевиль, написанный под сильным влиянием Островского, знаменует собой рождение нового театра.—Объяснять неудачу бытовой драмы случайным отсутствием особого рода талантов, призванных к сценическому воплощению действительности, было бы также несправедливо: работы Неверова, Чижевского и Гладкова определенно указывают на их способность к реалистическому методу строения драмы. Да и в некоторых исторических пьесах и мелодрамах из русской и иностранной жизни, написанных другими нашими драматургами, как, например, в «Сполошном зыке» Юрьина и в «Слесаре и канцлере» Луначарского, мы видим черты реалистического письма; но эти авторы упорно не касаются русской *современности*. Что касается «Землетрясения», то это еще не драма; это—бессюжетные зарисовки с натуры.

Надо полагать, что причины отсутствия бытовых современных драм более сложны, нежели упомянутые предположения. Эти причины находятся в глубокой связи с социальной психологией нашего времени. Попытаемся эти причины выяснить. Что мешает возникновению бытовой драмы в наши дни?

Драма есть искусство, по преимуществу изображающее волевые стремления, их нарастание и борьбу. Поскольку волевое стремление, наталкиваясь на противоборство, пренебрегая страданиями и сомнениями, растет и крепнет, оно приобретает характер страсти. Драма есть искусство страстей. Герои драмы, охваченные неудержимыми желаниями—любовью, честолюбием, скупостью, жаждой справедливости и т. д. и т. д.—неизбежно наталкиваются на сопротивление окружающей среды. Осуществляя свое желание, герой драмы—иногда сознательно, иногда бессознательно, но всегда неизбежно—нарушает нормы, обычаи, порядки, мораль и право окружающего общества. И если в трагедии герой вступает в борьбу с неким общеобязательным (с точки зрения автора) законом—с роком в античной трагедии, с богом в трагедии христианской, с общественным или государственным законом в трагедии, проникнутой социальным пафосом (как, например, «Кориолан»),—то в бытовой драме мы видим борьбу с бытовыми нормами, охраняющими социальный уклад определенной среды. Борьба с этим укладом, борьба с бытом, борьба, вскрывающая внутренние противоречия этого быта,—вот тема бытовой драмы. С социологической точки зрения каждое действующее лицо в драме является типическим представителем определенной социальной группы, определенного класса. Борьба может возникнуть в пределах одной социальной группы—как, например, в «Норе» Ибсена борьба между Норой и буржуазной средой—и тогда перед нами расщепление этой группы, разложение на подгруппы. Борьба может возникнуть вследствие вторжения в данную социальную группу лица со стороны—и тогда перед нами борьба двух социальных групп, как, например, в «Одиноких» Гауптмана—вторжение Анны Мар в семью буржуазной интеллигенции.

Но во всех случаях бытовая драма является художественным протестом против изображаемого быта,—разоблачением этого быта. Так, в драмах Островского мы видим протест против «темного царства»—в «Грозе», протест против дворян-помещиков—в «Лесе», протест против купечества—в целой серии его пьес и т. д... В «Трех сестрах»—протест против провинциального мещанства. В «Вишневом саду»—едкая, хотя и печально-сочувственная критика вырождающегося помещичьего быта... С социологической точки зрения всякая драма—революция, хотя бы и в самом узком кругу; с философской всякая драма—переоценка ценностей. Для возникновения бытовой драмы необходимы два условия: нужен быт,—быт прочный, крепко укоренившийся и угнетающий—и необходим протест, органический, социально обоснованный, протест новой воли и свежего сознания.—В своей книге «Литература и Революция» Л. Троцкий так определяет настроение будущей советской комедии (типа «Недоросля», «Горе от ума», «Ревизора»): «...сколько у нас кругом и старого и нового свинства, подлости, хамства,—давайте выметать».—Идеологически задача совершенно ясна. Трудность осуществления—в том конкретном, красочном материале, которым располагает современный бытовой драматург.

Быт—повторные социально-психологические явления—мы представляем себе, как нечто неизменное. В сущности, конечно, это не так; жизнь есть движение и всякий быт преобразуется, изменяется. Но все дело в том, чтобы он изменялся медленно, незаметно, чтобы в пестроте событий нам виделись неизменные, красочно-типические черты. Это и есть материал искусства реалистического. И такого материала нет у современного драматурга. Мы — люди переходного времени; резкие и частые сдвиги, переломы в такое время неизбежны и необходимы. Революционная ломка может продолжаться и 50 лет. И тем самым бытовая ткань нашего времени — спутанные нити старой, далеко еще не изжитой психологии и новых веяний — обречена на быструю изменяемость. Ее приходится перекраивать и штопать. На наших глазах с года на год меняются слова, привычки, *образ* жизни — тот конкретный материал, который дает краски для художественного произведения. Быстро меняются люди: современный купец, милиционер, правозаступник—кем он был вчера? каков он будет (в смысле своей повадки и обличия) завтра? Пусть социолог отчетливо отмечает в этом движении тенденции социальных групп; для художника здесь слишком многое зыбко и неуловимо. В наши дни трудна фиксация конкретных бытовых впечатлений—и в этом смысле сейчас быта нет; точнее, он слишком быстро модифицируется, для того, чтобы можно было в художественных образах закрепить его типические черты.

Наиболее неподвижен деревенский быт, особенно быт глухой деревни. Этим и объясняется то, что сравнительно живые эскизы современной бытовой драмы—все из деревенской жизни.

Дореволюционная бытовая драма питалась крепко отстоявшимися бытовыми впечатлениям. Городовой десятки лет стоял на одном углу в одной и той же форме; это был быт. В помещичьих усадьбах скучали

и мечтали барышни; это был быт. Адвокат легко зарабатывал, выражал либеральное общественное мнение и интересовался литературой; это был быт. И т. д. и т. д. И этому устойчивому быту соответствовала бытовая русская драма—драма Островского и Чехова с ее медлительным ритмом и отчетливо-выписанными персонажами.

Показательно то, что еще до Октябрьской революции—уже около 1905 года—бытовая драма выродилась. Последняя значительная бытовая драма в русском репертуаре—«Вишневый сад» Чехова («На дне», написано раньше); после «Вишневого сада» мы видим весьма слабые, подражательные бытовые пьесы (в роде «Осенних скрипок» Сургучева). Как только начал разлагаться дореволюционный быт царской России, бытовая драма оказалась беспочвенной. Знаменательно, с другой стороны, то, что драме во все времена предшествовал эпос, свидетельствовавший о твердой кристаллизации впечатлений; питаясь его спокойной образностью, драматург воплощал извечное столкновение человеческих страстей. Между тем наша новейшая беллетристика покамест крайне эскизна. Наконец, только прочный, заматерелый быт позволяет себя критиковать. Бытовая драма, отмечающая недостатки нового строительства, с трудом бы проникла на сцену.

Характерно, что даже такая невинная вещь, как «Сиволапинская комедия», вызвала нарекание критики, указывавшей автору, что он недооценил положительных сторон Нэпа. Не даром в своей книге «Литература и Революция» тов. Троцкий предложил свою защиту от возможных нападок бытовому драматургу современности; бытовая комедия—весьма щекотливая форма сценического представления.

Современность менее всего располагает драматурга к бытовой драме. В жажде бытовой драмы русский театр может временно вернуться к старому русскому бытовому репертуару, например, к Островскому, но навряд ли в России в близком будущем появится новая значительная бытовая драма; в наши дни возможны только случайные наброски, бытовые анекдоты; нужно заметить, что мемуары современников с художественной точки зрения предпочтительнее.

Не давая прочного материала для бытовой драмы, революция подготовляет почву для драматического искусства, проникнутого широко-развивающейся социально-философской диалектикой, для героической драмы, для трагедии. В трагедии развитие страстей параллельно развитию идей; этот параллелизм никогда не бывает так ощутителен, как в эпохи революционные. В идеологическом облачении возникали и боролись перед нами самые буйные стремления. Человеческая потребность осмыслить, оправдать свои желания с необычайной силой сказалась в революционное время; каждый поворот революции, начиная с 1905 года, сопровождался диалектическим обоснованием; на наших глазах—параллельно борьбе разнообразных общественных сил—развивались и отживали идеи. Это был трагедийный пафос. И эта патетика отразилась

и еще долго будет отражаться на нашем репертуаре. Мы, прошедшие сквозь горнило революции, мы восприимчивее к трагедии и к героической драме, чем люди дореволюционного времени; для них связь между идеей и жизнью была менее наглядна, менее убедительна. Изображая диалектическое раздвоение идеи, увлекающей трагического героя, автор трагедии разрушает и заново строит перед нами мир. И мы, люди революционной эпохи, приобщившиеся к ее трагическим дерзаниям и потрясениям, имеем право на создание трагедии.

Отсюда темы современных русских драматургов, отсюда Стенька Разин, Фома Кампанелла и Спартак. Не случайно появляются на театральных подмостках современности герои истории—наиболее яркие выразители народной жизни. Эти фигуры легендарны, эти темы почерпнуты из глубин народного сознания; они доступны широкому массовому восприятию и долговечны. В этих темах нет ничего книжного, ничего надуманного: они диктуются мятежным духом нашего времени. Не случайно также свободное вторжение современной фантазии в другие страны и далекие эпохи. Желательно было бы большее изобилие сюжетов из русского прошлого; но мы естественно погружались в историю и географию в момент, когда Россия оказалась противопоставленной всем государствам Запада, когда в судьбах минувших веков мы искали аналогии с нашей современностью. Нам не казался искусственным патетический диалог, так как мы жили в годы бурного красноречия. Мы, естественно, органически стремились и будем стремиться к театральному максимализму, к значительным темам, к широким жестам, к острым сценическим положениям.

Монументальный стиль современной русской драмы свеж и значителен в перспективе всей истории русского театра, начиная с Пушкина. Именно у Пушкина, в его небольших, но гениальных эскизах мы видим зачатки подлинной русской трагедии [1]). Патетичен—на бытовом фоне комедии—Чацкий Грибоедова; есть трагедийная патетика в Арбенине Лермонтова. Героична юность русского театра. В дальнейшем своем развитии героическая линия русского театра стерлась, стушевалась; русский театр стал театром реалистического бытописания. Лев Толстой издевался над Шекспиром, требовал от сцены естественного языка и точных исторических деталей. Русская драма пренебрегла

[1]) Пушкин остро чувствовал монументальную и условную природу театра. В своей глубокомысленной статье «О драме» он пишет: «Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских альдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает противника на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полускиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого, благовоспитанного маркиза... Со всем тем Кальдерон, Шекспир, Корнель и Расин стоят на высоте недосягаемой»...—И далее: «Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя?».. «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предлагаемых обстоятельствах—вот, чего требует наш ум от драматического писателя».

героями и начала создавать типы. Она была великолепна в смысле реалистической правды, но утратила свой первоначальный подъем. Одухотворенная страсть, одухотворенная сила—этого сочетания русский бытовой и психологический театр не знал. В русской драматической литературе (в сильной мере в русской литературе вообще) духовность и энергическое волевое стремление были разобщены. Русская идеология была по существу своему безвольна, а следовательно, недраматична. Одухотворены герои Чехова, но весьма не энергичны; действие в чеховских пьесах весьма вялое. С другой стороны, крепкой волей отличаются некоторые персонажи Островского, но его театр менее всего интересен по своему идейному содержанию.

Измена пушкинской-шекспировской традиции русскому театру дорого обошлась.

Природа театрального представления, развертывающегося перед глазами коллективного зрителя, требует важнейшего содержания. Театр, по существу своему,—искусство монументальное. Подобно памятникам монументальной скульптуры, он стоит на площади, перед лицом всенародной толпы. Он создан огромными трудами и затратами, он является средоточием социальных интересов и стремлений, неким культурным центром; он сбирает дань со всех искусств, он пользуется новшествами современной техники, он претворяет самые разнообразные творческие усилия в захватывающее зрелище. И естественно, что мы предъявляем к нему максимальные требования. Театр должен быть праздником,—праздником слуха и зрения, праздником чувства и ума и, прежде всего, праздником энергии. И только на пути героического, трагедийного театра человечество—во все времена—находило достойное и последнее воплощение своих художественных замыслов.

Русские драматурги революционной эпохи—до последнего времени—уверенно и с увлечением устремились на этот основной, органический путь театрального искусства. Пусть то, что они сделали, еще недостаточно ярко: но они были на единственно-возможном и важнейшем пути. Преждевременный призыв к бытовой драме может внести опасное смятение в их еще неокрепшее сознание.

Главная опасность сценического бытописания заключается в том, что под флагом «реализма» легко пролезает на сцену и плоская фотография, иногда сентиментально ретушированная, и убогая сценка «с натуры», и бессодержательный анекдот. Все это подносится публике с удостоверением, что здесь все «как в жизни». Реализм легко и незаметно заменяется натурализмом. Могут возразить: не менее опасна замена героической патетики ходульной декламацией. Дело вкуса. Однако, практика театра показывает, что скверные героические и романтические пьесы, лишенные мысли и фантазии, на сцене не держатся, тогда как до революции на протяжении десятков лет почти все русские театры были заполнены пошлейшими псевдо-реалистическими пьесами, якобы живописующими современный быт и психологию. Достаточно вспомнить успех

«Осенних скрипок» в Художественном театре или «Ревности» у Незлобина, чтоб увидеть, как легко смешивает публика Чехова с Сургучевым. И вот эта-то традиция—по существу своему мещанская—грозит контрабандой, под маской нового советского реализма, вернуться на сцену. Да, именно мещанская. Рабочий и крестьянин в искусстве—романтики. Они идут в театр после тяжелой работы и ищут праздничного зрелища. Еще лет 15 тому назад, посещая спектакли в рабочем доме гр. Паниной в Петербурге, я был поражен тем успехом, которым пользовались у рабочей аудитории пьесы героического и романтического театра, не только Шекспир, но и Уайльд («Герцогиня Падуанская»!) и как сравнительно мало увлекали аудиторию пьесы бытовые. Известно, что в годы Октябрьской революции труппа актеров играла в деревнях «Короля Лира» и «На бойком месте»; анкета показала, что «Король Лир» больше понравился крестьянам, нежели пьеса Островского, быть-может, наиболее трогательная и очаровательная из его комедий.

Я не отрицаю значения бытовой драмы; создание народного бытового театра—театра русского Анценгрубера—великое дело; но в момент, когда бытовая драма преждевременна, она естественно будет фальсифицироваться, и суррогаты будут приятны, прежде всего, мещанству. Мещанин любит видеть себя на сцене. Мещанину мало видеть Ивана Ивановича соседом по уплотненной квартире; он хочет его увидеть на театральных подмостках. Мало того: подлинная реалистическая типизация есть дело художественного воображения—и далеко не сразу она доступна обывательскому вкусу. Когда появлялись пьесы Островского, его упрекали в том, что его пьесы на жизнь «не похожи». И верно, не похожи. Замоскворецкие купчихи, надо думать, говорили не столь веско и выразительно. Язык подлинного художественного произведения есть творческое изобретение автора. А вот Рышкова обыватель приветствовал горячо и без оговорок: у него в пьесах говорят совсем так, как на улице [1]). Обывательщина—вот главная опасность для современного русского театра. И она, обывательщина, будет прикрываться советскими лозунгами, лишь бы захватить сцену.

Наконец, и в актерской среде жива натуралистическая традиция недавнего прошлого. Русский актер в своей массе давно отшатнулся от патетической формы Каратыгина и извратил, опошлил проникновенные наставления Щепкина; он с легкостью примет новый натуралистический, мещанский репертуар, не требующий особой тренировки жеста и голоса—и никакого образования. Все это заставляет сильно задуматься над судьбой нового бытового театра.

Эта статья менее всего направлена против бытовой драмы. Пусть на вершинах своих театр монументален; подлинная бытовая драма есть

[1]) Как опошляется представление о бытовой драме, видно по статье Левидова, напечатанной в «Лефе» в 4-й кн. В поисках образчиков для новой бытовой драмы автор рекомендует пьесы... Виктора Крылова и Рышкова!

искусство большого общественного значения. Русский театр — и прежде всего 40 пьес Островского—был в основе своей реалистичен. Но не надо ни на минуту забывать, что реализм есть такой же метод художественного творчества, такой же результат художественного воображения и мировоззрения, как и романтизм. За красочными, динамически развивающимися образами бытовой драмы нам должно видеться целостное построение мира, свойственное автору. Именно этим художественным синтезом сильна реалистическая драма, а не разрозненными бытовыми наблюдениями, которыми она пользуется. Островский силен, поскольку он поэт и мыслитель, мастер сцены, а не потому, что он писал быт. Он жил в эпоху спокойной бытовой кристаллизации и питался грандиозным опытом современного ему романа. Путь современных драматургов есть путь пафоса по преимуществу. Мы должны стремиться к наивысшим достижениям, хотя бы потому, что меньшие для нас в данный момент невозможны. На развалинах старого быта и в начале нового строительства мы вступаем на самый трудный и основной путь драматического творчества. И так ли недостаточны наши достижения, как это иногда кажется критике, в своих требованиях ненасытимой и слишком часто—в зависимости от злободневных веяний—меняющей свою точку зрения? Во всяком случае, будущая критика примет произведения современных русских драматургов, как органически связанные с эпохой революции.

Л. Троцкий указывает, как нужна советской России обличительная комедия — комедия-сатира. Если, параллельно монументальной драме, в России и возникнет комедия современности, мне думается, она будет несравненно беднее по бытовому материалу и острее по сценическим положениям, нежели классическая русская комедия «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». Параллельно монументальной драме сейчас возможна комедия-гротеск, фарс аристофановского жанра [1]), но никак не бытовая комедия. На театре возможны сейчас только резкие карикатуры, яркие символы человеческих пороков и низких страстей,— но не типы, ибо типическое создается только на устоявшейся почве. Из указанных Л. Троцким авторов Гоголь нам ближе всего—поскольку он эксцентричен, именно нереалистичен. Современности остаются доступными и другие формы драмы, напр., романтическая, фантастическая драма [2]) и мелодрама, увлекающая занимательной фабулой, широко разворачивающейся картиной драматической борьбы [3]).

Революция заставила нас задуматься о самых основных ценностях нашей жизни, пересмотреть основные понятия. Мы заново и насвежо ощутили, что такое «хлеб», «дрова», «личность», «общество» и т. п. В на-

---

[1]) Элементы такого фарса мы находим в «Мистерии-Буфф» Маяковского и в «Авантюре» Масса.

[2]) Изящным образчиком такой современной романтической драмы является «Венчание Хьюга» Глобы.

[3]) Сюда относятся, напр., «Слесарь и канцлер», «Озеро Люль», «Железная стена» Рынды-Алексеева и др.

шем восприятии перестроилась природа вещей и идей. Сейчас время для того, чтобы заново осознать и природу театра; ибо величайшей опасностью для него была бы реставрация того мещанского натурализма, который так мил сердцу людей, лишенных мысли, вкуса и воображения.

II. О РИФМЕ.

Валерий Брюсов.

В. Жирмунский. Рифма, ее история и теория. Росс. Институт Истории Искусств. Вопросы поэтики. Выпуск II. Изд-во «Academia». Пд. 1923. Стр. 340.

От исследования, подписанного именем В. Жирмунского, можно требовать многого. Что вообще должно было бы признать хорошей работой, может не удовлетворить, если это—труд В. Жирмунского. Его новая книга о рифме даст много читателю, интересующемуся вопросами поэтики и стихологии, но специально вопросами рифмы не занимавшемуся. Специалист, напротив, останется несколько разочарован, найдя в книге все то, что он знал и без нее, и найдя не слишком много такого, что составляет новый вклад в науку. Помимо того, специалист принужден будет отметить в книге некоторые, не совсем маловажные, пробелы и некоторые, достаточно явные, недоразумения.

Говоря о специалисте, я, конечно, разумею самого себя, так как много и внимательно занимался вопросами рифмы. Возможно поэтому, что мое суждение несколько субъективно, что я смотрю с своей личной точки зрения, под углом зрения своих собственных теорий. Возможно, что кажущееся слишком известным мне, мало кому знакомо вообще, а представляющееся мне недоразумением, просто—иное мнение, даже более правильное, чем мое. Тем не менее, если бы я захотел отметить все случаи, в которых я мог бы поправить или дополнить В. Жирмунского, мне пришлось бы написать новую книгу о рифме. Постараюсь выбрать из этих замечаний, в пределах журнальной статьи, то, что более важно и менее специально, сознавая, однако, что последнее особенно трудно: самый вопрос достаточно специален.

Книга озаглавлена: «Рифма, ее история и теория». Таким образом, в ней две стороны: теоретическая и историческая. К первой относится обширная глава «Классификация рифмы», ко второй—главы «Из истории русской рифмы» и «Происхождение рифмы». Эти три главы дополняются введением—«Проблема рифмы», заключением — «Общие выводы» и учеными примечаниями (ссылки на аналогичные работы, экскурсы по частным вопросам и тому под.). Я буду историю рифмы и теорию рифмы рассматривать раздельно.

I.

Раньше остановлюсь на истории.

В. Жирмунский начинает историю рифмы с «новоевропейских литературных фактов». Он довольно подробно,—пожалуй, слишком подробно для общего плана своей книги,—говорит о созвучиях в поэзии старо-германской и старо-романской. Но он только упоминает о рифме в поэзии античной и только очень бегло касается рифмы в поздне-латинских стихах. Совсем не рассмотрены созвучия-рифмы в других литературах древности. Вскользь (по другому случаю) упомянуто о возможности возникновения рифмы из параллелизма—и только. Такой подход к вопросу о происхождении рифмы вряд ли правилен. Напр., сравнение рифм в античной поэзии и в поздне-латинских стихах выяснило бы один существенный момент в происхождении рифмы. Утрата квантитативности гласных вела к исканию новой меры стиха, что и было одной из основных причин возникновения конечного созвучия. Старо-германские и старо-романские стихи—только частный случай этого общего принципа. Укажу еще, что В. Жирмунский лишь мельком говорит о зависимости средневековой европейской поэзии от арабской (правильнее следовало сказать—от арабской, персидской, армянской и др.): вопрос, поскольку он касается рифмы, заслуживал гораздо большего внимания.

Обследуя происхождение русской рифмы, В. Жирмунский опять сравнительно много говорит о поздних европейских влияниях (начиная с польского), но весьма недостаточно об основах рифмы в русской народной словесности. Этому вопросу посвящен лишь один раздел: «рифмы в былине». Но именно былина дает нам только зачаточные формы рифмы (правда, очень любопытные). Напротив, другие роды словесности могли дать очень богатый выбор фактов. Таковы—лирика (оговорка о возможном городском влиянии не доказательна по отношению к длинному ряду произведений), таковы—заговоры, заклинания, пословицы, поговорки, загадки и тому под. Из них видно, что рифма—исконное явление в русском словесном творчестве, и эта-то ее особенность в книге В. Жирмунского не освещена.

Таким образом, корни рифмы остаются не вскрытыми. История рифмы начинается не с начала. Далее она, вопреки заглавию книги, резко суживается, переходя из общей истории рифмы в очерк, озаглавленный «К истории русской рифмы». Здесь изложение уже отрывается от связи с фактами других литератур: о них упоминается лишь случайно и не систематически. Соотношения между русской рифмой и рифмой западно-европейских литератур почти везде остались в стороне. Между тем они играли свою роль в истории. Рифмы романтиков, рифмы парнасцев, рифмы французских символистов влияли на русскую рифму, о чем в книге опять-таки лишь изредка упоминается (да и то не обо всем). Рифмы новейших поэтов французских, немецких, итальянских показывают процесс аналогичный явлениям новой русской рифмы. В книге об

этом нет ни слова, как и вообще о новейшей стихотворной технике на Западе. (Кстати: напрасно В. Жирмунский считает «новейшим» французским поэтом Поля Верлэна, который умер чуть не 30 лет тому назад, в 1896 г.)

Но наиболее существенным недостатком в истории В. Жирмунского представляется мне то, что эта история не только не начинается с начала, но и не доходит до конца. Автор, к сожалению, не поставил себе предела, до которого он намерен был довести историю русской рифмы. Молчаливо В. Жирмунский позволяет думать читателю, что история доведена до последнего времени, до наших дней; он разбирает рифмы В. Маяковского, упоминает С. Есенина и тому под. На самом деле, новая рифма,—рифма, выработанная футуристами, полно не охарактеризована. Оставлены без рассмотрения рифмы В. Хлебникова, Б. Пастернака, Н. Асеева и др., что значительно изменило бы выводы автора. Можно сказать, что новая рифма им не понята или, во всяком случае, не дооценена.

Для В. Жирмунского эволюция рифмы состояла, главным образом, в том, что постепенно понижались требования тождества (и даже полного сходства) заударных звуков, т.-е. звуков, следующих за ударной гласной в рифме, гласных и согласных. Период за периодом рифма становилась все менее точной. Поэты до-пушкинской эпохи рифмовали «для глаз», заботясь, чтобы в рифмующихся окончаниях стояли одни и те же *буквы*. Поэты пушкинской школы уже стали искать тождества (или полного сходства) *звуков*, однако, часто подчиняясь и орфографическому принципу, сходству в написании слов. Звуковой принцип развивался у Лермонтова, у Алексея Толстого и у позднейших поэтов. Новые вольности в этом отношении, т.-е. рифмовку слов и звучащих не совсем одинаково, разрешили себе символисты; у Брюсова и Блока, по словам автора, осуществляется тенденция «приблизительных» рифм. Дальнейшее развитие эти неточности получили у Маяковского и новейших поэтов. Осталось только требование (и то иногда нарушаемое) точного сходства ударной гласной, а что за ней следует,—стало для поэтов как бы безразличным.

Таким образом, по мнению В. Жирмунского, процесс развития русской рифмы есть в сущности процесс ее разрушения. Для старого поэта в рифме были ценны все звуки, начиная с ударной гласной, для нового—только одна (или почти одна) эта гласная. Рифма как будто стремится приблизиться к ассонансу старо-французской поэзии. В. Жирмунский не достаточно обратил внимания на то (или, как было сказано, не дооценил то), что параллельно этому процессу в эволюции русской рифмы шел другой. В то время, как отмирали одни требования,—вырастали другие. Новая рифма, теряя сходство заударных звуков, приобретала нечто иное.

Число рифм классического типа,—тех, какими пользовался Пушкин и его школа,—в русском языке весьма ограничено (их, напр., гораздо меньше, чем во французском языке). Уже сам Пушкин горько жаловался, что рифм для русского стиха мало (известная цитата повторена в книге В. Жирмунского), и даже предполагал, что со временем мы перейдем

к белым стихам, без рифм. Некоторые изменения в произношении слов,—о чем́ речь впереди,—были недостаточны, чтобы пополнять запас созвучий, быстро становившихся привычными, банальными. Недостаточно было и пополнение словаря новыми словами, иностранными терминами, собственными именами. Однако, русская поэзия, развивая свою эвфонию, продолжала требовать созвучий и именно *новых* рифм. Эта-то потребность и привела к тому, что рифма была ориентирована на новом принципе.

Новую рифму, которая отныне должна противополагаться классической, подготовили символисты, но вполне разработали только футуристы (всех больше—Б. Пастернак и Н. Асеев). В этом большая заслуга нашего футуризма в области техники стихотворства. В. Жирмунский, изучая новую рифму только у Маяковского, делает правильное наблюдение. «Разрушение созвучности в заударной части рифмы,—говорит автор,—в большинстве случаев сопровождается у Маяковского компенсацией в предударной части слова». В. Жирмунский даже допускает, что «таким образом *как бы* намечается новая система рифмовки». Однако, он уделяет этому явлению очень немного места в своей истории. Он склонен думать, что «за революционной эпохой в истории русского стиха, выступившей под знаком индивидуализма и натурализма, наступит возвращение к консервативной, идеалистической традиции высокого стиля и каноническим формам стиха». (Признаюсь, что, несмотря на следующую ссылку на «мудрое слово» Гёте, я не вполне понимаю, какое отношение имеет идеализм к новой системе рифмовки).

В противоположность В. Жирмунскому, я настаиваю, что новая рифма не «как бы», а в действительности есть новая система или новый принцип рифмовки. В чем основная задача рифмы? Отметить сходным звучанием слов определенное место (большею частью, конец) в метрических и эвфонических звукорядах. Прежние поэты искали этого сходного звучания в концах слов, начиная с ударной гласной. Новые поэты показали, что сходное звучание может быть достигнуто иным путем. Они в этом направлении подчеркнули прежде всего значение опорной согласной (согласной, стоящей перед ударной гласной), потом слогов, предшествующих ударному, наконец, общего строения слов, даже независимо от их окончаний.

Примеры рифм всех этих родов можно найти и среди рифм В. Маяковского, с которыми исключительно оперирует В. Жирмунский. Но именно потому, что В. Маяковский особенно охотно пользовался рифмой составной и рифмой омонимической, В. Жирмунский воспринимает его рифмы только как аномалию рифмы классической. Таковы, напр., созвучия: «*Персия—теперь сиял*», «*гор достиг—гордости*», «*тебе—Тибет*», «*на чело—началось*» и тому под. Все это—частные случаи более общего явления. В системе классических рифм ударные звуки на конце слов *о* и *ой* (мужские окончания), конечно, не созвучны. Но Б. Пастернак рифмует, напр., «крупо*й*—Эдгаром *По*» и показывает, что эти слова созвучны в силу тождества опорной согласной *п* (и отчасти в силу совпадения пред-

шествующего *р* или даже группы *кр* и *гр*). То же явление в рифмах Б. Пастернака: «*спит*—*степи*», «*не здесь*—*звезде*», «как *ни будь*—*на лбу*» и др. По тому же принципу построены женские рифмы Б. Пастернака: «*звоночек*—*ночью*», «*саднят*—*палисадник*», «*репейник*—*нетерпенье*», «*какао*—*хаос*», «в *зале*—*залил*» и др.

Иначе говоря, принцип новой рифмы состоит в том, что созвучны (рифмуются) те слова, в которых достаточное число сходно-звучащих элементов. Центральное место среди этих элементов занимают ударная гласная и опорная согласная, как звуки, наиболее выдвигаемые произношением. Если, помимо того, сходство распространяется на окончание слова, получается то, что я называю «сочной» рифмой (в отличие от «глубокой»); если—на слоги, предшествующие ударному, то́, что вообще можно назвать «глубокой» рифмой (обобщая это понятие). Притом сходные элементы могут быть расположены в рифмующихся словах даже в различном порядке, напр., метатесически или прерываясь несходными звуками; примеры у Б. Пастернака: «*чердак*—*чехарда*», «*сколько им*—*кокаин*», «*восток*—*свисток*» и др. Следовательно, эта новая рифма не только освобождает поэтов от прежних требований (соблюдать сходство окончаний), но и налагает на поэтов новые требования (соблюдать тождество опорной согласной и искать сходства предыдущих звуков). Новая рифма—иная, нежели классическая, но ни в коем случае не «менее точная» и не «менее строгая». Те из современных поэтов, которые просто позволяют себе небрежные рифмы, не понимают самой сущности совершившейся реформы.

Давать полную теорию этой новой рифмы здесь, конечно, не место. Но понятно, в какой мере она расширяет пределы возможных созвучий в русском языке. То, на что жаловался Пушкин, ныне преодолено: русских рифм стало много. Притом новая рифма, по своей звучности, нисколько не уступает классической—скорее превосходит ее. Это настолько очевидно, что поэты, продолжающие пользоваться классической рифмой, начинают вводить в нее элементы новой рифмы, напр., настойчиво соблюдать тождество опорной согласной. Поэтому мало вероятия, чтобы в силу «идеалистической» или иной традиции наша поэзия когда-либо вернулась назад и отказалась от того богатства и разнообразия созвучий, которое открыто ей принципами новой рифмы.

Из всего этого следует, что эволюция русской рифмы, с моей точки зрения, изображена у В. Жирмунского не вполне правильно. Он следит только развитие классической рифмы, и в этом направлении его наблюдения более или менее верны. Но он не дооценивает значения новой рифмы и поэтому не проводит нужной грани между ней и рифмой классической, не видит здесь двух раздельных периодов. Поэтому же в истории В. Жирмунского не прослежено зарождение новой рифмы в прошлом. Он не отмечает, напр., стремления еще Хераскова соблюдать опорную согласную, не подчеркивает вообще роли согласных в русской рифме (почему остались необъясненными аберрации Державина и Некрасова), проходит мимо влияния парнасских рифм на русскую поэзию, наконец, не

приводит примеров «новой» рифмы у прежних поэтов (напр., у Пушкина: «Наполеоны—миллионы», «труд—руд» и т. д.). В конце-концов, как сказано выше, история В. Жирмунского говорит только о разрушении старого канона рифмы и ничего не говорит о создании нового канона.

II.

Всем этим я все еще не покончил с исторической частью книги. Впрочем, то, что мне хотелось бы еще сказать о истории рифмы, уже приближается к ее теории. Можно поэтому перейти к теоретической части исследования.

Выше было упомянуто об изменении в произношении слов. Странным образом В. Жирмунский придает этому процессу мало значения. В новых созвучиях он хочет видеть «не изменение произношения, а изменение поэтического вкуса и стиля». Однако, вряд ли можно спорить против того, что русское произношение, хотя бы за два века от Ломоносова до наших дней, существенно изменялось. Такие явления, как усиление «йканья», т.-е. произнесение неударного *е* как *и* (примеры у Кошутича, постоянно цитируемого В. Жирмунским), распространение московского «аканья», ослабление конечных согласных,—общеизвестны. Проникновение разных говоров, одного в другой, вело к ослаблению отчетливости произношения. Этот последний процесс мы могли наблюдать сами и можем наблюдать поныне. Старики, с которыми я встречался лично (напр., дед мой, современник Пушкина, А. Бакулин, или П. Бартенев, родившийся в 1828 г.), произносили отчетливее, нежели я, а я сам произношу отчетливее, нежели новое поколение, родившееся в 900-х годах. Пренебрегая этим процессом, В. Жирмунский вряд ли прав: его надо было серьезно принимать во внимание, говоря о том, что рифма постепенно утрачивала свою точность. То, что в эпоху Пушкина, по тогдашнему произношению, было созвучием неточным, стало совершенно точным в период символистов.

Точно так же надо было принять во внимание индивидуальный выговор самих поэтов. Для доказательства своей мысли,—о вырождении точности рифмы,—В. Жирмунский приводит примеры безразлично из всех поэтов, редко справляясь с тем, как они произносили. Напр., В. Жирмунский относит к числу «узуальных неточностей» рифмовку *г* и *х* в конце слов, предполагая здесь «влияние церковного языка, перешедшего в Москву в произношении киевском» (последнее подтверждено ссылкой на Шихматова), и в сочетаниях типа «миг—них» видит «ориентировку на графику». Между тем произношение конечного *г* как *х* есть живое южно-русское произношение и было живым, естественным, напр., для Фета, чем и объясняются его соответственные рифмы, вне всякого влияния церковного языка и графики. Я сам (так как мать моя была родом с юга) в юности произносил так, почему в моих юношеских стихах и рифмуются, напр., «мог—мох»: для меня это была «точная» рифма, по произношению, а не по написанию. Подобно этому, не «традицией», как думает В. Жирмун-

ский, а живым произношением объясняется у некоторых поэтов рифмовка мягких губных с твердыми в конце слов; напр., «любовь—цветов» было у П. Бутурлина точной рифмой: он так и выговаривал.

Следовало бы еще принять во внимание индивидуальные стремления отдельных поэтов в области рифмы, но, конечно, это было не так легко сделать. Здесь я возьму в пример самого себя. В. Жирмунский делает мне честь, уделяя много места примерам из моих стихов, даже утверждая, что «метрические опыты Валерия Брюсова положили начало новому периоду в истории русской рифмы». Однако, рассматривая мои опыты, В. Жирмунский не учитывает, какие задачи я сам ставил своим рифмам. В ранний период своей деятельности я сознательно *избегал* слишком точных созвучий. Я пользовался неточными рифмами не потому, чтобы они для меня, для моего слуха, заменяли точные, а потому, что мне казалось сильнее, красивее иметь в рифме *и сходство* звуков, *и несходство* звуков. Я рифмовал, напр., «на кручи я—колючия» не потому, чтобы подчинялся старой орфографии (как думает В. Жирмунский), а потому, что в произношении «колючии» было отличие от произношения на «кручи я». Это, может-быть, деталь маленькая, но она показывает, как осторожно надо брать примеры. Любопытную параллель можно было бы провести между моими рифмами и рифмами Вячеслава Иванова, всегда искавшего точных созвучий. К сожалению, рифмы Вяч. Иванова в расчет В. Жирмунским не приняты. К этому же разряду явлений относится сознательное несоблюдение совпадения согласных у Державина, что В. Жирмунский пытается объяснить разными иными причинами.

Все эти обстоятельства, что не приняты во внимание ни общие изменения в русском произношении, ни индивидуальные говоры отдельных поэтов, ни их личное отношение к требованиям рифмы, привели к тому, что примеры, собранные В. Жирмунским, представляют, собственно говоря, явления разнородные. Иное, что В. Жирмунский считает рифмой неточной, было в сущности точной рифмой; где он видит вольность, было, напротив, соблюдение особых правил; где он видит влияние орфографии, его нет,—и т. д. Изучение русской рифмы оказывается более сложной задачей, нежели оно представлено в книге В. Жирмунского.

Переходя, наконец, к самой «теории» рифмы, приходится констатировать, что теория ограничена у В. Жирмунского одной классификацией. Он рассматривает типы рифм с метрической точки зрения, с эвфонической и с смысловой. Каждый из этих отделов подразделяется еще на более мелкие. Так получается классификация из довольно большого числа типов, вряд ли, однако, обнимающая все формы рифмы.

С метрической точки зрения В. Жирмунский рассматривает только общеизвестные типы рифм. Из рифм, взятых как окончание стиха, он останавливается, главным образом, на мужских, женских и дактилических. Об ипердактилических рифмах сказано слишком кратко, потому что для автора такие рифмы имеют «экзотический характер», хотя, напр., четырехсложных окончаний в русском языке очень много. Рифмы диастолические в особую группу не выделены; нет о них речи и там, где гово-

рится о рифме с эвфонической точки зрения (пример у кн. Вяземского: «поклонись ты ему—изувеченному»). Из рифм, взятых как часть строфы, охарактеризованы, главным образом, смежные, перекрестные и опоясывающие (обхватные). О других только упомянуто, хотя русская поэзия дает достаточно примеров (помимо твердых форм), где рифмы расположены иначе или где одно созвучие повторяется, под ряд или в разбивку, по многу раз. Уже Пушкин дает нам случай, где одна и та же рифма повторена 29 раз (все мужские рифмы в стихотворении «Послание Лиде»). Внутренняя рифма рассмотрена бегло, что и правильно, так как место для ее подробного изучения, это—общее учение об аллитерациях (повторах).

С эвфонической точки зрения В. Жирмунский называет только рифмы: достаточные, богатые, приблизительные и неточные. Этого, разумеется, слишком недостаточно для классификации, и сам В. Жирмунский потом вводит и другие термины, напр., бедные, глубокие и т. д. Важнее то, что совершенно выпало деление рифм по тому, кончаются ли они на гласный, согласный или полугласный звук, т.-е. на открытые, закрытые и смягченные. Между тем различие этих типов рифм видно уже по их разной судьбе в истории. Мужские открытые рифмы, напр., с самого начала требовали (за малыми исключениями) совпадения опорной согласной; смягченные большею частью требовали того же; закрытые этого не требовали. Напротив, женские открытые и смягченные рифмы раньше стали допускать несовпадение заударных звуков, чем закрытые, — и тому под. Наиболее подробно классифицированы у В. Жирмунского неточные рифмы. Но и здесь приходится указать отсутствие деления ассонансов на разные типы (известные из истории поэзии) и полное молчание о диссонансах, т.-е. созвучиях с различной ударной гласной (примеры у Блока, у меня, у И. Северянина, у В. Шершеневича и др.; В. Жирмунский говорит об этом явлении только в «истории», в главе о символистах).

С морфологической точки зрения (в отделе: «Рифма и смысл») В. Жирмунский различает особенно много типов рифм: однородные и разнородные, коренные и суффиксальные (отдельно флективных он не отличает), тавтологические и омонимические, простые и составные. Однако, и эта терминология не обнимает всех типов и видов рифмы. Так, напр., в ней не принято во внимание число слогов в рифмующихся словах (одно—рифмы: «сцену—смену», «вон—он»; другое—рифмы: «охладелый—целый», «погубил—любил», «Наполеон—он»). Также не выделена в особый вид очень характерная рифма, где одно слово целиком входит в другое. Примеры у Пушкина: «обряд—ряд», «столица—лица», «хороводы—воды», «хладнокровно—ровно», «человек—век», «небес—бес» и т. под.; или то же, с некоторым изменением звука: «карандаши—души», «крыльцо—лицо», «несносный—сосны» и тому под.; или еще в форме двух особых частей: «стало—*стра*д*ало*», «деле—*до*с*еле*», «просак—*прос*т*ак*», «кл*ави*к*орды*—аккорды», «кровью—П*рас*ковью» и тому под. Огромное число таких рифм у Пушкина показывает их значение. Пожалуй, эти типы правильнее рассматривать с эвфонической точки зрения, но и там они у В. Жирмунского не рассмотрены.

Как сказано раньше, В. Жирмунский не обращает внимания на те типы рифмы, которые подготовляли появление «новой рифмы». Указав на богатую рифму, под которой он разумеет преимущественно созвучие с опорной согласной (рифма «сочная»), В. Жирмунский внимательнее не следит за этим типом. Между тем есть несомненная разница между рифмой типа «холодный—голодный» и «холодный—модный»; есть несомненная особенность в таких рифмах, как (примеры из Пушкина): «дорожный—осторожный», «приметы—предметы», «Петриады—отрады», «молодых—удалых» и тому под. Огромное число рифм у Пушкина, где есть совпадение звуков раньше ударной гласной, могло бы навести на важные соображения: в «Евгении Онегине» едва ли не половина рифм такого рода.

Последний раздел в классификации В. Жирмунского, посвященный рифме с лексической точки зрения, очень скуден. Здесь рассматриваются лишь два типа рифмы: традиционные и редкие. Между тем история поэзии и частью примеры, приведенные в самой книге, показывают, что с лексической точки зрения можно было бы установить и иные деления, пожалуй, более интересные. Таковы рифмы по сходству и по контрасту самого смысла слов. В. Жирмунский приводит в другом месте рифмы Блока: «солнце—сердце» (укажем, кстати, что раньше ту же рифму применил Вяч. Иванов): явно, что здесь слова срифмованы не столько по звуку, сколько по смыслу. У Тютчева есть рифма «прекрасным—безобразным»; теория В. Жирмунского должна увидеть здесь только неточность созвучия—*з* и *с*, но эта неточность искупается контрастом двух понятий; и т. д.

Наконец, как тоже было сказано, теория В. Жирмунского ограничивается классификацией. Поэтому исследование ничего не говорит о причинах (морфологических и иных) созвучности разных слов. Это—вопрос очень обширный, и так как он вовсе не затронут в книге, приходится обойти его молчанием. Однако, вопрос, несомненно, относится к теории рифмы. Откуда, напр., возникают классические мужские рифмы на *ав*? Это—мужские существительные и имена собственные в именительном падеже (сустав, Густав), родительные падежи женских существительных на *ава* (глав), прилагательные в краткой форме (курчав), деепричастия (застав). Совершенно аналогично возникают рифмы на *ив*, на *ев* и др., с прибавлением еще наречий. Из подобных аналогий можно, напр., вывести все случаи возможных рифм на *очи—очий:* это им. пад. ед. числа м. р. (рабочий), им. пад. мн. числа женск. р. (ночи), род. пад. ед. числа ж. р. (ночи, мочи), род. пад. мн. числа ср. р. (средоточий), прилагательное (рабочий, охочий), его род. пад. ж. р. (рабочей), сравнительная степень (жесточе), слова итальянские (voce, Croce) и т. д. «Редкая» рифма «помни—огромней» становится с такой точки зрения частным случаем общего явления, к которому относятся рифмы: «тисни—живописней», «дерни—позорней» и т. д., или, еще шире, также рифмы: «смотрите—ядовитей», «мучай—жгучей» и тому под. Можно составить очень небольшое число таблиц, которые будут исчерпывать все возможные классиче-

ские рифмы. Для рифмы новой потребовались бы иные таблицы, но также сводящие все кажущееся многообразие созвучий к немногим типам.

Следовало бы еще поговорить о значении рифмы, как средства изобразительности в поэзии. Здесь я тоже имею кое-что добавить к сказанному В. Жирмунским. Но мой обзор его книги и без того слишком разросся.

Подводя итоги, надобно сказать, что исследование В. Жирмунского больше всего вызывает критику из-за излишней широты своего заглавия. *Всей* теории и *всей* истории рифмы (даже только русской) оно, конечно, не дает. Но не надо забывать, что оно—первый опыт в этом направлении. Книга дает систему нашим знаниям о рифме, суммирует большую часть того, что было сделано до сих пор, приводит большое число примеров рифм разного типа и содержит не мало интересных и тонких наблюдений. Все это—достоинства весьма немаловажные, и книга В. Жирмунского ляжет как основа для дальнейших исследований русской рифмы.

P. S. Отмечаю, кстати, ценную ссылку В. Жирмунского на первое издание книги В. Тредьяковского «Способ к сложению российских стихов». До сих пор все научные исследователи пользовались только вторым изданием (вернее—его перепечаткой), что вело к серьезным недоразумениям. Между прочим, изучение этого первого издания доказывает,—и пора это огласить,—что В. Тредьяковскому до сих пор ошибочно приписывалась честь введения тонической системы в русскую поэзию: честь эта по праву принадлежит Ломоносову.

III. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В РОМАНЕ В. В. ВЕРЕСАЕВА.

Вяч. Полонский.

I.

За В. В. Вересаевым издавна установилась слава Нестора русской интеллигенции. Внимательный наблюдатель, хороший знаток среды, которую изображал, Вересаев отразил в своих произведениях все «узловые» моменты «интеллигентской истории» последних двадцати-пяти лет. Повествования из жизни интеллигенции сделались в некотором роде его специальностью. Сам автор не проявлял намерений эту репутацию поколебать. Можно было поэтому с известной долей уверенности предсказать, что крушение, испытанное интеллигенцией в эпоху Октября, послужит темой его очередного произведения. Так оно и случилось.

Перед нами новейшее «сказание» нашего Нестора-летописца. Называется оно «В тупике» и посвящено современному, по счету последнему, этапу развития интеллигенции [1]).

I.

Центральное место в романе В. В. Вересаева занимают люди, оказавшиеся ни с революцией, ни против нее. Они запутались посредине, ни с белыми, ни с красными, одинаково враждебные или одинаково близкие тем и другим. В эпиграфе к роману, старательно разысканном у Данте, про героев этих говорится:

...В великой той борьбе,
Какую вел господь со князем скверны,
Они остались—сами по себе:
На бога не восстали, но и верны
Ему не пребывали. Небо их
Отринуло, и ад не принял серный...

Автор не скрывает, однако, своей благожелательности к героям романа. В том же эпиграфе почтенные герои, оказавшиеся ни с богом, ни с дьяволом, именуются «ангелами». Это, очевидно, «заблудшие» ангелы, не потерявшие, тем не менее, своего «ангельского» естества. В самом деле, герои повествования блещут самыми положительными качествами. «Честный, благородный, непреклонный, ни пятнышка на всем человеке»—говорится про Ивана Ильича Сартанова. Правда, слова эти произносит его дочь, лицо заинтересованное, но автор против такой оценки не возражает, он с нею совершенно согласен, ибо задание, поставленное им себе, в том и заключалось, чтобы показать: как это могло случиться, что настоящие, подлинные интеллигенты, много жертв принесшие революции,—ее не признали, отвратили от нее лицо свое, отказали ей в сочувствии, когда долгожданная революция, наконец-то, разразилась.

Как же разрешает эту задачу наш автор? Он не склонен искать в психологии и идеологии своих героев, забредших «в тупик», каких-нибудь классовых корней, которые пояснили бы причины их ухода от революции. Он идет по другому направлению. Признав за ними, так сказать, «патент» на право ношения «ангельских» одежд, он обращается к революции и находит в ней черты, которые должны были оттолкнуть его благородных героев. Что же отталкивающего было в лике революции? Внимательно следя за переживаниями интеллигентов из романа Вересаева, мы приходим к заключению, что одной из причин, вырывших пропасть между ними и революцией, послужили дикость, грубость, темнота революционной стихии. «В тупике» многоводными ручьями изливается негодование по этому поводу. Матросы сожгли в пароходной

[1]) Напечатано в трех сборниках «Недра», Москва 1923 г., изд-во «Новая Москва». Отрывки были помещены в «Южном Альманахе» (Крымиздат) и журнале «Красная Новь».

топке морского офицера — об этом со смаком говорится в романе. Пьяные красноармейцы топтали раненых—новые взрывы проклятий. Подобные сцены в изобилии рассыпаны по страницам. Они дают предлог героям романа произносить патетические речи, подчеркивать удивительную чистоту своей души и решительно отмежевываться... от кровожадной революции, от «взбунтовавшихся рабов», и, разумеется, прежде всего и больше всего, от «злодеев», превративших наш «добрый, честный, прекрасный» народ в стадо одичалых зверей. Персонажи романа «В тупике» всеми этими обстоятельствами уязвлены, как принято выражаться, «до глубины души». Оскорбленные в своих лучших чувствах, они проклинают и революцию, и народ, и большевиков. Иногда они убеждены, что с *«этим»* народом им не по пути; иной раз им думается, будто всему виной большевики: без них «интеллигенция» с народом как-нибудь да сговорилась бы. Но факт остается фактом: революция, какою она оказалась на деле, ими не приемлется. Они ждали ее беленькой, подобной сказочной принцессе. Она пришла неумытой и непричесанной, с мозолистыми ручищами, перепачканными кровью и грязью. Это была не та «революция», к которой протягивали они свои белые руки.

Такова одна, пожалуй, главнейшая из психологических особенностей героев В. В. Вересаева. Некоторая часть российской интеллигенции в одно прекрасное утро, совершенно неожиданно для себя, очутилась в положении курицы, высидевшей утенка: революция, которую она так самоотверженно пестовала, оказалась не похожей на свою няньку. Это обстоятельство ввергло интеллигенцию в весьма печальное состояние, которое с большим знанием дела раскрывает перед нами В. В. Вересаев. Познакомимся же с трагедией русского интеллигента в изображении его признанного и испытанного Нестора.

III.

Внимательно и подробно выписана фигура земского врача Ивана Ильича Сартанова, «постоянного участника пироговских съездов». С седыми волосами до плеч, в косоворотке под пиджаком—он на съездах постоянно протестовал против смертных казней. За это обстоятельство—и за многое другое—бывал в тюрьмах и в ссылке. «Год назад—уже при Советской власти—он выступил в обществе врачей своей губернии с безоглядной, как всегда, речью против большевистских расстрелов. Чрезвычайка его арестовала». Во время переезда по железной дороге он «вспомнил молодость»—и бежал. Автор изображает его в Крыму, при белых. Сартанов брюзжит, недоволен всем миром, революцией, большевиками. Мы застаем его однажды в компании таких же, как он, выброшенных шквалом на песок. Иван Ильич рассказывает собеседникам о бурной своей молодости, о Желябове и Александре Михайлове, о Вере Фигнер, об огромном «идеалистическом подъеме», который тогда был в революционной интеллигенции.

«— И вот теперь все разбито, все затоптано. Что перед этим прежние поражения! За самыми черными тучами, за самыми слякотными туманами чувствовалось вечно живое жаркое солнце революции. А теперь замутилось солнце и гаснет, мы морально разбиты, революция заплевана, стала прибыльным ремеслом хама, сладострастною утехою садиста. И на это все смотреть и это все видеть,—и стоять сложа руки на груди и сознавать, что нечего тебе тут делать! И что нет тебе места...

«Дрожащею рукою он налил стакан вина и жадно отхлебнул.

«— А что они с народом сделали—с великим прекрасным русским народом! Вытравили совесть, вырвали душу, в жадного грабителя превратили и звериное сердце вложили в грудь».

Вслед за этой патетической речью происходит соответствующая случаю мелодраматическая сцена: артист Белозеров поет песню про Волгу; в песне, разумеется, чувствуются «речные просторы», и «молодая печаль», и «жаркая ненависть»,—Иван Ильич рыдает, бьет кулаком по столу—и т. д., как полагается в интеллигентском быту, не лишенном сентиментальности.

Картина олеографична, но в общем почтенна. Сочувствие наше всецело на стороне Ивана Ильича,—нельзя же в самом деле, по человечеству, не посочувствовать седовласому старцу, который размазывает горькие слезы по морщинистому лицу, сознавая свою полную ненужность делу жизни. Но разве *такого* сочувствия добивался В. В. Вересаев?

Мы внимательно следуем за Иваном Ильичем. Для нас представляет немалый интерес выяснить досконально, в силу каких причин старый революционер, искренность которого мы не подвергаем сомнению, в революционную эпоху ограничивает свою деятельность тем, что, засунув руки в карманы, яростно поплевывает на революцию. Ведь «слякотные туманы» да «черные тучи», «затмившие» от него солнце,—все это беллетристика, болтовня, сентименты. Неужто у интеллигенции не оказалось ничего посущественней этой декламации? Сартанов говорит, правда, об учредительном собрании, агитирует даже красноармейцев: «Крестьян и рабочих в России — море, — убеждает он,—а буржуазии—горсточка. Что́ кому помешало бы, если бы в учредительном собрании был десяток представителей от буржуазии? А между тем тогда всем было бы видно, что это—всенародная воля, и всякий бы пред нею преклонился». *«Всем» было бы видно!* Перед нами, кажется, высший пункт революционной философии Ивана Ильича Сартанова, рыцаря демократической идеи. «Революция нарушила святые принципы демократизма»—в этом конфликте между демократическими идеями и революцией Сартанов стал на сторону первых—против последней. Он был убежден, что защищать «демократию» против «революции»—это и значило проявлять подлинную революционность. Сартанов не замечал, какие «союзники» поддерживали его «фронду» против революции, чье дело защищал он под псевдонимом «демократии». Всю свою долгую жизнь он был убежден, что борется во имя подлинных интересов «народа». Нужно было осуществиться подлинной «Народной» революции, чтобы Сартанов был поставлен на

свое настоящее место, именно в те ряды, где его застала смерть. Трагедия его в том и заключалась, что, почитая себя «настоящим» революционером, социалистом, он по существу был чужд социальной революции. Это обстоятельство и предопределило в конфликте между демократией и революцией переход Сартанова на сторону первой. «Своя рубашка ближе к телу». Отсюда же и его протест против жестокости революции. Революция—великий хирург истории. Она делает кровавое дело, разрубает части больного организма во имя здоровья и жизни целого. Иван Ильич Сартанов дожил до седых волос в сладкой уверенности, что настоящая революция подобна хорошему слабительному, которое действует нежно, быстро и решительно. Когда же оказалось, что с нежным слабительным революция не имеет даже отдаленного сходства—Иван Ильич был потрясен, разочарован и благословил прошлое, когда приятно грезилось о зеленых лужайках, где будут брататься угнетенные и угнетатели. Тогда-то он проклял революцию, обманувшую его сусальное воображение.

Разочарование Ивана Ильича—история, конечно, трагическая, как всякое разочарование. Но корни этой трагедии лежали в самих Сартановых. Потому-то и создали они благодушное представление о революции, что были чужды ее подлинному духу, дальше постепеновства не шли, да и не могли итти, ибо под слоем интеллигентского прекраснодушия и демократизма таились корни классовой психологии, которая хотела как-то сочетать революцию и реакцию, демократию и диктатуру, интересы угнетенных с интересами угнетателей. Эта типичная психология мелкой буржуазии, которая боится реакции, но боится и революции, помогает то одной, то другой, и в самую критическую минуту оказывается более близка первой, чем второй, несмотря на свою фразеологию. Сартанов, в последнем случае, может служить любопытной иллюстрацией. Он протестует против расстрелов. Вересаев подчеркивает этот элемент его мировоззрения. Но нас заинтересовал вопрос: протестует ли благородный рыцарь против расстрелов вообще или он мечет громы только против большевистских жестокостей? Сартанов ненавидит большевиков за терроризм. Его дочь — большевичка. Он вырвал ее из сердца. Племянника-большевика, пришедшего к нему ночью тайком, при белых, он выбрасывает на улицу,—так велика его ненависть. Но он водит компанию с настоящими белогвардейцами, которые *тоже* расстреливают «оптом» и «в розницу». Как Сартанов относится к этим людям? Любопытная вещь: наш честнейший, наш благороднейший враг террора, рыцарь демократических начал—не мирится с террором, который творится большевиками в защиту революции. Когда же террор применяется белогвардейцами, наш «старый революционер» готов даже похвалить белых террористов. Однажды молодой офицер Дмитревский «просто рассказывал о своей охоте на людей»—речь шла о *большевиках*—Иван Ильич Сартанов, враг убийств и насилий, *засмеялся*.

«Ого, какой вояка стал», сказал он Дмитревскому.

Других слов не нашлось у Сартанова по адресу охотника за большевистскими черепами. Разве нет оттенка ласки в этом замеча-

нии? Этого одного оттенка достаточно, чтобы снять с Ивана Ильича Сартанова то белоснежное платье «ангельского чина», в которое обрядил его Вересаев. Хотел ли наш автор или не хотел, но он дал объективную оценку всем противобольшевистским ламентациям «старого революционера». В образе Сартанова В. В. Вересаев весьма живописно показал нам, как постепенно, незаметно для самого себя, а также для автора, старый «революционный интеллигент» может переродиться в контрреволюционера. Он снисходительно разрешает пользоваться оружием врагам революции и стремится это оружие выбить из революционных рук.

IV.

Таков Иван Ильич Сартанов—крупнейший из героев романа. Таков—«лучший»... Что же сказать о прочих? «Соль земли», просвещеннейшая часть народа,—какой жалкий сброд трусливых и злобных людишек представляют они в изображении Вересаева.

— Здравствуйте, как живете?

— Плохо, конечно. Вещи распродаю, этим питаюсь. А вы?

— Все вещи распродал. Ворую.

— Распродам — тоже останется воровать.

Это — любимейшие их разговоры. Нет такой злобной небылицы про красных, которой не поверили бы они с готовностью. Политические темы вызывают у них пену на губах. «У них была только неистовая злоба к большевикам,— замечает автор,— сквозь которую откровенно пробивалась ненависть к пробудившемуся народу и страх за потерю привычных удобств и выгод» — очень меткая характеристика: ее подтверждает документально многоводная река эмигрантской литературы о революции. «Большевиков надо вешать»—это было всеобщим и глубочайшим их убеждением. «Одного я не понимаю, как его добровольцы не повесят», с недоумением пожимает плечами интеллигентная дама, упоминая о человеке, которого подозревали в сочувствии большевикам. «Неужели союзники бросят нас на произвол», со страхом недоумевает другая интеллигентная дама, «профессорша». А дальше идут спекулянты и шкурники, готовые продавать белым красных и наоборот, в зависимости от обстоятельств, человеческая мерзость и гниль, не годная даже на удобрение. Такова общая масса интеллигенции, на фоне которой белоснежными одеждами сияет Иван Ильич Сартанов.

«Сартанов—представитель «старой гвардии» нашей меньшевистско-эс-эровской, умеренной интеллигенции. Он проходит по страницам романа, как упрямый осколок вчерашнего дня—и сходит со сцены непримиренным. Смерть подбирает все, что не находит себе места в жизни. Но Вересаев не удовлетворился изображением этого безоглядного врага Октября. Как бы дополняя его облик, он рисует представителя «молодой гвардии» сходящей со сцены той же социальной группы. Перед нами проходит история душевной борьбы честной и революционно настроенной

интеллигентки, которая то влечется к революции, то уходит от нее с отвращением. В лице этой молодой девушки как бы символизирована вся «прекраснодушная» интеллигенция, ее лучшие, по мнению В. В. Вересаева, представители. Их нравственное чувство не могло примириться с аморализмом революции—они не сделались ее друзьями, хотя не желали быть ее врагами.

V.

Эту фигуру молодой девушки следует считать центральной в романе. Душевные переживания ее прослеживаются автором крайне любовно. И если, тем не менее, Катя Сартанова производит мертвенное впечатление, то лишь потому, что положение ее крайне невыигрышно. Она размышляет, но не живет. Ее добродетели выражаются в резонерстве, ее многоречивые сомнения раздражают, колебания между правыми и левыми вызывают тоску. Но это не вина Кати, а беда ее. Таким действительно было то незавидное положение, в котором исторически оказалась группа интеллигенции, послужившая нашему автору предметом изображения.

В дни, когда к городу подходили красные войска, молодежь спешила записываться к Красную армию. Молодая девушка задумчиво стояла у калитки сада и жадно смотрела на шоссе.

«Катилась мимо огромная ликующая река, кипящая общим подъемом, а она одиноко стояла на берегу, чуждая и враждебная этому подъему. Вспомнились ей февральские дни в Москве—как тогда было иначе! Как тогда билось сердце в один такт с огромным всенародным сердцем, как сладок был свист пуль над ухом на Каменном мосту, как незабываем этот подъем над обыденною маленькою жизнью. И все, о чем так светло грезилось,—все это рухнуло и развалилось, все утонуло в трясине кровавой грязи».

Размышления эти, как видим, мало чем отличаются от размышлений Ивана Ильича Сартанова. Те же самые «светлые грезы» о «Феврале», т.-е. о каком-то душевном единении *всех* Страннее всего при этом обстоятельство, что и Сартанов и дочь его — *социал-демократы* меньшевики. Они называют себя «*марксистами*». Почему, «по Марксу» они грезят о революции, как о братском единении *всех со всеми*, но не как о борьбе—сие остается секретом меньшевистского прекраснодушия, умеющего борьбу классов превращать в «союз классов». Впрочем — это секрет полишинеля.

Наш автор ищет в душе Кати ясного ответа на вопрос: почему она, молодая и порывистая, осталась за бортом жизни.

«Если бы вы были другие», сказала Катя однажды Леониду, большевистскому комиссару, прибавив, что это для нее—«смертельный вопрос». Что же отталкивало ее от большевиков? Теоретические разногласия? Она полагала, быть-может, что для коммунистических «экспериментов» время еще не наступило? Или ей казалось, что «не следовало экспроприировать экспроприаторов, отдавать землю крестьянам и орга-

низовывать Красную армию? Нет. Она все это одобряла. Но одобряла *теоретически*. Она даже проповедывала при случае, что эксплуатация человека человеком должна быть уничтожена, что идеалы социализма—великие идеалы,—и так далее, и тому подобное. Но эти великие идеалы, по ее мнению, надо было насаждать каким-то особенным способом: без применения насилия, в белоснежных перчатках, на толстовский манер.

Такое институтское представление о способах разрешения классовых антагонизмов в эпоху, когда *сила* выступает на сцену в качестве судьи,—говорит, прежде всего, о неспособности к борьбе,—черте весьма характерной для широких кругов интеллигенции, захваченной врасплох налетевшим ураганом. И чтобы эту свою неспособность прикрыть, чтобы оправдать свое постыдное бездействие пред лицом суровых испытаний—интеллигенции, конечно, ничего не оставалось делать, как бросать революции обвинения в жестокости, грубости, аморализме, т.-е. во всех тех свойствах, без которых революций не бывает и быть не может. Если хочешь принять революцию—прими ее со светлыми идеалами, и с кровавым путем, который к идеалам этим ведет. О, разумеется, если бы можно было в один весенний день на зеленой лужайке свести угнетенных с угнетателями и сделать так, чтобы слезы потекли по их умиленным лицам, и чтобы упали они другу друг в объятья, и господа отдали бы рабам свои богатства, и стали бы вместе с рабами работать в поте лица, деля поровну плоды рук своих,—если бы можно было осуществить эту маниловскую идиллию, как это было бы превосходно! Но кто-ж виноват, если идиллия эта может существовать только в размягченном воображении, если действительность жестока, если господа не выражают желания открыть объятия рабам, а проявляют намерения, которые ни в каком случае нельзя признать миролюбивыми. Эту азбуку *захотела* забыть, заставила себя забыть прекраснодушная интеллигенция просто потому, что в эпоху «великой исторической проверки» у ней слишком мало общего оказалось с рабами и слишком много общего—с господами. Обстоятельства эти не могли, конечно, не превратить интеллигенцию в жалкое стадо нытиков, которые путались в ногах и красных и белых, тем и другим одинаково мешая.

Катя Сартанова является весьма живописной иллюстрацией высказанных положений. Она не сумела, конечно, усвоить азбуку борьбы, без которой нельзя быть революционером. Ее «светлые грезы» в ясные февральские дни были грезами о бескровной революции, которая состояла бы из одних лишь звуков, ласкающих слух,—она полагала, что все произойдет как на паркете. Но прокатилась лавина с лязгом и грохотом, оставив следы грязи и крови, развалины и могилы. Эта картина опрокидывала прекраснодушные представления интеллигентки, оскорбляла слух, зрение, моральное чувство. События вообще развивались не так, как интеллигентка того хотела. И ее опечаленный взор, подавленный неожиданным зрелищем, не увидел ничего, кроме темных следов революции. Следом за армией идут мародеры и шакалы; маро-

деры и шакалы шли по пятам и революции. Катя Сартанова смотрит на шакалов, полагая, что это и есть революция.

Такова одна часть восприятий нашей интеллигентки. Уверена ли она в том, что ее восприятия правильны? Нет, она в них сомневается. Другой половинкой души Катя Сартанова тянется к революции. Она чувствует в ней великую правду борьбы—и в бессилии замирает между непримиримыми полюсами. Это и есть тот «тупик», о котором говорит название романа.

Катя открыла однажды книгу Герцена—«С того берега»:

«Или вы не видите,—прочла она,—новых христиан, идущих разрушать? Они готовы. Они, как лава, тяжело шевелятся под землею внутри гор. Когда настанет их час—Геркуланум и Помпея исчезнут, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот... Эта лава, эти варвары, этот новый мир, эти назареи, идущие покончить дряблое и бессильное и расчистить место свежему и новому,—ближе, нежели вы думаете».

«Катя глубоко задумалась. Она ведь все это читала совсем недавно, как же она не восприняла тогда, не почувствовала того, что написано так ясно и так страшно определенно. «Правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм. Они ближе, нежели вы думаете»... И вот они пришли,—пришли, и именно такими, какими все их предвидели, принесли то, о чем сама она мечтала всю свою сознательную жизнь. А она стоит чуждая им, и нет у нее в сердце ничего, кроме ужаса и брезгливого омерзения».

С одной стороны, в революции она видела «взбунтовавшихся рабов» с психологией дикарей, с другой стороны, не верила, что это *«все»*. «Может-быть, не только это», говорила она себе. Может-быть, «эти разнузданные толпы, лущившие семечки под грохот разваливающейся родины», может-быть, эти толпы «действительно» бросили в темный мир «новый пылающий факел, который осветит заблудившимся народам выход на дорогу». Может-быть—да, может-быть—нет: между этими решениями, как маятник, уныло качается сознание интеллигентки. Она запуталась в лабиринте сомнений. Она полагала, что эти сомнения можно разрешить умозрительным путем, и не могла вырваться из порочного круга колебаний. Лишь однажды, случаем вовлеченная в поток жизни, принужденная не размышлять, а действовать, на время взглянувшая в глаза борьбе не как созерцатель, находящийся «над схваткой», а как участник ее,—только однажды Катя забыла свои сомнения и стала совершать все то, что отталкивало от революции ее бездейственное сознание.

Когда большевик Леонид заявил однажды, что буржуазию следует уничтожать даже физически, наша интеллигентка с ужасом ахнула: «Леонид, что ты говоришь! Для марксизма важно уничтожение тех условий, при которых возможна буржуазия, а не физическое ее уничтожение». И добавила при этом: «Какая гадость!».

Но ей пришлось однажды с этим самым Леонидом в пути столкнуться с пьяным махновцем. Бандит куражился и издевался над ними. Интел-

лигентка, пораженная терпимостью своего спутника (он оказался без оружия), быстро наклонилась к нему и спросила шопотом:

«Неужели у тебя нет револьвера?»..

Это очень занимательный момент. Если бы нашей прекраснодушной интеллигентке шепнуть в это время:

«Какая гадость! Вы хотите физически истребить махновца. Но ведь для марксизма важно уничтожение условий, при которых возможны махновцы, а вовсе не физическое их уничтожение!»

Катя с негодованием ответила бы нам: «Чепуха! Махновец хочет убить нас. Мы будем убиты, если не убьем».

Поставленная жизнью в условия, когда выбора нет, а нужно либо победить, либо умереть, Катя без колебаний *убила* махновца, позабыв свои размышления о том, что проливать кровь нехорошо. Не таково ли положение революции вообще? Почему эта мысль не пришла в голову нашей героине?

Вскоре после описанного эпизода она забыла его, вновь вернувшись в свой излюбленный тупик, из которого однажды счастливою случайностью была выведена на свежий воздух.

VI.

И все-таки—она с революцией. В ее лице мы имеем человека, который с огромными усилиями выдирается из цепких лап старой идеологии. Революция застала ее полной веры в правоту своих идей и представлений. Она глубоко и искренно все время убеждена была, что права именно она, что революция аморальна не потому, что иною быть не может, но потому что организаторы революции, большевики, держатся ложных представлений. Она крепко держится этой своей веры, не хочет с нею расстаться, не может сбросить «белоснежных» одежд, чтобы вместе со всеми испачкать себя кровью и грязью. Подобно многому множеству других прекраснодушных интеллигентов, Катя Сартанова берегла свое прекраснодушие, не подозревая, что в годы борьбы оно может толкать к берегам контр-революции.

Но в то же самое время революционный инстинкт влечет ее к революции. Она понимает, что правда, жестокая и суровая,—на стороне беспощадных людей. «Вот что обидно, о чем плакать хочется,—говорит она Леониду.—Когда вас свергнут, когда вы даже сами сгниете на месте от своей бездарности и бессмысленной жестокости,—и тогда сиянием вас окружит история, и вы яркою, призывною звездою будете светить над всем миром, и все вам простят. Что хотите делайте, омохнатьтесь до полной потери человеческого подобия,—все простят. И даже ничему не захотят верить. Где же, где же справедливость!»

Большевик «тихонько посмеивался над этими речами»—и был прав. Катя знает, что «все-таки тут революция самая настоящая, а не реакция»,—что сила здесь «страшная и неодолимая», но вот, подите же, она не хочет принять ее «черненькой», всамделишную, взаправдашнюю,—

и, ломая руки, тоскует о революции «беленькой». Она не хочет понять, что та же самая история, которая «все простит» большевикам, которая «сиянием» окружит их имена,—что эта самая история осудит ее и старика Сартанова. Почему? Где правда?

Она столкнулась однажды с «знаменитым» чекистом Воронько, о котором страшные рассказы ходили в белогвардейской среде. Она искала в его холодных спокойных глазах «скрытой сладострастной жестокости», о которой ей надула в уши среда,—жестокости не оказалось.

«Но как, как он может быть таким?» задаст она себе вопрос, с трудом освобождаясь от паутины, опутавшей ее мозг.

«И вдруг Кате пришла мысль: мораль, всякая мораль, в самых глубоких ее устоях,—не есть ли она нечто временное, служебное, совсем то же, что, например, гипотеза в науке? Перестала служить для жизни, как ее кто понимает,—и вон ее. Вон все, что раньше казалось незыблемым, без чего человек не был человеком».

Она не додумывает до конца—не хватает смелости, либо ума. Но упираясь, порываясь назад, она все же сдает одну за другой позиции, рвет нити, связывающие ее с прошлым. Автор не доводит до конца борьбу, которую ведут в ее душе прошлое и будущее. Он обрывает роман, сообщая, что Катя уехала «неизвестно куда». Куда именно? Читатель остается в недоумении. Быть-может, некоторый свет на этот вопрос бросит любопытная сцена, происходящая между ней и отцом,—заключительная сцена романа:

«В один ясный вечер, когда уже отзвенели цикады, и лиловые тени всползли на выбегающие мысы, и, в преднощной дремоте, с тихим плеском ложились волны на теплый песок,—Иван Ильич лежал на террасе, а возле него сидела Катя, плакала и жалующимся детским голосом говорила:

«— Мне больше не хочется жить. Зачем? Опять в этой разоренной дырке сколачивать щепочку со щепочкой, кур разводить, кормить поросенка... Не хочу! Из-за чего биться, из-за чего выматывать силы.

«Иван Ильич ясными глазами смотрел на тускневшее жемчужное море. Он медленно сказал:

«— Жить хорошо, когда впереди крепкая цель, а так... Жизнь изжита, впереди—ничего. Революция превратилась в грязь. Те ли одолеют, другие ли—и победа не радостна, и поражение не горько. Ешь собака собаку, а последнюю чорт съест. И еще чернее реакция придет, чем прежде.

«— Господи, как я устала! Наверно, так земля устанет в свой последний день.

«Иван Ильич положил исхудалую руку на ее руку, загрубевшую и загорелую, тихо улыбнулся и вдруг сказал:

«— Давай, умрем.

«Катя вздрогнула, выпрямилась и впилась глазами в его глаза.

«— Убить себя?—Она вскочила.—У меня мелькала эта мысль... Нет, ни за что! Сдаться, убежать. Забиться в угол и там умереть, как от-

равленная крыса... Ни за что! Какая скупость к жизни, какая убогость... Нет, я хочу умереть, но чтоб бороться. Пусть меня пилами режут пополам, пусть сдирают кожу, но только, чтоб не было бегства.

«Иван Ильич тихонько плакал и целовал ее руку.

«— А за что бороться... Девочка моя, как я тебе завидую. Если бы я был молод!»

Что сделал бы Иван Ильич, если-б был молод? Автор ответа не дает; не сообщает он также о дальнейшей судьбе своей героини, предоставляя читателю решать этот вопрос по своему усмотрению. Сомнений, впрочем, у нас нет насчет направления, которое, наконец, взяла Катя Сартанова. Ведь, поставив лицом к лицу разочаровавшегося старика, жизнь которого «изжита», а впереди—ничего, и молодую девушку, которая ищет борьбы, автор развел их в противоположные стороны. Одного—в могилу, где, наконец-то, найдут свое место «белоснежные» одежды. Другую—в жизнь, в борьбу, к людям, которых сиянием окружит в будущем история,—на плечах которых, вместо белоснежных одежд, клочками висят потрепанные и запачканные блузы строителей. Или—или... Третьего выхода из тупика не дано. Таков, нам представляется, вывод, к которому, спотыкаясь, делая неверные шаги, отступая и ковыляя окольными путями, ведет своего читателя наш автор.

VII.

Таков вообще смысл произведения, весьма знаменательного для Нестора русской буржуазной интеллигенции. Он дает возможность судить не только о героях, выведенных нашим автором, но о самом авторе. Если бы Катя Сартанова могла написать повесть о том, как она «не принимала» Октябрьскую революцию, как она не понимала ее, как клеймила и как хотела понять, — она это сделала бы ничуть не хуже В. В. Вересаева. В ее романе мы нашли бы «пустяки» на переднем плане; «шакалы» революции играли бы в нем несоразмерно большую роль; из-под «темных пятен», словно проказой покрывших лицо революции, лишь изредка сквозили бы ее подлинные черты, извращенные враждебным сознанием «уходящей» интеллигенции.

Все это делает роман Вересаева, в той части, которая посвящена изображению революции,—неудачным. В нем нет равновесия частей, нет той художественной правды в описаниях и характеристиках, которая дается органической объективностью автора. Вересаев *хотел* быть объективным; объективность не давалась ему *даром*, ибо, изображая своих героев, зашедших в тупик, он смотрел на революцию их глазами, в редких случаях, как художник, подымаясь над ними. Оказавшись в плену своего задания, он дал негативное, *неполное*, а потому и *неверное* изображение революции. Правда ее оказалась принесенной в жертву авторскому замыслу.

Мы не упрекаем Вересаева в *умышленно* злобном изображении революции. Он явно симпатизирует последней. Но потому, что дело

дальше «симпатии» не идет, что сам автор остается ни холоден, ни горяч,—именно потому мелочи революции он принимает за главное и извращает ее подлинный лик. Сколько труда и стараний потратил он на собирание «пустяков», раздражавших в свое время прекраснодушных интеллигентов. О, мы не протестуем против пустяков вообще, мы знаем, что из «пустяков» складывается быт, что одними «горными вершинами» жить невозможно, что обывателю, хоть и интеллигентному, пустяки-то и дороги. Зная им цену, мы возражаем лишь, когда они «*одолевают*», занимают неподобающее им место, начинают диктовать свою волю, заслоняя собою главное и значительное.

Сделав фоном интеллигентской трагедии Октябрьскую революцию вообще, он изобразил ее такою, какою она представлялась испуганному взору крымских беженцов. «В тупике»—роман, не только посвященный интеллигенции, но и написанный «интеллигентом». В. В. Вересаев неотделим от его героев; он—один из тех многих, которые «на бога не восстали, но и верны ему не пребывали», по слову Данте. Вместе со своими героями сам автор поставлен был историей в положение неустойчивого равновесия, колеблясь между приятием революции и ее осуждением, не умея воспринять то главное, что несла она с собой, *во имя чего* лилась человеческая кровь. Это «*во имя*» скрылось от внимания Вересаева, и роман его о метаморфозах интеллигентской души потерял ту ось, вокруг которой метаморфозы совершались.

ЛОЗАННСКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ.

С. Членов.

«Лозаннские присяжные 16 ноября вынесли обвинительный приговор большевизму».

(Из лозаннских газет.)

«Ни советская Россия, ни русская Революция вашему суду не подсудны, Ни один суд в мире не может судить Революцию».

(Из речи гражданского истца.)

«Четыре биржевика, пять торговцев хлопком, мукой или виски, два школьных учителя и один весьма почтенный мясник послали Оскара Уайльда в каторжную тюрьму. Это было, право же, очень комично», говорит Ганс Гейнц Эверс в одном из своих лучших рассказов. («С.З.З.»).

Это было, действительно, «очень комично».

Люди, которые никогда не прочли ни одной строчки из Оскара Уайльда и ничего бы не поняли, если бы даже прочли, послали в страшную английскую каторгу человека, который возвышался над своими судьями, как гигант над пигмеями.

Мясники и биржевики, торговцы хлопком и кабатчики, уверенные в непогрешимости своей буржуазной добродетели, сказали Оскару Уайльду—«да, виновен».

«Очень комично». Но то, что было в Лозанне, было еще «комичнее».

Во главе с джентльменом, чья профессия обозначалась гордым титулом—«агент-комиссионер», 9 мужиков и лавочников из самого тупого и отсталого кантона самой провинциальной страны в Европе сказали — «да, виновна»... великой русской Революции.

Если бы нужно было инсценировать процесс, со специальной целью скомпрометировать и сделать безнадежно смешной буржуазную Фемиду, надо было бы поставить лозаннское дело.

Так это было смешно и нагло, так бесконечно бездарно и цинично-глупо.

Тупые лозаннские буржуа не приняли русской Революции и осудили ее, уверенные в своем праве изображать собой суд истории, судить события, перед величием которых весь их добродетельно-мещанский быт был спичечной коробкой по сравнению с Монбланом.

Ненависть тупого и жестокого буржуазного ничтожества ко всему великому сказала «да виновна» русской Революции, как в свое время—Оскару Уайльду.

Но есть и очень важная разница. В процессе Уайльда его судьи не только защищали «устои», но и чувствовали под ногами несокрушимый гранит закона.

Лозаннские присяжные пошли против закона, запрещающего убивать.

Чтобы осудить революцию, они растоптали закон. Во имя собственности подняли руку на порядок. Они не могли просто вынести обвинительный вердикт большевизму.

Перед ними стояло двое убийц, два кровавых авантюриста, открыто и нагло провозглашавших свое право презирать швейцарский закон во имя ненависти к русской революции и мести ее вождям.

Буржуа обожествляет собственность, но он преклоняется перед порядком и его чеканным воплощением—законом. Устами прокурора закон и порядок говорили лозаннскому буржуа—«осуди убийц, ибо они убили на твоей территории, нарушили твой закон, преступили рамки твоего порядка». «Скажите, что, охраняя порядок, вы не позволите никого убивать на своей территории,—*даже* большевика», взывал прокурор.

«Скажите, что убийцы заслуживают всяческого снисхождения, признайте, что они действовали под влиянием «violente provocation»—«сильнейшей провокации» со стороны русского правительства,—но осудите».

«Мы им дадим год тюрьмы, может-быть, меньше, может-быть, один день, но мы их осудим. Пусть никто не посмеет сказать, как уже сказал г. Членов, что Швейцария—обетованная страна для убийц». Так говорил генеральный прокурор Кантона Во, г-н Капт, так говорил его устами оскорбленный (хотя и не очень глубоко) порядок.

А устами двух швейцарских фашистов, адвокатов Обера и Шопфера,—не говорила, а рычала, ненависть собственников к социализму, ярость буржуа, оскорбленного в своих лучших чувствах революцией. «Оправдайте убийц,—ибо этим вы осудите революцию. Большевики—вне закона, ибо они против собственности, против бога, против нас».

«Да здравствует убийство, если убивают врага собственности, семьи и религии!»

Ненависть и ярость одержали верх над благоразумием.

«Лозаннские буржуа выдержали экзамен. Они доказали, что они не хуже парижских: в Париже оправдали убийцу Жореса, в Лозанне—убийц Воровского», сказал с горькой иронией Шарль Рапопорт после вердикта.

Нельзя сказать, чтобы в самой Швейцарии лозаннский приговор вызвал особенный энтузиазм. Правда, пресса французской Швейцарии кричала об «историческом вердикте», о «смертном приговоре» большевизму и прочих благоглупостях.

Но большинство швейцарских газет, выходящее на немецком языке поняло, что дело неладно.

Все оттенки неодобрения от «приговора, вызывающего сожаления» до «позорного вредикта», нашли себе место на страницах не только социалистической, но и буржуазной прессы.

Был поколеблен твердый порядок, была провозглашена ненаказуемость убийства. И было еще хуже. Изворотливый директор политического департамента швейцарской федерации г. Мотта мог сколько угодно доказывать и в своих объяснениях перед благосклонно внимавшим ему национальным советом (парламентом) и в своих нотах, что В. В. Воровский не был послом, а только «лицом с quasi-дипломатическими свойствами».

Слишком жестка была неумолимая логика фактов. Четко и ясно гласила надпись на предъявленном суду паспорте Воровского—*«дипломатический паспорт»*.

И никакими софизмами нельзя было стереть с этого паспорта *дипломатическую* визу, поставленную швейцарским посланником в Риме и гласящую: «цель поездки: на Лозаннскую международную конференцию».

На территории Швейцарии убили русского посла, приехавшего на дипломатическую конференцию. Швейцария отпустила убийц на все четыре стороны.

Это был не только удар по швейцарской законности, не только провозглашение Швейцарии обетованной страной убийц...

Лозаннские мещане в своей слепой ярости посягнули на международный порядок, на созданный веками кодекс международных дипломатических обычаев.

Послов не убивают, убийц послов не оправдывают. Это элементарно, как запрет таскать серебряные ложки, как недопустимость сморкаться пальцами.

Швейцария зашла слишком далеко по пути срывания фиговых листков с юстиции, по пути открытого провозглашения принципа классовой ненависти верховным критерием правосудия.

«Большая» Европа не одобрила провинциальной грубости швейцарских мужиков. От их вердикта или брезгливо отвернулись, или заклеймили его презрительным замечанием.

Швейцария, наверное, проиграла лозаннский процесс.

Ну, а Россия?

Русская белогвардейщина, бывшие люди из «России № 2», мобилизовали для процесса все свои силы.

Вокруг А. И. Гучкова, В. И. Гурко (прославленного в свое время историей с овсом) и д-ра Ладыженского (несомненного соучастника убийства) мобилизовалась разноцветная рать «бывших».

Во главе этого ополчения, шедшего в бой под лозунгом—«Клевещите, клевещите,—что-нибудь да останется», стоял «белградский штаб», ставка кровавого авантюриста Врангеля и прославленного вешателя Кутепова.

Под этим славным руководством объединились начальник врангельской контр-разведки Орлов и г-жа Е. Д. Кускова, монархисты 96-й пробы, и «социалист» С. М. Мельгунов, г-н Петр Струве и бывший с.-р. проф. Питирим Сорокин.

Целью этой компании было путем оклеветания советской России доказать швейцарским присяжным, что русских послов можно и нужно убивать, а убийц Воровского можно и нужно оправдать.

«Оправдательный приговор послужит могучим средством пропаганды против большевиков вообще и пропаганды террористических актов—в частности», писал еще перед процессом А. И. Гучков одному из своих сподвижников.

Во имя этой, поистине, «благородной» цели и объединился блок «от монархистов до социалистов», о котором с пафосом говорил на суде адвокат Полунина Обер, считая объединение Врангеля с Кусковой и Гурко с Питиримом Сорокиным несомненным доказательством того, что «вся Россия ненавидит большевиков».

Что же должно было делать это «земское ополчение», поднявшееся против большевистского ига под начальством Гурко и Врангеля?

Они должны были клеветать. Они должны были выступать в качестве свидетелей (вернее, лжесвидетелей), как, например, Сорокин, сионист Пасманик, петербургский кадет Г. Б. Слиозберг.

Но важнее была другая работа.

Это—составление объемистых шпаргалок (докладных записок) о всех сторонах жизни советской России. По этим шпаргалкам, начиненным гнуснейшей клеветой и нашпигованным фальшивыми документами, г-да Обер и Шопфер должны были вести процесс.

Г-н Обер упростил свою задачу настолько, что в своей 9-часовой речи читал под ряд десятки страниц из творений Кусковой и К-о.

Любопытно отметить, что никто из этой компании не посмел явиться лично в суд, чтобы дать свои показания под огнем перекрестного допроса.

У Питирима Сорокина и Даниила Пасманика, по крайней мере, хватило гражданского мужества прислать свои «сочинения» о советской России в суд за собственной подписью, в форме письменных показаний.

Остальные и этого не посмели сделать. Они дали свое согласие участвовать в гнусной работе по подготовке оправдания убийц, рассчитывая, что их славная деятельность останется абсолютной тайной.

Когда же все эти махинации были разоблачены еще до процесса, то в стане Кусковых началось смятение.

Нам никогда не приходилось читать ничего более лицемерно-гнусного, чем то длинное послание, в котором г-жа Кускова пыталась оправдать свое сотрудничество с врангелевскими палачами.

Отвратительный и циничный убийца Конради казался рыцарем чести рядом с дамами и кавалерами социалистического демимонда, взявшими на себя его защиту.

Беспримерно-гнусное поведение русской эмиграции перед процессом и во время суда, ее каннибальское ликование после оправдания убийц (напр., статьи впавшего в совершенное бесстыдство Александра Яблоновского) выявили лик «России № 2» с беспощадной четкостью. Жутко становилось при мысли, что еще совсем недавно Питирим Сорокин был профессором советского университета или что некая Мария Каллаш, побившая на процессе все рекорды лжесвидетельства, еще в прошлом году работала в Главполитпросвете.

В коллективном творчестве русских эмигрантов, оглашенном на процессе г-ном Обером—Ленин, как немецкий агент, национализация женщин в России и 80% (или 90—не помним точно) детей, больных сифилисом—не были еще самыми яркими цветами. Мы позволим себе привести несколько пассажей из письменного показания г-на П. Сорокина.

На ряду с общим утверждением, что советский режим «в тысячу раз хуже царского», г-н профессор выставляет и ряд цифр.

Напр.: «Национальный доход упал до 30—36 зол. копеек на душу населения (в год); в 1912 году он составлял 101 р. 36 к.».

Эти 30 копеек годового дохода г-на профессора Сорокина смело выдержат сравнение с 30-ю серебренниками другого известного из истории «свидетеля».

Конечно, «школа разрушена сверху донизу». Кафедры в университетах заняты красными профессорами, навербованными «даже среди матросов, не получивших никакого образования».

Количество краж на железных дорогах в 150 раз больше довоенного,—ужасается профессор.

«Браки между детьми 12—13 лет очень распространены и кажутся естественными».

Вообще нравственность в страшном упадке: подумать только, как редко разводились в счастливой царской России и как часто разводятся в безнравственной Совдепии. И опять цифры. А вот и резюме:

«Коммунисты и Советская власть—это антропоиды, которые тяжко оскорбили мое отечество и мой народ, которые издеваются над всеми ценностями, созданными человеческой культурой и которые угрожают величайшими бедствиями не только России, но и всему человечеству».

Не забывайте, что все это пишется для судей, которые судят убийц Воровского, все это нужно, чтобы добиться оправдания убийц и прославить убийство.

Необходимо отметить, что поведение г-д эмигрантов вызвало решительный протест даже на страницах «Социалистического Вестника». В блестящей статье Ф. Дан отделал по заслугам г-жу Кускову и ее сподвижников. Конечно «Дни», «Руль» и прочая братия подняли оглушительный вой об «измене» Дана.

Совершенно несомненно, что в лозаннском масштабе клеветническая компания наших эмигрантов, подкрепленная коллективной иеремиадой большой группы свидетелей-швейцарцев, явившихся в суд, чтобы жаловаться на обиды, причиненные им Октябрьской революцией,—сделала свое дело.

Тем более, что, как мы уже говорили, русские эмигранты нашли себе достойных союзников в швейцарских мракобесах, ведших отчаянную травлю советской России на страницах, главным образом, лозаннских и женевских газет

Чтобы дать вам представление о том, что писали швейцарские газеты и что изо дня в день читали лозаннские присяжные во время процесса, позвольте процитировать следующую выдержку из передовой статьи весьма распространенной «Gazette de Lausanne» (от 13 ноября).

«Большевизм не есть политическая доктрина; это—социальная чума, душевная болезнь, это— возврат к примитивному, звериному состоянию. Это—отрицание христианской цивилизации. Большевики—вульгарные уголовные преступники, если они не безумные садисты.

«Все, кто ответственен за подобный режим, солидарны в своем преступлении, и ни один из них не заслуживает пощады. Нужно ли после этого удивляться тому, что одна из их бесчисленных жертв, действуя под давлением непреодолимой силы, пожелала сама себе воздать справедливость?

«Нет, — что нас скорее должно изумлять, это то, что ненависть, скопившаяся в сердцах стольких невинных, вызвала до сих пор только один акт мести и что так мало палачей испытало участь своих жертв».

Так писала пресса страны, где убили посла советской России во время суда над его убийцами.

Но белогвардейщина добилась видимости успеха только в мещанской Лозанне, в лакейской «большой Европы».

Ни парижская, ни лондонская пресса, за немногими исключениями, не оценила клеветнического усердия русских изменников и не аплодировала каннибальской пляске над гробом В. В. Воровского, которую 12 дней отплясывали в зале лозаннского казино убийцы и их присные. Ни Парижу, ни Лондону национализация женщин, Ленин в роли агента Людендорфа, пытки в Ч. К. и прочие лубочные аксессуары лозаннской постановки не импонировали. Весь этот поток клеветы и грязи даже самым буржуазным газетам во Франции и в Англии было совестно воспроизводить на своих столбцах.

Возьмите для примера отчет о речи адвоката Обера на страницах такой махрово-буржуазной газеты, как парижский «Matin». Самой речи, занявшей 3 заседания, уделено несколько строк. Втрое больше места уделено «инцидентам», возникшим во время этой речи, т.-е. моему демонстративному уходу и удалению из залы т. Вельти. И наши свидетели и наши речи интересовали Европу несравненно больше, чем вся грандиозная инсценировка, устроенная белогвардейцами.

Это—бесспорный факт, имеющий глубокий исторический смысл, ибо из него вытекают два вывода: во-первых, Европе больше не интересны клеветнические измышления русских белогвардейцев. Во-вторых (достаточно прочитать хотя бы отчеты «Temps», чтобы в этом убедиться), на буржуазную Европу выступления адвокатов и свидетелей советской России произвели впечатление более серьезных, интересных и культурных, чем показания и речи русско-швейцарской белогвардейщины.

Русская эмиграция лишний раз явила на лозаннском процессе всему миру зрелище безмерной, но и бесполезной подлости.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МОГУЩЕСТВО С. ШТАТОВ.

М. Павлович.

Герман Леви. Основы экономического могущества Соединенных Штатов Америки. Книгоиздательство «Книга». Петроград—Москва, 1923, стр. 142.

Книга Германа Леви, профессора Берлинского Политехнического Института, разбивается на семь глав: I. Территория и естественные богатства. II. Американский народ и его хозяйственный характер. III. Развитие и значение сельского хозяйства. IV. Промышленность и ее проблемы. V. Внешняя торговля и торговая политика. VI. Торговое судоходство. VII. Закономерность и ее нарушение в хозяйственной жизни Америки.

В каждой из этих глав автор с добросовестностью немецкого ученого приводит много интересных статистических данных, доведенных автором в существенных чертах до 1920 г., местами до 1921 и 1922 гг.

Очень интересны цифры, которые автор приводит относительно влияния мировой войны и участия в ней Америки на ухудшение экономического положения трансатлантической республики.

Производство чугуна и стали, давшее в годы войны такое колоссальное увеличение, составляло в 1921 году, соответственно, 16,5 миллиона и 20,1 миллиона тонн, т.-е. *значительно меньше*, чем *в 1914* году. В действительности производство чугуна в 1921 году понизилось до уровня 1904 года, а производство стали—до уровня 1905 года. Подобный этому упадок представляют и другие отрасли: производство бурого (мягкого) угля составляло в 1919 году 517 миллионов, а в 1920 году—только 408 миллионов тонн, производство белой жести упало с 3387 миллионов фунтов в 1918 году до 2578 миллионов (не многим более, чем было произведено в 1913 году) в 1920 г. Производство меди сократилось с 852.000 больших тонн до 539.000, производство табачных изделий—с 497 миллионов фунтов в 1918 году до 424 миллионов в 1919 году, т.-е. ниже уровня 1911 года. Упадок внешней торговли, в особенности вывоза, который, разумеется, особенно тяжко ощущался всеми торгово-промышленными слоями населения, объяснялся, на первых порах, понижением мировых цен, давившим на ценность вывоза. Новейшие цифры свиде-

не ту безраздельную радость, какую могло бы дать простое чтение цифр статистических таблиц. Напротив, уже в течение первых четырех лет мира торговый флот стал для народного хозяйства Америки прямо-таки больным местом».

Многие из коммерческих пароходов строились вне всяких соображений о пригодности их для специальных торговых рейсов и поэтому оказались мало применимы для намеченных целей. По оценке 1922 года, *из числа более 1600 стальных пароходов, находящихся во владении департамента судостроения, большая часть вообще не может быть хозяйственным образом использована.*

Но самое худшее заключается в том, что издержки по постройке судов не стоят уже ни в каком отношении к возможной доходности флота. Не считались с тем фактом, что после войны, вслед за коротким периодом послевоенных заказов для удовлетворения неотложных нужд мирового хозяйства—наступит всеобщий упадок заокеанской торговли и резкое понижение рыночной конъюнктуры в сфере судоходства. Не считались и с соответствующим послевоенному понижению конъюнктуры понижением фрахтов далеко ниже того уровня, который был положен в основу первоначального расчета издержек построения новых судов. Влияние этой понижательной волны послевоенного времени на торговый флот Америки было прямо-таки катастрофическое. После войны департамент судоходства (согласно Merchant Shipping Act, управление флотом не должно оставаться в ведении правительственных чиновников долее пяти лет по окончании европейской воны) продал большую часть своих судов, конечно, с помощью льготных ссуд и при условии уплаты только небольшой суммы наличными. Теперь покупатели этих судов оказались не в состоянии уплачивать ни процентов, ни погашения и должны были вернуть суда государству, которое получило их обратно отчасти весьма изношенными. В других случаях правительство сдавало суда в аренду, при чем брало на себя риск возможных убытков. В действительности оказалось, что наибольшая часть рейсов давала чистый убыток. Следствием всех этих обстоятельств было то, что *национальный торговый флот скоро стал весьма убыточным делом.* Официальные цифры свидетельствуют, что вплоть до середины 1921 года все национальное торговое судоходство (включая сюда покупку и продажу судов) дало убыток в среднем (включая расходы по управлению) в 1,4 миллиарда долларов. Сумма убытка, однакоже, все возрастает. Одни лишь издержки на оплату труда обходятся в настоящее время департаменту судоходства в 50 миллионов долларов в год.

Американскому плательщику налогов, на которого ведь в конечном счете все эти убытки падают, пришлось убедиться в том, что заманчивые цифры роста американского торгового флота, приведенные нами выше, имеют свою оборотную сторону. Еще не видно конца судостроительному бедствию.

Очень интересны также главы, посвященные Германом Леви американским трестам, покровительственным пошлинам, типизации това-

ров, стандаризации американского производства, наконец, сельскому хозяйству.

Однако, автор, как типичный буржуазный ученый, не видит глубоких внутренних противоречий капиталистического хозяйства С. Штатов. Он является сторонником системы капиталистических трестов и синдикатов, рассматривает их, как «организационное выражение и финансовое оформление концентрационных тенденций современного хозяйства», и находит необходимым лишь принятие некоторых законодательных мер для предотвращения некоторых очевидных зол монополизации.

Влияние трестирования и сверхтрестирования промышленности на углубление капиталистических кризисов и обострение разрушительного характера последних на все народное хозяйство совершенно не учитывается автором. О том, что самый факт участия Америки в мировой войне явился результатом влияния трестов на всю внешнюю и внутреннюю политику страны, а отнюдь не случайностью, автор и не задумывается.

С точки зрения немецкого буржуазного профессора, главными причинами того тяжелого положения, в котором очутилось народное хозяйство Америки, являются, как будто, только мировая война и разрыв экономических связей с Европой. Автор не видит, что причина тяжелых кризисов, перепроизводства товаров, безработицы, грюндерства, выразившегося, между прочим, в постройке тысяч судов, которые даже не были в морском плавании и теперь гниют на местах стоянки, а что все это обусловливается внутренними противоречиями капиталистического строя, и прежде всего того трестирования и сверхтрестирования, поклонником которого является автор, а отнюдь не результатом факторов временного характера.

Характерен следующий абзац, которым автор заканчивает свою книгу:

«Соединенные Штаты никогда не смогут освободиться от связи с мировым хозяйством, как бы далеко ни зашло их автономистское развитие в хозяйственной сфере.' Именно связь с мировым хозяйством как раз и должна помочь выравниванию колебаний внутреннего производства и устранению слишком острых кризисов. Но длительный вывоз без ввоза невозможен, если не прибегать к сомнительному средству создания себе ненадежных должников. Только взаимоотношения с мировым хозяйством могут обеспечить хозяйственное равновесие, необходимое для каждой из отдельных стран. Равномерность внутреннего развития, предохранение его от изменчивых и опасных крайностей гораздо лучше обеспечиваются с помощью разделения труда и сочетания сил отдельных хозяйственных организмов в международном масштабе, нежели путем создания искусственных перегородок, накопления золотых сокровищ или путем односторонних домогательств экономического характера. Только с наступлением этой равномерности развития и спокойного, уверенного и беспрепятственного хода экономической жизни,—которые, помимо того, еще должны быть обеспечены посредством организационного

и законодательного закрепления уже сделанных достижений,—хозяйственное развитие Соединенных Штатов Америки достигнет венца своих успехов».

Но эти строки совершенно противоречат основной точке зрения, которую профессор Леви проводит в своей работе и которую он формулирует в первых же строках первой главы своей книги, именно—будто С. Штаты превратились в самодовлеющее в экономическом отношении государство.

«*Стать самодовлеющей и целостной в хозяйственном отношении частью света,—такова центральная проблема хозяйственного развития, стоящая перед Соединенными Штатами Америки* с самого начала их самостоятельного политического бытия и до настоящих дней. При этом не может быть и речи об образовании государственно-экономического организма в европейском смысле слова, ибо дело идет о хозяйственном развитии такого агломерата государств, который уже сам по себе—по своему положению, по размерам, по природным богатствам,—представляет собою целый мир.

«В Соединенных Штатах с тех пор не умирала мысль о превращении себя в «часть света», не довольствующуюся каким-нибудь второстепенным или несамостоятельным положением, а представляющую собой органически завершонное хозяйственное целое как в сфере снабжения, так и в сфере производства. «Истинно» - американский политико-эконом не желает, чтобы его страна занималась лишь вывозом сырья и ввозом фабрикатов. Цель его стремлений—превращение Америки в государственно-экономический организм, самоснабжающийся во всех областях».

И автор приходит к тому заключению, что эта цель достигнута.

«*Ныне Америкой достигнута ее вековая цель,—стать хозяйственным организмом, равноценным европейским странам. В настоящее время Соединенные Штаты представляют собой самодовлеющую в хозяйственном отношении часть света.* Они в такой мере и так сочетают в себе сельское хозяйство, промышленность, торговлю и, в последнее время, торговое судоходство, как до сих пор ни одна из заокеанских стран. Они в праве хвалиться тем, что, в пределах естественных условий производства и законов экономического развития, ими достигнута в области снабжения максимальная независимость от внешнего рынка и в то же время их экспортная способность возрастает с каждым десятилетием».

Профессор Леви совершенно не понимает, что в капиталистическом строе не может быть самодовлеющей страны. С того момента, как С. Штаты перестали быть только хлебным амбаром и превратились в железный и угольный склад, хлопковый магазин и гигантскую промышленную фабрику, господствующим классам трансатлантической республики пришлось отказаться от доктрин Монроэ и начать империалистическую политику. Испано-американская война 1898 г. и была выражением того факта, что производство С. Штатов переросло узкие национальные рамки как С. Штатов, так и всего американского континента и что для борьбы с надвигающимся кризисом необходимо открыть новые рынки за преде-

лами Америки. Как доказывал американский сенатор Денью в 1900 г., «Америка производит на два миллиарда долларов больше, чем она может потребить».

Самые колоссальные территориальные и естественные богатства, самое благоприятное сочетание земных сокровищ и самое выгодное соотношение между развитием промышленности и сельского хозяйства, о чем с таким ударением по отношению к С. Штатам говорит Герман Леви, не может устранить факта все углубляющегося несоответствия между развитием индустрии и развитием сельского хозяйства,—факта *диспропорциональности между индустрией и сельским хозяйством*. И по отношению к С. Штатам остается правильным положение т. Бухарина, формулированное им относительно капиталистического хозяйства вообще: «Чем быстрее темп капиталистического развития, чем сильнее процесс индустриализации хозяйства и урбанизации (роста городов) стран, тем больше нарушается равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, тем сильнее конкуренция между развитыми странами из-за стран отсталых, тем неизбежнее открытое их столкновение». (Подробнее об этом см. нашу книгу: «Империализм», стр. 46—62). Стало-быть нет и не может быть в капиталистическом строе самодовлеющих стран.

Несмотря на отмеченные недостатки и буржуазно-профессорскую точку зрения, издание работы Германа Леви на русском языке надо признать весьма полезным, в виду фактического и статистического материала, которым она изобилует, ясности изложения и весьма ценных библиографических ссылок, приведенных в конце каждой главы.

НОВАЯ ФАЗА В РАЗВИТИИ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

И. Ильинский.

Normann Angell. If Britain is to live. Lnd. 1923. 128. *W. Ashley.* The Tariff Problem. 4 ed. Lnd. 1923. XXXVI+269. *J. Brown.* English political Theory. Lnd. 1920. 177. *A. Hogan.* The Government of the United Kingdom, its colonies and dependencies, 4 ed. Lnd. 1920. XV+250. *T. Jackson.* The British Empire. Ed. Communist Party of. G. B. Lnd. 1922. 35. *M. Macdonald.* The case for federal devolution. Lnd. 1920. 69. *J. Marriot.* English political Institutions. Oxford. 1920. VII+351. *E. Mousley.* An Empire view of the Empire Tangle. Lnd. 1921. VIII+87. «L'Europe Nouvelle», 1923, № 48. 1526—1556. «The Labour Monthly», 1923. October, 191—250 (Imperial Conferense Number). «The Communist Review», 1923. November, 296—310. «The Round Table», 1923. №№ 51—52, June, September, 459—900.

В 1757 г. битва при Плассее, увенчав многочисленные экспедиции Ост-Индской Компании, положила руками Роберта Клайва прочное начало владычеству англичан над Индией. В 1759 г. была приобретена Канада, в 1806 г.—мыс Доброй Надежды с зависимыми владениями, с 1787 по 1836 г. упрочивается положение англичан в Австралии. Так происходил рост Британской империи, увлекательно описанный в извест ной книге Сили. В приложении к учебнику английской конституции Албани Фонбланка дана любопытная таблица британских колоний с указанием способа приобретения каждой из них. По подсчету 13 колоний приобретено захватом, 16—в результате договоров и 26—заселением. Под терминами «договор» и «заселение» приходится в большинстве случаев подразумевать разные способы военного завладения, либо оформленные путем трактатов, либо не встретившие сопротивления настолько сильного, что оно заслуживало бы особого упоминания. Со времен 16 издания книги Фонбланка (1902) список владений Великобритании еще пополнился. В него вошли Египет, автономное государство Ирака, б. германские земли в Африке и другие территории. В настоящее время Британская империя занимает площадь в $13^1/_2$ миллионов кв. миль с 460 милл. населения, из них 60 мил. белых и 400—цветных. Все эти владения с их разноплеменными, разноязычными народами разбросаны по лицу земного шара, отделенные одно от другого тысячами миль морского и сухопутного пути. Каждая из частей империи имеет свое историческое прошлое, свои тра-

диции и культуру, свои экономические интересы. Различны их политический и международно-правовой статус; то или иное положение на великих мировых путях определяет ближайшим образом и их международное окружение. Отсюда различие устремлений внешней политики, неминуемо развивающее центробежные тенденции даже в этой, требующей максимальной централизации, деятельности. Как поддерживается единство столь грандиозного целого, какие способы нашло конституционное право для примирения множества противоречивых тенденций,—вопросы, которые не могут не представлять живейшего интереса для юриста, социолога и политика.

К средине XIX столетия империя рисовалась, как некоторое еще весьма сплоченное целое, и юристы этой эпохи могли быть достаточно категоричны в своих конституционных формулировках. По словам Эдуарда Фишеля, «Великобритания состоит из больших различных и незначительных владений, состоящих с собственно Англиею в отношениях *реального соединения*. Парламент Англии, Шотландии и Ирландии, вместе с королевою Соединенного Королевства, господствует над всеми европейскими владениями королевства, над его колониями и над Индиею. Хотя колонии имеют свое отдельное законодательство, но на него следует смотреть только как на делегационное» [1]). Сорок лет спустя юристы изменили свое мнение. Вудро Вильсон засвидетельствовал, что в самоуправляющихся колониях Англии законодательная власть совершенно независима во всех вопросах, которые не задевают прямо интересов империи [2]). Он обошел осторожным молчанием вопрос о юридической природе этого государственного образования и предпочел отметить похвальным словом либеральную политику английского правительства и его «сближающее четыре части света влияние». Еще через десять лет вдумчивый и образованный русский ученый С. А. Корф констатировал, что от единства Британской империи остались одни лишь жалкие обломки, в лучшем случае—простые юридические фикции. Тем не менее, Корф склонялся к мысли, что из этих обломков создается весьма тесная форма федерации, союзное государство (Bundesstaat). Процесс разложения, достигнувший вершины к концу XIX столетия, приостановился, по мнению этого ученого, в XX [3]). Ниже читатель убедится, что выводы превосходного исследования Корфа оказались преждевременными.

80-е и 90-е годы прошлого столетия отмечены необычайно быстрым ростом экономической мощи самоуправляющихся колоний Англии. Усиленное железнодорожное строительство и разработка золотоносных россыпей Клондайка в Канаде; развитие австралийского скотоводства; радикальная финансовая и земельная реформа в Новой Зеландии и ускоренный темп индустриализации всех этих стран,—таковы были основные

---

[1]) *Эд. Фишель*. Государственный строй Англии, пер. Цейдлера. Спб., 1863, стр. 517.

[2]) *В. Вильсон*. Государство. М. 1905. 1012. 1028.

[3]) *С. А. Корф*. Автономные колонии Великобритании. Спб., 1913 г., стр. 391 сл.

моменты хозяйственного созревания наиболее передовых британских владений. Опека метрополии сделалась стеснительной для молодых стран, и они стали искать путей к экономическому и политическому самоопределению. Британское правительство, основательно усвоившее исторический урок отделения Соединенных Штатов, не оказывало серьезного противодействия этим попыткам. В Объяснительном Акте (Interpretation Act) 1889 г. все коронные владения, за исключением британских островов и Британской Индии, объединялись под общим наименованием колоний. Но Канада, южная Африка и Австралия давно уже категорически отвергли это название, как унизительное, и предпочли именоваться доминьонами. Слово «доминьон» в английском языке имеет три основных смысла: владение, господство и государство. Оно превосходно выражает поэтому переходную форму развития упомянутых выше республик или, как выражаются некоторые современные писатели, их потенциальный суверенитет. Но С. А. Корф напрасно думает, что слово «колонии» совершенно исчезло из литературы предмета (он, впрочем, неопределенно говорит о «прессе»). Вот, например, классификация британских владений, предлагаемая А. Хоганом, автором книги «Правление Соединенного Королевства, его колоний и зависимых владений», вышедшей в 1920 году уже четвертым изданием: 1) колонии с представительным и ответственным правлением (напр., Канада); 2) колонии с правлением представительным, но не ответственным (Багамас, Барбадос); 3) коронные колонии (Гибралтар, Мальта); 4) протектораты (Египет); 5) смешанные колонии (Судан); 6) субколонии, подчиненные непосредственно колониям первого разряда (Папуа—Австралии, Ауклэнд—Новой Зеландии). Автор подчеркивает, что хотя британский парламент редко пользуется правом прямого законодательства по отношению к колониям, но законодательство последних, не исключая доминьонов, подлежит его контролю. Корона в праве заключать договоры, обязывающие колонии, но не наоборот. Хоган в смущении останавливается перед тем фактом, что доминьоны и Индия подписали Версальский трактат 1919 г. от своего лица. Юридическая природа этого события кажется английскому юристу неясной. Но неясного вообще много. И Хоган утешается тем обстоятельством, что еще менее ясно смешанное господство Великобритании и Египта над Суданом, не говоря уже о столь интересных казусах, как соединенное верховенство Англии и Франции над Новыми Гебридами по договору 1906 г.

Оксфордский ученый Марриот значительно осторожнее. Как догматик, он устанавливает, правда, следующие формально конституционные связи между Британией и доминьонами: 1) верховенство британского парламента; 2) единство короны, ее исключительные права вето и почетных наград (!); 3) назначение губернаторов; 4) ведение внешних сношений, в особенности же объявление войны и заключение мира; 5) апелляция к Судебному Комитету Тайного Совета на приговоры верховных судов доминьонов. Но эти связи, меланхолически замечает ученый юрист, не прочны. Гораздо прочнее связи, вытекающие из общности

чувств и интересов. В частности следует отметить военную слабость доминьонов, подогревающую их привязанность к метрополии. Не надеясь, однако, на силу чувств и инстинктов, Марриот предлагает отрешиться от свойственного британской расе преклонения перед «грубым, близоруким опытом» и обратиться при построении будущего здания империи к разуму и науке. Нелюбовь к сознательной организации—характерная черта конституционной эволюции Англии на продолжении веков—должна быть изжита в современных условиях.

Еще осторожнее г. Моррей Макдональд (не смешивать с рабочим премьером). Обследуя положение английского парламента в общей системе имперских учреждений, он устанавливает прежде всего тройственное деление земель Британской короны: 1) Соединенное Королевство (т.-е. Англия и Шотландия; прежде сюда относилась также Ирландия, но с получением гомруля ее нужно, повидимому, считать особо); 2) самоуправляющиеся доминьоны; 3) зависимые владения (dependencies), колонии короны, протектораты. В первых двух частях управление контролируется местными парламентами, в третьей—парламентом Соединенного Королевства. Отсюда вытекают четыре основных функции английского парламента: а) местное законодательство для частей Соединенного Королевства, связанное с соблюдением их особых исторически сложившихся интересов; б) законодательство, связанное с интересами Соединенного Королевства, как целого; в) ответственность в последнем счете (finally) за управление зависимыми владениями и т. п.; г) ответственность в том же смысле за контроль и защиту интересов как всей Британской империи, так и отдельных ее частей. В общем и целом заседающий в Вестминстерском дворце парламент отвечает в значительной мере непосредственно (directly), а в меньшей мере косвенно (indirectly) за спокойствие, порядок и хорошее управление около $^1/_4$ населения земного шара. Окончательный вывод г. Макдональда сводится к тому, что по отношению к империи парламент был, главным образом, администрирующим, а не законодательствующим учреждением. Особого внимания заслуживает употребляемый английским писателем термин «контроль», смысл которого отнюдь не исчерпывается понятием ревизии и даже надзора, а содержит элемент активного участия в контролируемой деятельности. Термин этот, одно время излюбленный в советском законодательстве, постепенно исчезает. Между тем его историческое прошлое (рабочий контроль над производством и распределением,—см. также «Государство и революция» Ленина) не только почетно, но и не может считаться вполне отжившим (новые функции РКИ и ЦКК); поэтому политико-юридическая конструкция контроля—задача весьма достойная внимания наших публицистов.

Государственные деятели и юристы доминьонов не приемлют даже наиболее радикальных выводов английской академической мысли. И прежде всего им антипатична всякая противоречащая англо-саксонским традициям попытка сознательного и планомерного урегулирования вопроса. Новозеландец Э. Маусли, получивший образование в Кэмбриджском университете, собрал в своей книге об «имперской сумятице» боль-

шое количество отзывов политических деятелей и журналистов по вопросу о конституционных перспективах Англии. Сам автор держится средней линии, к которой примыкает и снабдивший его книгу предисловием новозеландский премьер г. Мэсси. Г. Маусли напоминает тот факт, что конституционное право слагается не из писаных только законов, но и применяемых на практике норм, которыми писаные законы частью переделаны, а частью вовсе отменены. Мнения авторитетов по каждому отдельному пункту расходятся. Как, в самом деле, расценивать то обстоятельство, что Канада имеет собственного посла при Вашингтонском Белом Доме? Как опровергнуть мнение, что, участвуя в подписании договора об образовании Лиги Наций, доминьоны тем самым провозгласили свою независимость? Вряд ли покроет эти казусы даже соблазняющая г. Маусли гибкая формула перехода Великобритании от империалистического строя к конфедерации. Раздраженный пестротой фактов и разноголосицей собранных мнений, автор находит весьма удобный, но неприятный для многих юристов и политиков выход. Если агитаторы и теоретики оставят вопросы в покое, пишет г. Маусли, все трудности превосходно разрешатся сами собой. Такова по существу вся история Великобритании.

Для того, чтобы понять причины политических и юридических затруднений, испытываемых британскими людьми науки и практики, нужно учесть реальную обстановку и в первую очередь хозяйственную конъюнктуру, создавшуюся после Версальского мира. Мировое хозяйство дезорганизовано. В России промышленность и земледелие, надолго парализованные войной и блокадой, только что начинают восстанавливаться. Германия бьется в тисках оккупации Рура, откола Рейнских областей, не прекращающегося нажима со стороны победителей. Остальные государства средней Европы, возникшие из частей б. Австро-Венгерской и Российской монархий, ни в какой мере не являются факторами хозяйственного восстановления Европы. Все вместе вызвало колоссальный рост задолженности Британии и доминьонов. Положение обострилось еще несоответствием между бумажной инфляцией в Англии и золотым обращением в доминьонах. Этот момент подчеркивает коммунист Джэксон в своей брошюре «Британская империя», изданной коммунистической партией Великобритании. На фоне мирового развала и быстро созревающих новых политических комбинаций особо резкие очертания принимают антагонизмы между отдельными частями Британии, как мировой державы. Джэксон ошибается, конечно, когда говорит, что нет противоречий интересов между капиталистами доминьонов и метрополии. Они неизбежны в той же почти мере, в какой неизбежны противоречия между национальными капитализмами, порождающие борьбу за рынки и всю политику империализма. Это ясно из ближайшего ознакомления с вопросами, которые стоят в центре внимания политиков Великобритании.

Одной из важнейших трудностей является упорядочение эмиграции. Трудно оспаривать неравномерность распределения жителей по

землям Британской империи. Согласно переписи 1921 г. в самой Великобритании на 89 тысяч квадр. миль приходится 42.767 тысяч жителей. Соответствующие цифры для Канады 3729 т. и 8788 т.; Австралии—2974 т. и 5436 т.; южной Африки — 795 т. и 7150 т.; Новой Зеландии 103 т. и 1218 т. С перенаселением и общей хозяйственной разрухой тесно связана безработица. К июню 1923 г. в одной Великобритании насчитывалось 1250 т. безработных, главным образом, промышленных рабочих. Чрезвычайно сложную и мало еще исследованную проблему представляет безработица в Индии, борьба с которой путем эмиграции наталкивается на специфические препятствия, обусловленные цветом кожи эмигрантов. Но и чисто британская эмиграция встречает серьезное противодействие. Иммигранты, которых бы желали иметь доминьоны, это—земледельцы; Англия же нуждается в разгрузке от избытка городских рабочих. Такова одна сторона вопроса, освещаемая г. Норманном Энджел. Но наличие среди предполагаемых эмигрантов большого количества здоровых молодых людей возбуждает у того же писателя другие опасения. Отъезд лучших и сильнейших людей с оставлением в стране более старых и слабых в конечном счете обременит, а не разгрузит население метрополии. Но рассчитывать на великодушие колоний в смысле принятия ими «более старых и слабых»,-очевидно, нельзя. Положение ухудшается еще тем фактом, что всякий прогресс в гигиене, санитарии и охране народного здравия заметно увеличивает рождаемость и уменьшает смертность, притом не только среди белых, но и среди цветных рас. Г. Энджел склоняется к мысли, что острейшая проблема населения не может быть разрешена усилиями одной какой-либо нации. Необходимо действие в мировом интернациональном масштабе. Он осуждает поэтому распространенный в Англии (после неудач, постигших ее континентальную политику) лозунг: «Оставим Европу, она безнадежна, и будем рассчитывать только на наши колонии». Г. Энджел не склонен придавать особого значения факторам патриотизма, гуманности междучеловеческой солидарности и прочим хорошим чувствам, как таковым. В то время, пишет он, как в центральной Европе умирают от голода миллионы людей, фермеры западной Америки жгут рожь и другие продукты сельского хозяйства, хотя суда, которые могли бы перевезти все это голодающим, без дела качаются в рейдах. И все это потому, что разрушен один из факторов оборота—денежное обращение. Необходим экономический интернационализм, заключает г. Энджел, оставляя, однако, открытым вопрос о способах проведения этой меры в жизнь.

Следующий первостепенной важности вопрос—торговая политика Великобритании и ее частей. Общий годичный оборот внешней торговли Англии в начале XX в. выражался в 800 милл. фунтов стерлингов. Из этой суммы около 600 милл. падало на иностранные государства и только 200 милл.—на британские владения. В том числе цифры импорта 416 и 105; экспорта—175 и 104. Приблизительно та же пропорция сохраняется в 1913 г. (импорт 577 и 192; экспорт 330 и 195). Хорошо известный русским читателям экономист Эшли в 4-м издании своей книги «Тариф-

ная проблема» следующим образом комментирует на ряду с другими фактами эти цифры. Суть в том, что колонии, долгое время потреблявшие английские товары, развились настолько, что многое для собственных нужд производят сами. Нужные же им товары они желают получить от тех стран, которые дадут наиболее льготные условия, разве только Англия обеспечит достаточное расширение сбыта их сельско-хозяйственных продуктов. Пока-что все это находится в стадии переговоров. Последние выборы в британский парламент, протекавшие под знаком борьбы за или против протекционизма, не дали благоприятных показаний для таможенного союза государств Британии. Между тем Эшли отмечает, что еще имперская конференция 1902 г. подчеркнула благодетельное влияние покровительственной системы, которая через усиление торгового оборота между частями империи посодействует развитию в них промышленности и торговли и тем самым усилит империю в целом. Какова же действительность? По данным, приводимым в «Коммунистическом Обозрении» известным читателям «Правды» и «Известий ЦИК» английским коммунистом Мерфи, сумма британского капитала в Канаде определяется в 155 милл. долларов, американского—550 милл. Индия воздвигает тарифные барьеры против хлопка из Ланкашира и джута из Дёнди, а остальные изделия облагает 33% пошлины. При таких обстоятельствах, заключает Мерфи, всякие проекты более тесного объединения империи построены на песке.

С выходом Германии из концерта великих держав и отказом советской России от империалистской политики дореволюционного правительства, «сферы влияния» во всем мире оказались поделенными между четырьмя державами: Францией, Великобританией, Соединенными Штатами и Японией. Поскольку на континенте Европы временная гегемония Франции стала неоспоримым фактом, центр борьбы за преобладание должен был перенестись во внеевропейские территории. Ближайшей ареной событий сделался Тихий океан по той простой причине, что к нему прежде всего тяготеют и прилегают владения трех великих морских держав: Америки, Британии и Японии. На берегах Тихого океана должны разрешиться судьбы Китая, в котором длится скоро 20 лет мучительнейший затяжной процесс революционного изживания остатков феодализма. Там же предстоит и решение проблемы перенаселения островов Восходящего Солнца, властители которых не хуже британского секретариата колоний знакомы со статистикой народонаселения Австралии и прилегающих к ней островов. Чем дальше, тем яснее вырисовывается передвижение центра тяжести мировой политики на Восток. Еще недавно поездка адмирала Джеллико по колониям с целью объединения морской защиты империи встретила довольно холодный прием на местах (не исключая лойяльной Австралии). Редакции «Labour Monthly», органа, выявляющего настроение левых кругов рабочей партии, это казалось, повидимому, симптомом близкого распада империи. Так, по крайней мере, высказывается сотрудник журнала Педж Арнот в октябрьском № журнала. Но состоявшаяся в октябре 1923 года импер-

ская конференция высказалась за учреждение сети морских баз для снабжения флота его величества и первое место в числе этих баз отвела Сингапуру. Канада и южная Африка по своему географическому положению не заинтересованы непосредственно в ситуации, слагающейся в восточных водах Тихого океана. Но интересы Австралии и Новой Зеландии, не говоря уже о менее значительных владениях, затрагиваются ею очень сильно, и в лице тихоокеанских доминьонов имперское правительство получило энергическую поддержку.

Все эти вопросы выступили не вдруг. Неудовлетворительность порядка, сосредоточивавшего чрезмерно большую власть в руках метрополии, сознавалась давно, как и заинтересованность колоний в целом ряде вопросов внешней политики. Но как это типично для истории Англии, способ их обсуждения и разрешения был найден чисто случайным образом. В 1887 году, по поводу юбилея королевы Виктории, в Лондоне состоялась конференция колониальных премьеров, заодно приступившая к рассмотрению вопросов, связанных с регулированием имперской торговли. Успешность ее занятий вызвала к жизни занимавшиеся теми же вопросами конференции 1894 и 1897 годов. Неудачи бурской войны повлекли тяжкий кризис ярко империалистической политики Чемберлена, вынужденного на конференции 1902 года, кроме торгово-таможенных вопросов, поставить и вопрос об организации общими силами военно-морской имперской защиты. Попутно Чемберлен предложил план имперской федерации с отчетливо выраженным преобладанием Англии. План этот провалился, в виду упорного сопротивления колониальных премьеров, не отступавших ни на иоту от принципа полного равноправия частей в проектируемой имперской организации. На конференции 1907 года проблема колониального управления заняла первое место и приобрела даже более или менее определенную юридическую формулировку: 1) членами конференции признаны исключительно представляющие свои кабинеты министры-премьеры и специально уполномоченные лица [1]); 2) установлено равноправие участников: каждое правительство, в том числе и метрополия, получило всего один голос; 3) конференции из «колониальных» переименованы в «имперские» с периодическими созывами раз в четыре года; 4) частные вопросы и подготовка к рассмотрению общих отнесены к ведению особо созываемых субсидарных конференций. Решения 1907 г. составили важный этап, а в известном смысле и высшую точку в развитии конференций, как имперского органа. Когда через четыре года в 1911 г. новозеландский премьер сэр Уард попытался увлечь собравшихся проектом создания общеимперского парламента с широкой компетенцией в вопросах международных отношений и обороны, попытка его кончилась неудачей. Любопытно, что в числе про-

[1]) По сообщению г. Хогана, на конференциях должны быть представлены Соединенное Королевство, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Нью-Фаундленд, Индия и южная Африка. Председательствует английский премьер, замещаемый секретарем по делам колоний.

тестующих были не только премьеры доминьонов (Австралии и Канады, но и тогдашний английский премьер Асквит, категорически заявивший о нежелании метрополии подчиняться в вопросах иностранной политики решениям общеимперского органа. Мировая война 1914—1918 годов побудила, однако, государственных деятелей империи на время преодолеть свою антипатию к единству. В 1917 году для более успешного ведения войны был учрежден имперский военный кабинет в составе: британский кабинет плюс премьеры доминьонов. Во время войны это учреждение фактически действовало, как высшая исполнительная власть империи, но существование его оказалось недолговременным и закончилось вместе с войной.

Версальский мир 1919 г., как знает читатель, не устранил опасности новой войны, а, наоборот, сделал ее неминуемой. Уже отсюда понятен неостывающий интерес общей и специальной литературы к вопросам имперской конституции. Количество посвященных этой теме книг, не говоря уже о журнальных статьях, по скромному расчету, значительно перевалило за сотню. Трудности рисовались немаленькими, ибо противоречия экономические, политические и просто идеологические запутывали положение до крайности. Фритредерство в метрополии и протекционизм в доминьонах—таково было первое затруднение. Но и в чисто военной области достигнуть единодушия оказалось не так-то просто. Доминьоны, особенно Австралия и Новая Зеландия, превосходно сознавали свою военную слабость, но дорого стоящие вооружения и неизбежность подчинения лондонскому адмиралтейству и генеральному штабу привлекали их очень мало. Заметное влияние имела различная международная ориентация доминьонов, в частности Канады, экономически и географически тяготеющей к Соединенным Штатам и мало заинтересованной судьбой тихоокеанских частей империи. Я уже указывал выше, какой переполох среди юристов произвело подписание доминьонами Версальского мира и договора о Лиге Наций. Не меньшую сенсацию породило заключение международного договора о тихоокеанских рыбных ловлях между Канадой и Соединенными Штатами, послужившее поводом к состоявшемуся вскоре назначению канадского посла в Вашингтон. Какой простор для новых конструкций и толкований понятия государственного суверенитета, введенного в науку стариком Бодэном и доставившего столько хлопот юристам от Монтескье до наших современников Краббе и Кельсена включительно!

Незадолго до войны журнал «Round Table» («Круглый Стол») попытался взять на себя вместе с политическим и теоретико-юридическое совещание волнующих Британию конституционных проблем. Журнал этот интересен уже тем, что построен на основе полной анонимности редакции и сотрудников. Судя по всему, наиболее ответственные статьи «Round Table» пишутся высоко компетентными специалистами, но установить виновника их появления на свет трудно подчас не только иностранцу. В июньском № за 1923 год один из таких авторов развивает следующую теорию. Доминьоны приобрели новый не только государ-

ственный, но и международно-правовой статус, выразившийся в непосредственном их участии при заключении международных договоров. Тем не менее, империя продолжает существовать. Верховным органом, ведающим ее иностранную политику, являются имперские конференции. В промежутках между конференциями соответствующие права делегируются британскому министерству иностранных дел, которое не может, однако, принимать серьезных и обязывающих другие части империи решений, не снесшись предварительно по телеграфу с подлежащими правительствами. Вообще же, несколько неожиданно заканчивает наш автор, доминьоны свободны в своих решениях. Для иллюстрации этого положения он приводит два факта: 1) опрос Foreigne Office в 1923 г. всех доминьонов о том, поддержат ли они Англию в ее намерении открыть аггрессивные действия против турок, и 2) все тот же знаменитый эпизод с канадско-американским трактатом о рыбных ловлях.

Как бы соблазнительны и элегантны ни были изобретаемые учеными юристами формулы, они не разрешают положения, по существу далеко неустойчивого. Найти среднюю линию между суверенитетом целого и независимостью частей—задача не легкая для теоретика: тем более трудны попытки практически разрешать ее в отдельных, сплошь да рядом запутанных и колючих случаях. Г. Маусли, сводкой которого мне случалось уже пользоваться выше, рисует стремления заинтересованных сторон следующим образом. Доминьоны склоняются к сохранению status quo и не желают поступаться еще хоть частью своей самостоятельности в пользу единства иностранной политики и защиты империи. Метрополия «в принципе» готова признать равноправие частей, но фактически не хочет подчиняться большинству, пытаясь при этом проложить соответствующие ее намерениям пути общеимперской политики. Доминьоны желают сохранить единство империи, так как вне ее они неспособны к самозащите. Но, кроме равенства статуса, они домогаются еще отказа от всякой попытки объединить их в сверхгосударстве с принудительной властью. В проектах нет недостатка; хуже обстоит дело с признанием какого-либо из них хотя бы относительно подходящим. Лорд Сэндон, например, предложил создание имперского правительства из 13 членов с правом полного контроля над иностранной политикой, защитой империи и индийскими делами. Г. Маусли не отказывает этому замыслу в интересе, но помимо прочих соображений считает, что составленная из представителей разных стран власть не даст необходимой в данных вопросах твердой и выдержанной линии. В противовес радикальному проекту лорда Сэндона новозеландский политик выдвигает мысль об учреждении в Лондоне постоянных представительств доминьонов (дипломатического типа) для решения совместно с кабинетом метрополии вопросов общей политики и обороны. Г. Маусли находит даже целесообразным и допустимым аккредитование доминьонами своих представителей при некоторых иностранных правительствах (Канадою в Соединенных Штатах, Новозеландией и Австралией в Китае или Японии и т. д.). Функции этих резидентов г. Маусли склонен, повидимо-

му, считать исключительно деловыми, ибо настаивает на подконтрольности их в общеполитических вопросах посольствам Великобритании.

Редакция «Round Table» склоняется к такому же приблизительно плану. Решение вопроса, пишет анонимный автор (июнь, 1923), лежит в организации внутри империи квази-дипломатической системы сношений, обеспечивающей солидное представительство и надежную связь. Прежние формы связи, бывшие в свое время пригодными, частью устарели, а частью подверглись процессу перерождения. Генерал-губернаторы, представлявшие корону на местах, по мере того как росло влияние доминьонов на их назначение, стали по существу представителями местных интересов. Высокие комиссары (High Comissioners), перегруженные коммерческими функциями, не могут уделять достаточно внимания другим вопросам. Остается обмен представительствами между всеми входящими в состав империи государствами. «Round Table», как и г. Маусли, склонен признать за доминьонами ограниченное право сношений и с иностранными государствами.

Сторонники имперского единства имеют в запасе и еще один аргумент уже из области высоких материй. Выше приводились мнения г. Норманна Энджел, проповедующего экономический интернационализм. Он не совсем одинок в этой проповеди. Европа балканизована (т.-е. раздроблена на отдельные враждующие части), восклицает «Round Table». Необходимо, чтобы хотя между частями Британской империи отношения основывались на взаимной симпатии и понимании. Если не осилят балканизирующей тенденции распада даже связанные единством истории, культуры и национальности государства Британской империи, то что же сказать о Лиге Наций. Другие писатели уже прямо начинают говорить о заинтересованности всего мира (или всего человечества) в создании и упрочении британской Лиги Наций, как краеугольного камня Лиги Всемирной. Социальная философия идет по стопам действительности. В интересном этюде об английских политических учениях г. Браун пытается выразить новую концепцию индивидуализма. Новая демократия, пишет этот автор, приемлет индивида, как базис, но одобряет и приветствует всевозможные ассоциации и формы общественности, порождаемые объединением индивидуальных интересов. Спенсер и Милль, резко противополагавшие личность государству, грешили опасным упрощением вопроса. Развитие общественности постепенно приводит к замене властного национального государства администрирующим мировым государством и вообще национальностей — интернациональным союзом.

Рассуждения г. Брауна вращаются в общем круге идей гильдейского социализма с модными экскурсиями в область германистических учений Гирке, Безелера и др. и справками из истории средневековья. Но, кажется, и политики новых тихоокеанских демократий вместе с писателями из «Round Table» могли бы с пользой для себя позаимствоваться кое-чем у старины. Едино государство всех племен христианских, поучал епископ адмонтский Энгельберт в 1310 г. Итак, необходим в нем и единый властитель, поставленный для защиты и распространения веры

господней. А вот как обрисовывает положение главы Священной Римской империи в своем знаменитом трактате покойный Джемс Брайс. «Император должен был олицетворять собою духовное единство, охранять мир и быть источником права и справедливости. Занимая срединное положение в Европе, он должен был соединить ее племена в одно тело, напоминая им об их общей вере, общем происхождении, об их заинтересованности во взаимном благополучии. Такова была пышная идеология центральной власти. Столкнувшись с центробежными стремлениями мест, она пошла на компромисс». С 1654 г. имперский сейм стал постоянным учреждением, в которое курфюрсты, князья и города посылали своих представителей; другими словами, теперь это был не национальный совет, а международный конгресс дипломатов [1]).

Пример Священной Римской империи, как известно, заключает в себе мало ободряющего. Но это не останавливает от подражания ей империалистов разных оттенков до лидеров правого крыла рабочей партии включительно. Г. Сноуден в следующих, до умилительности напоминающих епископа Энгельберта, выражениях толкует о задачах Labour Party по отношению к народностям колоний. Она должна дать им гуманное управление, обеспечить пользование собственностью, насадить культуру и подготовить, путем воспитания, к переходу на положение самоуправляющихся доминьонов. Но левое крыло английского пролетариата занимает в данном вопросе очень радикальную позицию. Есть, правда, расхождения в оценке степени прочности Британской империи. Цитированный уже мною Джэксон считает, что «капиталистический империализм преодолел таковой же индивидуализм». Наоборот, другой коммунист Мерфи вместе с Арнотом (из «Labour Monthly») думает, что империя фактически распалась, и что бесполезны все попытки заштопать ее расползающуюся ткань. Но по вопросу об отношении к единству империи у писателей левого крыла наблюдается достаточное единодушие. Что должны делать рабочие, если они придут к власти?—спрашивает Мерфи. И отвечает: расторгнуть узы империи и дать свободу угнетенным массам, помогая им создавать у себя рабоче-крестьянские правительства. Еще более резок в своей оценке положения сотрудник «Labour Monthly» Пальм Дьютт. Необходимо энергично бороться против плана империи, пишет этот автор: его результаты—разделение и развращение рабочих, расовый сепаратизм, тиранния, милитаризм, разрушение интернациональных стремлений рабочих путем отделения их от мировой революции, в частности—путем выделения белой рабочей аристократии и отвлечения ее от натиска на капитал. Капиталистическая Германия может стать рабочей, сохраняя свое единство, но Британская империя сделается пролетарской только после своего распадения и разрыва союза, заключенного капиталистами и белыми рабочими против цветных рас. Каково значение новых империалистических планов для рабочего класса? «На-

[1]) *Д. Брайс.* Священная Римская империя. Пер. Д. М. Петрушевского. М., 1891, стр. 196, 275.

учное» распределение избытка населения есть не что иное, как принудительная переброска пролетариев в согласии с интересами капитала. Система протекционизма повлечет рост цен на жизненные припасы, ударяющий прежде всего по рабочим. Самозамыкание Британской империи обострит враждебные отношения между нею и другими державами и, следовательно, явится источником новых войн. Тарифная реформа и империя, заканчивает Дьютт, таковы национальные формы британского фашизма.

Имперская конференция, открывшаяся осенью 1923 года, протекала в атмосфере живейшего общественного внимания. Правда, не все на ней происходившее делалось достоянием печати, ибо буржуазная пресса замалчивала многие разногласия в недрах империи, не желая выносить их на публичное обсуждение. Но одно стало ясно. Попытка создать постоянный имперский орган потерпела неудачу и возможность реального ее осуществления отложена на четыре года. Срок немалый в нашу обильную неожиданностями эпоху войн и революций. Конференция разделилась с самого начала занятий на две секции: политическую и экономическую. Однако, главные ее участники уделяли почти одинаковое внимание обеим. Австралийский премьер г. Брюс даже заявил, что не отрицает, конечно, роли чувства в имперской политике, но в основу дела кладет интересы, и прежде всего экономические. Взгляды подобного рода, очевидно, доминировали на конференции, сколько можно судить по ее результатам, которые в изложении г. Массип, корреспондента отличного французского политического еженедельника «L'Europe Nouvelle», сводятся к следующему. В области международных отношений: курс на упрочение сотрудничества с Америкой; принятие мер для точного определения германской платежеспособности; увеличение поддержки и укрепление авторитета Лиги Наций; постоянное сотрудничество между «Foreign Office» и доминьонами по важнейшим вопросам международной политики. По вопросам обороны империи: необходимость общих мероприятий для имперской защиты, но с тем, что каждое государство самостоятельно определяет степень своего участия в этих мерах: собственную территорию каждое государство защищает своими средствами, но организация воздушного флота, достаточного для обеспечения метрополии от всяких посягательств на воздухе, осуществляется общими силами; поддержка взаимной связи и контроль над свободой морей; учреждение сети морских баз, в первую очередь базы в Сингапуре; Британский флот не должен уступать по размерам какому бы то ни было другому флоту. В экономической области правительство Британии обязалось отстаивать перед парламентом покровительственные тарифы на табак, фрукты, овощи, мед и др. сельско-хозяйственные продукты.

Известные читателю результаты выборов в парламент означают крушение протекционистских надежд, и экономические интересы к огорчению г. Брюса останутся неурегулированными. Но остальные постановления конференции в той или иной мере будут проведены в жизнь. Мы не знаем их подробностей: секретные протоколы конференции полу-

чат надлежащую разработку, по всей вероятности, только в глубинах военного министерства, адмиралтейства и других ведомств Великобритании. Несомненно, однако, что конференция в целом определенно и уверенно действовала, как высший директивный орган Британской империи по вопросам обороны и международной политики. Несомненно далее, что англосаксонская медлительность и осторожность сказалась в нежелании оформить новую государственную структуру империи. Заключать об ее распаде было бы, однако, более чем преждевременно. Юристы будут ломать головы над вопросом, к какому разряду отнести империю: считать ли ее федерацией, конфедерацией или чем-нибудь третьим. Но вся развернувшаяся перед читателем пестрота и своеобразие действительности лишний раз свидетельствуют, как недостаточен для понимания государственного бытия чисто-юридический метод, не сопровождаемый социологическим исследованием действительности. Неопределенность современного имперского статуса Великобритании—прямой результат неустойчивости общей хозяйственной и политической системы мирового капитализма. С решением его судьбы ближайшее будущее найдет и юридические формы для сожительства национальностей и государств Британской империи.

ЗАДАЧА БОЛЬШОЙ ВАЖНОСТИ.

Проф. М. Куфаев.

Это—библиографический съезд. Не сегодня ставится уже этот вопрос. Охваченная книжным потоком, русская библиографическая мысль еще до революции бессильно билась в поисках разрешения своих вопросов. Революция освободила ее от посторонней примеси, когда, с закрытием Главного управления по делам печати, народившиеся учреждения—Российская Книжная Палата, Институт Книговедения и прежде существовавшие научно-библиографические общества могли сосредоточиться на работе чисто библиографической. После кратковременного застоя книжной производительности в 1919—1920 гг. мы видим быстрый рост нашей прессы и количества выпускаемых книг, доходящие до цифр довоенных. Едва ли приходится кому-нибудь сомневаться в том, что потребность чтения и самообразования, жажда книги и газеты возросла и растет с каждым днем. Если и раньше печатные издания фиксировались «Книжной Летописью», в целях статистики, цензурного надзора и пр., то теперь регистрация печатного материала преследует и другую важную цель: дать в руки каждому, кто живет интересами книги и ищет в печатном слове ответа на свои нужды, ключ к тому богатству, которое приготовляют печатные станки на всей территории С. С. С. Р. Первостепенной задачей всех, кто дорожит словом и ценит его могучую роль, является—помочь «Книжной Летописи», издаваемой Росс. Центр. Книжной Палатою, зарегистрировать во всей полноте русскую книгу. Эта регистрация должна быть точной и произведенной по правилам библиографии. Для этого всякое печатное издание должно быть в Книжной Палате, и «Книжная Летопись» должна быть подлинным научно составленным инвентарем книжных сокровищ страны. Благодаря тому, что крупнейшие центры С. С. С. Р. получают обязательный экземпляр книги, есть возможность пользоваться при посредстве этого ключа всем ценным материалом для нужд самообразования, обучения и разных работ над книгою. Все мыслящие силы страны должны осознать эту роль Книжной Палаты, собирающей и распределяющей книжный материал, и помочь ей возможно рациональнее осуществить свою задачу. Само государство должно всемерно способствовать тому, чтобы «Книжная Летопись» яви-

лась своевременно полным ключом к печатному материалу. Ценою больших, может-быть, сокращений в иных сферах должно обеспечить материально работу над «Книжной Летописью» и ее печатанием, затем и распространением. Это—вопрос большой государственной важности и это—вопрос культуры. Практический подход к этому, выяснение задачи и роли этого дела—одна из задач всех библиографов и книговедов республики.

Не существует почти ни одного научного учреждения и общества, профессиональных организаций, разных студий и кружков, которые бы в своих целях не затевали в настоящее время работ по составлению указателей книг и статей в своей специальности. Подведение итогов, популяризация своего дела, указатель для тех, кто хочет знать, «что читать»—диктуют задачу издания различных указателей и библиографических сборников. Собирая, порою тщательно, чаще же случайно, спорадически, печатный материал, весьма часто без элементарного знакомства с принципами картописания, различные издатели (организации и общества) кустарно выполняют эту свою задачу. Иногда одна и та же библиографическая работа ведется в двух и трех местах; в результате там, где больше средств, выходит в свет сборник неполный, неточный, порою совсем ненужный. Распыляются силы библиографов, непроизводительно тратятся средства, обесценивается работа учреждений и лиц, специально и с научной полнотой осуществляющих те же задачи, но не имеющие возможности печатать и издать уже готовый материал. Координация работ такого рода, упразднение кустарничества в таком важном деле, унификация библиографии—задачи, которые завтра же должны быть разрешены. Разнообразные ячейки в разных местах, ведущие свою важную работу по составлению нужных указателей и справочников особенно должны быть заинтересованы в единообразии книгоописаний и стараться следовать уже принятым правилам, выработанным после долгого опыта, после многих сомнений и размышлений. Съезд, на котором были бы представлены учреждения и организации, ведущие такую работу, специально библиографические и иные, интересующиеся такою работою, мог бы поставить вопрос о координации библиографического дела в целях упразднения вредного параллелизма и приближения к правилам научного книговедения в деле книгоописания.

Русская библиографическая мысль в своих достижениях не только не отстала от Запада, но, по признанию многих авторитетных специалистов, идет впереди него. Поэтому вопросы научного книговедения: вопросы истории книги, книжной классификации, книжной статистики, библиографии повременной печати и др., самостоятельно и применительно к потребностям момента и особенностям книжного дела в России могли бы быть поставлены на разрешение съезда библиографов. Принятая теперь децимальная система классификации книжного материала порождает в опыте ее применения массу вопросов, только взору, далекому от книги и библиотеки, кажущихся маловажными, а практика говорит, напр., следующее: книги по историческому материализму в четырех

библиотеках стоят в разных отделах и имеют различные индексы. Примеров и других привести можно много.

Весьма важен вопрос, который также мог быть поставлен на съезде: вопрос популяризации книговедения и книги. Здесь не имеются в виду вопросы просвещения и библиотечной работы. Съезд должен носить книговедческий характер и преследовать в этом случае задачу приближения к книге и ее научному изучению. Съезд должен распутать тот узел, который затягивается в деле библиографии и книговедения благодаря несогласованности в этих вопросах. Съезд должен подумать об энциклопедии книговедения и ее издании. Мысль эта выдвигалась и ранее Русск. Библиологическим Обществом и Институтом Книговедения. Она нуждается в осуществлении. Вот почему желательно организовать съезд библиографов, широко оповестив все заинтересованные учреждения и привлекая лиц, компетенция и работа которых помогла бы устранению того хаоса, который грозит бедой книжному делу и его изучению. При поддержке со стороны власти и библиографических кругов можно рассчитывать на успех съезда.

ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ *).

Дорогой товарищ

Валерий Яковлевич!

Лучшие представители русской интеллигенции вообще и русской литературы в частности всегда занимали почетное место в том движении, которое вело борьбу против царского самодержавия и в защиту интересов трудящихся. Много блестящих литературных произведений создали русские поэты в процессе такой борьбы. В этих рядах литературных бойцов с честью занимали место и Вы.

Но, к сожалению, громадное большинство русских писателей шло по пути революционной борьбы и красноречиво говорило об эксплуатации и угнетении крестьян и рабочих только до тех пор, пока они надеялись, что трудящиеся не захотят или не посмеют взять власть в свои руки, а сыграют в революционной борьбе против самодержавия только роль послушного орудия в руках буржуазии. Рисуя тяжелое положение и угнетение крестьян и рабочих, они не представляли себе того великого гнева, который веками накоплялся у трудящихся против их эксплуататоров и угнетателей. Они, говоря словами одного из Ваших стихотворений, только «баловали под лесами», на которых истинные революционеры-рабочие вели свою трудную, обильную жертвами и страданиями, революционную работу во имя полного освобождения крестьян и рабочих от всякого гнета и от всякой эксплуатации.

Пробил час пролетарской революции, и то, что было до тех пор тайным, что искусно скрывалось под красивыми поэтическими фразами, стало явным для всех. Большинство русских литераторов ушло из лагеря революции в стан врагов революции,—врагов освободившихся крестьян и рабочих. Их имена забыты теперь трудящимися революционной России.

Редким и блестящим исключением среди обширной группы русских писателей явились Вы, Валерий Яковлевич. «Песня с бурей вечно сестры», писали Вы в одном из своих стихотворений. И в тот момент, когда грянула революционная буря, Вы смело слили Вашу песню с ее громом.

*) Адрес, врученный В. Я. Брюсову на торжественном заседании в Большом театре 17/XII-23, посвященном его 50-летнему юбилею.

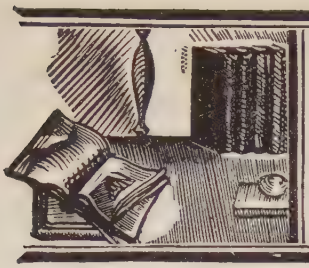
С начала нашей пролетарской революции Вы смело и безоговорочно стали в ряды революционного пролетариата. Делу борьбы этого пролетариата, делу строительства им новой жизни и новой культуры Вы отдали все свои богатые силы и свои широкие познания, заняв место в рядах авангарда борющегося революционного пролетариата—в рядах Российской Коммунистической Партии. Вы ясно доказали этим, что и раньше, говоря об угнетении и эксплуатации трудящихся, Вы не «баловались под лесами», а искренно звали на энергичную борьбу до окончательной победы.

Презрением покрываются в глазах народа имена тех, кто изменил своим прежним лозунгам, кто в момент решительного боя ушел в лагерь контр-революции. Но трудящиеся Советской России умеют глубоко чтить имена и работу тех, кто искренно и до конца пошел в их рядах. На долгие-долгие годы останутся их имена в памяти трудящихся. А среди них одно из первых мест занимаете Вы, Валерий Яковлевич.

Государственное Издательство Р. С. Ф. С. Р. и редакции его журналов «Красная Новь» и «Печать и Революция» с гордостью вспоминают, что ими издан был ряд Ваших произведений, что другие Ваши произведения находятся сейчас в их работе. Государственное Издательство с гордостью считает Вас в рядах своих постоянных сотрудников. От всей души приветствует оно Вас в день Вашего юбилея, как поэта, сумевшего связать свою плодотворную работу с великим делом освобождения трудящихся, с великим делом пролетарской революции.

Заведующий Государственным Издательством *О. Ю. Шмидт.*
Председатель Редакционной Коллегии
Государственного Издательства *Н. Л. Мещеряков.*
Редактор журнала «Красная Новь» *А. К. Воронский.*
Редактор журнала «Печать и Революция» *В. П. Полонский.*

17/XII — 1923
Москва.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

1. М. БЕР. История социализма в Англии. *Б. Горев.* — 2. К. МАРКС. Замечания на программу Германской Рабочей Партии. *В. Адоратский.* — 3. МАКС АДЛЕР. Марксизм, как пролетарское учение о жизни. *В. Адоратский.* 4. I. С. Я. ВОЛЬФСОН. Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. II. С. Я. ВОЛЬФСОН. Вокруг Плеханова. *В. Невский.*

М. БЕР. История социализма в Англии. Перевод с немецкого М. Е. Ландау, с предисловием Ф. А. Ротштейна. Гос. Изд. 1923. Стр. XXXIV + 295.

После долгих мытарств и перипетий, после ряда попыток разных издательств—еще начиная с 1918 года—издать перевод известной книги Бера, она выпущена, наконец, Госиздатом, при чем до сих пор вышла лишь первая часть, обнимающая период времени от 1750 до 1824 г. и носящая общее название «Хозяйственный переворот, социальная критика и социализм». Эта часть состоит из следующих глав: I. Накануне хозяйственного переворота. II. Хозяйственный переворот. III. Социальные последствия хозяйственной революции. IV. Борьба с олигархией (конец XVIII в. включает и начало политического рабочего движения). V. Естественно-правовой и этический социализм (все предшественники Оуэна). VI. Период бури и натиска (первые десятилетия XIX в.). VII и VIII. Политические вожди, публицисты и политико-экономы (конечно, буржуазные). Наконец, IX и X. Роберт Оуэн, оуэнизм и антикапитализм.

Как видно уже из этого перечня глав первой части, автор понял свою задачу очень широко, даже, пожалуй, слишком широко. В самом деле, кроме экономической и политической характеристик эпохи, мы находим здесь, на ряду с первыми движениями рабочего класса и учениями первых социалистов, также утомительно-подробную критику теорий естественного права и изложения учений и деятельности чисто буржуазных социальных философов (в роде Бентама), экономистов и политиков. Все это притом лишено единства плана и связности изложения и нередко преподносится читателю просто как ряд следующих друг за другом биографий и характеристик с длинными цитатами.

Наконец, что касается собственных взглядов автора, а следовательно, и той точки зрения, с которой он разбирает первых социалистов и первые формы рабочего движения в Англии, то и тут, как правильно указывает автор предисловия Ф. А. Ротштейн, царит довольно большая путаница, которая, впрочем, отчасти искупается в высшей степени добросовестным отношением автора к своим источникам и искренним сочувствием к революционным выступлениям рабочего класса и его идеологов. Поэтому наиболее интересными и свежими по содержанию главами книги Бера следует признать IV и VI, где дается яркая картина первых проявлений политической и экономической борьбы английского пролетариата, еще лишенных классовой сознательности, но проникнутых резкой революционностью и весьма внушительных по своим размерам. Эти главы тем более интересны, что эта эпоха обычно в общих работах по истории социализма затрагивается лишь вскользь; между тем в ней, несмотря на

то, что рабочие еще шли в политике целиком за радикальной мелко-буржуазной интеллигенцией, находившейся под влиянием французской революции и протестовавшей против гнусного деспотического режима тогдашней Англии, уже намечаются те идеи, которые так ярко проявились в эпоху чартизма, в том числе и идея завоевания политической власти рабочим классом.

Глава V интересна, главным образом, изложением взглядов мало известных русскому читателю представителей раннего, до-оуэновского, социализма, особенно обширными цитатами из них. Но изложена довольно сухо. Наименее новизны и оригинальности представляют первые две главы, которые, кроме того, как правильно указывает Ф. А. Ротштейн, страдают и недостатком исторической перспективы и, как, впрочем, вся книга, недостаточным пониманием исторического материализма. Это нередко доводит автора до простого повторения обычных, чисто буржуазных исторических терминов и характеристик. Так, кроме непонимания классового характера английской революции, что отмечает Ротштейн, любопытно еще, что Бер везде первую революцию — вслед за типичными английскими буржуазными историками — упорно называет только «гражданской войной», а жалкую и поверхностную революцию 1688 г.— «славной революцией» (переводчик почему-то, вместо этого обычного слова, пишет везде «достославная»).

Впрочем, несмотря на все эти недостатки, давно ожидавшийся перевод книги Бера заполняет тот пробел — по истории английского социализма, который остро чувствовался всеми учащимися, и послужит ценным пособием по истории социализма вообще.

Предисловие Ротштейна, выясняя своеобразную эволюцию во взглядах Бера и отмечая ошибки его теоретических взглядов и исторического изложения, делает необходимые коррективы и дополнения.

Издана книга опрятно, но в ней есть одна досадная особенность, которая сильно мешает при чтении: это — *полное отсутствие оглавления*. Повидимому, оно будет при второй части, которая во многих отношениях интереснее первой и с выходом которой в свет следовало бы поторопиться.

Б. Горев.

КАРЛ МАРКС. Замечания на программу Германской Рабочей Партии («Критика Готской программы»). С вступительной статьей Карла Корша и 4 приложениями. Перевод с немецкого Н. А. Алексеева. Государственное Издат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 97.

«Критика Готской программы» — одно из мало распространенных произведений Маркса. Она была написана по поводу проекта программы, на котором сошлись лассалеанцы и эйзенахцы в 1875 г. при объединении на съезде в г. Готе. Рукопись «Критики», посланная Марксом вместе с письмом Вильгельму Браке, оставалась неопубликованной и впервые увидела свет в 1891 г. согласно настойчивому требованию Энгельса и вопреки сопротивлению оппортунистических вождей германской социал-демократии. Оппортунисты—фальсификаторы марксизма, конечно, не могли желать, чтобы та яркая и резкая критика оппортунизма, которая содержится в «Критике Готской программы» получила широкое распространение. Тем более заинтересованы в распространении ее — коммунисты.

Несмотря на небольшие размеры брошюры — всего около 2 печатных листов — в ней затронуто много серьезных теоретических вопросов. Между прочим, имеются разъяснения по вопросу о переходе к коммунизму. Говорится вполне определенно и ясно, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, в котором государство не может быть не чем иным, как революционной диктатурой пролетариата».

Критика направлена против неправильных теоретических положений Лассаля. Еще в письме от 12/VI-1863 г. Маркс писал Энгельсу, что, если дойдет до полемики с Лассалем, придется «показать публике: 1) как и где он у нас

списал; 2) как и где мы отличаемся от его пустяков».

В «Критике» разъясняется неправильность положений Лассаля о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы представляют одну реакционную массу; разъясняется неправильность так называемого «железного закона» заработной платы, упрощающего дело. В действительности законы, регулирующие заработную плату, сложнее. Разъясняется неправильность требования государственной помощи производительным товариществам рабочих, когда это требование выставляется главным и единственным. Указывается на неправильное отношение Лассаля к международному рабочему движению.

Разбирая эти положения и неправильные формулировки программы, Маркс делает много замечаний, освещающих ряд различных теоретических вопросов. Так, напр., на стр. 51—52 дается схема хозяйства общества. На стр. 55 — 57 имеется ряд замечаний о праве. Даются также весьма важные разъяснения по вопросу о государстве (стр. 67, 68 и др. в той части, где разбираются демократические требования программы).

В приложении к брошюре помещен самый текст Готской программы и два интересных письма Энгельса к Бебелю по поводу той же программы. В одном из них мы находим объяснение, почему Маркс и Энгельс тогда же не выступили с критикой этой программы в печати. «Ослы буржуазных газет,—писал Энгельс Бебелю 12 октября 1875 г., — приняли эту программу совсем всерьез, прочли в ней то, чего в ней нет, и истолковали ее на коммунистический лад. Рабочие, повидимому, поступают так же. *Только это обстоятельство* и позволило Марксу и мне не отречься публично от такой программы. Пока наши противники, а также и рабочие, вычитывают из этой программы наши взгляды, нам позволительно хранить молчание».

В вводной статье Корша даются некоторые пояснения, исторические справки и указывается на важнейшие места брошюры.

В. Адоратский.

МАКС АДЛЕР. Марксизм, как пролетарское учение о жизни. Пер. с нем. под ред. и с предисл. И. А. Давыдова. Кн-во т-ва «Книга». Петроград — Москва. 1923 г. Стр. 53.

Автор пытался дать популярное изложение марксизма, на самом же деле он дал не изложение марксизма, а его идеалистическое извращение. М. Адлер сохраняет марксистскую терминологию, но о самой сути, о самом важном не говорит ни полслова. Во 2-й главе он заявляет, что «истинным исходным пунктом учения К. Маркса является: *понятие обобществленного человека* (стран. 19). У идеалиста исходным пунктом действительно является понятие. Маркс требовал, чтобы исходили из изучения общества в его конкретной действительности и отсюда уже объясняли понятия. «Из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть действительно материалистический, — следовательно, научный метод». (Маркс, «Капитал», т. I, гл. XIII, примеч. 89).

М. Адлер остается на идеалистической точке зрения, несмотря на свою марксистскую фразеологию. На стр. 46 он определяет класс как «совокупность людей, объединенных в одно внутреннее единство благодаря общим интересам». Говоря о сознании этих интересов, он ни одного слова не говорит о том, чем эти интересы определяются. Самую борьбу классов Адлер понимает идеалистически: «всякая борьба угнетенного класса,—пишет он на стр. 47,—не есть простое проявление грубой силы, а с того момента как этот класс начинает вести ее сознательно в целях своего освобождения... борьба эта становится вместе с тем *борьбой за право*, борьбой за победу морали и разума. Поэтому *во всякой классовой борьбе стремящийся вперед класс необходимо становится носителем этического и разумного прогресса*». Подобной моральной болтовни хоть отбавляй, и на ряду с этим ни полслова о диктатуре пролетариата, как о главном условии его освобождения.

«Не только внешние условия должны созреть для социализма, *что выполняется экономическим развитием капитализма*,— для социализма необходима так же ин-

теллектуальная, моральная и политическая зрелость человека» (стр. 53).

Изображенный таким образом ход развития совершенно не отвечает тому, что происходит в действительности. При капитализме, т.-е. под властью капиталистов, «внешние условия», иначе говоря, материальные предпосылки социализма *не могут* созреть так, как это нужно пролетариату. Такой зрелости они могут достигнуть только при условии пролетарской диктатуры. Говорить о том, что капитализм сам подготовляет социализм, ничего не говоря о необходимости завоевания пролетариатом политической власти,— это есть злейшее извращение марксизма. Важнейшей задачей пролетарской диктатуры является создание материальных условий, необходимых для коммунистического строя.

Настоящую брошюру ни в каком случае нельзя рекомендовать как источник для ознакомления с идеями марксизма.

В. Адоратский.

С. Я. ВОЛЬФСОН. Великий социалист. Краткий очерк жизни Г. В. Плеханова. Изд. 2-е. Гос. Изд. Белоруссии. Минск. 1922 г. Стр. 81.

ЕГО ЖЕ. Вокруг Плеханова. Изд. Балтрестпечать. Плехановская литература за 1922 г. Минск. 1923 г. Стр. 99.

«Тяга к Плеханову», как выражается автор указанных в заглавии брошюр, вызвала в числе прочих книг о великом русском социалисте и книжечки С. Я. Вольфсона, которые и являются показателем того огромного интереса, какой возбуждают ныне сочинения Плеханова. В первой брошюрке дается краткий биографический очерк и бегло очерчивается значение Плеханова для международного и в особенности русского пролетариата. Брошюрка написана хорошо, в каждой строчке ее сквозит любовь к Плеханову, хотя не замалчиваются и его ошибки. От маленькой книжечки С. Я. Вольфсона нельзя, конечно, требовать всесторонней характеристики великого нашего учителя, но все же необходимо указать, что одна черта работы и деятельности Г. В. Плеханова как-то слабо очерчена автором в общем очень дельной и хорошей книжечки: не указана, не подчеркнута огромная просветительная роль Г. В. Плеханова вообще для России. Г. В. Плеханов, так хорошо понимавший другого великого русского просветителя Н. Г. Чернышевского, сам был величайшим русским просветителем. И это происходило, во-первых, потому, что он являлся и является доселе замечательным идеологом самого передового класса в России—пролетариата, и, во-вторых, еще и потому, что Плеханов был одним из самых просвещенных и образованных людей нашего времени не только в России, но и во всем мире. Если прибавить к этим двум качествам огромный литературный талант, то перед нами налицо все качества, необходимые для того, чтобы быть величайшим просветителем своего времени. Девятнадцатый и начало двадцатого века в России и отмечены такими незабываемыми именами: Белинский, Чернышевский, Плеханов.

Работы Плеханова по русской литературе, по истории русской общественной мысли связывают Плеханова с его предшественниками—просветителями прошлого.

Очень хорошо оттенено в брошюре Вольфсона значение философских работ Плеханова, зато деятельность последних лет оттенена бледно. Нужно разъяснить молодому поколению причины этих ошибок, чтобы знало это молодое поколение, в чем Плеханов велик и незаменим и в чем он являлся сыном того поколения, которое не могло приять на практике тех самых выводов, к каким вела вся деятельность Плеханова до войны.

Вторая брошюрка С. Я. Вольфсона является указателем литературы о Плеханове за 1922 г. Брошюрка не бесполезна, тем более, что в ней приводится, и довольно подробное, содержание перечисленных статей о Плеханове. Это, без сомнения, не подробная библиография (как, напр., книга Тер-Ваганьяна) о Плеханове, но за всем тем книга полезная и нужная не только для изучающих специально Плеханова, но и для желающих лишь ознакомиться более подробно, чем обычно, с жизнью и творчеством основателя русск. соц.-демократии.

В. И. Невский.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА.

1. А. МАРТЫНОВ. Распад капиталистической Европы и Коммунистич. Интернационал. *М. Зелйкман.*—2. М. ЭРЦБЕРГЕР. Германия и Антанта. *В. Виленский (Сибиряков).* 3. Ж. КАЙО. Куда идет Франция? Куда идет Европа? *Ц. Фридлянд.*—4. Е. В. ТАРЛЕ. Три катастрофы. *С. Членов.* — 5. М. ПАВЛОВИЧ. Борьба за Азию и Африку. *М. Брагинский.*

А. МАРТЫНОВ. Распад капиталистической Европы и Коммунистический Интернационал. Изд-во «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 42.

Настоящая брошюра содержит доклад, сделанный т. Мартыновым на всегрузинском съезде членов С.-Д.Р.П. (меньшевиков) Грузии 26 августа 1923 г. Автор в своей брошюре проводит мысль, что советская система хозяйства открывает перед человечеством завесу будущего, в то время, как капиталистический Запад вступил в старческий возраст и дряхлеет с каждым днем.

Ростки будущего т. Мартынов уже сейчас находит в обстановке СССР. Первые побеги этого будущего автор видел на осенней всесоюзной сельско-хозяйственной выставке. Вот как он это выражает: «Когда я смотрел на эту выставку, мне казалось, что предо мной открывается завеса будущего коммунистического строя нашей Советской республики». А немного дальше автор проводит следующую параллель между оживающей пролетарской Россией и отмирающей буржуазной Европой. «Это, товарищи, восходящее солнце социализма на Востоке Европы. А на Западе, в капиталистической Европе, вы в то же время видите закат, упадок и развал старого капиталистического мира» (стр. 6).

В главе «Экономический упадок капиталистической Европы» автор подробно останавливается на анализе послевоенного мирового хозяйства и приходит к выводу, что мы переживаем теперь не капиталистический кризис, а кризис капитализма. Дальнейшее существование капитализма «становится уже препятствием для роста производительных сил» (стр. 12). А в этот период, когда каждое капиталистическое государство цепляется за свое существование, противоречия между капиталистами разных стран и капиталистическими объединениями разных групп растут, множатся и неизбежно ведут к вооруженным столкновениям. В III и IV главах автор подробно останавливается на противоречиях и разногласиях в среде самих союзников и между союзниками и другими государствами и приходит к следующему заключению: «Подводя итоги, мы можем сказать: капиталистическая Европа разваливается, капиталистическое хозяйство Европы бессильно преодолеть кризис, порожденный войной, и состояние его, чем дальше, тем больше ухудшается. На фоне этого экономического упадка развивается политический разврат. Вчерашние союзники, вовлекшие народы в мировую войну, суля им, что это будет последняя война, что после уничтожения германского капитализма наступит долговечный мир, не успевши еще окончательно растерзать свою жертву, уже готовят новые войны друг против друга» (стр. 28 — 29).

В последующих главах автор останавливается на контр-революционной роли 2 и 2½ Интернационалов, анализирует в кратких словах причины, породившие фашизм, и приходит к выводу, что роль руководителя борьбою международного пролетариата за свержение буржуазии может взять на себя только Коминтерн, который правильно поставил проблему современной эпохи в то время, как 2 и 2½ Интернационалы напрягли, а теперь, слившись вместе, напрягают все свои силы, чтобы спасти капитализм. По этому поводу автор справедливо замечает: «Когда капиталистический мир созрел для своей гибели, задача пролетариата не в том, чтобы его спасать, а в том, чтобы его бить, убить и похоронить. Эту задачу себе поставил III Интернационал, правильно оценив-

ший современное историческое положение».

Следует отметить, что брошюра издана хорошо, но опечатки, по обыкновению, встречаются. Изложение довольно популярное, но упоминание лишь мимоходом о массе фактов международного характера (особенно в III главе: «союзники предают друг друга») предполагает у читателя основательное знакомство с важнейшими событиями политического и дипломатического характера в послевоенный период. Это делает брошюру менее доступной для рядового читателя из рабочей среды.

М. Зеликман.

М. ЭРЦБЕРГЕР. Германия и Антанта. Мемуары. Перевод с немецкого Е. Федотовой, с вводной статьей В. Кряжина. Стр. 357. Гиз. М.—П. 1923. 7000 экз.

Эрцбергер, несомненно, любопытная фигура империалистической Германии. Бывший народный учитель, он превратился в вождя католической партии центра и, опираясь на значительные массы мелкой буржуазии Германии, долгое время играл крупнейшую роль в политической жизни страны.

В начале мировой войны Эрцбергер усиленно работал по организации иностранной пропаганды, а когда наступила трагическая минута развязки мировой войны, он явился самым ярким сторонником безоговорочного принятия Версальского договора.

Немудрено, что мемуары этой своеобразной политической фигуры Германии прошлого должны представлять для нас огромный интерес, ибо в них мы находим многое из того, что было от нас скрыто в тайниках правящих классов Европы времен империалистической войны. Эрцбергер был связан с Ватиканом и католическим двором Габсбургов — это ему давало возможность быть осведомленным в целом ряде событий международной политической жизни. Комбинации Ватикана, условия вхождения Италии в войну — эти моменты нашли свое описание в мемуарах Эрцбергера.

Но наиболее интересными в мемуарах Эрцбергера являются страницы, посвященные описанию той «борьбы за мир», которая велась в последние месяцы существования монархической Германии. Здесь интересна роль социал-демократов в освещении Эрцбергера, равно как и характеристики Вильгельма, Людендорфа, Макса Баденского и других персонажей империалистической Германии.

С другой стороны, мемуары Эрцбергера интересны еще как психологический документ, рисующий ужас и страх признанного вождя мелкой буржуазии перед пролетарской революцией (большевизма). Именно этот страх перед пролетарской революцией заставляет Эрцбергера вести кампанию за принятие Версальского мира; именно поэтому он говорит во время уличных боев в Берлине: «если бы союзники потребовали образовать общий фронт против большевиков, я могу подписать такое соглашение». Эти слова Эрцбергер говорит не кому иному, как верховному командованию.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Ж. КАЙО (бывший французский премьер). Куда идет Франция? Куда идет Европа? М.—П. Госиздат. 1923 г. Стр. 208.

Капиталистическую Европу пытаются спасти ряд буржуазных идеологов. Среди них Ж. Кайо принадлежит к наиболее пессимистически настроенным, а потому и более радикальным. Возможно, что личная судьба бывшего премьера Франции — причина его революционности... То, что Европа переживает, по мнению Кайо, уже не кризис: «потому что этот термин характеризует только временное положение вещей, но *всеобщий хаос* (курсив наш. *Ц. Ф.*), происходящий от бездарности и непонимания самых элементарных экономических истин». Против этого хаоса следует бороться не частичными мерами: «агония или худосочие, новое варварство неизбежно, если европейские народы побоятся *революционного* сближения». Но о какой революции идет речь? Кайо—враг власти «анархического

феодализма», как он называет нынешние правительства Европы; он против коммунизма, который хочет все опрокинуть, ему нужен строй без привилегий, то полное обновление, о котором мечтают «либералы, радикалы, радикал-социалисты, социалисты, все те — как бы они в разных странах ни назывались, — кто изо всех сил борется с реакцией и хотели бы предупредить революцию... насильственную». Ж. Кайо интересует судьба *среднего класса*, который, как буржуазия, противопоставляется им плутократии и пролетариату. Этот класс являлся основой для политического и экономического режима Англии и Франции и являлся краеугольным камнем социального здания Германии. Этот класс гибнет. Исследовать причины и найти пути его спасения — такова задача Кайо. Автор — прозревший мелкий буржуа. Идеолог класса, весь духовный мир которого соткан из иллюзий, зовет к отказу от них. «Откинем занавес и обнаружим действительное положение вещей», восклицает Кайо. Уже в самой постановке вопроса нечто новое.

Безусловно наиболее интересные страницы книги посвящены анализу и оценке новой аристократии капитала. Финансовая, родовая, промышленная и торговая аристократия — заговорщики против мира и порядка. Эти круги, «чувствуя свое положение поколебленным, искали исхода в провоцировании всемирных потрясений». Только они и использовали войну: «это была оргия барышей»! После войны Европа создала «небоскребы» среди развалин. Вся финансовая политика с 1914 г., а особенно с 1917 г., находится в руках плутократии. Европой управляют «капитаны промышленности и все, связавшиеся с ними, искатели наживы, волки и шакалы, вернувшиеся с полей сражения с запачканной в крови пастью — хозяева Европы». Кайо идет дальше, он утверждает, что в Европе господствуют бургграфы. «Вожди трестов — это герцоги и графы современности». Феодализм возродился в полной мере. Что сделал он с Европой? Об этом свидетельствует неслыханный рост госдолга: в 1800 г. он был равен — 15 мрд. фр.; 1815 — 35 мрд., в 50 гг. XIX в. — 41 мрд.; в 1875 — 110 мрд. и 1914 г. 220 мрд. Ныне долг—1500 мрд. фр. Из этой суммы на долю Франции приходится 300 мрд. фр.

Вот анализ экономического положения Европы: «в то время, как коммерсант испытывает затруднения от скопления товаров, которых некуда девать, промышленность, под давлением «стачки» потребителей, вынуждена сократить производство, чтобы избежать банкротства». Но тем самым растет безработица, сокращается потребление, а за ним и производство: Европа попадает в тупик. Благодаря Версальскому миру она составлена из «обрывков индустрии», которые безрезультатно стремятся воссоединиться. Этот разрыв хозяйственных связей — источник многочисленных конфликтов. Разве можно избежать их, когда Германия владеет углем, а Франция—железом? Вместе с окончанием войны Европа углубила основное противоречие своей экономики: стремление к меркантилизму теперь более чем когда-либо сочетается с воинствующим империализмом. На базе подобных противоречий нет возможности восстановить хозяйство Европы...

Но прежде всего — финансовая проблема. Разрешить ее—это значит спасти Европу, утверждает Кайо. Как идеолог средних слоев, особенно чувствующих удары финансовой депрессии, он, подобно им, не может отрешиться от «валютного фетишизма», который скрывает корни разрухи: распад хозяйственных и социальных связей Европы. Значение экономической критики Кайо достаточно подчеркнуто М. Павловичем в предисловии, мы поэтому ограничимся только этими краткими замечаниями.

Любопытна последняя часть книги, где Кайо пытается набросать план государственной организации Европы. Ему ясен крах парламентаризма, но он не может примириться с ролью государства в построениях Ратенау. Он хочет: «сохранить парламентские установления, оставив им лишь политические права, лишь верховный контроль, вверить новым организациям управление всем госхозяйством, *создать*, словом, *синтез между западной демократией и русским советизмом*». Важно отметить, что здесь дана лишь новая формулировка той

задаче, разрешение которой занимает и О. Шпенглера («Пруссачество и социализм») и Ратенау («Новое государство»). Но, если Шпенглер разрешает ее как *юнкер*, а Ратенау — как капитан *индустрии*, то Ж. Кайо дает нам формулу *мелкого буржуа*.

Ц. Фридлянд.

Е. В. ТАРЛЕ. Три катастрофы. Издат. «Петроград». 1923 г. Стр. 64.

Небольшая книжка проф. Тарле посвящена проблеме исключительного интереса и значения: вопросу о судьбах Германии. «Три катастрофы» — это три военных разгрома, закрепленных в трех мирных договорах: Вестфальском (после 30-летней войны), Тильзитском (после разгрома Пруссии Наполеоном) и Версальском.

Эти три роковых эпохи в жизни Германии дают Е. В. Тарле материал для интересных сопоставлений, на фоне которых положение современной Германии вырисовывается в своем подлинном безысходном трагизме.

Мы позволим себе процитировать заключительные слова книжки проф. Тарле, в которых он резюмирует ее содержание.

«Из трех катастроф, пережитых Германией за всю ее историю, Версальский мир представляется самой глубокой и мрачной; историческая обстановка, в которой осуществляется Версальский мир, тяжелей и безнадежней для Германии, чем историческая обстановка, бывшая после Вестфальского и после Тильзитского мира; если Версальскому миру суждено существовать, то Германия, как самостоятельная держава, прекратит свое бытие».

Интересно задуманную и хорошо выполненную работу Е. В. Тарле можно рекомендовать широкому кругу читателей.

С. Членов.

МИХ. ПАВЛОВИЧ. Борьба за Азию и Африку. Изд. Всеросс. Науч. Ассоц. Востоковедения при Н. К. по делам Национальностей. М. 1923. Стр. 229.

Книга тов. Павловича представляет переработку двух вышедших в 1918 г. книг его, посвященных изучению африканской и азиатской проблем. Дополненная новыми главами, настоящее издание доводит изложение событий до июля 1923 года.

Совершенно основательно придавая огромное значение этим двум проблемам, сыгравшим крупнейшую роль в происхождении мировой войны, автор подвергает каждую из них тщательному и строго-научному исследованию и каждой из них отводит в книге особое место. Книга т. Павловича распадается на две почти равные части. В первой (стр. 1—109) идет речь о борьбе за раздел Азии; во второй (113 — 229) — о борьбе за раздел Африки. После краткого очерка японо-китайской войны 1894 — 95 гг. и ближайших ее последствий, т. Павлович уже со второй главы переходит к исследованию первой из своих тем—«борьбы за Малую Азию и раздел Турции». В начале же своего исследования автор формулирует один из своих основных тезисов, а именно: «Поскольку речь касается русско-германского конфликта, сыгравшего колоссальную роль в нынешней мировой войне, несомненно, что роль первопричины *русско-германской войны* сыграл именно ближне-восточный вопрос» (35). И дальше, на протяжении всей первой части книги автор, шаг за шагом, путем строго объективной оценки фактов и анализа соответствующих документов, а также путем подробного и последовательного рассмотрения взаимоотношений великих европейских держав и их империалистических устремлений, постепенно вскрывает реальное содержание формулированного им тезиса. Факты и соображения, приводимые автором в пользу своего тезиса, настолько вески и убедительны, что читатель не может не признать правильности выставленного тезиса, как логического вывода из предшествующего исследования. Тов. Павлович уделяет много места империалистическим планам Германии

относительно Турции и возникавшим в связи с этими планами русско-германским конфликтам. Среди этих планов особое значение приобрел грандиозный план великого рельсового пути Гамбург—Берлин—Багдад, сильно соблазнявший германских металлургистов, в виду предстоявших им многомиллионных заказов на рельсы, вагоны, локомотивы и т. д. Этот рельсовый путь, которым предполагалось прорезать всю Малую Азию, должен был служить военно-стратегической дорогой, дававшей возможность связать разрозненные части Оттоманской империи, раздел которой за последние 15 лет, накануне войны, Германия считала для себя невыгодным и всячески старалась отдалить этот раздел до того момента, когда Турция, как полагала она, должна будет целиком попасть к ней в руки. Багдадская дорога и должна была служить одним из важнейших факторов, подготовлявших и приближавших этот столь желанный империалистической Германии момент.

Рука об руку с немецкими металлургистами, толкавшими германское правительство на путь железнодорожного грюндерства в Малой Азии, выступает и «Немецкий Банк», за спиною которого стоит тот же металлургический трест. Этот банк основал в 1888 г. «Немецкое Общество Анатолийских железных дорог» и получил концессию на проведение рельсового пути по Малой Азии до Ангоры с обещанием дальнейших концессий до Багдада. Эта концессия, положившая начало новой эпохе во внешней политике Германии, приводит вместе с тем к обострению русско-германских отношений.

Останавливаясь подробнее на этой стороне проблемы, т. Павлович окончательно разрушает одну из ходячих легенд, сводившую весь смысл мировой войны к соперничеству между Германией и Англией. Не отрицая крупного значения этого соперничества в истории мировой войны, т. Павлович подчеркивает, однако, что соперничество России с Германией и Австрией из-за гегемонии в Оттоманской империи и на Балканах сыграло колоссальную роль. Россия и Германия именно и были главными действующими лицами в том споре из-за раздела турецкого наследства, который явился одной из основных причин разразившейся в 1914 г. мировой катастрофы. Автор приводит ряд важнейших тайных документов (стр. 60 — 72), неопровержимо показывающих, что планы захвата Константинополя разрабатывались царской Россией еще с 1896 г., и потому-то она так враждебно относилась к германскому проекту Багдадской дороги, которая должна была усилить Турцию и таким образом помешать осуществлению империалистических вожделений царской дипломатии.

На дальнейших страницах первой части своей книги т. Павлович говорит о событиях нашего времени: о героической борьбе турецкого народа за возрождение своей страны, разоренной и порабощенной державами Антанты, о Муданском совещании, о Лозаннской конференции, о проливах, о столкновении интересов Англии и Франции, о позиции России в Лозанне

Если первая часть книги т. Павловича трактует вопросы, в достаточной степени известные даже и массовому читателю, то во второй части—борьба за Африку—речь идет о вопросах далеко не столь общеизвестных, а для молодых читателей наших дней, пожалуй, и совершенно незнакомых. Между тем вопросы эти полны самого животрепещущего интереса, и мы не сомневаемся, что эта часть книги будет прочтена многими с величайшим вниманием.

Если империалистическая политика уже в Азии, гораздо более доступной внешнему контролю, чем Африка, показала себя в достаточной мере разнузданной и жестокой, то на черном материке, среди негритянских, полудиких, невежественных народцев, грабительские и разбойнические инстинкты рыцарей капитала не знают никаких преград. Достаточно прочитать хотя бы только первые две страницы первой главы этой части книги «Трагедия черного континента», чтобы сразу же получить представление о той зловещей и пагубной для обитателей Африки миссии, какую выполняют там европейские и американские «цивилизаторы». Поэтому и колониальная политика, столь усердно насаждавшаяся на африканском континенте европейскими капиталистами, ни-

где не проявила себя с таким наглым бесстыдством, как именно здесь. Как в азиатской колониальной политике, и в африканской колониальной политике выдающуюся роль играет вопрос о рельсовых путях, тем более, что Африка не обладает удобными естественными путями сообщения. Как в Азии, и в Африке рельсовые пути служат источником колоссальнейшего обогащения для металлургических трестов. Начиная с последней четверти минувшего столетия до мировой войны, Англия, Франция и Германия, ведущие между собою борьбу на черном континенте, выдвинули свои отдельные проекты грандиозных африканских рельсовых путей.

Германия, как известно, занимала в Африке, как колониальная держава, четвертое место. С таким положением немецкая буржуазия никак не могла примириться и всеми мерами побуждала правительство кайзера добиваться для Германии в Африке более почетного положения. С этой целью Германия стремилась, во что бы то ни стало, овладеть бельгийским Конго. Но против этих притязаний выступило, разумеется, прежде всего, само бельгийское правительство, которое готово было скорее вступить в союз с Францией и Англией и вовлечь свою страну в мировую войну, чем уступить Конго немцам. А на ряду с Бельгией планам Германии энергично противодействовала и Англия, имевшая собственные виды на бельгийское Конго.

С другой стороны, Франция, опасавшаяся чрезмерных аппетитов Германии, всякими уступками стремилась побудить немцев к отказу от своих притязаний на Марокко. Однако, Германия не была намерена без боя отдать Франции эту богатую железными рудниками область. И здесь против Германии выступала не одна только Франция, но и Англия, считавшая для себя опасным допустить Германию к северному побережью Африки. Таким образом, «вопрос о Конго и Марокко сыграли,—говорит т. Павлович,—громадную роль в происхождении мировой войны». Путем подробного исследования колониальной политики мировых держав в Африке и постоянно нараставших конфликтов между ними, автору и на этот раз блестяще удается доказать правильность вышеприведенного и подчеркнутого им тезиса. Вопросу о Марокко посвящено большинство страниц второй части его книги. Особенно интересны и поучительны те страницы, на которых выясняется гибельное влияние колониальной политики французского правительства, ведущей к экономической и политической деградации страны.

Повторяем, что эта вторая часть книги т. Павловича прочтется с величайшею пользою многими читателями, которые извлекут для себя из нее много нового и поучительного.

Большое число карт, приложенных к книге, значительно облегчает читателю понимание и усвоение текста книги, написанной, как и другие книги того же автора, простым и вполне доступным языком.

К книге приложены также весьма важные дипломатические документы.

М. Брагинский.

ЛИТЕРАТУРА О ГЕРМАНИИ.

1. КЕТЭ ПОЛЬ. Германия накануне Октября. *М. Брагинский.*

КЕТЭ ПОЛЬ. Германия накануне Октября. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 211.

В последнее время литература, посвященная крупным событиям, развернувшимся в Германии, стала заметно множиться. Не говоря уже о газетных и журнальных статьях, мы располагаем теперь, правда, еще не особенно значительным числом отдельных изданий, дающих более или менее углубленный анализ и оценку современного револю-

ционного движения в Германии. Новая книга т. Кетэ Поль окажется не только не лишней, но займет свое особое, хотя и скромное, место среди ранее появившихся книг, близких ей по содержанию.

«Германия накануне Октября» не есть ни объективно научное исследование, подобно книгам т. Павловского «Банкротство Германии» и «Быть ли Германии колонией», ни произведение агитационной публицистики, наподобие известных брошюр т. Радека, о которых мы уже дали отчет в предыдущем номере «Печати и Революции». Для этого автор не обладает ни достаточно широкой эрудицией, ни ярким публицистическим темпераментом. Но все же у автора имеется довольно обильный запас сведений о многих из крупнейших событиях, совершающихся в Германии, и, делясь этими сведениями с читателем, он не довольствуется чисто описательным изображением положения в Германии, но при оценке наиболее важных моментов этого положения вводит читателя также и в анализ экономических и исторических предпосылок, подготовивших их.

Нельзя, однако, сказать, чтобы автор целиком выполнил свою задачу. Книга его страдает весьма существенными пробелами, в чем он, впрочем, и сам сознается. «Целый ряд остальных вопросов,— пишет Кетэ Поль в предисловии,—как, напр., международное положение в Германии, положение и роль крестьянства, очерки совершенно не затрагивают.—За недостатком времени и необходимых материалов, даже такие вопросы,—продолжает автор,—которым посвящены отдельные главы, как, напр., «Положение рабочих», «Оккупация Рура», «Распад социал-демократии», изложены далеко не полно».

Несмотря, однако, на эти недочеты, книга т. Кетэ Поль, представляющая собою ряд очерков о важнейших фактах и явлениях современной Германии и написанная притом вполне общедоступно, прочтется с большой пользою.

Свое изложение автор ведет в довольно широком плане. Начав с оккупации Рура, автор дает характеристику борющихся между собою сил революции и контр-революции, подробно говорит о положении рабочих, о фашистских организациях, о жизни и политическом настроении средних слоев, о различных пролетарских органах революционной борьбы (фабзавкомы, контрольные комиссии, красные сотни). Особая глава посвящена деятельности коммунистической партии, а также особая глава— процессу разложения германской социал-демократии.

Уже из одного частичного перечня трактуемых автором вопросов мы видим, что книга т. Кетэ Поль при всех ее недочетах дает читателю довольно богатый и разнообразный материал. Свои положения автор иногда подкрепляет цифровыми данными, часто иллюстрирует любопытными фактами, а иногда и опытом личных наблюдений. Автор, старающийся быть по возможности объективным, порой не в силах сдержать своего гнева против классовых врагов пролетариата и особенно против социал-демократов. К сожалению, он не располагает соответствующими искренности и глубине испытываемых им чувств способами их проявления, не находя настоящих слов, разящих противника точно удары бича, он изливает свой гнев в самых банальных выражениях вульгарной брани.

Но зато надо отдать справедливость автору: на протяжении всей своей книги он не упускает случая, чтобы не разоблачить ту или иную гнусность или подлую измену социал-демократов по отношению к рабочему классу; и в итоге у читателя остается впечатление о таком глубоком моральном падении и таком идейном вырождении некогда мощной партии, примеры которым трудно было бы найти в истории какой-либо политической партии нового времени. Закрепление в умах читателей этого, вполне соответствующего действительности, представления о немецкой социал-демократии является не малой заслугой автора книги.

Подобно почти всем ранее изданным книгам о Германии, и книга Кетэ Поль к моменту своего появления, разумеется, значительно отстала от ушедших вперед событий. Но все же, как живой очерк современного германского революционного движения, в пределах данного периода, книга сохраняет все свое зна-

чение в качестве полезного пособия для более осмысленной оценки относящихся к этому периоду событий. Приложенные к книге несколько карт и таблиц с пояснительным к ним текстом еще более усиливают ее ценность как пособия.

М. Брагинский.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

1. В. МИЛЮТИН. Новый период мировой экономики. *М. Зеликман.* — 2. «Рабочий Исследовательский Институт. Исследования о взаимоотношениях труда и капитала» *И. Звавич.*—3. І. Н. ОСИНСКИЙ. Мировой кризис сельского хозяйства. II. Проф. Н. КОНДРАТЬЕВ. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. *Ю. Спасский.* — 4. С. ДУБРОВСКИЙ. Очерки русской революции. *Ю. Вильдо.* — 5. К. Н. ГЛИНКА. Почвы России и прилегающих стран. *А. Бессер.* — 6. «Инструкция по счетоводству и отчетности для правительственных и административных учреждений С. С. С. Р.». *К. Злинченко.*

В. П. МИЛЮТИН. Новый период мировой экономики. Курс лекций по экономике переходного периода. Государственное Издательство. М.—П. 1923 г. Стр. 165. Цена 1 р. 50 к.

Экономика переходного от капитализма к социализму периода еще мало сравнительно исследована. Точнее говоря, еще не может быть сколько-нибудь глубокого исследования этой экономики, если подойти к анализу ее с точки зрения не фантастики, а учета опыта. Этот опыт проделан пока в одной лишь России. Автор напоминает, вскользь, правда, о советской системе хозяйства в Венгрии. Но венгерский опыт настолько был краток и так основательно стерт с лица земли восторжествовавшей реакцией, что не представляет сколько-нибудь значительного материала для изучения экономики переходного периода. Вся работа тов. Милютина основана поэтому на опыте российского пролетариата в послеоктябрьский период.

Разбираемая нами книга тов. Милютина представляет собою цикл лекций, читанных автором в высших учебных заведениях. И это оставляет некоторый след на работе, в которой местами материал слишком нагроможден (в особенности в I главе—«Развал капитализма»). Но в общем задача поставлена автором правильно, как он ее формулирует в предисловии, замечая, что он ставит «основные проблемы хозяйственной жизни в эпоху перехода от капитализма к социализму, перенеся центр внимания на положительные задачи, встающие в экономической области при диктатуре пролетариата». Эти положительные задачи автор совершенно правильно видит в достижении планового хозяйства после неизбежной дезорганизации всего производственного механизма, в период, непосредственно наступающий вслед за свержением буржуазии пролетариатом.

Тов. Милютин останавливается на главных моментах, пройденных Октябрьской революцией: 1) национализация средств производства, 2) организация управления национализированным производством, 3) организация рабочей силы, 4) использование и развитие техники при новой системе хозяйства, 5) проблема распределения и потребления, 6) финансовая проблема и 7) единый хозяйственный план. Все эти вопросы являются отнюдь не национального характера, но встанут пред пролетариатом любой страны на завтра, после завоевания пролетариатом власти. С этой точки зрения работа товарища Милютина крайне важна, потому что она трактует вопрос не абстрактно, теоретически, а базируется на учете конкретной обстановки советской действительности.

В вопросе об экспроприации экспроприаторов тов. Милютин останавливается на теории реформистов с Каутским во главе, отстаивающих национализацию средств производства посредством выкупа их у частных собственников. Автор в этом вопросе приходит к выводу, что экономически «выкуп» — бессмыслица, так как, с точки зрения интересов народного хозяйства, нет никакого расчета уделять значительную часть средств общественного хозяйства и передавать их отдельным частным лицам».

Изучение экономики переходного периода является таким важным для пролетариата вопросом, что интерес к нему не может ослабнуть ни на одну минуту. В этом отношении тема, затронутая еще раньше т. Бухариным (Н. Бухарин — «Экономика переходного периода»), а теперь в разбираемой книге т. Милютиным еще надолго останется вопросом текущего момента. Поэтому приходится пожалеть, что опыт советской России учтен в работе т. Милютина только до 1922 г., когда новая экономическая политика (т.-е. *та экономика, которая всерьез и надолго должна играть главную роль в переходе от капитализма к социализму)* едва лишь была введена. Все последующие работы по изучению экономики переходного периода должны, по нашему мнению, углубиться, главным образом, в анализ *роли НЭП'а при диктатуре пролетариата.*

Издана книга не плохо, четкий шрифт, брошюровка хорошая, но цена слишком высокая, недоступная для массового читателя. Непонятно, почему книжка в $10^1/_2$ листов, изданная на обыкновенной бумаге, должна продаваться за 1 р. 50 к. (золотом). Нужно приветствовать, что издательства переходят к обозначению цены на книге. Но это не значит, что цена может быть произвольно обозначена. На это следует обратить серьезное внимание и Госиздата.

М. Зеликман.

Labour Research Department. STUDIES IN LABOUR AND CAPITAL. Volume I. Labour and Capital in the Engineering Trade. London. 1922. 48 pp. Price 1/— Volume II. The Press. London. 1922. 48 pp. Price 1/— Volume III. Labour and Capital in Parliament. London. January. 1923. 64 pp. Price 1/.—

Рабочий Исследовательский Институт. ИССЛЕДОВАНИЯ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ТРУДА И КАПИТАЛА. I том. Труд и капитал в технической промышленности. Лондон. 1922. Стр. 48. Цена 1 шиллинг. II том. Печать. Лондон. 1922. Стр. 48. Цена 1 шиллинг. III том. Труд и капитал в парламенте. Лондон. Январь 1923 г. Стр. 64. Цена 1 шиллинг.

Издания Рабочего Исследовательского Института при английской рабочей партии представляют значительный интерес и выделяются своим чисто статистическо-научным характером среди другой английской литературы по рабочему вопросу. Рабочий Исследовательский Институт в рецензируемых трех томах, являющихся лишь начальными в задуманной большой серии исследований, ставил своей задачей статистическое освещение вопроса о взаимоотношении труда и капитала в различных отраслях английской промышленности и народного хозяйства после войны. Задачу эту, судя по вышедшим до сих пор трем томам, можно считать выполненной весьма удачно.

Наиболее интересным из вышедших до сих пор трех томов можно признать третий, посвященный современному английскому парламенту. Избранный в ноябре 1922 года английский парламент заключает в себе 347 консерваторов, 142 рабочих и кооператоров, 58 национал-либералов, 59 независимых либералов и одного коммуниста. Приводимая в сборнике (глава III) статистическая таблица с убедительностью показывает, насколько недемократична современная английская «демократическая» избирательная система. Английский парламент фактически представляет собой «подавляющее меньшинство» английского населения. За консерваторов на последних ноябрьских выборах

было подано 5.361.650 голосов, или 15.450 голосов на избранного члена парламента. Между тем 23.944 голоса дали одного члена парламента—коммуниста; 4.225.823 голоса — 142 рабочих (или 29.759 голосов на одного члена парламента); 1.542.109 голосов дали 58 избранных национал-либералов (или 28.132 голоса на члена парламента) и т. д. Помимо того, что теперешняя оппозиция, обладающая в парламенте всего лишь 260 голосами, представляет собой почти вдвое более голосов, чем правящая консервативная партия, характерно, что для того, чтобы в парламент попал один представитель рабочей партии, подано было почти вдвое более голосов, чем приходится в среднем на избранного консерватора. Таковы факты последней избирательной кампании.

Завоевание более или менее крупного числа мест для рабочей партии при современной избирательной системе в Англии возможно только в случае подавляющего большинства голосов. Избирательная система дает исключительное преимущество партиям, обладающим крупными средствами для ведения агитации и пропаганды. Понятны поэтому нападки буржуазных партий на партийные фонды рабочей партии, составляющиеся из ничтожных, и притом добровольных, взносов членов трэд-юнионов. Следует отметить, что партийные фонды других партий составляются часто благодаря источникам весьма мутным, в роде распродажи титулов и т. д.

Статистическая таблица на стр. 10 III тома дает представление о размерах интересов капитала в обеих палатах английского парламента. О чрезвычайно значительном числе членов парламента отсутствуют более или менее точные и проверенные сведения о размерах и размещении их капиталов. Тем не менее, и приведенные в сборнике данные о 255 членах палаты общин и 425 членах палаты лордов весьма показательны. Крупных земельных собственников в палате общин насчитывается 29, в палате лордов—242. В банковом деле, страховых обществах и всякого рода финансовых предприятиях заинтересованы (в качестве акционеров, владельцев или директоров) 113 членов палаты общин и 251 член палаты лордов. Целый ряд лиц является одновременно директорами и владельцами предприятий в самых различных отраслях промышленности. В общей сложности 255 членов палаты общин участвуют в предприятиях и акционерных обществах с капиталом в 1.930.968.194 фунта стерлингов. Для того, чтобы оценить размеры этой цифры, интересно будет отметить, что приблизительное исчисление суммы народного дохода в Англии в 1911 году [1]) (включая и % на вложенные за границу английские капиталы) дает всего 2090 миллионов фунтов стерлингов, или лишь на 160 м. ф. ст. больше капитала компаний, представленных вышеуказанными членами парламента.

Представительство капитала в парламенте не ограничивается, конечно, финансами и землевладением. Мы встречаем здесь, между прочим, 18 владельцев и акционеров газет; 24 члена парламента заинтересованы в железнодорожных предприятиях и т. д.

Организация предпринимателей для борьбы с «промышленной войной» (industrial warfare следует понимать, как борьбу с рабочим движением)—Федерация Британской Промышленности (Federation of British Industries—сокращенно F. B. I.)—включает в себя фирмы, с которыми связан интересами целый ряд членов палаты общин и палаты лордов. Соответствующий список, опубликованный в рецензируемом издании Рабочего Исследовательского Института на стр. 17—18, показывает, что в палате общин таких членов насчитывается 66; в палате лордов—71.

Ценный материал в сборнике собран и по вопросу о представительстве рабочей партии. Приложенная к книге карта дает представление о распределении рабочего представительства по районам. Благодаря, однако, сравнительной дешевизне книги, издательство не в состоянии было дать карту в красках, что позволило бы отметить распределение представительства по районам

[1]) *Arthur L. Bowley.* The Diwision of the product of Industry. Oxford. 1919. Clarendon Press.

и для других партий. С этой точки зрения избирательная карта для прежнего парламента, изданная газетой «Дейли Телеграф», представляет значительные преимущества.

Существенным недостатком III тома является ограничение поля исследования одним только последним парламентом. Приведение кое-каких наиболее интересных данных о представительстве труда и капитала при других составах парламента, хотя бы только за последние 20 лет, принесло бы значительную пользу.

Приложение к книге (стр. 39—64) дает точные сведения о предприятиях, акционерных обществах и размерах вложенных капиталов отдельных членов парламента. На ряду с «Who's Who in Parliament» издание Рабочего Исследовательского Института приобретает поэтому и значение справочника, необходимого при чтении парламентских дебатов.

I том издания Рабочего Исследовательского Института, посвященный технической промышленности (Engineering Industry and Trade) также особенно ценен благодаря приводимым статистическим данным, иллюстрирующим взаимоотношения труда и капитала в технической промышленности в послевоенное время. Исследование указанных выше данных показывает расширение капиталистической базы предприятий за годы войны. Ненормальные военные доходы подлежали значительному налоговому обложению. В числе всякого рода финансовых операций, преследовавших патриотическую цель—ускользнуть от обложения военных прибылей, излюбленной и наиболее обычной была выдача дополнительных акций и расширение акционерного капитала за счет накопляемых резервов. Таким образом, искусственно понижался отчетный процент дивиденда. Другого рода операции состояли в покупке дополнительных предприятий по высоким ценам, при чем акционеры «купленного» предприятия оставались акционерами нового. Такая покупка в отличие от обычного амальгамирования также давала возможность непропорционально расширить акционерный капитал. Значительная часть капитала была вложена в заграничные предприятия, особенно в нейтральных странах, где налоговое обложение было значительно слабее.

После кризиса 1920 года «прекрасные дни Аранжуэца», эпохи военных прибылей, миновали и для технической промышленности. Между тем расширение акционерного капитала не позволяло уменьшить размеры дивиденда: всякое подобное уменьшение грозило уже крахом всей системы. Дополнительные и преимущественные акции перешли уже в другие руки, и владельцы их уже не хотели считаться с тем, что за время войны то или иное предприятие давало ненормально высокие доходы. И, таким образом, те предприятия, которые при прежнем акционерном капитале давали бы более, чем обычный % прибыли, после войны оказывались не в состоянии удовлетворить аппетиты владельцев. Оставалось старое, испытанное средство — уменьшить заработную плату. Отсюда и локаут в технической промышленности в 1922 году. Локаут не был бы объявлен, если бы предприниматели не знали, что тяжелая безработица подорвала уже финансовое могущество трэдюнионов. Таким образом, безработица оказалась одним из козырей в руках предпринимателей [1]).

Можно только пожалеть, что составители II тома, посвященного прессе, не сочли возможным расширить несколько пределы своего исследования. Отдел о положении труда в печати остался почти совершенно неразработанным. Интереснее и несколько полнее отдел об организации газет и интересах капитала (стр. 7—35). С особенной тщательностью составители II тома остановились на интересах недавно скончавшегося лорда Нортклиффа (вернее, семьи Гармсворсов). Прибыль от основной газеты Нортклиффовского концерна — «Дейли Мейль» выражалась.

---

[1]) По вопросу о безработице см. вышедшую в 1923 г. книгу «The third Winter of Unemployoment» (изд. King and Son), представляющую собой коллективный труд ряда статистиков и экономистов Англии.

по данным II тома, в следующих цифрах (см. стр. 14):

	1906 год —	8%	прибыли
1907 — 1910	» —	10%	»
1911 — 1913	» —	12%	»
1914	» —	17%	»
1915	» —	12%	»
1916	» —	12%	»
1917	» —	15%	»
1918 — 1920	» —	20%	»

Приведенные выше цифры о доходах с одной только, наиболее крупной и вместе с тем наиболее желтой, газеты Нортклиффовского концерна представляют собой фактический комментарий к победному настроению нортклиффовской прессы во время и после мировой войны. Дело было поставлено на чисто хозяйственных основаниях.

Вместе с тем, однако, руководящие капиталистические группы готовы были, как явствует, например, из заявления одного из самых выдающихся организаторов капитала в Англии XX века, лорда Ронда (стр. 11), затратить значительную сумму денег на приобретение той или иной части прессы ради приобретения ее политического могущества.

Обилие статистических данных делает и этот том, как и два других, несмотря на его значительную неполноту, весьма важным и полезным справочником при изучении современного положения английской периодической печати, как одной из отраслей английского народного хозяйства в широком смысле.

И. Звавич.

Н. ОСИНСКИЙ. Мировой кризис сельского хозяйства. Москва. «Новая Деревня». 1924 г. Стр. 137.

Проф. Н. Д. КОНДРАТЬЕВ. Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта. Изд. Центросоюза. Москва. 1923 г. Стр. 52.

Тов. Н. Осинский пытается дать статистическую картину мировой сельскохозяйственной продукции в период минувшей войны и послевоенного времени до 1921 г. включительно. Автор тщательно пересмотрел и использовал статистический материал Международного Института Сельско-хозяйственной Статистики в Риме, дополняя римские данные сведениями Гаагского института, и там, где речь идет о России,—специально русскими источниками. Отдельные стороны мирового сельско-хозяйственного производства выявляются с неодинаковой выпуклостью. Лучше всего очерчены продовольственные и кормовые хлеба, а из специальных культур—хлопководство и в особенности сахарная индустрия. Дефицит хлебно-продовольственного и хлебно-кормового снабжения Западной Европы после войны обусловлен тремя важнейшими факторами: 1) выпадением России, до войны дававшей 32% всего хлебного импорта Зап. Европы. Соединенные Штаты и Канада только отчасти смогли заполнить ту брешь, которая в европейском хлебном бюджете образовалась вследствие исчезновения русского хлеба с западно-европейских рынков; 2) сокращением посевной площади Зап. Европы до 89,5% довоенного посева и, наконец, 3) понижением урожайности, опустившейся для ввозящей Европы до 85,8% довоенного уровня и несколько понизившейся (97%) даже в Северной Америке—этом главном поставщике хлеба для Европы и после, и во время войны. Все это вместе взятое сжимает хлебное снабжение 16-ти потребляющих европейских стран до 72% довоенного размера.

Менее отчетливо выступает продовольственная катастрофа Зап. Европы в области животноводства, отдельные отрасли которого сократились неравномерно за десятилетие 11—21 гг. Наибольшую убыль по числу голов испытало свиноводство — на 15%. На 13% сократилось число лошадей и только на 4% крупный рогатый скот. Красноречивый симптом скотоводственного оскудения мы имеем в значительном *росте* числа коз, которое увеличилось на 22%. Мясное снабжение капиталистической Европы на деле опустилось, конечно, много ниже, чем сократилось количество европейского скота. Это вытекает из до сей поры неизжитого глубокого кризиса в снабжении европейских стран кормовыми хлебами, что вле-

чет за собой невозможность интенсивного животноводства. Об этом же говорят и упорная дороговизна мяса на европейских рынках, и упадок европейского маслоделия, лишь в ничтожной степени компенсируемый заокеанским маслом. Усиливается, повидимому, роль суррогатов масла, каковы сало, маргарин.

Подробно останавливаясь на специальных культурах свекловицы и хлопка, тов. Осинский рисует яркую картину крушения европейской сахарной индустрии, уступившей место тростниковому — главным образом — кубанскому сахару. Хлопковый голод также угрожает Западной Европе. Львиную долю своего хлопкопроизводства Соединенные Штаты стремятся оставить у себя.

Выводы о будущем нашего сельскохозяйственного экспорта, делаемые тов. Осинским, отличаются осторожной недоговоренностью и насыщены чрезмерным пессимизмом. Автор переоценивает трудности, стоящие на пути восстановления нашего хлебного вывоза. Ведь столь хорошо известный автору сельско-хозяйственный кризис, свирепствующий в Северной Америке, должно учитывать как фактор, благоприятный победе русского хлеба. Наконец, возвращение к довоенному положению вывоза кормовых хлебов едва ли можно ставить целью длительной экспортной политики Советского Союза. Гораздо выгоднее вывозить корма в виде мяса и молочных продуктов.

Книжка проф. Кондратьева значительно уже своего заглавия. Проф. Кондратьев авторитетно утверждает, что «мир стоит под знаком... падающей покупательной силы хлеба», и что «в основе этого явления лежит относительное перепроизводство хлеба в отношении к спросу на него». Нам кажется, что такое объяснение слишком похоже на тавтологию. Таинственный взбалмошный спрос, почему-то отвернувшийся от хлебного потребления, слишком плохой компас для нашего аграрно-экспортного будущего. С этим плохо вяжется оптимизм автора, что «мировую депрессию мы не должны рассматривать, как фактор только неблагоприятный». Книжка проф. Кондратьева полезна как сводка более свежих данных по сравнению с трудом тов. Осинского. Интересны также сравнительные цены отдельных хлебов в первой половине 1923 г. для Европы и России.

Ю. Спасский.

С. М. ДУБРОВСКИЙ. Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. 2-е изд. Н. К. З. «Новая Деревня». М. 1923 г. Стр. 404.

Уже давно назрела потребность в книге, которая бы в более или менее систематическом и сжатом виде представила освещение материалов по аграрному вопросу в его историческом разрезе. «Очерки русской революции» тов. Дубровского могут в этом отношении явиться весьма полезным пособием для нашей вузовской и рабфаковской молодежи, а также для многих партийных и советских работников.

Задавшись целью вскрыть основные пружины революций 1905 и 1917 гг., тов. Дубровский прослеживает развитие помещичьего и крестьянского хозяйства (а также общее экономическое развитие России) до реформы 1861 г. и выявляет ее главные причины и последствия.

Этот анализ приводит к правильному выводу, что уже в самой «реформе» были заложены противоречия, настоятельно и неизбежно требовавшие своего разрешения, все более обострявшиеся во времени и тормозившие развитие капитализма, как в сельском хозяйстве, так, в значительной мере, и в промышленности, тяжелым балластом, тянувшим это развитие вниз, в виде остатков феодализма: отработков, голодной аренды, выкупных платежей и пр.

В своем исследовании,—не только аграрных отношений, но и их подоплеки, развития самого хозяйства, в частности экстенсивного крестьянского на пути к его интенсификации,—автор приходит к неизбежности революции 1905 года, как мощной попытки крестьянства сбросить с себя мертвящие путы помещичьей кабалы и гнета.

Следующим разделом идет период от 1906 г. до революции 17-го года, где оттеняется дальнейший упадок поме-

щичьего землевладения и хозяйства и анализируется попытка Столыпина создать помещичьему государству опору в лице кулацких хозяйств в деревне в борьбе с надвигающимся возмущением деревенских низов и городского пролетариата. Вместе с тем эти мероприятия правительства трактуются тов. Дубровским не только со стороны их ближайших политико-экономических выгод, но и вполне справедливо отмечается, что «правительственный поход против общины, ставка на крепкого мужичка,— была не чем иным, как отражением вполне выявившейся необходимости перехода деревни к капиталистическому хозяйству». Но и эта политика за короткий срок не привела к желанным результатам. «Насаждая хутора, правительство рассчитывало на две враждебные силы. Продавая земли крестьянам, оно хотело, чтобы при этом не пострадали помещичьи интересы, и потому неимоверно взвинтило цены на продаваемую землю, что затрудняло возможность создания крепкого зажиточного крестьянства и тем самым в значительной мере тормозило хозяйственное развитие». И в результате—несмотря на все эти меры, неизбежное, при данных полукрепостнических условиях, аграрное перенаселение, очень мало разрежаемое переселениями и слабо поглощаемое городской индустрией. «Стоит только посмотреть на соотношение между количеством земли и количеством населения, чтобы увидеть, что нужны были сверхкапиталистические меры, чтобы, с одной стороны, поднять производительность сельского хозяйства, а с другой—путем колонизации расселить избыточное население... Вот эта-то безвыходность кризиса делала из деревни постоянный вулкан, который грозил революционным извержением при первом глубоком потрясении народного хозяйства».

Война 1914 — 17 гг. и явилась тем «глубоким потрясением», которое получило свой резонанс в антипомещичьем революционном движении крестьянских масс. Но не только это. «Война значительно углубила пропасть между двумя крайними элементами деревни— между сельской буржуазией, которая прятала деньги в кубышках (и, прибавим, и до этого нещадно эксплуатировала бедноту) и массой деревенской бедноты, которая обрекалась на вымирание».

Далее следуют главы о февральской и октябрьской революциях и об аграрной политике Советской власти до НЭП'а и после, на чем мы останавливаться не будем.

Наибольший интерес по разработанности и изложению представляют главы до революции 17-го года. Можно также возразить против части, касающейся критики трудово-потребительской теории крестьянского хозяйства и «особых законов» развития сельского хозяйства. Необходимо было или вовсе опустить эти главы, или если помещать, то подвергнуть более обстоятельной и глубокой критике теоретические извращения народников и ревизионистов, а не ограничиться краткими и беглыми замечаниями.

Написана книга довольно живым языком и для несколько подготовленного читателя достаточно популярно.

«Очерки» тов. Дубровского усиленно рекомендуем и полагаем, что книга в недалеком будущем потребует и нового издания.

Ю. Вильдо.

К. Н. ГЛИНКА. Почвы России и прилегающих стран. Госиздат. М.—П. 1923 г. Стр. 348.

Роль изучения почвоведения в деле ведения сельского хозяйства всеобъемлюща, и только знакомство с учением о почве и понимание совершающихся в ней явлений даст возможность земледельцу правильно и разумно вести свое хозяйство. Это давно поняли культурные страны, затратившие много сил и материальных рессурсов для систематического изучения почвенного покрова; исследовательские институты в области почвоведения неустанно работают, чтобы в конечном счете суметь испытать почвы, найти наилучшие способы ухода за ними и оправдать французскую пословицу, которая гласит, что «нет плохой почвы, а есть плохой земледелец».

Труд К. Н. Глинки представляет собою первую серьезную попытку дать общую сводку данных о почвах России на основании имеющихся материалов как для территории Европейской, так и Азиатской России в прежнем, довоенном объеме и границах.

Объектом для сводки данных по Европейской России послужили труды русских почвоведов, изучавших отдельные губернии или части их с 1880 года по 1915 год без какой-либо общепринятой методики и твердо установленной, однородной терминологии, благодаря чему, напр., мало данных о почвах целого ряда губерний, были слабо изучены переходные полосы между подзолистой и черноземной зонами, нет исследований Витебской, Минской, Могилевской губерний и т. д.

Позднейшие исследования Азиатской России, начавшиеся с 1908 года по инициативе бывшего Переселенческого Управления и отчасти Отдела Земельных Улучшений Министерства Земледелия, носят более систематический характер, были объединены единым методом, общим руководством, почему общая сводка данных полнее выявляет характеристику почвенного покрова Азиатской России. Большая часть этого материала и по полевым и по лабораторным исследованиям обработана автором настоящего капитального труда.

Выделив пять типов или пять различных способов образования почв, резко отличающихся друг от друга: латеритный, подзолистый, степной, болотный и солонцовый с их переходными типами, которые располагаются закономерно, автор указывает, что каждый тип имеет свою полосу почвенной зоны, которые сменяют друг друга по направлению от полюса к экватору, и такие зоны называют горизонтальными; кроме них, наблюдаются еще вертикальные зоны, встречающиеся в горных странах, которые располагаются одна от другой от подошвы до вершины горы.

Из горизонтальных автором описаны зоны Европейской и Азиатской России: 1) тундровая, 2) лесная (таежная), 3) степная (черноземная), 4) пустынно-степная каштановая, 5) пустынно-степная бурая и серая.

В области равнинной Европейской России явления вертикальной зональности отсутствуют, они выступают на ее окраинах. К. Н. Глинка дает характеристику почвенных покровов отдельных горных областей С. С. С. Р.: Крыма, Кавказа, Урала, горного Алтая, Кузнецкого Алатау и горного Туркестана.

В конце книги приложен список литературы, дающий богатый материал для изучения вопросов о почвах Республики и их географии.

Д. Бессер.

Ц. К. Р. К. П. (б). Народный Комиссариат Р. К. И. Народный Комиссариат Финансов. ИНСТРУКЦИЯ ПО СЧЕТОВОДСТВУ И ОТЧЕТНОСТИ для правительственных и административных учреждений С. С. С. Р. Издание Н. К. Р. К. И. Москва. 1923 г. Стр. 103.

Чрезвычайно полезная, хорошо составленная инструкция эта с несомненной ясностью подтверждает общеизвестный теперь афоризм, что «Социализм есть учет», ибо без учета и правильной организации его невозможно не только коллективистическое производство, но и никакая государственная промышленность и торговля в переживаемый нами длительный период «новой экономической политики», никакое более или менее правильное общественное распределение предметов.

В книжке издания Н. К. Р. К. И. использован богатый материал не только Р. К. И. и Наркомфина, но, вероятно, и ревизионно-инспекторского аппарата В. С. Н. Х., с очень удачным выделением из всего материала самого существенного, с приведением его в сжатую, до пределов механического лаконизма, систему счетоводства и отчетности. Главное, это—*единообразие для всего государственного механизма*, если исключить, повидимому, неизбежное допущение всех трех систем счетоводства: двойной итальянской — в центре, двойной американской—в губерниях и камеральной—для хозяйств уездного масштаба.

Желательно было бы в центре и в губерниях установление одной из двух

первых систем, если невозможно ввести всюду более простую и совершенную—американскую.

По своей простоте эта последняя вполне годится и для уездов с их более ограниченными средствами.

Формы же книг, бланков, счетных документов и отчетности, приводимые во второй половине книги в детальной разработке,—*единообразные для всей федерации*, если исключить, конечно, разницу в формах некоторых счетоводных книг итальянской и американской систем.

Очень было бы хорошо, чтобы издавшие эту инструкцию учреждения составили бы еще одну не менее важную книгу—это *руководство по контролированию и инспектированию государственных промышленных коммерческих и торговых предприятий.*

Такая книга (также — инструкция) особенно необходима потому, что эта чрезвычайно важная область работы в С. С. С. Р. возлагается на рабоче-крестьянский элемент, как на фактического хозяина федерации, наиболее заинтересованного и в стройном ходе госмашины, и в продуктивности оборотов хозяйственно-производственного капитала, и в правильной постановке, а следовательно, и *выгодности* внутреннего и внешнего товарообмена. А для этого нужен и образцово поставленный учет и специализация во всех областях экономического процесса, а также нужны и знающие, хорошо инструктированные (по единообразной также линии) контролеры и инспектора.

Есть инструкторские школы, нужны еще и образцово составленные руководства *единообразной системы* (кроме особых инструкций учреждений) контролирования и инспектирования различных отраслей народного хозяйства, промышленности и торговли.

К. Злинченко.

РАБОЧЕЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

1. А. ЛОЗОВСКИЙ. Вопросы мирового профдвижения. *А. Чекин.* — **2. В. ГРИНЕВИЧ. «Профессиональное движение рабочих в России».** *А. Чекин.* — **3. И. А. МЕНИЦКИЙ. Русское рабочее движение и Р.С.-Д.Р.П. накануне войны.** *В. Владимирова.* — **4. А. ПАНКРАТОВА. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику.** *А. Чекин.*

А. ЛОЗОВСКИЙ. Вопросы мирового профдвижения. Изд-ство «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 54. Цена не указана.

Данная работа тов. А. Лозовского, представляющая собою перепечатку его доклада и заключительного слова по докладу на последнем (в июне 1923 г.) Пленуме Исполкома Коминтерна, служит яркой иллюстрацией того, насколько *быстро и радикально* меняется окружающая обстановка.

В самом деле. В период, в который тов. Лозовским делался его доклад, вопросы мирового профессионального движения могли быть суммированы двумя словами: борьба за единство. Так именно ставился вопрос и т. Лозовским, так именно ставился он и Пленумом, резолюция которого зафиксировала в ряде постановлений положение, что «рост нашего влияния в профсоюзах прямо пропорционален активности и решительности в нашей борьбе за единство». Но прошло пять с лишним месяцев, книжка Лозовского вышла в свет, а *борьба за единство рабочего класса* идет уже в сторону от борьбы за единство в профессиональных союзах—по крайней мере, поскольку речь идет о Германии. Германские союзы совершенно определенно стали самой прочной опорой реакции—это с достаточной очевидностью выявили германские события за октябрь—ноябрь 1923 г. Вместе с тем они *разложились*, перестали существовать как массовая организация. Мы теперь знаем, что «виновники»

движения в Германии существуют на треть своего прежнего заработка, так как кассы союзов пусты, что для поддержания хотя бы аппарата союзов Гомперс и его Американская Федерация Труда ассигнуют руководителям немецкого профессионального движения субсидии, как органам *борьбы* с коммунизмом, а сами союзы вынуждены постепенно распродавать свою обстановку, чтобы даже при этой поддержке не пережить финансового краха... *Массы уходят из союзов...* И на почве этого разложения германского движения—в Германии и в международном объединении профессиональных союзов возникает теперь стремление если не пройти мимо этого «гроба повапленного, трупа смердящего», то вызвать его радикальную перестройку путем решительной борьбы внутри движения...

Таким образом, как будто практическая директива, защите которой посвящена вся брошюра тов. Лозовского, ныне *отпадает. Стоило ли ее издавать?*

Но если мы знаем, что попытка дать в *прочном* виде изложение *тактических проблем мирового* движения, в силу стремительности развития событий, оказывается запоздалой, то значение брошюры Лозовского этим все же не умаляется. Правда, к ней нельзя теперь итти за указаниями относительно линии, которой надо придерживаться в международном профессиональном движении. Но зато, как памятник для историка, как доказательство глубины предвидения, предчувствия основного направления в работе коммунистов в мировом движении эта брошюра сыграет свою немалую роль. В самом деле, еще тогда, когда заседал Исполком Коминтерна, и никто не в силах был предвидеть, как пройдут назревавшие тогда события в Германии—*ударение* ставилось, в борьбе за единство профессионального движения, на *работе фабрично-заводских комитетов*. «Углубление и расширение работы фабзавкомов, — говорил т. Лозовский,—является лучшим орудием для единства профдвижения». А Исполком Коминтерна тогда же принял резолюцию, в которой «исходным пунктом для борьбы за восстановление единства профессионального движения «признавалось» предприятие, так как именно здесь рабочие наиболее отчетливо ощущают потребность в едином фронте» (стр. 21 и 52).

И теперь, когда борьба за единство внутри существующих союзных аппаратов оказалась не только неудачной (в дни рабочих выступлений союзы были в Германии опорой для буржуазии), но и никчемной (влияние их совершенно сошло на-нет),—этот уклон в сторону *предприятия*, как основы работы, становится особенно важным. Именно отсюда пойдет развитие *нового германского движения*, уже не связанного, подобно старому, истлевшему вместе с капитализмом, профессиональному движению, с капиталистическим строем, а идущего *от* массы и ее производственной ячейки, *от предприятия*, движение производственное...

И поскольку в постановке вопросов мирового профессионального движения уже в докладе Лозовского на Пленуме Коминтерна в конце июня 1923 года чувствовалась эта здоровая тенденция, постольку брошюра Лозовского является *вехой* в развитии международной тактики профессионального движения, без которой нельзя обойтись при изучении истории этого движения... Вот почему, несмотря на то, что содержание брошюры отстает на много от жизни, издание ее далеко не бесполезно...

Д. Чекин.

В. ГРИНЕВИЧ. Профессиональное движение рабочих в России. Выпуск I. Изд-ство «Красная Новь». Главполитпросвет. Москва. 1923 г. Стр. 216.

Мы до сих пор не имеем *истории* русского профессионального движения. Все, что до сих пор книжный рынок в этом отношении нам давал, относится скорей всего к попыткам освещения *политической ориентации* союзов в историческом разрезе, либо к попыткам наметить исторические вехи в развитии *организационных форм движения*. Таковы работы тов. Лозовского («Профессиональные союзы в советской России», написана к приезду английской и итальянской

делегаций в 1920 г. и посвящена анализу политической ориентации), тов. М. Томского («Очерки профессионального движения в России»,—представляет собою сборник очерков, написанных для «Коммунистического Интернационала», тоже в целях ознакомления иностранных товарищей *с политикой* движения)... Некоторое исключение из правила представляет собою работа т. Антошкина. Но по краткости своей и сухой конспективности эта работа — полезная в качестве справочника-пособия для учащегося— не может быть признана *историей* российского движения. Она слишком легковесна для этого...

Вот почему, очевидно, книга В. Гриневича выдерживает три издания на протяжении нескольких лет и два — с того времени, как российский пролетариат вплотную занялся изучением свой собственной истории.

Книга Гриневича не представляет собою безоговорочной ценности. Она тоже— суррогат истории, написана тоже с точки зрения *пропагандиста*, а не историка. И при этом исходная идея автора представляет собою *отрицание* всего того, что составляет основной стержень в работе союзов в период с Великого Октября. Но она, тем не менее, дает богатый фактический материал по охваченному ею периоду. Она содержит фактически никогда еще не обрабатывавшиеся данные за все время с зарождения профессионального движения в России по 1908 г. И поскольку речь идет о ней, как о богатейшем источнике сырого материала, она до сих пор *незаменима*.

Но именно эта незаменимость работы Гриневича и ставит вопрос *о проблеме изучения истории российского движения*. Ибо и незаменимая книга Гриневича *удовлетворить нас не может:*

В самом деле. Первый дефект работы Гриневича, лишающий ее значительной части научной ценности — ее незавершонность. Российское движение, ведя свое начало, примерно, с конца XIX века (есть предположение, еще научно непроверенное, что происхождение профессиональных союзов может быть отнесено и к более раннему периоду), *первый* этап своего развития проделало в период между 1902 и 1908 годами. В этот период движение было детски-беспомощным, неумелым и подражательным. Союзы, организуясь под непосредственным влиянием еще малодифференцированной классовой мысли пролетариата, шли по пути, какой тогда рисовался идеальным,—по пути *германского движения*. Принципиальный подход к вопросам организационного порядка, принципиальный подход к вопросу о взаимоотношениях между партией рабочего класса и профессиональными союзами— диктовались идеологией германской социал-демократии. И так как к данному периоду среди германской социал-демократии установилась тенденция к *независимости* профессионального движения, так как ревизионизм и примиренчество с капитализмом определенно разъедали внутреннюю сущность социал-демократии, то в российском профессиональном движении, при отсутствии самостоятельности и творческого начала, все эти особенности германского движения сказывались с достаточной отчетливостью. Российское движение этого периода было

> живой картины список бледный
> или разыгранный Фрейшиц
> руками робких учениц...

И притом «список бледный» оказывался отмеченным печатью того, что впоследствии было названо «соглашательством». Зарождение большевизма *не спасало* начальный этап российского движения от печати соглашательства. Внимание данного течения марксистской мысли, выправлявшего в духе основных положений Маркса и Энгельса практику социал-демократии, сосредоточено было на основных проблемах рабочего движения, на тактике его и на толковании программных положений. Бои шли в области теоретических поединков. В профессиональных же союзах играли руководящую роль представители меньшевизма. Отсюда—чрезвычайно слабо выраженная самостоятельность профессионального движения и его подражательность германскому, в особенности подражательность *ошибкам* последнего...

Совершенно естественно, что период, охваченный работой Гриневича, оказывается *наименее характерным* для рос-

сийского движения. Поэтому, даже если бы не было привходящих обстоятельств, работа Гриневича в силу одной своей незавершонности, незаконченности была бы работой, не удовлетворяющей потребность в изучении *истории* движения. Правильная *перспектива* в изучении фактической истории движения не была бы совершенно соблюдена при ограничении одним только периодом, охваченным в работе Гриневича...

Но второй дефект Гриневича превращает его работу в совершенно не отвечающую потребности в связной истории движения книгу. Мы говорим о том, что составляет *идеологическое* содержание работы. В своем предисловии ко II изданию Гриневича говорил:

«Несмотря на признание нами целого ряда новых задач (союзов) ...и изменения в целом ряде вопросов их тактики... *наша основная точка зрения* на задачи союзов и их роль и значение в общем ходе пролетарской освободительной борьбы, на их *взаимоотношения с другими организационными формами* той же борьбы, *которой мы придерживаемся со времени нашего участия в рабочем движении*,— вот уже 25 лет положенная в основу нашей книги,—*не изменилась*. Мы считаем, что весь ход рабочего движения за эти годы, несмотря на все колебания, в конечном счете *ее оправдал*».

Другими словами, мы имеем дело с признанием Гриневичем неизменности идеологии, положенной им в основу работы. Мы знаем, как эта идеология привела «независимцев» к сотрудничеству с Колчаком, с Деникиным, с целым рядом других врагов рабочего класса, как, исходя из основных положений этой идеологии, Киевский Совет Профессиональных Союзов докатился в свое время до «обращения» к рабочим Запада,— обращения, засвидетельствовавшего полное непонимание «независимцами» характера классовой борьбы. И так как понимание хода развития истории профессионального движения немыслимо без понимания хода классовой борьбы и ее задач, без полного восприятия сущности переживаний рабочего класса в последующие периоды,—то естественно, что трактовка Гриневича и первого периода (с конца XIX века по 1908 г.) *неудовлетворительна*. Она не дает нам ничего для *понимания* хода развития профессионального движения. Она лишь снабжает нас фактическим материалом. Но не больше...

Третий дефект работы Гриневича еще более усугубляет эту «порочность» «Профессионального движения рабочих России». Гриневич — марксист. По крайней мере, считал себя всегда марксистом. Однако, в его работе совершенно нет анализа экономических предпосылок, предопределявших как формы организации, так и борьбу течений внутри движения. Он ограничивается трафаретным указанием на концентрацию производства как на условие, диктующее рабочим создание централизованных союзов...

Какой же вывод из этого следует сделать?

Конечно, тот, что издание работы Гриневича вызывается не столько внутренними достоинствами его работы, сколько крайней нашей бедностью в исторической литературе профессионального движения. Единственное достоинство работы — ее фактичность — заставляет нас все еще обращаться к ней как к источнику *информации*. Дефекты же работы Гриневича таковы, что она скорей вредна, чем полезна. И этим-то и объясняется, что *переиздание* «Профессионального движения рабочих в России» оказывается возможным лишь при условии снабжения книги обстоятельным предисловием, парирующим все ее многочисленные вредные стороны. Тов. Сенюшкин снабдил издание «Красной Нови» таким предисловием. И хотя даже предисловие— как бы хорошо оно ни было написано— не превращает работы Гриневича в *историю* российского движения, с этим предисловием она может быть использована при изучении начального периода движения...

Д. Чекин.

И. А. МЕНИЦКИЙ. Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне войны. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 70.

Первые 2 главы предлагаемой книги говорят о стачечном движении рабочих в 1912 г., третья глава—о Р.С.-Д.Р. Пар-

тии за эти же годы. В таком же порядке идет дальнейшее изложение.

В первой главе автор указывает на растущий подъем промышленности за пятилетие 1909—1913 гг., приводит ряд интересных цифр для иллюстрации своей мысли и далее переходит к цифровому материалу, характеризующему рост стачечного движения за эти годы. Здесь, несмотря на большой интерес, который представляют эти данные, в цифровых материалах чувствуется недостаточная их обработка, а иногда и просто их противоречивость.

Так, на странице 7 общее число участников политических забастовок за 1912 г. указано, по официальным источникам, 511.309 чел., а по другим—690 тыс.; какая из цифр правдоподобна—судить трудно, так как второй источник читателю не известен. Такое же сомнение вызывает и общая цифра бастовавших в 1912 г., которая на стр. 7 указана три раза: 1013 тыс., 863.361 и 725.491 участников—и все за один и тот же 1912 год. На стр. 10 автор пишет, что за первое полугодие 1912 г. число стачечников равнялось 115.177, но на стр. 6 он указывает, что за январь—май 1912 г. было свыше 158 тыс. участников забастовок, да за один июнь минимум 70 т.,—итого цифра участников забастовок за первое полугодие 1912 г.—по данным на стр. 6—228 тыс., а на стр. 10—115.177. Опять противоречие.

Подобные неясности имеются еще, и, принимая во внимание, что автор сам указывает в предисловии, что книга предназначена для массовика-рабочего, это является большим упущением. Далее, было бы хорошо, если б более рельефней выделить рост и число участников политических забастовок от экономических забастовок.

Из интересных моментов, на которых удачно останавливается автор в первых 2-х главах, надо указать на стачку протеста и демонстрацию против гонения на рабочую печать в Москве 23 сентября 1913 г. и на интересные данные о борьбе бакинских рабочих за увеличение своей заработной платы в этом же году.

В главах о партии за 1912, 1913, 1914 гг. хорошо и популярно изложены основные разногласия между большевиками и ликвидаторами и указана та огромная роль, которую играла «Правда» в деле пропаганды идей нашей партии. Но, к сожалению, ничего не сказано о первой—после годов реакции—большевистской газете «Звезда», которая начала выходить с конца 1910 года и выходила весь 1911 г. и начало 1912 г. Читая автора, получаешь впечатление, что «Правда» была первой легальной газетой большевиков в эти годы (см. стр. 18), — на самом деле «Правда» являлась детищем «Звезды». Далее, приводя много интересных цифр, останавливается автор на забастовочном движении 1914 г., которое до объявления войны было чрезвычайно высоко, при чем преобладали стачки политического характера. Они, в конце-концов, вызвали выступление буржуазной оппозиции,—этому посвящена небольшая глава в книжке. И последние главы рисуют стачки рабочих перед войной, когда правительство путем расстрела безоружных путиловских рабочих, а промышленники — путем неудавшегося локаута пытались вызвать массовый разгром рабочих.

Период, взятый автором—1912, 1913, 1914 гг.—еще очень мало освещен нашей исторической литературой, но интерес он представляет очень большой, поэтому каждую попытку в этом направлении приходится горячо приветствовать, и хотя книга тов. Меницкого и затрагивает историю партии за этот период в весьма общих чертах, но по истории стачечного движения она дает много интересного, и, с этой стороны, является исторически ценной.

Читается она легко и вполне доступна массовому читателю, несмотря на недочеты, на которые мы указали. Поэтому появление ее можно приветствовать и рекомендовать в качестве интересной работы за указанный период.

Вера Владимирова.

А. ПАНКРАТОВА. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику, под редакцией М. Н Покровского. Из-ство «Красная Новь». Москва. 1923. Стр. 426.

В течение последних лет мы занялись подготовкой красной профессуры. Для этого потребовалось освободить ряд то-

варищей для самостоятельной научной работы. В результате мы получили ряд ценнейших исследований, посвященных вопросам, до последнего времени не обращавшим на себя внимания научной мысли.

К числу таких работ принадлежит и работа тов. А. Панкратовой о фабзавкомах России. Тщательно подобранный автором материал разработан впервые, фактически, в истории русской научной мысли. Мы до сих пор имели лишь небольшую брошюру Я. Фина о фабзавкомах да ряд статей в периодической печати, освещающих те или иные стороны истории и деятельности фабрично-заводских комитетов. Теперь же перед нами большой труд в 26 с лишним печатных листов. И, разумеется, книга выделяется не только одними своими размерами. Тов. Панкратова рассматривает возникновение и развитие борьбы рабочего класса за фабричную конституцию, за рабочее представительство на предприятии на протяжении всей истории классовой борьбы. Она дает поэтому *историческую перспективу*, чего нельзя сказать ни об одной из предшествующих работ, посвященных фабрично-заводским комитетам. Наиболее ценная из этих последних—небольшая книжка тов. Я. Фина—охватывает, как известно, период времени с февральской революции 1917 г. Автор отмечает, что «возникновение фабрично-заводских комитетов в России совершенно правильно связывается с датой февральской революции 1917 г., *несмотря на то, что задолго до этого времени* мы имели институты старост на промышленных предприятиях, институты союзных уполномоченных». Проводя такую резкую грань между тем, что было до 1917 г., и тем, что имелось *после* этой даты, автор, естественно, не в состоянии связать в одно целое борьбу фабрично-заводских комитетов революционного периода с дореволюционной классовой борьбой пролетариата. Оттого освещение истории фабрично-заводских комитетов у него необходимо оказывается иным, чем у тов. Панкратовой. Последняя рассматривает фабрично-заводской комитет не как продукт грозы и бури революционного периода в истории классовой борьбы. Она видит в нем логически развившийся институт *борьбы рабочего класса* против *олигархии капитала*, против его самодержавия на предприятии. И так как тов. Панкратова *подобрала огромный материал*—зачастую разбросанный по мало доступным источникам, зачастую остававшийся совершенно неизвестным исследователю, то значение работы ее становится очевидным. Мы имеем дело с *попыткой нового освещения с помощью научной мысли одного из важнейших феноменов классовой борьбы пролетариата*. Уже одно это делает работу тов. Панкратовой ценной и заслуживающей внимания.

Ближайшее знакомство с этой работой подкрепляет такое мнение. Правда, не все одинаково ценно в работе. Есть в ней определенные дефекты. Но бесспорно то, что *основной подход* тов. Панкратовой в разработке своей темы совершенно правилен.

В самом деле. Выводы, к которым она пришла в результате своей исследовательской работы, таковы: «Фабрично-заводские комитеты—результат развития капиталистической промышленности и сопровождающего его роста рабочего класса — получают общий характер и содержание от особенностей развития капиталистической фабричной системы, построенной на авторитарных отношениях. Лишь в упорных классовых боях пролетариат утверждает себя в ней в качестве равноправной стороны. Правовую легализацию и законное место в промышленном рабочем праве институт рабочего, и в частности фабричного представительства, получает также после длительной борьбы пролетариата, оформившегося как класс. Борьба за коллективный рабочий договор, за признание рабочих организаций, за право установления на фабрике определенного правопорядка, борьба за желательное направление фабричного законодательства,—*все это различные формы единой борьбы* против предпринимательского самодержавия, борьбы *за фабричную конституцию*—пока в области условий труда». Последний ее вывод представляет собою несколько неудачный парафраз известного положения Лассаля о том, что конституция есть результат соотношения общественных сил, и гласит, что «границы фа-

бричной конституции определяются самими условиями капиталистического производства. Водораздел идет по линии противоположных экономических интересов собственника-капиталиста... и наемного пролетария, сопротивляющегося капиталистической эксплуатации» (стр. 23—24).

Мы, конечно, не усматриваем ничего нового в таком подходе. Еще в «Нищете философии» К. Маркс, полемизируя с Прудоном, устанавливал роль коалиций, как роль организации, уничтожающей конкуренцию между рабочими для того, чтобы они могли «сообща конкурировать с капиталистами». Это и есть фактически констатирование борьбы рабочих за признание их равноправной стороной, борьбы за фабричную конституцию против авторитарности хозяев. Более того, у Веббов «Индустриальная демократия», а затем и программная брошюра «Когда наступит мир») мы находим констатирование точно так же сущности борьбы как борьбы за фабричную, промысловую конституцию. Понятно, выводы, какие делают реформисты Веббы из этой вполне правильной мысли, совершенно расходятся с положениями Маркса. У них эта борьба—начало и конец, вся премудрость рабочего движения. У них *нет монистического взгляда на классовую борьбу*. И в силу этого создание юридически оформленной конституции на началах симбиоза пролетариата с капиталистическим классом в рамках капиталистических отношений ставит, с их точки зрения, предел крайним достижениям движения. По Марксу же, «в такой борьбе, воистину гражданской войне, объединяются и развиваются все элементы для предстоящего *генерального сражения*». Но совпадение в определении характера борьбы, как борьбы за фабричную конституцию, показывает, что *иначе* ее и нельзя рассматривать. Поэтому тов. Панкратова вполне права, подходя к изучению истории фабрично-заводских комитетов с точки зрения *монистического понимания классовой борьбы*, исходя, другими словами, из того понимания этой истории, какое видит в движении фабрично-заводских комитетов—*борьбу за социалистическую фабрику*.

Вот почему нельзя не признать совершенно правильным построение работы т. Панкратовой, продиктованное познанием теснейшей связи более рудиментарных, более примитивных органов рабочего представительства с его более развитыми и зрелыми органами,—связи института старост с современным фабзавкомом советской России. В этом отношении, бесспорно, тов. Панкратова гораздо более права, чем тов. Фин, выводящий истоки фабрично-заводского движения из даты февральской революции. Есть непосредственная — историческая и по существу—преемственность между «обезвреженным законом о старостах» и теми организациями, которые вели с февраля месяца 1917 г. борьбу за рабочий контроль, затем, в первые моменты Октябрьской революции, стали организаторами производства, чтобы впоследствии стать плановым представительством рабочих на предприятии... Ибо все это — *этапы* в развитии единой борьбы пролетариата за фабричную конституцию...

Богатство материала, собранного тов. Панкратовой для систематического изложения истории этой борьбы и ее различных этапов, делает поэтому книгу о фабзавкомах России чрезвычайно ценным вкладом в нашу литературу по истории борьбы рабочего класса за социалистическую фабрику.

Но при всех своих достоинствах, работа тов. Панкратовой страдает и немалым дефектом. В истории российского профессионального движения фабзавком сыграл огромную, почти-что решающую роль. Именно то обстоятельство, что он стоял ближе к рабочей массе, лучше ее организовывал на предприятии и более дееспособно вел борьбу за социалистическую фабрику, обусловило эту роль. Он не был *поглощен* профессиональным движением, как это имело место в Англии, где с возрождением экономической борьбы «комитеты старост» утеряли свое место, превратившись в простых сборщиков членских взносов, а зачастую и совершенно исчезнув из обихода, или в Германии, где он был весьма основательно *отстранен* от практической работы вплоть до момента заострения классовых отношений в гражданскую войну. Он *стал заводским органом профессионального движения* и, как предсказывал устав Центрального

Совета фабрично-заводских комитетов, *изменил строение этого последнего*. В сущности выдержанность производственного принципа организации всего российского движения стоит в самой непосредственной связи с этим превращением фабзавкома в первичную ячейку союза на предприятии. Именно этому последнему факту и принадлежит честь быть отцом формулы: «одно предприятие—один союз»... Тов. Панкратова *проходит мимо этой роли фабзавкомов*. Останавливаясь довольно подробно (но не всегда достаточно четко подмечая причины) на постепенном исчезновении первоначально обостренного антагонизма между союзами и фабзавкомами (причины этого антагонизма точно так же освещены не вполне достаточно), она проходит мимо роли фабзавкома в истории профессионального движения.

Это и есть самый крупный дефект работы. Правда, тов. Панкратова имеет полное право сказать, что освещение данного вопроса не входило в ее планы. Ее задачей было—дать картину исторического развертывания роли фабзавкомов в борьбе за социалистическую фабрику. Но в том-то и дело, что односторонне понятая задача привела и к неверному построению работы. Вне взаимоотношений фабзавкомов и союзов нельзя в сущности понять и осмыслить всесторонне процесс борьбы за социалистическую фабрику. А эти взаимоотношения *разрешены* были окончательно только после организационного оформления российского профессионального движения. И для правильной перспективы необходимо было осветить роль фабзавкомов в организационном строительстве движения... Поэтому-то мы и считаем большим дефектом работы т. Панкратовой то, что она *не рассматривает историю фабзавкомов в разрезе общей истории российского профессионального движения*.

За всем тем мы можем повторить полностью нашу оценку работ, выходящих из семинария тов. Покровского в Институте Красной Профессуры. Если мы еще не имеем красных профессоров, которыми можно было бы заполнить пустующие кафедры наших университетов, то пока-что работы Института обогатили нашу литературу ценными исследованиями, одним из которых и является работа тов. Панкратовой.

Д. Чекин.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА.

1. ЖЮЛЬ АМАР. Человеческая машина. *И. Гельман.* — **2. Проф. Ф. КУНЦЕ. Техника умственного труда.** *Ю. Милонов.*—**3. П. ГЕРЦ и Р. ЗАЙДЛЬ. Рабочее время, заработная плата и производительность труда.** *С Каплун.*

ЖЮЛЬ АМАР. Человеческая машина. Научные основы профессионального труда, под редакцией и со вступительной статьей проф. В. Анри и д-ра К. Х. Кекчаева. Государственное Издательство. Москва. 1922 г. Стр. 472.

Книга Жюль Амара является одной из лучших книг, посвященных изучению труда. Она охватывает физиологию труда со многих сторон: с точки зрения механики, энергетики, производительности, влияния окружающей среды, методики изучения и измерения и классификации.

Автор подходит ко всем вопросам с материалистической точки зрения, совершенно не касаясь психических моментов работы. Человеческий организм для него, с точки зрения функции труда, является такой же машиной, как Дизель, паровоз, динамо и т. п. Эта машина, целесообразно устроенная, нецелесообразно, в большинстве случаев, используется. Анализ человеческого труда, с энергетической точки зрения, является содержанием этой чрезвычайно ценной книги. Шаг за шагом автор вскрывает законы механики в произвольной, на

первый взгляд, игре мышечных движений. Самую механику автор подразделяет на. кинематику (учение о движении), статику (учение о равновесии сил) и динамику (учение о силах в движении).

От этого общего анализа автор переходит к анализу отдельных профессиональных работ и здесь дает чрезвычайно интересный математический анализ движений, сопряженных с определенной работой, и методику измерений ее. Этот анализ отдельных работ (работа молотом, работа напильником, работа по дереву, работа с пилой и т. д.) является самой интересной частью книги Амара. Полнота и глубина разработки детальных вопросов делает книгу не только интересной, но и необходимой для всякого, кто вступает в область изучения или организации труда.

Но на ряду с исключительными достоинствами книги следует отметить и некоторую ее узость, вследствие выключения из трудовых процессов психических моментов. Так, например, моральным, профессиональным и социальным влияниям всего уделено 4 страницы общих рассуждений, глубина которых далеко не соответствует всей остальной книге. Вот, например, один из советов, который автор дает работодателю: «Следует считаться с призванием человека, а так как любовь к деньгам заменила собой, в значительной степени, любовь к ремеслу, то является необходимым постоянно поддерживать интерес к ремеслу внешними средствами, напр., повышением заработной платы, премиями и т. п.».

Некоторую неудовлетворенность оставляют также примечания редактора, чрезвычайно мало что разъясняющие, а часто совершенно ненужные, в роде, например, того, что: «курение табака широко распространено во всех культурных странах», или того, что «вопрос о воспитании рабочих представляет громадный интерес, в виду его тесной связи с общим вопросом о производительности труда».

Надо отметить еще не всегда безукоризненный перевод и недостаточно объективную библиографию, выражающуюся в неожиданной, в данном месте, характеристике книги О. А. Ерманского.

Несмотря на эти недочеты, книга представляет собой огромную ценность и заслуживает самого острого внимания не только со стороны научных работников, но и со стороны практических деятелей по организации различных форм человеческого труда. Надо отметить еще статью проф. В. Анри, являющуюся прекрасной вводной главой в книгу.

И. Гельман.

ФРИДРИХ КУНЦЕ, проф. Берлинского университета.—Техника умственного труда. Перевод с немецкого В. Рикмана, редакция и предисловие Б. О. Боровича. Культурно-просветительная организация «Труд». Харьков. 1923 г. Стр. 104. Формат 1/32 листа.

Сам автор определяет свою задачу очень скромно. Он ограничивает ее желанием «рекомендовать общественному вниманию первый опыт» до сих пор отсутствовавшей «общей методики умственного труда» и «отчасти свои собственные очень несовершенные методы».

Эту задачу проф. Кунце решает путем перенесения в науку современных коммерческих организационных приемов. Он предлагает широко использовать в научной работе карточную систему в сочетании с системой ящиков, состоящих из большого количества маленьких отделений.

Разлагая научную работу зрелого человека на три «естественные фазы»: усвоение, упорядочение и производство, автор подробно описывает каждую из них. Идеал техники умственного труда он видит в достижении возможности раз проделанную работу использовать сейчас же как материал в дальнейших занятиях. И эта мысль красной нитью проходит через всю книжку, состоящую из трех глав: I. Техника умственного усвоения, II. Техника использования прочитанного и III. Техника умственного производства.

Книжка дает массу необыкновенно ценных и полезных сведений.

Прежде всего проф. Кунце знакомит с приемами выписок на карточки во время чтения и системой символических пометок относительно содержания выписки и ее источника. Здесь же он указывает, как такие карточки располагать в систему в десятичном табуляторе (ящике с делениями).

Затем идут советы относительно группировки и скрепления карточек, а также составления справочных вспомогательных таблиц и тетрадей. Все это дает возможность в любой момент раздобыть нужные сведения и, таким образом, избавляет от лишней траты времени на разыскивание.

Наконец, автор рекомендует методы умственной тренировки и приемы фиксирования различных этапов творческого процесса.

Книжка содержит богатый и разнообразный фактический материал из биографий крупнейших ученых и исследователей. Это обстоятельство делает ее особенно интересной. Написана она в высшей степени живо и даже увлекательно.

Ее можно горячо рекомендовать каждому, занимающемуся серьезным умственным трудом, в качестве полезного справочника и руководства. Однако, система Кунце черезчур сложна для отдельного научного работника. Поэтому читатель должен будет самостоятельно приспособить изложенные в книжке принципы к конкретным условиям своей работы.

Ю. Милонов.

П. ГЕРЦ и Р. ЗАЙДЛЬ. Рабочее время, заработная плата и производительность труда». Перевод И. Сольца. Госизд. 1923. Стр. 1 2.

После того, как первая послевоенная волна революционного движения пошла на убыль, во всех странах мира, начиная, приблизительно с 1920 года, началась черная полоса реакции, известная в области экономической под прививщимся термином «наступление капитала». Особенно сильно сказалась эта фаза классовой борьбы в наступлении на 8-часовой рабочий день всюду, где только он был законодательно проведен или хотя бы декларирован. В частности в Германии проводимое сейчас правительством Эберт-Сект-Стиннеса почти повсеместное увеличение рабочего времени не явилось неожиданностью, а было подготовлено упорной предварительной атакой промышленников, при чем не малую роль тут играла и легкая артиллерия идеологического воздействия на «общественное мнение» широкой мещанской массы путем книг, брошюр, статей в журналах, соответственно подобранной информации в прессе и т. п. Рецензируемая книга, написанная видными представителями немецкой социал-демократии, имеет своей задачей противопоставить взглядам предпринимателей точку зрения официальных профессиональных организаций и поддерживающих их «социалистов» типа Шейдемана-Каутского, обосновав ее необходимым фактическим материалом.

Основное значение книги для русского читателя именно в собранных в ней данных. Авторы широко использовывают самые различные источники (официальные законодательные источники, тарифные соглашения, отчеты, ставки, интервью и т. п.) и рисуют ясную картину положения с вопросом о рабочем времени в Германии, начиная с ноябрьской революции 1918 г. до конца 1922 г.

Помимо изложения фактических статистических данных, кстати говоря, показывающих, что сверхурочные работы в эти годы были гораздо более распространены, чем в России, и что, помимо того, подземные рабочие не имели сокращенного рабочего дня, в сельском хозяйстве не было и 8-часового рабочего дня. Авторы очень детально останавливаются на вопросе о влиянии сокращения рабочего дня на производительность. Они ставят себе задачей разбить утверждение предпринимателей о том, что сокращение продолжительности рабочего времени пагубно отражается на народном хозяйстве, и что 8-часовой рабочий день есть одна из основных причин германской разрухи. Приводимые авторами цифры представляют большой интерес и в русских условиях,

когда многие хозяйственники еще и до сих пор с упованием смотрят на сверхурочные работы как на залог увеличения продукции. Опираясь на заключение различных «экспертов» вплоть до «доктора» Гильфердинга, авторы подвергают жестокой критике разработанные в 1922 году проекты постоянного закона о 8-часовом рабочем дне, истинной задачей которого было законом санкционировать возможность несоблюдения 8-часовой нормы. Увы!—сейчас товарищи Герца и Зайдля по партии фактически защищают уже не столь прикрытую, а явную отмену этого половинчатого завоевания ублюдочной германской революции.

Вся работа, написанная видными профессиональными и парламентскими работниками, представляет собой яркий пример практического оппортунзима и теоретического убожества мысли социал-соглашателей. Ясно показывая на фактах, что современная буржуазия привела Германию в хозяйственный тупик, что дальнейшее ее господство всячески тормозит нормальное развитие производительных сил, что предприниматели заинтересованы в валютном хаосе и стремятся повысить свою прибыль, в противовес требованиям технического и экономического прогресса, исключительно за счет интенсификации труда и понижения заработной платы, они не решаются сделать естественно напрашивающихся выводов, и потому проблема рабочего времени оказывается у них совершенно оторванной от основных проблем социальной борьбы. И неудивительно поэтому, что они ищут подкрепления своих позиций у более либерально настроенных промышленников, что они особенно возмущаются психологией предпринимателей, занимаются моралистскими сентенциями о их спекулянтских наклонностях, стремлении к роскоши и т. п. Вместо того, чтобы видеть основным средством защиты 8-часового рабочего дня активную классовую борьбу пролетариата, авторы все время уповают на «разумные соглашения» с капиталистами и усиленно доказывают, что основное постановление о 8-часовом рабочем дне явилось результатом такого единодушия, что профессиональные союзы всегда являются противниками «схематического» проведения законов, что они сами готовы итти всегда на сверхурочные в порядке тарифных соглашений, когда этого требуют интересы хозяйства и т. п. Авторы договариваются до таких перлов (кстати сказать, не только не опущенных, но оставшихся даже без всяких комментариев переводчика), как обвинение коммунистов в дезорганизации проф. союза ж.-д. во Франции, вследствие чего ослабились его позиции в защите экономических интересов его членов (стр. 25), или напоминающие кликушество «биржевки» 1917 г. заявления о том, что рабочие в революционные периоды, «играя активную роль в политике», понижают производительность труда, увлекаясь политической жизнью (стр. 154). Целый ряд других типично меньшевистских, а иногда и просто буржуазных рассуждений, казалось бы, можно было свободно опустить в русском переводе.

Вообще всю книгу следовало бы сократить, по меньшей мере, раза в два, ибо она чрезвычайно растянута, особенно вследствие наличия большого количества никчемных, но длинных цитат, приводящих в подлинных словах целые отрывки из статей, речей, докладных записок и проч.

В итоге следует признать, что книга может служить только источником материалов для лиц, специально работающих в области рабочего вопроса. Широким кругам читателей ее рекомендовать невозможно.

С. Каплун.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ.

I. Н. БУХАРИН. Пролетарская революция и культура. II. А. ГАСТЕВ. Восстание культуры. *П. Керженцев.*

Н. БУХАРИН. Пролетарская революция и культура. Издание «Прибой». Петроград. 1923 г. Стр 56.

А. ГАСТЕВ. Восстание культуры. Изд. «Молодой Рабочий». Харьков. 1923 г. Стр. 45.

Брошюра Н. Бухарина представляет собой стенографический отчет доклада, прочитанного в Петрограде. Несомненно, эта небольшая брошюра, которая должна была послужить началом новой большой теоретической работы, является наиболее ценным из всего, что появилось за последнее время в нашей литературе на эту тему.

В первой половине своей брошюры т. Бухарин отмечает ту существенную разницу, которая имеется между буржуазной и пролетарской революцией. Он указывает, что «новое социалистическое общество рождается в недрах старого капиталистического общества совсем другим путем, чем капиталистическое общество в недрах общества феодально-крепостнического».

Основное различие в том, что буржуазия в феодальном обществе не является эксплуатируемым классом, и поэтому не является также классом культурно придавленным. Поэтому еще под скорлупой феодального режима буржуазия созревает в первоклассную культурную силу, и когда приходит момент буржуазной революции, буржуазия почти не нуждается в перебежчиках из старого класса, которые бы ее обслуживали и помогали ей в борьбе.

Рабочий класс до самого момента пролетарской революции является классом угнетенным, эксплуатируемым, лишенным всякой возможности не только создания своей культуры, но даже получения элементарной грамотности. Благодаря такой культурной придавленности, рабочий класс во время борьбы вынужден прибегать к содействию перебежчиков из другого класса и выбирать своими руководителями выходцев из других классов,—в первую очередь из интеллигенции.

Во второй половине брошюры т. Бухарин касается принципов культуры с трех сторон: 1) что нового дает культура того или иного класса; 2) как широко распространяется она, т.-е. какой круг лиц охватывает (экстенсивность поля культуры), и 3) насколько глубоко разработана эта классовая культура.

Феодальная культура, по характеристике Бухарина, отличается двумя основными моментами: глубокой неподвижностью, консерватизмом, господством традиций и догматизма, с одной стороны, и принципа ранга авторитета—с другой. Буржуазная культура по своему содержанию была выше феодальной, потому что она принесла момент критики, точного анализа природы и использования опыта действительности. В смысле распространения буржуазной культуры она тоже превосходила феодальную культуру, и, наконец, с точки зрения выработки принципов новой культуры также была выше. Стоит только вспомнить энциклопедию буржуазных материалистов.

По своему содержанию пролетарская культура, несомненно, значительно превосходит буржуазную. Два основных принципа пролетарской культуры таковы. Прежде всего она характеризуется «связанностью и плановостью отдельных культурных отраслей», целостностью общего мировоззрения. Вторая особенность в том, что пролетариат отчетливо сознает практическую ценность всякой теоретической доктрины.

Если по своим принципам пролетарская культура выше, то в смысле распространения и выработки она значительно уступает буржуазной культуре. В связи с этим пред нами очень остро стоит во-

прос о необходимости «воссоздания квалифицированных кадров, выходящих из самого трудящегося населения». Нам необходим постоянный прилив из самих рабочих масс, добавочных слоев к новой рабочей интеллигенции.

Таковы в самой сжатой формулировке основные мысли т. Бухарина. По существу, эта брошюра лишь краткое, почти конспективное введение. Очень жаль, что характеристику принципов пролетарской культуры (о чем у нас так много спорили и спорят) т. Бухарин дал лишь в такой сжатой форме, совершенно не отметив целого ряда чрезвычайно характерных особенностей новой культуры, напр., ее коллективность, резко противостоящую буржуазному индивидуализму. Хотелось бы также видеть в этой брошюре освещение другого больного вопроса—нашего отношения к буржуазной культуре.

Будем надеяться, что т. Бухарин выберет время если не написать задуманную книгу, то хотя бы переиздать свои статьи о культуре, значительно их дополнив.

Книжка Гастева — полная противоположность только что разобранной брошюре. В то время как Бухарин все время исходит из анализа общественных отношений, ставит проблемы и освещает их с марксистской точки зрения, Гастев подходит к культуре, так сказать, как к личной задаче всякого советского гражданина. Его брошюра направлена к отдельному читателю, которого он хочет побудить к определенным действиям. Бухарин анализирует, Гастев призывает.

Брошюра составилась из отдельных статей, напечатанных в «Правде» и в «Экономической Жизни», связанных между собой больше содержанием, чем структурой. Брошюра написана обычным для Гастева ударным стилем, с большим своеобразием, при чем автор не стремится давать точную научную формулировку, а скорее яркий призывный, зажигающий лозунг. Поэтому глубоко ошибаются те, кто критикует статьи Гастева, цитируя из них отдельные фразы и слова и находя в них печать крайнего индивидуализма, анархизма, кустарности и т. д. и т. п.

К настоящей брошюре Гастева нужно отнестись не как к идеологическому построению, а как к зажигательному призыву к активности, реальности, энергичной, бодрой работе, настойчивым достижениям.

«Нет железа — делайте из дерева. Не просите и не ждите», пишет Гастев. «При усилии или, вернее, при суровом насилии над собой можно, очутившись в лесу только с огнем, ножом и полпудом хлеба, развернуть через полгода настоящее хозяйство».

«Надо пробудить дух практического искательства, не молиться ни на авось, ни на дождик, ни на дядюшек с Пензы, а непрестанно вырубать фиксированный лозунг до полного его материального одеяния. Неотступно. С передышками, но не отставая».

«Надо вызвать особое движение, главным лозунгом которого был бы—труд, но труд с настроением, непреклонной размеренностью, вызвать к жизни новых трудовых организаторов, ненавидящих малокровную умозрительность схем и влюбленных в практическую подвижность дела, граничащую с изобретательством».

«Выпрямляйтесь, вставайте же всюду, вставайте с орудиями,—с теми, какие у вас в руках. Нет мотора — двигайте ногами, нет плугов — копайте лопатой, нет карандаша — пишите углем или старым кирпичом. Немедля всякий замысел облекайте в материальную оболочку».

При желании, в этих призывах можно увидать какое-то возвращение к далекому прошлому, к той робинзониаде, которую Гастев так часто восхваляет. По существу Гастев, несомненно, прав, потому что его призыв означает: неустанно действуй, всегда используй ту реальную обстановку, которая вокруг тебя, а не философствуй, не прожектерствуй, ссылаясь на то, что вокруг нет условий, особенно благоприятных для твоей деятельности.

Когда Гастев дает характеристику новой культуры, он точно так же подходит не социологически, а агитационно. Контуры грядущей культуры он обрисовывает как острую наблюдательность, любовь к трудовым орудиям, школу трудовых движений, искусство работать с наименьшей затратой сил и т. д Все

эти моменты по существу касаются лишь одной стороны вопроса — нашего отношения к труду. И если социологически некоторые из формулировок Гастева не совсем правильны, то психологически такой призыв к труду, к умению использовать всякое орудие труда,—будь то молоток, лопата или заводской станок,— является, несомненно, нужным и полезным.

Вся брошюра Гастева проникнута таким призывом к активности, который как нельзя более уместен сейчас. Гастев — агитатор, и как таковой, он всегда преувеличивает в своих формулировках и с особенной четкостью заостряет лозунги. Если брать эти формулировки целиком, как они выливаются из-под его пера, то, конечно, к очень многому можно придраться. Если брать их как агитационный материал, встряхивающий мозги и привлекающий внимание к вопросам, о которых у нас мало думают, эти призывы надо приветствовать.

Брошюра Гастева будет особенно полезна для нашей молодежи.

П. Керженцев.

ИСТОРИЯ.

История революционного движения на Западе.

1. К. БЕРКОВА. Процесс Людовика XVI. *Н. Лукин-Антонов.*— 2. А. ВЕРМОРЕЛЬ. Деятели сорок восьмого года. *Н. Лукин-Антонов.* — 3. Р. ЛЮКСЕМБУРГ. Письма к Карлу и Луизе Каутским. *М. Клевенский.* — 4. К. ЦЕТКИН. Роза Люксембург и русская революция. *М. Брагинский.*—5. «Интернационал». Ежемесячный журнал, основанный Розою Люксембург и Фр. Мерингом. *С Кривцов.*

К. Н. БЕРКОВА. Процесс Людовика XVI. Издание «Красная Новь» Г. П. П. Москва. 1923 г. Стр. 308.

Книжка К. Н. Берковой не является исследовательской работой, хотя автор, повидимому, изучал процесс Людовика XVI не только по литературе вопроса, но и по источникам. Работа начинается «Введением», в котором дается краткая характеристика «старого порядка» и очерк развития революции до созыва Конвента включительно. Затем идет весьма обстоятельное изложение процесса Людовика XVI. Читатель подробно знакомится с историей предания короля суду, обвинительным актом, допросом Людовика в Конвенте, речью защитника Десэза и, наконец, с прениями по поводу защитительной речи и борьбой между Горой и Жирондой, развернувшейся по вопросу о дальнейшей участи короля. Последняя глава содержит результаты поименного голосования, приговор и рассказ о казни короля. В приложении автор поместил весьма интересные документы: 1) изобличавшие короля бумаги, найденные в потайном шкафу в Тюильери; 2) речь Марата по поводу суда над Людовиком XVI; 3) дневник короля и 4) письмо Екатерины II к братьям короля.

Автор — марксист, но его анализ классового состава французского общества и социальной подоплеки отдельных партий часто недостаточен или прямо ошибочен. Так во «введении» недостаточно ясно проведено различие между отдельными экономическими и юридическими категориями крестьянства; остается неясной и величина крестьянского землевладения; не отмечена связь королевского абсолютизма с торговым капиталом. Говоря о классовой подоплеке Горы и Жиронды, автор довольствуется слишком неопределенными и упрощенными схемами. «Монтаньяры, — говорит автор,—хотели доставить господство лишь низшим трудящимся слоям населения» (57), фракция монтаньяров «являлась представительствующей трудящихся классов» (50). Нам думается, что после работы Кунова такие положения недопустимы даже в популярной работе. Автор не пытается далее вскрыть то реальное (социальное) содержание, которое маски-

ровалось кличками «централисты» и «федералисты», данными друг другу боровшимися в Конвенте партиями.

Но эти, правда, существенные недостатки в значительной степени искупаются мастерским изложением самого процесса, дающим в то же время массу ценного и поучительного материала. Книжка читается с захватывающим интересом. Непонятно только, зачем автору понадобилось не раз подчеркивать, что, вынося свой приговор по делу короля, Конвент не испытывал никакого давления извне (стр. 273 и сл.). Читатель найдет в книжке самой же Берковой немало упоминаний об адресах из провинции с требованием казни короля, о внушительных демонстрациях парижских низов, происходивших перед решеткой Конвента, угрожающем настроении трибун, отведенных для публики и т. д.

Вывод напрашивается как раз противоположный тому, который делает автор: не будь этого давления, большинство Конвента, поддерживавшее в этот период революции жирондистов, едва ли голосовало бы за смертную казнь без всякой отсрочки.

Несмотря на указанные недостатки, книжка К. Н. Берковой должна быть рекомендована самым широким кругам читателей.

Н. Лукин-Антонов.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. — А. ВЕРМОРЕЛЬ. Деятели сорок восьмого года. Госуд. Из-во. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 299.

Верморель—литератор-социалист времен Второй Империи, впоследствии член Парижской Коммуны, примыкавший по своим социальным взглядам к прудонистам. Названная работа была написана в 1869 году, накануне крушения Империи. В предисловии к изданию книги 1870 года, когда это крушение стало уже совершившимся фактом, Л. Мишель так определяет поставленную себе Верморелем задачу. — В 1848 году были люди, «может-быть, отчасти искренно преданные свободе», которые, в силу оказанного им народом доверия, «управляли первыми шагами республики». Они хотели управлять и последующими шагами... Однако, Франция не пошла за ними. Почему же Франция не пошла за ними?.. Наполеон ли прогнал их или они роковым образом вызвали Наполеона? Теперь, когда многие из них снова стоят во главе оппозиционного движения и могут вновь очутиться у власти, весьма важно выяснить, «сделались ли эти люди опытнее и значительнее, и куда они поведут Францию, если Франция снова доверит им власть?».

Чтобы обосновать свой ответ на этот вопрос, Верморель дает ряд интересных характеристик, освещающих политическое прошлое деятелей, которые после падения Империи претендовали на ее наследство.

Перед читателем проходят бывшие члены временного правительства Второй республики, — Ламартин, Гарнье-Пажес, Ледрю-Роллен, Луи-Блан, Мари; герои июньских дней — генерал Кавеньяк и председатель Собрания Сенар; вожаки либеральной партии — Одиллон Барро, Жюль Фавр и др.

Эти политические характеристики расположены применительно к тем этапам, которые проходила революция 48 года: каждый из них олицетворяется каким-нибудь «героем», который рисуется автором сначала во весь рост с тем, чтобы потом показать его политическую метаморфозу или банкротство. Первым идет Одиллон Барро, этот «герой» предшествовавшей революции банкетной кампании. Он появляется перед читателем в качестве красноречивого «борца» с насквозь прогнившим режимом Июльской монархии. Отвечая на нападки Одиллона Барро, громившего политику правительства, тогдашний премьер Гизо ехидно заметил, что, пожалуй, когда-нибудь, став у власти, представители оппозиции будут делать то же, что делает теперь правительство, которое они осыпают упреками за измену заветам 1830 года. «Ручаюсь вам, что ничего подобного не будет: даю вам в этом торжественное слово!» заявил Одиллон Барр.

Дальнейшие события показали, что Гизо был прав. Верморель беспощадно развенчивает представителя трусливой

либеральной оппозиции, показав, его затем читателю в роли первого министра-президента Бонапарта, когда Ледрю-Роллену пришлось выступить в защиту свободы печати и клубов, а Одиллону Барро — отвечать на нападки оппозиции совершенно в духе Гизо. «Увы! — замечает по этому поводу Верморель, — не прошло и 17 месяцев после революции... а ее предводители уже попирали ногами ту самую свободу, которую породила вызванная ими революция» (26).

За Одиллоном Барро идет Ламартин,— «герой» медового месяца февральской революции, политический «громоотвод», как он сам себя рекомендует, — человек, который употребил всю силу своего красноречия, чтобы усыпить бдительность и революционный энтузиазм народа, за спиной у которого он подготовлял контр-революцию. «Он, — говорит Верморель, — изуродовал революцию, которая могла бы иметь большие последствия — могла бы повести к окончательному утверждению свободы и к улучшению благосостояния рабочего класса».

За прямыми изменениями «делу свободы» идут искренние ее защитники, погубившие, однако, революцию своей нерешительностью и бессилием, оказавшиеся пассивными в самые ответственные ее моменты. К числу таких обанкротившихся революционеров Верморель относит Луи-Блана и Ледрю-Роллена, хотя и приводит почему-то в пользу последнего смягчающие «вину» обстоятельства. Зато приговор, вынесенный им Луи-Блану, весьма суров: «Неужели,—восклицает Верморель,—люди, согласившиеся играть в эту опасную игру, но неспособные выдержать той роли, которой домогалось их честолюбие, не должны быть названы великими преступниками?»

На смену этим «неудачникам» приходят ловкие карьеристы, в роде ген. Кавеньяка, видевшие в гражданской войне «средство расчистить себе кровавой расправой путь к власти».

Верморель очень далек от материалистического понимания истории, и это чувствуется всякий раз, как он пытается отыскать причину тех изумительных политических превращений, которые продолжали его «деятели». Ему, напр., кажется, что даже после 10 декабря 1848 года еще можно было исправить ошибки «радикалов», и утвердить свободу руками либералов с Одиллоном Барро во главе (!) — руками людей, которые отошли от революции на другой же день после ее победы. Верморель не понимает той простой истины, что принципы политической свободы, столь дорогие сердцам либералов до февральской революции, стали потом для них не только излишней, но и опасной роскошью. «Буржуазия, — говорит Маркс в своем «18 брюмера»,— справедливо рассуждала, что все оружие, которое она выковала против феодализма, может повернуться против нее самой... что все так называемые буржуазные свободы... нападая на ее *классовое господство*, грозят одновременно и социальному фундаменту и политической *перемене* и становятся, следовательно, социалистическими» [1]).

Идеалистическое понимание истории приводит Вермореля и к переоценке роли «личности» в истории, к непониманию действительного соотношения общественных сил. «С 24 февраля... вплоть до открытия Учредительного Собрания,— пишет он, — Луи-Блан был действительным хозяином положения. Судьба временного правительства находилась в его руках, потому что только ему одному доверял народ, и по одному его жесту народ свергнул бы временное правительство с такой же легкостью, с какою он провозгласил его». Верморелю не приходит, повидимому, и в голову, что эта «легкость» была лишь кажущейся, и что дело было не в одном бессилии Луи-Блана, отсутствии у него определенной программы и должного контакта с рабочими массами: уж один тот факт, что эти массы слепо шли за таким вождем, как Луи-Блан, доказывает всю политическую незрелость и неорганизованность тогдашнего французского пролетариата, предопределившую его поражение в июньские дни. В конечном счете все неудачи революции 48 года Верморель склонен объяснять «неподготовленностью» и «неспособностью» ее деятелей,

[1]) *Маркс*, 18 брюмера Луи Бонапарта. Изд. «Колокол», стр. 57.

непониманием ими истинной сущности свободы и т. п.

Но Верморель вполне прав, поскольку приходит к выводу, что «герои» 48 года, в свое время «погубившие, предавшие, обесчестившие и задушившие республику, не годятся быть снова народными «спасителями». «Народ будет спасать себя собственными усилиями, он оттолкнет притязания этих людей... Демократия, если она не хочет погибнуть, должна покинуть прежнюю дорогу, бросить прежних путеводителей и пробить новый путь с помощью новых людей».

В момент своего появления книга Вермореля, развенчивающая «деятелей 1848 года», могла послужить хорошим предостережением для тех слоев пролетариата, которые еще шли за вожаками буржуазного либерализма и радикализма или готовы были принять политическое руководство людей, в свое время сыгравших, подобно Луи-Блану, крупную роль в рабочем движении, но превратившихся к 1870 году политически в своего рода «живых трупов».

На ряду с политическими характеристиками Верморель дает массу ценного материала по истории революции 48 года, его работа читается с неослабевающим интересом, но выпускать ее в *1923 году без всякого предисловия*, конечно, не следовало. В заключение необходимо оговориться, что книгу прочтут с пользой лишь читатели, знакомые, хотя бы в общих чертах; с революцией 48 года.

Н. Лукин-Антонов.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ. Письма к Карлу и Луизе Каутским (1896—1918 гг.). Перевод с немецкого, под редакцией и с предисловием Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». Москва. 192 . Стр. 194. Тираж 10.000.

Отношения Розы Люксембург с Каутским начались в 1896 г., когда она прислала ему, как редактору партийного журнала, свою статью о националистических течениях в польском социализме. Завязавшиеся на этой почве отношения перешли постепенно в личное знакомство с Каутским, а потом в долголетнюю тесную дружбу с ним и его семьей. Довольно долго Люксембург шла об руку с Каутским в социалистическом движении. С 1906 г. в их отношениях стала ощущаться некоторая напряженность, вызванная отсутствием полного согласия в политических вопросах. С той поры расхождение Розы Люксембург с Каутским все увеличивалось. «Оно достигло своего апогея,—пишет Луиза Каутская,—когда большевизм в России пришел к власти и стал перестраивать государство по-своему. С этого момента с Каутским для нее было покончено». С Луизой Каутской Люксембург сохранила теплые, дружеские отношения до самого момента своей трагически-прекрасной смерти.

Книга писем Р. Люксембург к Каутским представляет громадный интерес. Интерес этот двоякий — политический и психологический. Первая сторона выясняется в предисловии т. Н. Н. Попова. Письма Люксембург—чрезвычайно важный комментарий к событиям международной социалистической жизни — главным образом, немецкой, польской и русской — за время от конца XIX века до начала первой германской революции. Последним словом Розы Люксембург в этой области, как бы ее политическим духовным завещанием, является следующее место из письма от 24 ноября 1917 г., где она говорит об Октябрьской революции. «Радуют тебя россияне? Конечно, в этом шабаше ведьм они не смогут удержаться (здесь проницательность изменила Люксембург. *М. К.*), не потому, что статистика доказывает отсталость экономического развития России, как высчитал твой ученый супруг, но потому, что социал-демократия высоко развитого Запада состоит из самых жалких трусов и спокойно будет смотреть, как русские истекают кровью... Но так погибнуть лучше, чем остаться «жить для отечества», это — акт всемирно-исторического значения, следы которого не исчезнут вовеки».

Рассматриваемые под психологическим углом письма Люксембург дают в совокупности своей портрет человека редкой душевной красоты. В предисловии к немецкому изданию Луиза Каутская останавливается преимущественно на этой человеческой стороне своего погибшего друга.

Роза Люксембург—блестящее опровержение ходячего мещанского предрассудка о том, что «узким политикам» чужды все человеческие интересы, кроме одного. «Красная Роза» была прежде всего политиком. Луиза Каутская характеризует ее так: «Эта душа художника была насквозь пропитана политикой. Политически мыслить, политически действовать—было ее жизненной потребностью; политика была та стихия, в которой она чувствовала себя как рыба в воде». И она была, если угодно, именно «узким» политиком. «В партийных конфликтах она бичевала гибкость—как слабость, уступчивость—как трусость, компромисс—как измену... «Кто не со мной, тот против меня», таков был ее политический лейтмотив. Сама твердая и не сгибающаяся, она требовала того же и от своих политических друзей, и не было таких близких личных отношений, которых она не была бы готова разорвать из-за политического расхождения.

И, однако, какая полнота интересов, какая душевная многогранность отличали Розу Люксембург! Она пишет по поводу Кенигсбергского процесса: «Такой жестокий суд над Россией и Пруссией лучше всех зубчатых гор и смеющихся долин»,—но, оставляя в стороне подобное сравнение, любовь к природе достигала у нее максимальных размеров. Стоит прочесть хотя бы письмо от 13/VII 1900 г., где она поэтически передает свои впечатления от моря, или от марта 1917 г., где она пишет: «Не знаю, отчего это, но чем дольше я живу, тем сознательнее и глубже переживаю каждый год чудо весны, затем—лета, затем—осени. Каждый день для меня—восхитительное чудо, и мне жаль лишь, что недостаток свободного времени мешает мне всецело отдаться созерцанию».

Кроме любви к природе, художественная жилка у Люксембург проявляется в письмах и в том интересе, с которым она говорит о собственных опытах в живописи, и в увлечении литературой различных времен и народов, и в уменьи давать художественные образы и настроения в своих письмах. Напр., та картинка из своей жизни в ранней юности, которую она дает в письме 24, прямо восхитительна по своей лирической выразительности. А описание Генуи в письме от 14/V 1909 г.—совершенство по выдержанности юмористического тона.

Область знания тоже могущественно привлекала ее к себе. Помимо того наслаждения, которое испытывала Роза Люксембург от собственного научного творчества, и самое усвоение знания давало ей громадную радость. Занявшись в тюрьме изучением геологии, она пишет: «Я с головой ушла в геологию, которая чрезвычайно возбуждает мою мысль и доставляет мне много счастливых минут. Мне становится страшно, когда подумаю, как мало мне осталось жить и как много нужно бы еще учиться».

«Как немногие, она умела человечески интересоваться людьми», пишет Каутская, и письма вполне подтверждают это. Отношение ее к самой Луизе, «любимой Лулу», как она ее называет, и к ее детям, к убитому на войне молодому Дифенбаху и к другим полны тонкого внимания, чарующей нежности.

В результате этой полноты человеческих интересов являлось субъективное ощущение счастья жизни. «Всегда неисправимо счастливая Роза», удачно подписывается она однажды. Ни частое пребывание в тюрьмах, ни бедствия мировой катастрофы — войны не мешали этому ощущению. «Когда весь мир потрясен до основания, то я стараюсь лишь *понять*, что̀ и почему случилось, и если я исполнила свой долг, то я снова спокойна и в хорошем настроении. Ну, а там мне остается еще все, что в обычное время радует меня: музыка и живопись, и облака, и собирание растений весной, и хорошие книги, и Мими, и ты, и многое, многое другое,—короче говоря, я очень богата и надеюсь такой остаться до конца». Идеалом ее в отношении к жизни до некоторой степени являлся Гёте. «Я не требую, чтобы ты писала стихи, как Гёте, но его жизнепонимание—универсальность интересов, внутреннюю гармонию—каждый может усвоить себе или, по крайней мере, должен стремиться к этому». Роза Люксембург не только преподает мудрые советы, — в своей жизни она воплотила то требование, которое здесь выставляется.

Перевод удовлетворителен. Режет ухо лишь злоупотребление выражением «пара» в разных сочетаниях,—неоднократно встречается даже «пара раз».

М. Клевенский.

КЛАРА ЦЕТКИН Роза Люксембург и русская революция. Перев. с немец. Е. Успенской, под ред. Н. Н. Попова. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 240.

Написанная еще в начале 1922 г., эта книга вышла только теперь, более года спустя. Между тем уже одни имена автора и великого мыслителя - борца, которому посвящена значительнейшая часть книги, способны вызвать в читателе живейший интерес. Интерес этот, не ослабевая, нарастает от первой страницы до последней, а по мере того, как читатель с жадностью перелистывает одну страницу за другой, он оказывается в полном плену у автора, успевшего на протяжении своей довольно объемистой книги не только покорить его железною логикою мысли, но и насквозь пронизать его тем высоким революционным пафосом, который так счастливо сочетался у ветерана революционного социализма с трезвостью взгляда и остротою критического анализа. Только автор, обладающий такими исключительными достоинствами, как Клара Цеткин,—только она, несмотря на свой преклонный возраст, целиком отдавшая все свои силы Октябрьской революции, глубоко переживая радости и печали этой бурной эпохи и в то же время трезво оценивая ее выдающиеся события, близко знавшая Розу Люксембург и как борца и как мыслителя,—только она, Клара Цеткин, может считаться, более чем кто-либо другой, призванной к разрешению сложных и серьезных вопросов, поставленных в рецензируемой книге. А вопросы эти таковы, что они и до сих пор не утратили своей остроты и злободневности. Главным поводом к написанию названной книги послужило, как заявляет сама т. Цеткин, возмущение, вызванное в ней «попыткой Пауля Леви прикрыть свое бегство из лагеря пролетарской революции в лагерь реформизма именем Розы Люксембург, этого последовательного ненавистника и активного врага реформизма». С этою целью П. Леви и издал в качестве посмертного сочинения Р. Люксембург, снабдив своим предисловием брошюру: «Русская революция. Критическая оценка». Этою брошюрою соглашатели в свое время воспользовались, чтобы начать под прикрытием авторитетного имени новый поход против Великой Российской революции. Клара Цеткин, шаг за шагом разоблачая скрытые партийно-полемические мотивы, которыми руководился П. Леви, выпуская брошюру Розы Люксембург, доказывает, что Леви ни формально, ни по существу не в праве был издавать названную брошюру. Она утверждает и убедительно доказывает путем ссылок на письма к ней Розы Люксембург и на показания ближайшего друга знаменитой революционерки, Лео Иогихеса, а также на целый ряд ее статей из «Роте Фане» и речей позднейшего периода, что изданная Леви брошюрка далеко не отражала позднейших взглядов Р. Люксембург на русскую революцию, что сама Роза Люксембург отнюдь не собиралась издавать свои критические очерки и задумывала заняться новой более крупной работой в этой области. Далее автор подробно останавливается на критической оценке взглядов Р. Люксембург, изложенных в ее брошюре. При этом автору легко удается показать, что взгляды Р. Люксембург на Октябрьскую революцию даже в формулировке, какую они получили в публикованной брошюре, далеко не носят того одиозного характера, который так хотели бы им придать Пауль Леви и его единомышленники.

Этот специальный критический анализ брошюры, который постепенно и незаметно приобретает все более и более широкий размах, приводит Клару Цеткин к необходимости дать более общую и глубокую характеристику Розы Люксембург как мыслителя и борца, безвременная гибель которого именно и была подготовлена теми самыми людьми, которые кощунственно хотели использовать ее великое имя против того, что было делом всей ее жизни. Вычерченный вдохновенным пером Клары Цеткин образ Розы Люксембург своим величием

подавляет жалких карликов реформизма, пытающихся хоть на минуту блеснуть в немеркнущем сиянии ее светлого ореола.

Но этим не ограничивает свою задачу т. К. Цеткин. Она идет дальше, и, не меняя полемического характера изложения, дает серьезный и подробный анализ целого ряда важнейших проблем пролетарской революции вообще: национальная политика, демократия и диктатура пролетариата, красный и белый террор, аграрная политика, военный коммунизм, налоговая политика и новая экономическая политика и т. д.,—вот крупнейшие вопросы, на которых останавливается автор, нередко проливая на них новый свет и открывая подчас такие стороны, которые до того оставались в тени. В этом отношении книга т. Цеткин, как одна из немногих серьезных попыток дать строгое научно-марксистское истолкование основных вопросов пролетарской революции, представляет крупный вклад в нашу литературу. Издана книга с обычной для издательства «Красная Новь» опрятностью и в хорошем переводе.

М. Брагинский.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛ», ежемесячный журнал, основанный Розою Люксембург и Фр. Мерингом. Единственный номер, вышедший в 1915 г. Перев. с нем. Госиздат. М.—ПБ. 1923 г. Стр. 116.

Для большинства современных новых массовых читателей измена германской с.-д.—область предания; сами они не переживали того впечатления, которое создалось у нас после голосования 4 августа 1914 г. герм. с.-д. военных кредитов. Новый читатель знает Шейдемана уже по его практике во время германской революции. Но для того, чтобы понять эту практику, нужно хорошо знать те семена, из которых она выросла. Такими семенами как раз и была военная политика герм. с.-д. Поэтому крайне целесообразно издание в русском переводе единственного номера «Интернационала». Ведь из этих небольших численно, но крайне важных по правильной постановке вопросов политики, элементов и выросло то могучее движение, которое привело у нас к диктатуре пролетариата и к созданию Коминтерна.

Не даром выступление «интернационалистов» так напугало и правительство шейдемановцев, что они поспешили упрятать Люксембург в тюрьму, а самый журнал немедленно закрыть. В статье Штребеля «Из парламентской жизни» рассказана история, великолепно известная «всему Берлину», но скрываемая от немецких рабочих,—история военных разногласий. В этой истории вскрывается внутренняя логика всей дальнейшей ориентировки герм. с.-д. на буржуазию. История внутри-фракционных отношений великолепно известна всем в Берлине, о ней информация появляется сперва в буржуазных газетах, а уже потом в с.-д. Почему делается так? Да потому, что с.-д. и ее руководящие инстанции всячески отгораживаются от партийных масс. И получается такое положение, что отношение с.-д. к войне оформляет не партийная периферия, а правительство и буржуазные партии, которым на предварительный просмотр даются декларации (это делается и 3 августа, и 29 ноября 1914 г., стр. 77—78), при чем и правительство и буржуазия вычеркивают и вносят поправки. При такой ориентировке на буржуазию будут понятны и дальнейшие результаты этой тактики соглашения, компромисса. В ряде статей на конкретном материале рассматриваются отдельные стороны этой политики гражданского мира. («Кто будет расплачиваться за войну?»—ст. И. Кемпфера, «Наши женщины и «женская служба нации»—ст. Е. Дункер, и др.). На почве отношения к войне создавалась творимая легенда о «военном социализме», как предпосылке будущего настоящего социалистического строя. На этом вопросе внимательно останавливается едкая статья П. Ланге «Куда ни глянь, везде социализм». Он детальнейшим образом вскрывает, к чему иному приводит политика государственной регламентации промышленности при исключительном участии в этом деле буржуазии, как не к созданию монопольного частного капитализма. Чего стоит, к примеру, история о том, что регламентация торговли картофелем свелась к тому, что

от закупки и продажи его были устранены все первичные кооперативы, так как, вопреки всем обычаям торгового мира, картофель распределялся только среди организаций, которые вносили заранее громадный аванс. Этим только поощрялась комиссионная и посредническая деятельность. На статье Ланге следует остановиться внимательно, так как политика герм. с.-д. по «военному социализму» в значительной мере предвосхитила ее политику в деле «введения истинного европейского социализма в Германии», чем она занялась с 1918 г. и что привело к «стиннезированию», а вовсе не ее «социализированию».

Основными статьями сборника являются программные стт. Р. Люксембург—«Восстановление Интернационала» и Меринга—«Наши учителя и политика партийных инстанций». В последней Меринг вскрывает то глупое положение, в какое попадают сторонники гражданского мира, когда хотят свои прегрешения покрыть именем наших учителей, почему, пожалуй, для них выгоднее позиция Шейдемана с братией, «которые самым решительным образом настаивают на необходимости плюнуть на ученость» (91). По существу этим делом уже давно занималась герм. с.-д. Ведь, как говорит Р. Люксембург, всеми теоретиками было признано, что теперешняя эпоха ставит альтернативу: либо империализм, либо социализм,—и в момент войны это уже стало ситуацией (9). Когда началась война, шейдемановцы старались запутать это ясное положение теми софизмами, что с.-д. де орудие мира, но не средство борьбы с войною, голосование же военных кредитов привело к тому, что с.-д. фракция стала и вообще за войну. И в этом самое большое прегрешение с.-д., ибо тем самым она явилась главнейшим фактором организации войны, ибо она создает моральный фактор войны, самый основной для широких масс. И боровшаяся на словах прежде с империализмом герм. с.-д. делается его бардом, щитоносцем. И все попытки Каутского и иже с ним подвести теоретический фундаментик под это здание «военного марксизма» (одна работа К. так и называется) приводят только к вящшему конфузу. Ведь по существу пересмотр тактики приводит к отрицанию роли классовой борьбы в момент войны, но этим уничтожается и все наше основное учение, если мы вспомним значение войн в истории и «постоянный диалектический переход войн в классовую борьбу и классовой борьбы в войны,—следовательно, внутреннее единство их сущности» (15). Поэтому-то умнее Шейдеман с приглашением «плюнуть на теорию». Ибо он прекрасно понимает верность следующих слов Люксембург: «Подобно тому, как в личности Маркса были неразрывно слиты, поддерживали и дополняли друг друга проницательный историк - аналитик и смелый революционер, человек мысли и человек дела, точно так же и марксизм, как социалистическое учение, впервые в истории современного рабочего движения соединил теоретическое познание с революционной энергией пролетариата, осветил и оплодотворил одно другим. То и другое одинаково принадлежит к существенным элементам марксизма: без того и другого марксизм превращается в жалкую карикатуру» (19 — 20). Восстановление Интернационала вовсе не такая простенькая вещь, как кажется некоторым. Нет: «восстановление Интернационала может начаться только путем „сурово-беспощадного осмеяния и отрешения от собственной половинчатости и собственных слабостей“, своего собственного нравственного падения со дня 4 августа. только путем ликвидации всей тактики, усвоенной с.-д. с того дня. И первым шагом в этом направлении является активное выступление в пользу быстрого окончания войны, а также согласование условий будущего мира с общими условиями международного пролетариата» (16). И этого «раннего утра уже начался перезвон», как показывает в своей горячей ст. «Борьба за мир» К. Цеткин, при чем ее особенное восхищение вызывает поведение русских пролетариев и их вождей в лице последовательной с.-д. Сборник «Интернационал», повторяем, является незаменимым пособием для познания сущности германской с.-д. и ее наследника — германского коммунизма. Издана книга очень хорошо.

Ст. Кривцов.

Русская история.

1. Н. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ. Феодализм в древней Руси. *А. Неусыхин.* — 2. «Переписка Вильгельма II с Николаем II». *М. Клевенский.* — 3 «Дневники имп. Николая II». *А. Сергеев.*—4. «Материалы для биографии М. Бакунина». *Л. Гроссман.*

Н. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ. Феодализм в древней Руси. С предислов. М. Н. Покровского. Издательство «Прибой». Петроград. 1924 г. Стр. 160.

Работы Павлова-Сильванского имели для науки русской истории огромное значение, до сих пор еще мало оцененное во всех своих последствиях. И преуменьшать их роль в русской историографии никоим образом не приходится, несмотря на то, что им не чужд ряд крупных недостатков. Лежащая перед нами недавно вышедшая вторым изданием, книга суммирует, по собственному признанию автора, основные выводы его специальных исследований.

Павлов-Сильванский—пионер в своей области: он открыл русским историкам существование феодализма в удельной Руси; это отнюдь не значит, что он первый изучил и изобразил те общественные явления и процессы, те государственные порядки, которые он называет «русским феодализмом». Как раз напротив: их усердно изучали и до него, как об этом свидетельствует и он сам в вводной главе своей книги, посвященной обзору теорий русской истории; их изучали такие исследователи как Соловьев, Ключевский Милюков и многие другие, но они упорно не хотели видеть *феодального* их характера. Ослепленные идеей абсолютного своеобразия русского исторического развития, они уподобились тому мольеровскому герою, который говорил прозой, сам того не подозревая... Только один Соловьев попытался наметить некоторые параллели русского развития с западноевропейским, но его работа не была продолжена никем до Павлова-Сильванского: он первый взял на себя задачу перевести порядки русского удельного периода, прекрасно изученного его предшественниками, на язык западно-европейских феодальных отношений. Он опирался при этом, конечно, на уже ранее накопленный материал, давая ему лишь иное освещение, подходя к нему с новыми вопросами; поэтому он и имел право сказать, что его «работа отнюдь не оторвана от почвы нашей науки, как то может показаться на первый взгляд» (стр. 42). Новый подход убедительно показал, что русский удельный порядок и есть феодализм, что ему свойственны в той или иной мере все черты, характерные для феодализма: здесь имеется налицо и крупная вотчина (боярщина, соотв. зап.-европ. сеньёрии), и община, и двусторонняя — частно- и публично-правовая,—зависимость членов этой последней от вотчинника, и иммунитет, и патронат, и вассальная иерархия, и ленная система. Больше того: сходство доходит до последних мелочей в ряде правовых институтов и бытовых явлений. Сжатому изложению этих выводов и посвящена разбираемая книга; лишь в конце прибавлена глава о московской сословной монархии и о петербургском периоде русской истории, и дана общая схема русского исторического развития в понимании автора, отличающаяся оригинальностью и остроумием. Павлов-Сильванский делит русскую историю на три основных эпохи: эпоху Киевской Руси, удельной северо-восточной Руси и эпоху сословной монархии; 1169 г. (год взятия Киева Андреем Боголюбским) знаменует окончательный переход к торжеству удельного порядка, а 1565 год (опричнина Иоанна Грозного) — образование сильной сословной монархии. Петровская эпоха, с этой точки зрения, есть лишь продолжение московской: та же монархия на основе крепостного права и сословного строя, лишь преобразованная из чисто-сословной монархии в абсолютную. Феодализм Павлов-Сильванский помещает как раз во вторую из намеченных им эпох, т.-е. в удельный

период, приблизительно от конца XII до середины XVI века. Таковы положительные выводы нашего автора. Как должны мы подойти к их оценке?

М. Н. Покровский в своем предисловии к новому изданию книги при попытке дать ее оценку сделал ударение преимущественно на *политическом* значении ее выводов, разрушающих славянофильские представления об «особенной стати» нашей матушки Руси. Нам хотелось бы подчеркнуть их *социологическое значение*.

Историческая наука имеет своею целью не только накопление сырого материала и его конкретное изучение, но и построение некоторых общих социологических категорий, установление ряда закономерностей.

Каждая вновь установленная закономерность не только подвигает вперед дело построения социологии как науки об обществе, но приносит чрезвычайно существенную пользу и конкретному историческому изучению. Абстракция и конкретное исследование, анализ и синтез идут здесь рука об руку. Феодализм уже давно превратился из категории конкретно-исторической в социологическую: его находят не только в средневековой Западной Европе, но и в древней Греции, и в Риме, и в государствах древнего и современного Востока. Россия до работ Павлова - Сильванского составляла, как казалось, исключение. Внимательное сравнение показало, однако, что и ей была знакома общая чуть ли не всем народам феодальная стадия развития. Вот в чем огромное значение работ Павлова-Сильванского. Однако, проводить исторические параллели — дело не легкое: нужно, помимо черт сходства, установить и черты различия, не только отвергнуть «абсолютное своеобразие», но и оттенить наличие «относительного своеобразия», по выражению Г. В. Плеханова [1]). Сам Павлов-Сильванский прекрасно сознавал это, как о том недвусмысленно свидетельствует его собственное заявление (на стр. 45), но «предоставил будущему детальное, сравнительно, выяснение более извилистых и менее сходных линий исторического процесса у нас и на Западе», ибо он сознательно самоограничивается изучением аналогичного и тут и там феодального *порядка* и его юридических институтов, не отрицая своеобразия *процесса* феодализации там и здесь (см. стр. 45). Самоограничение, конечно, необходимо для пионера, но оно послужило источником крупных недочетов в работе. Павлов-Сильванский недостаточно владеет тем методом, которым орудует,—социологическим методом сравнительно-исторических параллелей. Поэтому он именно *переводит* с русского языка на западно-европейские языки ряд терминов и институтов как юридических, так и экономических. У него закладничество—патронат, защита — мундебурдиум, община — марка, боярщина — сеньёрия, челобитье — оммаж, жалованье — бенефиций и т. д. Беда не в том, что это неверно (ибо это, конечно, верно), а в том, что русский иммунитет, патронат, оммаж и т. д. представляют собою не простое тождество с западно-европейскими, а лишь *особую, конкретно-историческую вариацию на одну и ту же социологическую тему*, лишь *русскую форму* иммунитета и патроната вообще; а в этом их качестве Павлов-Сильванский эти институты не рассматривает. Другая его ошибка проистекает из того обстоятельства, что, изучив самостоятельно на материале источников явления русской истории, он сравнивает их не с такими же самостоятельно изученными фактами и явлениями из истории Зап. Европы, а с теми *представлениями* о них, которые он нашел в современной ему западно-европейской историографии. Поэтому многие его взгляды, как это ни странно, успели устареть, прежде чем получили всеобщее признание (он умер в 1908 г.). Поэтому и самое понятие феодализма у него спорно, и в московской сословной монархии он недостаточно резко выявил феодальные черты. Но все эти недостатки происходят из одного общего источника: Павлов-Сильванский был пионером в деле изучения русского феодализма. Отсюда следует лишь тот вывод, что продолжение работы по изучению русского феодализма есть настоятельная потребность русской исторической науки.

[1]) Ср. *Г. Плеханов*, История русской обществ. мысли, т. I.

Книга переиздана своевременно, ибо была распродана, а интерес представляет большой.

Можно только пожелать в заключение, чтобы и другая работа того же автора о русском феодализме вновь увидела свет.

Р. Неусыхин.

ПЕРЕПИСКА ВИЛЬГЕЛЬМА II с НИКОЛАЕМ II. 1894—1914. С предисловием М. Н. Покровского. Центрархив. Госуд-арств. Изд. 1923. Стр. 198. Тираж 15.000.

В изданной Центрархивом переписке Вильгельма с Николаем, по сравнению с заграничным изданием, имеются некоторые дополнения,—несколько сохранившихся черновиков писем Николая и телеграммы обоих корреспондентов. Переписка сохранилась не в полном объеме, не все письма и телеграммы оказались в романовском архиве. Писем Николая Романова очень немного—всего 5. К изданию присоединено небольшое содержательное предисловие М. Н. Покровского, а в конце приложены именной указатель и пояснительные примечания, касающиеся политических событий, упоминаемых в переписке. Эти комментарии могли бы быть щедрее — многие места требовали бы пояснений для рядового читателя. Переписка охватывает 20 лет—с момента вступления на престол Николая II до начала мировой войны.

Главный интерес переписки—в области истории международных отношений. В первые годы царствования Николая Вильгельм усердно стремился к тому, чтобы столкнуть Россию и Англию на Дальнем Востоке и подготовить тем условия для создания общей континентальной коалиции против Англии. Он красноречиво втолковывал своему «кузену», что «для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защита Европы от вторжения великой желтой расы». «Европа должна быть благодарна тебе за то, что ты так быстро понял, какую великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой европейской христианской культуры против вторжения монголов и буддизма». Стараясь целиком направить Николая на это дело «защиты креста», Вильгельм давал обещание «охранять его тыл» в Европе. В январе 1904 г., накануне столкновения России с Японией, Вильгельм писал царю: «Для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской». Во время русско-японской войны Вильгельм, естественно, старался как можно лучше обделать временно ошалевшего от неудач «Ники». Он настаивал весьма требовательно на скорейшем подписании русско-германского торгового договора, на условиях, предложенных Германией, писал проекты русско-германского союза, явно направленного против Франции, неоднократно напоминал, в связи с планом создания нового русского флота, чтобы Николай не забывал своими заказами германских торговых фирм. Иногда Вильгельм весьма решительно нажимал винт, доходя, напр., до угроз запретить германским пароходам поставлять уголь злополучной эскадре Рождественского. С 1907 года попытки создать русско-германский союз против Англии прекращаются. Вильгельм стремится непосредственно столковаться с Англией.

Не мало в письмах Вильгельма рассеянно указаний относительно внутренних дел России. Знаменитые «крылатые слова» Николая к депутатам земства о «бессмысленных мечтаниях» Вильгельм называет «превосходной речью». Письма Вильгельма начала 1905 г. наполнены советами о внутренней политике России, в особенности обширное письмо от 21 февраля. Там дается такая картина: царь, приехавши в Москву и поговоривши сначала с представителями дворянства, потом, «окруженный духовенством с хоругвями, крестами, кадилами и святыми иконами», выходит на балкон к народу, «окруженному сомкнутыми рядами войск, с примкнутыми штыками, с саблями наголо». Царь объясняет народу, что он сам, если будет нужно, отправится на войну делить ее тяготы со своими подданными и поведет свои войска к победе. «Весь народ, глубоко тронутый, будет восторженно приветствовать тебя, упадет на колени и будет молиться за тебя».

Этим советом Николай отчасти воспользовался позже, только в войне не против Японии, а против самой Германии, когда он решил лично «вести войска к победе». Увы! вильгельмовский рецепт не пошел на пользу.

Некоторые письма Вильгельма крайне интересны с точки зрения психики той общественной группы, к которой он принадлежал. Чего стоит, напр., хотя бы такой «крик души» от 7 февраля 1895 г. «Мой рейхстаг держит себя из рук вон скверно, колеблясь между социалистами, подстрекаемыми жидами, и ультрамонтанами-католиками; насколько я могу судить, скоро обе партии надо будет поголовно перевешать». Прямо великолепно по своему законченному тупоумию письмо от 25/X-1895 г. Вильгельм сетует здесь на ту опасность, которая кроется в самой форме дружеских отношений между монархической Россией и республиканской Францией. «Республика как бы возносится на пьедестал. Постоянное появление коронованных особ, великих князей, государственных деятелей, генералов в полной парадной форме на смотрах, похоронах, обедах, скачках вместе с главой республики или с его свитой позволяет республиканцам, как таковым, воображать, что они совершенно порядочные, прекрасные люди, с которыми коронованные особы могут быть на равной ноге».

Переписка Вильгельма с Николаем представляет большой интерес для историка. Но именно—для историка в первую голову; а не для широкой читательской массы. В виду этого выпуск книги в 15.000 экземпляров можно признать слишком большим.

М. Клевенский.

ДНЕВНИКИ ИМП. НИКОЛАЯ II. Кн-ство «Слово». 1923. Берлин. Стр. 275.

Перед нами новое зарубежное издание с заманчивым для русского читателя заглавием. Последний, правда, имеет уже некоторое представление о дневниках последнего царя, так как отрывки из них неоднократно появлялись, года четыре тому назад, в наших советских газетах. Но появление целого тома дневников естественно вызывает живое любопытство.

Однако, изучение книги влечет за собой разочарование и, вероятно, лишь укрепит в читателях нелестное для «Слова» убеждение, что это издательство, в погоне за сенсационным материалом, мало заботится о научной доброкачественности последнего. Дневники Николая II в настоящем издании изобилуют теми же неточностями и искажениями, которые так характерны для изданных «Словом» двух томов «Писем имп. Александры Федоровны».

Как видно из подзаголовка, в рецензируемый том вошли дневники Николая II за 1890, 1892, 1894, 1895, 1896, 1904, 1906 гг. Чем руководилось издательство, выпуская в свет именно эти, а не более ранние или более поздние дневники, из предисловия узнать нельзя. При этом странное впечатление производит несоблюдение обычных археографических приемов издания исторических документов, именно—отсутствие указаний на местонахождение дневников, их вид, сохранность, пагинацию, номера, которыми обозначал их сам Николай II, и т. п. А при сличении напечатанного текста с подлинными дневниками бросается в глаза несоответствие пунктуации, отсутствие во многих местах восклицательных знаков, которые последний царь своеобразно ставил, заменяя ими словесное выражение своих «эмоций» (любимое его словечко), чуждая подлиннику транскрипция некоторых фамилий и имен, напр., везде «Шереметьев» вместо «Шереметев», «Мишей» вм. «Мишой» (Николай произносил «Миша») и т. п. На поверхностный взгляд это, может-быт, и мелочи, но, с научной точки зрения, эти дефекты наглядно характеризуют как приемы издания, так еще более неудовлетворительность копий, по которым дневники напечатаны. Это последнее обстоятельство заставляет предполагать, что копии дневников Николая II попали в распоряжение «Слова» таким же темным путем, как и копии писем быш. имп. Александры Федоровны.

При просмотре содержания дневников оказывается, что они даны не полностью, а в отрывках, в виде фрагментов разной

величины, за исключением дневника за 1904 год, напечатанного полностью. Отрывки даны под особыми заголовками. Так, из дневника за 1890 год выборки напечатаны под такими названиями: «Зимний сезон» (1 янв.—15 марта), «Лагерь и маневры» (9 мая—1 авг.), «Охота в Спале» (3 сент.—3 окт.) и «Путешествие по Нилу» (15—22 ноября). Почему из описания известного путешествия Николая на Восток взяты бессодержательные страницы, посвященные регистрации скудных впечатлений от плавания по Нилу,—непонятно. Думается, Нил можно было бы заменить более поздним Кобе, где на Николая было произведено покушение, которое он описал в дневнике довольно подробно. Но о выборе отрывков—после. Посмотрим, в какой степени точно издание этих отрывков воспроизводит подлинный текст.

На первой же странице мы находим пропуски и неточности. Вот примеры.— Под 2 янв. 1890 г. напечатано: «завтракали д. Павел, гр. Шереметьев»,—в оригинале: «завтракали д. Павел (дежурный) и гр. Шереметев». Под тем же числом напечатано: «обед у Алексея»,—в оригинале: «обед у д. (дяди) Алексея». Под 6 января напечатано: «шла «M-ele Ève»—очень мило»,—в оригинале: «Поехали во франц. Шла «M-elle Ève»—очень мило». Такого рода неточности встречаются, без преувеличения, почти в каждодневной записи. А рядом с ними идут неточности, искажения и пропуски более серьезного характера. Напр., под 16 января напечатано: «завтракали: дядя Александр...»,— в оригинале: «д. Альфред»; под 27 янв. напечатано: «бенефис», — в оригинале: «бенефис Lina Muntè»; под 18 февр. напечатано: «вернулись к завтраку в Аничков, за котор. были Ира и Ольга»,— в оригинале: «вернулись к завтраку в Аничков, за которым были: Барятинский, Вердер и Володя Шер. (деж.). На катке были Ира и Ольга». То же и в дневнике за 1892 г.: под 1 янв. напечатано: «закусывали в 8 ч. с М.»,—в оригинале: «закусывали в 8 ч. с m-elle Lescaille» (кстати сказать, в изданных дневниках везде почему-то напечатано «m-me Lescaille»). Под 2 янв. напечатано: «бедный Эдди скончался в 10 ч. утра»,—в оригинале: «бедный Эдди скончался в Sandrinham в 10 ч. утра». На протяжении двухсот с лишним страниц печатного текста дневников таких погрешностей можно найти, думается, считая по одной на страницу, до трехсот,— цифра невероятная, гомерическая, к которой никаких комментариев не требуется.

Какова историческая ценность напечатанных «Словом» отрывков из дневников Николая II вообще? Широкая читающая публика, ищущая раскрытия личного отношения Николая к крупным событиям его царствования, интимных подробностей его личной жизни, сведений о роли Распутина в семейных делах бывшего царя и т. д., будет разочарована: дневники представляют собой, большей частью, лишь однообразную регистрацию приемов, завтраков, прогулок, обедов, поездок, дежурных флигель-адъютантов, удачно застреленных ворон, представлявшихся чинов и т. д. Ежедневные записи редко занимают больше страницы обычного типа «учебной», «общей» тетради, и не часто в них отражаются чувства, которые вызывались в Николае регистрируемыми им фактами и людьми. Такой характер дневников объясняется отнюдь не неумением Николая давать письменные оценки пережитому (иное дело, конечно, качество этих оценок). Большое количество оставшихся после него писем и резолюций свидетельствует о том, что он умел ясно и кратко сказать то, что хотел. Очевидно, к дневнику у него был свой подход—не беседа наедине с самим собой по поводу виденного, испытанного и продуманного за день, а сухая почти статистическая регистрация, беглое записывание для памяти, которая, если нужно будет или захочется, восстановит все бывшее везде по этим намекам, перечислениям, названным именам. В дневнике, веденном в сибирской ссылке, Николай записал однажды, что с удовольствием перечитывал свои дневники. Очевидно, они говорили ему то, чего не скажут ни одному читателю. Последнему приходится брать многое воображением, догадкой, рядом исследовательских приемов. Однако, такое чтение дневников, конечно, может увлечь ученого, но не рядового читателя, который, раскрыв книгу, ве-

роятно, через полчаса захлопнет ее с мыслью, что дневники Николая II не содержат ничего интересного. И такой читатель будет, по-своему, прав, ибо в дневниках царя редки такие, напр., признания, как вырвавшееся из-под его пера 17 окт. 1905 года: «Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова стала тяжелой, и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усмири Россию!»

Но положение более серьезного читателя дневников и историка николаевского времени, однако, вовсе не безнадежно. За человеком, идущим по освещенной улице, шагает, хочет он этого или не хочет, его тень. Так и на монотонных страницах дневника быв. царя, в его лаконично бесстрастных записях случившегося за день искусный исследователь уловит образ автора и, безусловно, сумеет нарисовать по ним психологический портрет Николая II с такими подробностями, каких не дадут никакие мемуары и письма. Но, чтобы собрать их, разумеется, мало отрывков, дающих известное понятие о писательской манере Николая, но содержащих совершенно недостаточный фактический материал. Задачу издания литтерально, как говорили в старину (т.-е. буквально), точного текста всех дневников Николая II (51 тетрадь), и притом без купюр, полностью, может и должен взять на себя, конечно, лишь Центрархив. Опубликованные же «Словом» дневники, напечатанные по случайным и весьма неисправным копиям, в виде произвольно выбранных отрывков, никакого научного значения не имеют.

В заключение следует упомянуть, что указатель к «Дневникам имп. Николая II» грешит отсутствием объяснений ряда имен и прозвищ, встречающихся в тексте. Они неизвестны широкому читателю и их следовало расшифровать.

А. А. Сергеев.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ М. БАКУНИНА. По архивным делам б.б. III отделения и морского министерства. Редакция и примечания Вячеслава Полонского. Т. I. Государств. Издат. Москва — Петроград. 1923 г. (Из серии Центрархива: Документы по истории литературы и общественности). Стр. XII+638.

За последние годы изучение Бакунина стало у нас на прочную научную почву. Начиная с работы А. А. Корнилова, через последующие труды Ю. М. Стеклова и В. П. Полонского, биография Бакунина (пока до последнего периода) все более проясняется, фиксируется до степени ne varietur и окончательно освобождается от легенд, преданий и догадок, обильно накопившихся вокруг героической фигуры знаменитого революционера. Обширная документация по новым важнейшим материалам и строгая критическая проверка прежних свидетельств,—вот характеристические черты новейшей «Бакунианы», уже расчистившей поле для возведения первой научной биографии виднейшего из анархистов. Не мало ошибочных утверждений и гипотетических построений прежних исследователей теперь бесповоротно сдано в архив. Так, литературные произведения, еще недавно приписываемые Бакунину (как, напр., брошюра «Шеллинг и откровение»), неоспоримо отводятся от него по принадлежности другим авторам, сочинения же спорные, как «Катехизис Нечаева», так же уверенно закрепляются за ним. Сложные и запутанные темы, как, напр., вопросы о взаимоотношениях Маркса и Бакунина, о точном разграничении этапов бакунинского мировоззрения и целый ряд других проблем уже разрешен с большой тонкостью и убедительностью в трудах новейших исследователей. В этом направлении немало потрудился редактор отчетной книги, обнаруживший уже в своей монографии о Бакунине ценное умение сочетать живой драматизм изложения с творческой разработкой свежих архивных материалов.

В настоящее время Вяч. Полонский приступил к специальному опубликованию документов для биографии Бакунина, рассчитанному, видимо, на несколько

томов. По образному выражению редактора, революция, «сбив замки с царских архивов», обнаружила ряд драгоценнейших свидетельств об «апостоле всемирного разрушения». Имеется, оказывается, *более восьми томов* архивных дел о пленнике трех правительств (и это—не считая всевозможных интимных документов в роде его личной переписки, не считая также Прямухинского архива, рассчитанного в свое время Корниловым на несколько томов новых публикаций). Эти подспудные архивные богатства невольно наводят на мысль: как еще мало мы знаем Бакунина! Сколько настойчивости и кропотливого прилежания потребуется от наших бакунистов, чтоб разработать, опубликовать и научно использовать этот огромный сырой материал, таящий в себе россыпи драгоценнейших сведений о русской философской культуре и европейских политических бурях прошлого столетия.

Вот почему вышедшее теперь издание «Материалов» приходится всячески приветствовать. Этими томами Центрархив подводит капитальный фундамент под строящуюся на-ново летопись жизни Бакунина. Уже первый выпуск собрания, относящийся к наиболее разработанному периоду его жизни (до возвращения в Европу), имеет значение первоклассного источника для изучения автора «Кнуто-Германской Империи». Достаточно указать, что здесь помещена первая научная редакция знаменитой «Исповеди», опубликованной в 1921 г. с большими текстуальными и редакционными дефектами. Тщательно выверенный и с максимальной точностью воспроизведенный текст этого замечательного документа в настоящем издании должен быть признан дефинитивным. С такими же редакторскими гарантиями здесь переиздано известное письмо-прошение Бакунина Александру II.

Собранный в первом томе материал разбит на четыре рубрики: 1) до ареста, 2) в крепостях, 3) в Сибири, 4) побег.

В первом отделе помещены бумаги, отобранные у Бакунина после его ареста в Хемнице и заключающие черновики его статей о славянском освобождении. Частично уже использованные исследователями, они представляют в целом интереснейший материал для суждения о ранней литературной манере Бакунина: острая современность темы и своеобразная напряженность динамического стиля,—таковы основные черты его молодых писаний. Некоторые тезисы здесь захватывают далекое будущее; интересна мысль, что революция в России и Польше означает революцию во всей Германии; любопытно утверждение (сделанное в разгаре николаевской реакции), что ни одна страна в Европе не близка настолько к революционному перевороту, как Россия; характерно определение современных государств как «завоевательных машин».

Для оценки личности Бакунина, его характера и темперамента не мало ценных черт сообщают письма к нему некой М. Полудинской, безгранично полюбившей Михаила Ал-ча и встретившей с его стороны полное равнодушие. Это превосходные образцы тех сердечных и самоотверженных писем, которые так прекрасно умели писать русские женщины 40-х годов.

Крупнейшую ценность нового собрания представляют впервые публикуемые здесь полностью следственные материалы австрийского трибунала, судившего Бакунина. Многое из его революционной деятельности в 40-е годы, известное до сих пор лишь по выдержкам и слухам, непререкаемо устанавливается теперь документальными данными. Обвинительный акт, следственное производство, протокол и приговор Военного Суда разворачивают во всех деталях драматическую картину борьбы королевского правительства с этим одиноким подсудимым, которого один из свидетелей процесса характерно назвал «выкованным из стали».

Переписка Бакунина с родными из крепости сообщает немало новых данных для характеристики его умственных интересов, душевных привязанностей, философских запросов. Это — интереснейшие образцы русской эпистолярной литературы прошлого столетия. Любопытно отметить, что даже в одиночном заключении, потерпев полное крушение своих замыслов, едва надеясь на смягчение своей участи, этот «поверженный Дон-Кихот», как сам он называет себя,

не изменяет своей страсти к проповеди, к поучениям, к моральной пропаганде. Хотя сам он предупреждает родных, что прошло время его пристрастия к «бесконечным рассуждениям», он не перестает в своих тюремных письмах наставлять своих братьев и сестер, раскрывая им их жизненные задачи, руководя их умственными интересами, и заполняя при этом целые страницы философскими, нравственными и педагогическими сентенциями. Отношения супругов, моральное значение земледельческого хозяйства, обязанности помещика к крестьянам, опасность отвлеченного мышления, преимущество практической жизни перед абстрактной рефлексией,—все это напоминает по манере и тону французских моралистов XVII века или же знаменитую «Переписку» Гоголя. Но эти «sermons d'un naufragé» («проповеди потерпевшего крушение»), как удачно называет свои письма сам Бакунин, полны живых и интересных оценок, умных афоризмов, метких наблюдений и «горестных замет». Пережитый тяжелый опыт как бы снова обращает его к ранней умственной поре, неожиданно заполняя эти письма 50-х годов ссылками на Гёте, Э. Т. А. Гофмана или Гоголя. Словно пережив великие политические бури и катастрофы, разбитый боец возвращается к далекому периоду своих прямухинских «созерцаний», снова сочетая дар страстного пропагандиста с увлечением художественно-философской культурой романтизма. Вероятно, не одна цитата из этих новых «исповедей» послужит будущему исследователю.

Наконец, обстоятельно представленный новыми документами последний отдел—«Побег Бакунина из Сибири» читается с интересом авантюрного романа. Обширное собрание различных записок, «протоколов» и «отношений» растерявшихся царских чиновников всех рангов и степеней дает в общей сложности нечто в роде грандиозной немой сцены «Ревизора». Опаснейший из современных «врагов престола», европейски знаменитый мятежник, отважно и тонко обманувший бдительность своих тюремщиков, совершенно ошеломил «официальные круги». Этот отдел важен не столько для понимания Бакунина, сколько для характеристики тогдашних взаимоотношений различных органов слабеющей императорской власти.

Сжатые, но прекрасно ориентирующие вводные статьи редактора к каждому отделу и обстоятельные примечания сообщают необходимые дополнительные сведения и умело направляют внимание читателя.

Отчетное издание обращает нас к самой очередной и жизненной задаче, стоящей перед нашими учеными бакунистами: изданию канонического текста их автора. Русской литературе давно пора иметь «полного Бакунина»—всеобъемлющее собрание его творений, основанное на сохранившемся рукописном фонде и первопечатных публикациях, снабженное научным комментарием и справочным аппаратом. Нечего и говорить, что по существующим у нас изданиям бакунинских статей и речей серьезное изучение его мысли, личности и судьбы крайне затруднительно. Не странно ли, что до сих пор один из самых ярких деятелей XIX века, развернувший свою пропаганду и активность в европейском масштабе, поражавший современников потрясающим даром слова, представлен у нас случайными изданиями, не претендующими на точность текста и научность комментариев? Пора нашим академиям и ученым институтам учредить какую-либо «Бакунинскую комиссию» для систематизации и широкой планировки предстоящих огромных работ по собиранию, сверке и комментированию рассеянных по миру драгоценных текстов.

Вышедшие теперь «Материалы для биографии Бакунина» могли бы послужить преддверием, пролегоменами, «пропилеями» к такому исчерпывающему полному собранию. Предстоящая огромная, сложная и кропотливая работа, предполагающая раскопки заграничных архивов и разыскания редчайших изданий, заранее оправдана той исключительной ролью, какую сыграл Бакунин в развитии русской общественно-философской мысли и в истории европейских социально-политических движений.

Л. Гроссман.

История революционного движения в России.

1. М. КОВАЛЕНСКИЙ. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. *Б. Козьмин.*— **2. М. ЛЕМКЕ. Политические процессы в России.** *Б. Козьмин.*—**3. П. МАСЛОВ. Крестьянские движения в России.** *Ю. Спасский.*—**4. «История Екатеринославской социал-демократической организации».** *В. Невский.*—**5. I. Н. АВДЕЕВ. Революция 1917 г. т. II. II. В. ВЛАДИМИРОВА. Революция 1917 г., т. III.** *С. Пионтковский.* — **6. А. ФАЙНШТЕЙН. Марк Малиновский.** *Г. Лелевич.*

М. КОВАЛЕНСКИЙ. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. Кн. 1-я. Изд. Т-ва «Мир». Москва. 1923 г. Стр. 227.

Задача рецензируемой книги—служить пособием для лиц, приступающих к изучению истории русского революционного движения. Автор справедливо предполагает, что таким лицам необходимо для лучшего ознакомления с различными этапами революционной борьбы иметь представление хотя бы о наиболее крупных и важных судебных процессах революционеров. Вместе с тем, не довольствуясь данными, заключающимися в отчетах о процессах, автор счел необходимым подобрать, присоединить к ним дополнительные материалы, взятые из воспоминаний современников как о самих политических процессах, так и о поведении на суде тех или других из подсудимых, о впечатлении, произведенном процессами на современников, и т. п. Не считая возможным давать отчеты о процессах целиком, как это делал Богучарский в своих сборниках «Государственные преступления в России», автор ограничивается отрывками из этих отчетов,—отрывками, наиболее яркими и характерными, дающими представление о наиболее важных моментах данного судебного процесса. Конечно, такая постановка издания открывает обширное поле для субъективизма составителя и ставит перед ним весьма нелегко разрешимую задачу — отделить из груды материалов наиболее ценные крупицы.

Задача—весьма сложная, и надо сказать открыто, что составителю рецензируемой книги далеко не удалось с ней справиться. В первую часть своей работы автор включил процессы нечаевцев и самого Нечаева, процесс 50-ти и процесс 193-х. Почему выбор автора для первого выпуска его издания остановился именно на этих процессах—не совсем ясно. Сам автор не считает нужным обосновать свой выбор и пояснить, почему более ранние политические процессы не привлекли его внимания. Среди политических процессов 60-х годов, не говоря уже о декабристах и петрашевцах, есть процессы не менее важные, с точки зрения ознакомления с развитием революционного движения, чем процессы, использованные составителем. Это—первое недоумение, вызываемое рецензируемой книгой, и это недоумение возрастает, когда автор заявляет, что в дальнейших выпусках предполагается поместить процесс В. Засулич, дело 1 марта 1881 г., процесс первого Совета рабочих депутатов и т. д. Что за странный скачок от 1 марта к революции 1905 г.? Неужели между этими двумя событиями составитель не находит никаких судебных процессов, ознакомление с которыми не только желательно, но и обязательно для желающих изучать историю революционного движения?

Посмотрим, как составитель использовал те процессы, которые включены им в состав первого выпуска. Остановимся на деле Нечаева, которое вызывает наибольшее сомнение. Автор дает выдержку из обвинительного акта по делу нечаевцев, выдержки из знаменитого «катехизиса», часть судебного приговора, выдержки из показаний подсудимого Кузнецова, речи защитников—Урусова и Спасовича, краткие сведения об аресте Нечаева по книге Р. М. Кантора «В погоне за Нечаевым», отрывок из помещенных в «Былом» воспоминаний Д-а о том же аресте, отчет о процессе самого Нечаева и, наконец, сведения о пребывании Нечаева в Алексеевском равелине. Достаточно ли этих материалов для того,

чтобы читатель получил правильное и ясное представление о Нечаеве и его деятельности? Конечно, нет. Дело в том, что деятельность Нечаева в России распадалась на два периода, разделенные друг с другом поездкой в марте 1869 г. за границу. Первый период—зима 1868—1869 г.—протекал в Петербурге; в это время Нечаев вмешивается в студенческие волнения, происходившие в петербургских высших учебных заведениях, для того, чтобы придать этим волнениям политический характер и использовать их в целях борьбы с самодержавием. Во втором периоде—осень 1869 г.—Нечаев, по возвращении из-за границы оказывается в Москве и организует тайное общество «Народная Расправа». Конечно, читателям рецензируемой книги должно быть дано представление о том и другом из этих периодов. Это важно хотя бы потому, что Нечаев петербургского периода далеко еще не находился под таким сильным влиянием идей Бакунина, как во втором периоде. Между тем материалы, собранные в рецензируемой книге, относятся *исключительно* ко второму периоду. Первый же период деятельности Нечаева и в частности его роль в университетских волнениях остается совершенно невыясненной для читателя. Между тем относительно первого периода имеется чрезвычайно ценный и характерный материал, как, напр., «Программа революционных действий», целиком вошедшая в стенографический отчет о деле нечаевцев, использованный составителем.

При таких условиях приходится констатировать, что составитель не вполне справился с задачей—отобрать из судебных отчетов и воспоминаний наиболее ценные и дающие правильное и полное представление о соответствующих событиях материалы. Конечно, и в том виде, как она есть, книжка Коваленского может принести некоторую долю пользы. Однако, тем, кто имеет возможность познакомиться с вышеупомянутыми сборниками Богучарского, можно посоветовать за книжку Коваленского не браться.

Б. Козьмин.

М. ЛЕМКЕ. Политические процессы в России 1860 гг. (По архивным документам). Изд. 2-е Госуд. Издат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 684.

Скончавшийся несколько месяцев тому назад в Петербурге М. К. Лемке имеет большую заслугу перед историей русского революционного движения. В особенности это приходится сказать по отношению к революционному движению 60-х годов. Этой эпохой Лемке больше всего интересовался, ее он лучше всего знал, наиболее ценные его работы относятся именно к революционному и общественному движению этого времени. Заслуги М. К. Лемке в области изучения эпохи 60-х гг. поистине громадны. Им была найдена, собрана, опубликована и введена в научный обиход масса ценнейших исторических и историко-литературных документов, характеризующих эту эпоху.

М. К. Лемке был не столько ученым исследователем, сколько неутомимым собирателем материалов. Научных обобщений, социологического анализа изучаемых явлений в его работах искать не приходится. В этом отношении он был иногда поразительно беспомощным. Его книги представляют из себя систематизированное собрание документов—и только. Однако, если не требовать от работ Лемке того, чего не мог дать их автор, то надо признать, что эти работы имели и до сих пор сохраняют весьма важное значение. Без ознакомления с ними немыслимо серьезное изучение эпохи 60-х годов, ибо они дают читателям массу ценнейших фактических сведений и исторических документов.

Рецензируемая книга вполне соответствует общему типу работ М. К. Лемке. Это—прежде всего собрание документов, систематизированных не всегда удачно и расположенных применительно к отдельным судебным процессам того времени. В основу книги положена изданная автором в 1907 г. и пользующаяся широкой популярностью работа «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского». Однако, новое издание своими размерами значительно превышает старое. Кроме трех процессов, собранных в ста-

ром издании, в новое введены: процесс Заичневского и его товарищей, дело о фотографическом воспроизведении революционных реликвий (процесс студентов Стенуто и Бабашинского) и, наконец, дело о прокламации «Граждане» (процесс Ник. Васильева, Волкова и др.). Надо сказать, что почти весь введенный в новое издание материал не является новостью. Большая часть его была уже опубликована самим М. К. Лемке в его примечаниях к «Полному собранию сочинений и писем» А. И. Герцена и в журнальных статьях («Как был создан процесс Чернышевского», в «Былом», № 14, 1919 г.). Лишь очень немногие документы появляются в печати впервые в рецензируемом издании.

Среди этих документов наибольший интерес и наибольшее историческое значение представляет письмо Заичневского, написанное к неизвестному лицу в 1889 г. и окончательно устанавливающее авторство первой в России социалистической прокламации «Молодая Россия». Прокламация эта, как это документально подтверждается приведенным М. К. Лемке письмом, была написана самим Заичневским и подверглась обсуждению его товарищей, находившихся вместе с ним в заключении в Тверском полицейском доме. Пункт об упразднении брака и семьи был введен по инициативе поэта Гольц-Миллера, предложение которого о включении этого пункта понравилось Заичневскому и его товарищам, «как излишняя порция пороха, которого искали тогда и хотели нагромоздить столько, чтобы всем либеральным и реакционным чертям стало тошно».

Включение в рецензируемую книгу дела Заичневского представляется вполне понятным и правильным. Через привлекавшихся по этому делу предателя Костомарова и студентов Сороко и Сулина это дело тесно связано с процессами Михайлова и Чернышевского, в которых предательская роль Костомарова развернулась во всю ширь. Нельзя сказать того же про другие два дела, включенные в новое издание; они стоят совершенно особняком, да к тому же и не представляют особенно большого интереса. Это рядовые процессы 60-х годов, и трудно понять, почему выбор автора остановился именно на этих процессах.

Б. Козьмин.

П. МАСЛОВ. Крестьянские движения в России. Ч. I. Издат. Т-ва «Мир». Москва. 1923 г. Стр. 137.

На мглистом заболоченном фоне русской истории XIX века крестьянское движение светится прерывистым светом. Яркое зарево разиновщины и пугачевщины сменяется мятежными вспышками в отдельных уголках петербургского царства, быстро гаснущими под напором его военно-полицейской силы.

Историку «Крестьянских движений» прежде всего следовало бы очертить правильную историческую перспективу. Основные вопросы, на которые мы были бы в праве ожидать ответа, можно формулировать так: почему в целом народ затих после пугачевщины; почему из этой немой гущи слышались лишь слабые задушенные голоса, и мощь крестьянского сопротивления понизилась наперекор возраставшему давлению классового гнета; почему, наконец, погибли в пустыне народного безучастия бунтарские устремления интеллигенции 60-х, 70-х годов.

Автор «Аграрного вопроса»—П. Маслов лучше многих других подготовлен к роли историка крестьянского движения. П. Маслов вооружен или, лучше сказать, мнит себя во всеоружии материалистической диалектики марксизма. Душу крестьянского движения он хочет объяснить непреложным развитием объективных отношений российской экономики. Но мы тщетно ожидали бы от него общей характеристики исследуемой им эпохи,—эпохи крестьянской пассивности, эпохи «покорного народа». Чтобы понять причинную связь в пределах изучаемого исторического цикла, необходимо сперва правильно установить его существенные признаки. Не сделав этого, автор не мог даже и поставить вопроса о причинах, тормозивших развитие аграрного движения. Очевидно, созревавший в России капитализм не

был для такого движения благоприятной почвой. В массе своей крестьянство без активного возмущения выносило толчки, которые получало от восходившего на русском горизонте капитала, бывшего в тесном союзе со скатывавшимся вниз дворянством.

Несмотря на недостаток общей перспективы, книга П. Маслова представляет немалый интерес. Автор собрал поучительные цифровые данные о движении земельных цен в отдельных районах и губерниях за сорокалетие с 63 г. по 1902 г. По отдельным пятилетиям повышение покупных и арендных цен земли сопровождалось падением хлебных цен, а следовательно, и падением капиталистической земельной ренты. Автор, к сожалению, не приводит данных о движении земельной собственности за то же время. Между тем по данным В. Коссинского частное землевладение потеряло с 61 г. по 1905 г. 48% принадлежавшей ему земельной площади. Овладевая продуктом крестьянского труда, капитал не затрагивал непосредственно самого процесса производства.

Живо зарисованы отдельные штрихи движения от времени крестьянской реформы до начала 900-х годов. После относительно бурного перевала отмены крепостного права наступает долгое затишье, длящееся до рубежа нашего столетия. В 1902 г. массовым потоком разливается крестьянское движение в нескольких уездах Полтавской и Харьковской губ. Царистская мистика еще тогда не изжилась крестьянством, которое было наивно уверено в санкции петербургской высшей власти. Политическим рупором этого движения были эс-эры, освещавшие и регистрировавшие аграрные стычки в своей «революционной России».

Подходя к оценке религиозно-реформистских настроений деревни, автор обнаруживает такой же уклон к преувеличению действительного размаха сектантства, как и при описании аграрного движения. Две-три сотни тысяч штундистов—сущая капля в необъятном деревенском море, особенно, если сравнить русский рационализм с западными революциями XV и XVI веков, окутанными религиозной дымкой.

В следующих выпусках автор обещает осветить крестьянское движение в прологе 905 года и в современном процессе Великой русской революции. Для решения этой задачи необходим анализ классовой природы крестьянства, которое нельзя брать как единую, однородную глыбу. А главным образом, нужно правильное понимание общих социально-экономических основ предреволюционной России—в их сплетающемся классовом клубке, в их сложной международной рамке.

Ю. Спасский.

ИСТОРИЯ ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ СОЦ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ (1889—1903 гг.). Воспоминания, документы, литературные и художественные материалы. Собраны и редактированы М. А. Рубачем. Изд. Екатеринославского Ком. по истории Октябрьской революции и Р. К. П. 1923 г. Стр. 430.

Изданные т. Рубачем документы и материалы по истории революционного рабочего соц.-демократического движения в г. Екатеринославе являются ценнейшим вкладом в нашу историческую литературу последнего времени. Т. Рубач рассказывает в предисловии о той большой работе, какую пришлось проделать, прежде чем сборник вышел в свет.

Работа была, действительно, большая, но зато сборник т. Рубача—один из лучших сборников последнего времени. Конечно, и этот сборник не без недостатков,—нет именного указателя, мало или совсем нет примечаний к документам и т. п.,—но что же делать, спешность, с какой мы готовим наше издание, заставляет нас упускать многое, и за всем тем сборник т. Рубача — ценнейший сборник.

Вводная статья т. Рубача дает краткий очерк истории Екатеринославской организации за время от 1889 по 1903 год. Очерк написан сжато и хорошо, хотя следовало бы дать свежий архивный материал, освещающий как положение рабочего класса, так и рабочее движение 80-х и начала 90-х годов. Вообще в сборнике этого сорта материал отсутствует.

Первые шаги Екатеринославской соц.-демократии освещены статьями-воспоминаниями Л. Сталь, Р. Фрейделя А. Винокурова, А. Смирнова, И. Мазанова, С. Белкина и К. М. Норинского.

Эти статьи интерес представляют, конечно, все, но новые факты дают только воспоминания Сталь, Фрейделя и Белкина, остальные либо повторяют то, что авторы их говорили в других своих статьях, написанных раньше, либо не прибавляют ничего особенного. Коротенькая заметочка т. Л. Сталь важна тем, что в ней выясняется большая роль одного из пионеров русского соц.-демократического движения П. Тучапского, приехавшего в Екатеринослав уже после продолжительной соц.-демократической работы в Петербурге в 80-х годах. Утверждение же т. Сталь, что гимназические кружки, где она участвовала, конца 80-х годов были уже соц.-демократическими, мало вероятно: только, пожалуй, Точисский да Мунблит дали им соц.-демократическое направление. Заметка т. Р. Фрейделя тоже представляет большую ценность: она рисует роль пионеров движения — Мунблита и Тейтелбаума. В остальных статьях рисуется уже настоящий и первый действительно соц.-демократический кружок первой половины 90-х годов,—кружок, где самой красочной фигурой являлся Григорий Мандельштам, другой зачинатель движения, как и Точисский, и где работали А. Винокуров, Линдов и пр.

Следующий период Екатеринославского рабочего движения описывается статьями И. Шевченко, С. Чудного, А. Сапеги, Г. Книфутова, Г. И. Петровского (кружок Брянского завода), а Екатеринославскому союзу борьбы посвящены статьи А. Виленского и М. Рубача. Эти две статьи и статьи И. Полонского, А. Виленского, А. Гинзбурга и др. выясняют период первого соц.-демокр. комитета и историю «Южного Рабочего».

Из этих воспоминаний обращают на себя внимание воспоминания Виленского, И. Полонского и А. М. Гинзбурга (Наумова). Мемуары Виленского очень подробно рассказывают о типографии, поставленной им вместе с А. Поляком для киевской «Рабочей Газеты», а все три эти мемуариста рисуют замечательный период в истории Екатеринославской организации,—период «Южного Рабочего», когда самую выдающуюся роль руководителя организации играл И. Х. Лалаянц. Мемуары А. М. Гинзбурга — положительно драгоценная часть во всем сборнике; если они будут дополнены воспоминаниями таких деятелей, как И. Х. Лалаянц, Магницкий, П. И. Лалаянц («Мышь») и Клестов (участник и хозяин квартиры в Смоленске, где одно время печатался «Южный Рабочий»), можно будет сказать, что одна из интереснейших страниц нашего движения будет освещена всесторонне.

Что поражает во всех этих воспоминаниях—это та громадная связь, какая уже чувствовалась между всеми нашими организациями, и, мало того, связь, в результате которой уже не такие города, как, напр., Киев в эпоху 1-го Съезда, а промышленные города, Екатеринослав, Ростов и т. п. становятся центрами движения.

Интересной чертой является и еще одно обстоятельство, это та работа, какую Екатеринославская организация проделала по созыву и организации 2-го Съезда партии. Нашим южным соц.-демократическим организациями, таким образом, пришлось играть крупную роль в эпоху обоих Съездов, т.-е. при организации нашей партии. Очень интересны и вообще и об екатеринославской работе и воспоминания т. Е. Адамович, одной из старейших соц.-демократок. В них стоит, кроме всего прочего, и указание на первоначальную с.-д. работу в Дерпте (хорошо было бы иметь более подробные воспоминания).

Воспоминания Д. Ногина, И. Полонского, Кравченки, Леонова (Виленского), А. Белявского и др. говорят о позднейшем периоде 1900—1903 годов. Сборник снабжен богатейшим документальным материалом: прокламациями, копиями перлюстрированных писем (напр., письма т. Землячки), докладов и т. п. В приложении целиком перепечатан № 1 «Южного Рабочего».

Кратко говоря, т. Рубач своей работой сделал ценный вклад в нашу историю, и можно только приветствовать такую плодотворную и умелую работу.

В. Невский.

Н. АВДЕЕВ. Революция 1917 года. Т. II. Апрель — май. Истпарт. Гос. Изд. 1923 г. 7 стр. ВЕРА ВЛАДИМИРОВА. Революция 1917 года. Том III. Июнь—июль. Истпарт. Гос. Изд. 1923 г. Стр. 400.

Начатое Истпартом издание хроники событий 17 года подвигается довольно быстро. Вновь вышедших два больших тома свидетельствуют о громадности работы. Но все же и сейчас цель этого издания не совсем ясна. В предисловии к первому тому т. Авдеев указывал, что составители хроники ставили «своей задачей собрать по возможности более или менее полный и подробный, строго проверенный материал, пригодный для учебных и научных занятий по истории революции». Хроника—не просто хронологическое перечисление событий, а материал для научных занятий; ни во втором, ни в третьем томе это положение не опровергается; напротив, т. Владимирова в своем предисловии к III т. указывает: «Я думаю, что положила лишь первый камень. Останавливаясь в дальнейшем подробно на методе своей работы и ее источниках, я надеюсь, что этим самым я более детально подчеркну и те места в ней, которые требуют наиболее критического отношения к себе и по линии которых должны итти и дальнейшие исследования и исторические показания живых участников событий». Здесь уже не без преувеличения. Хотя работа сделана, несомненно, полезная и нужная, но для научных занятий она может быть использована в самой минимальной степени, а в смысле руководящих линий, как думает т. Владимирова, работа абсолютно никаких указаний не дает и дать не может. Как уже отмечал в своем предисловии т. Авдеев, хроника стремилась дать подробное описание явлений. В этом ее интерес, но в этом же и ее слабое место.

Хроника событий 17 года, несомненно, нужна, нужно хотя бы внешнее их описание, но хроника не может заменить издания источников. Поэтому, если составители хотели дать материал для научных занятий, надо было издать источники. Т. Авдеев это, повидимому, чувствовал и в своей работе он предпочитает всюду приводить обширные выдержки из подлинников, а у т. Владимировой очень часто источник заменяется передачей основных положений, как заявляет составительница. Хроника полезна, но научная работа требует издания источника целиком, и там, где это дается в хронике, ей можно воспользоваться и для исследовательской работы, беда тут лишь в том, что целиком подлинники даны более или менее известные, а мало известные материалы, как апрельское совещание советов, I съезд советов, протоколы заседаний В. Ц. И. К. приведены лишь в отрывках. Относительно протоколов заседаний В. Ц. И. К. первого созыва не отмечено, по каким данным они воспроизводятся; и какие более *полны*—напечатанные ли в свое время в «Известиях»—протоколы или приводимые в хронике. С научной точки зрения самое ценное в хронике приложения—документы, но, во-первых, это по большей части известные и общедоступные документы, а, во-вторых, у т. Авдеева их дано маловато, а у т. Владимировой хотя приложения занимают значительное место, но многие из них можно было бы и не печатать без ущерба науке и популяризации, напр., стихи Демьяна Бедного.

Как пособие для занятий историей революции, хроника полезна, как справочник хронологический, полезна своим описанием событий, своей фактичностью и описательностью. Хотя и тут имеются некоторые недостатки,—недостатки больше технические, но вредящие делу. Прежде всего в хронике, как это отметила т. Владимирова, мало материала по профессиональному движению и экономике, для этого вовсе не надо было производить громоздких исследований, а нужно было просмотреть профессиональную прессу, без этого и то что есть по профессиональному движению и стачечной борьбе в хронике теряет силу. Ведь такие сообщения в роде того, как даны у т. Владимировой на стр. 90: «Объявлена забастовка служащих и рабочих всех лесопромышленных предприятий гор. Петрограда», или на стр. 198: «Москва. Всероссийский ж.-д. съезд. Образовано 14 секций. Заслушан ряд деловых сообщений. Вечером велись работы секции»,—ни с какой точки зрения полезными быть не могут. Технически, думается, правильнее было бы событие, съезд, конференцию, для-

щуюся несколько дней, помещать сразу под одной датой, с указанием, сколько времени происходило событие, это облегчило бы пользование хроникой для справок. Думается, что некоторые факты смело можно бы не включать в хронику, например, указание часа дня открытия митинга, стр. 24, т. III, или 95, т. III, 120 стр., т. III, сообщающие о прибытии на фронт женского батальона, или еще во II т. на стр. 68 подробное сообщение о содержании положения об училищах «для совместного обучения детей обоего пола». Есть некоторые небрежности: напр., в III т. на стр. 223 указывается, что в «Известиях» «печатают 5 резолюций крупных собраний и организаций с требованием роспуска Гос. Думы и Гос. Совета» без указания, что это за собрания; на стр. 15 этого же тома (III) сказано: «опубликован приказ по армии и флоту № 17, от 31 мая 1917 г. (см. 31 мая)», а самого приказа нет ни в мае, ни в июне. Во II т. не указывается партийная принадлежность выступавших лиц, напр., стр. 35, 67.

Сведения по провинции носят случайный и отрывочный характер. Но это уже недочеты чисто технические. Таким образом, «хроника», несомненно, полезна, она не может заменить издания источников, но поскольку в ней самой воспроизведено большое количество документов, она может облегчить работу, избавляя от необходимости отыскивать и подбирать документы. Много внимания и много материала дает хроника по описанию событий, главным образом, восстанавливая деятельность петроградских советских организаций.

Учесть материал, находящийся в научном обороте и выделить те или иные моменты, требующие обработки и исследования на основании хроники, конечно, нельзя, но пользоваться ею при работах, в особенности при учебной работе не только можно, но прямо необходимо.

С. Пионтковский.

А. ФАЙНШТЕЙН. Марк Малиновский. Рабочий-пропагандист начала 70-х годов. Издание «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 52. Цена не указана.

Как это ни странно, роль рабочего класса в российском революционном движении освещена чрезвычайно слабо. Автор редакционной статьи первого номера журнала Истпарта «Пролетарская Революция» совершенно правильно заметил: «Не меньше полустолетия боролся он (российский пролетариат. *Г. Л.*) за свою свободу; но что он сам знает об этом? Великолепно зная переживания каждого отдельного «бунтаря» 70-х годов,—что знаем мы о стачечном движении тех дней? Кроме кое-каких отзвуков тогдашней революционной печати—ничего» («Пролетарская Революция», № 1 за 1921 год, стр. 6—7). За последнее время проделана немалая работа по изучению пролетарской борьбы в 90-х годах прошлого и в течение первого двадцатилетия нашего столетий. К сожалению, рабочее движение 70-х и 80-х годов остается попрежнему в тумане, а между тем именно эти годы были для российского пролетариата периодом превращения из «класса в себе» в «класс для себя».

Брошюра А. Файнштейна, на основании неизданных документальных данных, освещает почти неизвестный до сих пор эпизод революционного движения 70-х годов. Имя рабочего-социалиста Марка Малиновского, осужденного в 1874 году за оскорбление величества и погибшего в Новобелгородской каторжной тюрьме, давно известно каждому, знакомому с революционной литературой 70-х годов. К сожалению, кроме имени, о Малиновском почти ничего не было известно. А. Файнштейн в своей брошюре сумел довольно ярко обрисовать этого пионера российского рабочего движения. Приведенные в брошюре показания Малиновского, в одном из которых он открыто признается в своих республиканских убеждениях, представляют из себя исторические документы первостепенной важности. Чрезвычайно интересно признание рабочим-социалистом политической борьбы в то время, когда народническая интеллигенция почти сплошь стояла на точке зрения расплывчатого анархизма.

Следует подчеркнуть, что Малиновский, в отличие от интеллигентов-народников, задумывался над *особыми интересами пролетариата*, увлекался произведениями Лассаля, интересовался рабочими ассоциациями. Прекрасной иллюстрацией того, насколько не разработана еще история российского рабочего движения, является инцидент с речью Малиновского на суде: до сих пор нельзя установить, действительно ли Малиновский произнес на суде речь, или же его речь представляет из себя лишь плод фантазии Морозова и Ралли.

Написана книжка популярно и увлекательно и, помимо своей исторической ценности, может иметь немалое агитационное значение.

Было бы чрезвычайно желательно, чтобы вслед за брошюрой А. Файнштейна появились другие работы, восстанавливающие картину рабочего движения 70-х и 80-х годов. Нельзя, однако, не заметить, что появление таких работ *помимо Истпарта* (как это имеет место в данном случае) вряд ли может способствовать планомерности работы и полноте результатов.

Г. Лелевич.

ФИЛОСОФИЯ и ПСИХОЛОГИЯ.

1. В. ВУНДТ. Мировая катастрофа и немецкая философия. *Л. Лернер.* — **2. Ж.-МГЮЙО. Нравственность без обязательства и без санкций.** *А. Дивильковский.*

ВИЛЬГЕЛЬМ ВУНДТ. Мировая катастрофа и немецкая философия. Перевод с немецкого Е. М. Браудо. «Полярная Звезда». Петербург. 1922. Стр. 22.

Этот философский этюд, который В. Вундт передал своему сыну М. Вундту за несколько дней до своей смерти, составляет заключительную главу автобиографии В. Вундта и, как «философское завещание» этого выдающегося ученого и, пожалуй, разностороннейшего из профессоров философии после Гегеля, заслуживает внимания, тем более что в нем излагаются взгляды, чрезвычайно характерные для тех кругов, одним из авторитетнейших представителей которых в течение нескольких десятилетий, несомненно, являлся В. Вундт.

Возражая против взгляда на «типичные особенности германской нации», как на один из главных источников катастрофы, постигшей за последние годы европейскую, а особенно немецкую культуру, Вундт утверждает, что «основным масштабом, согласно которому можно судить о типичных чертах какой-либо нации, следует признать ее философию». По мнению Вундта, было бы односторонне считать индивидуализм или бентамовский утилитаризм, безусловно господствующий у англичан и французов, господствующей и в Германии системой философии. «Быть-может,—говорит он,—по сравнению с огромным большинством нашего народа, число сторонников исконного идеализма на словах и на деле очень незначительно; но самое мировоззрение это имеет право так же, как и материалистическая и эгоистическая мораль, притязать на значение выразителя немецкого духа» (стр. 9). Затем Вундт ссылается на свою «этику», в которой проводится мысль, что нормы этики не могут быть извлечены из нее самой, но даны в метафизических предпосылках, которыми должна руководиться эта наука «при желании быть чем-то иным, не только собранием неопределенных и произвольных предположений... Важнейшие из этих предпосылок—объективные духовные ценности жизни, а материальные блага имеют лишь вспомогательное, подготовительное значение». Далее Вундт истолковывает положение: «общее (идеальное) было раньше отдельного (конкретного)», этот «основной принцип всякого философского идеализма от Платона до наших дней», благодаря которому «отношение отдельного индивидуума к

государству получает свой истинный смысл», таким образом, что «духовные ценности жизни, как объективные тесно связаны с национальным и государственным целым, определяющим в деятельности каждого отдельного человека его жизненную дорогу».

Для выяснения смысла и философской ценности этого «чистейшего идеализма» пришлось бы резюмировать и критиковать гносеологические и метафизические воззрения Вундта, а это возможно не в небольшой рецензии на его краткий этюд, а в статье об отношении эпигонов идеализма к идеалистам классического периода германской философии. Но здесь достаточно констатировать, что Вундт, возвещая и приветствуя «торжество идеализма в той форме, которая, несомненно, будет господствовать в ближайшем будущем, хотя она и не совсем адэкватна современному мышлению» (стр. 13) и апеллируя к идеализму Лейбница, «творца нового идеализма», к работам Фихте и Гегеля над главными проблемами философии, и говоря о «вечном, непреходящем значении этих работ», которое «очень мало затрагивается» тем, что они отражают дух их времени и «типичные черты окружающей исторической обстановки», не дает сколько-нибудь определенных указаний о своем отношении к этим идеалистам. Однако, сам Вундт в одной из своих прежних работ утверждал, что «нынешняя философия до такой степени насквозь проникнута реализмом, что теперь, повидимому, совершенно исчезли подлинные идеалисты в роде тех, которые выступали в эпоху расцвета умозрительной философии в начале XIX века. Пусть все еще встречаются отдельные личности, сами себя считающие сторонниками умозрительного идеализма или же его продолжателями, но ведь этот идеализм сам невзначай изменился. В самом деле, в настоящее время, собственно говоря, уже настолько же невозможно исповедывать философию Фихте или Гегеля, да и философию Канта, как для нынешнего поэта невозможно сочинять басни в роде геллертовских. Прошлое невозвратно как в науке, так и в искусстве. Если же такая тривиальная истина не всегда признается в философии, то это странное обстоятельство обусловливается, конечно, тем, что некоторые люди полагают, что философия, в отличие от остальных сфер жизни и мышления, будто бы существует, так сказать, вне времени, так что ей нет дела до того, что совершается вокруг нее. Однако, это завидное представление, к сожалению, оказывается несостоятельным и притом—незаметно для них—даже у тех, которые его придерживаются. Ведь мирские свет и шум проникают сквозь щели и трещины даже и в наиболее отрезанную от мира келью» [1]).

При сопоставлении этой чрезвычайно характерной выдержки из статьи Вундта, о наивном и критическом реализме, в которой он всего отчетливее формулировал свое философское credo, с вышеприведенными местами из его последнего этюда, получается странное противоречие, заставляющее вспомнить замечание того же Вундта, что «этикетки, которые принято употреблять в философиях для характеристик определенных направлений мышления, пожалуй, отчасти оказываются скорее вредными, чем полезными». (Вундт, «О наивном и критическом реализме»).

Но, повидимому, говоря о «тлеющей в нас искре немецкого идеализма», Вундт в сущности имел в виду не «подлинный, исконний» идеализм, как всеобъемлющее философское мировоззрение, а «социально-этический» идеализм, точка зрения которого, как выражается сам Вундт, «едва ли в состоянии заинтересовать широкую публику», но «аргументы которого достаточно убедительны, по крайней мере, для маленького круга философски образованных людей». Конечно, ни научные ни моральные проблемы не решаются большинством голосов: научно был прав Галилей; этически был прав Карл Либкнехт в своей борьбе против милитаризма, хотя большинство германской нации, к сожалению, не поддержало его. Но именно этот факт особенно наглядно свидетельствует о прискорбной непоследовательности Вундта и его единомышленников: вме-

[1]) *Вильгельм Вундт*. О наивном и критическом реализме. Имманентная философия и эмпириокритицизм. Перевод А. М. Воддена, стр. 2—3.

сто ни к чему не обязывающей «непримиримой борьбы» (на словах) с утилитаризмом, «этим пошлым и антикультурным, по существу своему, течением европейской мысли», право же, достойнее и целесообразнее было бы *во-время* поддержать *Спартака* в его реальной борьбе с *реальным* эгоизмом и индивидуализмом определенных кругов: правящей клики, буржуазии... В таком случае исход борьбы был бы другой, и «прогноз о будущих путях немецкой общественности» был бы определеннее и конкретнее, чем туманные предсмертные рассуждения Вундта.

Однако, Вундт фактически не в состоянии удержаться и на точке зрения «этического» идеализма. Восхищаясь «совершенно исключительным местом», которое занимает немецкая нация «благодаря непрерывности эволюции позднейших форм немецкого государственного устройства» и «стройной картиной» его «политического развития с момента приобретения им твердой оседлости до настоящего времени», он среди абстрактно-бессодержательных фраз об «исконных началах германской общественности» ни слова не говорит о реальных соотношениях элементов этой общественности, о социальных группировках борящихся классов. Этим объясняется, что Вундт не делает сколько-нибудь определенных выводов и из своих предпосылок.

Неясность мысли, непоследовательность Вундта всего более обнаруживаются в его оценке культурной роли германской социал-демократии. Признавая ее «немалые заслуги», так как она «неустанно работала над образованием рабочих масс», он порицает социал-демократию за то, что она делала это «не ради общественных целей, как таковых, а лишь во имя собственных интересов» (стр. 20). Итак, Вундт и его единомышленники до сих пор не усвоили себе элементарнейших истин относительно необходимой связи идеи и интересов рабочего класса с очередными задачами культуры популяризированными еще Лассалем.

Л. Н. Лернер.

Ж.-М. ГЮЙО. Нравственность без обязательства и без санкции. Перевод с 7 франц. издания Н. А. Критской, под ред. и со вступит. статьей Н. К. Лебедева. М. 1923. Изд-во «Голос Труда». Стр. 144. Экз. 1000.

Среди «свободомыслящей« буржуазной интеллигенции всех стран «позитивная», «научная» мораль Жана-Мария Гюйо славилась лет 25 назад как нечто особо смелое и далеко идущее. Но перед лицом разразившейся над миром пролетарской революции как все эти «дерзания» буржуа-философа кажутся сейчас мелкими, бледными, детски-робкими.

В самом деле, какой, казалось бы, «громкий» замысел: «мораль *без обязательства* (т.-е. без понятия «долга») и *без санкции*» (т.-е. без опоры на заповедь бога или хоть на «вечные законы» мира или «души»)! Отрицание какой бы то ни было внешней или внутренней *принудительности* для «норм» (правил) человеческого поведения. Следовательно, полнейшая свобода *от морали*—в обычном, веками установившемся смысле этого, по существу, прежде всего *принудительного* понятия.

Таково задание. А каково исполнение? Жалко-непоследовательно.

Начнемте с конца (как говорят в детских сказках). Возьмемте по данной книжке Ж.-М. Гюйо выработанную уже им, прокритикованную, просеянную сквозь строгое сито науки его собственную «освобожденную» мораль. Читаем в конце 2-й книги (критика идеи долга): «Мы должны стремиться принести добро не целому миру, не целому человечеству, а *определенным людям;* помочь действительной беде, облегчить кому-либо иго мира сего, облегчить страдание—вот в чем задача морального поведения... Уменьшить на земле *хоть одно страдание* есть уже цель, способная удовлетворить человека; на самом деле, уменьшая страдания, этим самым мы уменьшаем, пусть на бесконечно малую долю, всю сумму зла на земле. *Жалость*, глубоко заложенная в человеческом сердце и в тайниках наших инстинктов... Даже не веря ни во что, мы можем любить... можем протянуть руку помощи тому, кто плачет у наших ног и нуждается в сострадании».

Узнаете ли, читатель, старую, как классовая история, лживую, как крокодиловы слезы эксплуататора, музыку поповской морали. Так для этого надо было разрушать все основы религиозных «заповедей» и метафизических «законов», чтобы благополучно вернуться к исходному пункту—к проповеди давно изобличенных «истин» христианства?

Мы сразу понимаем после этого *действительный*, объективный замысел данного буржуазного философа, т.-е. замысел, внушенный ему хитрым духом его общего классового сознания, а не субъективным «прекраснодушием» данного ученого колпака. Дело совсем не в том было, чтобы создать действительно свободную мораль, а совсем в другом: показать, что даже и максимальное, мол, научное свободомыслие, помимо всяких тысячелетних суеверий, одобряет, в конце-концов, все одну и ту же общую линию морали — поповскую, христианскую. Форма, мол, устарела, а содержание—«любовь к ближнему», жалость к отдельному «страдальцу», сострадание ко всякому «нуждающемуся в сострадании»,—словом, знаменитая буржуазная филантропия ценою грош серебром—остается высшею нормой.

«Любовь ко всем людям, *какова бы ни была их нравственная, умственная или физическая ценность*,—вот та конечная цель, которую должно преследовать общество» (стр. 126).

Вот он соглашательско-тупоумный яд, который и до сих пор не перестал отравлять мозги трудовых масс на Западе, отвлекая их от морали революционной, от героической морали *классовой борьбы*,—морали, для которой далеко не безразлично, *кто* по своему «нравственному, умственному или физическому» облику данный «страдалец». Если он, напр., буржуа или помещик-белогвардеец, страдающий от потери своих имений, домов или капиталов, вырванных у него революцией, то что мы—плакать над ним будем, что ли? Или скажем ему жестокими словами муравья стрекозе:

— «Ты все пела. Это дело.
Так пойди же, попляши».

Классовая, революционная мораль (если еще ее следует называть этим истрепанным словом «мораль»!)—вот наше драгоценное приобретение из массовых боев мировой революции. Этою моралью и не пахнет у Ж.-М. Гюйо. Отдадим же справедливость его личной искренности, когда он воображает, будто создает что-то новое, светлое, годное для всех классов и всех людей, но в то же время укажем его «научной, позитивной» морали ее действительное место в глазах *подлинной* науки исторического материализма. Это место—в архиве тех многочисленных попыток буржуазии и предшествующих эксплуататорских классов к самооправданию своего классового господства, к каким она прибегает в особенности сейчас, в период близящегося его конца, с целью задержать, отсрочить неизбежный час исторического расчета со стороны эксплуатируемых. И попытка Ж-М. Гюйо, надо признать,—одна из наиболее тонких и ядовитых, и обоснована на *видимости* науки. Точь-в-точь, как в наше время «шейдемановцы» отравляют рабочий класс и парализуют классовую борьбу видимостью марксизма.

Только определив таким образом общую *отрицательную* ценность данной морали, мы можем, в свою очередь, признать известные *частные* достоинства за отдельными моментами хода ее мыслей.

В частности можно некоторую пользу извлечь из *критической* работы Гюйо над опровержением претензий старинной, традиционной морали на «божественность», на «естественность», на вечную «разумность» и проч. Довольно поучительна его «разделка» с «оптимистической» и «пессимистической гипотезой», как и с «гипотезой о безразличии природы в области морали» — все разновидности предыдущих попыток оправдания существующих классовых жестокостей в обращении с эксплуатируемой массой. Интересна и критика морали «практического разума» (Канта), который при всем его «мировом» характере «категорического императива» (безусловного веления совести) служит лишь *формальным* законом, абсолютно ничего не говоря о содержании «долга» (в действительности тоже—форма оправдания существующей социальной жестокости).

Небезынтересна и критика морали веры. Но еще интереснее признание самого Гюйо, что он-то сам стоит на точке зрения «открытого скептицизма», т.-е. на самом деле полного бессилия дать свои собственные решения вопроса.

Этот скептицизм самым основательным образом и подрывает, в конце-концов, всякую возможность доверия внимательного читателя к собственным построениям Гюйо. Последнему удается, конечно, и в этих построениях заинтересовать нас кое-какими талантливыми штрихами. Так, мы чувствуем некоторое, впрочем, слишком общее сродство с марксизмом в утверждениях Гюйо о том,что идеи и даже чувства индивидуального человека носят по существу *социальный* характер. Особенно яркую форму это утверждение получает на стр. 120: «Мы мыслим, если можно так выразиться, *в категории общества*, как и в категории времени и пространства». Но эта чрезвычайно меткая формула крайне портится, почти разбивается многочисленными противоположными местами, где автор то и дело убеждает нас, что его мораль—«индивидуалистическая» прежде всего, и что конечным критерием его морали является «личная гипотеза» (часто даже: личная *метафизическая* гипотеза) каждого отдельного человека! Понятно, что он тогда договаривается и до «химерической мечты», как ценнейшего двигателя нашего поведения, и даже до религии (снова здорова)—как «плодотворного источника активности»... Словом — обычная судьба всех скептиков: они принуждены черпать изо всех тех же колодцев, куда перед тем плевали. Скептицизм и эклектизм—лишь две стороны одной медали. Впрочем, надо припомнить, что и философская основа Гюйо—пресловутый «позитивизм»—есть не что иное, как скептицизм, возведенный в принцип («явление» «факт» принимается за самодовлеющую аксиому, а вовсе не за исходный материал для установления действительной, скрытой, «невидимой» *связи* всех «явлений» и «фактов»). Естественно, что и плоды от сего гнилого древа гнилы заранее.

«Социальная» точка зрения Гюйо, впрочем, дает и другие, приближающиеся к марксизму отдельные пункты. Так, нельзя не отметить замечательно правильного взгляда на «долг», как на явление чисто историческое: «Этому, еще варварскому, но необходимому в наши дни понятию суждено, быть-может, исчезнуть бесследно. Долг в таком случае соответствует переходной эпохе» (стр. 42). Глубоки также замечания автора о «механизме» моральных явлений: о том, как они возникают на первоначальной ступени общественного развития еще в виде инстинктов, и лишь позднее осознаются в виде моральных норм, а еще позже опять-таки из идейных формул путем долгой социальной привычки переходят в новую ступень прочного социального инстинкта. Все это могло бы служить при надлежащей обработке дополнением, напр., к Энгельсову «Происхождению семьи, собственности и государства» в виде особой главы о происхождении морали. Но все это у Гюйо носит характер каких-то интуитивных проблесков молнии и тонет в массе других, противоположных «умозрений».

Нечего и говорить поэтому, что его собственные «определения» нравственности («наука, имеющая своим предметом изучение средств сохранения и умножения жизни, как материальной, так и духовной»—стр. 52) страдают такой невероятной расплывчатостью и непригодностью к жизни, что удивляешься, к чему понадобился такой все же солидный научный «аппарат» для высказывания подобных пустых плоскостей. Сохранения и умножения *какой* жизни?—спросит изумленный читатель-пролетарий. — Всякой,—отвечает Гюйо.—Как? Не разбирая того, направлена ли эта жизнь, скажем, в сторону эксплуатации других и порабощения, или — обратно — в сторону уничтожения эксплуатации?—Гюйо говорит: Да, не разбирая.

Понятно, что эта «позитивная», якобы «социальная», мораль сама себя тем самым осуждает. Спрашивается, чем же руководствуется анархо-синдикалистское издательство «Голос Труда» и его редактор гр. Лебедев, выпуская эту безнадежно устарелую книжку? Или и анархо-синдикалистская мораль так же безразлична к вопросам эксплуатации и классовой борьбы, как Гюйо.

Или они подкуплены лишь парой «анархо-образных» фраз Гюйо о «безнравственности всякого насилия»? Но ведь этих детских фраз можно сколько угодно найти и в евангелии. Почему же «Голосу Труда» не взяться за его переиздание?

Д. Дивильковский.

НАУКИ ОБ ОБЩЕСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.

1. Проф. Н. И. ПАЛИЕНКО. Конфедерация, федерация и С.С.С.Р. *П. Стучка.* — **2. Проф. Г. С. ГУРВИЧ. История Советской Конституции.** *И. Ильинский.*—**3. Проф. Д. А. МАГЕРОВСКИЙ. Союз советских социалистических республик.** *Г. И. Бройдо.*

Проф. Н. И. ПАЛИЕНКО. Конфедерация, федерация и Союз Советских Социалистических Республик. Вступительная статья М. Ветошкина. Гос. Изд. Украина. 1923 г. Стр. 71.

У нас большой спрос, особенно среди молодежи, на книги о С. С. С. Р. Чем это объясняется? Тем, что люди хотят найти верную оценку реорганизации взаимоотношений союзных республик с точки зрения их нового мировоззрения и с точки зрения грядущих событий всемирной революции. Их, конечно, не интересует вопрос, под какую категорию (конфедерацию или федерацию, по определениям буржуазной науки и практики) подвести С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р. Этот вопрос может интересовать разве лиц, имеющих отношение к ведомству иностранных дел, и затем иностранцев. Но нас, остальных, больше всего интересует не сближение, а сопоставление, противопоставление.

Поэтому я всегда с известною опаскою подхожу к работам на эту тему профессоров, особенно юристов. Им дал суровую, но верную оценку их собственный коллега, покойный проф. Гумпилович (в Граце): «Несчастьем надо признать, что вопрос о государстве попал в руки юристов... То, что они там мастерят и строят, имеет интерес только для них самих. Сегодня они выставляют теории, которые они сами завтра разрушают; они говорят о господствующих и. побежденных теориях; мир не обращает внимания ни на те, ни на другие». Особенно это можно сказать про теории о «конфедерации» (союзе государств) и «федерации» (союзном государстве). А между тем у нас в последнее время слишком много толкуют именно о конфедерации и федерации, подчас забывая даже о главном: социалистической и советской. Но что сказать буржуазному профессору, читая в нашей союзной Конституции слова: «объединяются в одно *союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик*». Значит, одновременно и союзное государство и Союз Республик—Государств. Правда, наш автор подходит в высшей степени корректно к своему предмету, но этого маленького обстоятельства он не заметил, по крайней мере, не отметил.

У нас все еще господствует прием—изложить результаты и выводы буржуазных теорий о государстве, а затем приступить к анализу нашей республики. А ну-ка, посмотрим, куда что подходит из Конституций Р.С.Ф.С.Р и С.С.С.Р.! Это подход не только бесполезный, но скорее вредный. Мы должны строить свою республику по-своему, по-советскому, не забывая, что мы находимся на полюсе, противоположном буржуазному, что мы и буржуазия говорим на разных языках. Вот что мы часто забываем.

Книжка Палиенко состоит из 35 страниц буржуазной теории и практики о сложных государствах и 17 страниц перепечатки Конституции С.С.С.Р. Кроме того, два мостика между ними: 9 страниц автора о Р.С.Ф.С.Р и С.С.С.Р и 7 страниц предисловия М. Ветошкина. Не знаю, как можно рекомендовать подобную работу «как пособие при прохождении уни-

верситетских курсов государственного права». В таком случае, лучше вовсе не проходить подобного курса. Конечно, изложение буржуазных конституций, особенно английских колоний и Сев. Америки, весьма полезно, но тогда гораздо подробнее и с критикою, а не как положительный образец. Даже предисловие предупреждает от буржуазного принципа *юридической нерасторжимости* союзного государства в применении к советскому строю. Ведь это Германия крупнейшим государствоведам (например, Елинеку, Лабанду) послужила образцом для их теоретических построений; упомянутые авторы даже каждый два раза менял взгляд на характер этого государственного объединения. Автор спокойно подчеркивает, что это государство по новой конституции *юридически* сделалось *еще более нерасторжимым*. А посмотрите-ка, что происходит в Германии на деле. И кто там стоит на деле за единство республики? Это только коммунисты.

Нет, основной принцип, и принцип искренний, для советского строя, это—*право самоопределения* всех составных частей республики. Так, ст. 4 Конституции «за каждою из союзных Республик сохраняет право свободного выхода из Союза». На это правильно указывает и автор. Но он рядом забывает, что это же право, лишь другими словами, выражено и в Конституции Р.С.Ф.С.Р (стр. 8 и 4). Одновременно же надо сказать, что вы *среди трудящихся* всех как союзных, так и автономных республик *не найдете человека, хотя бы на минуту серьезно задумавшегося о выходе из союза или федерации*. Правильно указано в предисловии, что вопрос о более тесном объединении впервые был возбужден не в Р.С.Ф.С.Р., а в прочих союзных республиках. Но тут следовало бы все-таки оговориться, что это желание столь же интенсивно чувствовалось и в Р.С.Ф.С.Р., и что только политическая мудрость заставила ее вождей предоставить инициативу младшим республикам, чтобы не дать ни малейшего повода к лжетолкованиям в виду того, что история слово «российский» связывает со всякими обрусительными и империалистическими тенденциями. А это обстоятельство весьма важно. Чувствуется, как будто где-то нарождается взгляд: если Конституция проповедует *возможность* сепарации, так она это делает *в целях ее проведения*. Ничего подобного. Новый союз есть *шаг к сближению*, пока еще робкий, но верный шаг.

Автор вкратце и в общем более или менее верно передает, какие стадии развития пережила тенденция сближения отдельных союзных государств в Северной Америке, Швейцарии, Германии и Англии (колонии). Но в своем определении понятия союзного государства он ограничивается старыми фразами *о суверенитете и о собственной и делегированной власти*. Это—чисто юридические построения, имеющие еще значение в лицемерных суждениях буржуазных дипломатов, но отброшенные или, по крайней мере, уже не общепризнанные даже в буржуазной науке. Передавать их нашей молодежи без всякой критики и оговорки не к чему. Ведь честные буржуазные юристы сами откровенно говорят: «не имеется общепринятой теории союзного государства и даже нет господствующего взгляда». С одной правовой точки зрения эти вопросы могут быть разрешены лишь лицемерно. А автор экономической и реальной стороны вопроса почти не касается.

Но оставим в стороне иностранный отдел книжки. Взглянем на «внутренний ее отдел»: «К автономным *областям*, а не к *государствам* должны быть также отнесены... и *автономные республики* Р.С.Ф.С.Р.» Я всегда думал, что «республика» так и означает государство и, просматривая государственное устройство этих республик, я так и знаю, что у них есть совнаркомы, свои вполне самостоятельные комиссариаты и т. д. А вот об Австрии, которою сейчас фактически управляет единолично комиссар Антанты, автор подчеркивает, что это—*самая централизованная федерация в мире*, т.-е. вполне независимое государство.

Но задал ли автор себе вопрос о существе *советского* строя, когда он писал *«о власти автономных республик, вытекающей от верховной власти Р.С.Ф.С.Р.»* Ведь есть у нас ст. 1, 2 и др. Конституции Р.С.Ф.С.Р. о том, что она «учреждена на *основе свободного союза свободных* наций»

и «*вся власть* в центре и на *местах* принадлежит этим *советам*». Что же это означает? Это означает, что совет является *низшею ячейкою* нашего государства, что *он делегирует*, а *не ему делегируют* власть. Насколько автор тут живет еще в старых взглядах, видно, например, из того места (стр. 49), где он высказывает уверенность, что, между прочим, «*многовековое сожительство* их населения *под одной и тою государственной властью* бывшей *Российской Империи* является твердым *основанием* для федерации». Как раз наоборот. Это сожительство *под гнетом* старой власти составляет основной, если не единственный *момент отчуждения*. Из-за него нам приходится пережить тяжелый процесс разъединения и вслед за тем искреннего воссоединения. А этот процесс является тяжелым процессом как в головах «окраин», так и в головах «центровиков». Но чтобы изжить эти старые традиции, с особенным тактом и уменьем надо трактовать о вопросах союзных. Для этого плохо приспособлены даже самые преданные Совет ской власти старые юристы. А как раз их рука и их голос слишком заметны как в нашей теории, так и в нашей практике.

Я еще раз подтверждаю, что автор пишет вполне добросовестно и в общем безупречно, ибо не он виноват в том, что и он еще в плену старой буржуазной мысли. Предисловие высказывает положение, чтобы автор «сделал брошюру в следующем издании более полной и интересной». Я посоветовал бы ему ее совершенно изменить, если вообще переиздать. Автор мог бы, может-быть, дать более полную и интересную работу о *союзных государствах* (других видов объединений государств, по признанию самих буржуазных теоретиков, *сейчас* нет!), но не вмешивая в это дело С.С.С.Р. и Р.С.Ф.С.Р. Конституция С.С.С.Р. уже перепечатана в более дешевых изданиях, а советские пояснения к ней из-под пера автора ничего особо полезного не дадут и в новом издании.

П. Стучка.

Проф. Г. С. ГУРВИЧ. История Советской Конституции. Изд. Социалистической Академии. М. 1923 г. Стр. VII+216. Ц. 1 рубль.

Небольшая монография Г. С. Гурвича является одним из первых опытов по истории советского права вообще, советского государственного права в частности. Главная ценность книги—опубликованные в ней чрезвычайного интереса документы, которые до сего времени хранились в ведомственных и музейных архивах.

Серьезные сомнения вызывает метод автора. Работа его носит смешанный характер: исследования по документам и мемуарам. Последнее—поскольку Г. С. Гурвич вынужден был прибегать к устным расспросам участников, а также «свидетельству собственной памяти и записной книжки». Двойственный характер исследования сказался на его содержании. И если «история документа» есть, вероятно, самая сухая, но зато самая объективная история, то мемуары деятельного участника событий не могут не быть пропитаны элементами оценки и, следовательно, субъективизма. Не обошлось без них и в настоящей работе.

Г. С. Гурвич начинает с весьма сдержанной оценки Конституции 10 июля 1918 г., которой (и только ей) всецело посвящена его книга. Этот акт, по мнению автора, «ни мало не пытался что-то воздвигать и создавать, а только запечатлевал наиболее существенные и яркие моменты массового революционного строительства» (VI). Главную задачу Конституции 10 июля Г. С. Гурвич усматривает, повидимому, в обязательной рецептуре «строительства власти на местах» (4). Поэтому он весьма строго относится и к отвлеченности конституционного проекта с.-р. максималистов (17) и к «чрезмерной декларативности» составленного Ю. М. Стекловым наброска декларации прав и обязанностей трудящихся» (39). Вообще Г. С. Гурвич полагает, что в этом смысле конституция не должна была повторять буржуазные образцы. Однако, на стр. 3 книги мы читаем, что председатель Конституционной Комиссии покойный Я. М. Свердлов следующим образом высказался о вошедшей в Конституцию декларации прав

трудящихся: она «суммировала положение трудящегося человека в социалистическом обществе, как в свое время декларация прав Великой французской революции определяла положение человека в буржуазно-капиталистическом обществе». При этом Конституция 10 июля полностью заслужила упреки в неопределенности, адресуемые автором другим проектам: «Решение важнейших вопросов жизни», «выработка заданий и директив» звучит не очень, конечно, определенно, но немногим лучше «общее направление деятельности», «общее управление делами», «основные начала» и даже просто «и пр.» (ст. 32, 37, 51, 49 п. о Конституции 10 июля).

Излагая историю выработанного третьей подкомиссией проекта избирательного права, автор замечает, что предложенная в нем куриальная система, судя по ярости буржуазной прессы, «била прямо в цель» (57). А несколько ниже читатель с удивлением узнает, что система эта не только была отвергнута комиссией, но что последняя в своем отрицательном решении оказалась, как засвидетельствовало будущее, права. В чем же усмотрел автор целесообразность куриальной системы? Если, как можно заключить из контекста, только в том, что она вызвала ярость либеральной прессы, то, право, такого рода цель могла быть достигнута (и при нужде достигалась) менее сложными приемами. В освещении любопытных дебатов, возникших в конституционной комиссии по докладу М. А. Рейснера, автор, очевидно, присоединяется к точке зрения большинства, забраковавшего тезисы докладчика по несоответствию их «в основном» как политическим, так и хозяйственным интересам развития советской федерации (29), и притом — *фактическому положению дел* (30). А в дальнейшем мы узнаем, что данная М. А. Рейснером концепция советского представительства «при всей своей новизне оказывалась глубокой и *согласованной с действительностью*» (46; курсив мой. *И. И.*).

Кроме недоразумений в роде изложенных, мемуарный характер книги повлек за собою и некоторые запамятования со стороны автора. Сюда надо отнести его утверждение, что вторая подкомиссия не наладила своей работы и не представила никаких проектов (40). Это неверно. Вторая подкомиссия разработала весь основной важности вопрос о компетенции федерации и ее частей; соответствующий проект с некоторыми исправлениями был положен в основу Конституции Р.С.Ф.С.Р. Далее Г. С. Гурвичу странным образом остался неизвестен отрицательный отзыв Коллегии Наркомюста по поводу проекта Комиссии, составленный и подписанный лучшими советскими и партийными юристами (А. Г. Гойхбарг, М. Козловский, Д. И. Курский, М. А. Рейснер, П. И. Стучка), единодушие которых в данном случае весьма знаменательно.

На-ряду с проектом Конституционной Комиссии в Ц.К.Р.К.П был, как известно, представлен и не получивший утверждения проект Н.К.Ю.—Г. С. Гурвич в числе приложений к своему труду воспроизводит и этот проект, ознакомление с которым способно навести на размышления. Должно отметить, что если можно назвать какую-либо конституцию подведением итогов советского строительства, то наиболее справедливо отнести это к Конституции С.С.С.Р. июля 1923 г. А между тем целый ряд ее статей совпадает с положениями неутвержденного, но, очевидно, силою вещей воплотившегося в жизнь проекта Наркомюста. Достаточно сличить ст. 8 проекта и последний абзац Союзной декларации (о международных началах Советского объединения); ст. 9 проекта и ст. 3 Союзного Договора (принцип размежевания компетенций местной и центральной властей); ст. 16 проекта и п. III ст. 1 Договора (о разрешении споров между местными Советами). Но особенно поразительно совпадение ст. 18 проекта и ст. 1-й Союзного Договора 1923 г. Последняя почти текстуально воспроизводит положения проекта, подходя ближе к нему, чем к весьма сходному тексту Конституции 10 июля 1918 г. Любопытно далее, что проект Н.К.Ю. предоставлял местным Советам и Съездам определение начал избирательного права (ст. 13); Конституция С.С.С.Р. уклоняется по тем же, очевидно, основаниям от регулирования этого вопроса...

Таким образом, мы имеем весьма замечательное, хотя и не новое в истории права явление: скрытое действие норм, не имеющих официального признания, при весьма слабой актуальности официально признанных. В качестве примера последних, отметим ст. 19 Конст. 10 июля 1918 г., возбранявшую доступ в ряды Красной армии нетрудовым элементам, которых, впрочем, по смыслу ст. 18 вообще не полагалось; ст. 59 о еженедельном созыве Советских пленумов и мн. др. В краткой рецензии нет возможности углубиться в эту тему, достойную более пристального внимания и изучения. Будем надеяться, что положенный Г. С. Гурвичем почин не останется без продолжателей, в числе которых было бы очень желательно видеть участников конституционной работы 1918 г.: А. Г. Гойхбарга, М. А. Рейснера, П. И. Стучку, Д. А. Магеровского, Ю. М. Стеклова и др. Сказанное выше объясняет, почему прошел незамеченным 5-летний юбилей Конституции Р.С.Ф.С.Р. не только для трудящихся, но и для специальной прессы: скромное место, фактически занятое этим законодательным памятником в нашей жизни, мало, разумеется, соответствует тем требованиям, которые революционная действительность предъявляла к революционной Конституции [1]). Думается, поэтому, что в последующем издании книги было бы правильно дополнить заглавие словами «10 июля 1918 г.»—оно выиграло бы в определенности и не давало бы повода к ожиданиям найти в книге очерк развития советского строя или хотя бы действующей союзной Конституции. В оглавлении желателен подробный перечень приложений, в число которых нелишне включить и самый текст Конституции Р. С. Ф. С. Р.

И. Ильинский.

---

[1]) В. И. Ленин подчеркнул на V Съезде в своей речи по поводу Конституции, что если она и не вполне удовлетворительна, то зато может быть легко направлена и изменена сообразно указаниям жизни и практики. Желательно, чтобы в следующем издании книги автор дал эту речь в приложениях.

Проф. Д. А. МАГЕРОВСКИЙ. Союз Советских Социалистических Республик. (Обзор и материалы.) Юрид. издат. ИНЮ. 1923 г. Стр. 185.

В обстоятельной вступительной статье т. Магеровский рассматривает возникновение Союза С.С.Р. под углом зрения истории нашей классовой политики, в частности национальной, и рисует те исторические условия, в которых постепенно складывалось новое государственное образование—С.С.С.Р.

В последующих главах он дает очерк догматического толкования нашей Конституции, выясняя взаимоотношения и функции наших верховных органов. К книжке приложен богатый материал, мало известный, как-то: конституции союзных республик, основные законы Хорезма и Бухары и т. п.

В книжке есть несколько положений, с которыми нельзя согласиться. Автор, анализируя сущность Союзного Совета и Совета Национальностей, противополагает первый, как «орган классового представительства», второму, как органу «представительства наций». Выходит так, что в составе верховных органов Советского Союза имеются органы неклассового представительства. Это, конечно, неправильно. Делегация в Совет Национальностей от данной республики или области имеет тот же классовый источник, как и делегация в Союзный Совет. Нельзя противополагать эти два органа как разные (по классовой своей сущности) представительства. Союз Ц.И.К есть классовый орган, состоящий из 2-х законодательных организаций, имеющих одно и то же классовое основание и в порядке осуществления интересов пролетарского государства призванных рассматривать законопроекты с двух разных точек зрения, имеющих одинаковое значение в деле строительства Советской власти. Это толкование т. Магеровского политически вредно, так как оно приводит к ложному представлению о Совете Национальностей, как об органе не настоящем, не классовом органе Советской власти.

Автор придает федеративной организации слишком временное значение, забывая, что даже победа пролетариата в мировом масштабе потребует длитель-

ного использования федеративной системы до окончательного «слияния» нации.

Автор противополагает понятию диктатуры пролетариата нашу национальную политику. Это не две политики, а одна. Диктатура пролетариата организуется в крестьянском государстве как союз пролетариата с крестьянством, а в многонациональной стране как союз пролетариата с трудящимися всех наций данного государства. Диктатура пролетариата вне такой национальной политики просуществовала бы очень недолго.

Т. Магеровский совершенно напрасно вводит термин «право на самоорганизацию» вместо исторически сложившегося термина «право на самоопределение».

В историческом очерке нашей национальной программы он не указывает о разнице между нашим и меньшевистским пониманием «самоопределения» и выходит так, что с 98 г. (Лондонск. Конгресс) лозунг «самоопределение нации» «авторитетно провозглашен» и неизменным существует по сей день.

В своем определении наций автор испортил определение наций, данное тов. Сталиным, изъяв из него исторический момент и установив связь возникающей нации «с развитой системой экономических связей», вместо того, чтобы определенно указать на связь ее с капитализмом, и ввел неопределенный термин «социальная группа», под который подойдут и классовые образования

Но за всем тем книга, являющаяся первым трудом после издания Союзной Конституции, выполнена с знанием дела, внимательно и может быть рекомендована, как полезное пособие в школе и для всех тех, кто слабо знаком с нашим государственным строем.

Г. И. Бройдо.

ВОЕННОЕ ДЕЛО.

1. А. фон-ШЛИФФЕН. Канны. *Г. Гордон.*—**2. ДЮПОН. Высшее германское командование** *Г. Гордон.*—**3. ФУЛЛЕР. Танки в Великой войне (1914—1918).** *Е. Смысловский.*

А. фон - ШЛИФФЕН. Канны. Перевод с немецкого А. А. Свечина и А. Е. Снесарева, с приложениями альбома схем. Высший Военный Редакционный Совет. Москва. 1923 г. Стр. 214; схем 101.

«Канны» Шлиффена, эта, выражаясь немецким стилем, «эпоху сделавшая» книга вышла, наконец, на русском языке через десять лет после появления ее в оригинале. Огромное значение этой глубоко продуманной, блестяще написанной и полной богатейшего содержания книги было ясно для тех, кто ознакомился с нею в канун войны: ведь ее автором был долголетний начальник прусского генерального штаба, воспитывавший в своем направлении многочисленные кадры немецких штабных и строевых начальников. Теперь, по окончании войны и по мере того, как она все более и более удаляется в прошлое, «Канны» приобретают, может-быть, еще большее теоретическое значение, так как исследователь обладает знанием плана первоначального германского наступления через Бельгию, этого детища Шлиффена, потерпевшего, правда, немало при переработке его Мольтке, а также историей операций, разыгрывавшихся в течение войны немецкими полководцами по рецептам гениального поклонника Ганнибала.

В книге десять глав. В первой рассматривается битва при Каннах 2 августа 216 года, когда Ганнибал с 50.000 войска на-голову разбил 79.000 армию римского консула Теренция Варрона. Маневр карфагенского генерала, которым он уничтожил противника, обладавшего 16 бойцами против 10, и есть тот, который вдохновил деятельность немецкого военачальника, спустя 2100 с лишком лет. Вот как говорит об этом сам Шлиффен: «Было дано сражение на уничтожение и притом, наперекор всем теориям, победа была одержана меньшими силами. «Кон-

центрические действия против неприятеля не годятся для слабейшего», говорит Клаузевиц. «Слабейший не должен одновременно делать обход обоих флангов», говорит Наполеон. Но обладавший меньшей численностью Ганнибал действовал до известной степени концентрически, и обходил не только оба фланга, но одновременно заходил и с тыла. За 2000 лет оружие и тактика боя совершенно изменились. Уже не идут в рукопашную, с короткими мечами, а стреляют друг в друга с расстояния в тысячи метров. Лук заменила скорострельная пушка, вместо пращи теперь пулемет. Добивание неприятеля заменила капитуляция. Но в основных чертах боевые условия остались без изменения. Бой на уничтожение может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена. Неприятельский фронт не является целью важнейшей атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака не должна коснуться только одной крайней точки на оконечности фронта, а должна захватить в глубину все расположение противника. Законченным уничтожение является только после атаки неприятельского тыла. Для этого в первую голову привлекается конница».

Читатель не посетует на длинную цитату: в ней вся суть идей Шлиффена и вместе с тем смысл всей книги. Не случайно и не спроста именно Ганнибала избрал своим героем немецкий стратег: перед ним всю жизнь маячил грозный призрак войны на два фронта численно слабейшей германской армии, и метод Канн являлся слишком большим соблазном....

Исходя из точки зрения, выраженной в первой главе, автор последовательно разбирает доктрину Фридриха Великого и Наполеона, исследует действия Мольтке и Бенедека в кампанию 1866 года и, наконец, франко-прусскую войну. Конечный вывод, к которому он приходит, выражен следующими, характерными для его своеобразного писательского стиля скупыми словами: «Совершенное воплощение сражения при Каннах лишь очень редко встречается на страницах военной истории. Для него необходимы, с одной стороны, Ганнибал, а с другой—Теренций Варрон, которые оба по-своему содействуют достижению великой цели. Ганнибал обязан, если не иметь преобладания в силах, то уметь его создать. Для этого желателен полководец, который имеет в себе что-то от Шарнгорста, от Фридриха-Вильгельма I или Вильгельма I, располагающих прочной армией, что-то от Мольтке, сосредоточивающего силы исключительно против главного врага, от Фридриха Великого, который приводит в действие все орудия и ружья, от Фридриха Великого или Наполеона, наносящих главный удар против фланга и тыла, от Фридриха Великого или Мольтке, которые недостающего Газдрубала (отрезавшего тыл римлян при Каннах. *Г. Г.*) заменяют естественным препятствием или границей нейтрального государства. Наконец, нужны частные начальники, которые были бы дисциплинированы, знатоки своего дела и обладали бы пониманием замыслов полководца». Шлиффен отдавал себе ясный отчет в том, что указанные только что условия в чистом виде идеальны, и в огромном ряду сражений на захваченном им для своего исследования колоссальном участке мировой истории только для одного Седана соглашался признать совершенное совпадение с Каннами.

Здесь не место обсуждать вопрос о том, план ли Шлиффена потерпел неудачу в 1914 году, или, как нам представляется, дело было безнадежно испорчено с самого начала изменениями, внесенными в него маленьким племянником большого дяди, по прихоти Вильгельма II, ставшим преемником Шлиффена; недисциплинированностью Ф. Клука; знаменитым снятием с правого фланга двух корпусов для Восточной Пруссии и т. д.,—факт, во всяком случае, тот, что как бой под Сольдау, так и ряд других эпизодов кровавой эпопеи 1914—1918 гг дают богатейший материал для изучения с точки зрения Канн. Поэтому книга Шлиффена ничего не потеряла в своем значении, и можно только всячески приветствовать В. В. Р. С. и обоих переводчиков за прекрасно во всех отношениях выполненное издание.

Г. Гордон.

ДЮПОН. Высшее германское командование. С предисловием Жоффра. Перевод с французского Брагинского. С двумя схемами. Высший Военный Редакционный Совет. Москва. 1923. Стр. 91.

Книжка французского генерала посвящена рассмотрению действий немецкой главной квартиры, т.-е. генерала Мольтке, и армий Бюлова, Гаузена и, особенно, Клука во время первоначального наступления, завершившегося поражением на Марне. Написанная очень живо, с большим знанием дела, без особенных преувеличений, она читается до конца с неослабевающим интересом. Автор доказывает, что с самого начала войны слабое и неавторитетное руководство главнокомандующего, иногда просто совсем выпускавшего из своих рук управление, несогласованность в действиях между командующими армиями, своеволие зарвавшегося Клука неизбежно должны были, несмотря на исключительный блеск тактических успехов первых недель войны, неизбежно привести германские войска к конечному стратегическому провалу. Но он не останавливается только на этом: ссылаясь на разбор кампании 1870—1871 года, который производил со своими слушателями профессор военной академии Фош,—будущий маршал Франции,—Дюпон пытается доказать, что и Мольтке старший, в сущности, не управлял действиями своих генералов, покрывал их ошибки и тем самым поощрял их к проявлению того же неповиновения, которым через сорок четыре года так отличился Клук. Если, однако, Мольтке разгромил армию Наполеона III и Гамбетты, то только потому, что французские начальники никуда не годились, зато его племяннику в этом отношении не повезло,—ему пришлось иметь дело с французским командованием нового типа. «В 1914 году,—говорит Дюпон,—со стороны французов проявляется замечательная солидарность, деятельность и энергия. То, например, генерал Дюбайль 23 августа приказывает своим усталым от отступления и боев войскам атаковать левый фланг принца Баварского, когда предполагают, что он бросится на Нанси. То Кастельно, когда, против ожидания, замечает, что баварцы направляются к югу, командует 25 августа, едва оправившись от своего страшного потрясения у Моранжа: «Вперед! Повсюду! До конца!». Какое же признание вызывает у наших врагов констатирование этого факта? Сражение выиграла воля французов, олицетворенная в холодной бесстрастности Жоффра в течение всего отступления, последовавшего за поражением на границах... «Вот молодчина!» говорит ф. Тирпиц. «Кто бы этому поверил?» восклицает ф. Клук. «Вот что вырвало у Германии победу. Вот что спасло Францию». Надо, впрочем, отдать справедливость генералу Дюпону: на самой первой странице он со всею определенностью отмечает, что неожиданно раннее наступление в Восточной Пруссии русских армий, оттянувшее два корпуса из стремительной лавины, несшейся к Парижу, сыграло решающую роль в деле спасения Франции.

Очень ярко и интересно написана небольшая глава «Несколько личностей», в которой даны характеристики Шлиффена, Мольтке Младшего, Людендорфа, Фалькенгайна и Макензена. Здесь содержится рассказ об одном эпизоде, который мало известен широким читательским кругам: его стоит привести целиком:

«Маневр, приведший к победе под Танненбергом, известен. Людендорф все время говорит о нем в своих воспоминаниях и гордится им. Он прав: это одна из самых блестящих операций за всю войну. Но есть одна подробность, о которой он умалчивает, которая значительно облегчила его задачу и которая уменьшает значение его дерзновения. Он знал русский шифр: все приказы армии его противника, переданные по радиотелеграфу, расшифровывались им, и он знал о них одновременно с исполнителями этих приказов. Каждый вечер перехваченные радиотелеграммы расшифровывались к 11 час. Их приносили к Людендорфу, который по ним составлял свой приказ. Когда же случайно происходила задержка, он, обеспокоенный, приходил в шифровальное бюро, чтобы узнать о причине запоздания. Я узнал эти подробности лично от его офицера-шифровальщика; широкие массы узнали об этом факте от Фалькенгайна, упоминающего о нем осторожно, вскользь, в своих воспоминаниях».

Нам не представляется, чтобы книжка Дюпона имела большое значение, как материал для изучения стратегических и тактических моментов начального немецкого наступления: ее значение скорее историческое, и в качестве исторического этюда она будет прочтена с пользою как военным, так и невоенным читателем. Нужно заметить, однако, что не все в ней обстоит благополучно по части освещения действий французского командования: правда, не в этом была цель автора, но все же читатель должен иметь в виду, что после разоблачений группы «Clarté» приходится с большою осторожностью относиться ко всему, что выходит из-под пера штабных сотрудников и соратников Жоффра. Не обошлось в книжке и без обычной французской шовинистической патетичности, о чем, впрочем, предупреждает предисловие В. В. Р. С. Право, смешно и противно читать, когда по поводу пресловутого нарушения бельгийского нейтралитета, жеванного и пережеванного тысячи раз благочестивыми французскими тартюфами, наш чувствительный генерал восклицает: «Никогда этот народ не будет иметь понятия о честности; никогда он не поймет, что можно руководствоваться понятиями морали». Но зато французы, конечно, это отлично понимают: помилуйте, вся деятельность таких Баярдов, как Пуанкаре или Мильеран, разве не лучшая в том порука? Пора бы уж, кажется, бросить эту, разве только окончательных идиотов вводящую в заблуждение, риторику. Помиримся на том, что парочка добрых парижских Лушеров стоит пары хороших берлинских Стиннесов, и что при случае образцовый моралист Фош даст сто очков вперед безнравственному Людендорфу.

Г. Гордон.

ТАНКИ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914— 918). Составлено пол. ФУЛЛЕРОМ. Пер. с английского под ред. В. Ф. Новицкого. Стр. 264 с 21 рис. и чертеж. в тексте и 9 отдельными планами сражений. В.В.Р.С. 1923. Москва.

Из всех нововведений техники, появившихся во время мировой войны, танки принадлежат к числу тех, которые до сего времени привлекают собой особое внимание не только гражданских, но и военных кругов наших республик; история их происхождения, роль их во время мировой войны и будущее значение остаются для многих неясными. Самое наименование этой машины «танком» (английское — tank), означающее в буквальном переводе—водоем, чан, уже вызывает недоумение; странным кажется также, что организационные соединения танков именуются не привычными «ротами» или «дивизионами», а морскими наименованиями «эскадр», «флотилий»; в прошлом танкам многие склонны приписывать столь решающее боевое значение, что перед ним не устояла даже непобедимая военная мощь Германии, в будущем от них многие ожидают невероятных чудес, сводящих, будто бы, на-нет все могущественнейшие остальные средства борьбы и даже роль человека.

Причины такой неясности, пожалуй, даже таинственности и неопределенности, довольно естественны. Представляя собой одну из «стратегических неожиданностей», рожденных английской техникой уже во время мировой войны, танки строились и совершенствовались с соблюдением возможно большей секретности и до конца войны нам вовсе не были известны. Правда, во время гражданской войны белая сторона «подарила» их Красной армии в столь достаточном числе, что мы не только имели возможность ознакомиться с некоторыми из их образцов, но даже отчасти применить их в последующей борьбе с Польшей. Однако, и размеры и условия этого применения не дали, конечно, достаточного материала для того, чтобы вывести сколько-нибудь законченную оценку этого боевого средства. Долгое время к нам не проникала даже литература по танковому делу. Наши собственные начинания в нем, естественно, ведутся секретным порядком.

Книга Фуллера, появление которой уже отмечено в нашей военной печати («Военная Наука и Революция», кн. первая, 1922 г., «Техника и Снабжение Красной Армии» № 36 (67)—1923) и перевот которой ныне издан В.В.Р.С., дает отвед на многие приведенные выше вопросы.

Из нее читатель может узнать, что наименование этой боевой машины услов

ным словом «танк» произошло вследствие желания скрыть истинное назначение громоздких бронированных чудовищ не только от любознательности своих собственных граждан, но и для защиты этой тайны в официальных сношениях и переписке. Далее из той же книги видно, что первоначальной идеей «просвещенных мореплавателей», искони сильных и привычных к действиям на море, была постройка «сухопутного корабля», для осуществления чего был даже образован «Комитет сухопутных кораблей». Отсюда, повидимому, отчасти вследствие первоначальной идеи, отчасти вследствие всем известного консерватизма англичан «морской» колорит и лег на все последующее танков хотя бы только в виде принятия для их соединений совершенно несоответствующих существу дела морских названий. В книге Фуллера читатель найдет историю возникновения и развития идеи танка от «глубокой древности и до наших дней», постепенную эволюцию танкового дела в Англии во время мировой войны, живое изложение эпизодов участия и результатов деятельности танков в крупных сражениях на Западном фронте и даже прогноз о будущем танков, выраженный в столь широких мечтаниях автора, перед которыми бледнеют талантливые идеи Жюль-Верна и Уэльса.

Нет основания останавливаться подробно на изложении всего содержания книги Фуллера, тем более, что она разбита на 40 довольно мелких глав, связанных между собою не столько какой-либо объективной системой изложения, сколько хронологическим порядком личных переживаний и мыслей автора, которому пришлось играть такую крупную роль в танковом деле английской армии. Можно пожалеть только, что его талантливое изложение во многих местах слишком лаконично для не-специалистов и потому не дает им детального ознакомления с главнейшим предметом изложения—танком и его применением. Однако, несмотря на эти недостатки, книга должна заинтересовать всякого, желающего ознакомиться с историей возникновения, совершенствования и применения танков во время мировой войны на их родине, тем более, что помимо субъективных сторон освещения вопроса, присущих автору, она содержит весьма богатый объективный материал, который, как это ни странно, — при внимательном изучении может сильно поколебать выводы автора и дать возможность читателю составить свое собственное мнение. Об этих-то сторонах книги и хочется сказать несколько слов.

С первых же страниц можно видеть, что идея сухопутного корабля, весящего больше 1000 тонн, с броней в 3 дюйма, с 6-ю пушками, хотя и обещавшего движение по всякому грунту, потерпела крушение до ее осуществления. Не опасаясь парадоксальности выражения, можно сказать, что «твердая» стихия суши в действительности оказывается гораздо более «зыбкой» по сравнению с морем: в то время, как последнее надежно держит суда с тоннажем в несколько десятков тысяч тонн, и притом тем надежнее, чем тоннаж больше, на суше движение «сухопутных» судов большой мощности становится сомнительным хотя бы уже в отношении возможности перехода или перевозки через мосты и передвижения по железно-дорожным путям. Да и при сравнительно меньшем весе и при применении «рельсовой цепи», или так называемого «гусеничного хода», проходимость танков далеко не так обеспечена на всякой местности, как это принято думать. Действительно, на благоприятном грунте танк может двигаться через всякие препятствия, ломать 5—6-вершковые деревья, разрушать проволочные заграждения, переходить небольшие рвы, взбираться на невысокие стенки; но в то же время он способен и «вязнуть» так, что без помощи танка же невозможно его вытащить на «сушу». Автор дает не мало примеров такого «увязания» и настойчиво проводит совершенно правильную идею о необходимости тщательной оценки и исследования будущих путей движения танков, без чего применение их может быть совершенно нецелесообразно. В сущности о свободном «плавании» танков по суше надо забыть и обратить внимание на другую сторону их природы, также достаточно освещенную автором,— о возрождении в их лице прежней борьбы брони с вооружением, столь хорошо знакомой военному флоту.

В этом отношении танки находятся в гораздо худших условиях по сравнению

с морскими судами. Как известно, в последних тоннаж почти неограничен, и чем он больше, тем в большей степени могут быть развиты боевые качества корабля в отношении его бронирования, вооружения, скорости движения, района действия и пр. Практически осуществимый тоннаж танков настолько ничтожен, что об этом пути их усовершенствования и развития и говорить не стоит. С большим трудом удается прикрыть их тонкой броней, если и сопротивляющейся проникновению пуль, то легко проницаемой для всякого даже малокалиберного снаряда; вооружение может быть только слабое для ближнего боя; при мало-мальски крупном весе скорость движения и район действия ограниченные.

Тем не менее, эти стороны вопроса отнюдь не должны приводить к дискредитированию значения танков и даже к умалению этого значения. Танки нужны в современной вооруженной борьбе как представители применения «сухопутной активной брони», и именно с этой точки зрения, также достаточно освещенной в книге Фуллера, и следует подходить к вопросу.

Как известно, огнестрельное оружие положило конец прежним латам, представлявшим собою индивидуальное бронирование бойцов. Все попытки техники восстановить его в виде всевозможных непробиваемых «панцырей», щитов, продолжающиеся до наших дней, не приводили ни к какому результату, так как при мало-мальски терпимой защитности от пуль вес этих современных «лат» неизменно оказывался столь большим, что был непосилен для отдельного бойца, да еще принужденного нести их в самой тяжелой боевой обстановке. Следующим шагом естественно становится попытка возки брони при помощи животной или людской силы, также долгое время претерпевающая неудачу, вследствие несоразмерности груза с силами живых движителей. В дополнение к историческим примерам подобного рода попыток сооружения подвижной брони, приводимых автором, можно упомянуть, что и у нас, в России, еще во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. одним изобретателем был осуществлен подвижной щит на колесах, под прикрытием которого предполагалось возможным подойти к вооруженному огнестрельным оружием противнику вплотную; изобретение это так же, как и прочие, вследствие своего несоразмерного веса, потерпело неудачу.

Но вот появляется двигатель внутреннего сгорания, столь блестяще уже разрешивший аналогичную неразрешимую до того проблему — полета в воздухе, и идея подвижной брони вновь воскресает в виде бронированных автомобилей или так называемых у нас «броне-машин» или «броневиков». Первые типы их далеко неудовлетворительны: они могут двигаться только по дорогам и притом не всяким; а между тем боевая обстановка требует движения не только без дорог, но и по местности особенно трудной для прохождения, пересеченной, изрытой воронками снарядов, перегороженной проволочными и другого рода заграждениями, окопами, насыпями. Единственным решением остается отказ от колес и переход к гусеничному типу повозки,— и вот тип танка, столь блестяще осуществленный английской техникой налицо. Попутно с достижением лучшей проходимости машины и брони по всякой местности достигается рациональное использование веса машины в отношении разрушения им препятствий незначительного сопротивления, создаваемых борющимися сторонами. Отсюда неизбежно два типа решения: танк тяжелого типа, большого веса, предназначаемый для преодоления препятствий, для «пробития в них брешей» в намеченных точках, в которые могла бы проникнуть немедленно сопровождающая его «живая сила», с малым районом действия, и танк легкий, способный к широкому маневрированию, в сущности представляющий собою более совершенный образец «броне-машины». Между этими двумя типами естественны всякого рода промежуточные типы и сочетание их для разрешения различных боевых задач.

Даже этого беглого наброска уже достаточно для того, чтобы понять, насколько мечтания о великом и всеобъемлющем будущем танков преувеличено. При современной непреодолимой силе ружейного и пулеметного огня и фортификационных сооружениях танки естественно явля-

ются крайне необходимым боевым средством. Чрезвычайно картинно и правдиво их роль изображена автором в сравнении их действия с действиями человека, пролезающего чрез изгородь из густого кустарника. Но они далеко не столь непобедимы и несокрушимы, как это можно понять из его же «поэмы о танках», хотя бы уже по одному тому, что на всякий яд априорно можно предугадать противоядие. Таковое также указывается автором хотя бы в виде всякого вида артиллерийского огня; и если немцы не справились вполне успешно с английскими и французскими танками во время мировой войны, то это никак нельзя приписать несокрушимости танков, а целому ряду весьма существенных и обширных причин, начиная с истощения страны и в промышленном и в моральном отношениях.

Е. Смысловский.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

1. «Этапы новой школы». *И. Чехов.* — 2. «Современная практика социального воспитания». *Б. А. Плюснин.* — 3. «Да здравствует труд». (Сборник.) *Е. Медынский.* — 4. Проф. Н. С. ДЕРЖАВИН. Высшая школа и революция. *И. Аксенов.*

ЭТАПЫ НОВОЙ ШКОЛЫ. Сборник под редакцией С. Т. ШАЦКОГО. Из работ Первой Опытной Станции по народному образованию при Наркомпросе. Изд. «Работник Просвещения». Москва. 1923 г. Стр. 144.

Первая опытная станция, руководимая С. Т. Шацким, пользуется широкой и заслуженной известностью в педагогическом мире. Статьи разбираемого сборника принадлежат перу и самого Шацкого и его ближайших сотрудников.

Станция включает в свой состав целый ряд различных детских учреждений: школы I и II ступени, детскую колонию, детские сады и клубы, и ведет исследовательскую работу по изучению педагогического процесса в целом. Задача станции, как она выражена в предисловии к сборнику: «нащупать тот жизненный путь, по которому должна пойти современная школа». Работу станции С. Т. Шацкий называет «организованной педагогической разведкой». Наиболее важными для определения ее направления являются две статьи С. Т. Шацкого: «Наше педагогическое течение» и «Курсы, как организующая сила в педагогическом деле». В первой из этих статей автор говорит: «у нас есть свой путь, своя линия... которую мы выработали много лет назад». Опыт предыдущей работы привел работников станции к мысли о том, что движение вперед в школьном деле возможно только через подготовку руководителя. В основу этой подготовки положено «пропускание материала через себя», т.-е. анализ собственной работы.

Станция выработала и непрерывно совершенствует методы собирания педагогического материала и методы их анализа. С. Т. Шацкий затрудняется ясно формулировать общие цели воспитания, которые ставит современная жизнь и ограничивается указанием на некоторые частные выводы, которые считает бесспорными. Вот сущность этих выводов: 1) «интернациональное» должно занимать важнейшее место в жизни; 2) доминирующее значение приобретает проблема коллективизма; 3) выдвигаются проблемы новых форм учета, анализа, организации и экономии сил; 4) следующею проблемою является жизненность воспитания и формирования личности; 5) условия времени выдвигают проблему целесообразного и продуктивного расходования сил; 6) наконец, выдвигается роль техники и связи ее с наукою.

Это—общие, более отдаленные цели. Сборник собственно дает материал только по части третьего пункта, а именно в области учета анализа и организации сил. Ближайшею целью работы являются—

организация детской жизни, которая понимается здесь, как организация деятельности. Метод работы—использование опыта ребенка.

Из остальных статей сборника 7 посвящены дошкольному воспитанию и связи его со школьным, 5—работе в школах.

Л. Шлегер в вводной статье излагает организацию работы станции в области дошкольного воспитания не только с сотрудниками станции, но и с широким кругом детских садовниц города Москвы, организованных в 9 кружков. Работы этих кружков изложены в статьях Флериной («Исследование рисунков детей»), Шабад («О методах исследования детского языка») и Л. Шлегер («Кружок семилеток», т.-е. руководительниц, работающих с семилетками). К сожалению, в этих статьях очень мало, а в некоторых и ничего не говорится о методах собирания и разработки материалов, а выводы, к которым привела эта работа, еще очень незначительны. Сами работники не считают свою работу законченной.

Две статьи говорят о системе дошкольной работы в городе (Шлегер) и в деревне (Азаревич). Первая опять излагает ход работ по дошкольному воспитанию в Москве, задачи этой работы, а из выводов ее перечисляет пять возможных типов городских (московских?) детских садов, не давая никаких указаний на их отличительные особенности.

В статье Л. Азаревич излагаются подготовительные работы для выработки системы дошкольной работы с детьми. Здесь говорится о попытках сближения с населением, об исследовании детей и их домашних условий. Поставлены вопросы: «1) какой материал надо давать в детском саду; 2) какие интересы и знания имеются у детей и какое должно быть содержание жизни в детском саду; 3) какие у деревенских детей способности и качества». Читатель ждет интереснейшего материала и с разочарованием читает: «некоторые ответы на эти вопросы мы получили, некоторые выводы мы можем сделать; но ни в каком случае нельзя утверждать, что результаты окончательны». Как будто бы в педогогике можно когда-нибудь получить «окончательные» результаты.

Заключительный вывод статьи таков: «итак, главные условия деревенского детского сада должны быть направлены в сторону развития интеллекта и на борьбу с традициями и суевериями деревни через детей». Нам кажется, что такой вывод можно было поставить в начале, а не в конце работы, потому что кто же станет спорить с этой целью и кто потребует ее доказательств?

О школах и их задачах говорится в трех статьях: система школ в деревне (Е. Фортунатовой), система школы и учитель (Н. Попова) и о системе школ (Л. Скаткин).

Отметим два более чем спорные положения ст. Азаревич «Совместная работа детского сада и школы»:

«Все задания (младшей группы) должны возникать из жизни самой группы, и не должно быть никаких заданий извне»,—т.-е. неужели и от учителя? Неужели и он не должен ничего прибавлять от себя, т.-е. извне, в жизнь этой группы.

И второе—«я считаю возможным не вводить грамоты ни в первом, ни во втором плане школы». А как же быть с запросом на грамоту, возникающим в детской среде? Ведь деревенские ребята приходят в школу учиться грамоте, и это их горячее желание. А как быть с требованием жизни, которое ставит перед нашей сельской школой обязанность научить грамоте возможно скорее, потому что половина мальчиков и $^3/_4$ девочек оставляют школу после первого или второго года обучения. Так они из школы без знания грамоты и уйдут? Разве это возможно?

Самою ценною в сборнике является, на наш взгляд, статья Шацкого о курсах первой опытной станции. Эти курсы организованы и работают очень оригинально и плодотворно, хотя, может-быть, при этом и не вполне соблюдается та «экономия сил», о которой тот же Шацкий в другой статье говорит, как об одной из основных задач момента.

В общем, если посмотреть на этот сборник, как на материал для чтения педагогов, то он является, несомненно, и интересным и ценным. Он поднимает целый ряд важных, отчасти новых вопросов, над которыми педагогам надо подумать и поработать. Но сборник только поднимает эти вопросы, отнюдь не разрешая их,

и еще менее дает указаний на то, как можно работать над их разрешением, если не считать за новое указание, что лучше работать совместно. Методики самой работы, изложения приемов ее в сборнике почти нет.

Если же искать в сборнике трудов первой опытной станции результатов опытов, которые могли бы быть приложены теперь же в массовых школах, то этого в нем можно найти еще меньше.

В педагогическом деле нельзя ждать, когда работа приведет «к окончательным» выводам, потому что «конца» в этой работе не может быть, а каждый шаг ее, даже ошибочный, должен становиться общим достоянием. В этом — лучшая гарантия от ошибок.

Н. В. Чехов.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ. Сборник статей с предисловием Н. К. Крупской. «На путях к новой школе». Педагогическая библиотека под редакцией Н. К. Крупской. Вып. II. Изд. «Работник Просвещения». М. 1924. Стр. 244.

Шесть лет работы в области социального воспитания были годами по преимуществу тяжелой, напряженной борьбы за существование, за спасение наиболее распространенных учреждений социального воспитания, и вопросам реформирования их поневоле уделялось меньше внимания. Однако, во всей этой громадной, крайне напряженной работе какой-то опыт творился, и теперь, когда явилась не только возможность, но и необходимость перехода на плановую работу, нужно его подытожить, сделать из него соответствующие выводы. «Планомерное строительство новой школы, основанное на точном учете проделанного за годы революции опыта», — вот лозунг момента, — говорит Н. К. Крупская в предисловии к сборнику «Современная практика социального воспитания».

Эта ценность учета и изучения опыта практики для методической работы центра подчеркивается помещением в начале сборника статей С. Т. Шацкого «Принципы учета» и А. Радченко «Формы учета педагогической работы».

Эти статьи скорее не итогового, а директивного характера и трактуют больше не о современной практике, а о том, что должно делать сегодня и завтра в области учета педагогической продукции. Тов. С. Шацкий, отмечая в своей статье затруднения на этом пути, находит все же единый подход к оценке работы педагогических учреждений, указывая, что прежде всего необходимо определение: а) задач, которые ставит себе учреждение, б) программ и метода работы, в) условий работы, г) истории и организационной формы и д) результатов, относя их к работе с детьми, педагогами и населением.

На основе этих общих принципов разработаны примерные схемы анализа работы педагогических центров и оценки деятельности индивидуальных детских учреждений, которые, при умелом пользовании ими, действительно дадут достаточно полный и ясный учет продукции учреждений этих двух типов Тов. А. Радченко в статье «Формы учета педагогической работы» довольно обстоятельно разбирает почти все практикуемые ныне формы учета, и констатирует, что «идеальной формой учета педагогической работы был бы цифровой учет с применением к нему статистического метода», и рассказывает о чрезвычайно интересных опытах в области цифрового учета труда как педагогов, так и детей.

Следующая и главная часть сборника посвящена уже целиком итогам шестилетней работы в области массовой школы, детских домов, дошкольной работы и переподготовки работников социального воспитания. Картина в общем тяжелая и мрачная. Взять ли школьную сеть, обслуживающую только 44,18% детей соответствующего возраста, перейти ли к вопросу о материальной базе школы, о составе и оплате учительства, коснуться ли внутреннего содержания школьной работы, — везде фактов отрицательных отчетная статья приводит больше, чем положительных, и в общих выводах констатирует, что «сдвиг массовой школы в сторону преобразования ее в трудовую советскую школу произошел незначительный»... «Однако, почва для проникновения в нее новых педагогических веяний есть». И отмечается ряд «путеводных огоньков», ряд почти

неизвестных пионеров революционной школы, с величайшей энергией — почти неизвестные — творящих новую жизнь в школе.

Картина состояния детских домов, по отчетной статье В. Васильевой, еще более удручающа; здесь уже не только худые крыши и старая учеба, здесь голодающие, зябнущие, болеющие и умирающие дети. Статья приводит ряд вопиющих фактов: «на почве плохого питания наблюдаются болезни и даже есть смертные случаи, которых зарегистрировано 20», «температура бывает ниже 0°», «освещения нет» и т. д.

Ясно, что педагогическая работа при таких условиях не может стоять на высоте, и детские дома в массе являются учреждениями не социального воспитания, а социального призрения, — за исключением опять-таки «путеводных огоньков», которых здесь, пожалуй, еще больше, чем в школе. Нужда заставила, принудила многие детские дома крепко заняться вопросом о собственном обеспечении, о производстве—и в этой области, особенно по линии сельско-хозяйственной, статья приводит ряд интересных и отрадных фактов.

С дошкольным воспитанием, по словам статьи Т. Морозовой «Обзор педагогической дошкольной работы в массовых и центральных учреждениях Р.С.Ф.С.Р.», дело обстоит весьма печально в количественном отношении: сократительная волна просвещенского кризиса весьма больно ударила по дошкольным учреждениям, и сеть их сократилась весьма сильно; в качественном же отношении дошкольное дело от этого выиграло, так как лучшие учреждения сохранены почти полностью, и педагогическая работа, руководимая почти всюду существующими коллективами дошкольников, протекает, пожалуй, глубже и интенсивнее, чем в школах. Особенно интенсивно идет эта работа в городских учреждениях, лучше обеспеченных материально и снабженных лучшими педагогами. Общий обзор дошкольной работы на местах позволяет Т. Морозовой сделать выводы, что «провинция живет методическими вопросами», и «идет иной раз в продвижении вопросов дальше, чем идут некоторые учреждения центральных городов». Второй вывод: дошкольное воспитание пустило глубокие корни в население и завоевало его симпатии; и третье — в общем «искреннее отношение и заинтересованность работников дошкольного воспитания»...

Отчетная статья А. Сапожникова, посвященная итогам проведенной летом широкой кампании по переподготовке работников Соцвоса, развертывает картину большой работы, проведенной в этой области центральными и местными органами народного образования.

И отсюда мы переходим к тем «путеводным огонькам», которые ярко светят среди общего мрака и демонстрируют реальные возможности осуществления принципов трудовой школы. Это — О.П.У. — опытно-показательные учреждения, местные и центральные. Статьи А. А. Колпаковой и А. Т. Рудневой развертывают целый список местных и центральных О.П.У., которые сумели не только осуществить общий дух трудовой школы, но и конкретные его детали, рекомендуемые меньше года назад опубликованными новыми схемами программ.

В общем сборник дает яркую картину не только массовых учреждений, но и тех перспектив, которые стоят перед ними, поскольку они будут равняться по О.П.У., и это сглаживает мрачное впечатление, созданное тем фоном, на котором блестят огоньки О.П.У. Всем работникам социального воспитания сборник можно смело рекомендовать.

Б. Д. Плюснин.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРУД». Пособие для работ со взрослыми по комплексному методу. Составила Д. Элькина при участии С. Троицкого, М. Бурдиной, М. Васильковского и Р. Бронштейн. Изд. «Красная Новь». М. 1923. Стр. 411. Тираж 15.000 экз.

Хрестоматия составлена по комплексному методу, при чем «в основу комплекса положен труд, производитель (рабочий и крестьянин), процесс труда, объединение отдельных видов труда в общей системе народного и мирового хозяйства и борьба трудящихся за освобождение».

После нескольких вводных статей и стихотворений, посвященных труду вообще, идет подбор литературного материала, относящегося к текстильной, металлообрабатывающей и горной промышленности, к сельскому хозяйству и сельск.-хоз. промышленности, транспорту и, наконец, средствам связи (телеграф, телефон, радио), что дает возможность начинать занятия с того производства, к которому принадлежат учащиеся в школе взрослых. Конец хрестоматии (318 — 354 стр.) посвящен пролетарским праздникам, и, наконец, последние 50 стр. уделены математическому справочнику.

Хрестоматию Д. Ю. Элькиной, составительницы за годы Октябрьской революции уже третьей хрестоматии для взрослых («Мы новый мир построим», Госизд. 1919 г., и «Книга для чтения и бесед в школах взрослых», Госизд. 1921), по богатству материала и удачному расположению его по производственному признаку следует признать лучшей из имеющихся для занятий со взрослыми. Художественно-литературный материал в ней умело переплетается с деловыми статьями и вполне отвечает психике трудящегося.

Хрестоматию можно поэтому рекомендовать для занятий в школах взрослых. Ее, надо думать, ждет такая же широкая известность, какой в свое время пользовалась составленная Алчевской «Книга для взрослых».

Некоторым недостатком ее является перегруженность материалом и вопросами, им освещаемыми, вследствие чего обычный недостаток всех хрестоматий, включающих, кроме художественного материала, общеобразовательные статьи— поверхностность и беглость трактовки многих важных вопросов выступает довольно ярко. Так, статья «Из чего состоит растение, чем и как оно питается» занимает 28 строк (стр. 146), статья «Электричество» (стр. 101), выясняющая экономическое значение электрической энергии — 16 строк. Объяснения электричества, как физического явления, нет вовсе, вообще естествознание представлено в статьях хрестоматии бедно.

Вторым недостатком надо признать тяжеловесность некоторых статей, построенных почти по типу справочных заметок энциклопедического словаря и на каждом шагу требующих при работе со взрослыми с не высоким уровнем развития длительных объяснений. Вот наудачу взятый отрывок из статьи «Электрификация центрально-промышленного района»: «Каширская станция со временем послужит одним из спорных пунктов *электрификации Курской дороги*. Постройка *первой линии высокого напряжения* от Каширской станции к Москве *близится к завершению*. Вторая линия *электропередачи* пойдет на Серпухов, третья — на Озерки, Коломну и Егорьевск, где произойдет соединение с линией Шатурской станции, четвертая линия, когда станция *расширится до полной мощности*, направится тоже в Москву».

Язык этого отрывка — язык специалиста, малопонятный обучающемуся взрослому, тем более, что ни в предыдущих, ни в последующих статьях хрестоматии мы не найдем объяснения, что это за «электрификация жел. дороги», «высокое напряжение», «первая линия», «вторая линия электропередачи», «полная мощность»; подчеркнутый оборот «близится к завершению» — типично-интеллигентский, в хорошем, ясном языке может быть заменен более простым «уже заканчивается». Один этот отрывок, если преподаватель не желает сделать его набором пустых звуков, требует около $^1/_2$ часа разъяснений, рассмотрения карты и схемы электрификации и т. д.

Некоторую разгрузку хрестоматии произвести необходимо. Это даст возможность развить оставшийся материал, усилить статьи по естествознанию и ввести хотя бы несколько статей антирелигиозного характера (приноравливая их, например, к отделу «сельское хозяйство»).

Но эта разгрузка — дело второстепенное — может быть выполнена в следующих изданиях, которые, вероятно, не заставят себя долго ждать, а пока преподаватель ведь волен выбирать из богатейшего материала хрестоматии то, что он находит более необходимым.

Вызывает некоторое недоумение размещение некоторых статей. Почему большая статья «Труд», рисующая историю труда безотносительно к какому-либо

отдельному производству, и статья «Человек и труд», стихотворение П. Я. «Восемь часов», большая статья «Охрана труда в советской России»—помещены в конце отдела, обрисовывающего текстильную промышленность? Сюда же почему-то отнесены «Борьба классов», «Придавленность рабочей массы». А ряд статей о профдвижении, о Р. К. П., о Карле Марксе и Ленине—в конце горной промышленности?

Нам рисуется, как более целесообразное, несколько иное расположение материала: после имеющихся в хрестоматии вводных статей, посвященных труду вообще,—переход к тем производствам, которые в ней освещены, а от любой из них в качестве синтеза—к политической и экономической борьбе рабочих и достижениям Октябрьской революции, и к смычке между крестьянином и рабочим (кстати сказать, в хрестоматии незатронутой).

Но, повторяем, все это—мелочи, перегруппировка, частичные поправки, а главное и большое дело—создание хорошей хрестоматии для взрослых — Д. Ю. Элькиной сделано.

Е. Медынский.

Проф. Н. С. ДЕРЖАВИН. Высшая школа и революция. Госиздат. П. 1923 г. Стр. 47.

Брошюра проф. Державина по форме своей является так называемой актовой речью: она подводит итоги прошлой деятельности университета и намечает новые его задачи. Основной темой этой работы является полемика с традиционным фетишем «автономии», лозунгом в данное время устарелым, и защита профессионализации высшей школы. Автор очень обстоятельно излагает историю русского университета в прошлом столетии и показывает мнимость «чисто научного» значения высшей школы при царизме, причины возникновения лозунга университетской автономии и необходимость теперешней реформы. Можно только пожалеть, что, говоря о последней, проф. Державин ограничился положениями столь общими и общеизвестными. Если причиной тому являлся недостаток места в статье или недостаток времени в речи, можно было бы с большей пользой для дела пожертвовать некоторыми цветами красноречия и устранить повторения стр. 11 — 13 на стр. 23 — 25. Некоторым противоречием звучат и такие фразы: «Пролетарская революция... в борьбе с реакцией объявила своим лозунгом — науку без политики» (стр. 30) и «С точки зрения интересов пролетариата — наука и политика неотделимы друг от друга» на той же странице. Эти и подобные им недосмотры не отнимают свойственного брошюре интереса: вопрос о реформе высшей школы,—вопрос слишком большой и важный, чтоб не ценить любой добросовестной попытки к его освещению.

И. Аксенов.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

1. С. КОНОБЕЕВСКИЙ. Строение вещества. *Э. Шпольский.*—**2. «Antropologie» unter Leitung G. Schwalbe и E. Fischer.** *М. Гремяцкий.* — **М. В. ВОЛОЦКОЙ. Поднятие жизненных сил расы.** *Ю. Филипченко.*

С. Т. КОНОБЕЕВСКИЙ. Строение вещества. Популярно-научная библиотека. Государственное Издательство. Москва. 1922. Стр. 206.

Необычайно быстрый рост наших знаний в области строения материи, которым характеризуется последнее двадцатипятилетие, является одной из самых блестящих страниц в истории физики. Еще не так давно находились серьезные ученые, которые сомневались в реальности молекул. После работ Перрена над так наз. «броуновским движением» наиболее яркий из этих скептиков, В. Оствальд, заявил, что теперь «мы полу-

ч или экспериментальные доказательства прерывной или зернистой природы вещества, тщетно искавшиеся атомистической гипотезой в течение столетий или даже тысячелетий». Но исследования последних лет повели нас гораздо дальше. С одной стороны, они позволили изучить с значительной полнотой структуру твердых кристаллических тел; с другой стороны, мы глубоко проникли в строение самого атома. Атомы наших дней имеют уже мало общего с гладкими шариками Демокрита и Эпикура. Атомы современных физиков — это целые сложные миры, напоминающие планетные системы. — Старые идеи возрождаются, и мы видим, как после изумительных опытов Рёзерфорда осуществляются мечтания алхимиков о превращении элементов, а опыты Астона возрождают смелую гипотезу Проута, утверждавшего, что все элементы построены из водорода.

Ознакомить с этим бурным развитием учения о веществе широкие круги читателей, ищущих в современном естествознании фундамента для своего миропонимания, — такова задача автора рецензируемой книги. Задача эта в высшей степени трудна, и тем не менее попытку С. Т. Конобеевского следует признать вполне удавшейся. Книжка написана доступным и хорошим языком. Запас предварительных сведений, требующихся от читателя, — минимален; математика отсутствует совершенно. Несмотря на это, автор дает достаточно полную картину трактуемого предмета, в чем можно убедиться из нижеследующего краткого обзора содержания. Главы I и II посвящены выяснению понятия об элементе, об атомах и молекулах, а также изложению основ кинетической теории материи. Здесь же автор знакомит читателя с современным изучением структуры кристаллов при помощи рентгеновых лучей. В гл. III и IV на сцену появляются ионы и электроны. Здесь рассматриваются ионы в жидкостях и газах, катодные и каналовые лучи, излагаются методы определения заряда электрона, выясняется понятие об электромагнитной массе электрона. Гл. IV заканчивается приложением каналовых лучей к химическому анализу газов и воспроизведением вильсоновских фотографий путей α-частиц. Гл. V, VI и VII посвящены проблеме строения атома и заканчиваются описанием опытов Рёзерфорда над искусственным превращением элементов и Астона — над изотопами обыкновенных элементов.

В заключение—несколько мелких замечаний: 1) на стр. 95 — 97 автор излагает *два* метода определения заряда электрона; мы предпочли бы в следующем издании, которое, наверное, потребуется, увидеть описание *одного* из них, но зато — более подробное и осязательное. Рис. 23 (стр. 96) совершенно неудачен; 2) на рис. 20 неправильно указано направление тока в электромагните. Вследствие этого все рассуждение, относящееся к этому рисунку, становится непонятным; 3) на стр. 191 метод Астона изложен слишком кратко, а потому и малопонятно; 4) рис. 17 (стр. 75) нам представляется сконструированным не вполне удачно.

Все эти замечания, разумеется, нисколько не умаляют достоинств книги С. Т. Конобеевского, которой мы смело желаем широкого распространения.

Э. Шпольский.

ANTHROPOLOGIE, unter Leitung von G. SCHWALBE und E. FISCHER. Verlag v. Teubner in Leipzig und Berlin. 1923. S. 684. (Die Kultur der Gegenwart». T. III. 5 Abt.)

«АНТРОПОЛОГИЯ», под ред. ШВАЛЬБЕ и Е. ФИШЕРА. Изд. Тейбнера. Лейпциг и Берлин. 1923. (Серия «Современная Культура». Ч. III. Вып. 5. Стр. 684.)

Нельзя не изумляться организаторскому таланту немецких издателей, сумевших выпустить такую богатую содержанием и объемистую книгу в такое неблагоприятное время. Здесь объединились силы лучших специалистов в разных областях антропологической науки и дали обзор результатов этой науки,— обзор, стоящий на высоте современных знаний и доступный каждому,

получившему некоторое общее образование.

Открывается книга статьей Е. Фишера, трактующей «Понятие границы и историю антропологии». Автор останавливается на работах основателей «естественной истории человека» — Линнея, Блуменбаха, Ретциуса и Брока, на строгой, нередко придирчивой критике Р. Вирхова, задержавшей плодотворное развитие науки, наконец, на трудах Швальбе, Клаача, Буля и других исследователей, которые вывели антропологию в самом конце XIX и начале XX века на широкую дорогу эволюционно-исторического исследования. Нетрудно проследить, как под влиянием потребностей развитого капитализма, ищущего новых рынков, вступающего в период экспорта капитала, оживляются исследования далеких стран и все больше накопляется ценнейший антропологический и этнологический материал. Наибольший расцвет науки о человеке совпадает с кануном европейской бойни: в 1914 г. появляется первый настоящий курс антропологии, принадлежащий перу Р. Мартина.

Война и последовавшие за нею события не могли не отразиться на положении науки. Грозная опасность вырождения населения встала во весь рост. Сокращение рождаемости, резкая убыль производительной части населения, распространение сифилиса и других болезней выдвинули на первый план вопросы расовой гигиены и продиктовали антропологии новые задачи. Грандиозный социальный переворот в России ставит на очередь целый ряд крупнейших антропологических проблем, разработка которых совершенно обновит содержание этой науки: евгеника, криминальная антропология получают могучие толчки для своего развития. Наконец, задача изучения человека, как производительной силы, приобретает для нашего государства первенствующее значение, становится в самом центре антропологических интересов. Все это побуждает нас с особым вниманием отнестись к труду немецких авторов, который, при крайней бедности нашей антропологической литературы, мог бы, будучи переведенным, сыграть не малую роль в распространении нужных нам знаний. Но для этого он должен удовлетворять целому ряду условий, о которых будет сказано ниже.

За вступительным очерком следует небольшая (25 стр.) статья Моллисона: «Техника и методы физической антропологии». Казалось бы, для нас такая статья — находка. При *полном* отсутствии на русском языке *современных* руководств по антропометрии, при огромной потребности в таком руководстве (кто только теперь у нас не «измеряет»? — и врачи, и учителя, и руководители спортивных кружков, и т. д.,— а эти измерения в огромном большинстве случаев не имеют никакой научной, а следовательно, и практической ценности) — появление в переводе очерка Моллисона было бы своевременно. Но, к сожалению, это не так. Автор, видимо, хотел лишь теоретически ознакомить читателя с методами антропологического исследования. Немецкий ученый мог позволить себе такую роскошь — ведь на немецком языке существует целый ряд практических руководств, приспособленных к самым различным потребностям. Но для нас статья Моллисона была бы мало полезна. Она могла бы пригодиться лишь в том случае, если бы ее совершенно переработать и значительно дополнить подробными (и подчас мелочными)—практическими указаниями.

Обширный отдел «Общей антропологии» (стр. 37—122) обработан Е. Фишером и Моллисоном совместно. Мастерское изложение этого важного предмета интересно для всех, имеющих дело с физической природой человека.

Перу Е. Фишера принадлежит и следующий отдел книги: «Специальная антропология, или учение о расах». Фишер с полным основанием отвергает предлагавшиеся ранее схемы разделения человечества на расы, и признает, что наука сейчас не владеет вполне удовлетворительной классификацией рас. Поэтому он пользуется географическим принципом в своем описании. Для нас наибольший интерес представляет «европейски-передне-азиатский круг», с особенным трудом поддающийся анализу.

Своеобразный патриотизм увлекает Фишера в сторону от объективного исследования и заставляет его перенести прародину индо-европейцев в пределы современной Германии. Любопытно отметить, что в некоторых французских и американских работах эта прародина помещена в южную часть Европейской России.

При описании передней Азии Фишер исследует вопрос об этногении евреев, которых он считает смешанной расой, составившейся из Передне-азиатского компонента (ашкеназим) и другого более восточного (сефардим).

В своем антропологическом обзоре Ф. ведет читателя через все страны земного шара, обрисовывая чрезвычайную сложность расового состава человечества. Расовые типы изображены на таблицах, очень хорошо исполненных.

Следующий отдел книги занимает посмертная работа Г. Швальбе «Происхождение человека и древнейшие расы». Как на основании исследования свойств крови («кровного родства»), так и морфологического изучения, он приходит к выводу, что человек имеет общее происхождение с другими антропоидами (человекообразными формами). Швальбе решительно отвергает взгляд, который просачивается и в нашу популярную литературу, как «последнее слово» науки, по которому человек имеет особую генеалогическую линию в среде млекопитающих и занимает в природе резко обособленное положение. Швальбе выступает как моногенист, признавая происхождение человека от *одной* животной формы, при чем приобретение вертикального положения тела явилось причиной всех других изменений строения, среди которых увеличение объема черепа имело особенное значение для духовного развития человека.

«Доисторическая археология» Гернеса, следующая за статьей Швальбе, излагает предмет в том же систематическом порядке, как и в других трудах этого автора, отчасти переведенных на русский язык.

Отдел «этнологии» обработан Гребнером, главою нового направления в науке и автором теории «кругов культуры». Основная мысль его работы, к сожалению, слишком перегруженной сырым материалом, такова: без культурного взаимодействия одной этнической группы на другую самостоятельное развитие параллельных и сходных культурных явлений невозможно.

Последний отдел книги — «Социальная антропология» Плеца — представляет наименьший интерес. Односторонне-расовый подход к ряду общественных явлений, отражающих на себе прежде всего классовую структуру общества — приводит автора нередко к совершенно несостоятельным выводам, часто бьющим в глаза своим противоречием действительности. Ограничимся одним примером: по мнению автора, склонность к преступлениям в наименьшей степени свойственна «северной расе» (т.-е. населению Германии). Тот колоссальный рост преступности, который происходит сейчас в Германии вследствие тяжелого экономического положения прекрасно иллюстрирует справедливость этого мнения.

Несмотря на то, что отдельные части этого труда нуждаются в пересмотре и исправлении, все же приходится сказать, что эта книга лучше, чем какая-либо другая, представляет нам современное состояние науки о человечестве. Отдельные части ее, как, например, работа Швальбе или «Общая антропология» Фишера-Моллисона, заслуживают перевода на русский язык.

М. Гремяцкий.

М. В. ВОЛОЦКОЙ. Поднятие жизненных сил расы. (Новый путь). Из-во «Жизнь и Знание». М. 1923 г. Стр. 96.

Небогатая русская литература по *евгенике* увеличилась одной книжкой, принадлежащей перу старшего лаборанта Евгенического Отдела Московского Института Экспериментальной Биологии М. В. Волоцкого.

Напомним читателю, что под именем евгеники понимают науку, изучающую все влияния, которые способны улучшить врожденные качества будущих поколений. Сообразно с предлагаемыми

для этой цели методами практическая евгеника делится на *положительную* и *отрицательную:* первая стремится к усилению размножения наиболее ценных элементов общества, вторая ставит себе задачей бороться с размножением худших, отягощенных нежелательной наследственностью членов его. В настоящее время евгеническое движение охватило ряд культурных стран Европы и Америки, и в Соединенных Штатах делаются даже попытки вступить на путь практической евгеники.

Книга Волоцкого посвящена не евгенике в ее целом, а лишь освещению одного из проектов отрицательной евгеники, именно так называемой стерилизации, идея которой возникла лет 25 тому назад в Америке.

Под этим именем понимают лишение какого-либо лица возможности оставить потомство, но не путем более грубой кастрации, которая практикуется над животными, так как она тяжело отзывается на всем организме, а путем перерезки проводящих путей полового аппарата, что приводит тоже к лишению воспроизводительной способности, но мало отражается на организме человека и даже не лишает его способности к половому акту.

Еще в конце девяностых годов несколько американских врачей стали применять этот способ, чтобы воспрепятствовать размножению некоторых наследственно-дефективных элементов—слабоумных, эпилептиков и других душевных больных, а затем под влиянием их пропаганды несколько штатов ввели стерилизацию в свое законодательство. Согласно этим законам принудительной стерилизации подлежат отягченные тяжелой душевной наследственностью, а также преступные элементы, при чем она должна производиться из евгенических, а иногда и из карательных целей.

За последние 15 лет (1907—1921) стерилизационные законы были приняты в 15 штатах, но в 6 из них за последние годы они были отменены судом, как противоречащие конституции, и сохранились теперь лишь в 9 штатах. За это время было подвергнуто стерилизации около 3200 лиц, из которых 2600 были стерилизованы в Калифорнии, по сотне—другой еще в 3 штатах, в остальных же эта мера применялась пока мало [1]).

В Западной Европе стерилизация, как мера евгеническая, не применялась и нередко встречала к себе даже среди сторонников евгеники довольно сдержанное и осторожное отношение. В русской литературе большинство писавших по поводу нее относилось к ней резко отрицательно.

Иначе подходит к этому вопросу Волоцкой, являющийся убежденным сторонником стерилизации в целях поднятия жизненных сил расы и называющий ее «новым путем» для этой цели, которому он горячо симпатизирует.

В первой части своей книги (стр. 5—25) автор устанавливает некоторые общие понятия—о вырождении, наследственности, евгенике, делая это, однако, к сожалению, в самой краткой форме, а вторую, значительно бо́льшую часть книги, посвящает специально стерилизации. Им последовательно рассматриваются возникновение этой идеи, сущность практикуемых при стерилизации операций, отношение к идее стерилизации в Америке, Западной Европе и в России, влияние стерилизации на организм и т. д. Все это изложено в ясной и толковой форме, так что по прочтении книги читатель, действительно, может составить себе известное представление о данном вопросе.

При этом бросается только в глаза, что автор, говоря о сторонниках и противниках стерилизации, недостаточно оттеняет, что существует и третье — более спокойное отношение к ней хотя бы некоторых генетиков, которые, не видя в этой идее ничего особенно страшного по существу, не склонны все же ее особенно поддерживать, считая, что эта мера не может дать особенно больших результатов и что центр тяжести евгеники должен лежать совсем в другом.

---

[1]) Эти данные мы заимствуем из недавно появившейся американской книги Лафлина — их не было в свое время в распоряжении Волоцкого.

На последних страницах своей книги автор рассматривает вопрос о стерилизации с этической точки зрения, защищая ее полную допустимость, тем более, что, по его мнению, «этот проект по существу очень мягкий и не более противоречащий нашему чувству сострадания и любви к ближнему, как требование обязательной прививки оспы» (стр. 25), чего нельзя, как ему кажется, сказать про другие проекты в роде ограничения браков, представляющего уже «грубое насилие над личностью». Наконец, автором намечается примерный план подготовительных работ к проведению в жизнь стерилизационной программы, который, однако, носит очень умеренный характер и вполне приемлем для каждого сторонника евгеники независимо от его отношения к идее стерилизации. В этом плане фигурируют евгеническая подготовка врачей, организация комиссий по изучению явлений дегенерации, консультационные евгенические комиссии, имеющие право стерилизовать дефективных лиц в случае их собственного желания и т. д. При этом автор высказывает надежду, что из этих умеренных действий со временем разовьется и широкая стерилизационная деятельность, которая сыграет существенную роль в поднятии жизненных сил расы.

Автор настоящей рецензии является горячим и убежденным сторонником евгеники, но относится довольно несочувственно к идее принудительной стерилизации. Однажды мне пришлось уже писать по поводу американских стерилизационных законов, что «их нельзя не признать безусловно преждевременными и потому ненужными, даже более того — вредными с точки зрения широкого распространения евгенической идеи».

Однако, я отнюдь не стал бы возражать против всего изложения Волоцкого, если бы в его книге были сколько-нибудь достаточно освещены и другие стороны евгеники. Мало ли бывает даже в более старых науках разногласий по тем или иным вопросам! Между тем увлечение идеей стерилизации отодвигает в книге Волоцкого всю евгенику на задний план, и получается положение, про которое говорят, что «из-за деревьев не видно леса».

Правда, Волоцкой упоминает в предисловии о существовании и положительной евгеники, но затем (стр. 78) сам же резко ее критикует, забывая, что дальше в его примерном плане подготовительных работ содержится целый ряд элементов положительной евгеники. Едва ли логично затем, если считать стерилизацию за мягкую по существу меру, видеть в законодательном ограничении известных браков «грубое насилие над личностью» (стр. 25) и сожалеть, что на этот путь начинают вступать уж некоторые государства (стр. 79).

Каждым знакомым в общих чертах с сущностью евгенического движения книга Волоцкого будет прочтена с интересом и даже, быть-может, с пользой, но если читатель с евгеникой предварительно не был знаком (а как много у нас таких читателей), то, боимся, он может составить об евгенике по этой книге довольно превратное представление и смешать всю евгенику с идеей стерилизации.

Мы сказали, что из-за деревьев иногда бывает не видно леса, но можно сказать даже больше: у Волоцкого из-за одного дерева не видно леса,—дерево же это, по нашему личному мнению, не такое уж прочное, чтобы стоило выбирать его себе основной точкой опоры, а лес—велик, очень мало нами исследован и заключает в себе, несомненно, много других прекрасных деревьев...

Ю. Филипченко.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

1. А. В. МОЛЬКОВ. Социальные проблемы питания. *А. Терешкович.*—2. Проф. В. Г. ШТЕФКО. Влияние голодания на подрастающее поколение России в связи с анатомическими изменениями при голодании. *В. Невзоров.*—3. Проф. В. Г. ШТЕФКО. Туберкулез голодание. *В. Невзоров.* — 4. Д-р Л. И. СМИРНОВ. Эпидемические заболевания нервной системы 1919—1921 годов. *Л. Прозоров.*

А. В. МОЛЬКОВ. Социальные проблемы питания. Пособие к лекциям, читанным студентам 1 Государствен. Московск. университета в 1922 г. Госиздат. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 87.

Только в 1922 г. в России удалось осуществить то, что на Западе имеет уже свою историю—организовать кафедру социальной гигиены при Моск. университете. Автор цитируемой книги вел занятия со студентами по вопросам гигиены питания и в своей книге сжато изложил прочитанный им курс. Книга имеет большой интерес как первый вклад в науку социальной гигиены, с одной стороны, с другой — как освещение проблемы питания с марксистской точки зрения. Указатель литературных источников, которыми пользуется автор, исчерпывает все то новое, что имеется в литературе как заграничной, так и отечественной в области гигиены питания, в широком смысле этого слова. В части касающейся биологических основ питания, автор затрагивает вопрос о витаминах—добавочных факторах питания, приписывая им большое значение в биологии питания, однако советует в гигиенических исследованиях не отказываться от калорического метода, так как калория, по словам проф. Кольцова, все еще является той монетной единицей, в которой исчисляется пищевой бюджет.

В дальнейшем своем изложении автор подробно останавливается на социально-экономических условиях, как на направляющем факторе в деле питания народных масс, при чем указывает на основной закон потребления—закон Энгеля: «чем беднее семья, тем большую часть своих расходов она принуждена затрачивать на добывание пищи». Для подкрепления этого положения автор цитирует свежие данные по германским и русским источникам и исследованиям. Автор широко охватил и проанализировал связь между питанием и общественным здоровьем, приводя данные о высокой смертности детского населения в России, о той постоянной народной болезни, какой страдал русский народ — недоеданиим (хроническое неполное голодание); не безынтересны те сведения, которые дает автор о заболеваемости и смертности в Германии за время империалистической войны, указывая на развитие туберкулеза, появление голодных отеков на почве недостаточного питания. Изучение патологии питания в Германии велось за время войны и блокады весьма энергично, дав успешные данные в этой области. Весьма подробно автор останавливается на мероприятиях социально-экономического и социально-гигиенического характера в области улучшения народного питания. Проблемы народного питания есть прежде всего проблемы социально-экономические. Характер питания современного человека определяется его классовой принадлежностью;отсюда вывод: коренного решения проблемы питания может быть достигнуто лишь при коренном изменении существующих хозяйственных форм жизни, которые приведут к уничтожению классов, а следовательно, и классовых различий в питании. Автор освещает вопрос вмешательства государственной власти в дело распределения продуктов питания во время войны (монополизация хлебной торговли и торговли скотом), во время блокады и гражданской войны (снабжение готовой пищей, карточная система); подробно останавливается на

обобществлении народного питания как на экономической и социально-гигиенической мере, которой принадлежало будущее, подчеркивает в этом деле роль, которая должна пасть на кооперацию, как орган самозащиты населения от спекулирующего торгового капитала. Коснувшись мероприятий социально-гигиенического характера, автор подчеркивает ту роль, которую должны выполнять органы Народного К-та Здравоохранения, в лице правильно организованного санитарно-пищевого надзора, долженствующего иметь широкие права и полномочия. Ни одно мероприятие в области питания не должно ускользнуть от этого надзора, коснется ли это пищевых производств, мероприятий коммунального строительства, связанного с пищевым законом, установки норм питания, распределения продуктов, принятия экстренных мер в области улучшения питания (эпидемии, голод и пр.). Большое значение автор придает выработке пищевого закона о регулирующих правах, при чем справедливо отмечает, что никакого декрета в области санитарной охраны пищевых продуктов не должно издаваться помимо Н.К.З. Санитарное просвещение среди кругов населения в области питания, для изжития «санитарно-пищевой безграмотности», должно занять не последнее место в ряде мероприятий социально-гигиенического характера.

Как пособие для студентов выпускного курса книга Молькова должна получить широкое распространение.

Др. Д. М. Терешкович.

Проф. В. Г. ШТЕФКО. Влияние голодания на подрастающее поколение России в связи с анатомическими изменениями при голодании. Крымиздат. Симферополь. 1923 год. Стр. 117. Тир. 500.

Голод 1921 года нашел своего исследователя только в Симферополе, где проф. В. Г. Штефко, человек с исключительной эрудицией (патолого-анатом, бактериолог и антрополог), соединивший в себе большую талантливость, пытливость мысли и широкий научный горизонт, проделал огромную работу по изучению влияния голодания на развитие детей. Объединив вокруг себя группу врачей, проф. Штефко произвел единственное по полноте исследование голодания. Результаты работы начали появляться в печати. Вышла первая часть, рассматривающая влияние голодания на рост и вес детей, в связи с изменением в различных органах и изменения в крови и кроветворных органах. Вторая часть—о других изменениях в физической организации подрастающего поколения, видимо, готовится к печати.

Это небольшая, но страшная книга!

В первый раз наука могла так обстоятельно изучить влияние голодания на развитие человека, и с опубликованием работы проф. Штефко многие вопросы в медицине, да и не только в медицине, а и в антропологии и социологии, осветились совершенно новым светом, ряд загадок и неясностей разъяснены теперь всесторонне.

Материалом для исследования служило свыше 800 детей в Центральном Детском Коллекторе и 5000 трупов детей, погибших от голода. Весь материал в расовом отношении разбит на три группы: русские, евреи и татары.

«Все те изменения, которые произошли в организме под влиянием голодания,—говорит проф. Штефко,—должны рассматриваться не как результат острого голодания, в 1921—22 гг., а как результат хронического недоедания, начиная, по крайней мере, с начала мировой войны. Вред, нанесенный голоданием детскому организму, чрезвычайно глубок, и пагубные последствия его будут давать себя знать еще очень долгое время. Некоторые стороны дефективного развития, вероятно, никогда не выровняются в пределах продолжительности жизни одного современного поколения».

Да иначе нельзя себе и представить, вдумавшись как следует в помещаемый перечень изменений и нарушений, произведенных голодом:

1) Голодание вызвало сильное уменьшение роста у детей во все возрасты жизни и у всех исследованных национальностей. Средняя приостановка роста для мальчиков 5,7 сантиметра, для девочек—

3,6 сантиметра; но по отдельным возрастам, на которых голодание отразилось особенно сильно, приостановка доходит до 10,3 сантим. для мальчиков в 9 лет и до 5,5 сантиметров для девочек—в 8 лет (годы анатомической перестройки и потому наиболее ранимые).

2) Периоды прироста у русских и татар резко изменили свой нормальный ход (у евреев уклонений в ходе роста не произошло совсем).

3) Мужской организм при голодании является менее стойким, чем женский. Это выражается как в слабой способности к удержанию стойких физических признаков, так и в борьбе с внешними условиями, что доказывается тем, что среди голодавших детей смертность мальчиков к смертности девочек относится, как 8 : 5.

4) Потери в весе также очень высоки: 24,6%—для мальчиков и 35,4%—для девочек. Главная потеря в весе в женском организме приходится на счет жировой ткани.

В мужском организме жировая подстилка быстро истощается, вследствие ее слабого развития, и организм вскоре переходит на существование за счет белка своего тела.

5) В явлениях роста при голодании, так же как и при нормальном состоянии, должно быть приписано громадное значение железам внутренней секреции, которые при голодании претерпевают ряд изменений; главнейшим из них надо признать пороки развития половых желез (крипторхизм у мальчиков), что в ближайшем будущем должно создать потомство не способное к продолжению рода. % крипторхистов равен 27. Цифра совершенно небывалая.

6) При голодании в некоторых случаях наблюдается прогрессирующий регресс роста (поступательное снижение роста), в основе которого лежат деструктивные процессы в костной и хрящевой ткани длинных костей и хрящевых прослоек в позвоночнике.

7) Вес головного мозга голодавших детей уменьшается против нормы до 15 %, что может повлечь и психическое вырождение.

8) Не остается, кажется, ни одного органа, который бы не потерпел при голодании (сердце, печень, селезенка, костный мозг, кровь, надпочечники, зобная, щитовидная, поджелудочная и паращитовидные железы). Изменения сводятся к потере веса, к ряду атрофических явлений и т. д.

Выводы исследования грозные, и автор усиливает впечатление, указывая, что «в истории человечества мы знаем пример, когда вследствие долго продолжавшегося недостаточного питания, произошло значительное снижение роста целого племени. Это—пигмеи, населяющие леса передней и задней Индии и западной и восточной Африки. Сюда же относится племя Ака в центральной Африке».

Единственным просветом в этой мрачной картине являются отдельные указания проф. Штефко на то, что изменения в мышечной ткани и в некоторых наиболее важных органах носят не сплошной характер, а островками, что дает основание предполагать, при благоприятных условиях питания, хотя бы частичное восстановление разрушений. Клеточные элементы различных тканей организма имеют способность к регенерации. Средством к восстановлению физических и психических сил подрастающего поколения России является улучшение питания в связи с разумным воспитанием. Исследование проф. Калькуттского медицинского колледжа М. Сау'я, на которое ссылается и сам проф. Штефко, устанавливает закон, что при небольшом даже отличии в количественном и качественном отношениях азота пищи (исследовано два племени в Индии: одно—питается только растительной пищею, другое—животною), у людей, живущих почти в одинаковых климатических и других условиях, получается значительное различие в отношении физического и умственного развития. Туземцы Бенгалии (вегетарьянцы) значительно менее развиты физически, отличаются меньшей проворностью и выносливостью, чем бегарийцы (едящие и животную пищу).

Указание это обязывает к тому, чтобы все подрастающее поколение в России в отношении питания (и воспитания также) было поставлено в наиболее благоприятные условия, так как суще-

ствующее в государственных детских учреждениях питание количественно и качественно должно быть признано, как хроническое недоедание, систематически и последовательно убивающее остатки жизненных сил у детей и приближающее нас к физическому и психическому вырождению.

Д-р В. Невзоров.

Проф. В. Г. ШТЕФКО. Туберкулез и голодание. Крымиздат. Симферополь. 1923 г. Стр. 49. Тир. 500.

Автор исследования о влиянии голода на распространение туберкулеза, заведует прозектурой и потому имел возможность сделать большое количество вскрытий не только погибших от острого голодания, но и после, когда уже голодание кончилось, а начали действовать последствия голода. Результаты вскрытий и прижизненных обследований 800 детей, перенесших в той или иной степени голодание, профессор Штефко свел в небольшую монографию, которая надолго станет необходимой настольной книгой каждого врача и социолога.

В довоенное время в России по данным работы Медовикова (Петроград, 1913 года), считалось 27,8% туберкулезных детей. По данным проф. Штефко (1923 г. Симферополь), «% туберкулезных детей равен в среднем 78,5%, т.-е. увеличился больше, чем в $2^1/_2$ раза, при чем смертность от туберкулеза тоже достигла невероятно высокой цифры: от 0 до 15 лет она равна 44,1% в 1922 году, а в январе и феврале 1923 г.—62,8%. В возрасте свыше 15 лет смертность от туберкулеза спускается до 32,5%, но все-таки ее надо признать очень высокой. Из приводимых данных, установленных точным исследованием при вскрытии трупов, видно, *что туберкулез в настоящее время достиг небывалого распространения и сделался одним из могущественнейших факторов вырождения и смертности среди подрастающего поколения России.* Причиной этого, несомненно, является голодание и то хроническое недоедание, которое продолжается и по настоящее время».

Между прочим, проф. Штефко устанавливает, что «резкое нарастание туберкулеза началось с сентября 1922 г. и продолжается вплоть до настоящего времени». Исследованию этого факта автор, вооруженный всеми методами, доступными в настоящее время, посвятил много труда и пришел к строго обоснованным выводам, которые сводятся к следующему:

В основе всех изменений при голодании, как во внутренних органах, так и в процессах роста, лежат изменения в химизме организма, в его ферментативных свойствах и химическом составе. Вся патолого-анатомическая картина современного туберкулеза точно так же, как и характер его распространения, совершенно определенно указывает на громадное падение устойчивости организма в борьбе с своей постоянной инфекцией—туберкулезом. Это выражается как возрождением прежних заглохших участков, так и обширной поражаемостью всех органов и систем (включительно до сердца), что подтверждается обильным числом случаев миллиарного (множественного, рассеянного) туберкулеза. Одной из важнейших причин этого проф. Штефко считает обеднение организма липоидами и липазой, вплоть, вероятно, до полной потери их. Во время голодания в организме совершается утилизация собственных жиров для доставления важнейшим органам питательных элементов. Уничтожив жировую подстилку, утилизация идет дальше и поглощает жир во всех местах его естественного скопления, до костного мозга включительно. С исчезновением жиров (а частью и белков) естественно уменьшаются и ферментативные способности организма. Первой исчезает липаза (фермент белых кровяных телец, расщепляющий нейтральные жиры на жирные кислоты и глицерин). Понятно, что такое изменение химизма крови не может не отразиться на течении в организме определенных инфекций, да и на самой заболеваемости этими болезнями. Покрытая восковой броней туберкулезная палочка, не встречая липазы, расщепляющей воск, свободно, без сопротивления, распространяется в организме и губит его наверняка. В силу того, что мужчины

при голодании теряют жир скорее и полнее, чем женщины, они быстрее и безнадежнее заболевают туберкулезом. Проф. Штефко на основании 250 вскрытий установил, что из 100 погибших от туберкулеза 64 приходится на мужчин и 36—на женщин.

Патолого - анатомическая картина современного туберкулеза во многих отношениях в высшей степени своеобразна, что дает право говорить о нем, как об отдельной форме «голодного туберкулеза».

Способность организма к реакции на внедрение туберкулезной инфекции сильно понижена, а в некоторых случаях и совсем потеряна (когда организм голодал долго).

«Для того, чтобы выяснить,—пишет проф. Штефко, — действительно ли мы имеем дело с потерей способности иммунитета по отношению к туберкулезу, происшедшей под влиянием голодания, я, при помощи группы врачей, работающих в детских учреждениях, применил реакцию Pirquet, а также и впрыскивания Коховского туберкулина, полагая сначала выяснить таким путем распространение туберкулеза. Однако, ни в одном из 32 случаев голодавших и истощенных детей не было получено положительного результата, несмотря на явные признаки туберкулеза, что для многих из них потом было подтверждено посмертным вскрытием». В этом отношении данные проф. Штефко совпадают с данными Любарского и др., согласно которым при недоедании (наприм., у военно-пленных), несмотря на то, что туберкулез принимал острое течение, реакция Pirquet всегда была отрицательной.

Попутно проф. Штефко установил, что на ряду с потерей защиты против туберкулезной инфекции, организм при голодании потерял защиту и против малярии. Возможно, следовательно, предположить, что огромное распространение малярии повсеместно в России надо объяснить также последствием длительного недоедания и острого голода в 1921 году.

К сожалению, надо отметить, что работа проф. Штефко издана в незначительном количестве экземпляров и вся разошлась в первые же дни всероссийских туберкулезного и детского съездов, где доклад проф. Штефко по этому вопросу вызвал исключительный интерес среди врачей.

Врач В. Невзоров.

Д-р Л. И. СМИРНОВ. Эпидемические заболевания нервной системы 1919—1921 годов. Часть 1. Сыпной тиф и нервная система. Издание Курского отдела Здравоохранения. 1923 г. 500 экз. Стр. 224.

Реферируемая книга представляет первую часть большого труда об эпидемических заболеваниях нервной системы прошедших годов, следующие части которого посвящены сыпному тифу и психике, возвратному тифу и нервной системе, эпидемическому энцефалиту.

«Ни при одной инфекционной болезни, как при сыпном тифе,—говорит автор,— за исключением, конечно, заболеваний исключительно нервной системы (бешенство, тетанус, полиомиелит, эпидемический энцефалит и т. д.), не выявляется с такой резкостью роль и участие в процессе нервной системы, степень которого характеризует течение и определяет исход болезни». Страдание мозга при сыпном тифе объясняется особым элективным сродством сыпно-тифозного вируса к нервной ткани, нервная система является локализацией вируса, терпит изменения непременные и самые ранние, последнее время хорошо изученные.

В ряде последовательных глав автор останавливается на описании патолого-анатомического материала по нервной системе при сыпном тифе, патологической анатомии нервной системы, мозговых оболочек, спинно-мозговой жидкости при сыпном тифе, на клиническом течении, лечении нервных явлений, на осложнениях со стороны нервной системы, на влиянии сыпного тифа на течение уже существующих страданий нервной системы.

Наблюдения, начатые в Москве в 1918 году, продолжены в курской психиатрической больнице, в Сапогове, во втором курском сыпно-тифозном госпитале, в нервном отделении губнарбольницы. Материал предлагается в подроб-

ном изложении, сведенный в стройную систему. Следует отметить обстоятельность работы, приобретающую особый специфический интерес еще потому, что она сделана в провинции, где, в силу известных условий, проведению научной работы препятствуют громадные трудности.

По затронутым вопросам прошедшая колоссальная эпидемия тифов дала отдельные статьи журнального характера, и попытка осветить вопрос большим трудом является в высшей степени желательной. Остается пожелать быстрого распространения выпущенной части для того, чтобы автор и поддержавший его губздрав нашли возможность продолжать издание.

Д-р Л. Прозоров.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. I. «Дневник А. С. Пушкина». II. П. К. ГУБЕР. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. III. Проф. И. Д. ЕРМАКОВ. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. IV. Неизданный Пушкин. *Валерий Брюсов.*—**2. Сборник Российской Публичной Библиотеки.** *Н. Бродский.*— **3. «Новые Пропилеи» Т. I.** *Н. Бродский.* — **4. М. ПОРТУГАЛОВ. Тургениана.** *Н. Фатов.* — **5. В. СОЛОВЬЕВ. Письма.** *П. Преображенский.* — **6. В. КОРОЛЕНКО. Полное посмертное собр. сочинений. Т. L.** *М. Клевенский.* — **7. А. ФРАНС. Книги и люди.** *И. Гливенко.* — **8. «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte».** *Р. Шор.*— **9. А. АРТЮШКОВ. Звук и стих. Современные исследования фонетики русского стиха.** *С. Богуславский.*

ДНЕВНИК А. С. ПУШКИНА. Труды Гос. Румянцовского музея. Выпуск I. Гос. Изд. М.—Пд. 1923. Стр. 578+VII.—П. К. ГУБЕР. Дон-Жуанский список А. С. Пушкина. Изд-во «Петроград». Пб. 1923. Стр. 280.— Проф. И. Д. ЕРМАКОВ. Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина. Психологическая и психоаналитическая библиотека под ред. проф. И. Д. Ермакова. Серия по художественному творчеству. Выпуск XIV. Гос. Изд. М. — Птд. 1923. Стр. 196.—НЕИЗДАННЫЙ ПУШКИН. Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Росс. Академии Наук (2-е изд.). Гос. Изд. М. — Пд. 1923 г. Стр. XXIV+242.

Весной 1923 г. в Петрограде издан «Дневник Пушкина» под редакцией Б. Л. Модзалевского. Осенью 1923 г. издан «Дневник Пушкина», как вып. 1 Трудов Гос. Румянцовского музея. В первом, весеннем, издании всего 275+XXVIII, т.-е. свыше 300 страниц, из коих на текст «Дневника Пушкина» приходится *27 страниц*, а все остальное занято подробнейшими (и, скажем наперед, пустейшими) примечаниями. Во втором, осеннем, издании 578 страниц, из коих на текст «Дневника Пушкина» приходится *35 страниц*, а все остальное, т.-е. свыше 500 страниц, занято еще более подробным (и тоже пустым) комментарием. Текст «Дневника» в обоих изданиях почти тождествен; примечания в обоих изданиях составлены по одному плану и часто повторяют друг друга. Тем не менее, это—два разных издания, над которыми трудились по много месяцев две разных ученых комиссии, одна—в Петрограде (члены Пушкинской комиссии при Академии Наук), другая—в Москве, и на каждое из двух изданий истрачено по много тысяч листов бумаги и по много тысяч часов типографской работы.

Досадно, что на обоих изданиях стоит марка Государственного Издательства. Это, конечно, явное недоразумение, так как ни одно предприятие не может умышленно создавать конкуренцию самому себе. И это недоразумение объясняется странным поведением петроградской ученой комиссии из членов Академии и близких к ней лиц. Дело вот в чем. Летом 1920 г. Румянцовский музей в Москве приобрел подлинную рукопись «Дневника Пушкина» (1833—

1835 г.) и тогда же организовал «ученую коллегию» для его издания. Но еще в 1903 г., по «особой просьбе» президента Академии Наук, тогда в. к. К. К. Романова, была сделана для Академии копия с рукописи «Дневника», находившейся во владении сына поэта, А. А. Пушкина. Почему-то именно тогда, когда в Москве приступили к изданию подлинной рукописи, пушкинисты из Академии нашли, что теперь самое время опубликовать копию. Что готовится московское издание, они не могли не знать, так как это было общеизвестно, об этом сообщалось в печати. Тем не менее, в Петрограде тоже организовалась «ученая коллегия», результатом работ которой и явилось первое весеннее издание.

Что могла бы привести в свое оправдание петроградская коллегия? Что она спешила ознакомить читателей с подлинным и полным текстом «Дневника»? Но, во-первых, с 1903 г. или хотя бы с 1917 г. было достаточно времени для такой поспешности и не зачем было ждать 1923 г.; во-вторых, текст академической копии, почти полностью и точно, уже давно опубликован в соч. Пушкина под ред. С. Венгерова; в-третьих, «спешность» оказалась весьма незначительной, так как «первое» издание опередило «второе» лишь на несколько месяцев; в-четвертых, для этого достаточно было опубликовать самый текст «Дневника», без длиннейших и ненужнейших разглагольствований Б. Л. Модзалевского. Или петроградская коллегия все значение своего издания полагала именно в этих «примечаниях» редактора? Но в подробной рецензии на «первое» [1]) издание уже было показано, до какой степени те сотни страниц, которые, под названием примечаний, на девять десятых заполнены общеизвестнейшими данными, не нужны ни специалистам, ни широким кругам читателей. В конце-концов, «первое» издание остается чем-то в роде весьма сомнительной спекуляции.

Теперь, с появлением «второго», московского, издания, «первое», петроградское, должно считаться окончательно упраздненным. Как бы ни была точна копия, она все же не могла передать всех мелких подробностей подлинника. В этом отношении самый текст «Дневника» гораздо правильнее передан в московском издании и оно должно считаться отныне «каноническим». Сколько можно судить, не имея в руках рукописи, оно, в смысле передачи подлинника, не оставляет ничего желать. Печатный текст «Дневника» (напечатан под наблюдением Г. П. Георгиевского) воспроизводит рукопись настолько точно, насколько это вообще доступно для набора. К ряду сомнительных чтений даны факсимильные снимки. Все особенности рукописи, описки, поправки, зачеркнутые слова и т. п. оговорены в подстрочных примечаниях.

Таким образом, ценность нового издания, поскольку оно дает, наконец, полный и правильный текст «Дневника Пушкина»,—очень велика. Все будущие исследователи Пушкина будут отныне пользоваться его «Дневником» в изд. Румянцовского музея, и изданию этому можно смело доверяться, как вполне добросовестной, тщательной работе. Но, к сожалению, самый «Дневник Пушкина», как сказано выше, составляет лишь незначительную часть книги, озаглавленной этими словами. Что же представляют остальные сотни страниц?

Они распадаются на две части, неравные по объему и неравные по достоинству. Первая часть—коротенькое предисловие (32 стр.), вторая—обширнейший комментарий (свыше 500 стр.).

Предисловие очень содержательно и очень полезно для исследователей. Оно дает точные данные о том, где, как и на основании каких источников появлялись последовательно отдельные части «Дневника» в печати; рассказывает судьбу этого «Дневника», описывает его внешний вид и т. п. Все эти фактические сообщения требовали серьезных предварительных расследований и изложены в предисловии сжато, но обстоятельно.

Иное дело «комментарий». Если авторы его, В. Ф. Саводник и М. Н. Сперанский, и не вполне пошли по стопам Б. Л. Модзалевского, который в «первом» издании считал нужным пересказывать полную биографию каждого упомянутого в «Дневнике» лица, то все же коммен-

[1]) В книге 5-й «Печати и Революции» за 1923 г., стр. 65.

тарий переполнен данными, для научного издания совершенно излишними. Есть здесь и биографии, притом такие, которые можно найти в Энциклопедическом словаре; есть целое исследование об отношениях к Пушкину того или другого лица (и не только в годы 1833—1835, а «вообще», в течение всей жизни Пушкина), напр., В. А. Жуковского (17 страниц, т.-е. больше печатного листа), кн. П. А. Вяземского (28 страниц, т.-е. больше $1^1/_2$ листов) и т. д.; есть длиннейшие цитаты из общеизвестных источников; есть приведенные целиком стихотворения, давно всем набившие оскомину во всех «ученых» примечаниях, и т. д., и т. д. Для человека, изучавшего Пушкина и его время, все это на 99% известно, а начинающему не зачем обращаться к ученому изд. «Дневника». Любое сочинение Пушкина можно выпустить в виде толстого тома, если к каждому слову писать в примечаниях все, что о нем можно сказать.

Какой нужен был комментарий для ученого издания? Прежде всего—критический. Нужно было обосновать все чтения рукописи и указать все разночтения других изданий и их обоснования. Из области «реалей» нужно было, во-первых, раскрыть все инициалы и другие сокращения рукописи (что в новом издании сделано в подстрочных примечаниях), также с объяснением возможных иных толкований; во-вторых, объяснить все намеки «Дневника» на события данного времени; как роскошь, в-третьих, можно было прибавить *ссылки* на те источники, из которых возможно почерпнуть сведения об упомянутых в «Дневнике» лицах. Такого комментария для ученого издания было бы вполне достаточно. Занял бы он не 500 страниц, а 50, и был бы безмерно полезнее, чем многословные примечания, которых, вероятно, никто никогда, кроме рецензентов, и читать не будет (разве—случайно, за отсутствием под рукой другого справочника).

В общем жаль даром затраченных времени, энергии и средств (не говоря уже о том же самом, затраченном на «первое» изд.). Они могли быть употреблены с гораздо большей пользой. Можно было издать тот же самый текст «Дневника» и то же Предисловие, присоединив к этому сжатый комментарий и *полное факсимиле* рукописи, благо она невелика, или хотя бы важнейших ее частей. Тогда получилось бы издание образцовое, необходимое для всех изучающих Пушкина. Теперь же получилась толстая книга, малая часть которой, действительно, нужна и полезна специалистам, а остальная—никому ненужна и глубоко бесполезна.

В заключение хочется сказать, наконец, и о самом «Дневнике Пушкина». Для широких кругов читателей чего-либо особого, нового вновь опубликованный текст, конечно, не дает: почти все уже было напечатано, напр., в изд. под ред. С. Венгерова. Но для особо внимательного читателя все же открывается ряд новых черточек. Чтение «Дневника» в его полном виде приводит к одному важному выводу, который неоднократно был высказан пишущим эти строки и вновь формулирован в Предисловии к новому изд. В «Дневнике»,—говорит это Предисловие,—«отчетливо сквозит критицизм Пушкина в оценке происходящего вокруг него, и тот протест, который так определенно сказывался у Пушкина в юношескую пору; теперь протест этот стал гораздо умереннее, но глубже... (Пушкин) не может примириться с создавшимся для него положением, не может подружиться с правительством... Николаю так и не удалось приручить Пушкина, обезвредить его, как бы того ему хотелось. Значительно смирившийся наружно, Пушкин в душе и про себя остался тем же протестующим против гнета. Этим «Дневник» и ценен для понимания душевной трагедии Пушкина 30-х годов». Можно добавить только, что все это сказано слишком осторожно: в «Дневнике Пушкина» видно нечто большее, чем затаенный «протест»... Но это уже—отдельная тема.

Книга *П. К. Губера* названа «Дон-Жуанский список Пушкина». Но это заглавие—неточное. Как известно, Пушкин перед женитьбой, зимой 1829—1830 гг. вписал в альбом Ел. Н. Ушаковой перечень, точнее—два перечня, женских имен: имена тех женщин, которых он любил. Эти перечни и называются в пушкинской литературе «Дон-Жуанским списком Пуш-

кина». Заглавие книги обещает обследование всего этого списка; содержание дает гораздо меньше.

Перечней, как сказано, собственно два. В первом—имена женщин, «внушивших наиболее серьезное чувство поэту»; во втором—«героини более легких и поверхностных увлечений». П. Губер почти исключительно останавливается на первом,—задача более легкая, потому что здесь (как говорит сам П. Губер) «почти против каждого имени современный исследователь имеет возможность поставить фамилию, дав при этом более или менее подробную характеристику ее носительницы». Иначе говоря, здесь работа уже выполнена предшествующими исследователями. Из второго списка П. Губер берет только несколько имен,—опять-таки те, которые уже достаточно обследованы. Более трудную задачу—выяснить, кому принадлежали имена второго списка, остающиеся до сих пор неясными,—П. Губер от себя отклоняет. Между тем задача эта не невыполнима, судя хотя бы по интересной статье Н. Лернера (в соч. Пушкина под ред. С. Венгерова).

Больше того: П. Губер вообще мало занимается самым «списком». Список для него только предлог, чтобы говорить об увлечениях Пушкина женщинами. В конце-концов, читатель так и не знает, какие же имена из «Дон-Жуанского списка» могут считаться теперь окончательно выясненными, какие—сомнительны, какие—остаются вовсе необъяснимыми. Какого-либо обзора литературы по предмету нет; суждения одних исследователей приводятся, других—умалчиваются, без видимых оснований.

П. Губер пошел по линии «наименьшего сопротивления». Он взял те имена, против которых, по его словам, «современный исследователь имеет возможность поставить фамилию», и вокруг этих имен сгруппировал факты, по большей части общеизвестные. И такое задание могло бы иметь смысл, как популяризация некоторых сведений из биографии Пушкина, если бы было проведено последовательно и планомерно. Однако, и этого нет.

О некоторых женщинах, упомянутых в списке. П. Губер говорит чрезвычайно кратко, напр., о Е. П. Бакуниной, о Марии Смит—по 1 странице; о других—непомерно подробно, напр., о А. П. Керн—42 страницы. Этого нельзя объяснить тем, что отношения Пушкина к Бакуниной—общеизвестны (тем более к М. Смит); столь же легко из общедоступных источников получить и все сведения о А. П. Керн, сообщаемые П. Губером. В иных случаях приведены почти все данные, касающиеся определенного имени; в других—многое любопытное упущено, напр., по отношению к Аглае А. Давыдовой. Вообще говоря, материал собран для книги крайне неравномерно: одни вопросы освещены, другие — нет, одни факты приведены, другие—пропущены. И все это без всякого метода, просто потому, что автору об одном говорить было интереснее, о другом—нет.

К кому, к какому читателю обращается автор, остается неизвестным. Порой затрагиваются вопросы довольно специальные, напр., подробный разбор спора Гершензона-Щеголева, где воспроизводится даже транскрипция пушкинской рукописи. Чаще автор вращается в области самых элементарных для биографии Пушкина фактов. Не стесняясь, он приводит целыми страницами цитаты из писем Пушкина, из воспоминаний А. П. Керн, из других, всем знакомых документов, собранных в книге Л. Майкова о Пушкине и т. п. основных источниках пушкиноведения. Только одно стихотворение Пушкина, «Я помню чудное мгновенье», автор не цитирует, потому что «все знают его наизусть»; но десятки других, не менее известных, «Редеет облаков летучая гряда», «Под небом голубым», «Для берегов отчизны дальной», «В последний раз твой образ милый», и т. п., приводятся целиком или в огромных отрывках. Для человека, мало-мальски знакомого с Пушкиным и с литературой о нем, половина книги, состоящая из этих общеизвестнейших цитат,—не нужна: читая книгу, он принужден пропускать эти страницы. Для читателя, совсем с Пушкиным незнакомого или очень мало знакомого, излишни все попытки автора вести самостоятельное исследование и разбираться в мелочах пушкиноведения.

Метода в книге нет никакого. Просто цитируется отрывок из писем или стихов Пушкина, из писем к нему или воспоминаний о нем, и все это принимается на веру. Очень редко делается попытка выяснить, при каких обстоятельствах, в каких психологических условиях было написано то или иное. И эти попытки обнаруживают только неумение разбираться в подобных вопросах. Весьма часто автор оперирует доводами: «повидимому», «надо думать», «быть-может» и т. п. Особенно много таких доводов в той части книги, где автор желает выказать самостоятельность и выставляет собственную теорию: что центральное место во всех увлечениях Пушкина занимала Н. В. Кочубей, что ей посвящена «Полтава», что ее образ связан и с «Кавказским пленником», и с «Бахчисарайским фонтаном» и рядом других стихотворений. Здесь все основано на «может-быть», и гипотеза П. Губера остается весьма шаткой (впрочем, эта часть все же—наиболее интересная в книге).

Нет в книге метода и в другом смысле. Нигде биография Пушкина не поставлена в связь с общественной жизнью его времени. Автор и не ставил себе такой задачи, нечего ее с него и спрашивать. Но если до известной степени и возможно так сузить свою тему, говоря специально о любовных увлечениях поэта, то это уже совершенно недопустимо в том очерке, предпосланном в виде предисловия, где автор стремится доказать, что «Пушкин не был выразителем русской культуры». Вообще об этом «предисловии», переполненном всевозможными недоразумениями и несообразностями, чем меньше говорить, тем для автора лучше.

Проф. *Ив. Дм. Ермаков*, автор «Этюдов по психологии творчества А. С. Пушкина» (подзаголовок: «Опыт *органического* понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и маленьких трагедий»),—производит впечатление человека, безнадежно ушибленного Фрейдом. Профессор Иван Дмитриевич весьма желал бы оперировать методом Фрейда, имя коего благоговейно поминается (притом латинскими буквами) на разных страницах «Этюдов», но, будучи, повидимому, мало к тому способен, только дает на этот метод пародии. Как это ни печально для книги, изданной Гос. Издат., психоанализ проф. Ермакова иногда нелеп, а часто смешон.

Учености в книге достаточно. Есть ссылки на Freud'a, O. Rank'a, Ferenczi, Abraham'a, Berny, Jones'a и др.; есть переводы русских слов на латинский язык: imago, sinistrum, extraversio, introversio и др.; есть термины «комплекс матери», «комплекс отца», «прогенитальный период», «анально-садистическая фаза» и др. Есть, наконец, целое философское рассуждение, устанавливающее те принципы, из которых исходит автор, а именно: «Душа поэта—огненное начало»... (Тут, конечно, поминается Гераклит.) «Данная нам природой огненная душа таит в себе лучшую ценность мира. Сохранить этот пламень неугасимым, пронести его через всю нашу жизнь,—такова задача поэта. Этот огонь у Пушкина—божественный Эрос». (Тут Платон почему-то не поминается.)

Но как это все применяется к психоанализу пушкинских произведений? Вот два—три примера.

«В другом месте,—объясняет проф. Ермаков,—я подробнее касаюсь вопроса о символике правой и левой стороны человека в области его понимания окружающего мира». Лично я этого «другого места», к сожалению, не имею счастия знать, но охотно допускаю, что там изъяснение этой символики приводит к каким-нибудь разумным выводам. Совсем не то в «Этюдах», где такая символика ведет к удивительным нелепостям при психоанализе «Моцарта и Сальери».

«В плане единого человека,—пишет проф. Ермаков,—Моцарт правая сторона его тела, Сальери—левая (неправая), несущая несчастье сторона... Права правая сторона и всегда неправа левая... Страшен Моцарт для Сальери, как страшны успехи правой стороны для левой... Думает о других—правая, Моцарт, и думает только о себе—левая, Сальери». Здесь выписано несколько строк из *нескольких страниц* такого рассуждения. И еще проф. Ермаков добавляет: «Эти параллели можно было бы продолжать без конца». Еще бы не без конца! Но

до чего же примитивно разделить всех вообще людей на «людей правой стороны» и «людей левой стороны»! С таким всеотмыкающим ключом можно психоанализировать не только Моцарта и Сальери, но все вообще типы, характеры, лица. Впрочем, столь же удобно было бы разделить людей на «людей головы» и «людей ног», или «людей сердца» и «людей желудка». Результат получился бы тот же самый, а физиологические обоснования подставить было бы не менее удобно.

Проф. Ермаков старается подтвердить свое рассуждение и анализом стихов. «Насколько органически цельно,—пишет он,—даны нам правая, Моцарт, и левая, Сальери, даже и в звуковом разрезе, об этом могут сказать нам хотя бы первые звуки, с которыми, как с лейтмотивами, вступают в драму Моцарт и Сальери». Какие же это звуки? А видите ли: «правый, Моцарт, произносит при своем появлении: *ага*, левый, Сальери: *все*». Так что же? А вот что: «у Моцарта открытое междометие, купающееся (?) в открытых гласных, у Сальери—две согласные, *с*—движение сверху вниз и узкое *е*». Но позвольте, проф. Ив. Дм. Ермаков! Если это «лейтмотивы», то почему же «левый» или «левая» Сальери потом усердно «купается» в открытых гласных: «Нет, никогда я зависти не знал...» (е—а—а—а), «Я Ифигении...» (6 гласных при 3 согласных), «Я, наконец...», «Я алгеброй гармонию...» и т. д. (да и вступительное «се говорят» переполнено звуком *а*), а «правый» или «правая» Моцарт произносит такие скопления согласных: «перед трактиром вдруг...», «чтоб угостить тебя...», «что ж, хорошо...» и т. д. (да и вступительное «ага! увидел ты...» кончается весьма глухим звуком ы)!

Это—о «Моцарте и Сальери». А вот параллель между «Пророком» и «Домиком в Коломне». Не правда ли, вы никогда такой параллели не замечали? А как же! психоанализ проф. Ермакова вскрывает ее очень наглядно. Слушайте.

В «Пророке»—«серафим вырвал грешный, празднословный и лукавый язык»; в «Домике»—«фригийский раб, на рынке взяв язык, сварил его». В «Пророке»—«серафим пользуется мечом»; в «Домике» — «Мавруша пользуется бритвой». В «Пророке»—«серафим вынул *трепетное* сердце у пророка, и он лежит»; в «Домике»—«Мавруша, ощутив *страх*, бежит». В «Пророке»—«серафим вырывает внутренности»; в «Домике»—«Мавруша занимается тем же на кухне». В «Пророке»—серафим «*отнимает* все, что было у пророка»; в «Домике»—«старуха в страхе, как бы кухарка не вздумала *обокрасть* ее». Пророк—*лежит* «как труп в пустыне»; вдова «ах, ах!» и *шлепнулась*... «Бога глас *взывает* к пророку»; «глас вдовы *вызывает* бегство Мавруши»—и т. д.

Нет! Если это — психоанализ, то избави нас божественный Эрос, Гераклит, Платон и все другие от психоанализа, по крайней мере, применяемого проф. Ив. Дм. Ермаковым!

Это—более крупные примеры; а вот—более мелкие (не потому, чтобы крупные были исчерпаны, а для сбережения места).

По проф. Ермакову, характер Сальери (левая) носит черты женственности. Следует ученая справка, что женственность мужчины связана с прегенитальным периодом развития, т.-е. относится к анально-садистической фазе. Для развившегося из такой фазы характера,—поучает нас Ив. Дм.,—типична *скупость*. Надо найти скупость у Сальери. Очень просто. Разве вы забыли, что Сальери «*осьмнадцать лет*» берег яд, подаренный ему Изорой,—«последний дар моей Изоры»? Подумайте только! в течение 18 лет у него был яд, и он еще никого не отравил! Конечно же, скупец! Наука торжествует.

Что бы вы думали значит «стих александрийский» в «Домике в Коломне». В повести после строф о нем есть какой-то пропуск, так что ход мыслей не вполне ясен... О! Проф. Ермаков, при помощи психоанализа легко разрешает все трудности. Стих александрийский это значит—«стих Александра», т.-е. Александра Сергеевича Пушкина! Именно так. Проф. Ермакову столь нравится его объяснение, что он дважды, в двух разных местах своей книги, повторяет его. Гм, гм! Но если это—«стих Пушкина», то как же быть с уверением Пушкина: «Hugo с товарищи, друзья на-

туры, его гулять пустили без цезуры». Неужто же А. С. Пушкин жаловался на Виктора Гюго и французских романтиков за то, что они посягнули на его, Пушкина, стих?

Много увеселительного можно было бы извлечь из экскурсов проф. Ермакова в область эвфонии стиха и в область символики звуков. Тут мы узнаем, напр., что «*з* — это неприязненные звуки разлуки, изгнания, более жестокие, чем *в*, *м* и другие», при чем делается и ученая ссылка: «см. А. Betty». Но, кажется, примеров вполне достаточно.

В книге проф. Ермакова девять статей. Некоторые совершенно нелепы (примеры—выше), другие—просто бесцветны и плоски, но одна составляет исключение, именно первая, о «Домике в Коломне» (не восьмая, параллель «Домика» и «Пророка»). В этой первой статье есть мысли парадоксальные, но стоющие внимания; в ней есть и приемы подлинного психоанализа, а не карикатуры на него. Это до такой степени неожиданно в книге проф. Ермакова, что с трудом верится, что он—автор и этой статьи. Достойная задача для психоанализа—выяснить, как автор, заполнивший 200 страниц разными недоразумениями или общими местами, мог на нескольких начальных страницах высказать ряд любопытных суждений.

Второе издание *«Неизданного Пушкина»* (собрание А. Ф. Онегина) представляет собою точную перепечатку — явно, со стереотипа—первого; только изменено предисловие и в конце добавлена транскрипция трех незначительных рукописных отрывков. Предисловие успокаивает на счет судьбы Онегинского музея в Париже, о чем можно порадоваться. Добавления в конце книги состоят: 1) из отрывка из комедии (не «эпиграммы», как полагает комментарий издания)—«Эй, брат, я говорю с тобой в последний раз...» ($5^1/_2$ стихов); 2) из чернового наброска к «Родословной моего героя» (около 20 стихов, частью известных, частью почти бессвязных); 3) из нескольких строк из «Арзрумского дневника». Конечно, и это скромное добавление к сокровищнице пушкинских текстов—очень ценно. Отрывки эти напечатаны с подлинников. Что до всего остального пушкинского текста в книге, то он, разумеется, как был, так и остался напечатанным с фотографий.

СБОРНИК РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ. Том. II. Материалы и исследования. Выпуск I. Петроград. Издательство Брокгауз-Ефрон. 1924. Стр. 303.

Среди материалов, характеризующих библиотечное дело в древней Руси, сельское население Московского государства XVI столетия, и прочих архивных документов, резко выделяется неизданная рукопись И. А. Гончарова «Необыкновенная история», написанная им в 1875—1878 гг. и поступившая в Публичную Библиотеку в 1920 году. Этот документ на 170 страницах развертывает историю отношений между Гончаровым и Тургеневым в столь необычайном освещении, что психологу, вернее, психопатологу отныне не обойтись без этой поистине «необыкновенной истории». На склоне лет, замкнувшись в раковину личной жизни, ничего не читая, Гончаров перелистывал страницы своей жизни и пришел к заключению, что он, затравленный всеми, гонимый, окруженный шпионами следившими за каждым его шагом, рывшимися в его бумагах, читавшими его письма, имел главного врага в лице Тургенева. Автор «Дворянского гнезда» украл славу у него; все, что Тургенев писал, все представляет не что иное, как слепок с его сочинений, искусно снятый, но при тщательном анализе сразу обнаруживающий свою неоригинальную природу. Дело было так: в 1855 году Гончаров рассказал Тургеневу план начатого романа «Обрыв», пересказал все подробности, детали. Тургенев (повествует автор цитируемой записки) «слушал неподвижно, притаив дыхание, приложив почти ухо к моим губам, сидя близ меня на маленьком диване, в углу кабинета... Была у меня предположена огромная глава о *предках Райского*, с рассказами мрачных, трагических эпизодов из семейной хроники их рода, начиная с прадеда, деда, нако-

нец, отца Райского. Тут являлись, один за другим, фигуры Елизаветинского современника, грозного деспота и в имении и в семье, отчасти самодура, семейная жизнь которого изобиловала насилием, таинственными, кровавыми событиями в семье, безнаказанною жестокостью с безумною азиатской роскошью. Потом фигура придворного Екатерины, тонкого, изящного, развращенного воспитанием эпикурейца, но образованного, поклонника энциклопедистов, доживавшего свой век в имении между французской библиотекой, тонкой кухней и гаремом из крепостных женщин. Наконец, следовал продукт начала XIX века—*мистик, масон*, потом герой-патриот 12—13—14 годов, потом декабрист и т. д. до Райского, героя *Обрыва*... У меня и теперь есть письмо, где Тургенев пишет, что «он никогда не забудет сцен, событий и проч., рассказанных ему»... И действительно, не забыл, как оказалось после! Он, должно-быть, придя домой, все записал, что слышал, слово в слово. Как только появился в 1859 году роман «Дворянское гнездо», Гончаров тотчас увидел в нем «сжатый, но довольный полный очерк *Обрыва*»: основанием повести была взята именно та глава о предках Райского, о которой я упомянул выше—и по этой канве выбраны и набросаны были лучшие места, но сжато, вкратце; извлечен был весь сок романа, дистиллирован и предложен в обработанном, очищенном виде. Гончаров далее указывает черты сходства персонажей и отдельных сцен: «у меня *бабушка*, у него *тетка*, две *сестры*, племянницы, *Лаврецкий*, схожий характером с Райским, также беседует по ночам с другом юношества, как Райский с Козловым, свидания и прочее. Он не забыл и фигуры *немца*—истинного артиста. У меня бабушка достает старую книгу—старая книга на сцене. У меня верующая *Вера*, и у него—религиозная *Лиза*», но так как, по мнению Гончарова, Тургеневу-миниатюристу не под силу была широкая картина жизни, то он разбил все большое здание на части, на павильоны, беседки, гроты с названиями: Ma solitude, Mon repos, Mon hermitage, т.-е. *Дворянское гнездо*, *Накануне*, *Отцы и Дети*, *Дым*. Гончаров далее и доказывает, что все эти романы не что иное, как слабые копии с «Обрыва»—«и содержание, и мотивы, и характеры *Отцов и детей* почерпнуты все из того же колодезя, из *Обрыва*,—а в *Дыме* взят только мотив *дыма* (у меня *миража*)»; впрочем, несколько страниц ниже, он доказывает, что в «Дыме» Тургенев нахватал у него и идейки и отдельные сцены и героев и героинь. Мало того, *Вешние воды* списаны с *Обыкновенной истории*. Чтоб устранить из литературного мира своего противника, Тургенев—этот *гениальный шуллер*, *бархатный плут*—с помощью преданной клики получив копии его писем, передал содержание замыслов Гончарова двум иностранным литераторам—«Дача на Рейне» Ауэрбаха, «Мадам Бовари» и «Сентиментальное воспитание» Флобера выросли из сюжетов, набросанных Гончаровым в письмах, списанных у него какими-то подозрительными субъектами за границей. На 80—88 страницах представлены доказательства в подтверждение данного положения. Маниакальное состояние Гончарова, больного манией преследования, временами роднит его со многими персонажами Достоевского. Эта «Необыкновенная история» проливает (не новый) яркий свет на внутренний мир Гончарова, выдвигает проблему гончаровского творчества, как сложнейшего продукта тяжелой наследственности, индивидуальной душевной аномалии, большого художественного дарования, выработанного в аналитической школе реализма 40-х годов, двустороннего совмещения «больной души» и крепкой работы образного творчества, одновременной работы разряжения здоровыми ядрами поэтического мышления и распада психофизического бытия. Мне кажется, фрейдистам открыта благодарная почва в изучении Гончарова... Нельзя не отметить, как тонко и метко мыслил Гончаров как литературный критик; его суждения о таланте Тургенева, как миниатюристе, о «Записках охотника», рассыпанные в этой записке, высоко будут цениться всеми исследователями. Много любопытного найдет читатель здесь о кружке Белинского. Характеристика молодого Тургенева—его наружности, его светскости, манерничания, всей той мишуры, ко-

торую впоследствии считал он «темными пятнами своей молодости», сделана Гончаровым мастерски. Надо пожелать, чтоб Публичная Библиотека поскорее вбросила в литературное сознание те многочисленные сырые материалы, что хранятся в ее недрах, связанные с литературной деятельностью Гончарова: пора, пора русскому читателю узнать те главы «Обломова» и «Обрыва», которые по духовному завещанию Гончарова поступили в петербургское книгохранилище еще в самом начале 80-х годов.

Н. Бродский.

НОВЫЕ ПРОПИЛЕИ. Под редакцией М. О. Гершензона. Том. I. Государственное Издательство. М.—П. 1923 г. Стр. 101.

«Новые Пропилеи» не похожи на старые пять томов, изданных М. О. Гершензоном под названием «Русские Пропилеи»: там все было монументально, значительно, охватывало большим материалом какую-либо одну писательскую или вообще психологически любопытную личность; здесь пестрота, калейдоскопическая беготня от одного фактика к другому, ничем не приклеенного к соседу, та сумма мелочей, которая когда-нибудь пригодится исследователю, как маленький камешек при сооружении большого здания—биографии или монографического исследования. А мелькают имена все крупные: Герцен, Некрасов, Гоголь, Жуковский... Но первый представлен листком, где указаны даты его местопребывания с 1812 по 1869 год—«дома... в тюрьме... Лондон... в Канне»; второй—малозначительной припиской в альбоме М. В. Огаревой; третий—незаконченным обрывком из какого-то морального рассуждения; четвертый—несколькими строками стихотворений, не увеличивающих поэтической славы главы русских лириков. И т. д. и т. д. Единственно, на чем задерживается внимание—это прекрасные куски из воспоминаний самого М. Гершензона о встречах с Л. Н. Толстым. Да кое-что ценное о том же Льве Толстом, о его припоминаниях из жизни своей и др. писателей дают воспоминания М. Н. Орлова.

Н. Бродский.

М. ПОРТУГАЛОВ. Тургениана. Статьи и библиография. Гос. Изд. Орловское Отделение. 1922. Орел. 3000 экз. Стр. 110. Цена 55 коп. зол.

Изданная с претензиями на изящество, в довольно стильной обложке по рисунку художника В. Беляева, но отпечатанная на весьма скверной бумаге и крайне неряшливо в корректурном отношении, настоящая книжка с несколько странным заглавием (естественнее было бы — «Тургеневиана») — является довольно любопытным показателем культурных достижений нашей глухой провинции. Орел, вообще говоря, может гордиться своими «связями с литературой»: орловцами были—кроме И. С. Тургенева,—Тютчев, Фет, Лесков, бр. Киреевские, Апухтин, Л. Андреев и ряд других более или менее славных писателей. Но до революции Орел никакой особой культурности не проявлял и ничем не чтил памяти своих знаменитых сынов. Революция всколыхнула даже орловскую глушь. В 1920 г. открывается даже Орловский Государственный университет, просуществовавший, впрочем, всего лишь два года, и затем закрытый, несмотря на свою явную жизнеспособность, выразившуюся, между прочим, в организации ряда литературно-научных обществ и кружков. Более счастливым оказался возникший еще в 1918 г. Тургеневский музей с библиотекой-читальней при нем. Настоящий сборник, составленный хранителем музея М. В. Португаловым, теснейшим образом связан с Тургеневским музеем. Он открывается небольшой статьей: «Тургеневский музей в г. Орле. История его возникновения и существования» (стр. 3—10), распадающейся на две части: в первой кратко и сухо рассказана «история возникновения и существования» музея, при чем приводятся характерные цифры посещаемости музея, изменяющиеся в связи со временами года и политическими событиями, вторая—представляет собою довольно яркий очерк, пытающийся передать самый аромат музея. Эти страницы прочтутся с несомненным интересом всеми, но читатель не посетовал бы, если бы рядом с ними нашел и более деталь-

ное и точное описание сокровищ, хранящихся в музее, и особенно описание замечательной Тургеневской библиотеки, помещение полного каталога книг которой в настоящем сборнике было бы столь естественным и уместным. Его не может заменить статья «Тургенев и его предки в качестве читателей. По материалам Тургенезского музея и библотеки» (стр. 12—28), сама по себе очень яркая и интересная, но все же не дающая того, что дало бы исследователю приложенное к ней научное описание библиотеки по тому типу, как это сделано Б. Л. Модзалевским для библиотеки Пушкина или Л. П. Гроссманом для библиотеки Достоевского.

Центральное место в книжке занимает большой этюд под заглавием «Тургенев и Лев Толстой. Литературно-психологическая параллель» (стр. 29 — 81). Касаясь вопроса в значительной степени «избитого»—о «ссоре» двух великих писателей, М. Португалов умеет подойти к нему свежо и по-новому, не становясь на чью-либо сторону, стараясь «не осуждать, а объяснять». Дается довольно тонкий и верный психологический анализ обоих писателей, вскрывается сущность литературной манеры того и другого. И на основании этих литературно-психологических наблюдений автор приходит к выводу о коренной противоположности натур и характеров Тургенева и Л. Толстого, из которых второй принадлежал к натурам «духовно связанным и связующим других», а первый был «всегда духовно свободным и неспособным связывать других» (стр. 31). Весьма тонким надо признать и следующее заключение: «Идеологически Тургенев был гораздо более скептиком и беспощадным аналитиком, чем верующий Толстой, но по творческим приемам Тургенев шел по пути романтической идеализации, тогда как Толстой неуклонно устремлялся к подлинному, даже безыскусственному реализму или натурализму» (стр. 46). Таким образом, вражда между Тургеневым и Л. Толстым, по мнению автора, покоилась на глубоких противоречиях, лежащих в самой основе их натур, и потому полного взаимного понимания никогда не могло быть достигнуто. Очерк читается легко и с большим интересом.

В конце книжки (стр. 85—110) дан обстоятельный «Библиографический указатель к изучению жизни и творчества И. С. Тургенева», несколько самонадеянно названный составителем «полным». Указатель распадается на следующие шесть отделов: 1) биография, материалы и заметки по поводу их (112 №№); 2) историко-литературные и критические статьи и исследования (монография) (182 №№); 3) Письма Тургенева и к Тургеневу, письма с упоминанием о нем (69 №№); 4) воспоминания, речи, некрологи и посвящения Тургеневу (131 №№); 5) пособия для школ и самообразования, популяризация Тургенева (68 №№) и 6) стихи, посвященные Тургеневу. Тургенев в искусстве (Поэзия, театр, музыка, живопись и другие) (32 №№). Внутри каждого отдела дается алфавитный список по фамилиям авторов. Список представляет, конечно, большую ценность,— это, действительно, самая полная из имеющихся библиографий Тургенева, но, к сожалению, он страдает весьма большими промахами. Не говоря уже о его относительной неполноте, нельзя не отметить недопустимо-дилетантских приемов его составителя. Основой всякой библиографии является прежде всего *точность*. М. Португалов же часто, напр., совершенно произвольно, «приблизительно» передает заглавие книг. Напр., «Хронологическая канва жизни И. С. Тургенева», составленная Н. Гутьяром и помещенная в 87 т. «Сборника Отд. Руск. яз. и слов. Ак. Наук. СПБ., 1910 г.»—одно из важнейших пособий по Тургеневу—в списке М. Португалова указана так: «Академические Записки» (!?), т. 87, Петербург», при чем даже год издания не обозначен. Встречаются, далее, напр., такие указания: «Старина. Письмо к Никитенке 96, XII», в которых весьма трудно разобраться, или же в числе пособий указываются такие: «Из газет, вырезки о жизни и творчестве Тургенева по поводу юбилейных торжеств (1897, 1903, 1908 и 1918), составил Мих. Португалов. Орел. 1919». Можно подумать, что это такая книга, тогда как речь идет о собрании вырезок, хранящихся в музее! Указание на них могло бы быть

полезно в Путеводителе по музею, скажем, но в общей тургеневской библиографии, которая, надо полагать, печаталась не для одних только посетителей орловского музея, такое указание совершенно нелепо и даже несколько комично. Возбуждают недоумения и многие другие указания. Примеров можно было бы привести десятки. В целом же рецензируемая книжка, безусловно, заслуживает внимания, и каждый, интересующийся Тургеневым, не посетует, если познакомится с ней.

Н. Н. Фатов.

ВЛ. СОЛОВЬЕВ. Письма. Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. «Время». Пет. 1923 г. Стр. 244.

Настоящий том писем Соловьева не является самостоятельным целым, а представляет собой дополнение к выпущенным Э. Радловым в 1908—1911 гг. трем томам писем покойного философа. Кроме того, большинство писем, вошедших в этот дополнительный, том было уже опубликовано в различных повременных изданиях. Тем не менее, можно быть только благодарным редактору за сведение всего разбросанного материала в одно удобное для пользования целое.

Из писем уже опубликованных наибольший интерес имеют не вошедшие в основные тома письма к М. М. Стасюлевичу, из появляющихся впервые—письма к Е. Тавернье. Французский текст этих последних снабжен и переводом. Из писем к Тавернье обращают на себя внимание письма №№ 13 и 15. Первое из них хорошо характеризует религиозную утопию Соловьева о проповедании христианства по всей земле, распространении антихристова соблазна и победе оставшегося верным истине меньшинства христиан. Признание этих положений заставляет Соловьева отказаться «от идеи могущества и внешнего величия теократии, как прямой и немедленной цели христианской политики». Для разрешения спорного вопроса об отношении Соловьева к католичеству это письмо имеет несомненное значение. Во втором письме интересна характеристика «русского папы»—К. П. Победоносцева. Эта характеристика тем более интересна, что в ней затронуто лучшее литературно-публицистическое произведение Победоносцева—«Московский сборник». Критические замечания Соловьева чрезвычайно ядовиты и показывают всю ту пропасть, которая лежит между соловьевской мечтой и победоносцевской реальностью в делах христианско-церковной политики. Для Соловьева Победоносцев являлся лишь «лжецерковником» (письмо № 2 к М. М. Стасюлевичу).

Впрочем, и сам Победоносцев не оставался в долгу. Для него Соловьев оказывается «безумным» («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», стр. 938), одержимым гордостью, усиленной «еще глупым поклонением со стороны некоторых дам» (там же, стр. 828), к чему Александр III всемилостивейше добавляет «чистейший психопат». В своем личном письме к Победоносцеву (там же, стр. 969—970) Соловьев, не скрывая своих чувств к всесильному тогда обер-прокурору, пытается его увещавать, но и сам плохо верит в возможность победоносцевской перемены и только полагается на сказавшего «Мне отмщение, и Аз воздам». Эта страничка взаимоотношений между самым крупным русским религиозным мыслителем и наиболее влиятельным из повелителей русской церкви весьма характерна для русской церковной истории последнего полустолетия. Не надо думать, что «порча» русской церкви заключалась для Соловьева только в Победоносцеве—у последнего было немало подручников, хотя бы в лице Никанора Херсонского, поход которого против Л. Н. Толстого вызвал замечание Соловьева о «невообразимой подлости обличительных приемов со стороны корифея нашей иерархии» (письмо № 3 к М. М. Стасюлевичу). Рука Победоносцева действительно сумела вырвать из церкви все живое и тем самым наложить на нее такой отпечаток, который она не смогла стереть и до настоящего времени. Да и как могло быть иначе, если правил Победоносцев, а в качестве публициста выступал кн. Мещерский, который, по саркастическому замечанию Соловьева, «в качестве содомиста высоко держал знамя религии и морали» (письмо № 4

к М. М. Стасюлевичу)—все же остальное гналось и выкорчевывалось? В этом и заключалась трагедия Соловьева и всех, кто вместе с ним пытался свободно действовать и говорить в этом зачумленном болоте русской церковности.

Живая душа того, чем болел Соловьев и к чему он стремился, давно отлетела, цели, за осуществление которых он боролся—мертвы и археолотичны, но даже в том случайном подборе писем, который мы находим в настоящем сборнике, есть столько неожиданных сравнений, метких характеристик, блесток непринужденного остроумия, что оживает и обстановка, в которой он действовал, и сам он—библейский пророк по наружности и неудачливый дон-Кихот всемирной теократии по деятельности. И вот что любопытно—есть часто и в тоне и в шутках Соловьева, когда он говорит о сокровенных для христианина вещах, что-то рискованное и переходящее за черту дозволенного для философа его типа. Эта соловьевская манера оказалась опасным наследием для некоторых из современных эпигонов «соловьевства». Занимавшие Соловьева темы о назначении России, философии абсолютного, вечной женственности повлекли за собой и эти, граничащие с непотребством шуточки и выверты, только в более плоском, а потому и более непростительном виде. Бывают и такие любопытные примеры литературной филиации.

Проф. П. Преображенский.

ВЛАДИМИР КОРОЛЕНКО. Полное посмертное собрание сочинений. Том L. Письма. Том. I. 1879—1887. Гос. Изд. Украины. 1923. Стр. 236. Тираж 10000.

В. Г. Короленко вел необычайно обширную переписку. Все те письма, которыми располагает редакционная комиссия нового издания, составляют лишь меньшую часть его эпистолярного наследства. Многое из писем погибло безвозвратно вместе с архивами корреспондентов Короленко, многое хранится еще в частных руках. Все-таки удалось собрать значительное количество писем. В I томе лишь незначительное меньшинство писем (главным образом, к Гольцеву) уже было напечатано, бо́льшая же часть писем публикуется впервые.

Время с 1879 г. по 1887 г., охватываемое I томом, соответствует в жизни Короленко пребыванию его в вятской и якутской ссылках и первым годам жизни в Нижнем-Новгороде. Значительная часть этих писем обращена к родным—матери, сестрам, братьям, жене. В письмах из ссылки невольно обращает внимание исключительная душевная бодрость, не оставлявшая молодого Короленко в самых тягостных условиях, в которые ставил его произвол самодержавной власти. В какие бы гиблые места ни занесла «судьба» Короленко,—в Глазов, в Березовские Починки, в Якутскую область,—всюду он скоро применяется к обстановке и чувствует себя хорошо. И это не наигранная бодрость, вызванная желанием успокоить близких, а подлинное мироощущение Короленко. Полнота жизни, которую ощущал в себе Короленко, окрашивала соответственно и всю внешнюю обстановку. Из человеческих свойств Короленко, кроме бодрости, следует отметить еще ту наклонность к юмору, которой проникнуты некоторые его письма, главным образом, к жене в первые годы после брака.

В историю развития литературной деятельности Короленко письма его ранних лет вносят следующую важную черту: довольно долго Короленко отнюдь не собирался избрать литературу своим специальным занятием. В 1879 году, после напечатания первой вещи, он пишет сестре: «Вообще ты напрасно считаешь это «началом моей литературной карьеры». Не говорю, конечно, что ничего не напишу более, *но «карьеры» тут делать, без сомнения, и не попробую*» (курсив Короленко). В 1881 году, по поводу необходимости придумывать нарочно тему для одного журнала, он пишет: «Дело весьма глупое и настолько несносное, что я еще более утвердился в намерении никогда не отдаваться специальной литературной работе». Уже в 1886 г. Короленко, советуя брату Юлиану попробовать свои силы в литературе, говорит: «Правда, я не желал бы для тебя литературной работы, как

единственной профессии, так как и самому себе этого не желал бы. Теперь приходится поневоле, но при первой возможности я непременно подыщу себе другое ремесло, которое бы оставляло только досуг». Здесь же Короленко упоминает, что первые толчки мысли, направившей его на литературную дорогу, он получил от брата Юлиана.

Для общественных настроений Короленко характерны два письма его к Хованскому, редактору «Саратовского Дневника». Эта газета напечатала панегирик Каткову после его смерти. Короленко отказался от участия в газете и в письме к редактору страстно доказывал общественный вред безмерной терпимости.

Любопытны высказывания Короленко о Л. Толстом. В 1886 г. он был у Толстого, и от этого посещения у него осталось довольно неблагоприятное впечатление, которое он и передает брату. В 1887 году Короленко дает резкую критику религиозно-нравственного учения Толстого в письмах к Малышевым. Последующие свидания Короленко с Толстым (в 1901 и 1910 гг.) оставили в нем уже иные впечатления.

Письма Короленко очень интересны для суждения о его внутреннем развитии и для истории литературно-общественных отношений его времени: что касается до собственно эпистолярного мастерства, то оно у Короленко не поднимается выше среднего уровня.

М. Клевенский.

АНАТОЛЬ ФРАНС. Книги и люди. Перев. В. А. Азова. Издательство Л. Д. Френкель. Петроград—Москва. 1923 г. Стр. 189.

Конечно, Анатоль Франс—крупный писатель, который за свой долгий век написал много книг, и, конечно, среди того многого, что он написал, есть вещи разного достоинства. Передо мной книжка, составленная из ряда небольших статей-фельетонов, большинство из которых представляют собой рецензии на книги, или, правильнее сказать, рассуждения по поводу книг; есть статьи и на другие темы. Это—характерные для француза «causeries», не лишенные претенциозности, некоторой доли вычурности, где автор проявляет свое остроумие, эрудицию (иногда почерпнутую из энциклопедии), с необычайной легкостью переходя от одного предмета к другому, ничего общего с предыдущим не имеющему: детские игрушки и буддизм, французская добродетель и астрономия, Бальзак, Флобер, Мопассан, грехи истории, плагиат и т. п. Одним из главных достоинств в таких французских «causeries» является их стиль, и Анатоль Франс прежде всего—стилист. Это достоинство очень трудно передать при переводе, не удалось этого сделать и В. Азову. Уместен по этому вопрос: следует ли издательству при выборе книг для переводов руководствоваться только громким именем автора в надежде, что это имя обеспечит сбыт книжке, и не следует ли, принимая во внимание как материальные, так и художественные интересы читателя, несколько серьезнее относиться и к содержанию переводимого?

И. Гливенко.

НОВЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. In Verbindung mit H. Abert, Cl. Baeumker, W. Brecht, K. Burdach, A. Heusler, H. Naumann, C. Neumann, H. Oncken, F. Saran, L. L. Schücking, E. Spranger, F. Strich, E. Troeltsch, R. Unger, K. Vossler herausgegeben von P. Kluckhohn und E. Rothacker. Halle Niemeyer. 1923. Jahrgang I. Heft 1, 2. VI + 338.

ТРЕХМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, издаваемый П. Клюкхоном и Е. Ротгакером, при участии Г. Аберта, К. Беймкера, В. Брехта, К. Бурдаха, А. Гейслера, Г. Наумана, К. Неймана, Г. Онкена, Ф. Сарана, Л. Шикинга, Е. Шпрангера, Ф. Штриха, Е. Трёльча, Р. Унгера, К. Вослера, Галле Нимеер. 1923. Год издания 1-й. Книга I, Стр. VII + 338.

«Если издатели и редакторы решаются при современном экономическом положении Германии пробудить к жизни

новый научный журнал, то причиной этого является их глубокое убеждение в том, что в настоящий момент *более, чем когда-либо, необходимо для нас углубление в историю своего национального духа...*» Странно знакомыми — цитатой из учебника по истории немецкой литературы — кажутся эти слова, предпосланные в 1923 году издателями «Deutsche Vierteljahrsschrift» первой книге журнала; так, в начале прошлого века определяли цель своей научной работы собиратели обломков национального и народного творчества—издатели «Des Knaben Wunderhorn», «Trösteinsamkeit»—основоположники современной германской филологии—немецкие романтики.

Действительно: и в подборе статей журнала и в особенности в ненаучной части его—предисловии и некрологе одного из участников (C. Neumann—«Zum Tode von Ernst Troeltsch») звучит та же лирическая нотка оскорбленного национального чувства, та же растерянность общественной группы, присутствующей при переломе культуры, лучшим выявлением которой она была. Потеряв под ногами почву, немецкая интеллигенция ищет убежища в своеобразном романтизме, напоминающем переживания немецких романтиков в период первых наполеоновских войн. Разве не звучат цитатой из Гёрреса или Арнима слова Neumann'a в некрологе Трёльча? «В другие века человек оказывался привязанным самым рождением своим к определенному сословию, местному горизонту, мировоззрению,—и мог успокоиться на этом. Кто имел дарования и мужество, выбивался наружу и подымался выше. Но и тогда благодетельная ограниченность его истоков давала ему опору и охраняла его от растраты сил, от похождений блудного сына. Ныне все мы—блудные сыны... Где и кто мы? Вместо того, чтобы собирать наши силы и укреплять ту почву, на которой мы могли бы стать твердой ногой, мы то захлебываемся в волнах теснящей культуры, то колеблемся под напором соревнующих религий, мировоззрений, политических и социальных групп, и поздно, слишком поздно, собираем мы для творческого изживания полуистраченные в борьбе силы»... (D. V. II, 162.)

Отсюда—тяга к романтикам, к Гёте (в романтическом аспекте), к средневековью; реабилитация барокко, которым когда-то начали романтики (Cysarz—«Vom Geist des deutschen Literatur-Barocks». D. V. II); реабилитация осенних веяний отягченной пережитым» реставрации (Unger—«Zur Entwicklung des Problems der historischen Objektivität bis Hegel». D. V. I).

Рядом с этой поздне-романтической усталой идеализацией эпох исторического застоя и уравновешенности—столь же романтические попытки определить «внутреннюю сущность единого германского национального духа «своеобразно-немецкого гения, который... открывается конгениальным платонизму, неоплатоническому мировоззрению и берет на себя слияние воедино музического и теоретического» (Cysarz, l. c., 263) и в противопоставлении которого романской «искусственности» и «риторичности» звучит неизжитая обида национального поражения.

Оставляя в стороне эти важные для будущего историка, но мало научные прорывы в современность, нельзя не признать, что обе вышедшие уже книжки журнала дают много интересного. В них представлена наиболее передовая по научным методам часть немецкой профессуры (сторонники «психологического» (в духе Дильтея), «формального» и «литературно-социологического» методов).

Гёте, как и следовало ожидать, является главным героем журнала. Из четырех посвященных ему статей особого внимания заслуживает тонкая интерпретация эпизода. «Заботы» во второй части Фауста, которую дает *Бурдах* (K. Burdach—«Faust und die Sorge», D. V. I). Привлекая аналогичные мотивы у античных писателей, влияние которых на Гёте не подлежит сомнению, автор раскрывает двойственность образа ослепляющей Фауста своим дыханием «Заботы». В образе этом слито эпикурейское представление унизительной, себялюбивой заботы («черной заботы»—Горация) и стоическое представление заботы о других, возвышающей человека («дитя заботы» в притче Kygina, пере-

ложенной Гердером). Свободолюбивый последний монолог Фауста не знаменует, таким образом, момента его конечной гибели, его превращение в филистера (интерпретация Тюрка), но очищение от титанического эгоцентризма, отказ от роли «директора машины—государства», вступление «в своем стремлении темном» на «правый путь», согласно словам пролога. С полным основанием Б. сопоставляет образ «Заботы» с образом Эпимелейи в «Пандоре», той драме Гёте, «которая, как и «Wanderjahre», должна считаться его отречением, его поправкой и дополнением к фаустовскому титанизму» «бури и натиска».

Помимо истолкования этого образа, столь важного для понимания основной идеи «Фауста», статья Б-а содержит много ценных замечаний. Таково, например, брошенное мельком указание на существование у Гёте, рядом с традиционной мифологией, — литературной и народной,—особого личного мифотворчества, претворяющего в миф мир и собственную жизнь (образы Эйфориона, Отрока в игре масок, Линоцея). Не менее важны несколько замечаний о значении оперы в творчестве Гёте и о претворении этой формы во 2-й части Фауста, где использованы чисто музыкальные формы арии, терцета, многоголосого ведения.

К методу психологической интерпретации прибегает и *М. Герхард* (M. Gerhard—«Goethe's Erleben der französischen Revolution im Spiegel der «Natürlichen Tochter». D. V. II). Странная слепота, с которой Гёте относится к Великой французской революции, упорное нежелание понять ее титаническую трагику, стремление комически опошлить величие события («Der Grosskophta»), «Der Bürgergeneral», «Die Aufgeregten») или рассматривать его вне времени и пространства, в аспекте извечной человеческой испорченности (Die «Natüliche Tochter»)—все это находит себе объяснение в только что пережитом Гёте личном кризисе. Как известно, путешествие в Италию закончилось для Гёте отказом от конгениальных революции титанических настроений «бури и натиска» и принятием существующего социального порядка. Материал, собранный в статье, убедительно раскрывает личную обиду и испуг Гёте при виде разрушения идеализируемого им отныне («Hermann und Dorothea») старого быта, ради которого он отказался от прежних революционных настроений. Но реабилитацию «Natürliche Tochter», как художественного произведения, вряд ли можно признать удавшейся автору.

В статье «Goethes Mondlied» Петерсен (J. Petersen) отвергает легенду о том, что стихотворение это написано по поводу самоубийства Христины фон-Лассберг (1 января 1778 г.), устанавливает более раннюю дату его написания (конец лета 1777 г.) и отмечает влияние на вторую редакцию полупародии фрау фон-Штейн, переделавшей, после разрыва с Гёте, посвященную ей «Лунную песню».

Более общий интерес представляет статья *Йенгиша* (E. Jenisch—«Goethe und das ferne Asien». D. V. II). Автор раскрывает здесь отсутствие конгениальности Гёте Дальнему Востоку—Индии и Китаю, мотивами которых он пользуется лишь там, где они лишены экзотического характера. Интересно указание Й-а на то, что понимание Китая было особенно затруднено для Гёте формами ненавистного ему рококо, через которые он знакомился с китайским искусством. Но вряд ли можно согласиться с мнением автора, что это отсутствие конгениальности не было порождено поклонением классицизму — этой основой всей творческой личности Гёте.

Формальной метод блестяще представлен статьей Г. *Мюллера* (G. Müller—«Studien zum Formproblem des Minnesanges». D. V. I). Отмечая необычайную ограниченность и однообразие мотивов средневековой поэзии, дающее право говорить о лирической (resp. эпической) топологии (даже в применении к песням вагантов), подвергая анализу поразительное богатство форм средневековой лирики (на конкретном примере музыкальной и ритмической структуры песен Вицлава), автор разрешает «историко-литературную проблему миннезанга, как проблему искусства чисто формального». Все элементы этого искусства являются заранее предустановленными, и мастерство поэта находит себе выражение лишь в виртуозном компонировании их. От-

сюда — «внутренняя взаимообусловленность пресловутой монотонности содержания и несравненного богатства текстуально-музыкальных форм средневековой лирики». Раскрывая, далее, связь этой предустановленной тематики средневековой поэзии с общей идеологией средневековья с его чуждой психологизму предметной установкой и реализмом, автор подробно характеризует и те социальные основы, на которых могло вырасти это искусство—продукт самодовлеющей, законченной культуры замкнутой общественной группы.

Много ценных формальных наблюдений дают и статьи *Вольфа* (L. Wolff—«Über den Stil der altgermanischen Poesie». D. V. II), *Хацфельда* (H. Hatzfeld—«Dante und Tasso als religiöse Epiker». D. V. II), *Цизажа* (H. Cysarz—«Vom Geist des deutschen Literatur Barocks». D. V. II). В противоположность некоторым из русских формалистов, немецкие исследователи при этом не только устанавливают взаимообусловленность форм стиля, композиции, тематики, избегая голых статистических подсчетов, но и вводят рассматриваемые произведения в исторический контекст эпохи.

Для историка психологического романа интересный материал дает статья *Миша* (G. Misch—«Die Autobiographie der französischen Aristokratie des XVII Jahrhunderts». D. V. II). Анализируя формы автобиографии, модные во французских придворных кружках XVII века, автор отмечает в них то мастерство индивидуальной характеристики, ту гипертрофию психологизма, те пиэтистски-сентиментальные настроения, которые, опускаясь в следующий социальный слой (момент социального снижения увековечен Мольером), дадут формы для буржуазного романа XVIII века. Анализ мемуаров кардинала де-Ретца знакомит далее с первой законченной формой этого вида политической литературы.

Следует отметить еще статью *Наумана* (H. Naumann—«Versuch einer Geschichte der deutschen Sprache als Geschichte des deutschen Geistes». D. V. I), где затронут вопрос о значении социального и культурного момента в истории языка,—вопрос, вновь поднятый в современной лингвистике.

С внешней стороны журнал издан лучше, чем большинство современных научно-филологических изданий в Германии.

Р. Шор.

А. АРТЮШКОВ. Звук и стих. Современные исследования фонетики русского стиха. К-во «Сеятель». Пгр. 1923. Стр. 72. in 4°.

Умение отличать звук от его условного начертания—буквы не чуждо нынче и ученику средней школы.

Тем не менее, как видно из критической статьи А. Артюшкова, повторять это не бесполезно: ряд исследователей звуковой стороны русского стиха (А. Белый, С. Лукьянов, С. Дурылин, С. Бобров, Н. Шульговский) делают в этом отношении такие промахи, которые почти аннулируют результаты их преимущественно статистических наблюдений. (Следовало бы добавить, что и самый метод подсчета звуков в стихе, не считающийся с повторяемостью данного звука в языке, не дает объективно значимых результатов.)

Особенно показательно для смешения буквы и звука в рассмотренных А. Артюшковым исследованиях игнорирование звука j, не обозначаемого в большинстве случаев русской азбукой. Восстановление этого звука в правах—самое ценное в работе А. Артюшкова. Работа эта—необходимый спутник исследователя звуковой стороны русского стиха: без ее поправок нельзя пользоваться работами перечисленных выше авторов. Ценна она и тем, что настойчиво повторяет стиховедам о необходимости запастись элементарными сведениями из научной фонетики, о необходимости упражняться в развитии слуха и уменьи записать фонетической транскрипцией подлинно звучащие элементы стиха.

Сергей Бугославский.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. ВЯЧ ШИШКОВ. Тайга. *Н. Асеев.* — 2. А. ЧАПЫГИН. Одинокие. *В. Полянский.* — 3. ВЯЧ. Ш ШКОВ. С котомкой. *И. Кубиков.* — 4. Ф. ГЛАДКОВ. Пучина. *Н. Асеев.* — 5. І. МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Царь-Девица. II. ЕЕ ЖЕ. Ремесло. *С. Бобров.* — 6. М. ВОЛОХОВ. Пыль. *В. Вольненштейн.* — 7. НИКОЛАЙ АЛЛ. Ектенья. *Н. Асеев.* — 8. В. фон-ПОЛЕНЦ. Крестьянин. *П. С. Коган.* — 9. Р. ЛЕФЕВР и П. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ. Солдатская война. *Н. Асеев.* — 10. Ж ГЮИСМАНС. У пристани. *М. Эйхенгольц.* — 11. Р. ЭДЕН. Эйнштейнова соната *И. Аксенов.* — 12. МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ. Счастье. ЕГО ЖЕ. Мыза Даангард *Ю. Соболев.* — 13. Л. ФУЛЬДА. Тень осла. *В. Вольненштейн.* — 14. Э. СИНКЛЕР. Ад. *И. Аксенов.* — 15. Г. БЕРГСТЕДТ. Александерсен. *А. Юрлов.* — 16. І. СЭТОН-ТОМПСОН. Рогач II. СЭТОН-ТОМПСОН. Тито. *А. Елизарова.* — 17. А. АЛТАЕВ. Микель Анджело. *А. Сидоров*

ВЯЧ. ШИШКОВ. Тайга. Повесть. К-во «Круг». Москва — Петербург. 1923. Издание 2-е, исправленное. Стр. 222.

Настоящую тайгу, дикую, глухую и странную показывает Вяч. Шишков в своей повести. «Показывает» не зарисовкой пейзажей, не подделкой под местный говор, а использованием этого говора, и всего фольклора, организованного в ряд умелых и своеобразных литературных приемом, интригующих и увлекающих читателя. Содержание «Тайги»— мало оригинально: мы видели уже где-то этих матерых сибирских купцов, лохматых чалдонов, бродяг, сероглазых сибирских красавиц, попов-пьяниц и другие персонажи шишковской повести. Но умело и красочно, оживленные автором, они вновь радуют нас новой пьесой тех же марионеточных фигур. Приемы Шишкова—разнообразны и неравноценны. Общее всей повести, это— отсутствие длинных засложненных периодов, так отягчающих страницы современных эпигонов как символической, так и реалистической школ. Фраза Вяч. Шишкова сжата, ясна, лаконична. Она точно учитывает распределение материала. Это—лучший тип модернистской прозы, зарисовывающей ближайшую авторскую мысль чисто и опрятно. Почти нет неряшливых строк; все кругло, ясно и вместе с тем не бесцветно. Шишков знает опасность шаблона и очень редко в него впадает. Последнее случается с ним только в местах явной модернизации фразы, которой он, очевидно, еще не переболел. Тогда получаются досадные строки:

«Щетинистый свой небритый подбородок». Или: «на бурой кривой своей лошаденке».

Еще: «красивые свои насмешливые зубы».

Вяч. Шишкову, автору чуткому и опытному, следует избавиться от надоедливости такой инверсии, при повторе становящейся омертвелым приемом, введенным в употребление далеко не лучшими русскими прозаиками.

Конечно, это мелочь, но в такой крепкой прозе — мелочь особенно заметная.

Зато очень не плохи тщательно отделанные Шишковым вставки параллелизации фразы, ее мотивированного повтора—при намерении создать, сгустить то или иное впечатление.

Вот пример очень удачного отклонения от «пейзажного» шаблона, выполненного именно этим приемом:

«Месяц высоко поднялся. На бугорке сидела собачонка пестренькая, смотрела на тайгу и, откинув назад левое ухо, полаивала:

«— Гаф!... хаф, хаф!

«Взлает так и поведет ухом, дожидаясь.

«И в тайге тихонько откликается:

«— гаф, хафхаф...

«Переступит передними ногами, да опять. А сама о другом думает: хорошо бы поросячий бок стянуть; принюхивается — пахнет отлично, но хозяин ей дома на хвост наступил, а баба поленом запустила. После. Вот уснут.

«— Гаф!.. хафхафхаф...

«Митька Сопляк крадется с дубиной.

«— Гафхафхаф...

«Да как даст собаке по башке. Собака с перепугу не знала, куда и кинуться, забилась под амбар, визжит—больно. Мать Митьку разыскивает:

«— Ты где, паскуда, шляешься? Иди Оленку качать.

«Да как даст Митьке по башке. Заплакал. Больно».

Это хорошая проза. Проза настоящего писателя. Только не следует Вяч. Шишкову увлекаться пафосом. Приведенная нами выше его личная цитата куда значительнее, чем эпиграф из ап. Петра, взятый к книге и заставляющий искать в ней того, чем она и не пахнет. Мастерство Вяч. Шишкова может само стать для *своего* времени столько же весомым, сколько для апостольских—Петрово. Не надо их мешать. Тайга—не Галилея, а Шишков умеет говорить и от своего имени.

Н. Асеев.

А. ЧАПЫГИН. Одинокие. Рассказы. Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 180.

А. Чапыгин—автор не новый. Он хорошо известен читающей публике. Колоритный, сочный, яркий. Разно мы оценивали его «Белый скит», но всех нас он интересовал.

Хороши рассказы, собранные и в этой книжке. Двенадцать их; небольшие, но законченные, хорошо разработанные. Читаются с неослабным вниманием, тем более, что они развивают, аргументируют одну мысль и друг друга в некоторой степени дополняют. Эта мысль удачно выражена заголовком книжки «Одинокие».

Русскому читателю прекрасно известны «одинокие», «души» из среды интеллигенции ищущей, мятущейся, незадачливой, выбитой из жизненной колеи.

Чапыгин показал нам «одинокие» из трудовой массы, из среды деревенской и городской бедноты.

Мечтатели, тихие, дерзкие, смиренные, придавленные—они проходят мимо читателя. Это не герои, а самые обычные люди, которые жили рядом и вместе с нами, которых мы ежечасно видали, но которых далеко не всегда понимали. Им в сильной степени свойственны пороки и недостатки их среды, автор не закрывает глаз, но он и не нападает за это на своих «героев», наоборот, он повествует о них со спокойствием, с долей сожаления и любви к ним, заражая этим и читателя.

Рассказы—из прошлого. Шесть лет нашей революции многое сломали, многое изменили. Чапыгинских «одиноких» людей, может-быть, уже немного осталось. С этой стороны, и поскольку мы жадно ищем и жадно припадаем к литературе на современные темы или с современным сюжетом, рассказы А. Чапыгина утеряли интерес новизны, свежести, но как психологические этюды, они не утратили своего значения и до сего дня.

Подросток Федька из рассказа «Минога», по профессии кровельщик, увлечен красотой женщины из богатого дома, где он производил ремонт. Он зол на свою тяжелую, некрасивую жизнь, полон каких-то затаенных дум, женщины из веселых домов его не интересуют, он груб с сестрой милосердия в больнице; влекомый к красивой женщине, отбросив все предосторожности, он пробирается к ней через окно. И ему сразу становится тоскливо и тяжело, когда он не находит «белой женщины». Со злости бородкой молотка он отбивает куски мрамора у статуи. Цепляясь за каждую возможность, он отыскивает свою «мечту» в рядах темных больших цветов. Ему хочется красоты. Когда же Федька услыхал звонок и понял, что барыня вернулась с мужчиной, которого он видел в квартире и которого узнал по голосу, он остолбенел. «Казалось, ему подрезали разом все жилы в теле... Тряся и стуча зубами, мягкий и беспомощный, он опустился на пол, в ужасе смотрел минуту перед собой, что-то бормотал и, скорчившись угловатыми коленами, сжимал низко опущенную голову. Теперь ему было все равно и не хотелось никуда»... «Его шатало, и руки плохо слушались».

Сделав большое усилие, он вылез через окно, должен был перебраться на крышу, но обессиленный и растерянный сорвался и разбился о мостовую.

«То, что случилось, не ужаснуло его; он не вскрикнул и не разжал тонких губ; только глаза его коротко, дико блуждали».

Горбун Игошка бледнеет при мысли о своем собственном теле, но он также любит красоту. «Игошку поразила красота тела Аксютки и вид маленького, розового созданья—ребенка с мягкими, светлыми, сияющими, как золото, волосиками. Мать и ребенок показались ему облитыми каким-то божьим, теплым и ясным светом... Красота их казалась ему божественной».

«Красиво... пускай красиво будет..,— прошептал он, ложась в свою постель».

Игошка был робкий человек, у него не было дерзости Федьки, он убоялся красоты Аксютки. «Переехать надо», думал он, ворочаясь в кровати, и на утро покинул свой угол.

«Когда на следующий день Аксютка вернулась домой сияющая, ласковая, нежная, готовая любить, какое-то предчувствие вдруг охватило ее. Она торопливо зажгла огонь: Игошки не было, и книга лежала на окне. На месте его кровати было пусто; только сырой, неровный след одежды чернел на стене его изломанной тенью. В окно слабой полосой заглядывал месяц; обледяневшие крыши темных соседних домов за окном висели, как обрывки больших серебряных лент. Аксютка, не раздеваясь, сунулась на постель и заплакала; плач ее сливался с голодным плачем ребенка, который просил груди».

Степан Лукич в рассказе «Презрение» хочет отвратить кончину мира и готовится к этому. Дикая мысль охватила его сознание. Он решил, что Аннушка— святая, и что она может родить пророка, который победит антихриста. Аннушка— его падчерица, но он, ссылаясь на праведного Ноя, который жил с родными дочерьми, с сияющими глазами проводит ночь с ней в одной постели. А потом поджигает занавес кровати. Рвет горящую рубашку Аннушки, трещат волосы на Степане Лукиче, а он смеется, торжествует. «Ему довольно сознания, что все адское пляшущее, горячее, красное исчезнет, а из черноты встанет светлый пророк и победит врага».

Почти во всех рассказах «Одинокие» Чапыгина так или иначе ищут «светлого пророка», жаждут, чтобы он пришел сменить «черноту» жизни. Более сильные борятся, как умеют, более слабые смиряются, мучаются и со слезами «несут свой крест».

Правда, каждый из них по-своему понимает красоту и правду жизни,—фонарщик Кузьма, например, считает студентов и бастующих рабочих бунтовщиками, разрушителями жизни, но это не уничтожает интереса их психологических переживаний.

Наоборот, иногда помогает разобраться в странном и непонятном, противоречивом их наслоении.

Валерьян Полянский.

ВЯЧ. ШИШКОВ. С котомкой. Очерки. Изд. «Круг». М. 1923 г. Стр. 112.

Очерки талантливого писателя читаются с большим интересом. В них ряд картин, взятых прямо из жизни. Автор обошел несколько деревень и сел Петроградской губ. Перед ним предстала вся сложность деревенского бытия нашего времени. «Пишу то, что слышал и видел,—говорит он,—пишу по совести. Наблюдатель должен выявлять светлые стороны жизни молодой республики и отнюдь не скрывать ее темных сторон. Полагаю, что в этом долг каждого».

Вяч. Шишков рассказывает о затруднениях крестьянина при уплате налогов и вместе с тем показывает темноту крестьянина — его неумение использовать все для поднятия хозяйства. Шишков выводит латыша, который при тех же самых условиях, на купленной земле, устроил образцовое хозяйство. Очень интересна история о «человеке в кепке», который показал крестьянам, что можно сделать с землей. Когда он уехал, мужики думали, что он «колдун», а потом стали все делать по его указанию. «Вот она кепка-то какая», говорит крестьянин-собеседник Шишкову.

В очерках писателя весь ансамбль деревенской жизни: поп, учитель, приезжий агроном, старые крестьяне и деревенская молодежь. Последняя чувствует определенное отвращение к старому укладу жизни.

Временами повествование Шишкова смахивает на анекдот. Но, к сожалению, это анекдоты жизни. Так, мы видим, как деревенская трудовая коммуна ведет свою борьбу с богатеем Петром Каблуковым. Борьба ведется с помощью самогона: кто скорее перепоит земотдел. Временами Шишков дает читателю очень талантливо набросанные сцены юмористического характера. Деревенская вечеринка, где представитель местного начальства Прошка Мореход дирижирует танцами; яркая фигура «товарища Тараканова», который на вопрос, «откуда у него серый жеребец», сердито запевает «Вниз по матушке»,—это художественные миниатюры талантливого беллетриста.

Небольшие 112 страничек книги полны живости и содержательности.

И. Кубиков.

ФЕДОР ГЛАДКОВ. Пучина. Повести и рассказы. Изд. писателей «Кузница». Москва. 1923. Стр. 273.

Рассказ, открывающий книгу Ф. Гладкова, того же названия, что и вся книга, может ввести в заблуждение относительно подлинной значительности автора. Рассказ тематически вял, бескостен и, по первому впечатлению, угнетает натыканными в его мякоть изюмом—сибирскими словечками. Очевидно, это ранний рассказ автора, проба его в мало знакомом ему наречии—он перебит описательными и пояснительными авторскими отступлениями. Сквозь его дерюжную оболочку лишь кое-где подметишь своеобразную мускулатуру речи, цепкость образа, неожиданность грубоватой метафоры. Тем радостнее впечатление, возникающее при чтении второй вещи книги—повести «Огненный конь». Мы с удовлетворением отмечаем, что в среде так долго молчавших или говоривших чужим басом «кузнецов» появился действительно своеобразный писатель, который, если не сорвет голоса, думаем, покроет им всю современную прозаическую «ералашь», так тонко подмеченную им и введенную метким определением в его строки.

Язык «Огненного коня»—язык Украины. Он не стилизован, не приукрашен, не собран в фольклорные наплывы,—он дан расплавленной массой, и жар и ковкость этой массы доходит не остывшими до слуха, подчиняют его себе, делают невозможным какой-либо иной говор, кроме этого—резкого, пышного и на глазах рождающегося, великолепного наречия. И как вместе с языком усиливается техника, метафоризация и образность автора! Куда пропадает вялое, медлительное заплетание первого рассказа? Из слов этих—из полупонятных фраз вырастают незабываемые черты персонажей. Удивительно жизненно из этих сыроватых фраз выпрастываются лица Гмыри—предревкома казацкой станицы, у которого чувство большевистской правды—

«внутре, к кровях, будь оно проклято!.. А иде он мой враг?—Вво! В жмени, в когтях моих, друже!»—

и «хромый от крови паньский казак»—офицер, идущий против Корнилова только ради своего охотницкого чувства «вояки» и потом возглавляющий бунт куркулей. И сами куркули эти, и повешенный старик, который «бежал по воздуху» к палачу. И за всеми этими лицами страстный, огненный лик революции, весь ее пафос, вся ее кипучая напряженность, поднять которую лучше других прозаиков удалось Ф. Гладкову.

Нет возможности даже и целым рядом цитат дать представление о беспорядочной свежести взбудораженных страниц «Огненного коня». Повесть эта безусловно нуждается еще в переработке, литературной отёске, для того, чтобы стать образцом революционной прозы, и автору следует приложить все усилия, чтобы высвободиться из неряшливых повторов и досадных срывов,—и сделать свою вещь исключительно ярким явлением современной литературы. Еще раз повторяю, мы рады приветствовать это, действительно, подлинное дарование—не в «попутчиках», а в подлинных носителях революции, ее наивысшего подъема, огненного дыхания, освежающего и очищающего застоявшийся воздух современной прозы.

Н. Асеев.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. Царь-Девица. Поэма-сказка. Рисунки Д. Митрохина. Госиздат. М. 1922. Стр. 160. Тир. 2000. Моск. прод. ц. 1 р. зол.

ЕЕ ЖЕ. Ремесло. Книга стихов. К-во «Геликон». Москва — Берлин (отпечатано в Берлине). 1923. Стр. 168.

Пожалуй, что только вот с этих двух книг начинается серьезная история М. И. Цветаевой как поэта. Ее первое, почти-что детское выступление («Вечерний альбом») при всей наивности сразу поражало своей чрезвычайной свежестью, летучим таким темпераментом напева и хорошей учебой на французах. Если не ошибаемся, главными ее учителями были—прекрасная, хоть и мало у нас известная, французская поэтесса Марселина Деборд-Вальмор (1785 — 1859. П. Верлэн поместил ее в свое время в свою серию «Проклятых поэтов», рядом с Вилье де-Лиль-Аданом и Артюром Рембо), и несколько худший, не первосортный, разумеется, автор—Э. Ростан. Дуэт, конечно, немного странный, но для Цветаевой вообще характерны такие очень непоследовательные и взаимно-противоречивые привязанности. Вторая ее книжка «Волшебный фонарь», как это очень часто бывает у авторов нашего времени, показывала несколько пониженный и основательно ослабевший переход от захлебывающихся юношеской жадностью описаний «всех впечатлений первых дней» к некоторому разочарованию вступления в жизнь, так как она есть. Та юношеская натуга, девическая резвость, глаза на весь мир сразу, все, что очень трогало в первой книге, стало как-то взвинченным, искусственным, фальшивоватым во второй книжке. Кое-что поостыло, и возникало у автора вновь исключительно в порядке какой-то труднопостижимой инерции, без существенных внутренних оправданий, а потому и превращалось в нечто достаточно надоедливое. Стремление к искренности, к исчерпанию пережитого обращалось как раз в ту самую искренность, о которой Уайльд хихикнул, что она «поза, и самая невыносимая из поз». Экзотика бутафорического реквизита, самой такой кумачевой романтики, страшная неровность, неуменье совладать ни с собой, ни со стихом,—все это заставляло подходить к Цветаевой с большой недоверчивостью. А на развалинах этих построений возник некоторый совершенно неведомого происхождения русский стиль—ни дать, ни взять козаковская дума. Нам пришлось видеть кое-что у Цветаевой в рукописях за время революции—и все это (громадное количество стихов; Цветаева, сдается, вообще страдает многописанием) было настолько безотрадным, что создавалось впечатление о том, что здесь и ждать больше нечего. Вот теперь две новые книжки: одна относится к 1920 году (по времени написания), другая («Ремесло») обнимает год с апреля 1921 по апрель 1922.

Именно эта-то сказанная руссопетшина является основным говорком автора. Эстетика «Мира Искусства» приучила нас к подкрашенному разными Бартрамами, Поленовыми, абрамцевскими рукодельями русскому стилю. Рерих затем по этой дорожке доехал чуть ли не до каменного века: так все солидно, серьезно поставлено, не без мистагогических ухищрений и постаментинов. Цветаева взялась за это дело совсем с другой стороны: ее русский стиль—это бабий вой, как по покойнику голосят, с украшеньицами самого простейшего в этом стиле рода: эдак в роде самых незамысловатых петушков и розанчиков. В это неожиданно врывается напетый на символистах (не Брюсов ли?) стих, с хорошей такой щегольской отделкой, с прочным лаком первых брюсовских вещей. У Марины другой раз (то, что пришлось видеть в рукописях в 1920) появлялась совершенно ей чуждая, по всему ее естеству, по вкусовому ее классу, по значительности ее стремлений—тяга к ахматовщине, но это, видимо, быстро выветрилось, и теперь этого не найдешь. Неровность, срывы остались. Их особенно много в «Царь-Девице». За отличным напевом в сторону частушки, женской заплачки, вдруг возникнет, как кол какой торчит, совершенно не сделанный, не сработанный, никак не склеенный стих в роде:

> Толк по полкам прошел безвестный:
> «Не будет Девы—нам—Царя!».

И что нам до зари небесной,
Когда земная нам заря!

Тут можно не два восклицательных знака поставить, а сотню, и все-таки это пустое место во весь свой гренадерский рост — и больше ничего. За этим надвигается настырний и совершенно ненужный гиперболизм:

Полк замертво свалился пьяный,
Конь пеной изошел, скача.
Дух вылетел из барабана.
Грудь лопнула у трубача.

Настоящий Бова-королевич с сытинской литографии: удивляешься, как у автора не хватает чувства юмора, чтобы одернуться во-время и не наваливать в свои вещи этого кустарного хламу, которым буквально забита вся поэма, так что по ней надо рыскать с карандашом, а иное торопливо переворачивать, чтобы не налететь на эдакого лопнувшего по швам трубача. А если исключить этих лопнувших от удовольствия и неприятностей персонажей, то книга прямо искрится своими отдельными строками, где так отлично, непосредственно понята песня, понят былинный лад. Понят так, как давно не приходилось видеть, как не удавалось никому из писавших в русском стиле, ни Бальмонту (в его «Жар-птице»), ни Клюеву, ни Клычкову, ни Столице, не говоря уж, разумеется, об Есенине и его подражателях. Вот так, например:

Скрытые твои ресницы,
Без огня сожжена!
Отчего я не девица,
А чужая жена!
Отчего-то людям спится,
А мне плачется,
Отчего тебе не мать родная
Я, а мачеха...

Или:

Слабыми руками
Вдоль перил витых,
Слабыми шажками
С лестничек крутых.
Не трубили зорю
С крепостной стены,
В небесах Егорий
Не разжег войны...

Или:

В серебряном нагрудничке,
И кольчики занятные.
А ничего, что худенький,—
На личико приятненький...
...Быстро—руки, вниз—ресницы,
В одной юбке легкой, летней—
То плетуньи кружевницы
День и ночь сплетают сплетни...
...Стоит полоняночка
На башенной вышечке.
Связалась, беляночка,
С тем самым, с мальчишечкой...

И отличные параллелизмы:

И вижу еще я,—
Речет сам не свой,—
Что плачет смолою
Дубок молодой.
Ветвями облапит,
Как грудку—мне—стан,
И капит, и капит
Слезой на кафтан.

Хороший Царь у Марины:

Веселитесь, наши верные народы!
Белогривый я ваш Царь, белобородый.
Круговой поднос, кумачевый нос,
Мне сам чорт сегодня чарочку поднес.
Веселитесь, наши руки даровые!
Все хлеба я ваши пропил яровые!
Коли хлеба нет, будем есть овес:
Напитаемся — и личиком в навоз...
...Рухай-рухай, наше царство разваленное!
Красный грянь петух над щами несоленими!
Красный грянь петух: Царь-кумашный нос
Все, как есть, свое именьице растрес!

Вот еще в другом роде:

Черным словом, буйным скоком
Не грешил я на пиру.
На крыльце своем высоком
Дай ступеньку гусляру...

Море:

Ох, стакан твой полный,
Голубые волны!
Ох, медок в нем ценный,
Черезчур уж пенный!
Выпьешь, ничего не

Скажешь,—мед хваленый!
Ох, твой ужин ноне
Весь пересоленый.

И так, несмотря на ряд провалов, капризов, странных стиховых причуд, в роде четырех строк, одна за другой кончающихся одним и тем же словом, несмотря на непонятность приема, на необычность этого говорка,—все-таки поэма эта маленькое событие в нашей поэзии. Она по-своему удалась Марине,—удалась этой удалью, силой, единством.

«Ремесло», однако, гораздо лучше поэмы. Там есть прямо отличные стихи. К сожалению, надобно сказать, что темой почти всей книги являются настроения высоко-белогвардейские. Правда, они очень смягчены чисто-женским к ним отношением, но все-таки как-то больно видеть, как человек отрывается от родины, отрекается от Москвы—собственно, неведомо во имя чего. Конечно, революционный ригоризм наш теперь малость поостыл, и можно понять женское сердце, *жалеющее* расшибленную белогвардейщину. Можно вообразить себе романтику этого гиблого места, но все-таки вспоминается А. К. Толстой, когда-то тоже любивший русский стиль:

Садко, мое чадо, на кую ты стать
О псе вспоминаешь сегодня,
На что тебе грязного пса целовать,—
На то мои дочки пригодней!

Верно, конечно,—по Толстому опять-таки,—что наши московские дочки «колючи, как ерши», и с ними «сожительство трудно», но не стоит ли попробовать и есть ли какой смысл убивать свой лиризм и песню на эту безотцовщину, в конце-концов, просто жалкую. Тем паче, что надежд на белых у Марины уже никаких не осталось,—«добровольчество—добрая воля к смерти», пишет она. Тем паче, что она отлично и горячо умеет говорить о революции:

Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех—
Звезда российская
Противу всех!
Отцебийцами—
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!
«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,
И дружной папертью:
—Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный,
Ужо тебе!»

Но как же мы-то, в С.С.С.Р., сможем подойти к этаким вот стихам о революции, навеянных непонятной и истерической смесью ненависти с рыдающей жалостью? Или вот эта горечь изголодавшейся Москвы блокадного времени, несчастной страны, которая карабкалась окровавленными ногтями, чтобы выползти из той «романтики», куда ее усадили Маринины закордонные беленькие приятели:

Слезы на лисе моей облезлой!
Глыбой—черезплечные ремни!
Громче паровозного железа,
Громче левогрудой стукотни—
Дребезг подымается над щебнем,
Скрежетом по рощам, по лесам.
Точно кто вгрызающимся гребнем
Разом—по семи моим сердцам!
Родины моей широкоскулой
Матерный, бурлацкий перегар,
Или же—вдоль насыпи сутулой
Шопоты и топоты татар.
Или мужичонка, на-круг должный,
За косу красу—да о косяк!
(Может, людоедица с Поволжья
Склабом о ребяческий костяк?)
Аль Степан всплясал, Руси кормилец?
Или же за кровь мою, за труд—
Сорок звонарей моих взбесились—
И болярыню свою поют...
Сокол—перерезанные—путы!
Шибче от кровавой колеи!
—То над родиной моею лютой
Исстрадавшиеся соловьи.

Прекрасное стихотворение. И жаль ужасно, что эти исстрадавшиеся соловьи предпочитают звенеть и щелкать над белогвардейской мертвецкой, которая, оказывается, ни в чем, бедняжка, кроме своей собачьей смерти, не виновата. И как щелкают, послушайте:

И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...
Уронив лобяной облом,
В руку судорогой сведенную.
— Громче, громче!—Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу троннную!..
и т. д.

Хоть все это и называется «Посмертный марш» и не оставляет никакой надежды отпеваемым... А какое изящество иной раз.

А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, выог—твоих—приютство,
Воркотов приятство.
Веретен ворчливых царство,
Волков белых—рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,
Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца...
А сугробы подаются,
Пора расставаться.
Ах, в разор, в раздор, в разводство
Широки—воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!..

Обижаться на Марину, конечно, нечего. Из песни слова не выкинешь, а из сердца и подавно. Будем верить, что ей не зачем больше ворочаться к этим белобандитским панихидам.

Автор за границей, а это сильно действующее средство не раз излечивало от реакционного обморока и более постулированных людей, чем поэтессы. Хорошо проститься с сугробами, плохи ли слезы над ними,—да какова-то жизнь без них? «Ремесло»—больная, обиженная книжка, но в ней есть истинная боль и этим она оправдывается. В крайнем случае мы оставим ее в музее, как горький памятник загубленному дарованию. Революция велика,—могий вместити, да вместит; это дано не всякому, а Марина Цветаева еще не жила настоящей Россией.

Сергей Бобров.

МАРК ВОЛОХОВ. Пыль. Драма в 4-х действиях и 5 картинах. Издательство Л. Д. Френкель. Москва — Петроград. 1923 г. Стр. 116.

В центре пьесы—драма интеллигента, инженера Станского, в 1920 г. во время гражданской войны перешедшего на сторону революции, затем добившегося ответственной должности—в 1922 г. он секретарь Советского посольства в Берлине,—но слишком слабого, слишком занятого личными переживаниями и ощущениями, чтоб удержаться в русле общественно - полезной деятельности. Встреча в берлинском подвале-кабаре с бывшей любовницей, женой полковника, опустившейся под влиянием эмигрантской среды, превратившейся в проститутку, доводит Станского до бешеного припадка отчаяния, до дикого скандала,—и он погибает, никому не нужный. Его не могла спасти даже самоотверженная любовь Шуры, молодой коммунистки, крестьянки по происхождению.

Замысел пьесы вполне отчетлив, но воплощение художественным назвать нельзя. Весьма бледен язык пьесы. Речь интеллигентов бесцветна, при чем эта бесцветность не проведена через искусство, не подчеркнута как характерная особенность. Особенно же неудачен язык действующих лиц из народа, напр., язык отца Шуры, деревенского кулака. «Нанюхалась, значит, всяких этих дуростев», говорит он, укоряя дочь в увлечении коммунизмом. «Будя дурить-то. А поганно у вас. Нешто можно в такой фатере жить. Пылища сколько... Должно и клопов не уберести» и т. п.—сочетание банальности и искусственности. Пьеса не лишена эффектных сценических положений, но действие развивается вяло. Мало увлекательны монологи героя, монологи самобичевания,—не то сатира, не то неврастеническая драма.

В. Волькенштейн.

НИКОЛАЙ АЛЛ. Ектенья. Стихи о России. Харбин. 1923 г. Стр. 30.

Душа — «бездумная», страх — «необоримый», «электричный свет», «*тщéта*», «задóхнемся», «заглýшенный»—и другие стóль же странно расставленные ударения, свидетельствуют о том, что в Харбине г. Алл скоро и совсем отучится говорить по-русски. И не помогут ему в этой беде парафразы блоковских строф в роде:

Пусть бурь народных тяжкий,
смрадный запах
Тревожит тишину ночей,
Пусть мы задóхнемся в жестоких
лапах
Разгульных пьяных палачей.

Все ж давних дней измятые картины
Еще живут в больном мозгу...

Последняя строка несколько объясняет «причинность» издания г. Николаем Аллом в 1923 году настоящей книжки. Бездарность автора равняется глубине и силе живущих в нем патриотически-гражданских добродетелей.

Смеемся громко, плачем втихомолку
И слезы копим в носовой платок.
Ах, много ль для душевной скуки
толку
Низать слова на узенький листок.

Действительно не много! И это здравое соображение автора дает нам надежду на неполное помрачение его мозгов. «Ектенью» усиленно рекомендуем «живой церкви».

Н. Асеев.

ВИЛЬГЕЛЬМ фон-ПОЛЕНЦ. Крестьянин. Роман. Пер. с нем. В. Величкиной с предисловием Л. Н. Толстого и статьей Г. В. Плеханова. «Новая Москва». 1922 г. Стр. 408.

Роман Поленца—образец социального романа. Для социолога и экономиста это драгоценный материал. Картина разорения остэльбского крестьянства, взаимоотношения между различными классами, дворянством, ростовщиками-капиталистами и крестьянами, наконец, глубокое проникновение в основную причину совершающегося хозяйственного переворота,—все это страница социальной истории, открывающая местами бóльший простор для выводов, чем тщательное изучение статистических данных. Еще значительнее тот интерес, который представляет роман для эстета и критика. Поленц—тонкий наблюдатель, глубокий психолог, обладает фантазией, умеет в ярких штрихах, в незначительных сценах раскрывать тончайшие движения человеческой души и смысл общественно-психологических коллизий. Но есть у него нечто свое, что выделяет его среди других романистов. Эта та органическая связь, которую он художественным инстинктом улавливает между внутренним миром отдельной личности и внешним миром общественных отношений. Он не знает другого источника человеческих радостей и страданий, кроме социальной борьбы, лежащей в основе всей современной жизни. Даже такие, казалось бы, далекие от внешних воздействий чувства, как любовь между полами или семейные привязанности, озарены у него особым светом и восходят, в конечном счете, к конфликтам, рожденным хозяйственной структурой данного общества. Поленц пишет без натяжек. У него это выходит естественно, что дается только истинному художнику, умеющему синтезировать явления под тем углом зрения, откуда современность открывается с своей самой значительной стороны. Неудивительно поэтому, что такие несходные умы, как Толстой и Плеханов, сошлись с разных сторон в оценке этого писателя и в свое время рекомендовали его в горячих статьях. Для Плеханова это «чрезвычайно интересная экскурсия в область аграрного вопроса». Толстой ценит эту книгу за то, что она «проникнута любовью к людям, которых автор заставляет действовать», что, освещая жизнь одной жены и одного мужа, автор «освещает для читателя внутреннюю жизнь миллионов таких же мужей и жен, и прежде живших и теперь живущих, внушает не только уважение и любовь к этим задавленным трудом людям, но и заставляет задумываться о том, почему и за что эти сильные и телом и душою люди,

с такими возможностями хорошей любовной жизни, так заброшены, забиты и невежественны». Материалист и моралист одинаково признали огромное значение этого. Толстой в потрясающей истории разоренного крестьянина почувствовал новый стимул, чтобы обратить свое слово к совести человечества; Плеханов увидал в этой истории новое доказательство, что необходима организованная коллективная борьба за новые формы производства, а не личное нравственное усилие, которое ничего переменить не может. Страдания Бютнера и гибель его семьи зависят не от дурных поступков того или другого лица. Виновных в сущности нет. Кого должен был обвинять Бютнер в той огромной несправедливости, которая была совершена над ним. Это-то и было жутко, что объяснения нельзя было найти. «Беда,—говорит Поленц,—пришла в потемках, и он не знал даже—откуда. Люди получили право на него самого и на его собственность,—чужие, незнакомые люди, имени которых он не знал и два года тому назад. Он не сделал никакого зла этим людям и только принял от них помощь, которую они ему навязали сами. А из этого какими-то непонятными ему оборотами и махинациями выросли права, которые бесспорно отдавали его в руки этих людей. И сколько бы он ни ломал голову, ему невозможно было понять во всем объеме того, что произошло».

Роман Поленца занимает исключительное место среди тех произведений мировой литературы, которое переносит внимание читателя в социальную среду, не знает космического и сверхчувственного подхода к человеческой психике и резко выделяется в литературе последних десятилетий,—в литературе утонченных переживаний и мистических устремлений. Эту книгу на ряду с произведениями Синклера, Барбюса и других романистов социального направления необходимо широко распространить среди того читателя, который народился теперь в России и ищет в литературе не развлечения и забвения, а ответа на волнующие вопросы современности.

——— П. С. Коган.

Р. ЛЕФЕВР и П. ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ. Солдатская война. Предисловие А. Барбюса. Перевод А. Н. Горлина. Гиз. Петроград. 1923. Стр. 246.

Бесполезно было бы оценивать агитационное и социальное значение этой книги, главные героини которой—война и смерть во всем их потрясающем и безумном облике. Об этом достаточно сильно говорит предисловие к ней А. Барбюса: «Читайте эту книгу. Читайте, учитесь и обдумывайте прочитанное...

«Читая книги, описывающие эту беспримерную резню и показывающие её такой, какою она была, рисующие непонятные передвижения живых существ среди адского однообразия непосильного труда, их бесконечное ползанье по извилистым траншейным ходам, их безумный бег под перекрестным огнем на безграничных равнинах,—читая все это вы проникнитесь сознанием вашего ничтожества и вместе с тем вашего величия и вашего долга».

Но читая эту книгу, добавим мы, следите вместе с тем за той удивительной точностью, простотой и великой сложностью стиля, который мог быть создан только при наличии той огромной любви к слову, к языку, к выражению, которыми—и только которыми—могли быть вскрыты и проявлены кошмарные черты этой резни, незапомнившиеся даже большинству участников ее. Разве, если бы все человечество так ощущало и представляло себе этот кроваво-гнойный поток, если бы оно с такой силой и выразительностью вызвало бы в своем воображении его замораживающие и вновь разъедающие сознание эпизоды,—разве могла бы возникнуть у него когда-либо мысль о возможности их повторения. Страшную клятву дало бы оно раз и навсегда вычеркнуть из своего обихода эти столь привычные и притупившие сознание военные клички и обозначения, всю эту лабораторию земного ада, которая продолжает пополняться и после столь долгого и смертоносного ею отравления человечества.

Солдатская война—ряд мелких двухтрехстраничных рассказов, ради техники которых может быть и создана вся великая французская литература. Это—

ряд огневых уколов—лечение электричеством накаленного человеческого гения, ряд беспокоющих, странных возбудителей воображения и исцеляющих отупелую покорность перед «необходимостью».

Вот—фронт, где жирные трупные мухи ползают по потолкам блиндажей, где запах разложения не заглушить никакими самыми крепкими духами немецкого офицера, вводящими в заблуждение сменяющего его француза; где жизнь под синеватым огнем ракеты «старается принять вид смерти»; где «смех людоедов с оскаленными зубами» над раненым неприятелем; где люди с пятнадцатью ранами в теле, и куда уходят из тыла поезда, эти «украшенные цветами могилы». А вот и беглые зарисовки обреченных этим могилам:

«Лицо у Брентано—совершенно белое, точно осыпанное мелом, и кровь, вытекающая струйками из ноздрей,—кажется на его щеках черной».

Или:

...«его ноги были раздвинуты огромной ватной перевязкой, в которую сочился гной из ужасной раны в половых органах, истерзанных осколком снаряда»;

Еще:

...«врач надрезает скальпелем сверху донизу зачерненную иодом ляжку и обнажает бледно - зернистую жировую ткань; потом он вонзает нож глубже до лилового пучка мускульных волокон, и маленькие артерии бьют крохотными фонтанами, обрызгивая багровыми точками блузу хирурга».

С необычайной точностью, мудростью и какой-то особой целомудренной опрятностью ведут авторы этой замечательной книги читателя все глубже и глубже по всем кругам этого действительного ада. И читатель не отбросит книгу с тошнотворным ощущением излишнего натурализма. Слова слишком значительны, слишком добросовестно важны, чтобы вызвать истерику воображения. Они вводят в свой круг читателя, давая понять ему, что нет таких слов и выражений, что бы не смог перенести разум, если все описываемое совершалось в действительности, и этот разум не кончился в судорогах протеста против нее, против этой чудовищной действительности.

Замечательная книга, которую следовало бы в сотнях тысяч экземпляров распространить как постоянное напоминание каждому о еще существующем реальном воплощении описываемого. Книга замечательна еще проникающим ее чувством коллективистической ответственности, общей всем близости и неизбежности рассказанного в ней, необходимости каждому внутри себя раз и навсегда проклясть и всеми силами воспротивиться заключенной в ней невероятной правде.

Читается книга, как мы уже упомянули, несмотря на суровый ее реализм,—легко и без отрыву, и всякий, взявший ее в руки, помимо своей воли, почти гипнотически становится противником тех «банкротов милосердия», которые думают хотя бы на минуту отложить для себя решение выдвинутых ею вопросов.

Н. Асеев.

Ж. К. ГЮИСМАНС. У пристани. Роман. Перевод В. А. Азова. Библиотека иностранной литературы. Издат. «Мысль». Петроград. 1923 год. Стр. 173.

Гюисманс известен у нас более по переводам его романов «Наоборот» и «В пути». В силу присущей этому писателю книжности, он вводил нашего читателя в круг художественных вкусов и устремлений того поколения, которое выдвинуло и питало символизм. Он говорит в «Наоборот» о латинской литературе эпохи упадка, о французских писателях—Бодлере, Маллармэ, Вилье де-Лиль Адане и дает апологию искусственности в лице героя книги Дезэссента. В 1906 году, когда роман «Наоборот» был переведен на русский язык, он оказался созвучным господствовавшему в России литературному течению—символизму.

Роман «В пути» (перев. в 1911 г.)—показатель католической реакции Гюисманса; в этом автобиографическом романе писатель Дюрталь постигает душевное умиротворение в траппистском монастыре. Эта спиритуалистическая реакция была воспринята в России в послереволюционный период.

Такое произведение Гюисманса, как «У пристани», осталось неизвестно широ-

ким читательским кругам. Оно относится к натуралистической манере творчества французского писателя. Ведь Гюисманс—участник сборника «Вечера в Медане», которым дебютировал писательский кружок Золя — натуралисты — Мопассан, Гюисманс, Энник, Сеар, Алексис.

Романы «Наоборот», «В пути» давят грузом книжной эрудиции, литературной критики. В них-то и в героях—самом писателе как личности, интерес романов: писательская манера в этих романах не остра. «У пристани» интересно как раз со стороны литературных приемов, как натуралистическое произведение.

Построение романа «У пристани» («En rade»—собственно «На рейде») определяется тем, что это—эпизод, пребывание разорившегося парижанина Жана Марля с нервно-больной женой в деревне. Взят, как бы «кусок жизни» и вдвинут в несколько случайную по размерам рамку романа. Задача—дать деревню с ее «стяжательными инстинктами и скотскими нравами» и «землю», прозаическую в труде и творчестве.

Первое достигается рядом жанровых картин, точно живопись фламандцев,—стариков крестьян, деревенского трактира, телящейся коровы, случки скота.

При этом дана та прямота и четкость описаний, которая определяется и темой, и приемами изображения деталей, характерными для натуралиста, сторонника Золя, пользующегося методом «чистого наблюдения», от которого сам Гюисманс позднее отказался.

Второе—в явном пренебрежении горожанина, человека индустриальной культуры, к «поэтичности» земли. Вот примеры, развенчивающие представление о грандиозности картины уборки хлеба: «Под небом обыкновенного синего цвета—люди с обнаженными волосатыми грудями воняли и потели и мерно резали косами какие-то ржавые кучи. Какой жалкой казалась эта сцена в сравнении со сценой завода или брюха океанского парохода, озаренного огнями топок». Гюисманс говорит о «бесцветной работе на полях» на ряду «со страшным великолепием машин».

Пренебрежение к красоте «естественного» сказывается и в отношении «эпического величия быка».

Тут чувствуется и некоторое символическое развитие мотива «любви». Это—«лирика», «старая ошибка романтиков», тут «нет никакого основания бряцать на лире», «ничего ни импозантного, ни гордого. В отношении лирики весь этот порыв сводится к нагромождению двух масс говядины, которых лупили палками, наваливали одна на другую и разнимали, как только они коснулись друг друга,—опять же при помощи палочных ударов».

При всем отрицательном городском отношении к природе пейзаж у Гюисманса дан своеобразно. Движение, свет и красочные пятна, подобно живописи импрессионистов. «Светлая точка пробуравила тьму, вытянулась в острие и резнула рубцом света тетку Норину, сделавшуюся вдруг огромной. Норина сложилась вдвое, как на шарнире. Ноги ее легли горизонтально на землю, а бюст и голова вытянулись и достигли верхушек деревьев»; и «Со стороны Ренердьер косить только еще начинали. Тут всюду были большие шляпы, ни одной головы, разве кусочек спины где-нибудь, и повсюду букеты задниц, двигающихся на широко расставленных ногах размеренным и медленным темпом», наконец,—«Наверху, над рощами Таши, небо точило неуловимые, тончайшие опилки бледной лазури, почти сирени, как испарения, которые выделяет распаленное небо по утрам и тон которых темнеет после полудня. Деревья, замыкавшие горизонт, казались смутными массами серо-мышиного цвета, смягченного пеплом, который дрожал в воздухе».

Со стороны психологической в романе «У пристани» имеется несколько глубоких наблюдений из области бесконечно малых психологических величин обыденной жизни. В частности,—мастерские страницы посвящены снам. Описания эти ценны по своей выразительности и сновидческим приемам. Композиционная роль эпизодов со снами не отличается четкостью.

Книжность, характерная для творчества Гюисманса, сказывается в одном из снов—посещении Луны: и в мыслях об алкалоиде—птомаине, в мрачной фантазии о благоухающих экстрактах,—мускусе, сирени, флер д'оранже, извлекаемых из трупов,—об эссенциях детей.

запахах отцов и т. д.,—и в сравнении репейников с железными арабесками на немецких гравюрах XV века.

Перевод хороший. Имеются, однако, оплошности, в роде—«это были цветы, которые растут на дорогах, болезненная цветочная *сволочь*»—une flore égrotante, une gueuserie de fleurs» нужно перевести, примерно,—«цветы болезненные, нищие»; или стилистические—«Другие, видимые сзади, казали только, над впадинами крупа, свои хвосты».

М. Эйхенгольц.

РИХАРД ЭДЕН. Эйнштейнова соната. Роман. Пер. В. Онегина. Изд. «Петроград». П. 1923. Стр. 168.

Времени в нашем смысле, по мнению Р. Эдена, не существует. Нет ни прошедшего, ни будущего. Пребывает только настоящее, и те же лица всегда находятся в тех же отношениях с теми же лицами. Меняется обстановка, согласно изменению состава крови, но этот химический процесс протекает не во времени. Если посредством какого-либо соответствующего аппарата ввести человеческое сознание в бытие той вселенной, какую называют кровяным шариком, то оперируемый будет перемещен в новый порядок времени и включен в новый ряд событий, присущих этому кровяному шарику. Таким образом, одному обиженному жизнью и любовью горбуну удается создать машину, доставляющую ему возможность экспериментировать над своим преследователем—сыщиком. Сыщику приходится одновременно существовать в XX веке, как сыщику, в XVII веке, в качестве мессии—Саббатая Цви, и в том же XX веке, но на пятьдесят лет позже, сначала стариком, а по омоложении—15-летним мальчиком, молодость которого продолжается только сутки, за какое время он успевает обольстить столь же омоложенную старушку, что предусмотрено и карается горбуном. Кара двойная и одновременная: Саббатая Цви сажают на кол в XVII столетии и недалеко от Дамаска, а сыщика отравляют одновременно, но в XX веке, в заваленной снегом хижине скалистых гор. Есть еще много разного другого и прочего в этом романе, но читателю, полагаю, ясен его истинный смысл. А он таков: в современной Германии интеллигенту пора стать либо фашистом, либо коммунистом. В обоих случаях есть риск потерять драгоценную жизнь. Идеалом для некоторых является сохранение в неприкосновенности собственной кожи. Отсюда жажда обеспеченной нейтральности позиции и потребность в идеологии, ее обосновывающей. Отсюда и радостный, хотя и безграмотный узор на мнимой теории Эйнштейна. В самом деле, зачем беспокоиться: немцы на Руре—и в стране голод, но автор одновременно живет в четвертом веке в Афинах и чувствует себя недурно, он, впрочем, может-быть, никто иной, как и сам Мильеран, но нет возражений и на то, что в данное время он присутствует на Версальской конференции в виде президента Вильсона. А тут люди лезут с какой-то Тюрингией, которую хочет оккупировать какой-то диктатор Кар. Да не Тюрингия это—это Никарагуа, и сама она собирается праздновать победу над последним царем Квинчей-Майев, низложенным третьего дня, мартобря, V века от Фалесова солнечного затмения... Все это хорошо, но если издательства перестанут печатать такие рукописи, а публика их покупать? Как тогда? Ведь и такая чепуха может произойти?—Поскорее бы: пора.

И. А. Аксенов.

МАРТИН АНДЕРСЕН-НЕКСЕ. Счастье. Перев. А. Н. Горлина. Госиздат. М.—Петр. 1923. Стр. 60.

ЕГО ЖЕ. Мыза Даангард. Драма в 7 д. Пер. Д. М. Горфинкеля, под редакцией А. Н. Горлина. Госиздат. М. — Петроград. 1923 г. Стр. 103.

«А на верху, на скалах, возникло странное сказание о «Счастье», которое может посетить и бедняка, но должно принять для этого образ Смерти в виде серого человека»—такое «сказание» и легло в основу рассказа датского писателя Мартина Андерсена - Нексе. С ним мы встретились лишь недавно, после выхода его книги «Пассажиры незанятых мест». (изд. «Новая Москва»).

Первое знакомство, конечно, не может дать исчерпывающего о нем представления, но и по двум произведениям, которые предлагает нам Госиздат, можно заключить,что по художественным приемам Нексе принадлежит к той группе скандинавских писателей - реалистов, которые имеют своим наиболее сильным и законченным представителем Б. Бьернсона. Реализм этих художников в достаточной мере сдобрен символикой, переходящей в чистейшей воды аллегоризм, что, на наш взгляд, только портит общее впечатление тех скромных, несколько тускловатых по тону и вялых по движению картин бедной северной жизни, что обычно рисуется этими писателями. Нексе, впрочем, выделяется тем, что его привлекает жизнь бедняков: крестьян, рабочих и батраков на фермах. Рассказ о суровом труде среди скал Борнгольма (острова на севере Балтийского моря) мог бы быть и более значительным, если бы не был в конец испорчен тем аллегоризмом, о котором я упомянул, и о котором достаточно ярко (в смысле стиля также!) свидетельствует выписанная выше заключительная фраза рассказа. Для русского читателя эта туманная символика, блекло воплотившая образы Смерти и Счастья (конечно, смерть и счастье—с заглавных букв!), эта символически аллегорическая риторика давно изжита. Драма Нексе «Мыза Даангард» написана под неотразимым влиянием ибсеновских «Призраков». Ситуация ее «семейной интриги»—сколок с той трагедии, которую так мощно вскрыл Ибсен. Фру Бон и ее гуляка сын, мот, унаследовавший от пьяницы-отца все его пороки,—копии фру Альвинг и художника Альвинг. Но ибсеновская трагическая коллизия находит вариант своего разрешения: фру Альвинг не имела мужества отравить сына,—фру Бон это делает. Эту кардинальную сцену пьесы Нексе ведет в чисто мелодраматической манере, убивающей всякое психологическое ее правдоподобие. Отравив сына, старуха Бон поджигает дом и сама, очевидно, погибает в огне. Этот эффект понадобился автору для того, чтобы подчеркнуть гордую непримиримость этой фру, которая, не дрогнув, собственными руками, убила сына, чье распутство повело к гибели «Мызу Даангард», но которая, вместе с тем, не захотела эту усадьбу отдать новым хозяевам.

«Если уж нам суждено попасть сатане в лапы, то мы и Даангард возьмем с собою. Я никому не позволю рассесться на твоем месте», говорит она умирающему сыну под «последний занавес». Если откинуть «семейную трагедию», трактованную совсем не оригинально, и обратиться к социальному мотиву, являющемуся основным в этой пьесе, то, надо признать, что с этой стороны она не лишена некоторого интереса. Нексе рисует распад фермерского господского хозяйства, рост недовольства среди батраков и, наконец, победу слуг. Имение, разоренное бездарным хозяйничанием Альберта Бона, по решению Правления Сберегательной Кассы, переходит в руки старшего рабочего Мызы—«Счастливого Пера». Не надо, однако, думать, что имение переходит в собственность батраков. Нет: Мыза была заложена Кассе, и ее Правление, заинтересованное в том, чтобы ссуда не пропала, отдает землю в аренду на льготных условиях тем, кто, на взгляд Правления, может поднять упавшее хозяйство. Так скромно и вполне благонамеренно разрешается земельный вопрос, при чем и этот, отнюдь не коммунистический, взгляд на вещи Сберегательной Кассы автору едва ли не кажется актом революционным, ибо все обиженные батраки, еще вчера готовые сбросить хозяйский гнет, теперь довольны мудрым решением Господина Директора Правления Кассы! Драма отягощена (и в сущности без всякой нужды) еще одной мелодраматической подробностью: счастливчик Пер оказывается сыном некоей девицы—мамзель Келлер, которая и открывает ему тайну его происхождения. Нетрудно догадаться, что отцом Пера был муж госпожи Бон. Таким образом, буржуазная мораль, встревоженная революционным решением Сберегательной Кассы, отдающей землю *батраку* Перу, может быть спокойна. Пер хоть и «с левой руки», а все-таки сын барина! В пьесе есть один эффект, неизбежный, повидимому, для всех скандинавских драм: среди ее персонажей есть идиот. От этого излюбленного действующего лица северяне отказаться никак не могут!

Лозунг пьесы—«Труд и порядок». Но характерно, что он вложен в уста не Пера, а... директора Сберегательной Кассы!

Чисто в драматургическом отношении пьеса сделана неуверенно. Не думаю, чтобы она вошла в репертуар русского театра. Русскому зрителю покажется уж слишком наивным это «революционное» разрешение земельного вопроса с *помощью Ссудной Кассы!*

Юрий Соболев.

ЛЮДВИГ ФУЛЬДА. Тень осла. Комедия в 3-х действиях Стр 202. Государственное Издательство. М. — П. 1923 г. «Всемирная Литература».

Знаменитая легенда о городе глупцов, Абдере, использованная Виландом, разработана Людвигом Фульда в форме комедии. Жители Абдеры благоденствуют, праздная знать занята, преимущественно, любовными делами. Они презирают философа Демокрита (родоначальника атомистической теории), вернувшегося из далеких стран и с улыбкой созерцающего жалкую сферу и корыстолюбие своих сограждан. Между тем в городе возникает судебный процесс: погонщик Анфракс судится с врачом Струфионом, нанявшим у него осла; врач сидел в тени осла, пользование тенью требует, по заявлению погонщика, особой оплаты. Судья теряется, выносит двусмысленное решение; истец неудовлетворен. На защиту истца и ответчика выступают демагоги: правый отстаивает Струфиона, левый — Анфракса. Решение процесса переходит к правителю Абдеры Оноланю. Начинаются интриги: жена погонщика проникает к архонту и отдается ему. Архонт уже готов решить дело в пользу погонщика, но жена архонта находится в связи с врачом и требует от архонта решения в пользу своего любовника. Задача становится неразрешимой. Демагоги красноречиво раздувают процесс, усматривая в нем яркое проявление классовой борьбы; они прославляют и врача и погонщика как доблестных представителей своих классов. Возникают две партии—партия осла и партия тени. Начинается гражданская война; но в этот момент является сторонняя власть—македонский царь — и разрешает конфликт энергическим вмешательством. Царь овладевает Абдерой; он берет себе и осла и деньги врача. Он оставляет в городе наместником Онолая и присвояет городу герб с изображением осла.

С этой забавной фабулой сплетены проходные сцены: любовь Демокрита и танцовщицы Ирис, прибывшей из Афин, где она совершенствовалась в своем искусстве.—Абдериты не признают великолепного искусства Ирис. Демокрит мстит глупцам. Он сообщает им свое изобретение: надо положить перышко воробья на грудь спящей женщины, тогда она во сне проболтается; каждый муж может уличить в измене свою жену. Абдеритки в ужасе, не спят по ночам, истребляют воробьев и т. п.

Вряд ли следует в этой блестящей комедии-шутке усматривать проявление авторского мировоззрения, видеть в ней убежденное издевательство над богачами и трудящимися, а также прославление интеллигентской беспартийности (Демокрит, не желающий примыкать ни к одной из партий) и т. п. Пьеса написана в 1921 году, автор—свидетель грандиозной борьбы—и не за тень осла, а за удовлетворение основных человеческих потребностей. Комедия Фульда—социально-интересна как предостережение против мелких распрей, вырастающих иногда под влиянием демагогии в жестокую и катастрофическую борьбу; в такой трактовке она приемлема и для русского театра.

В. Волькенштейн.

ЭПТОН СИНКЛЕР. Ад. Перевод С. В. Ш., под. ред. Лозинского и Е. Замятина. Госиздат. П. 1923. Стр. 168.

Популярный у нас романист в этой книжке является в несколько неожиданной роли драматурга. Притом драматурга фантастической пьесы, написанной стихами. Естественно предположить большой интерес читателя к этой новой маске любимого автора. В пьесе происхо-

дит следующее: насмешник чорт—Бич, украл ключи от рая, и черти могут хозяйничать на земле свободно. Они немедленно учиняют войну между государствами Горизонталов и Вертикалов. Людей, не желающих воевать, черти преследуют и отправляют в ад. В числе отправленных в пекло находятся и Уоблы (американские синдикалисты, индустриальные рабочие мира—сокращенно Ай Допль Дплью) во главе со своим вождем Билем Хейвудом. Этот беспокойный элемент производит революцию в аду, где к тому времени развились достаточно классовые противоречия. Организовав новый строй в аду (в организации много помогает Хейвуду там же оказавшийся Либкнехт), новые силы выходят на поверхность земли и начинают ликвидировать войну. Однако, несмотря на поддержку сошедшего с креста товарища Иисуса, мирное разрешение конфликта не удается — актеры, исполняющие пьесу, вступают во взаимную драку и отказываются играть пьесу, в которой усматривают большевистскую пропаганду Наконец, обнаруживается на сцене персонаж, непредусмотренный автором: это настоящий и подлинный чорт, имя которому—глупость.

Пьеса страдает длиннотами и на здешний взгляд несколько наивна: многое из того, что еще надо доказывать в Америке, у нас было показано весьма наглядно за время гражданской войны. Развязка направлена именно в сторону того безобидного юмора, который осуждается в тексте пьесы, а стихотворное изложение, видимо, обличает в авторе «100%» поэта-любителя. Такому впечатлению еще больше помогают дубовые свойства перевода: «Отторгли от домов крестьянских парней—Взревели пушки, затрубили трубы—Полны людьми мчат поезда на фронт—Летят два мощных государства в пропасть!»

Слабое место творчества Синклера: отсутствие воли к революции, в этой его книге выступает тем сильней, что абстрактный аллегоризм изложения отнимает у этой его работы наиболее сильный элемент его романов—бытовую иллюстрацию его критики современного капитализма. Тем не менее, в истории антимилитарной литературы появление драмы «Ад» весьма показательно: она свидетельствует о том, что беспредметный пасифизм Роллана (см. его аналогичную драму Лилюли) перестает казаться идеологически пригодным элементом. Радикальная интеллигенция Запада, в лице Синклера, подвинулась вперед. Подвинулась, правда, всего на шаг или на два, но и за то спасибо. Для начала и это хорошо.

Д. И. Аксенов.

ГАРАЛЬД БЕРГСТЕДТ. Александерсен. Странствия пилигрима. Перевод с датского. А. Ганзен. «Всемирная Литература». Гиз. М. 1923. Стр. 385.

Собственно говоря, такие, как сочинение Бергстедта, нескладно-протяженные аллегорические фантасмагории от века были достоянием безнадежно бездарных авторов. Что вы скажете о книге, где участвуют такие фигуры, как господь бог, чорт, призрак Сократа, Христа, есть город Молодежи, Город Плоти, Река Смерти, аллегорическое шествие человечества и т. д. На этих райских и адских полях люди носят или слабо-изобретенные чужеземные имена, или честные датские (негра зовут Нильсом, он людоед, за степой его жилища воют волки); разговаривают они так, как полагалось бы разговаривать датскому мужику (иногда вспоминается старик Андерсен)—и говорят они все о вещах самых что ни на есть предпоследних, настроение у них строго-экклезиастическое, насчет суеты-сует, этакое обывательское, перед гробом полузнакомой тетушки воздыхание на тему о том, что «все там будем», тут же какой-то социализм для шестиклассников, жалобы Христа о извращении его учения, при чем Христос разговаривает голосом неудачника-изобретателя с сильным оттенком неврастении, какие-то диковинные города, все это друг с другом не связано, свалено в одну громадную, нескладную кучу под четыреста страниц, иной раз перебито редкими удачными ходами хорошего грубого (опять-таки мужицкого) шаржа—и все это вместе оставляет читателя в совершенном недоумении. Если бы заставить

нервного, много и без-толку читавшего юношу лет на семнадцать написать все, что он думает, то, вероятно, получится произведение в роде «Александерсена», живой пример на великое изречение Козьмы Пруткова об объятии необъятного. Вряд ли автор сам мог бы рассказать, о чем он писал и что именно он имел в виду изложить, тем более, что нельзя понять, где автор сам смеется над своими аляпыми до-нельзя Городами Духа и Плоти, а где он искренно умиляется рисуемыми им пейзажами, намалеванными с совершенно исключительным безвкусием, а ужасная «философия» Бергстдта в лучшем случае напоминает упражнения в том же роде Джерома К. Джерома.

Итак, все это—нелепо до последней степени, читается с великим трудом, все эти пародии пародий, вся эта издевка, уложенная в разливанную олеографию, иной раз кое-где напоминающую Уленспигеля,—и, однако, нельзя никак сказать окончательно, что это плохо. В этом во всем есть своя сила, прорывающаяся через кучу нелепиц, через обязательство быть во что бы то ни стало язвительным на все фронты сразу,—это имеет под собой какую-то твердую почву и несомненный талант немалого размера. А вот почему этот талант расходуется на такие сооружения,—это уже секрет, который читателю не раскрыть ни за какие коврижки....

В предисловии указано, что газета «Политикен» полагает, что этим романом Бергстедт «распахнул своему творчеству тяжелые ворота в мировую литературу»; не беремся судить о том, чем завалены эти ворота в Копенгагене, но опасаемся, что тяжесть их в большой мере создана именно такими произведениями, за которыми и ворот-то этих знаменитых не видать.

Всего страннее то, что Бергстедт, начав роман прекрасным юмором, напоминающим немецкую сказку (бр. Гримм: не Гауф, конечно), тяжелыми, но по-своему вескими картинами негрского людоедского поселка; мрачной и широкой историей бегства Александерсена и Торбины в волчьих шкурах, их волчьей жизни,—падает в какую-то бездну нелепицы,—в водоворот бессмыслицы, — изображая так называемое культурное человечество. Он охватывает сразу грандиозный диапазон, но он убог и микроскопичен, ибо из живых фигур там чуть ли не три человека, доведенных до самого балаганного шаржа. Этот балаган вдруг—собственно ни с того ни с сего—отправляется путешествовать в мир молекулы (история со свечкой, карликом и вечностью); напоенный самой панихидной мрачностью, Город Смерти оказывается убогой лавчонкой по продаже саванов, чудесное путешествие процессии апостолов в часах вдруг разлагается в какое-то скучное баловство примитивного и жалкого искусства,—и тогда балаган Леона Ахиллеса оказывается головой выше апостольской абракадабры.

Нельзя себе представить, чтобы все это было написано «с заранее обдуманным намерением», это вылилось само собой, непосредственно, это брызжет слюной, кричит, вопит, стучит кулаками, надрывается от хохота, застывает в трансе, дарит мимобегущей улыбкой, ерничает, ругается, ротозейничает...—да чего еще не делает эта невероятная книжка!

Бергстедт, выражаясь фигурально, выходит на мир—дурак дураком. Его поэзия не то, что «глуповата», как когда-то улыбнулся Пушкин, его гений—форменный олух царя небесного, Ганс—простофиля из старинной сказки. Он выполз в жизнь из своей волчьей, занесенной снегом конуры, с великолепными олеографиями о «хорошей» барской жизни. Они были грандиозны, неописуемы, расплывчаты и так красивы, что одурь берет. Он их вам показывает, и их красота—это рай интеллектуального бегемота, они лезут на вас такими эффектами, что в глазах рябит. Тогда Бергстедт вдруг забегает сзади,—оказывается вся лавочка держится на трех гвоздях, держит заведение известный в нашей слободе притонодержатель, за вход берут грош, и надо бога благодарить, если живой уберешься. Исходя из этих двух противоположностей, Бергстедт заводит уже вовсе невыносимую путаницу, какую-то ярмарку глумления—и все кончается трюком; душа героя находит другое тело и возвращается в деревню. Нельзя даже спрашивать, что это значит, это значит и слишком много и ничего ровно. Эмоционально это почти грандиозно, по-

знавательно—это пустое место. Откуда это выросло? не есть ли картина эта—зарисовка глубоких, взбороздивших Европу психологических бедствий интеллектуального простолюдина; бедствий, порожденных войной, нейтралитетом маленькой проспекулировавшейся Дании, молочного царства, куда слетелись все стервятники военных поставок, разломавшие экклезиастический быт протестантства, полагавшего что его незаметные труды создают грандиозную картину культуры. Но Бергстедт обегал все, где можно найти моральную культуру, и—бежал обратно в деревню. Нет сомнений, автор одарен в высшей степени и ему можно простить многое, но, разумеется, в надежде, что его сардонический сумбур окончится, и появится нечто положительное.

Перевод прозы более или менее сносен, но стихи переведены с исключительной для нашего времени бездарностью и безграмотностью, что, при обилии безработных стихотворцев у нас, кажется необъяснимым.

Ц. Юрлов.

СЕТОН-ТОМПСОН. Рогач. Госиздат. 1923 г. Стр. 72.

ЕГО ЖЕ. Тито. Госиздат. 1923 г. Стр. 73.

Рассказы Сетон-Томпсона и Вильяма Лонга принадлежат к числу тех немногих, которые можно вполне рекомендовать для детского чтения, и поэтому Госиздат поступает вполне правильно, издавая их. Это—рассказы наблюдателей, из которых дети почерпнут много сведений о жизни животных, почерпнут в живой, простой и увлекательной форме, чуждой всего нравоучительного и фальшивого. Но у каждого из этих писателей своя индивидуальность: Томпсон—охотник, а Лонг—наблюдатель жизни животных. В соответствии с этим у первого мы видим часто охотничий задор и больше сцен смерти и убийства, в то время, как у второго больше чуткого внимания к жизни и психологии животных и тонкости в наблюдении их. При полном отсутствии сентиментальности или какой-либо слащавости это заставляет нас оказывать предпочтение Лонгу. Хорошо тут и индивидуализировать: детям одного типа давать больше Лонга, а другим и того и другого. Но, повторяем, хорошее детское чтение дают оба. У Сетон-Томпсона имеется также и героический элемент. Напр., Рогач (горный баран) является настоящим героем, и борьба с ним охотника Скотти, тянувшаяся целых три года, напоминает какую-то полумифическую борьбу древнего эпоса. Ну, конечно, не без преувеличений тут, как во всяком повествовании о героях. Но если такие преувеличения допускаются для людей, то почему не допустить их и для животных? Потребность в героическом жива в подростках, и они с захватывающим интересом прочтут этот рассказ. Конец его, все же несколько черезчур трагичен: положив годы на борьбу с диким горным животным, охотник Скотти не вынес своей победы; он стал угрюмым, диким, как бы не в своем уме, он не мог спокойно глядеть в золотистые глаза сделанного им из головы врага чучела. Он не соглашался продать ее, говоря: «Этот баран состарил меня, высосал из меня жизнь!» И совсем уже напрасны мистические ноты конца рассказа, когда ветер, в котором охотнику чудилось предсмертное сопенье его врага, нагнал лавину, уничтожившую и его самого и его хижину. «Охотник предчувствовал ожидавшее его мщение». Этот мистицизм конца рассказа следует выпустить в следующем издании. Выпустить надо также указания о «покровительстве доброго духа и отсутствии злого». И вообще рассказ надо передать более простым, более доступным для наших подростков 10—14 лет языком. Перевод Альмендинген добросовестен, но черезчур рабски следует подлиннику. «Согласно их этикету, горные бараны», ...«С жестокостью, не лишенной сострадания», и т. п. выкрутасы должны быть выпущены. Вообще желателен менее вычурный язык и меньше иностранных терминов, в роде «пик» в смысле горной вершины. То же надо сказать и о втором рассказе того же автора в том же переводе—«Тито». «В каждом волчонке проглядывала уже индивидуальность»... Охотник лелеял планы обогащения»... и т. д., и т. п. Язык должен

соответствовать содержанию, возрасту, для которого произведение предназначено. Но и этот рассказ—история лугового американского волка, менее героический и захватывающий, чем первый, но дающий яркое изображение жизни этих животных, прочтется с большим интересом и должен быть признан вполне подходящим для детей этого возраста.

Д. Елизарова.

А. АЛТАЕВ. Микель Анджело. Библиотека молодой России. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд. Т-во «Книга», Петроград — М. 1924 г. 8°. Стр. 96. Тираж 3000 экз.

Что искусство должно найти себе путь в детскую и в школу, конечно, ясно. Что в истории искусств не мало страниц всяческого педагогического, общеобразовательного и просто занимательного характера—тоже бесспорно, что, вместе с тем, работа популяризатора-педагога должна удовлетворять требованиям фактического характера, устанавливаемым теми дисциплинами, которые попали под болезненный часто прием популяризации, также ясно. По поводу книжки Алтаева о Микель Анджело стоит, помимо всего, вытекающего из этих слишком ясных вещей, поговорить и о другом: неужели в искусстве нечего популяризовать кроме биографий художников? Неужели «жизнь замечательных людей» состоит в перечне анекдотов, изложенных для детей» «старшего возраста»? Мы уже давно строим историю искусств на *памятниках*, а не на рассказах о художниках. Книжка Алтаева, вряд ли очень драматически завлекательная, ибо таковою и не была жизнь его героя, в наших глазах есть самая добросовестная, доброжелательная и в своей области безупречная попытка—в сторону от цели. Ибо в самом деле, стоит ли говорить о художнике, произведения которого не показаны даже в самых скверных каких-нибудь репродукциях, детям или подросткам, которые должны на веру принимать хвалебные отзывы о неведомых им вещах? Жизненный труд производителя превращать в рассказ, сильно сдобренный сентиментальностью, о человеке? Жизнь Микель Анджело, от конца XV до конца XVI века, дала бы умелому историку повод набросать картину исторической эволюции, и искусствоведу—очерк формального восприятия мира в искусстве. Общепринятая популяризация не дала ничего, кроме портрета известной личности, к тому же оторванной от среды. Во всей книге Алтаева ни разу даже не упоминается слова «Возрождение». Чем итальянское искусство и культура отличались от современных, тоже не очень ясно. В книге много рассказывается о папах и тиранах, философствуется о непрочности их положения, «чернь» оказывается недовольной, но о смысле диктатуры Медичи или всех художественных замашек римской курии — тщетно что-либо искать. Книга очень старомодна: у нее неизбежный привкус—переведенной с французского лет сорок тому назад. Не даром даже обозначения флорентинских денег приведены во французских терминах (стр. 13), а «Гирландайо» превратился тоже по-французски в «Гирляндажио!».

Поскольку биография Микель Анджело давно известна, Алтаев ее изложил добросовестно. Хуже обстоит дело с историко-художественной частью, с описанием произведений. Автор, кажется, не знает, что пресловутая «первая работа» Микель Анджело, его фавн,—маска, а не статуя; что «Пиета» была художником выполнена как заказ, а не как дань памяти Савонаролы; в описании батального картона (почему, кстати, он оказался на стене «парламента», которого во Флоренции не бывало?) безнадежно спутаны мотивы Микель Анджело (купающиеся) с Леонардовыми (лошади). По описанию потолка Сикстины очень чувствуешь, что автору было что-то недосуг разобраться в том, что там изображено. Поскольку очень многое из созданного Микель Анджело в книжке не упомянуто вовсе, можно было бы понять, почему автор обошел молчанием и рабов сикстинского потолка и мадонну капеллы Медичи. А вот только, что на сводах Сикстины изображены сцены «от сотворения мира *до рождения Христа*» (стр. 65)—уже вовсе неверно.

Ошибок таких не мало у Алтаева. Вопрос о популяризации истории искусства остается открытым. Печатавшиеся в начале девятисотых годов в «Роднике» очерки о Леонардо того же Алтаева и по истории живописи С. Орловского были, конечно, лучше. Что первичное ознакомление с искусством должно начинаться с показывания—хотя бы фотографий или слепков Музея Изящных Искусств (где Микель Анджело очень хорошо представлен),—а не с биографии—об этом разговор уже принципиален, и не с автором разобранной книжки.

Проф. Д. Сидоров.

ИСКУССТВА.

1. I. О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. «Мирон». II. ЕГО ЖЕ. «Лисипп». *Н. Щербанов.* — 2. «Искусство». Проф. А. СИДОРОВ. Русские портретисты XVIII в. *А. Греч.*—3. А. СТРЕЛКОВ. «Мир Искусства». *А. Сидоров.*—4. I. Н. МОРГУНОВ. Третьяковская Галлерея. II. В. НИКОЛЬСКИЙ. Музей декоративного искусства. *Г. Жидков.*—5. Э. ГОЛЛЕРБАХ. Рисунки М. Добужинского. *М. Горбунков.*—6. РОБЕР де ла СИЗЕРАНН. Маски и лица. *Л. Розенталь.*—7. С. ГЛАГОЛЬ. Михаил Васильевич Нестеров. *А. Стрелков.*—8. Г. МАРЦИНСКИЙ. Метод экспрессионизма. *Л. Розенталь.* — 9. П. ДУЛЬСКИЙ. Лев Крюков. *А. Федоров-Давыдов.* — 10. И. В. ЛАЗАРЕВСКИЙ. Несколько неизвестных марок русского фарфора. *А. Греч.* — 11. Проф. Б. ПЕТРИ. Народное искусство Сибири. *Б. Жеребцов.* — 12. ЧАПЛИН. Сборник статей. *Н. Лебедев.*— 13. В. ШКЛОВСКИЙ. Литература и кинематограф. *Н. Лебедев.*

О. Ф. ВАЛЬДГАУЕР. Мирон. Стр. 45+ XXXII табл., с 34 рис.

ЕГО ЖЕ. Лисипп. Стр. 47+XXXII табл., с 31 рис. Государственное Издательство. Берлин. 1923 г.

Напечатанные только в текущем году, но составленные, как явствует из предисловия, еще в 1920 г. две работы О. Ф. Вальдгауера представляют весьма интересные и содержательные монографии, отведенные художественной деятельности двух великих греческих ваятелей,—Мирона и Лисиппа. Разбор памятников скульптуры, так или иначе близких к Мирону, приводит автора к выводу, что Мирон, при всем новаторстве своих мотивов, каковое признавали за ним и античные писатели, был консервативен; он еще довольствовался объективно прекрасным, оставаясь верным своей художественной индивидуальности, которая тяготела более к старой школе с ее отвлеченно-конструктивною схемою, ее теоретическою проработкою человеческой фигуры и взглядом на последнюю, как на архитектурное целое, незыблемое и вечное. Тогда как создания Мирона были во многом прекрасны своей национальностью, Лисиппу выпало на долю наметить и сформовать мировой художественный язык, понятный и Элладе и Востоку. Завершитель еллинского вырождения, Лисипп стал основоположником еллинистического возрождения с его сложным психическим механизмом, когда новый человек почувствовал ту тоску по безграничной шири, что двинула еллинство вглубь таинственного Востока.

Как и другие исследования О. Ф. Вальдгауера в области классической археологии, так и данные монографии отмечены чистым принципом академической школы; в своих выводах автор строго руководствуется показаниями письменных и вещественных источников, применяя к ним методы осторожной и разумной критики, не закрывая пути и к художественно-стилистическому анализу, которым автор владеет с большим, порою оригинальным, мастерством, с неизбежною долею субъективности. Почти всегда то или иное явление искусства выступает у автора на широком культурно-историческом фоне, и здесь мы видим удачное сочетание истории искусства с искусствоведением.

Мы решаемся, однако, отметить некоторые легкие недочеты. Так в «Мироне», думается, не достаточно полно указано влияние и отражение школы Мирона на скульптуры более ранних частей декоративного убранства Парфенона. Трудно согласиться с автором, что неапольская голова Зевса-Амона весьма близка к Мирону: трактовка век и губ решительно противоречат Миронову стилю (ср., напротив, большое сходство в передаче этих частей лица у Дискобола и Персея: обоим им обще это характерное опущение внешней половины нижнего века). В «Лисиппе» к стилистическому разбору композиции Агия (стр. 22 сл.) мы прибавили бы, что обратное (зеркальное) изображение Агия существенно облегчает сравнение его с Апоксиоменом, ибо в этом случае получается убедительное композиционное сходство обеих статуй. Положение автора, что только в мюнхенской женской голове (рис. 24) можно найти черты Лисиппова стиля, несколько односторонне, так как лисипповский характер присущ, напр., и голове «Старшей Геркуланянки» в Дрездене.

Отрадно видеть, что автором привлечены скульптуры Эрмитажа, кои до сих пор оставались в тени. Изданы монографии на редкость изящно, с отличными четкими таблицами (не совсем удачен лишь в «Лисиппе» рис. 12, где у Гермеса вышли усы, коих у него не должно быть), в лаконично-благородной обложке, превосходно сброшюрованы и отпечатаны. Но, как мы знаем из письма автора, последний не получал, во время печатания своих работ, корректур, результатом чего была масса грубых опечаток и небрежностей. С чувством сожаления должны мы привести эти досадные промахи: в «Мироне» на стр. 14 читаем: «триумвир Антонин», вместо правильного: «трйумвир Антоний»; на стр. 23 стоит: «кроталамы», вместо «кроталами»; на стр. 42 курьезная фраза: «на методах олимпийского храма Зевса», вместо «на метопах»...; подписи на таблицах безбожно перепутаны и фантастичны: на рис. 8 (олимпийский метоп с изображением Афины и Геракла, чистящего Авгиевы стойла) подписано «Афина и Марсий»; на рис. 11 (статуя сидящего Геракла в Palazzo Altemps Рим) внизу написано: «рельеф с фриза храма Афины-Паллады в Афинах»; не на всех таблицах указано местонахождение оригинала в том или другом музее (см. рис. 2a, 2b, 3, 10, 11, 25), причем иногда и в тексте нет ссылки на музей (см. текст к рис. 3, 10, 25); в «Лисиппе» также опечатки: на стр. 13 читаем: «статуя Капроса», вместо «статуя Кайроса»; на стр. 16 «Тиберти» вм. «Гиберти»; на стр. 17 во фразе «Игральная кость в левой руке оказалась лишней» слово «левой» надо заменить словом «правой»; кое-где на таблицах и в тексте опять нет указания музея (см. рис. 7, 18, 28; ср. стр. 24, 30, 38).

Насколько хороши текст и самое издание, настолько же приведенные просмотры тем досаднее, ибо их так легко устранить при более внимательном и вдумчивом отношении к ценной книге.

Н. Щербаков.

«ИСКУССТВО». Редакция П. П. Муратова. Проф. А. А. Сидоров. Русские портретисты XVIII века. Вып. 15. Госиздат. 1923 г. Стр. 42+10 илл., in 16⁰.

Издание популярных руководств по русскому искусству, в связи со все более и более возрастающим к нему интересом в широких кругах населения, является очень нужным и вполне своевременным.

Написание краткого и сжатого очерка,—задача неизмеримо более трудная и ответственная, чем составление большого исследовательского труда. Ошибки, в последнем случае легко раскрываемые специалистами, в популярных руководствах навсегда врезаются в память рядового читателя.

Со своей задачей проф. А. А. Сидоров справился вполне: книжка написана нетрудным, свойственным ему образным языком и дает некоторую схему развития русской портретной живописи в XVIII в. Небольшой обзор литературы, данный в начале, заменяет необходимую в подобных работах библиографию. Прежде чем приступить к отдельным мастерам, автор дает характеристику портретной живописи вообще и русской в частности, указывает на условия ее возникновения и развития. Очень ценными являются здесь указания на «парсунное» пись-

мо XVII в. и на украинско-польские влияния.

Касаясь в немногих словах художников петровского времени, автор подробнее останавливается на творчестве Антропова, первого крупного русского мастера. Нельзя, однако, согласиться с влиянием на него Каравакка и Ротара; проф. Сидоров в данном случае повторяет ошибку А. Бенуа; ведь лучший и типичнейший портрет Антропова Измайлова, исполнен до приезда в Россию итальянского художника. Если уже говорить об учителях Антропова, то приходится скорее назвать Вишнякова, имени которого, к сожалению, автор здесь не называет.

В строках, посвященных Лосенко, проф. Сидоров, со слов С. Эрнста, ошибочно считает автопортретом художника мужской портрет в Румянцовском музее, являющийся созданием немецкого художника XVII в. Едва ли правильно также строить характеристику мастера по невполне достоверной работе—изображению г-жи Хлюстиной. Лосенко скорее бытописатель мужского лица и потому вещи в роде Генингера или Волкова были бы здесь более уместными, хотя и они, как вообще все портретные произведения мастера, окончательно за ним не закреплены. Зато очень хорошо охарактеризовано автором творчество Левицкого, сопоставляемого им по значительности художественного дарования с Фрагонаром. Что касается до Рокотова, то едва ли можно определить его художником «непохожим на себя в разных вариантах живописи своей... мертвенным и неприятно деревянным по формам» (стр. 22). Все это вполне применимо к ряду спорных произведений, к ряду так наз. «рокотоидов», но вовсе не характеризует художника, рисующегося нам мастером с удивительно мягкой, подчас, манерой письма, чудесного колорита, как это дальше и отмечается автором.

Нельзя вполне согласиться также и с оценкой Н. Аргунова, как промежуточного звена между Левицким и Боровиковским. Н. Аргунов вовсе не лишен «всяческого обаяния». Воспроизводимый в книжке портрет Грибовской далеко не лучшая его вещь и, действительно, написан достаточно сухо. Такие же портреты, как гр. П. И. Шереметева в костюме пастушки, чудесная пастель, являющаяся любопытнейшим образчиком русского рококо, или ее же портрет 90-х годов поколенный с красной шалью, оба находящиеся в Кускове, показывают глубокое и серьезное, подчас не лишенное драматичности, творчество художника.

Обзором творчества Боровиковского заканчивает проф. Сидоров свою работу, намечая дальнейшие вехи в истории русской живописи XVIII века; здесь автором блестяще раскрыта в немногих словах проблема соединения человека и природы в портретном искусстве.

Снабженная рядом хорошо подобранных и удовлетворительно исполненных воспроизведений, книжка А. А. Сидорова является первым популярным руководством в данной области и потому заслуживает всяческого успеха.

Д. Греч.

АЛЕКСАНДР СТРЕЛКОВ. «Мир Искусства» Гос. Изд. М.—П. 1923. Серия «Искусство». Под ред. П. П. Муратова. Вып. 35. 16°. Стр. 27+5 нен.+9 илл. Ц. 50 к. Тираж 5000 экз.

Брошюра А. С. Стрелкова является чуть ли не первой монографией, посвященной общей характеристике того примечательного художественного направления, которое трактуется современностью как давно пережитое, но вряд ли так окончательно сдано в архив, как представляется. Сдержанный размером и общим планом серии, автор дает ряд в общем верных определений, но не «Мира Искусства» в целом, а отдельных художников, входивших в группу, так именовавшуюся (Сомов, Бенуа, Бакст, Лансере, Добужинский, Головин, Малявин, Рерих, Браз, Якунчикова, Ционглинский, Малютин, Билибин, Поленова). Общая идеология у группы автором отрицается (стр. 3). История объединения, выставок, распадов и реставраций, слияния с «Союзом Русских Художников», выход из «Союза», привлечение новых «левых» сил—вся взволнованная, ярко-красочная и достаточно увлекательная история

довоенной художественной нашей жизни автором ни в коей мере не затронута, что заставляет желать, чтобы книжка именовалась как-то иначе (например, «Петербургские художники круга «Мира Искусства»), оправдывая в этом случае общими задачами серии свою, весьма досадную в иных случаях, краткость, отсутствие характеристик иных упоминаемых мастеров (Гауш, Яремич, Грабарь), слишком малое место, которое отведено указанию общего исторического значения всей группы.

Нельзя не указать на шаткость терминологии автора. Заклятое слово «стилизация» употребляется в трех разных значениях, один раз (в противопоставлении «натурализму» принципиально, стр. 11) определенно не очень удачно («стилизация» не есть «абстракция», о которой говорил излагаемый здесь автором Воррингер). Самое применение понятия к отдельным мастерам порою рождает недоумение. На стр. 5 написано, что искусство Сомова, Бенуа и других «не стилизация и не подражание какому-нибудь мастеру прошлого или какой-нибудь старой школе». На стр. 14 про одного из названных на стр. 5 художников утверждается как раз обратное: «Но путь его—все-таки стилизация и уход в прошлое». Конечно, автор неправ, совсем обойдя идеологию группы, ни словом не коснувшись полемической, критической и литературной вообще деятельности Бенуа и Рериха. Конечно, жаль, что автор позабыл упомянуть о целой группе художников, явившихся для «Мира Искусства» вторым призывом (непростительно забвение Нарбута). Конечно, Поленова, умершая в год возникновения Дягилевского журнала, не должна была бы включаться в группу «Мира Искусства», как и передвижник Малютин. Конечно, надо было бы указать на *причины* возникновения всей группы, на основы «недовольства современностью», отбросившего петербургских эстетов в ретроспективное мечтательство. Можно было бы весьма настойчиво пожелать, чтобы налицо был хотя краткий формальный анализ достижений и приемов «Мира Искусства»—и вместе с тем следовало бы все-таки признаться, что все эти пожелания являются слишком тяжелой артиллерией, направленной против вполне безобидной и добромысленной статьи, к числу достоинств которой относится ее конкретное построение с частыми ссылками на Третьяковскую галлерею.

Укажем, что издательство не выполнило своего обещания, и вместо 10 дало только 9 репродукций.

Проф. А. А. Сидоров.

Н. С. МОРГУНОВ. Третьяковская Галлерея. Вып. 1—серия «Искусство» под редакцией П. П. Муратова. Гос. Изд. М. 1923 г. in 16°. Стр. 56+14 стр. воспроизведений. Тираж 7000 экз. Цена 50 коп.

ВИКТОР НИКОЛЬСКИЙ. Музей декоративного искусства. (Оружейная Палата.) Вып. 6 той же серии. Гос. Изд. М. 1923. in 16°. Стр. 36+10 стр. воспроизведений. Тираж 7000 экз. Цена 50 коп.

Обе эти небольшие книжечки роднит их характер, рассчитанный, думается, на вполне определенную аудиторию. Простота и доступность развития темы, простота и ясность изложения—все это делает их понятными широкому, специально в вопросах искусства не подготовленному, читателю, будет ли это член рабочего клуба или школьник. Если прибавить еще, что задачу, поставленную, очевидно, авторами брошюр—дать некое «введение» в обозрение коллекций таких крупных музеев, как Третьяковская Галлерея и Оружейная Палата,—они выполнили удачно, то остается только отметить, что Госиздат сделал очень нужное дело, выпустив эти брошюры.

И та и другая открываются весьма уместными краткими рассказами истории собраний, коим книжки посвящены. Так начавшись, работа В. Никольского знакомит с исключительными коллекциями Оружейной Палаты, их систематикой и теми задачами и планами, которые теперь предполагает осуществлять Палата, уже как музей «высших достижений декоративного искусства» (стр. 32).

Материал, которого пришлось коснуться В. Никольскому, чрезвычайно обширен и разнообразен (оружие иностранное

и русское; галлерея драгоценностей гражданских и церковных; коллекции серебра—русского, аугсбургского, нюренбергского, гамбургского, лондонского, парижского; собрания экипажей, мебели, ткани и костюма; резьба по камню, кости, хрусталю и т. д.); понятно, что обзор лишен каких-либо историко-художественных или технологических детализаций.

Несколько иной тип получился у книжки о Третьяковской Галлерее; в результате наличия здесь более узкой и определенной темы,—работа Н. С. Моргунова (к тому же по размеру несколько большая, чем у Никольского) превратилась в краткий очерк истории русской живописи, отправляющийся в суждениях, преимущественно, от картин и рисунков Галлереи и ими иллюстрируемый. Автор говорит сначала о древне-русской живописи, затем указывает на моменты связи живописи XVIII в. с XVII, что особенно важно, в виду чрезвычайно распространенного преувеличенного мнения о необычайно резкой границе между искусствами этих двух столетий. Далее следуют свеже написанные характеристики творчества отдельных мастеров и художественных группировок от XVIII в. до наших дней. Отдельные страницы посвящены памятникам русской скульптуры. В общем ознакомившийся с брошюрой—будет иметь правильное представление об основных моментах истории русской живописи, что послужит к более сознательному усвоению материалов Третьяковской Галлереи.

И все же, когда читаешь книжку Н. С. Моргунова, даже и в таком кратком очерке, как-то все время хочется характеристик еще более конкретных с большим еще вниманием к художественной форме, более точных историко-художественных указаний с представлением, в какой-то мере, фактов нашего искусства на общеевропейском художественном фоне. Но можно ли здесь винить в чем автора? Ведь «популяризация» предполагает что-то, что можно популяризировать. Научная популярная брошюра популяризирует тот научный опыт, который явился в результате специальных детальных исследовательских работ. В области русского искусства таких работ, как раз, немного, а по новому русскому искусству и почти совсем нет. Но они будут; создание их—то, над чем трудятся сейчас передовые группы наших историков искусства не только в Москве и Петербурге.

Г. Жидков.

Э. ГОЛЛЕРБАХ. Рисунки М. Добужинского. Госиздат. Москва—Петроград. 1923. Стр. 104 с иллюстрациями.

Странная книга... В ней, по крайней мере, полтора десятка прекрасных мастерских рисунков, но зато что ни страница, что ни строка, то недоуменье, вопрос и протест.

Высказать все сразу невозможно,—пришлось бы слишком много цитировать; упорядочить же возраженья,—но как? Сама книга, несмотря на посулы — уяснить психологические основы художника, с одной стороны, и исследовать рисунки—с другой,—почти совсем не дает первого и, тем менее, второе.

Перед нами эстетически и художественно-исторически весьма просвещенный автор: в начале книги он так непринужденно приводит два обычных приема художественной критики—субъективный и объективный—и, зная всю современную их зыбкость, как будто правильно намечает себе путь членораздельного сочетания их обоих в виде психологического и «онтологического» методов.

Но... процитирован философский авторитет Соловьева о возможности разнообразного—до противоположности—суждения об одном и том же произведении искусства, и онтология взята почему-то в кавычки, гордо заявлено о самостоятельности художественной критики и, естественно, допущен «творческий» произвол в ней, сделано признание в преимущественном значении художественной личности и все проблематические нормы эстетики заменены отжившей метафизической лирикой в отношении к старому (с красными лишь переименованиями?!) Петербургу и зловещей балладикой—к новому.

Даже личный вкус, столь ценный своей подлинностью в искренней критике, автором не обнаружен,—его как будто просто нет.

Отсюда ослабленное научное отношение к предмету, не признающее и не созидающее никакой теории ни искусства вообще, ни рисунка в частности, и ограничивающееся то смутными, то парадоксальными догадками случайного характера в роде того, что «графика, это — точка на белом листе», или игры между «графикой» и возведенным в понятие «Петербургом», по которой то «графика» породила «Петербург», то, наоборот, «Петербург породил графику». Отсюда весь текст, хранящий, правда, следы некоторой историографии (в датированных данных о жизни и произведениях художника), но теряющий значение даже ее. Отсюда литературщина, своеобразный провал в беспредметность. Отсюда и наше недовольство, наши возражения.

В самом деле: где иллюстрации тех бесчисленных и разнообразных мест, в которых вольно и невольно протекала жизнь нашего художника? Где иллюстратор Берталь к любимому в детстве Готорну, где Буш и Доре? Где зарисовки насекомых диковин, животных? Где сравнение оригиналов Мате, «Запорожца» Репина, «Леса» Шильдера с ранними копиями их пером и акварелью? Где репродукции с работ учителей: русского офортиста Дмитриева-Кавказского и немцев-мюнхенцев: врага деталей Ашбе, натуралиста Голоши? Где повлиявшие другие иностранцы прерафаэлиты, импрессионисты и Матис «Симплициссимус», где старшие в «Мире Искусства» и сознательно отвергнутый, вопреки всеобщему увлечению, Бердслей? В чем же оказалось влияние Валлотона? Где Голландия—днем, ночью и в тумане? Где роденбаховский город Брюгге? Где «демонический», а мы теперь сказали бы: «тейлоровский» город фантастических «Снов» художника, напомнивших автору «Застенки» Пиранези? Где целый ряд разнообразных мотивов русской провинции, о которых с чувством рассказано, но ничего не показано? Где сопоставление первого и последующих посещений и работ художника в Вильно, Витебске, Пскове и других городах России? Италии? Где вообще Италия, Франция, Германия, Дания, Норвегия, Польша, Галиция, быт фронта? Где столь привычные иллюстрации художником прочитанного, где шаржи, карикатуры, силуэты, рисунки для фарфора, книжные знаки, где хоть один набросок обнаженной натуры, в которых он все время упражнялся? Где, наконец, рисунки Добужинского до 1905 года,—ведь до 30-летнего возраста в этом году им сделано уже не мало, а с 1898 г. они зарегистрированы автором самим? Зачем так много «вялых» портретов и ни одной репродукции с книжных украшений, иллюстраций, в последние три года, свидетельствующих о живом еще таланте художника? Почему нет опытов интересных «граттографических» иллюстраций к собственным «Воспоминаниям об Италии». Ведь снимки с всего этого показали бы нам, с одной стороны, зрительный опыт художника, а с другой,—также развитие его художественной практики; и следовало бы их дать не только из внимания к неопытному читателю, но и для искусствоведа—в целях проверки.

Это в отношении к первой, собственно биографической, части. Что касается психологии, то и здесь мы продолжаем спрашивать с упреком: какая-такая «необходимость» породила в туманном Петербурге графиков, а в Лондоне—живописца Тернера? Что «современного» в метафизическом неприятии большого города и в сентиментальном юморе—к дворянству и гоголевской провинции? Да и важно ли это в Добужинском, зарисовавшем Петербург Достоевского, не говоря уже о массе и других мотивов, напомнивших невольно автору розановский афоризм о приятии и увековечении каждого мига? О какой передвижнически «разоблачительной» тенденции можно говорить у скромно-углубленного в свои графические студии Добужинского? Что за полу-вейнингеровские разговоры о разлагающем антиномизме (конечно, в мировом масштабе?!) перед лицом, то «степенно», то «виртуозно» творящего, по нашему же—неустанно развивающегося, художника? Как примирить утверждение

о «мире, как представление», с заведомою данностью шаблонных и ординарных мотивов? И сколько пережитка декадентства в одной этой паре словечек «изысканная обыденщина»? На основании этого материала можно построить психологию питерского интеллигента 1900 г., а не художника.

Наконец, в теоретическом отношении: разве можно рисунки считать только средством проникновения в лабораторию творчества и не признать самостоятельного значения их, или, в известных нам трех случаях, привести подготовительные рисунки, а равно и не сравнить их с картинами? Разве можно характеризовать рисунок и пристрастие к нему только аскетическим отсутствием в нем цвета и трехмерного пространства и в то же время находить достоинства его в иллюзии у зрителя того и другого? Или твердить о декоративности черно-белых пятен в графике и не дать почти ни одной иллюстрации к этому, кроме чуть приближающихся «Белых ночей». Что за медвежья услуга художнику, когда, чтоб опровергнуть любезное по существу усмотрение Евреинова во всех работах Добужинского «штампа», т.-е. стиля, автор предпочитает утверждать бесценный в нем дилетантизм? И сколько фальши в приписывании «вялым» портретам мистических и «вечных черт в едином мире»? Как можно говорить что-нибудь о художнике, не указав при этом ни на одну из 30 репродукций?

Мы ничего особенного не требуем от автора-искусствоведа, кроме как показать действительное значение фактов *биографии* на развитие художника; установить художественную, а не иную волю, в *психологии* его и подвергнуть живому пересмотру ходячую теорию предмета и специализировать ее в *исследовании* избранного цикла самих произведений. Тогда только художественная критика сможет желанно направлять искусство. Писать же текст без иллюстраций и давать иллюстрации без текста—нельзя.

М. Горбунков.

РОБЕР де ла СИЗЕРАНН. Маски и лица. Знаменитые портреты Итальянского Возрождения. Перевод Е. С. Поляк. Графика В. Фаворского. Часть I. Издание С. И. Сахарова. Москва. 1923 г. Стр. 99 + 8 иллюстраций. Тираж 1000 экз.

Многим сейчас совершенно чужд тот пафос повышенного интереса к «содержанию» картины, которым обычно проникнуты писания Сизеранна и который явился причиной создания лежащей перед нами книги. Сизеранн не искусствовед, а скорее писатель по вопросам искусства и эстетики. (Напомним его книгу о Рескине и статью «Темницы искусства».) Обращаясь к анализу отдельных художественных произведений он стремится к всесторонней оценке, но все же преимущественно останавливается на их поэтических достоинствах, подчас весьма слабо ассоциирующихся с внешними формами. Не случайно ему так полюбились английские художники конца XIX в., которых он старался популяризировать на континенте.

Описывая мост S. Trinita во Флоренции он обязательно вспоминает «встречу Данте и Беатриче» Холидея (стр. 98). На наш взгляд эта картина, отличающаяся банальной внешней «красивостью» и столь популярная среди чувствительно настроенных мещанских кругов, внимания не заслуживает. Именно за «салонность», за чрезмерную «литературность» и пренебрежение задачами живописи XX век отнесся холодно, даже враждебно, к художникам, протежируемым Сизеранном. Великими среди английских мастеров были признаны совсем другие, те, на которых указал Мейер-Греффе.

Впрочем, Сизеранн уверяет, что он умеет радоваться лишь красоте картин и «не искать в них ничего, кроме отношения художника к природе, игры света и теней, понимания рисунка, очарования краски» (стр. 4). Однако, неизбежно наступает день, когда его начинает «тревожить загадка личности» изображенного на портрете. Хочется за *маской*, явленной на холсте, увидеть *лицо* живого человека. Эту органическую потребность—возможно полнее воспринять данное художественное произведение—

наш автор очень скромно называет любопытством. Из такого любопытства родилась его книга. Восстанавливать подлинные образы давно умерших людей, изображенных на картинах старых мастеров, признается исследователь, «это уже не эстетика; это—история, но к изучению ее привела нас эстетическая проблема» (стр. 5).

Внимание Сизеранна привлечено рядом произведений живописи Итальянского Возрождения, в которых мы видим образы исторических личностей. Далеко не всегда дело идет о портретах в полном смысле этого слова. Можно не сомневаться, что на фреске из виллы Лемми перед нами Джованна Торнабуони, но в то же время в женской фигуре, принимающей подношения, мы узнаем не только прекрасную флорентинку, но и одно из воплощений творческой мечты Боттичелли. Джованна, запечатленная в рассказах современников, далеко не «адэкватна» той Джованне, которой ныне любуются в Лувре. Об этом—увы!—исследователь не говорит, словно забывая, что всякий портрет есть отражение душевного мира и самого творца. Индивидуальные особенности данного художника в расчет не приняты. Гирляндайо многим персонажам на фресках в С. Мария Новелла придал черты сходства с людьми того времени, но их внутреннего мира не отразил, да и не был в силах этого сделать. Поэтому врывающаяся с корзиной на голове женщина в «Рождении Иоанна» не есть «воплощение» Симонетты. Здесь лишь случайное совпадение, дающее материал для очень удачного аллегорического истолкования (стр. 46).

В сущности Сизеранн мало выявляет органическую связь между воссозданными им самим образами Джованны Торнабуони, Симонетты Веспуччи, Лукреции деи Медичи и соответствующим иллюстрационным материалом. (Снимки с картин и фресок.) Что же касается самих жизнеописаний, то таковые сделаны очень живо, на основании хорошего знания источников и с большой интуицией. Исследователь сам говорит, что он вопрошал не только архивы, но и камни. Правда, знаменитые флорентинки XV в. встают перед нами не такими, какими они были на самом деле, а такими, как их «стилизовали» описания современников. К тому же обрисованы они вне социальной среды, что отчасти лишает их образы нужной убедительности.

С большей четкостью и выразительностью очерчены Туллия Арагонская (широко использована работа Гвидо Биаджи о ней), Элеонора Толедская и Бьянка Капелло. Кстати, приложенные портреты Моретто и, особенно, Бронзино здесь действительно нужны. Жаль только, что, стремясь чрезмерно, а быть-может, и тщетно ближе подойти к исторической правде, Сизеранн не пересказал многих легенд о Бьянке Капелло, как то сделал Муратов, давший более яркий образ этой выдающейся женщины XVI века.

Несколько слов в заключение о русском издании «Лиц и масок»,—книги, безусловно говорящей много всякому, кому душевно близка эпоха Возрождения. Непонятно, зачем понадобилось отдельно выпустить первую половину труда Сизеранна, а не дать его русскому читателю сразу целиком. Перевод, по всей видимости, тщательный и не без претензий передать своеобразие языка и стиля оригинала. Жаль только, что все итальянские цитаты приводятся лишь в подлиннике. Стихи же на стр. 23 следовало бы воспроизвести не по-французски, а по-русски. Очень досадно, что на стр. 66 появляется никому неведомый Иоанн Болонский вместо всем известного скульптора Джованни Болонья (Jean Bologne). Прекрасным украшением книги является графика Фаворского, изысканная и вместе с тем лаконичная, быть-может, только несколько случайная. Зато очень неприятны иллюстрации; нельзя подпись под картиной помещать на наклейке, а у последней оставлять широкие, неаккуратно обрезанные поля.

Л. Розенталь.

СЕРГЕЙ ГЛАГОЛЬ. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. Собрание иллюстрированных монографий. Под ред. Игоря Грабаря. Вып. 5-й. Москва. Изд. «Кнебель». Стр. 122 текста и 87 репродукции.

Монография Глаголя о Нестерове является пятым выпуском задуманной Игорем Грабарем серии о русских художниках, скульпторах и зодчих. Автор, ныне покойный, был поставлен перед серьезной и ответственной задачей,—дать исчерпывающий очерк творчества мастера, жизненный и творческий путь которого еще не завершон. Автор был принужден дать наиболее спокойную, наиболее объективную характеристику художника, что порой бывает более, чем трудно применительно к своим современникам. Глаголь более чем удачно вышел из трудного положения, в которое был поставлен. Несмотря на то, что методологически работа является бесспорно устаревшей, и подобная оценка и раскрытие облика мастера нас не может вполне удовлетворить, мы должны признать за монографией о Нестерове целый ряд положительных качеств. Глаголь дает обильный биографический материал, умело описывает психологию художника в тот или иной период его жизни, удачно подводит нас к истокам его творчества. Для автора как-то в стороне осталась вся задача изображения эволюции технических приемов мастера, и в этом мы ощущаем некоторый недостаток в работе Глаголя. Ценным является список произведений Нестерова, доведенный до 1914 года. Обильные иллюстрации, особенно воспроизводящие рисунки художника, послужат, конечно, ценным историко-художественным материалом.

Видимо, монография заготавливалась давно, так как отпечатана она по старой орфографии, и лишь по причине, не зависящей от издательства, не могла появиться до сих пор на рынке. О том, что книга предполагалась быть изданной с приложением цветных репродукций говорит приведенный список в конце книги, оставшийся неосуществленным.

А. Стрелков.

ГЕОРГ МАРЦИНСКИЙ. Метод экспрессионизма. Перевод Б. Казанского. Под редакцией и с вступительной статьей Н. Э. Радлова. Петроград. Изд. «Academia». 1923 г. Стр. 62+24 рис. Тираж 2000.

Перед нами отнюдь не декларация принципов нового художественного направления, а обстоятельное исследование как методов экспрессионизма, так и его внутренней природы и философского обоснования. Несколько апологический тон автора не вредит объективности самого анализа. Книга предназначена для определенного немецкого читателя, весьма просвещенного, но не слишком сведущего в делах искусства. Такого читателя не отпугнешь, а скорее привлечешь сжатостью изложения, научной терминологией, рассуждениями умозрительного характера, экскурсами в область метафизики. Но его приходится убеждать в том, что экспрессионизм—«если это и сумасшествие, то все же у него есть метод», и что сходство с детским и примитивным творчеством не предосудительно (стр. 45). Марцинский сопоставляет всем доступную и общепризнанную до-импрессионистическую и импрессионистическую живопись (его примеры: Беклин, Коринт, Либерман и др.; в русском издании вместо их картин даны снимки с произведений более популярных у нас французских мастеров) с современной (Мейднер, Клэ, Бауэр, Шагал и пр.). Он стремится показать, что последняя, не воспроизводящая, а деформирующая действительность в целях выражения совершенно нового отношения художника к миру, имеет все права на существование. Характерно, что при этом почти совершенно игнорируются столь влиятельные в других странах, с Сезанна начавшиеся, тенденции деформизма ради чисто живописных или формальных целей.

В России именно эти тенденции были до последнего времени особенно значительны. Тем не менее, интересно познакомиться с экспрессионизмом, движимым в своем отказе от воспроизведения реального пафосом совсем иного рода. Книжка Марцинского не только дает характеристику этого нового ти-

пично немецкого направления в искусстве, но и затрагивает ряд вопросов общей теории художественного творчества. Все исследование распадается на три главы, из которых каждая представляет собой самостоятельную статью. В первой дан блестящий и глубокий анализ метода импрессионизма, его «техники» видения и воспроизведения. Но новое течение не только противостоит импрессионизму, вторая глава посвящена «метафизике экспрессионизма». Автор исходит из понятия о нерасторжимой и взаимнообусловливающей связи между объектом и субъектом нашего сознания. «Предыдущее искусство принадлежало к стороне объекта», новое—субъекта. Произведения первого—«субъективированные объекты», второго — «объективации субъектов». Все эти определения неясны, звучат «довольно фантастически», но иначе изображать «метафизические отношения», по словам Марцинского, вряд ли возможно. Самих причин возникновения новых форм искусства он не вскрывает. Лишь догматически утверждается, что экспрессионистические картины иначе творятся чем прочие, иначе должны быть «созерцаемы». Раньше художественное творчество стояло на ряду с научным мышлением, теперь же находится скорее в связи с религией, с мистикой, так как метод его познания — «расширение субъекта».

Новому направлению творчества соответствует и новый метод. О нем говорится в третьей (самой обширной) главе. Экспрессиониста, утверждает Марцинский, краски интересуют не сами по себе, а лишь своим «чувственно моральным действием». Для него игра чистых зрительных форм («оптическая музыка») неинтересна. Полный разрыв между содержанием картины и натурой невозможен. А так как воспроизведение реальности неприемлемо в силу определенного «метафизического настроения», то остается лишь путь символического изображения. «Экспрессионист вместо воспроизведения видимого идет непосредственно к вызыванию ассоциативного представления психических качеств и использует оптическое явление только как средство к возбуждению ассоциаций» (стр. 50). Отсюда и «метод творческого искажения» во всех его крайних, возмущающих публику проявлениях. Выяснением различных форм этого метода, а также оправданием его значительности и занят исследователь.

В конечных своих выводах Марцинский очень осторожен. Начав с противопоставления экспрессионизма не только импрессионизму, но и всему старому искусству, он потом находит формулировки, объединяющие все направления в искусстве. Так, в вопросе о метафизической природе художественного творчества он приходит к заключению, что «всякое искусство стоит на водоразделе между субъектом и объектом, но прежнее искусство приливает к объекту, как теперешнее к субъекту» (41). То же и о методе. Искусство всегда пользовалось «символами». Только раньше применялись «натуралистические символы», теперь же такие, «форма которых определяется психологическими закономерностями» (стр. 62). Появление книжки Марцинского, изобилующей многочисленными, пускай, спорными, но глубоко интересными мыслями, надо всячески приветствовать. Правда, написана она трудным языком. Приходится пожалеть, что русский перевод мало удовлетворителен. Длинные тяжелые периоды громоздятся один на другой, так что смысла их не скоро доищешься. Встречаются и погрешности против стиля. Непонятно, что должно означать «установление ассоциативных связей... захватывает из одной области, области чувства в другую» (стр. 47). «Пара фруктов»—это не совсем по-русски.

Предисловие Радлова дает общую характеристику экспрессионизма. Новых фактических сведений в нем нет.

Издана книжка изящно и в интересно задуманной обложке. (Неудачны лишь подписи.) Репродукции большого размера отпечатаны на отдельных листах хорошей меловой бумаги. И тем досаднее, что часть из них сделана со старых, никуда негодных, порченых клише, завалявшихся, видимо, в типографии еще со времен журнала «Аполлон».

Л. Розенталь.

П. ДУЛЬСКИЙ. Лев Крюков. Материалы к истории миниатюры в России. Казань. 1923. Изд. автора. 16⁰. Стр. 68.

П. М. Дульский, казанский историк искусства, посвящает главные свои труды изучению искусства местного края как в его историческом национальном проявлении, так и в области русского творчества, имевшего здесь место в исторические и более близкие к нам дни. В области живописи им в сотрудничестве с некоторыми из молодых казанских искусствоведов ведется большая и весьма ценная работа по созданию словаря казанских живописцев.

В связи с этой работой весьма интересными являются несколько изданных им монографий казанских мастеров-живописцев. Рецензируемая нами последняя его работа о казанском миниатюристе первой половины XIX века А. Крюкове относится также к их числу.

В этой небольшой книжке автор дает весьма обстоятельную биографию мастера, составленную, главным образом, на основании архивных материалов, преимущественно из архива Казанского университета, в котором Крюков в свое время был преподавателем рисования. Биография эта занимает половину книжки (32 стр). Другая половина занята перечислением и описанием работ Крюкова, преимущественно миниатюр, хотя указаны и некоторые другие его работы (акварельные портреты и пейзажи).

Данная работа не является первой, посвященной казанскому миниатюристу. О нем написал монографию Б. П. Денике и ему же посвятил статью П. Д. Эттингер. Несмотря на это, работа П.М. Дульского не теряет своего значения, так как дает исчерпывающий фактический материал о жизни и произведениях одного из немногих численно русских миниатюристов. Но здесь скрывается и большой недостаток книжки. Стремясь дать исчерпывающие сведения о Крюкове, автор пересолил в своем стремлении. На ряду с существенными и необходимыми сведениями в книжке помещен целый ряд гораздо менее нужных подробностей. Так, например, читатель должен узнать сколько было детей у Крюкова, как их звали и что из них потом вышло в жизни. Далее он узнает, на какой улице и в каком доме жил Крюков в Казани, у кого он этот дом купил, и кому дом достался после его смерти; последнее доведено чуть ли не до третьего владельца. Упоминая о директоре Яковнине, устроившем Крюкова на службу, автор дает подробнейшую его биографию. Такую же биографию некоего учителя рисования Челиева мы должны читать только потому, что он конкурировал с Крюковым при получении места учителя рисования в университете. Вообще книжка изобилует биографиями. По поводу каждого портрета—если это только не «портрет неизвестного»—автор спешит рассказать нам биографию изображенного на нем лица.

Слаба сторона оценки работ Крюкова со стороны их техники. Совершенно не отмечено, что у Крюкова был излюбленный формат для миниатюр—восьмиугольник с неравными сторонами. А от «материалов к истории миниатюры» особенно ждешь анализа технической и структивной стороны миниатюр того или иного мастера.

Автору повредил, естественный, правда, у коренного казанца, интерес к прошлому быту родного города. Этим объясняется наличие в книжке многого такого, что интересно для казанца, но не имеет значения в более широком масштабе.

Но это все мелочи. В общем же книжка вполне оправдывает свое название и может быть очень и очень полезна как для лиц специально разрабатывающих вопросы русской миниатюры, так и для всех любителей-коллекционеров и интересующихся ею.

Издана книжка очень изящно и с большим вкусом, и в этом отношении, как, впрочем, и большинство последних казанских книг по искусству, может вполне стать на ряду с московскими и петербургскими изданиями.

Д. Д. Федоров-Давыдов.

———

ИВ. ЛАЗАРЕВСКИЙ. Несколько неизвестных марок русского фарфора. Нижполиграф. 1923 г. Стр. 32.

Все в этой небольшой книжке, начиная от желтой обложки со скромной рамкой, красивого шрифта, умело-выбранного формата, кончая цветным воспроизведением марок в тексте и хорошей бумагой,—все заставляет видеть здесь продуманное и хорошо сработанное произведение полиграфического искусства. Разбираемая книжка по своему внешнему виду—точно изящно изданный проспект широко задуманного труда по фарфору. Подобное точное в графическом и красочном отношениях воспроизведение нескольких совсем или мало известных марок русского фарфора както разжигает надежды на возможность составления, вернее, переиздания селивановского труда со всеми привнесенными с течением времени поправками и дополнениями. Однако, внешняя сторона книжки отвлекла нас от ее содержания. Здесь автор, знаток и коллекционер фарфора, делится своими соображениями по поводу ряда «таинственных марок», которые он так или иначе старается расшифровать. Таковы любопытные сведения по поводу заводов Кокошкина, бр. Пономаревых и др. Сведения, сообщаемые И. Лазаревским, освещают и некоторые вопросы, связанные с историей производства в России. Так, очень интересны сведения о работах француза Ламбера на Юсуповской фабрике, получавшей из Севра «белый товар» и своей маркой вводившей в заблуждение коллекционеров и исследователей.

Ряд ценных сведений сообщает автор и о других частновладельческих заводах кн. Ю. В. Долгорукова, Девятова, Бахметевском и Мардашевском.

Настоящая работа, таким образом, довольно ценный вклад в скудную в сущности литературу по русскому фарфору.

Д. Греч.

Проф. Б. Э. ПЕТРИ. Народное искусство Сибири. Иркутское отдел. Сибгосиздата 1923 г. 900 экз. Стр. 28.

Несмотря на то, что проф. Петри говорит исключительно о народном искусстве сибирских туземных народцев, книга его ставит вопрос весьма важный не только для сибирских, но всех вообще культурных работников С. С. С. Р. Под влиянием различных потрясений последних лет исчезает народное искусство нашего Севера, Украины и др. местностей. В особенности быстрым темпом идет распад искусства, всей вообще культуры мелких народцев, оставшихся на первобытной ступени развития: разных там чувашей, черемисов и т. п. Перед культработниками встает серьезная задача содействовать спасению для науки исчезающих остатков этой культуры. Известно ведь какое важное значение придает марксистская наука изучению первобытной культуры.

С этой точки зрения небольшая книжка профессора Иркутского университета Б. Э. Петри является безусловно полезной, хотя и не исчерпывает всех вопросов собирания памятников первобытной культуры, так как трактует только о памятниках народного искусства. Каждому учителю, желающему быть не только учителем, но и настоящим культурным работником в своем селе, можно смело рекомендовать прочесть ее. Проф. Петри дает ряд практических указаний к распознаванию, собиранию, классификации и хранению произведений народного искусства и к созданию местного музея. Для учителей особенно интересны его советы по собиранию детских рисунков и игрушек, сделанных детьми.

Б. Жеребцов.

ЧАПЛИН. Сборник статей: П. Богатырев, Макс Линдер, К. Терешкович, В. Шкловский, Ч. Чаплин. Рисунки В. Грюнберга. Издательство журнала «Кино». Берлин. 1923. Стр. 128.

Чарли Чаплин бесспорно самое интересное явление в области так называемой художественной кинематографии.

Именно, он—создатель первой в кино «маски»—ввел в кинематографию так излюбленный народами всего мира здоровый *гротеск*. И именно он—первый актер фильмы, понявший сущность кино, как совершенно самостоятельной независимой от театра области зрелищных искусств.

Чарли Чаплин — самая популярная личность на Западе. Более популярная, чем индустриальные короли, буржуазные политики и даже... боксеры. И эта популярность—в широких, главным образом, средних и пролетарских слоях. Творчество его, если и не может быть названо пролетарским, то вполне подходит под рубрику демократического (в хорошем смысле этого слова).

У нас, в России, его знают еще очень мало. Ибо те несколько старых картин, которые демонстрировались на московских экранах, не достаточно характерны для современного, уже определившегося Чаплина, а недостаток метража этих картин не дал возможности широким зрительским массам познакомиться даже и с ними.

Но рано или поздно наши кино-прокатчики исправят свою ошибку—ввезут в С. С. С. Р. всего «Чаплина», и русский зритель сумеет детально ознакомиться с его творчеством.

Сейчас же можно порекомендовать лицам, интересующимся работой этого лучшего кино-актера, прочесть изданный в Берлине и посвященный ему критический сборник.

Самое интересное в этом сборнике—статья самого Чаплина: «Чаплин о себе», к сожалению, переведенная крайне небрежно.

В этой статье он пытается проанализировать те способы, при помощи которых ему удается «рассмешить людей».

«Комические фильмы имеют столь большой успех потому,—пишет Чаплин,—что в большинстве из них изображают полицейских чиновников, которые проваливаются в водосточные трубы, спотыкаются, попадают в ведра штукатурщиков и маляров, вываливаются из вагонов,—словом, попадают в самые разнообразные приключения. И фильма создает комичное положение для лиц, которые являются представителями власти и всецело проникнуты сознанием важности своей роли... Вид всех их злоключений и авантюр заставляет публику смеяться гораздо больше, чем если бы те же бедствия происходили с обыкновенными гражданами».

В другом месте он также подчеркивает социальный характер смеха:

«Публика любит смотреть, когда ей показывают, как богатые попадают в нужду и горе... Зрители вообще бывают довольны, когда богатым людям выпадает худшая доля. Это является следствием того, что девять десятых людей бедны...»

Дальше он переходит к причинам обще-психологическим:

«Другая черта, которой я часто пользуюсь, это—любовь людей к контрастам и к неожиданностям. Достаточно известно, что люди вообще любят борьбу добра и зла, борьбу между богачами и бедняками, между счастливцем, которому везет, и неудачником, что они любят в течение нескольких минут попеременно то смеяться, то плакать. Для зрителей сам контраст уже вызывает интерес, и вот почему я к нему постоянно прибегаю...

«...Не меньшее значение, чем контраст, я придаю удивлению, неожиданности. Я всегда стараюсь создать неожиданность. Если я убежден, что зрители ожидают, что я буду итти по улице пешком, то совершенно неожиданно я вскакиваю в карету».

Чаплин останавливается также и на опасности «переборщить»:

«...Это желание казаться слишком смешным. Есть такие фильмы и такие пьесы, где зрители смеются так искренно и так много, что они уже не могут больше. Многие актеры стремятся уморить зрителя со смеха, но мне кажется лучше, так сказать, рассеять смех. Вызвать несколько искренних раскатов смеха лучше, чем заставлять всю залу непрерывно смеяться в течение нескольких минут».

«Я стараюсь особенно не преувеличивать или не подчеркивать какой-нибудь отдельный момент. Я мог бы преувеличением скорее уничтожить смех, чем каким бы то ни было иным средством. Если я слишком утрирую свою походку,

если я буду слишком грубым, опрокидывая кого-либо, то это обесценит фильму. Это одна из причин, которые заставляют меня мало любить первые фильмы. Один или два пирожка со сливками, быть-может, и представляются смешными, но когда все дело, весь смех зависит только от бросания сливочных пирожных, то фильма делается монотонной».

Последнее замечание особенно полезно для тех, кто по первым картинам Чаплина пытается вывести заключение, что юмор его фильм всегда груб и однообразен.

Конечно, приведенные мною, основные мысли Чаплина ни в коей мере не исчерпывают сложного и малоразработанного вопроса о природе комического в кино, но для уяснения мастерства Чаплина они дают много.

Следующим по значительности материалом сборника являются статьи П. Богатырева—«Чаплин и Kid» и «Чаплин—мнимый граф». В первой из них Богатырев анализирует работу знаменитого актера в одной из его последних (и лучших) фильм «Kid» («Дитя»). Во второй—автор пытается, при помощи «формального метода» своей школы, показать, что искусство Чаплина берет свое начало из старинного народного театра и пантомимы.

В статье «Новое в фильмах Чаплина» К. Терешкович делает попытку проследить историю развития мастерства Чарли, деля весьма примитивно всю его артистическую деятельность на три периода: довоенный, во время войны и послевоенный. Некоторые факты, приводимые Терешковичем, не лишены остроумия.

Самой неинтересной оказалась статья редактора сборника—В. Шкловского—«Чаплин — полицейский», представляющая собой не что иное, как довольно пространную рецензию на одноименную фильму.

В приложении даны заметки Макса Линдера «Чаплин» и записки секретаря американского комика «Как работает Чаплин».

В общем книжка, при всей неравноценности помещенного в ней материала занятна, и, принимая во внимание полное отсутствие на русском языке литературы по киноискусству, инициаторы издания ее заслуживают благодарности.

Внешность книги (за исключением сомнительной ценности рисунков) хороша.

Николай Лебедев.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ. Литература и кинематограф. Русское Универсальное Издательство. Берлин. 1923 г. Стр. 64.

Литература по кино на русском языке совершенно отсутствует. Правда, еще семь лет назад (в 1916 г.) почти одновременно в Петрограде и Москве появились две книги: «Кинематограф в практической жизни» Е. Маурина (в Петрограде) и «Кинематография» М. Н. Алейникова (в Москве). Обе книги были рассчитаны, главным образом, на владельцев кино-театров, трактовали сразу обо всех многообразных проблемах кино, и большой ценности не представляли. Тем не менее, в свое время они довольно быстро разошлись, и сейчас на книжном рынке нет даже и этих изданий.

С 1916 года по сей день в России не было выпущено ни одной книги по кино (если не считать тощего дилетантского сборничка «Кинематограф», вышедшего в свет в 1918 году и заполненного всяким пропагандным—о роли и значении кино—материалом).

К стыду нашему, ни Госиздат, ни другие советские издательства до сих пор не приступили к восполнению этого пробела. И кинематограф, это явление не меньшей, чем книгопечатание, важности, но значительно большей, чем последнее, производственно - организационной сложности, до сих пор не имеет своей, так настоятельно нужной, литературы.

Этот стыд усугубляется тем, что за рубежом эта литература издается. По крайней мере, две первые книжки по этому вопросу мы из Берлина имеем. Первая книжка на тему «Литература и кинематограф», вторая — сборник «Чаплин».

Остановимся пока на первой.

Книжка эта написана не кинематографистом; затрагивает очень маленький

кусочек кинематографического бытия, но сам факт появления ее даже в эмигрантском издательстве нужно считать положительным—все же некоторое «движение воды».

Автор ее—Виктор Шкловский—талантливый филолог; выдумщик так называемого «формального метода» в поэзии; остроумный, но путанный человек. Тема книжки (литература и кинематограф) интересна и в будущей «теории искусства фильмы» займет почетную главу.

Установить границу, отделяющую кино от литературы; наметить пути рационального «обмена крови» между обоими видами искусства; поставить теоретически основные проблемы вопроса—задача интересная и благодарная.

В. Шкловский со своей задачей не справился. В книге имеется все: и популяризация его пресловутого «формального метода», и его рассуждения о путях литературы, и презрительные фельетонно-развязные афоризмы о кино, и бесчисленные цитаты из кого-угодно—начиная с Зенона и Канта, кончая Андреем Белым и индейцами Британской Гвинеи. Среди всей этой смеси имеется несколько остроумных и дельных (хотя и не очень новых) мыслей, в роде совершенно правильных замечаний о Чаплине, и о возможных путях развития искусства фильмы.

Безусловно интересна, к сожалению, очень поверхностная, попытка разобрать существующие формы построения кинематографического сценария при помощи формул выработанных морфологической школой для произведений литературы. В кинематографическом сценарии, как и в литературе, автор находит все известные нам виды сюжетного построения: «развернутую параллель», «сюжет-загадку», а также их разновидности: «сюжетную перестановку», «торможение действия» и т. д.

Эта часть книги (глава «Сюжет в кинематографии») должна быть признана самой удачной.

Но — повторяю—*всей* своей задачи автор не выполнил. Ибо тема—литература и кинематограф—слишком серьезна для того, чтобы с таким в сущности однобоким орудием, как формальный метод, без историко-материалистического подхода можно было ее одолеть.

Книжка не удалась. Польза от нее и кинематографисту-теоретику и широко интересующемуся вопросом читателю, невелика.

Но да пристыдит эта берлинская брошюрка наших спящих издателей, и да будет она первым пробным камешком в деле издания уже настоящих, написанных специалистами, книг о кинематографе.

Николай Лебедев.

ХРОНИКА

НА ЗАПАДЕ*).

ГЕРМАНИЯ.

▫ Мюнхенский исследовательский институт по изучению морфологии культуры опубликовал в Штуттгартском объединении немецких издательств (Union Deutsche Verlagsgesellschaft, Stuttgart) серию работ под общим названием: «Afrikanisches Heldentum; Forscher, Völker und Kulturen des dunkeln Erdteils», под редакцией Лео Фробениуса. Вышло шесть томов следующих авторов: I. *Л. Фробениус* и *Ф. Бибер* «Zur Herrlichkeit des Sudans». II. *Г. Бурместер* «Im Lichte des Orients», с предисловием Фробениуса. III. *К. Беккман* и *Ганс Шеель* «Pioniere im Westen», с предисловием Фробениуса. IV. *Г. Х. Аде* и *А. Г. Цигфельд* «Pioniere im Osten», также с предисл. Фробениуса. V. *К. Беккман* «Der Kampf im Süden» и VI. *А. Г. Цигфельд* «Im Reiche des Meergottes». Последний том посвящен изображению расцвета и падения культуры атлантической Африки.

▫ В выходящей под редакцией *Раймунда Шмидта* (Reymundt Schmidt) серии «Современная философия в авторском изложении» («Die Philosophie der Gegenwart in Selbstdarstellungen») опубликован IV том, содержащий статьи *Гаральда Геффдинга*, *Германа Кайзерлинга*, *Вильгельма Оствальда*, *Леопольда Циглера*, *Теодора Циген* и *Константина Гутберлета*, излагающих в них свои философские воззрения.

▫ В издательстве Кесселя и Пустеда в Кемптене (Kössel und Pusted Verlag) вышли две новые работы по психоанализу: проф. *Линус Бопп* «Современный психоанализ, католическая исповедь и педагогика» («Moderne Psychoanalyse katholische Beichte u. Päd.») и д-ра *Рабан Лирца* (Rhaban Liertz) «Wanderungen durch das gesunde und kranke Seelenleben». Первая из упомянутых книг составилась из лекций, читанных в течение последних двух лет проф. Боппом во Фрейбургском университете. Оба автора являются зачинателями так наз. католической школы психоанализа. При участии д-ра Liertz'a образовалось общество «Изучения индивидуальной психологии на основе католического миропонимания» («Gesellschaft für Individualpsychologie auf Grund katholischer Weltanschauung»).

▫ Известный немецкий философ *Макс Шеллер* опубликовал в Лейпциге в издательстве Петера Райнгольда (Peter Reingold Verlag) два тома новых своих сочинений под общим заглавием «Schriften zur Soziologie u. Weltanschauungslehre»). В это издание вошли в переработанном виде его статьи из нашумевшей книги «Война и восстановление» («Krieg und Aufbau») и много неопубликованных до сих пор статей. Первый том носит специальный подзаголовок «Moralia» второй — «Nation und Weltanschauung».

▫ В издательстве Шванна в Дюссельдорфе вышла книга *М. Виттмана* «Макс Шеллер, как моралист» (M. Wittmann «Max Scheller, als Ethiker»), посвященная вопросам современной этики. Книга эта является 3-им томом издания, выходящего под редакцией проф. Тилльмана («Abhandlungen aus Ethik und Moral», red. von prof. Tillmann).

▫ В издательстве Юлиуса Шпрингера в Берлине опубликовал свою но-

*) Хроника по С.С.С.Р. в настоящий номер не вошла за недостатком места.

вую работу проф. *Вальтер Ф. Отто*. Работа посвящена исследованию греческой, римской и семитической религий и народных верований. Книга вышла под заглавием «Die Manen, oder von den Urformen des Totenglaubens».

▫ На немецком языке в Берлине, в издании автора, вышла книга японского ученого *К. Сатоми* под названием «Древне-японский идеализм и его развитие» («Alt-japanischer Idealismus u. seine Entwicklung»).

▫ *Вальтер Стрзода* (Walter Strzoda), известный немецкий переводчик с китайского, выпустил сборник китайских новелл («Die gelben Orangen der Prinzessin Dschau»). Книга эта, вышедшая в Hyperion-Verlag'е в Берлине, является первым сборником из серии, выходящей под названием «Поэзии Востока» («Dichtungen des Ostens»).

▫ В немецком переводе Г. Страшнова (G. Straschnov) вышла книга чехословацкого писателя *Арнэ Новака* о чешской литературе. Книга вышла в Праге в издательстве И. Флеша (I. Flesch) и носит подзаголовок «Die tschechische Literatur aus der Vogelperspektive».

▫ В издательстве Фр. Коена (Fr. Kohen) в Бонне вышла монография *Е. Р. Курциуса* «Бальзак» (E. R. Kurtius «Balzac»). Одновременно с этой книгой в издательстве Эрнст Ровольта в Берлине начало выходить полное собрание сочинений Бальзака в переводе на немецкий язык. Пока вышло 6 томиков небольшого формата. Библиография отмечает достоинства перевода и издания. В числе переводчиков: О. Фляке, Р. Шапир, П. Цех и др.

▫ В издательстве книготорговли Феер в Сент-Галене вышла работа *Петера Шмидта* «Мартин Лютер и борьба классов» (Peter Schmidt «Mart. Luther u. der Klassenkampf». Buchhandlung Fehr-Verl.).

Художественная литература.

▫ Вышла новая книжка *Вольдемара Бонзельса*, известного русским читателям по его книге «По Индии». Книга издана в Штуттгарте в Deutsche Verl.-Anstalt и называется «Jugendnovellen».

▫ *Казимир Эдшмид* в Дармштадте в издательстве «Dachstube» выпустил книгу, иллюстрированную литографиями Эрны Пинер, «Zur Naturgeschichte der Antilopen».

▫ *Б. Келлерман* в издательстве Фишера в Берлине выпустил свой роман «Schwedenklees Erlebnis».

▫ *Гергардт Гауптман* пишет новую драму, главным действующим лицом которой является миннезенгер Ульрих фон-Лихтенштейн.

▫ *Томас Манн* выступал с публичным докладом на тему об «оккультных переживаниях». В Мюнхенском кружке, собиравшемся вокруг известного немецкого психиатра Шренк-Нотцинга, еще перед войной производились и производятся по-сейчас «опыты», о которых подробно рассказывал Томас Манн. Любопытно отметить, что хотя Манн отгораживается от всякого рода спиритических объяснений наблюдаемых фактов, тем не менее, он все же не может отказаться от, в конечном счете, их иррационального объяснения. Свой доклад он закончил словами: «Все это невозможно, но, тем не менее—я это сам видел». Еще одного писателя захватила ядовитая химера разложения европейской культурной жизни.

▫ Среди новейших немецких художественных произведений необходимо отметить трилогию *Рудольфа Бартша* «Der Königsgedanke», «Der Satansgedanke» и «Erlösung».

▫ В издающейся в Триере издательством Ф. Линца (F. Lienz) серии «Die deutsche Novelle» участвует ряд молодых, малоизвестных, но отмеченных критикой, авторов: *Бруно Арндт, В. Леманн, Юлиус Леманн, Бернд Иземан, Поль Гурк* и др. Последний из названных авторов получил недавно премию имени Клейста. В этой серии его перу принадлежит томик рассказов «Dreifältigkeit».

▫ В издательстве С. Фишера в Берлине вышел том избранных стихов *Демеля* «Dehmel-Lieder». В числе новых книг стихов можно отметить томик *Г. Эберлейна* («Brandung»), вышедший в Бреславле в издательстве Беркстада (Breslau, Bergstadt-Verlag).

▫ В издательстве Эрнст Ровольта в Берлине вышла повесть *Мейер-Грэфе*

«Признание моего кузена» («Geständnisse meines Vetters»).

▫ Издательство «Пропилеи» выпустило свой ежегодник «Der Spiegel» Propyläen-Verlag за 1923 год.

▫ В начале февраля в Копенгагене открылась выставка, посвященная Гёте. Ряд немецких профессоров выступит на этой выставке с лекциями, посвященными гетеанским проблемам, его биографии и творчеству.

▫ В музее Политипажей (Kupferstichkabinett) открылась выставка графиков, скульпторов и художников Шадова, Родена, Пауля и мн. других.

Разные издания.

▫ Издательство Тепельман в Гиссене издало книгу *А. Гарнака* «Erforschtes u. Erlebtes». Статьи и речи—частью опубликованные ранее. В отделе книги «Мировая война» приводится два неопубликованных обращения (Denkschrift) автора к Бетман-Гольвегу в 1916—17 гг. по вопросу о необходимости мира.

▫ В начале февраля вышли в Берлине воспоминания *фон-Пайера*, бывшего во время войны 14—18 гг. германским вице-канцлером. В немецкой газете «Vossische Zeitung» перед выходом книги были опубликованы любопытные отрывки из этих воспоминаний.

▫ Издательство Р. Кеммерера в Берлине выпустило любопытную книгу «Газетные шедевры», в которой заключено до ста разнообразнейших газетных статей, фельетонов, заметок, собранных *Э. Э. Кишем* по газетам XVIII и XIX веков. В книге представлены, напр.: Свифт, Бомарше, Демулэн, Марат, Робеспьер, бюллетени Наполеона и т. д.; фельетоны Шиллера, Э. Т. А. Гофмана, Вольтера, Клейста, Бальзака, Золя и др., вплоть до статьи Карла Маркса в защиту Парижской коммуны, статей Мадзини, Кошута и Жореса.

▫ Вышла книга д-ра *Ядесона*, в которой собраны все германские законы о труде, включая и авторские и издательские права («Das gesamte Arbeitsrecht Deutschlands», Dr Jadesohn). Книга вышла в Берлине в из-ве «Industrie Verl. Spaeth u. Linde».

▫ *В. Кулеман* в издательстве Либмана в Берлине опубликовал первый том своей работы, посвященный историческому обзору развития профессионального движения во всех культурных странах. Следующий том будет посвящен обзору международных отношений профессиональных организаций. Книга называется «Die Genossenschaftsbewegung» (из-во Liebman'a).

Книги о России, переводы с русского и др.

▫ В издательстве W. de Gruyter und Co в Берлине под редакцией и с предисловием О. Hoetzsch'a вышла переписка, политическая и частная, *П. фон-Мейендорфа*—русского дипломата при берлинском и венском дворах. Переписка охватывает годы 1826—1863 (в трех томах около 1500 страниц).

▫ В издательстве Уллыптейн (Ullstein) в Берлине вышел на немецком языке с предисловием С. Мельгунова «Дневник Николая II с 1890 года до падения». В немецком перев. книга озаглавлена: «Das Tagebuch des letzten Zaren».

▫ H. Freund выпустил книгу о гражданском праве в Советской России: «Das Zivilrecht Sowjetrusslands». Книга вышла в издательстве I. Bensheimer'a в Маннгейме.

▫ В Лейпциге в издательстве Брокгауза вышла книга *Фритиоф Нансена* «Russland und der Friede» («Россия и мир»; есть русский перевод), где он пытается совершенно объективно дать картину современной России по впечатлениям своим во время пребывания в ней. Книга проникнута любовью к России, верой в ее будущее и в силы народа.

▫ В Гамбурге в издательстве (Hoym'a) вышел перевод книги *Л. Троцкого* «Вопросы быта» («Fragen des Alltagslebens») об эпохе культурного строительства и ее задачах.

▫ В том же издательстве вышел сборник статей, посвященный Красной армии («Die Rote Armee»).

▫ *И. Кашовская* в Берлине в издательстве «Скифы» напечатала свои воспоминания о покушении на Эйхгорна

и Деникина («Attentate auf Eichhorn und Denikin»).

▫ На немецком языке опубликована книжка *Л. Сосновского* (Гамбург, издательство С. Hoym'a) под заглавием «Russland, kein Märchen, keine Legende, sondern Wirklichkeit».

▫ В Лейпцигском издательстве «Inselverlag» вышла книга *Рикарды Хух*, (Ricarda Huch), известной исследовательницы немецкого романтизма. Книга посвящена Михаилу Бакунину, его жизни и учению и называется «Бакунин и анархия» («Bakunin und die Anarchie»).

▫ *Пауль Наторп* (Paul Natorp) издал свою статью «Значение Федора Достоевского для современного культурного кризиса»; книга вышла в Иене в издательстве Дидерихса («Fjedor Dostojewski's Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrisis»).

▫ Интерес к русской литературе в Германии не ослабевает. Появился целый ряд новых переводов с русского. Так, в Мюнхене, в издательстве R. Piper und Co вышел в переводе А. Элиасберга томик *Достоевского* «Petersburger Träume». В издательстве «Greifen-Verlag» вышел том избранных отрывков из произведений *Достоевского*, составленный и переведенный В. Мархольцем (W. Mahrholz) и озаглавленный «Weisheit und Aufruf». В издательстве «Пропилеи» (Propyläen-Verlag) в серии «Произведения мировой литературы» вышел «Обломов» *Гончарова* в переводе H. W. Rohl'я. В издательстве Кассирера (Kassierer-Verlag) в Берлине вышел перевод «Анны Карениной» в двух томах и сборника рассказов—«Семейное счастье», «Метель», «Казаки». Переводчик — Август Шольц (August Scholz). В из-ве «Пропилеи» вышла переписка *Тургенева* с Людвигом Питч, охватывающая 60-е и 70-е годы.

▫ В Штуттгартском издательстве «Der Kommende Tag» вышел в переводе на немецкий язык IV том собрания сочинений *Владимира Соловьева*.

▫ Переведена на немецкий язык С. О. Якобсоном книга *Н. С. Трубецкого* «Европа и человечество».

▫ Совместной работой берлинского издательства Ладыжникова и Мюнхенского—Курта Вольфа осуществляется издание на немецком языке собрания сочинений *Максима Горького*. Вышел уже ряд томов—два сборника рассказов, один — драматических произведений и др.

▫ Переведен на немецкий язык фантастический роман *А. А. Богданова* «Красная Звезда» и вышел в Берлине в издательстве «Verlag der Jugend Internationale». Переводчик—H. Zurmühlen.

▫ В русском берлинском издательстве «Ватага» вышла в переводе на немецкий язык книга «Русских сказок» *В. В. Каррика*. Книга эта переводится также на французский, чешский и польский. В английском и норвежском переводах она уже вышла.

▫ Немецкое издательство Шнейдера выпускает «Живой труп» *Л. Толстого*, иллюстрированный В. Масютиным. Последний свою работу по иллюстрации этого издания уже закончил.

▫ В Берлинском из-ве «Украинское Слово» на немецком языке вышла книга *Г. Гильдебрандта* «Алекс. Архипенко» украш. 66 снимками с произведений художника.

▫ Венгерской полицией наложен арест на книгу мемуаров бывшего президента Венгерской Республики *Каролъи*. Книга была издана в Мюнхене.

▫ Венские фашисты при постановке пьесы *Эрнста Толлера* учинили скандал и постановку сорвали. В Лейпциге вышла новая пьеса Эрнста Толлера «Hinkemann».

▫ В Вюрцбурге в главном здании физического института открыт музей имени Рентгена.

▫ Катастрофическое положение германской интеллигенции нашло широкое сочувствие среди русских работников просвещения и науки. Помощь оказывается многими организациями России. Так, например, Комиссия по улучшению быта ученых выделила из среды своих членов ряд лиц, на обязанности которых лежит планомерная организация помощи. Немецкая пресса, отмечая эту отзывчивость русской интеллигенции к нужде своих западных собратий, с горечью говорит о равнодушии стран, до сих пор поглощенных ненавистническими тенденциями. Из других стран, оказывающих помощь, кроме России,

германские газеты называют Норвегию.

▫ Состоялся митинг германской прессы, собравший в Берлине многочисленную аудиторию. На митинге присутствовали представители политических партий, представители министерств и правительственных учреждений во главе с д-ром Марксом, председатель рейхстага Лебе и другие. Газеты отмечают доклад журналиста Аккермана о чрезвычайно тяжелом положении прессы. В своих речах Маркс и Лебе обещали поддержку и внимание к нуждам прессы.

ФРАНЦИЯ.

▫ В течение 1923 года французская литература потеряла целый ряд писателей. Скончался *Пьер Лоти*, автор многих романов-путешествий, романов из колониальной жизни и т. д., хорошо известный русскому читателю. Скончался *Морис Баррес* (в декабре 1923 года), известный писатель, реакционный политический деятель, нашумевший своею проповедью шовинизма и национализма, автор многих клерикальных статей.

▫ В Париже на 65-м году скончался знаменитый французский художник *Стейнлен*.

По французским журналам.

▫ «Revue de deux mondes» печатает любопытную переписку Наполеона III времен Крымской войны (1854—55).

▫ В «Revue de Paris» напечатаны воспоминания *Анри Жервекса* (художника). Исключительно любопытны страницы мемуаров, посвященные *Дега*, *Гюставу Моро*, *Виктору Гюго* и *Мопассану*.

▫ В «Mercure de France» в конце 1923 года опубликованы новые письма *Жорж Занд* к Пажелло, относящиеся ко времени расхождения Занд с Альфредом Мюссе и рисующие историю этого любопытного романа.

▫ Парижский музыкальный журнал «Revue Musical» выпустил специальный номер «Рихард Вагнер и Франция», заключающий, между прочим, неизданную переписку Вагнера с французскими друзьями и целый ряд статей видных французских музыкальных деятелей о значении Вагнера для французской музыки.

▫ В «Mercure de France» напечатана заметка *В. Бинштока* о библиотеке Ф. М. Достоевского. В «Revue Universelle» напечатана статья *Массиса* о книге Андре Жида, посвященной Достоевскому. Книга эта вышла в середине 1923 года. Андре Жид, руководитель «Nouvelle Revue Française, чтоб ознакомиться с Достоевским в подлиннике, недавно изучил русский язык (ему было 50 лет, когда он приступил к изучению русского языка).

▫ В издательстве «Librairie Gallimard» в Париже в конце 1923 года начал выходить новый журнал на английском языке «The books of France» — «Книги Франции», специально посвященный новой французской литературе. Редакция поставила себе целью осведомить английского и американского читателя о всех новинках французского книжного рынка. В состав сотрудников входят французские, английские и американские писатели. Среди них: *Поль Бурже*, *Жорж Дюамель*, *Валерий Ларбо* (Larbeau), *Андре Моруа*, *Даниэль Галеви*, *Поль Моран*, *Жан Жироду*, *Миддльтон-Мюрри*, *Берресфорд*, *Гилэр Беллок*, *Стори Джемсон*, *Лауренс*, *В. Джордж*, *В. Фрэнк*, *Гаральд Стэрнс*, *Малькольм Коулей*.

▫ В Париже начал выходить журнал «Nos poètes», специально посвященный поэзии и обещающий занять серьезное место среди французских литературных изданий. В первом номере напечатаны пять новых стихотворений J .M. de Heredia, статьи Boyer d'Agen о Марселине Дебор-Вальмор, статья Maxime Formont о Жераре де Нерваль, обзор поэзии сегодняшнего дня и др.

Среди книг и издательств.

▫ После состоявшихся в ноябре 1923 года чествований памяти *Гильома Аполлинера*, по поводу пятилетия со дня его смерти, появился ряд книг, посвященных творчеству этого поэта. Среди

них отмечают книги *Билли* (André Billy) «Apollinaire Vivant avec de Dessins de Picasso et des Poèmes Inédits d'Apollinaire», с иллюстрациями Пикассо. Книга выясняет влияние Аполлинера на современную французскую поэзию. Значительный интерес представляет также книга *Рувейра* (André Rouveyre) «Souvenirs de mon Commerce-Apollinaire-Gourmont-Moreas-Soury». Автор ее—известный французский художник-новатор. Ряд других воспоминаний о поэте собран в последнем номере журнала «Vient de Paraître» за ноябрь. Вышли переиздания книг *Гильома Аполлинера* («Calligrammes», «Le Bestiaire ou Cortège d'Orphée», «La Femme assise», «Alcools» и «L'Enchanteur pourrissant».

▫ Профессор *Гастон Рафаэль* выпустил книгу о «Короле Рурской области Гуго Стинессе» (Париж).

▫ В издательстве Бернара Грассе (Bernard Grasset) в Париже вышла книга Leonce Juge «Vers l'Independance politique». Автор ее провел 15 лет в России. В своей книге он выступает с критикой последствий Версальского мира, изоляции Франции и т. д. В своей книге он настаивает на необходимости англо-французского сотрудничества и вовлечения в него и России.

▫ Французский историк *Жан Ленотр* недавно опубликовал 5-й сборник своих очерков парижской старины: «Vielles maisons et vieux papiers».

▫ Премию Гонкуров в 1923 году получил *Л. Фабр* за роман «Rubeval». Фабр является автором двух книг лирических стихов и работы об Эйнштейновой теории, высоко ценимой самим Эйнштейном. Биография этого писателя крайне интересна: родом крестьянин, он прошел жесткую выучку, был чернорабочим, затем машинистом. В заводской работе выдвинулся, добился образования и после войны, в качестве инженера, стал во главе промышленного предприятия. В премированном романе он рисует тип новейшего буржуа, нажившегося на войне.

▫ В издательстве Delamain Boutelleau et Co издан объемистый том материалов о Достоевском, включающий почти все опубликованное после 1917 года,—в том числе: отрывок из «Записок мертвого дома», недопущенную цензурой статью Достоевского о Петрашевцах, «Исповедь Ставрогина», четыре вновь найденных фельетона и 35 до сих пор неизвестных писем Достоевского. Сборник приготовлен к печати, собран и переведен В. Л. Биншtоком.

▫ В издательстве «Книготорговли Сток» вышла недавно книга *Льва Львовича Толстого* «Правда о моем отце», представляющая собой страстную апологию С. А. Толстой от возводимых, неоднократно в последнее время на нее, тяжелых обвинений. Критика отмечает противоположность утверждений Л. Л. Толстого тому, что известно французскому читателю из книги его брата Ильи Л. Толстого, опубликованной в Париже в издательстве Колман-Леви, накануне войны («Толстой; воспоминания одного из его сыновей»).

▫ Издательство Боссар выпустило том детских рассказов *А. И. Куприна* в переводе на французский язык (перевод Г. Монго, прим. того же автора).

АНГЛИЯ И АМЕРИКА.

▫ В середине декабря в Нью-йоркском национальном клубе искусств (National Arts Club) состоялась XVIII ежегодная выставка книг. Еженедельно на этой выставке устраивается так наз. авторский вечер, на котором выступают виднейшие писатели Америки.

▫ В конце 1923 года начал выходить новый журнал, в котором печатаются многие молодые американские писатели. В первом номере журнала участвовали: *П. Аугсбург*, *Т. Г. Робертс*, *В. Д. Вард*, *М. Робертсон*, *Ф. Джемс* и *Г. С. Драго*.

▫ Многие американские книгоиздательства перешли, при издании монографий и книг по искусству, на индокитайскую бумагу. Ранее они пользовались японской. Переход вынужден состоянием японской бумажной промышленности после катастрофы. Американский книжный журнал отмечает значительное повышение качества индокитайской бумаги.

▫ Нобелевскую премию за 1923 год по литературе получил ирландский поэт W. B. Jeats.

▫ Декабрьские американские журналы сообщают о том, что Американской Археологической школой в Афинах (Греция) предпринимается постройка специального здания для принадлежащей ей библиотеки по Греции. Библиотека эта считается одной из лучших, содержит около 25 тысяч томов и 20 тысяч номеров рукописей, материалов, фотографий и проч. Она была подарена школе бывшим греческим послом в Лондоне *Геннадиусом*.

▫ Нашумевшая в последнее время в кругах историков искусств книга американского исследователя *Ван-Дейка* (John C. Van-Dyke) о Рембрандте, представляет собой капитальное исследование о подлинности большинства приписываемых Рембрандту полотен. Точное заглавие его работы следующее: «Rembrand and his School; a critical study of the master and his pupils, with a new assignment of their pictures». Книга вышла в издательстве Скрибнера (Scribner в Нью-Йорке).

▫ Исключительный интерес представляет собой книга профессора Иллинойского ун-та Roy Moodie «Праисторическая патология» («Prehistoric Phatology»), трактующая вопрос о болезнях первобытных эпох. Исследователь доказывает, путем изучения остатков доисторического животного мира, наличие болезней еще в эпоху, отдаленную от нас 25-ю миллионами лет. Рецензенты отмечают редкую убедительность книги, направленной против представлений о гармонии «золотого века» праисторического человека.

▫ *Г. Фолей* (H. Foley) выпустил сборник, излагающий взгляды бывшего президента Вильсона на Лигу Наций и его борьбу за нее. В книгу входят речи, письма и доклады Вильсона, его переписка с W. H. Taft, с E. Root и другие материалы. Сборник вышел в издательстве «Princetan University Press» под заглавием «Woodrow Wilson's case for the League of Nations».

▫ Вышел второй том работы *Винстона Черчилля* по истории Мировой войны. (Издательство Скрибнера «The world crisis 1915» W. L. S. Churchill).

▫ На английском языке вышла книга бывшего министра иностранных дел в Польше Alexandr'a Skrzynsk'oro, посвященная внутренней и внешней политике Польши. Книга вышла в издательстве Аллейн и Унвин—Allen and Unwin и называется «Poland and Peace».

▫ Целый ряд английских и американских журналов отмечает любопытную книгу профессора *Эрля*, посвященную изложению взаимоотношений Турции и Великих держав в связи с историей постройки Багдадской жел. дороги. Книга вышла в издательстве Макмиллана под заглавеим «Turkey the great Powers and the Bagdad Railway» I. M. Earle.

▫ Кэмбриджское университетское издательство подготовило к печати 3-й и последний том отчета этнологической экспедиции Макки в Центральную Африку. Отчет составлен *Канон Джон Роско* и носит название «Багесу и другие племена в протекторате Уганда» (Canon John Roscoe «The bagesu and other Tribes of the Uganda Protectorate». Изд. Cambridge University Press).

▫ Вышла новая работа о греческой кровной мести. Книга эта принадлежит перу *Губерта И. Трестона*, и вышла в изд-ве Longman под заглавием «Poine; a study in ancient greek blood-vengeance».

▫ В издании Мильфорда вышла в переводе на английский язык, недавно найденная при разысканиях, производившихся под наблюдением Maharajah of Travancore, санскритская драма. Книга называется: «Vāsavadattā; being a translation of an anonymous Sanskrit drama Svapnavāsavadattā attributed to Bhāsa». Перевод S. Sukthankar.

▫ В лондонском изд-ве Мильфорда в начале 1924 года вышла в серии «Наследие Индии» («Heritage of India») новая работа проф. *А. Б. Кейта* о классической санскритской литературе, относящейся к эпохе второго тысячелетия до Р. Х. (Prof A. Berriedale Keith «Classical Sanscrit Literatur»). Следующий том этой серии будет посвящен санскритской драме.

▫ В английских университетских кругах большое научное внимание уделяется так наз. «диффусионистской теории» культуры. Основоположниками теории являются профессора Elliot Smith и

Petry. В I томе «Cambridge Ancient History» серьезно обсуждается вопрос, лежащий в основе названной теории, о взаимоотношениях друидической и арийской культур в Индии. Специальное издание «Cambridge History of India» обходит вопрос молчанием. Недавно вышла книга Джильберта Слетера «Друидический элемент в индийской культуре», являющаяся развитием и углублением «диффусионистской теории». Книга вышла в издательстве Э. Бенна (E. Benn, Lon.) и носит заглавие «The Dravidian Element in Indian Culture» by Gilbert Slater.

▫ В издании Макмиллана вышел труд профессора Калифорнийского ун-та *Г. И. Пристлей* (H. I. Priestley), посвященный истории Мексики «The Mexican Nation».

▫ В международном психоаналитическом издательстве вышла книга статей *Эрнеста Джонса*. Среди статей обращает на себя внимание первая, посвященная психоаналитическому разбору Гамлета: «Esseys in Applied Psycho-Analysis» by Ernest Jones. Из-во «International Psycho-Analytical Press».

▫ По теории относительности вышли следующие новые книги: в университетском лондонском изд-ве (University of London Press) работа *И. Нэнна* (P. Nunn) под заглавием «Relativity and gravitation»; затем сборник по теории относительности, переведенный и выпущенный издательством «Methuen», составленный из статей *Эйнштейна*, *Лоренца*, *Минковского*, *Зоммерфельда* и *Вейля* («The Principle of Relativity»).

▫ Премия, ежегодно предоставляемая издательством Alfred A. Knopf в Нью-Йорке одному из студентов Коллумбийского ун-та, за 1923 год получена студентом J. Warner Bellah за том рассказов из жизни студентов. Книга носит название «Sketchbook of a cadet from gascony» и выпущена этим издательством.

▫ Известный писатель *Лауренс* выпустил два тома стихов: «Любовные поэмы»— в первом томе—являются переизданием ранее вышедшей книги. Все новые стихи его вошли во второй том, озаглавленный: «Птицы, звери и цветы». Критика тепло встречает его новые стихи, отмечая, однако, утончение форм за счет внутренней силы и напряжения.

▫ Вышел новый роман Кэмптона Маккензи «The Parsons progress» служащий продолжением его романа «The Altar Steps». Книга вышла в издательстве «Cassel».

▫ В ближайшее время выйдет новый роман *Гарнета*, книга которого «Lady into Fox» пользовалась крупным успехом. Новый роман его называется «A man in the Zoo» и выйдет в изд-ве «Chatto and Windus».

▫ На совместном заседании «Bookman Prizes Committee» с французским обществом в Лондоне «Femina Vie Heureuse», в середине декабря, были отмечены и премированы три следующих выдающихся книги: 1) упомянутый роман *Д. Гарнета:* «Lady into Fox», 2) книга *Перси Люббока* (P. Lubbock «Roman Pictures») и 3) *С. Бенсона* — «The poor man».

▫ Percy Lubbock получил премию за лучшую биографическую работу «Earlham». Премия James Tait-Black «Memorial Prize». Эта же премия за лучший роман получена *Д. Гарнетом* («Lady into Fox»).

▫ *Шервуд Андерсен* (Cherwood Andersen) выпустил книгу рассказов под заглавием «Horses and mantales; long and short, from aur american life». Книга издана Huebsch'ем.

▫ Среди новых романов отмечаем книги: *И. Миддльтон-Мюрри:* «Pencillings», *И. Д. Бересфорда* «The Imperturbable Duchess», *Т. П. О'Коннора* «The hat of Destiny»—все три в издательстве Collins'а в Лондоне. В издательстве Скрибнера в Нью-Йорке вышел роман *В. Бойда*: «Lazy Laughter» by Woodward Boyd.

▫ В Нью-йоркском издательстве Doubleday, Page and Co и в Лондонском— Fisher and Unwin, одновременно, вышел новый роман *Джозефа Конрада* «The Rover», отлично встреченный критикой. Последний роман Конрада вышел в 1920 году и 3-летнее молчание писателя служит поводом для критики отмечать высокую тщательность и художественную законченность его нового произведения. Роман относится ко времени Великой Французской Революции, ме-

стом своего действия имеет Францию в эпоху, предшествующую Наполеону.

▫ Ньюйоркское издательство Horper издало в одном томе ряд ранних рассказов, набросков, шаржей и стихов *О. Генри*, печатавшихся в газете «Post» (Haustan Texas), сборник этот носит название «Postscripts».

▫ Вышел в издательстве Doran в Нью-Йорке новый роман *Арнольда Бенетта:* «Riceyman Steps», рисующий жизнь предместья Лондона. Критика встречает этот роман лучше, нежели все произведения этого писателя, появившиеся за последние годы.

▫ В специальном книжном приложении к лондонскому журналу «The Nation» (Vol. XXXIV, № 10) помещен небольшой обзор *И. Д. Бересфорда* вышедших за последние месяцы романов, из которых он отмечает следующие: *А. Бенетта* «Riceyman Steps», *Ф. Суинертона* «Joung Felix», *С. Грехема* (S. Graham) «Under-London», *Р. Макола́й* (в издательстве Коллинса) «Told by an Idiot», *Д. Лауренса* «Kangaroo», *М. Беринга* «A Triangle» и *Ш. Кейе-Смит* (Sh. Kaye-Smith) «The End of the House of Alard».

▫ В издательстве Grant Richards вышла книжка стихов *Е. Фильпотс* (Eden Phillpotts «Cherry Stones»).

▫ В издательстве Cecil Palmer вышла поэма *Е. А. Робинсона* (E. A. Robinson), под названием «Roman Bartholow».

▫ Английский поэт Walter de la Marre издал антологию стихов для детей. Выбор, по отзывам критики, очень удачен и охватывает английскую поэзию всесторонне. Книжка называется: «Come Hither» и издана в Лондоне издательством «Constable».

▫ *Киплинг* выпустил новую книгу рассказов для детей: «Land and Sea Tales for Scouts and Guides» (Морские и сухопутные рассказы для скаутов и гидов). Книга вышла в Лондоне в изд. Macmillan. В Америке эта же книга вышла в издательстве Doubleday a Co с несколько измененным заголовком: «Land and Sea Tales for Bois and Girls».

▫ Среди большого количества детских книг, появившихся в конце 1923 года, отмечают фантастическую пьесу W. de la Marre «Crossings», с иллюстрациями и музыкой. Книга эта вышла в изд. A. A. Knopf'a; затем книгу сказок, взятых большею частью из французских народных сказаний, хорошо обработанных A. Quiller Couch и иллюстрированных (вышла в издании G. H. Doran). Книга называется «The twelve dancing princesses». В том же издательстве отмечают и детскую книгу P. Colum'a «The six who were left in a shoe».

▫ В течение 4-х последних лет в Америке сильно возрос интерес к детской литературе. Библиотеки организуют конкурсы, журналы посвятили и посвящают вопросам детской литературы ряд статей, наконец—ежегодно организуется неделя детской книги. В прошлом году неделя детской книги состоялась в конце ноября и прошла очень оживленно.

▫ Издательство Doubleday Page and Co приступило к изданию собрания сочинений *Джозефа Конрада*. Вышел первый том—его роман «Victory».

▫ Издательство Heinemann'a выпускает полное собрание сочинений *Голсворти* в 20-ти томах. Автор предпосылает каждому тому специальное предисловие. Из печати уже вышло 4 тома. Первые три—«The forsyte Saga» и четвертый: «Villa Rubein and other Stories».

▫ Оксфордское издательство выпускает под редакцией C. H. Herford и P. Simpson'a полное собрание сочинений *Бен Джонсона*. Печатаются первые два тома, содержащие биографию.

▫ В Лондоне в издательстве Williams and Norgate вышел том, частью неизданных писем Фицгеральда к поэту Бернару Бертону «Some New letters of Edward Fitzgerald». Издание редактируется Ф. Р. Бертоном.

▫ В январском номере «English Review» опубликована интересная статья об Анатоле Франсе, как критике. В ноябрьском номере «Century Magazine» в английском переводе начала печататься биографическая статья *Ромен Роллана* о вожде индийского национального движения Махатме Ганди.

▫ В издательстве «Methuen» на английском языке вышла история французской литературы в двух томах. Ав-

тор истории—исследовательница *К. Т. Бутлер*. Первый том охватывает французскую литературу до 1789 года, второй—от Великой Французской Революции до мировой войны (Kathleen T. Butler «A history of french literature». Vol. I—II).

▫ В конце января вышла новая книга *Уэллса* под названием «История великого учителя» («The story of a great Schoolmaster» — Sanderson of Oundle). Книга вышла в издательстве Chatto and Windus.

▫ Биография известной писательницы *Ворд* (Ward) написана ее дочерью Janet Penrose и издана под заглавием «The life of mrs. Humphry Ward» издательством Dodd, Mead and Co.

▫ В Бостоне в издательстве Haughton Mifflin вышла автобиография недавно скончавшейся популярной писательницы *Кэт Дуглас Виггин*. Журналы посвящают ей большие статьи. Книжка вышла под заглавием: «My garden of Memory.—Kate Doglas Wiggin».

▫ Вышли две новые книги о Шекспире: второй том работы *И. М. Робертсона* о Шекспире в издательстве Routledge под заглавием «The Shakespeare Canon» и книга проф. *Адамса* (Joseph Quincy Adams) «Жизнь Шекспира» (издательство Constable — «The Life of William Shakespeare»).

▫ Одной из первых книг издательства Murry выйдет в начале 1924 года «Переписка семьи Теккерей». Любопытной деталью издания является воспроизведение тех рисунков, которыми они обменивались в письмах. (Letters of Ann Thackeray Ritchie with forty one additional letters from her Father William Makepeace Thackeray.)

▫ В издательстве Dent вышел в переводе на английский язык роман аргентинского писателя *Калвеца*, получивший в 1920 году премию в Буэнос-Айресе («Nacha Kegules», перевод L. Ongley).

▫ В переводе на английский язык в издательстве Huebsch'а в Нью-Йорке вышла книга *Гергардта Гауптмана* «Еретик из Соаны». Переводчик — B. Quincy Morgan.

▫ В издательстве Macmillan в переводе на аглийский язык вышел роман *Гр. Деледда* «The mother».

▫ Нашумевший роман *Поля Моран* («Ouvert la nuit») вышел в переводе на английский язык в издательстве Seltzer.

▫ В издательстве H. Holt and Co вышел английский перевод *Ростановского* «Cyrano de Bergerac'a», выполненный Brian Hooker.

▫ Роман известного испанского писателя Pio Baroja «Weeds» вышел в переводе на английский язык в издательстве A. A. Knopf'a в Нью-Йорке.

▫ В издательстве A. Knopf'a вышел перевод воспоминаний *Римского-Корсакова* «My musical life». Перевод сделан J. A. Joffe со второго русского издания.

▫ Вышел последний том трилогии *Росса*, посвященный русской революции (E. A. Ross «The Russian soviet Republic», изд. Century); первые томы назывались: «Russia in upheaval» и «The Russian Bolshevik Revolution».

▫ В издательстве Macmillan вышли записки *Вырубовой* в переводе на английский язык. Фальсификация английского общественного мнения о событиях в России и о России вообще продолжается: так, в Нью-Йорке вышла книжка *Эммы Гольдмен* «My disillusionment in Russia» в издательстве Doubleday. В этой книге Гольдмен рассказывает о своих разочарованиях, после двухлетнего пребывания в России, в русской революции.

▫ В переводе Констанции Гарнет вышел сборник пьес *А. Чехова* («Три сестры», «Иванов» и др.) «The three sisters and other plays». Книга вышла в из-ве Chatto and Windus.

▫ В издательстве Cobden-Sanderson вышла книга об Антоне Чехове *Вильяма Герарди*. Книга отмечена и обсуждается всеми английскими журналами (за декабрь 1923 года).

▫ В английском переводе вышли три пьесы *А. В. Луначарского* «Фауст и город», «Василиса Премудрая» и «Маг». Сборник снабжен предисловием; перевод выполнен I. Magnus и K. Walter и издан Rautledge в Лондоне.

▫ В издательстве Arnold'a вышла любопытная книга H. A. Jones, под заглавием: «Через Балканы в Южную Россию; история Эскадрильи № 47 англий-

ского воздушного флота». Книжка посвящена изложению истории небольшого воздушного отряда, организовавшегося весной 1916 года и осенью того же года попавшего на Салоникский фронт. Там он специализировался на бомбометании. В 1919 году эскадрилья была присоединена (attached) к армии Деникина— «великолепно работала с июня по октябрь 1919 года», когда она была отозвана и покинула юг России.

▫ Переведен на английский язык роман *Краснова* в 4-х томах «От двуглавого орла к Красному знамени, 1894—1921». Изд. Brentano.

▫ *А. Ярмолинский* и *В. Дутч* издали антологию русских поэтов, в которой представлены поэты, начиная с Пушкина и Тютчева и кончая имажинистами. Книга вышла в издательстве Lane и называется «Modern Russian Poetry», an Anthology chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Jarmolinsky.

▫ Вышла в переводе А. Рансома в Лондоне в издательстве Allen and Unwin и в Нью-Йорке в издательстве Huebsch'a «Неделя» *Юрия Лебединского*. Английская критика встретила книгу единодушными похвалами, отмечая несомненную талантливость автора и несомненный интерес книги, непосредственно и цельно отражающей революцию.

▫ В издательстве А. А. Knopf'a вышел том рассказов *Бунина*. Перевод носит название — «The dreams of Chang».

СПИСОК КНИГ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Издательство «Красная Новь». Москва.

1. **Густав Экштейн.** Капитализм и социализм.
2. **Клара Цеткин.** Роза Люксембург и русская революция.
3. **Н. Шубин-Самарин.** Париж. Варшава. Вильна.
4. **Л. Троцкий.** Вопросы быта. Эпоха культурничества и ее задачи.
5. **А. Луначарский.** Наука, искусство, религия. Сборник статей.
6. **Е. Херсонская.** Публичные выступления.
7. **И. Устинов.** Новый орфографический справочник.
8. **Е. Павловский.** Банкротство Германии.
9. **А. Родин.** День борцов за науку. Коперник, Бруно, Галилей.
10. **Л. Троцкий.** Задачи коммунистического воспитания.
11. **В. Адоратский.** Научный коммунизм Карла Маркса.
12. **Б. Граве.** Теория классовой борьбы Маркса.
13. **Н. Ленин** и **Г. Плеханов.** Против А. Богданова.
14. **К. Беркова.** Процесс Людовика XVI.
15. **А. Неверов.** Народный театр. (Пьесы).
16. «За что лишили сана бывшего патриарха Тихона». Речь прот. А. И. Введенского.
17. **Серафим Огурцов.** Как бабы самогон одолели.
18. **В. Маяковский.** Вон самогон!
19. **Л. Толстой.** От ней все качества. (Комедия).
20. «Народный Театр». (Комедия).
21. «Второй Всероссийский съезд совпартшкол». Вып. I. Протоколы заседаний.
22. **К. Каутский.** Происхождение христианства.
23. **Л. Каменев.** Налоговая политика в деревне.
24. **И. Сталин.** Организационный отчет Ц. К. Партии.
25. **И. Сталин.** Национальные моменты в партийном и государственном строительстве.
26. **Залкинд.** История русской фабрики.
27. **А. Панкратова.** Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику.
28. **В. Гриневич.** Профессиональное движение рабочих в России. Вып. I.
29. **Е. Хлебцевич.** Изучение читательских интересов.
30. **Роза Люксембург.** Коалиционная политика или классовая борьба.
31. **А. Лозовский.** Они и мы против войны.
32. **Г. Зиновьев.** Политический отчет Ц. К. Партии.
33. **Б. Завадовский.** Внешкольные биологические экскурсии. Изд. 3-ье.
34. **Н. Ленин.** О кооперации.
35. **Сен-Катаяма.** Капиталистическое наступление Японии.
36. **Д. Заславский.** Зубатов и Маня Вильбушевич.
37. Земля. Что мы о ней знаем. С 26 рис. В. Язвицкого.
38. **М. Гремяцкий.** Размножение животных.
39. Красное знамя над Черноморской эскадрой. (Рассказ очевидца).
40. **Сергей Малышев.** К новой жизни.
41. **Я. Яковлев.** Деревня как она есть.
42. Болотная лихорадка (малярия). Как она развивается и как с ней бороться.
43. О.Д.В.Ф. Лет. Сборник стихов под ред. Н. Асеева.
44. **В. Маяковский.** Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника.
45. **В. Маяковский.** Стихи о революции. Изд. 2-ое.
46. Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога— крестьянству не подмога.
47. Обряды.
48. Старая и новая вера. (Страшная быль по рассказу еп. Михаила).
49. **В. Г. Короленко.** Сон Макара.
50. «Страхование крестьянского добра» Советы и указания П. Логинова.
51. **Мария Конопницкая.** Печальница горя народного.
52. Иван Захарович Суриков. Его жизнь и песни. Сост. И. Белоусовым.
53. Саранча. По рассказу Глеба Успенского.
54. **Н. А. Некрасов.** Помещик Оболт-Оболдуев. (Из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»).
55. Змей Горыныч. Рассказ А. Ш.
56. **Н. Асеев.** Буденный.
57. Рассказ о том, как кооперация мужиков из болота вытащила. Сост. П. Логинов.
58. **Н. А. Некрасов.** Савелий, богатырь Святорусский.
59. **Л. Штрандт.** Пернатая красная армия.
60. Жид. По рассказу Г. А. Мачтета.
61. «Хрестоматия по истории классовой борьбы в России .Изд. 2-ое. Сост. М. Коваленский, С. Кривцов, Е. Мороховец, Н. Тарасов.
62. **Ц. Фридлянд** и **А. Слуцкий.** Хрестоматия. по истории революц. движения Зап. Европы (Англия, Франция, Германия) XIX в.
63. Летне-осенняя работа рабочих клубов и клубов Р. К. С. М.
64. **А. Мартынов.** О меньшевизме и большевизме. Изд. 2-ое.

65. **Франц Меринг.** Об историческом материализме.
66. **Г. Наумов.** Введение в изучение экономической науки.
67. **М. Гремяцкий.** Происхождение домашних животных.
68. **К. Радек.** Грядущая германская революция и рабочий класс России.
69. **Л. Толстой.** Поликушка.
70. «Ошибка». По рассказу Г. Успенского.
71. «Сап, как с ним бороться и как от него уберечься». Проф. В. Михайлов.
72. Агроном **Л. Штрандт.** Гуси и утки.
73. **Юз Красный.** Польский фашизм.
74. **А. Ф. Митрофанов.** Об идеологическом фронте в деревне.
75. **К. Беркова.** П. Гольбах.
76. **П. Дыбенко.** Мятежники.
77. **Павел Дорохов.** Житье-бытье.
78. За грамоту. Вечера агитации за ликвидацию неграмотности. Вып. 2-ой.
79. **О. Мирбо.** Дурные пастыри.
80. **Герберт Дж. Уэльс.** Невидимка.
81. **Н. Поляк.** Указатель художественной литературы на социальные темы.
82. Сборник инструкций по учету и распределению партработников.
83. **Ф. Сыромолотов.** Что такое государственный бюджет.
84. **С. Каплун.** Охрана труда в новых условиях.
85. **Л. Крицман.** Два года новой экономической политики пролетариата С. С. С. Р.
86. **А. Бубнов.** Итоги и перспективы компросвещения.
87. **А. Мартынов.** Ликвидация меньшевизма в Грузии.
88. **Г. Лелевич.** Как они «делали» революцию. Февраль в белогвардейском описании.
89. **К. Радек.** Перед новой волной революционных потрясений.
90. **Л. Никулин.** Четырнадцать месяцев в Афганистане.
91. **Клара Цеткин.** Наступление фашизма и задачи пролетариата.
92. **Сергей Б-ой (Н. Алексеев).** На службе у империалистов. (Англо-русский конфликт и белая эмиграция).
93. **Роза Люксембург.** Письма к Карлу и Луизе Каутским. (1896—1918).
94. «Деревенские были». (Лит.-худ. сборник).
95. **В. С. Михайлов,** проф. Моск. ветер. института. Уход за лошадью.
96. **Демьян Бедный.** Про многотрудное житие отца Ипата.
97. **Демьян Бедный.** Паки и паки про поповские враки, про монастырские хоромы и еврейские погромы.
98. «Сказка о том, как мужик двух генералов спас», с кратким жизнеописанием **М. Салтыкова-Щедрина.**
99. Программы для занятий со взрослыми на ликпунктах.
100. **И. Верещагин.** Единый сельско-хозяйственный налог.
101. «Параскева-Пятница» По Глебу Успенскому.
102. **Мария Конопницкая.** Старый переплетчик (Мендель Гданский).
103. «Матвей с голодной горки (попутчик)» Рассказ финского писателя-крестьянина Петра Пайваринта.
104. **Тарас Шевченко.** Батрачка. (Рассказ в стихах.)
105. **И. Воробьев.** Крепостное право и 19-ое февраля.
106. Художественная работа в клубе.
107. **Кетэ Поль.** Германия накануне Октября.
108. «Революционные праздники в библиотеке». Под ред. Н. Крупской.
109. **П. М. Керженцев.** Памятка организатора.
110. Программы для совпартшкол I и II ступ. Вып. II и III.
111. **А. Аросев.** Как это произошло. Октябрьские дни в Москве. Воспоминания.
112. «Тупейный художник». Рассказ на могиле. По Н. С. Лескову.
113. Добывание торфа на топливо. Сост. Ф. Бахтеевым.
114. **А. Шестаков (Т. Никодим.)** Что дала крестьянам Октябрьская революция.
115. «Вольный атаман Стенька Разин—предводитель крестьянского восстания» Рассказано А. Шефер.
116. Врач **Брагин.** Заразные болезни.
117. **Герберт Уэльс.** Первые люди на луне.
118. «Да здравствует труд». Пособие для работ со взрослыми по комплексному методу. Сост. Д. Элькина.
119. **И. Меницкий.** Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне войны.
120. **А. Лозовый.** Сельско-хозяйственная кооперация и значение ее в современных условиях.
121. «На борьбу с самогонкой». Агит-сборник. Под ред. Н. Масленникова и М. Авербух.
122. «Наша смычка». Сборник рассказов. Под ред. Н. Масленникова.
123. «Стройте новую жизнь». Сборник для чтения после букваря. Под ред. А. Курской.
124. **Е. Ярославский.** Библия для верующих и неверующих. Книга бытия. Ч. II и ч. III.
125. **Я. Шафир.** Газета и деревня.
126. **Е. Кантор (Давыдов).** Национальный вопрос на XII съезде Р. К. П.
127. **В. Яцунский.** Примечания к наглядным пособиям по истории нар. хоз. России в XVIII-XX в. в. Вып. I, II и III.
128. **Мартынов.** Распад капиталистической Европы и Коммунистический Интернационал.
129. **А. Лозовский.** Вопросы мирового профдвижения. (Профсоюзы и фабзавкомы).
130. **Р. Левин.** Налоги и крестьянство.
131. **Л. Троцкий.** Литература и революция.
132. **Вс. Иванов.** Партизаны. (Рассказ.)
133. **М. Фрумкина-Эстер.** Долой раввинов.
134. **К. Троицкий.** Церковь и государство в России.
135. **Е. Бранд.** Торжество и падение Пилсудского.
136. **А. Луначарский.** Об интеллигенции. Сб. статей.
137. **А. Луначарский.** Христианство и марксизм.
138. В помощь школе взрослых повышенного типа. Сборник. Вып. II. Под ред. Н. Крупской.
139. **Н. Лукин-Антонов.** Новейшая история Западной Европы. Вып. I.

140. Пролетарские праздники в рабочих клубах. Под ред. Н. Крупской. Изд. II.
141. **В. Виленский (Сибиряков).** Советская Россия у берегов Тихого Океана.
142. **В. Воровский (П. Орловский).** К истории марксизма в России.
143. Парламентские выборы в Англии (Материалы для агитаторов).
144. **Александр Курский.** Десять съездов Советов.
145. «Партия меньшевиков и деникинщина». Процесс киевских меньшевиков (21-22 марта 1920) с пред. Х. Раковского.
146. «О партстроительстве». Резолюция ЦК и ЦКК РКП. (б).
147. «Главполитпросвет Комсомолу». Сборник.
148. **Роза Люксембург.** Кризис социал-демократии. С прилож. статьи Н. Ленина.
149. **Н. Попов.** Мелкобуржуазные антисоветские партии.
150. **М. Рейснер.** Нужна ли вера в бога?
151. **М. Покровский.** Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. Вып. I.
152. **И. Сталин.** Об очередных задачах партии.
153. **Л. Каменев.** Положение в стране и в партии.
154. **М. Павлович.** Империализм. (Курс лекций).
155. **Н. Ленин.** Карл Маркс.
156. **С. Бой.** Польша и мы.
157. **Г. Зиновьев.** Интеллигенция и революция
158. **Е. Кантор (Давыдов).** Советская школа и учитель.
159. **К. Сидоров.** Забастовочные движения в России в диаграммах.
160. **С. Балясный.** Букварь красноармейца. Изд. 2-ое.
161. **П. Керженцев.** Борьба за время.
162. **А. Меньшой.** Мы с вами в Берлине.
163. **А. Ефремин.** Опыт методики политграмоты.
164. **В. Гриневич.** Профдвижение рабочих в России. Изд. III. Вып. I.
165. **Л. Каменев.** Об очередных задачах экономич. политики Р. К. П.
166. **А. Рыков.** Хозяйственное положение С. С. С. Р. и ближайшие эконом. задачи.
167. **Л. Троцкий.** Новый курс.
168. **М. Болдырев.** Новая волость.
169. Общество «Долой неграмотность». Устав.
170. **И. Степанов.** О таинстве святого причащения.
171. **Э. Розенов.** Против попов. Вып. IV. 1) Церковь и еретики. 2) Пробуждение.
172. **Г. Цур Мюллен.** Про храброго воробья и его товарищей. Сказка.
173. Ведьма. Пересказ повести Ожешко.
174. **В. Ильина.** Шоколад. Повесть в стихах для детей.
175. **Виктор Гюго.** Май. 1871 год.
176. **Густав Жеффруа.** Жизнь научила. Ист. драма времен Парижской Коммуны.
177. **А. Безыменский.** Как пахнет жизнь. (Стихи).
178. **Беранже.** Избранные песни. Под ред. Г. Лелевича.
179. Сборник статей по библиотечной работе. Вып. III.
180. Сборник агит-пьес для деревенского театра.
181. «Хлеб на машину». Агит-сборник.
182. **С. Балясный.** Букварь красноармейца. Изд. 2. Под ред. Н. Крупской.
183. Материалы для клубной работы совпартшкол. Вып. VII.

Издательство «Новая Москва». Москва.

1. **А. Чехов.** Неизданная пьеса.
2. **Е. Соловьева и Е. Ционглинская.** Развитие речи. Вып. I, II, III, IV, V.
3. Куда итти учиться. Справочник для поступающих в вузы.
4. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Чему учиться и как учиться.
5. **Е. Соловьев.** Очерки из истории русской литературы XIX века.
6. Историко - революционная хрестоматия. Том. I.
7. **М. Козырев.** Поручик Журавлев.
8. **В. Волькенштейн.** Драматургия. Метод исследования драматических произведений.
9. **А. Петров.** Летняя культурная работа в деревне.
10. **Г. Роланд-Гольст.** Жан-Жак Руссо.
11. **Э. Берроуз.** Тарзан. Часть I.
12. **Р. Киплинг.** Человек-волк.
13. **Н. Миклуха-Маклай.** Путешествия.
14. **В. Воровский.** Литературные очерки.
15. **Г. Кунов.** Происхождение брака и семьи,
16. **А. Серафимович.** Марьяна. (Пьеса.)
17. **А. Якуцевич-Лебединская.** Коля и Колька.
18. **Н. Ашукин.** Александр Блок. Библиография.
19. **М. Свентицкая.** Сказки и рассказы детского сада.
20. **Э. Сетон-Томпсон.** Юные дикари.
21. **Н. Генике и Б. Горев.** Художественно-историч. хрестоматия. Том 1.
22. **Ф. Гибсон и Г. Гюнтер.** Что такое электричество.
23. **Б. Горев.** История социализма. Том. I. Социализм на Западе.
24. **Р. Пикель.** Великий материалист древности (Демокрит).
25. Дневник Анны Григорьевны Достоевской.
26. **А. Чапыгин.** Одинокие. Рассказы.
27. **В. Адоратский и А. Удальцов.** Исторический материализм. Сборник отрывков из произв. К. Маркса и Ф. Энгельса.
28. «Ржаной венок». Сборник памяти Е. Афонина.
29. **Арк., А—н.** История рабочего движения в Англии, Франции, Германии. От начала XIX в. до нашего времени.
30. **В. Моррис.** Вести ниоткуда.
31. **С. Подъячев.** За грибками, за ягодками. (Рассказы).
32. **К. Соколов.** Учет педагогической работы в школе.
33. **К. Бюхер.** Работа и ритм.
34. **Д. Лебедев.** Шесть лет московской печати. 1917—1923.
35. **Гаузенштейн.** Искусство и общество.
36. «Западные сборники». Литература—искусство. Вып. I.
37. **Мария Кузнецова.** Гринька и Гранька.

38. **Д. Туманный.** Московская Америка. Первая книга стихов (1919—1923).
39. «Колониальный восток». Социально-экономические очерки под ред. А. Султан-Заде.
40. **Н. Ленин.** Что такое «Друзья народа» и как они воюют против соц.-дем.
41. **В. Полянский (Лебедев).** На литературном фронте.
42. **Л. Каменев.** Между двумя революциями.
43. **Данилыч (Ф. Иванов).** Из опыта внешкольной работы.
44. 9 января. Сборник с предисл. В. Фриче.
45. **Б. Волин.** Поэзия рабочих профессий.
46. **В. Дубовский.** О пролетарской литературе.
47. **К. Либкнехт.** Наше знамя. Сборник.
48. **М. Свентицкая.** Сказки и рассказы детского дома. Вып. II.
49. **Г. Андерсен.** Сказки.
50. **Г. Крэнс.** Черный хлеб. (Роман).

Издательство «Московский Рабочий». Москва.

1. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Тактика большевизма.
2. **Лацис-Судрабс.** Наша дорога. (Повесть из жизни революционера).
3. **Ю. Ларин.** Вопросы крестьянского хозяйства.
4. **П. Никифоров.** Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке.
5. Братская могила. Биографический словарь умерших и погибших членов Моск. организации Р. К. П. Вып. II.
6. **В. Фридман.** Лекции по естествознанию. Основы естествознания, изложенные по производственному методу.
7. **Л. Крживицкий.** Происхождение идей.
8. **С. Гиринис.** Долой коммунистов.
9. **И. Стуков.** Стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата.
10. **К. Радек.** Перспективы германской революции.
11. **В. Сарабьянов.** Об антирелигиозной пропаганде.
12. **Ф. Гюйо.** Нравственность без обязательства и без санкции.
13. Проф. **Д. Кудрявский.** Как жили люди в старину.
14. **М. Рубинштейн.** Современный капитализм и организация труда.
15. **Д. Рязанов.** Очерки по истории марксизма.
16. **Я. Дорофеев.** Деревня.
17. **В. Сарабьянов.** Госпромышленность на грани.
18. **И. Калинин.** В стране братушек.
19. Какое дело русскому крестьянину до германской революции.
20. **И. Меницкий.** Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914—17 г.г.).
21. **В. Фридман.** Свет и материя. Общедоступный очерк спектрального анализа.
22. **С. Черномордик и С. Полидоров.** Путь к Октябрю. Сборник воспоминаний. Вып. III.
23. **Н. Ленин (В. Ульянов).** О продовольственном налоге. (Значение новой политики и ее условия).
24. **Фабр.** Звездное небо. (Лекции из области науки о небе для старого и малого).
25. **Г. Зиновьев.** Проблемы германской революции.
26. **А. Опарин.** Происхождение жизни.
27. **Н. Осинский.** Северная Америка и Россия. Русский хлебный экспорт.
28. **Демьян Бедный.** Главная улица. Поэма.
29. **И. Исбах и Е. Черномордик.** Лепестки. Литер. сборник.
30. **Т. Глебова.** Красный и белый Джимми Хиггинс. Опыт литературного монтажа по У. Синклер.
31. **П. Яровой.** Муки кузницы. (Драматическая сказка.)
32. **Г. Мюлен.** Рожденный в шахте. (Повесть.)
33. **Г. Мюлен.** Нашим детям. Воробей-путешественник. Розовый куст.
34. **Г. Мюлен.** Нашим детям. Почему. Батрак.
35. Рабоче-крестьянский календарь на 1924 год.

Издательство «Молодая Гвардия». Москва.

1. **В. И. Ленин.** Речи и статьи о молодежи.
2. **Г. Чичерин.** Очерки из истории юношеского Интернационала.
3. **Л. Сейфуллина.** Правонарушители.
4. **В. Зорин.** Как мы ездили в Германию.
5. **Александр Жаров.** Ледоход. (Стихи.)
6. Ленин и комсомольцы.

Высший Военный Редакционный Совет. Москва.

1. **Фон-Шлиффен.** Канны.
2. **С. Михеев.** Военно-исторические примеры из мировой и гражданской войн. Вып. I и II.
3. **И. Вацетис.** О военной доктрине будущего.
4. **Н. Лукин-Антонов.** Из истории революционных армий.
5. **Людендорф.** Мои воспоминания о войне 1914—1918 г.г. Том. I.
6. Рабоче-крестьянская военная школа. Краткая характеристика и необходимые справки для поступающих.
7. **А. Бобинский.** Руководство по полевому телефонному делу.
8. **М. Масленников.** Задачник красноармейца.
9. **М. Краев.** Как воевали прежде.
10. **А. Гусев.** Телеграф и телефон.
11. **Г. Брухмюллер.** Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне.
12. **А. Трунин.** Подвижные игры в Красной армии.
13. **В. Невский.** Нормальный каталог полковой красноармейской библиотеки.
14. **Кюльман.** Курс общей тактики. Часть I.
15. Новые дивизии.
16. **С. Каменев.** Новые приемы боя.
17. Памятка для командного состава в территориальных частях.
18. Памятка красноармейцу.
19. **М. Энвальд.** Ружейно-стрелковое дело.
20. Положение и программы партпросвещения в Красной армии.
21. **И. Сверчков.** Автомат Федорова, с 30 чертежами в тексте.
22. **Ле-Онаф и Бернек.** Французские железные дороги и война.

23. «Иностранные армии» Сборник Воен. Научн. Общ., с предисл. М. Павловича.
24. тоги Ии перспективы школьного строительства в Красной армии.
25. **Дюпон.** Высшее германское командование. С предисл. ген. Жоффра.
26. **Г. Саджент.** Трагедия на Западном фронте. (1914—1918 г. г.).
27. Временный французский устав маневрирования пехоты. Часть II.
28. **М. Масленников.** Метрическая система мер.
29. Сборник статей по парт. и политпросветработе в Кр. армии и флоте в мирное время.
30. Красная конница. Сборник.
31. Сведения по военно-химическому делу
32. Гимнастика. Введение и общие указания. Кн. 1-ая.
33. **А. Неверов.** Я хочу жить.
34. **Лиддер Гарт.** Основы тактики пехоты.
35. **В. Унтилов.** Льготы и преимущества военнослужащих Кр. армии и флота.
36. **А. Самойло.** Памятка для разведчика и дозорного.
37. **Горловский.** Под знаменем рабочего класса и Р. К. П.
38. **М. Краев.** Как воюют теперь.
39. **И. Блюмин.** Что читать по политграмоте.
40. **П. Зигель.** Пособие для разведки в артиллерии.
41. Германское наставление для обучения артиллерии. Боевая подготовка.
42. **Л. Троцкий.** Как вооружалась революция. Том I.
43. «Красная Звезда». Хрестоматия. Составил Д. Кин, под ред. М. Рафеса.
44. **Дж. Т. Уолтон-Ньюбольд.** Как Европа вооружалась к войне (1871—1914).
45. **С. Басов-Верхоянцев.** Расея.

Издательство «Круг». Москва—Ленинград.

1. **Е. Замятин.** Уездное. (Рассказы).
2. **В. Нейштадт.** Чужая лира. Переводы из 11 современных немецких поэтов.
3. **П. Низовой.** Черноземье. (Повесть).
4. **А. Соболь.** Третья книга рассказов 1920—1923 г. г.
5. **М. Шагинян.** Литературный дневник.
6. **Н. Никитин.** Бунт. (Рассказ).
7. **В. Шишков.** Тайга. (Повесть).
8. **О. Мандельштам.** Вторая книга.
9. **В. Шишков.** С котомкой. (Очерк).
10. **В. Тамарин.** Пустыня. (Рассказ).
11. **А. Чапыгин.** Наследыш. (Рассказ).
12. **А. Яковлев.** Порыв. (Рассказ).
13. **П. Низовой.** Смена. (Рассказ).
14. **П. Низовой.** Крыло птицы. (Рассказ).
15. **А. Новиков-Прибой.** Зуб за зуб. (Рассказ).
16. **С. Подъячев.** Болящий. (Рассказ).
17. **К. Тренев.** Вихри. (Рассказ).
18. **С. Подъячев.** Голодающие. (Рассказ).
19. **А. Неверов.** Новый дом. (Рассказ).
20. **Е. Федоров.** Байтас. (Рассказ).
21. **А. Сигорский.** Плюшевая головка. (Рассказ).
22. **А. Чапыгин.** Чемер. (Рассказ).
23. **Б. Пильняк.** Повести о черном хлебе
24. **В. Иванов.** Голубые пески. (Роман)
25. **В. Каверин.** Мастера и подмастерья. (Рассказы).
26. **М. Слонимский.** Шестой стрелковый. (Рассказы).
27. **Н. Асеев.** Буденный.
28. **В. Маяковский.** Солнце. (Поэма).
29. **С. Григорьев.** Черемуха. (Повесть).
30. **А. Новиков - Прибой.** Подводники. (Повесть).
31. **М. Пришвин.** Охота и лов на севере.
32. **С. Семенов.** Голод. Роман-дневник.
33. **В. Иванов.** Седьмой берег. (Рассказы).
34. **В. Иванов.** Белая Арапия. (Рассказ).
35. **В. Ряховский.** По растополью. (Рассказ).

Издательство «Книга». Москва—Ленинград.

1. **А. Богданов.** Наука об общественном сознании.
2. **Л. Вульф.** Экономический империализм в Азии и Африке.
3. **П. Маслов.** Проблема продукции. (Еще о социальной проблеме.)
4. Д-р **Н. Вигдорчик.** Теория и практика социального страхования. Вып. 8. Проблема материнства в капиталистическом обществе.
5. Д-р. **Н. Вигдорчик.** Что должен знать каждый рабочий и служащий, застрахованный в кассе соц. страхования.
6. **Н. Рожков.** Русская история в сравнительно-историческом освещении. (Основы соц. динамики.) Том 8. Демократич. револ. в Зап. Евр.
7. Проф. **Г. Леви.** Основы экономического могущества Соед. Штатов Америки.
8. Проф. **Г. Леви.** Английское народное хозяйство.
9. **Р. Кабо и И. Рубин.** Народное хозяйство в очерках и картинах. Сборн. отрывков и извлечений. Том I.
10. **Макс Адлер.** Марксизм, как пролетарское учение о жизни.
11. **Вильям Кент.** Новейшая система управления промышленным предприятием.
12. **Н. Юрский.** Литература, как фактор общественно-организационной работы.
13. **Н. Юрский.** Методика организационной работы. (Клубная работа).
14. **Роберт В. Сервис.** Аргонавты 98 года.
15. **Анна Мейенберг.** Со ступеньки на ступеньку.
16. **А. Франс.** Съестная лавка королевы Гусиные Лапки.
17. **Н. Суханов.** Очерки по экономии сельского хозяйства.
18. Проф. **А. Бенкен.** Жизнь как источник знания. Экскурсионное руководство.
19. Проф. **П. Люблинский.** Социальная помощь одиноким матерям.
20. **В. Альтер-Фогель.** Новая Европа. Том I.
21. Проф. **С. Лозинский.** История труда. Очерки по экономической истории.
22. **А. Алтаев.** Микель-Анджело.
23. **А. Алтаев.** Бетховен.
24. **Герман Вендель.** Август Бебель.
25. **А. Бонд.** У героев техники.
26. **Н. Каринцев.** Люди сильной воли.
27. **Е. Клетцель.** Из жизни вагона В. С. С. Й.
28. **Э. Пименова.** На волосок от смерти. Из жизни английских углекопов.

29. Проф. **А. Фрейнд.** Техника. Общедоступное изложение основ современной техники.
30. **Лебушер.** Гильдейский социализм.
31. **Л. Войтоловский.** У японцев. Из путевых впечатлений.

Издательство «Наука». Москва.

1. **Екатерина Галати.** Золотой песок. 2-я книга стихов.

Издательство «Русский Книжник». Москва.

1. **С. Беляева-Экземплярская.** О психологии восприятия музыки.
2. Проф. **Ю. Готье.** Развитие техники в первобытные времена.
3. Проф. **Л. Литошенко.** Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства.
4. **В. Бетц.** Проблема корреляции в психологии. О соотношении психич. способностей.
5. **Г. Мюнстерберг.** Основы психо-техники. Часть II. Вып. I. Общественный порядок. Здоровье.
6. **В. Львов-Рогачевский.** Леонид Андреев. Критический очерк с приложением хронологической канвы и библиографического указателя.
7. Проф. **В. Пичета.** История народного хозяйства в России XIX и XX в. в.
8. **В. Экземплярский.** Проблема одаренности.
9. Начало индустриализации и разложение крепостного хозяйства.

Издательство В. В. Думнова (насл. брат. Салаевых). Москва.

1. Проф. **А. Некрасов.** Великий Новгород.
2. **В. Чешихин-Ветринский.** Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. I и II.
3. «Родной язык в школе». Научно-педагогический сборник. Под ред. А. Лебедева. Книга 4-ая.

Издательство Л. Д. Франкеля. Москва.

1. Проф. **Г. Попов и А. Воронец.** Математический словарь.
2. **А. Ирисов.** Звук и музыка.
3. Др. **В. Набоков.** Пособие при практических работах по гигиене.
4. Дневник А. С. Суворина. Под ред. М. Кричевского.
5. Проф. **Е. Энгель.** Очерки материалистической социологии.
6. **Мариэтта Шагинян.** Приключения дамы из общества.
7. **Л. Словцова.** Техника коммунистического питания. Организация столовых, чайных, кафе и проч.
8. **А. Франс.** Книги и люди.
9. **Шарль Нордманн.** Эйнштейн и вселенная. Луч света в царстве тайны.
10. **Льюис Каррол.** Алиса в зазеркальи.

Издательство «Петроград». Москва—Ленинград.

1. **Гр. М. Клейнмихель.** Из потонувшего мира. Мемуары.
2. **Г. Герман.** Снег. (Роман).

Издательство «Сеятель». Москва.

1. **С. Тхоржевский.** Народные волнения при первых Романовых.
2. Проф. **Б. Вейнберг.** Новое в старом. Беседы по физике с малоподготовл. читателем.
3. Проф. **П. Шмидт.** Сила жизни. Биологический очерк.
4. Проф. **М. Пиотровский.** Физика на открытом воздухе.
5. **Н. Кареев.** Две английские революции XVII века.
6. **Антуан Альбала.** Искусство писателя. Начатки литературной грамоты.
7. **Н. Пэрна.** Строители живого тела. Очерки физиологии внутренней секреции.
8. «Обществоведение». Сборник, сост. **Г. Гордон, Ю. Грацианский, А. Деконский, Е. Мороховец, В. Сергеев и Н. Тарасов.**

Издательство «Восток». Берлин.

1. **М. Мейер.** Гибель мира.
2. **М. Мейер.** Мир планет.
3. **А. Царт.** Атомы и молекулы.
4. **В. Бельше.** Переселения животных в доисторические времена.
5. Проф. **Г. Бергер.** Психофизиология в 12 лекциях.
8. Проф. **А. Вегенер.** Происхождение материков и океанов.
7. Проф. **Г. Николаи.** Итоги современного естествознания.
8. Проф. **Л. Грец.** Теория атомов в ее новейшем развитии.
9. Проф. **Г. Ф. Ганфштенгель.** Техническое мышление и творчество.
10. **Т. Вульф.** Теория относительности Эйнштейна.

Издательство «Эпоха». Берлин.

1. **Александр Блок:** Том IV и т. V.

Издательство д-ра Фритца Финкенчера Лейпциг.

1. **И. Наживин.** Распутин. Т. II.

Издательство Р. Л. Прагер. Берлин.

1. Die Bibliographie der sozialen Frage und des Socialismus.

Verlaganstalt proletarischer Freidenker. Дрезден.

1. Pflug und Saat.
2. Proletarische Heimstunden.
3. **F. Daumer.** Geheimnisse des christischen Altertums.
4. **T. Meentzen.** 2000 Jahre Blut und Eisen.
5. **T. Meentzen.** Die Morgenrote des Menschengeschlechts.
6. **E. Lehman.** Die Wertschätzung der Arbeit.
7. **G. Ortmann.** Von Urmenschen zum Riesenbetrieb.
8. **T. Meentzen.** Der Siegesweg des Lebens,

9. **B. Plöhn.** Die Entsetzung und Ersetzung Gottes.
10. **A. Zapp.** Wir brauchen keinen Gott.
11. **R. Sommer.** Die Frau in der Knechtschaft der Kirche.
12. **M. Bakunin.** Gott und der Staat.
13. **T. Meentzen.** Abstammung und Entwicklung des Menschengeschlechts.
14. **R. Plöhn.** Das Märchen von der Seele.
15. Worte am Grabe.
16. **F. Nehnbe.** Das neue Diesseits.
17. **R. Plöhn.** Frei von Gott.
18. **H. Hartung.** Christian Science: der grösste Theil und Glaubensschwindel der Gegenwart.
19. **T. Meentzen.** Von der Fem bis zum Schwargericht.
20. **B. Sommer.** Heidnische Kritiker des Christentums.

American Labor monthly association. New-York.

1. The Labor Monthly. 1923. September, October Decembre.

The Labour publisching Company. London.

1. The Sowiet Constitution.